

894.342-3

Ш 329

К

ЗЕЙН ШАШКИН

Л 2010

26619к

**ПУТЕВОДНАЯ
ЗВЕЗДА**

И 2040/26679 К

ЗЕЙИН ШАШКИН

894.342 - 3

**ПУТЕВОДНАЯ
ЗВЕЗДА**

Ш 329

АНАХИПАТИ

**Романы
и
повесть**

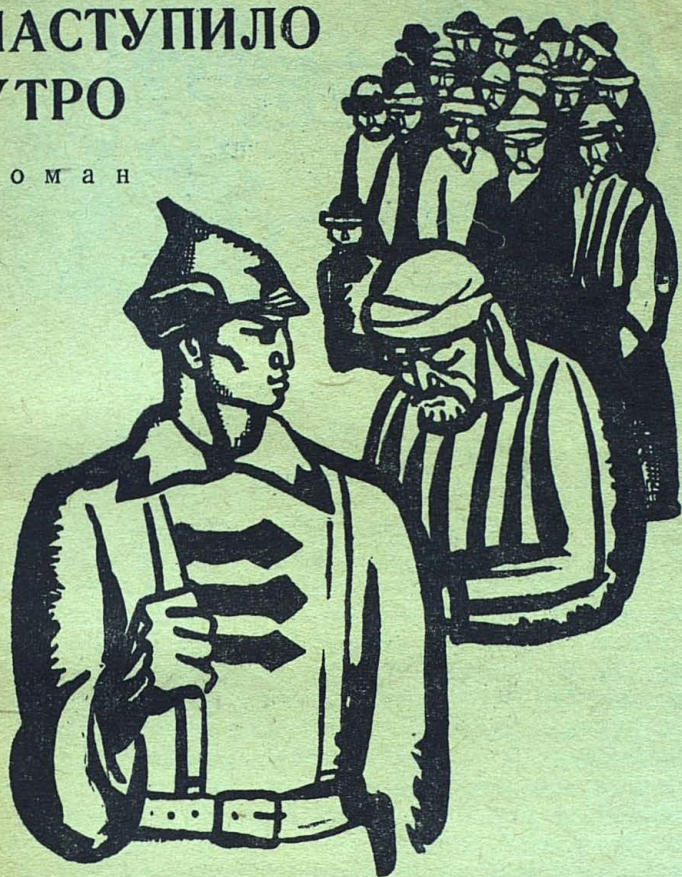
ИЗДАТЕЛЬСТВО

Издательство
„Жазушы“
Алма-Ата — 1966

НАСТУПИЛО УТРО

Р о м а н

5571

В этой книге опубликованы два романа известного казахского писателя З. Шашкина «Наступило утро» и «Темиртау», объединенные судьбой разных поколений казахской семьи Сагатовых.

В романе «Наступило утро» главные герои — люди двадцатых годов; в «Темиртау» — наши современники.

Честность — вот путеводная звезда героев книги. Главное — честно прожить жизнь, быть верным родине и в самых трудных испытаниях не терять мужества, идти к намеченной цели, как бы это ни было тяжело.

Герои романа «Темиртау» — молодые металлурги, люди мечты, люди творческого поиска, создавшие в степи новый город. Их героическая поступь знаменуется новыми свершениями, новыми открытиями, новыми тоннами стали, новыми домнами.

Автора прежде всего интересует внутренний мир человека, его переживания, его интересы, стремления, его любовь.

Повесть «Старше на одно лето» также посвящена молодым сталеварам.

7-3-3

...Горит восток зарею новой...

А. Пушкин.

Глава первая

Поезд дальнего следования прибыл в Ташкент с опозданием на трое суток. Под Оренбургом задержало крушение — вражеская рука развинула рельсы. За Актюбинском бандиты обстреляли состав из пулемета. Единственный классный вагон — штабной — хранил на обшивке свежие следы пулевых ранений. В двадцатом году по железным дорогам ездить было небезопасно.

Дмитрий Фурманов и Саха Сагатов, покинув штабной вагон, первыми сошли на перрон. С трудом пробираясь сквозь густую толпу мешочников, они выбрались на вокзальную площадь. Был ранний час, на прилегающих к вокзалу улицах уже кипела бойкая торговля. Смуглолицые узбеки в разноцветных халатах и пестрых тюбетейках наперебой предлагали ранние абрикосы и изюм. Звонкоголосые мальчишки продавали рассыпные папиросы, по тысяче рублей за штуку. В толпе шныряли беспризорники — грязные, в лохмотьях.

Фурманов и Сагатов трамваем проехали в центр города. Здесь они расстались, условившись встретиться в гостинице в обеденный час. Фурманов отправился в штаб Туркфронта, а Сагатов пошел в ЦК партии.

Когда в душе поет весна и молодость, каждый встречный мил и приятен. Вот прошел таджик, голый до

пояса, с широкой волосатой грудью. На голове у него пустой поднос. Таджик широко улыбнулся, и Саха ответил ему тоже улыбкой. Молодой узбек проехал верхом на ишаке, весело болтая длинными босыми ногами. На шее всадника висела сумка, из нее торчал сверток бумаги, — видимо, почтальон. Мелко семеня ногами, проплыла навстречу неуклюжая фигура узбечки под паранджой. Сагатов остановился, пропустил ее и посмотрел с сожалением вслед.

«Скоро это кончится», — уверенно подумал он.

Пронзительный свист заставил его оглянуться. На глинобитной плоской крыше стоял мальчуган и гонял голубей.

Сагатов залюбовался полетом птиц, резавших белоснежными крыльями прозрачную синеву неба.

Кажется, еще никогда не было у Сахи такого хорошего настроения, как в этот утренний час, когда он шел по улицам Ташкента. Все ему улыбалось, все его радовало. Скоро кончится война на советской земле и начнется мирная жизнь для народа. Счастье уже на ладони.

Он вошел в каменное здание, где помещался Центральный комитет Коммунистической партии Туркестана. Из приемной секретаря его направили в девятнадцатую комнату к Режеву.

Сагатов разыскал нужную комнату. Из-за стола поднялся низкорослый человек и вопросительно прищурил серые глаза.

— Я секретарь Семиреченского обкома., Саха Сагатов.

— Очень приятно! — Режев протянул маленькую руку. — Присаживайтесь! Когда приехали? Где остановились?

— Приехал полтора часа назад. Остановиться думаю в гостинице вместе с Фурмановым...

— Дмитрия Андреевича знаю! — сказал Режев.

Несколько минут продолжался пустой разговор, продиктованный чувством уважения к приезжему, занимавшему ответственному посту.

Наконец Режев решил, что пора перейти к делу. Лицо его стало сразу озабоченным, а глаза строгими. Он извлек из бокового ящика стола желтую папку и заговорил сухим басом:

— Я — партследователь. Мне поручено уточнить некоторые неясные моменты вашей биографии. Попрошу вас ответить на некоторые вопросы.

Режев раскрыл папку, и Сагатов, скосив глаза, увидел анкету, заполненную им при вступлении в партию.

— Отца вашего зовут Жунусом. Насколько мне известно, у казахов фамилия всегда производится от имени отца... Неясно, почему вы Саха Сагатов, а не Саха Жунусов?

Сагатов насторожился.

— У казахов фамилию дают не только по имени отца, но и деда.

— Первый раз слышу! — Режев покусал тонкие губы. — Это правда, что ваш отец был участником восстания шестнадцатого года?

— Да. Он был командиром отряда. Я ведь указывал это в анкете.

— А где Жунус сейчас?

Теперь Сагатов догадался о цели вызова. Сердце его сжалось.

— Не имею понятия! — неуверенно ответил он и смутился от мысли, что ему могут не поверить.

— Вы с ним поддерживаете связь?

— Странный вопрос! Если я не знаю, где он, какая может быть связь?

— А если бы знали?

Вопрос поставлен в упор. Что бы он сделал тогда? Волна крови ударила в голову и тут же отхлынула. Саха сжал пальцы.

— Что бы я сделал? Рассказал бы вам все, ничего не скрыл!

— Жунус бросил семью?

Сагатов промолчал.

— Он бросил семью? — настойчиво повторил Режев, не спуская глаз со своего собеседника.

— Бросил.

— А что бы вы сделали, если вдруг узнали, что ваш отец ушел к басмачам?

Саха ждал самых коварных вопросов, но только не такого. Он втянул голову в плечи и опустил глаза. Режев откинулся на спинку кресла и не сводил с него взгляда. Продолговатое лицо Сагатова побледнело. Гу-

стые сросшиеся брови на нем стали словно еще чернее, а широкий лоб вдруг прорезался тремя глубокими складками.

Саха через минуту поднял голову и, посмотрев в упор на Режева, глухо ответил:

— Отрекся бы.

Режев молча кивнул головой и стал задавать вопросы. Секретарю обкома они показались не только нелепыми, но и оскорбительными. Следовательно настойчиво допытывался, не состоял ли Сагатов в партии «алаш»? Нет ли у него родственников, служивших в белой армии? С кем из алаш-ордынцев был связан его отец Жунус? Режев переспрашивал трудные казахские имена и записывал их на листке бумаги. После продолжительной и довольно нудной беседы, когда все вопросы были исчерпаны, он снова вернулся к Жунусу:

— Чем вы можете доказать, что порвали связь с отцом?

— Только честным словом коммуниста. Других доказательств у меня нет и быть не может.— Саха даже пожал плечами, выразив недоумение.

Лицо Режева сделалось суровым, и он сказал ледяным голосом:

— Вам придется дать письменное объяснение об отце и своих взаимоотношениях с ним!

Партследователь встал, дав понять, что разговор окончен. Саха покинул кабинет, чувствуя себя оскорбленным. Когда он вышел на улицу, город, залитый солнцем, уже не показался ему радостным и счастливым. Расстроенный, он бродил по ташкентским улицам, вспоминая беседу с партследователем, его вопросы и свои ответы. Прожитая Сагатовым жизнь была очень коротка, но за свои двадцать четыре года он пережил очень много. Во всяком случае, он не заслужил, чтобы к нему относились с недоверием. Вся жизнь его как на ладони. Он не совершил ни одного поступка, порочащего честь коммуниста. Верненская организация знает его лучше, чем партследователь Режев.

Просидев в тенистом сквере часа два, Сагатов направился в гостиницу. В вестибюле он спросил у дежурной:

— В каком номере остановился Фурманов?

— В третьем,

Дмитрий Андреевич писал, сидя за столом. Увидев мрачное лицо вошедшего друга, он закрыл тетрадь.

— Почему такой кислый?

Саха попробовал улыбнуться, но улыбка получилась кривая. Фурманов внимательно взглянул в глаза и сказал:

— Пойдем пообедаем!

По дороге в столовую Сагатов рассказал о допросе, который ему учинил Режев.

— Кому-то ты, видимо, наступил на мозоль,— заметил Фурманов.— Вот и нажил себе врага.

— Не имею понятия кому именно...

— Я думаю, корни всей этой чепухи надо искать в Семиречье. Помнишь, на пленуме обкома записку прислали в президиум: «Пусть Сагатов расскажет о своем отце».

— Помню.

— Кто здесь работает из семиреченцев?

— Кажется, Кожачков.

В столовой за обедом, когда они разговаривали о Режеве, Сагатов сказал с горечью:

— Но так работать невозможно! Поговори с Фрунзе, пусть он поможет мне ехать с тобой на Западный фронт.

Фурманов отрицательно замотал головой.

— Не говори глупостей. Таких коммунистов-казахов, как ты, по пальцам можно пересчитать. ЦК не отпустит. Пустой разговор. А к Михаилу Васильевичу зайти надо... Я его попрошу узнать, откуда сыр-бор разгорелся...

Закончив обед, они направились в штаб Туркфронта.

В центре города, на площади у подъезда двухэтажного здания, стоял часовой. Получив пропуск в комендатуре, они поднялись во второй этаж в приемную командарма.

Увидев Фурманова, адъютант Фрунзе радостно пожал ему руку.

— Как там? — спросил Дмитрий Андреевич, кивком головы указав на дверь кабинета.

— Разговаривает! — уклончиво ответил адъютант.— Подождите.

В это время дверь открылась. Из кабинета Фрунзе вышел горбоносый бородач в широком пестром халате

с непомерно длинными руками и в тюбетейке с черными полосками, какие носят бухарцы.

— Я сейчас доложу о вас! — сказал адъютант и скрылся за дверью.

Он вернулся очень быстро.

— Заходите!

Сагатов впервые видел прославленного командарма. Возле стола, заваленного картами, стоял невысокий плотный, широкий в плечах военный в простой солдатской гимнастерке, туго подпоясанный офицерским ремнем. Густая русая борода и пышные усы придавали Фрунзе не по возрасту солидный вид.

— Сагатов! — познакомил Фурманов. — Секретарь Семиреченского обкома партии.

Фрунзе поднял на Саху серые внимательные глаза и крепко пожал руку.

— Присаживайтесь. И рассказывайте, как у вас там, в Верном? Покончили с мятежом?

— Окончательно! — ответил Фурманов и кивнул на Сагатова. — Справились с помощью местных товарищей.

Зная, как дорога каждая минута командарма, Дмитрий Андреевич сразу приступил к делу.

— Михаил Васильевич, — сказал он, — вы, уроженец Семиречья, знаете, какие отношения существуют между казачеством и киргизами. Контрреволюционеры стремятся разжечь национальную рознь. Товарищ Сагатов им встал на пути. Сейчас они хотят убрать его с дороги. Человека хотят скомпрометировать... Вот вызвали в Цека... Расскажи, Саха, сам.

Сагатов взглянул на Фрунзе. Командарм кивнул головой. И Саха рассказал о своей беседе с Режевым. Когда он закончил, Фурманов воскликнул:

— Семиреченская организация знает Саху как преданного коммуниста. А за Жунуса он не отвечает!

— Н-да! — протянул Фрунзе и задумчиво побарабанил по столу пальцами. — Письменное объяснение вы Режеву передайте, а я поговорю с секретарем ЦК по вашему делу. Во всяком случае, в обиду вас не дадим.

— Он уже собрался со мной на Западный фронт! — сказал Фурманов.

— Но-но... Работа в Семиречье не менее важна... У вас сейчас сложная обстановка. Возвращаются бежен-

цы из Синьцзяна, хлопот с ними много, земельный вопрос надо решать... А если решить его неправильно, запылает все Семиречье... Не так ли, товарищ Сагатов?

— Запылает! — согласился Саха. — Враги наши уже использовали возвращение беженцев. Слух пустили: «...всех русских выселят из Семиречья, а землю отдают казахам». А тут еще баи натравливают казахов на русских.

— Понятно! — сказал Фрунзе. — Все понятно! Хотят столкнуть лбами, чтобы в крови советскую власть утопить. Только не удастся это дело. Верно, товарищ Сагатов? — Командарм испытующе смотрел на Саху.

— Не удастся! — твердо ответил Сагатов.

— Нельзя забывать, — сказал командарм, — что отряды Дутова, Анненкова и Бакича еще существуют и стоят на китайской границе.

Фрунзе задумчиво походил по кабинету из угла в угол и продолжал:

— Вчера я получил донесение — англичане из Кашгарии направили крупного разведчика в Бухару. Берут дальний прицел. Видимо, он едет координировать действия разрозненных басмачей с войсками эмира.

Фрунзе посмотрел на карту, испещренную стрелками и кружочками, словно желая прочесть ответ на свои мысли. Фурманов и Сагатов молча ждали, что еще скажет командарм.

— В Бухаре назревают крупные события. Бухарские коммунисты готовят восстание. Эмиру приходит конец. Перед вами у меня был товарищ из Бухары... Интересный человек. Его прислали бухарские коммунисты. Простят оказать помощь...

Фрунзе мельком взглянул на часы. Фурманов и Сагатов поднялись.

Пожимая на прощание руку Сахи, командарм сказал:

— Работайте спокойно, мы вас здесь в обиду не дадим. И не забывайте главного — ни в коем случае нельзя допустить, чтобы враги столкнули русских с киргизами. От этого зависит судьба советской власти в Семиречье... Ну, счастливого пути!

Фурманов и Сагатов вышли из кабинета.

— Теперь все будет хорошо! — успокоил Фурманов своего друга. — Михаила Васильевича я знаю. Если он пообещал, все сделает...

На следующий день Сагатов провожал Фурманова в Москву.

Дмитрий Андреевич стоял в тамбуре вагона и махал фуражкой. Когда поезд тронулся, он, чуть подавшись вперед, крикнул: «Будь...» Сагатов не расслышал последнее слово. Будь кем? Чем?...

Вот проплыл перед глазами последний вагон, и Саха вместе с толпой провожающих покинул перрон. На душе у него было тоскливо — он расстался с верным и любимым другом...

Всю дорогу от вокзала и до ТуркЦИКа Саха шел, вспоминая свои встречи с Фурмановым, тяжелые дни мятежа в Верном, незабываемые часы, проведенные в тюремной камере, когда смерть была совсем рядом.

Заместитель председателя ТуркЦИКа Рахимов принял Сагатова холодно, был не в духе, куда-то спешил. Об участниках восстания тысяча девятьсот шестнадцатого года, находившихся в Синьцзяне, сказал коротко:

— Ну и хорошо, что они задерживаются там. А если бы хлынула разом вся сорокатысячная орда? Что бы вы стали делать? Вы не можете устроить какую-нибудь тысячу прибывших первой партией? Учтите, поступает много жалоб, люди скитаются без крова, умирают от голода. Придется за это ответить!

Сагатов пытался возразить, но Рахимов не захотел слушать.

— Сейчас мне некогда. К вам выезжает специальная комиссия по устройству беженцев. Она разберется во всем.

Саха вышел из кабинета Рахимова возмущенный. Он не ждал такого приема от руководителя республики. В приемной Сагатов столкнулся с широкоплечим жгучим брюнетом в ослепительно белом костюме. Брюнет кивнул ему и прошел в кабинет Рахимова без доклада.

— Кто это? — спросил Саха у секретаря.

— Кожаков.

— Земляк! А я и не узнал даже! — Мелькнула мысль рассказать Кожакову о разговоре с Рахимовым, но он отогнал ее сразу. Не стоит... Какой толк?

Не успел Сагатов спуститься с лестницы, как его догнали Рахимов и Кожаков. Втроем они вышли на

улицу. Рахимов сел в коляску и укатил. Қожаков дружелюбно поздоровался с Сагатовым, как со старым знакомым, и тут же пригласил на обед.

— Земляки же мы... Так давно не виделись...

Сагатов охотно принял приглашение. Они прошли пешком до квартиры Қожакова — он жил в центре города:

Хозяин угостил семиреченского гостя узбекским пловом и отличным виноградным вином. «Неплохо живет», — отметил Сагатов, разглядывая стены, затянутые текинскими коврами и шелковыми сюзаннэ.

За обедом Қожаков много ел и много пил, весело шутил, рассказывая смешные истории из ташкентской жизни. Саха почувствовал, что хозяин избегает вести деловой разговор при жене. После обеда он увел гостя в кабинет.

— Садись, брат, поговорим по душам.— Қожаков усадил Саху на тахту, покрытую текинским ковром, сам сел рядом.— Ну, рассказывай, как там жизнь идет в родном Джетысу?

Қожаков курил, пуская голубоватый дым колечками. Он спиралью тянулся к раскрытому окну.

— Ничего. Как говорят русские — живем да хлеб жуем.

— А может быть, не хлеб, а камчу? ¹

— Камчу?! Это от кого?

— От русских казаков. Что, тебе неизвестно?

— Что-то не слышал...

— Выходит, мы здесь лучше вас знаем, что творится в Джетысу. Может быть, тебе неизвестно, как живут беженцы, вернувшиеся из Синьцзяна? Могу сообщить — ЦИК располагает большим материалом... Казахам, прибывшим на родину, негде жить. Землю их забрало казачество.— Қожаков сделал небольшую паузу и положил руку гостю на колено.— Выселять надо казаков из станицы, а их дома передавать этим бейшара ². Иначе плохо будет...

— А разве другого пути нет?

— Нет.

---

¹ Камча — плетка. Здесь игра слов: «жевать» в казахском языке употребляется и в смысле «получать удары».

² Бейшара — несчастный.

— Ну, что же, тогда, видимо, придется меня снять, а послать туда вот хотя бы вас. Вы сумеете устроить бейшару...

Кожяков деланно засмеялся.

— Не надо кипятиться. Какой горячий! Никто не думает отбирать твой пост. Но казах нигде не должен забывать, что он казах...

Разговор не клеился. Сагатов стал собираться домой. Хозяин не удерживал. Они расстались взаимно недовольные друг другом...

Саха шагал в гостиницу и раздумывал: почему Кожяков пригласил его к себе?

В эту ночь он долго не сомкнул глаз, стараясь найти ответ на мучивший его вопрос. Но так и не нашел.

Саха приехал на вокзал перед самым отходом поезда. Попутчики — двое мужчин и женщина — уже расположились на своих местах. В купе было темно, и он не сумел как следует разглядеть лицо женщины. Устроившись на противоположной нижней полке, Сагатов заснул не сразу. Он перебирал в памяти ташкентские впечатления и думал об отце: «Неужели Жунус на чужом берегу?»

Разбудил Саху шум и громкие голоса. Кто-то говорил хриплым вразумительным басом:

— Ну, а что я могу сделать? Чем помочь? Я, гражданка, не врач-гинеколог и не акушерка...

— Я — врач! — отозвался женский голос, и Саха понял, что это сказала спутница по купе. — Но в общем вагоне роды не примешь, надо сюда перевести.

— Куда сюда?! Все места заняты.

— Надо найти! Рождается новый человек.

«Вот оно что!» — догадался Сагатов и, приподнявшись, сказал:

— Я уступлю свое место. Пожалуйста!

— А как же вы?

— Не беспокойтесь! — Сагатов поднялся, но мужчина пробасил:

— Спите. Устроим как-нибудь... Идемте, гражданка. Они ушли, а Саха снова забылся тяжелым сном.

Утром, когда он вышел в коридор, у окна увидел

спутницу по купе. У нее было красивое лицо и большие голубые глаза.

— Ну, какие у вас успехи?

— Отличные... Родился новый советский гражданин....

Они разговорились, и Сагатов узнал, что женщина-врач едет в Верный, что зовут ее Глафирой Алексеевной, она коммунистка и будет заведывать областным отделом здравоохранения.

Глафира Алексеевна рассказала о своем отце — он отбывал ссылку в Верном и там умер.

Слушая ее, Саха вспомнил Жунуса и опять с тоской подумал: «Неужели он на чужом берегу?».

Глава вторая

Когда Жунусу минуло пятнадцать лет, его отдали в духовную школу. Отец его, ювелир и непревзойденный мастер по резьбе и отделке украшений на седлах, решил подготовить из старшего сына аульного муллу.

Юноша в мектебе¹ изучал сначала арабскую азбуку, потом шариат-ульиман². Через год его перевели на изучение хафтияка³ и ильхама⁴. Спустя четыре года он наизусть читал стихи Навои⁵, Ходжи-Ахмеда Яссави⁶. Но когда ученики перешли ко второй ступени обучения — арабиету⁷, Жунус неожиданно бросил школу. Виноват в этом был хальфе — помощник муллы. Он послал Жунуса на озеро за водой. Жунус отказался — очередь была не его. Хальфе пожаловался, мулле, и двадцатилетнего джигита заслушание выпороли розгами. После этого Жунус обругал хальфе и покинул мектеб. Придя домой, он сказал отцу, что не хочет быть батраком муллы. Отец не стал возражать. Так и не по-

¹ Мектеб — школа.

² Шариат-ульиман — условия веры.

³ Хафтияк — седьмая часть корана.

⁴ Ильхам — катехизис.

⁵ Навои, Низаматдин Алишер (1441—1501) — великий узбекский писатель, ученый, художник, музыкант, государственный деятель. Родоначальник литературы на узбекском языке.

⁶ Ходжа-Ахмед Яссави — узбекский поэт (около 1105—1166 г.). На его могиле в г. Туркестане Тамерлан построил мавзолей (в 1397 г.), который существует и поныне.

⁷ Арабиет — мусульманское богословие на арабском языке.

лучился из Жунуса аульный мулла! Зато вырос грамотный, справедливый человек, способный оказать помощь родичам, попавшим в беду.

Младший брат купца Адила, поссорившись с пастухом, утопил его в речке. Жунус решительно поднял голос против убийцы, несмотря на то, что он недавно породнился с самим Адилем, посватал его семилетнюю дочурку Ляйли своему тринадцатилетнему сыну Сахе. А случилось это так. Купцу понравился черный иноходец Жунуса, получивший первый приз на байге. Адил загорелся: «Продай, продай». И тщеславный Жунус пошел навстречу желанию жадного купца. «Отдам даром,— сказал он,— если породнишься». Ударили по рукам. Это согласие ничего не стоило, купец мог от него отказаться в любое время. Такие обещания давались в аулах часто и не всегда выполнялись.

Адил просил Жунуса замять дело, обещался уплатить кун — выкуп по казахскому обычаю. Жунус отверг это предложение и подал жалобу мировому судье. Он требовал наказать преступника. Мировой судья хотел было защитить истца, но губернатор вмешался и приказал прекратить дело. Тогда Жунус и его друзья напали на аул Адила и угнали скот. Жунуса осудили на высылку в Сибирь. По дороге он сбежал и, вернувшись в аул, два года скрывался в горах.

В 1916 году Саха, только что окончивший гимназию, приехал домой и встретился с отцом. Но встреча была недолгой.

Через месяц после объявления царского приказа о мобилизации казахов на фронт для рытья окопов Жунус одним из первых поднял восстание в Джетысу. Он собрал близких ему родственников-джигитов и сказал:

— Братья! Настал для казахов черный день. Русский царь забирает нас на фронт. Лучше умереть у себя в Джетысу, а не на чужбине. Седлайте коней, берите ружья, а у кого нет — пики. Завтра уйдем в горы. Будем воевать.

Жунус прочел молитву, велел зарезать черного барана, Бакену он приказал объехать за ночь соседние аулы, передать аксакалам, чтобы все собрались к нему в ущелье Кора-Тюбе¹. Утром Жунус предложил послать

---

¹ Кора-Тюбе — буквальный перевод: «хлев в горе».

женщин в Кара-ой. Там волостные управители составляют списки мобилизованных. Надо отнять списки и уничтожить их.

В долине Кара-ой в тот памятный день было необычное оживление. Из соседних аулов двигались толпы женщин. У белой восьмистворчатой юрты их встретил помощник уездного начальника Хлыновский, стоявший в окружении волостных управителей и отряда полиции.

Женщины приблизились вплотную к волостным управителям. Из толпы вышла маленькая, худенькая старушка. Она сжимала кулаки... Трудно было узнать в ней робкую, тихую Фатиму — жену Жунуса...

Хлыновский крикнул волостному управителю:

— Что нужно этим бабам?

Фатима первая громко, но сдержанно ответила:

— Пришли за списком. Мы не отдадим мужей и сыновей на войну!

— Отдайте список! — зашумели женщины.

Лицо Хлыновского налилось кровью:

— Разогнать!

Волостные управители взмахнули плетью. Полицейские взяли ружья наперевес. Хлыновский выстрелил из нагана в воздух. Женщины рассыпались в разные стороны. Выстрел Хлыновского послужил сигналом для выступления отряда Жунуса, находившегося в засаде. Джигиты мигом окружили аул. Началась перестрелка. Хлыновский со своим отрядом стал отходить в горы. Джигиты ворвались в волостное управление Кастека. Кастекского волостного управителя они нашли за сундуком и выволокли из юрты.

— Давай список! — закричал Жунус, поднимая камчу.

Управитель задрожал.

— Унеси.

— Продажная собака!

Засвистели плети джигитов. Подскакал Бакен и самодельной секирой рассек ему голову... Так началось восстание...

Через два дня в Кара-Тюбе собралось до тысячи джигитов. Повстанцы взяли под контроль трактовую дорогу Пишпек — Верный и перерезали телефонную линию. Через несколько дней восстание вспыхнуло в Пишпекском, Пржевальском и в Джаркентском уездах.

Как-то ночью в отряд Жунуса явился русский столяр из Кастека Кашеев со своим зятем казахом Сменом.

— Что, не ожидал, тамыр¹? — спросил по-казахски Кашеев.

Жунус оторопел от неожиданности.

— Зачем ты пришел?

— Помогать тебе!

Жунус молчал.

— Не веришь? Думаешь, обманываю? — Кашеев указал на зятя. — Вот мой залог!

Так просто, как свой человек, столяр остался в отряде.

Число повстанцев увеличивалось с каждым днем. Жунус насчитывал в своем отряде до десяти тысяч бойцов. В горах Кора-Тюбе в неприступной крепости повстанцев открыли мастерские для литья пуль и ремонта оружия. Старый солдат Кашеев обучал джигитов искусству стрельбы.

В эти дни к Жунусу неожиданно явился Хальфе, недруг его детских лет. Он только что окончил медресе² в Бухаре, но по старой привычке все его называли не по имени, а по духовному званию — Хальфе.

Он льстиво заговорил:

— Ваш риск увенчается успехом, ему покровительствует сам всемогущий аллах. Хазрет³ Агзам просил передать: во сне он видел зеленое знамя Магомета в твоих руках.

Польщенный Жунус заерзал на месте. Хальфе это заметил даже в темноте.

— Один декханин никогда не успеет своевременно обработать большое поле. Наш хазрет считает, что тебе надо связаться с правоверными Теджена и Гюргена⁴, объявившими священную войну. Если тебя окружают кафиры⁵, ты задохнешься в горах Алатау. С одними казахами Джетысу не добьешься цели. Агзам предоставляет

---

¹ Тамыр — друг, приятель.

² Медресе — духовная школа у мусульман.

³ Хазрет — святой; почтительное наименование духовного лица.

⁴ Населенные пункты в Туркмении, где восстание 1916 года носило характер газавата, то есть священной войны, которую разжигали панисламисты.

⁵ Кафиры — иноверцы.

в ваше распоряжение мечети. Молитесь в них, а если нужно — укрывайтесь от врагов. И еще он дает вам... — Хальфе понизил голос до шепота, — деньги. Золотом можно купить не только оружие, но и самого врага.

Заканчивая беседу, мулла добавил:

— Джигиту-казаху легче будет умереть за веру, за аллаха!

Поразмыслив, Жунус принял предложение Хальфе. На следующий день он отправил нарочного к имаму Агзаму.

Осенью шестнадцатого года в Верный стекались карательные войска с артиллерией и пулеметами. Из Ташкента прибыли отряды подполковника Гейцига и подполковника Алтырцева. Из Скобелева по направлению Андижан — Джалал-Абад и далее к укреплению Нарынскому двигался отряд капитана фон Рурзи. Из Термеза на Оренбург, Семипалатинск и далее на Сергиополь шел полковник Виноградов.

В октябре началось общее наступление. Карательные войска прижали повстанцев к горам. В генеральном сражении в Каркаралинске повстанцев разгромили. Сорок тысяч семей казахов ушли в Китай. С руководителями повстанческих отрядов Фольбаум расправился жестоко: храбрейшего из них — Бекбулата Ашикеева повесили. Науке Сатыбекова, Досхожу Кашаганова и его отца, мудрого старца Кашагана, приговорили к расстрелу. Зятя столяра Кашеева, Смена, живым сожгли на костре. Сам Кашеев погиб в боях за Токмак. Знаменосец Бакен чудом спасся и бежал в Синьцзян. А Жунус нашел убежище в Туркестане — укрывся в мавзолее Ходжи-Ахмеда Яссави.

В поисках Жунуса отряд Гейцига ворвался в аул Айна-Куль и предал его огню. Каратели повесили дядю Жунуса, семидесятилетнего старика, и его шестилетнего племянника. Фатима с детьми спаслась в пещере Коратюбе.

Саха Сагатов не знал, что происходило в лагере повстанцев. В эти горячие дни он сидел в тюрьме в одной камере с Токашем Бокиным. Только через год Февральская революция принесла узникам свободу.

В марте восемнадцатого года, когда в Верном была уже советская власть, Сагатов приехал в родной аул. Здесь он встретил отца, вернувшегося из Туркестана.

Саха был уверен, что Жунус идет в одном строю с коммунистами. Но при первом же разговоре с отцом он уловил нотки разочарования. Беседа шла о беженцах-казахах, откочевавших в шестнадцатом году после разгрома восстания в Западный Китай.

Отец недовольно сдвинул поседевшие брови и сердито махнул рукой.

— Не то, не то получилось...

— А чего вам хочется? — спросил Сагатов, по казахскому обычаю называя отца на «вы».

— Что значит мне? — возмутился Жунус. — Мне ничего не хочется. Два года задерживают возвращение наших джигитов в родное гнездо. Разве мы того ждали от новой власти!

— За действия временного правительства большевики не отвечают, — сказал Саха. — Советская власть заботится о возвращении беженцев. Но не все сразу. Есть дела поважнее.

И он начал рассказывать, что намечено сделать в первую очередь для укрепления советской власти в Джетысу.

Жунус сидел молча, потом, как бы про себя, промолвил:

— Ко всему, что ты говоришь, у меня нет веры...

Сагатов удивился: какая муха укусила отца?

Жунус вытащил из кармана перочинный ножик и, попросив у жены тальник, стал вырезать на коре узоры.

Саха понял — Жунус волнуется. Что же, пусть! Лучше, если отец выложит все, что у него накопилось на душе. Ему легче будет.

Но отец молчал. И тогда Саха сказал:

— Новая власть открыла нам все двери, отец! Войдите и займите свое место. Вы сражались с полковником Гейцигом. Для большевиков вы самый дорогой человек!

Жунус отрицательно покачал головой.

— Я достаточно потаскал груз жизни на своем горбу, чтобы быть легковерным. Мои глаза еще зоркие. Ты говоришь, открыта дверь? Если одному мне, не войду. Как-нибудь проживу за дверью.

Саха следил за отцом. Длинные, сухие пальцы старика стиснули нож, тальник треснул.

— Джигиты сражались за свободу нашего народа. Безумная их храбрость шитом прикрыла меня и тебя от верной гибели. А ты забыл о них, Саха...

Жунус погладил остроконечную бороду, провел большим пальцем по усам и после короткого молчания громко сказал, словно Саха был тугой на ухо:

— Пока возвратившиеся джигиты не получают дома и земли казаков, четыре года назад резавших их детей и жен, я не пойду служить новой власти...

— Отец...

— Молчи! — прервал Жунус и заговорил страстным голосом: — Сорок тысяч казахов ушли в Китай. Десять тысяч из них погибли от голода и холода. Токаш в семнадцатом году ездил в Синьцзян узнавать об их судьбе. Он привез страшные вести. Чтобы спасти семьи, казахи продавали малолетних дочерей китайским купцам в рабыни. Это тебе известно?

— Известно.

— А сколько казахов убито и повешено! Разве ты не слышал про беловодскую резню?

— Ну, к чему вспоминаете старое, отец?

— Не перебивай! — голос Жунуса задрожал. — Разве восемьдесят тысяч казахов и киргиз Пржевальска, Каркаринска, Кебены не выселили в горы?

— Мы не отвечаем за действия старого правительства!

Жунус не слушал.

— Кто сопротивляется возвращению беженцев? Кто послал заградительный отряд встретить их на границе Китая ружейным и пулеметным огнем? Что ты сделал для них?

Жунус, бледный, трясущийся, подошел к Сахе с вытянутыми вперед руками, готовый схватить и задушить его. Сагатов отпрянул. Он не ожидал такого приступа ярости.

— Кто сказал слово в защиту бедных казахов, когда станичники отобрали у них скот? Кто протестовал, когда заставили уплатить три миллиона рублей Тыртышному за разбитую мельницу? Она осталась цела и работает до сих пор в Кастеке.

Жунус задохнулся; весь багровый, с пеной на губах стоял он посреди юрты. Он хотел рассказать сыну, как его недавно выпороли, но постеснялся.

А дело было так: остановили Жунуса на дороге трое встречных всадников в красноармейских шлемах. Один взял за узду коня, двое стащили с седла. Заговорили торопливо, перебивая друг друга:

— Это тот самый гад!

— Тот, тот... калбитский генерал...

Жунус понял — пощады не будет. Не успел ахнуть, как связали руки и раздели.

— Держи!

Длинная тонкая плеть со свистом ожгла тело Жунуса.

... Кто надругался тогда над стариком? Не с ними ли воевал Жунус в шестнадцатом году? Не все ли равно какие они — белые или красные. Они — русские. И на шлемах у них были красные звезды.

Жунус грузно опустил на одеяло и долго молчал, пошкрякивая головой. «На земле нет справедливости и не будет!»

Саха тоже молчал.

— Ты кем у большевиков? — Жунус поднял голову.

— Я секретарь уездного комитета партии.

— Что это значит?

— Уком — совесть и глаза партии во всем уезде.

— Ага! — тонкие губы Жунуса искривила улыбка. —

Если ты совесть и правда, почему не заберешь дома у казаков, почему не отдашь их беженцам?

— Не все казаки виноваты! — твердо сказал Саха. — Были же среди них, которые помогали вам. Вспомни Кашеева...

— Он не казак!

Тальник в руках Жунуса снова треснул. Отец встал и махнул рукою.

— Нам не о чем разговаривать...

Это было первое и последнее столкновение сына с отцом летом тысяча девятьсот восемнадцатого года.

Через месяц Жунус исчез. Куда? Никто не знал.

Глава третья

Деловая жизнь в обкоме начиналась рано. С утра в приемной секретаря толпились посетители: работники из дальних уездов, приехавшие по вызову, руководители областных организаций, скотоводы из аулов.

Сагатов сидел в кабинете за большим дубовым столом, покрытым синим сукном, и разбирал утреннюю почту.

— Можно? — высокий бородач приоткрыл дверь.

— Заходи, заходи, Басов!

Грузно ступая по ковру, вошел председатель облЧК. Крепко пожал руку Сагатова и опустился в кресло.

— Ну, какие новости, Дмитрий Васильевич?

— На днях ездил в Пржевальск. Прибыла партия беженцев из Синьцзяня.

— Хорошо!

— Хорошо, да не очень! Беженцы хотят жить на своих землях, а их в шестнадцатом году с куропаткин-ского благословения забрали кулаки.

— Так. Дальше!

— Идет слух — казаки решили расправиться с главарями восстания. Кое-где были самосуды. Провокаторы открыто работают в аулах: «Власть русская, киргизам не жить в Семиречье. За восстание расплатился Бокин, убит!» А Жунус, ваш отец, сбежал к басмачам искать защиту. На советскую власть не надеется.

Басов пристально смотрел на Сагатова. Саха изменился в лице. Вот опасность, о которой предупреждал Фрунзе! Враги хотят взбудоражить вернувшихся беженцев, столкнуть их с казачеством. Чтобы напугать казахов, вспомнили и смерть Бокина и исчезновение Жунуса.

Сагатов рассказал Басову о своем разговоре с Фрунзе и закончил:

— Опасный сейчас момент. Враги советской власти постараются его использовать... Все наше внимание на этот участок...

Когда Басов вышел, Сагатов долго сидел, подперев руками голову. Ах, отец, отец! Что ты наделал?.. Стал орудием в руках врагов. Даже друзья скоро перестанут доверять твоему сыну...

Саха не заметил, как в кабинет вошла девушка низенького роста, с круглым смуглым лицом, живым взглядом черных глаз. Длинные косы свисали до колен. Она ступала осторожно, словно боясь испачкать ковер. Подошла к столу и остановилась молча.

— Садитесь, сестричка! — предложил Саха.

Девушка опустилась на стул.

— Что вы хотите? — Саха старался угадать причину прихода юной посетительницы. «Или продали за ка-лым старику, или сбежала от нелюбимого мужа», — подумал он.

— Я к вам пришла не как к большому начальнику, а как к близкому человеку, — заговорила девушка.

Сагатов удивился: неужели дальняя родственница?

— Откуда вы?

— Я здешняя. Дочь Адила. Меня зовут Ляйли.

Она не осмелилась поднять глаза. Смотрела под ноги, нервно перебирая тонкими пальцами.

Алая краска залила лицо Сагатова. Так это Ляйли, его невеста! Как-то мать в ауле полушутя-полусерьезно поведала ему, что он обручен с дочерью купца Адила. Саха тогда не придавал значения словам Фатимы.

— Я вас не знаю! — вежливо заметил Саха.

— А я ведь ваша невеста! — тихо сказала девушка, еще ниже склонив голову.

— Видите... Мы ничем не связаны, кроме обещания наших отцов.

Ляйли подняла голову и впервые смело взглянула ему в лицо. «Какой красивый!..»

— Обещание родителей подсказано богом, подтверждено ангелом-хранителем! — нашлась ответить девушка.

— Любовь не признает ни бога, ни ангелов, милая Ляйли! — заметил Саха. — Теперь не то время, когда сыновья любили глазами отцов, а не своими сердцами.

— Мое сердце принадлежит мне, — сказала Ляйли. — А мои уста говорят по его внушению!

— Вот же, дорогая сестричка, я думаю, что вы пришли не для того, чтобы поговорить о своем сердце! — пошутил Саха.

— Я пришла просить вашей помощи.

— Если я смогу, пожалуйста!

— Это в ваших руках. Конечно, если вы захотите. — Ляйли сделала ударение на последнем слове. — Мой отец сидит в тюрьме. Его не выпустят до тех пор, пока он не уплатит совдепу пять миллионов рублей. Но у нас нет столько денег.

— Я не могу нарушить постановление советской власти.

«Неправда!» — хотела крикнуть Ляйли, но удержалась и спросила, меняя тон:

— Вы ненавидите нас? За что?

Саха встал, давая понять, что разговор окончен. Ляйли тоже поднялась и молча вышла из кабинета.

Никогда Саха не думал, что к нему может явиться девушка и сказать: «Я твоя невеста!» Он улыбнулся. «Невеста!» А между прочим, довольно красивая... Сколько ей может быть лет?.. Видимо, училась... Бойкая...

— Разрешите?

В полураскрытую дверь боком пролез тучный казах с пузатым желтым портфелем в руке. Пухлое лицо с отвислой губой показалось Сагатову знакомым. Где он видел этого человека?

«Козлиная голова!» — чуть не воскликнул Сагатов, вспомнив старую кличку Сугурбаева, данную ему Токашем Бокиным.

— Поздравляю, дорогой брат, с большим постом! — осклабился Сугурбаев, обнажив кривые желтые зубы.

Он протянул через стол руку. Саха без особого удовольствия пожал потную пухлую ладонь неожиданного гостя.

— Я давно у нас в Джетысу, — Сугурбаев сделал ударение на слове «у нас», давая понять, что они земляки. — Приехал по устройству беженцев шестнадцатого года. Наверно, слышали? Занят по горло. Вот, наконец, выбрал время и приехал в город.

Сагатов молчал. Он ждал, что еще скажет Сугурбаев. Но тот насторожился, как зверь, почуяв запах охотника. Тогда Сагатов решил не оставлять никакой щели, чтобы ею мог воспользоваться Сугурбаев.

— Странно, я встречаю вас третий раз и все в разных ролях — вы припоминаете?

Сугурбаев невозмутимо поднял кустистые брови. Черные глазки встретили взгляд Сагатова и тут же прищурились.

— Пах! Мой брат, кто может устоять против превратностей судьбы? Вот вы сегодня секретарь обкома, а кто скажет, что с вами будет завтра? Я думаю, что лучше быть возницей на свободе, чем считать дни в тюрьме. Верно гласит казахская пословица: «Лучше живая мышь, чем дохлый лев». Мне кажется, дорогой брат, я достаточно понятно ответил на ваш вопрос. Оставим это. Копаться в чужом белье не очень приятно, как говорят русские. И правильно говорят.

— Я понимаю, что вы хотите сказать. Но для меня неясно, почему вы так легко пристали к нашему берегу? Кажется, было бы честнее сидеть за кучера, чем за хозяина?

Сагатов откинулся на спинку стула и забарабанил пальцем правой руки по столу.

— Пах! — невозмутимо отозвался Сугурбаев. — Недаром советское правительство объявило амнистию для нас, бывших алашевцев. Я пришел честно, и мне протянули руку такие, как вы, прозорливые товарищи, братья...

— Честность проверяется в работе! — сурово заметил Саха.

— Думаю, что оправдаю доверие правительства и ташкентских друзей. Стараюсь, дорогой брат, стараюсь изо всех сил. Днем и ночью езжу по аулам и станицам, устраиваю несчастных наших героев. У многих нет ни семьи, ни родственников. Все растеряли. Вот ожидается еще одна партия в Кастек. Куда их девать? Они истощены, измучены. Не секрет: мрут от простуды, от голода. Я приехал просить у вас совета и помощи. Надо потеснить русских в Кастеке и в их дома вселить беженцев! — осторожно подошел к своей цели Сугурбаев.

— Вы предлагаете выселить казаков из станицы?

— Нет, почему же?! — Сугурбаев замялся. — Но, собственно говоря, суть вопроса от названия не меняется. Назовите это, как хотите. Лично я думаю, что не противоречу решению партии, где черным по белому сказано: «Возвратить земли казахам».

— В Кастеке русские казаки живут давно! — заметил Сагатов, не спуская глаз с Сугурбаева.

— Мой брат, какая разница, когда отобран у казахам Кастек, при Скобелеве или при Фольбауме? Это не меняет сути дела.

— Нет, очень меняет. В постановлении сказано: «Возвратить земли, отобранные при подавлении восстания шестнадцатого года». И все! Значит, мы должны возвратить только лишь самовольно захваченные земли. Нельзя выселять из станицы давно живущих казахам. Ясно?

Сагатов не спускал глаз с Сугурбаева, хотя трудно было что-либо прочесть на жирном лице бывшего алашевца.

— Беженцам нужна сейчас не голая земля, а земля

е жилищем, чтобы можно было существовать,— возразил Сугурбаев, вытирая платком вспотевшую шею.

Он поднялся и стал прощаться.

— Я к вам еще зайду, Саха!

Сагатов ничего не ответил.

У здания обкома Сугурбаева окликнул высокий человек с крючковатым носом.

— Пах! Товарищ Фальковский! — удивился Сугурбаев. — Сколько лет, сколько зим, дорогой Валентин...

— ...Робертович.

— Какими судьбами?

— Представь, ищу тебя!

— Пах! Откуда ты узнал, что я жив и здоров?

— Земля слухом полнится!.. — сказал Фальковский.

Они шли по тенистой улице, беседуя вполголоса.

— Где ты скитался последние годы? — допытывался Сугурбаев.

— Где был, там уже нет! — уклонился Фальковский от прямого ответа.

— Где работаешь?

— Нигде!

— А предполагаешь?

— Надо оглядеться, — сказал Фальковский. — Я в городе четвертый день...

Сугурбаев остановился и взял собеседника за пуговицу френча.

— Пах! Ты же топограф! Хочешь, завтра направлю землемером в Кастек. Жизнь сытая, будешь кататься как сыр в масле...

Фальковский задумался. Предложение показалось соблазнительным.

— А что там придется делать?

— Отобранную Куропаткиным землю будешь снова делить между казаками и русскими.

— А не укокошат за это станичники?

— Валентин Робертович! — укоризненно покачал головой Сугурбаев. — Если в шестнадцатом году не укокошили киргизы, почему в двадцатом году должны укокошить русские... Ты живучий, дорогой... Завтра я думаю выехать в Кастек. Хочешь, поедem со мной.

Фальковский ответил не сразу.

— А что так скоро?

— На днях туда прибывает партия беженцев из Китая. Надо подготовиться к встрече.

— Ну что же, — задумчиво произнес Фальковский. — Если там сытно, можно будет поехать...

Глава четвертая

Гульжан, сестра Сахи, поехала в Узун-Агач узнать о судьбе исчезнувшего отца. В ауле прошел слух, что бахалши¹ Бозтай ездил в Туркестан по торговым делам, побывал в мавзолее Ходжа-Ахмеда Яссави и узнал о Жунусе. Говорят, старик жив и завел новую семью.

Гульжан нашла Бозтая, своего давнишнего поклонника. Слух оказался ложным. Бозтай клялся, что такого разговора не было. Правда, он слышал от настоятеля мечети, что Жунус в Бухаре. А больше он о нем ничего не знает.

Эта весть огорчила Гульжан, но зато другая новость, услышанная в Узун-Агаче, обрадовала ее. В Кастек на днях должны вернуться беженцы из Китая.

Гульжан торопилась в аул сообщить радостную весть.

Бозтай навязался проводить ее. Сколько раз он мечтал остаться с Гульжан наедине! Красивая дочка Жунуса приглянулась ему давно. Не нравилось в ней только одно — невоздержанный, резкий характер и странная манера носить мужскую одежду. Должно быть, Гульжан знала, что женатый Бозтай к ней неравнодушен. Не по летам лысый, рыжий, он всегда был неприятен девушке, и она с радостью бы поехала домой одна. Но не так-то легко отвязаться от Бозтая.

Цыганка-ночь раскинула на небе бархатную плахту, вышитую узорной россыпью звезд. Вдали темнели неприступные, вечно снежные вершины Алатау. У полножия гор мерцали огоньки аула. Тишина нарушалась топотом конских копыт.

— Гульжан! — обратился Бозтай к девушке. — Скоро я еду в город. Есть слух, что хорошую землю дают тем, кто будет воевать.

— Какая война? — Гульжан придержала коня,

---

¹ Ба х а л ш и — мелкий торговец, спекулянт.

- Говорят, казахи опять будут воевать с русскими.
— Кто сказал?
— Приехал адвокат Сугурбаев из Ташкента. Он говорил... Что же, я не против...
— Вояка! Где вы были в шестнадцатом году?
— Воевал с русскими.
— Не слыхала.
Бозтай уловил насмешку в голосе девушки.
— Отец рассказывал про многих джигитов-героев. Но о вас никогда не вспоминал...
— Вот отец-то твой и сбежал. Не хватило пороху...
— Не вам о нем судить! — возмутилась Гульжан.
Бозтай помолчал. Зачем сердить девушку?
— Я пошутил, Гульжан. Не хотел обидеть тебя. Лучше поговорим о другом.
— О чем же?
— У шелка одинаковые узлы, а у молодых одинаковые желания, — начал издаലെка Бозтай.
— О чем это вы?
— О том, чтобы соединить наши сердца.
— Кто терпелив, на тележке догонит зайца! — насмешливо сказала девушка.
— Думаю, что я не только догнал, но и схватил, как беркут!
— Мой беркут давно уже схватил меня.
— Знаю, на кого намекаешь. Но его нет в живых.
— Пусть змеи снесут яйца в ваши уста! — с ненавистью сказала Гульжан.
— О, какой у вас язык! — Бозтай засмеялся. — Я не выдумал. Мне сказали беженцы из Пржевальска. Смена, говорят, отравил уйгурский купец.
Гульжан усмехнулась. Во-первых, Смен погиб во время восстания. Об этом рассказывал Жунус, восхищаясь его подвигом в бою. Во-вторых, ее возлюбленного зовут Бакенюм.
— Я дала нареченному слово, что буду ждать его возвращения!
— Если хочешь просидеть всю жизнь в девках, жди! Гульжан не выдержала.
— Тот, кого я жду, уже едет! — радостно воскликнула она.
— Кто же он?
— Вы недостойны знать его имени,

— Что? — расвирепел Бозтай. — Даю тебе сроку десять дней. Если за это время не дашь согласия, пеняй на себя!

Конь Бозтая, испугавшись, фыркнул и бросился в сторону.

Всадник выпустил из рук повод и, потеряв равновесие, свалился с коня.

Девушка весело рассмеялась:

— Эх, вы, а еще воевать собрались!

Обидный смех хлестнул Бозтая по сердцу. Обозлившись на коня, он ожег его плетью. Конь умчался в горы. Гульжан захохотала еще веселее.

— Ну, что же, теперь прогуляйтесь пешком. Догонять вашего коня я не буду. А посадить с собой... — в голосе девушки прозвучало презрение. — Вы этого недостойны!

— Недостоин?

Бозтай попытался стащить девушку с коня. Он схватил ее за ногу. Гульжан плетью ударила его по голове и хлестнула своего коня. Конь рванулся. От резкого толчка Бозтай распластался на земле. Исчезая во мраке, девушка слышала брошенные ей вслед злобные слова: «Я тебе этого не прощу!»

В аул Айна-Куль Гульжан приехала одна. В ночной темноте еле заметно выступали очертания юрт. Возле одной из них стояла мать.

— Что с тобой, моя опора? Почему так поздно? — Фатима чутьем матери угадывала волнение дочери.

— Поздно выехала!

Гульжан умолчала о столкновении с Бозтаем. Фатима сделала вид, что поверила.

— Слыхала что-нибудь про отца?

Девушка передала все, что рассказал ей Бозтай, и закончила взволнованно:

— Ой, мама, какая радость! Едут наши из Китая!

— Кто сказал?

— В Узун-Агаче есть такой слух. Надо сообщить всем в ауле.

— Иди, свет моих глаз, обойди все юрты. Проси суюнши¹.

---

¹ Суюнши — подарок принесшему радостную весть,

Фатима забыла обо всем, словно в числе возвращающихся она надеялась встретить Жунуса.

Гульжан побежала к озеру. Здесь в крайней юрте жил кузнец Токей, дядя Бакена. Токей днем и ночью не вылезает из кузницы. Про него в ауле говорили: «Токей потемнел не столько от сажи, сколько от злости».

Гульжан подошла к юрте и толкнула двухстворчатую филенчатую дверь.

— Кто там?

— Токе, готовь суюнши! — воскликнула Гульжан. — Бакен едет!

— Бакен? — Токей не поверил. — Откуда узнала?

— В Узун-Агаче. Только что оттуда!

— О аллах, помоги верному рабу! — всхлипнула жена Токея от радости.

Гульжан не стала задерживаться, поспешила к юрте акына Нашена. Он четыре года лежал в постели после того, как его высек Гейциг за призыв к восстанию. Немец постарался: у акына отнялись ноги.

Гульжан приоткрыла войлок и громко крикнула:

— Нашеке!

— Это кто?

— Я, Гульжан. Едут наши из Китая!

— Неужели правда? — акын хотел подняться; но боль, сковывавшая обручами поясницу, дала знать о себе. Он застонал.

— Готовьте песни, Нашеке! Завтра приду! — крикнула Гульжан и побежала дальше, к саманной лачужке, упиравшейся в отвесную скалу. Здесь жила бабушка Кудан, одинокая бедная старуха. В молодости она слыла красавицей. За ней в ауле установилась слава чародейки. Она не без успеха лечила детей. Был у нее муж, Гейциг его повесил как дальнего родственника Жунуса.

— Бабушка! — крикнула Гульжан у самой лачужки.

— О аллах! Кто это так поздно ночью? — заворочался Кудан.

— Бабушка, суюнши! Вставай!

— Не Гульжан ли? Что тебе надо, баловница, спит ли ночи?

— Суюнши готовьте!

— Отец вернулся?

У Гульжан на миг защемило сердце.

— Едут наши из Китая! — крикнула она.

— О, аллах услышал мою молитву! — запричитала Кудан.

А Гульжан уже бежала дальше и громко кричала у каждой юрты, не заходя в нее:

— Наши едут! Наши!

Вскоре весь аул поднялся на ноги и зашумел. Разбуженные старухи заохали, дети плакали, женщины звонко смеялись.

Каждому хотелось самому услышать подробности радостной вести.

Сияющая, взволнованная Гульжан не уставала отвечать на вопросы. Скоро, очень скоро приедут мужья, отцы, братья, дети. Вернутся те, кого уже и не надеялись видеть в ауле. Счастье, счастье!

Не радовалась только одна Фатима. Она вспомнила Жунуса. Тяжело было у нее на сердце. Вчера утром малолетний сынишка Асхар сказал ей, что во сне видел отца, он упал с высокой горы. А недавно и самой Фатиме приснился муж. Жунус, высунув голову из могилы, страшным голосом звал ее на помощь: «Фатимажан, протяни мне руку!». Утром она рассказала свой сон бабушке Кудан. Старуха велела в жертву аллаху принести белого барана. Целый день в ушах Фатимы звучал умоляющий голос мужа. Мучительно переживала она ужасное сновидение...

Вот уже скоро два года, как муж уехал неизвестно куда. Вначале казалось, Саха знает что-то об отце, но, боясь огорчить ее, упорно молчит. Фатима хорошо помнит их ссору. Отец в последнее время избегал разговора о сыне, а Саха, в свою очередь, тоже молчал, не упоминал имени отца даже в коротких письмах к Гульжан.

Жунус, Жунус! Если бы ты знал, как тяжело жить твоей жене с Гульжан и маленьким Асхаром! Хозяйство у них как коротенькое одеяльце: натянешь на голову — ноги голые, а закроешь ноги — голова открыта. Вечно не хватает чего-нибудь! Старший сын Саха — отрезанный ломоть, живет в городе. Он даже не знает, сколько баранов у матери. Единственная опора в жизни — старшая дочь Гульжан. В смелости и ловкости она не уступит джигиту.

Фатиме приятно смотреть на дочь. Матери нравятся густые длинные черные волосы, сплетенные в толстые

косы, правильные черты лица Гульжан. Не раз приезжали из соседних аулов сваты и уезжали ни с чем. Гульжан упорно отказывала женихам. Фатима догадывалась: дочь ждет Бакена, и потому-то она сегодня так счастлива.

Фатима кончиком платка вытерла глаза — пусть в этот день никто не увидит ее слез!

Глава пятая

На дороге, огибавшей озеро Айна-Куль, показался всадник. Он ехал шагом, жадно всматриваясь в окружающие горы. За ним тянулась вереница повозок и бесконечная цепь нагруженных верблюдов. Чабаны гнали скот. Над ним поднималась золотистая пыль. Шум нарастал. Мычали коровы, ржали лошади, блеяли овцы...

Солнце клонилось к закату. Раскаленный диск золотил далекую снежную вершину Алатау и облака, похожие на кучи хлопка.

Озеро Айна-Куль застыло в горном ущелье, точно налитая до краев чаша. В чистой прозрачной воде, как в зеркале, отражались скалистые берега. Тихо, ни ветерка. То и дело взлетали стаи уток. Описав круг над озером, они рассыпались, как лепестки цветов.

Все жители аула, стар и млад, высыпали из юрт. Гульжан, нарядившись в костюм из синего бархата, первой вышла на дорогу встретить своего возлюбленного.

Ждет она его... А вдруг?.. Нет-нет... Гульжан боялась произнести страшное слово, была уверена — он придет! Она встретится с ним. Вчера девушка видела его во сне таким, каким он был в черные дни разгрома восстания. Никогда она не забудет минуты, когда раненый Бакен, очнувшись в пещере Кора-Тюбе, радостно взглянул ей в глаза.

Смущенная Гульжан отошла в сторону, где стояла мать, и крепко схватила ее руку.

— Боже мой, неужели он тоже здесь?..

Беженцы совсем уже близко. Толпа ринулась навстречу каравану. Женщины заголосили. Аксакалы, опираясь на палки, подняли головы. Слезы крупными кап-

лями падали на бороды. Пришла и Вера Павловна, учительница из Кастека, высокая, худощавая женщина с гладко зачесанными волосами. Она смотрела влажными глазами на растянувшийся обоз.

Повозки остановились. Женщины бросились искать потерянных близких. Вопли отчаяния и возгласы радости слились в один сплошной гул.

С коня соскочил Бакен. Гульжан сразу узнала его, хотя он сильно изменился. Жизнь в чужом краю наложила на молодого джигита свой отпечаток: он сильно похудел, лицо в морщинах, спина сутулая. Но по-прежнему жизнерадостно блестели его карие глаза. Видно было, что Бакен кого-то ищет в толпе. Гульжан догадалась. Радость волной прилила к ее сердцу. Ей хотелось кинуться ему на шею и заплакать от счастья. Но Бакен увидел дядю Токея и бросился к нему.

Он по-казахски, троекратно приложив свою грудь к груди Токея, поздоровался и взволнованно смотрел на дядю. Токей радостно улыбнулся и по-отечески погладил по голове племянника. Он пришел встречать дорогих людей прямо из кузни, измазанный сажей.

Молодая женщина в городской одежде, выдвинувшись из толпы, с улыбкой смотрела на Бакена. Ее ласковые серые глаза встретились с удивленным взглядом Бакена.

В первую минуту он не узнал ее. Неужели Гульжан? Да нет. Это дочь Павла Семеновича Кашеева, бок о бок вместе с джигитами дравшегося против карательного отряда Гейцига.

— Вера!

Бакен торопливо схватил ее руку. Эта сероглазая женщина вместе с Гульжан спасла ему жизнь в пещере Кора-Тюбе. Он приложил левую руку к виску, изуродованному пулей, и хотел что-то сказать, но тут к Вере Павловне подошел, опираясь на палку, аксакал. Сняв шапку, старик низко поклонился:

— Бесценная дочка! Свою седую голову я склоняю перед храбростью вашего отца, любимого нашего героя. Мы его не забыли и никогда не забудем. И сегодня, возвратившись на родину, мы чтим его память.

Старик умолок. Окружающие скорбно молчали. Вера Павловна поднесла руку к повлажневшим глазам...

Тишину прервал крик:

— Жолдастар! На митинг... Сейчас будет приветствовать прибывших председатель ТуркЦИКа товарищ Сугурбаев!

Землемер Фальковский указывал, где нужно собраться. Люди столпились возле невысокой скалы. На нее поднялся Сугурбаев и снял шапку:

— Дорогие мои братья!

Шум стал стихать. Сугурбаев поклонился.

— Приветствую вас с возвращением на родную землю!

На дороге показалась пара вороных, запряженных в коляску. Иноходцы бежали рысью, окутанные клубами пыли. Взоры участников митинга обратились к остановившейся коляске. В толпе прошел шепот: «Саха приехал! Наш Сахажан!»

Сагатов, в летнем костюме, как всегда, без фуражки, выпрыгнул из коляски.

До ушей его донесся голос Сугурбаева:

— Пока вы страдали на чужбине, ваши враги отобрали вашу землю, обрекли вас на голод, на холод. Но... Счастье ваше, что в Джетысу сейчас не власть царя, против которого вы сражались, а наша власть, власть Советов... Джетысу, казахская земля, принадлежит казахам... Вы, наши герои, хозяева этой земли... Вот она, берите ее... Она теперь лежит на вашей ладони. К старому нет возврата. Прошли времена Куропаткиных и Черняевых и никогда не вернуться. Только мы, казахи, сейчас полновластные хозяева в Джетысу. Земля наших предков принадлежит только нам... Ее вернула наша защитница — советская власть!.. Эй, враги, берегитесь!..

Сагатов слушал и хмурился. Речь Сугурбаева, полная скрытого умысла, ему не нравилась. Он угрожает. Кому? Русским!..

Когда Сугурбаев кончил, Саха занял его место на скале.

— Салем вам, мои братья! — Он увидел измученные, загорелые лица беженцев. Эти люди вернулись на родину, чтобы найти счастье на земле своих предков. Они его найдут, в этом Саха не сомневался. Но не на том пути, о котором намекал Сугурбаев...

И он заговорил, обращаясь к беженцам:

— Я знаю вас: вы не захотели стоять на коленях перед царем и баями. За это погибли смертью храбрых

такие люди, как Тасбулат Ашикеев, Семен Ногаев и наш русский друг, тамыр Павел Кашеев. Вечная им память!

В толпе кто-то всхлипнул. Саха выдержал паузу.

— Вы вышли с голыми руками против пушек и пулеметов, не боясь их. Наш народ считает вас своими богатырями. Передо мною выступил Сугурбаев. Мне кажется, он допустил ошибку, забыв сказать главное. Мы воевали в шестнадцатом году с царем, с Куропаткиными, Фольбаумами, Гейцигами... Но мы никогда не воевали с русским народом!.. Жить с русскими людьми, как с родными братьями, это значит укреплять советскую власть. У нас сейчас нет и не может быть другой цели, кроме одной — построить счастливую жизнь на казахской земле, где казахи, русские, уйгуры, украинцы смогут свободно трудиться. Вы вернулись на свою родину, и родина обеспечит вас землей, кровом, пищей. Вам помогут все, в том числе и русские товарищи, которые знают, как вы страдали на чужбине.

Одобрительный гул пронесся над озером Айна-Куль. Встревоженные утки поднялись над зеркальной гладью воды и, описав круг, скрылись в кустах.

Саха еще долго говорил, Сугурбаев стоял рядом с Фальковским и не сводил с Сагатова глаз.

Но вот Саха закончил свою речь. К нему подошел аксакал и сказал:

— Золотые слова! Пусть аллах поможет в твоих делах!

Но беженцы молчали. Чувствовалось, что речь Сугурбаева понравилась им больше.

— Кто он такой? — спросил один из беженцев, обращаясь к Токею.

— Саха! Сын Жунуса.

— Саха?! Как он вырос! Не узнать.

— А где сам Жунус? Почему его нет?

— Жунус поссорился с сыном и ушел из аула.

— Поссорился?

Кто-то из беженцев громко крикнул:

— Пусть говорит Жунус!

Толпа подхватила:

— Жунус!

— Жунус!

Взоры беженцев обожгли Сагатова. Лицо его побледнело, потом покраснело. Тот же проклятый вопрос! Что

он ответит им, соратникам Жунуса? Поверят ли они ему, если он скажет, что их боевой командир на чужой стороне, что он пошел против своего народа? Настал решительный момент: сказать правду народу, открыть ему глаза. Пусть осуждают...

Наступила мертвая тишина. Все затаили дыхание.

— Жунус, ваш предводитель сбился с пути!..— сказал Саха.— Он ушел из аула, и даже говорят, находится в стане наших врагов. Он был моим отцом. Но с того дня, когда он покинул аул Айна-Куль, я не имею отца...

Голос Сахи прозвучал глухо. Фатима в ужасе закрыла ладонями лицо. У Гульжан подкосились ноги. «Как у Сахи повернулся язык, чтобы сказать такие страшные слова!» Толпа замерла. Сын отрекся от родного отца. Аксакалы сурово сдвинули седые брови...

Саха молча сошел со скалы. Люди расступились перед ним...

Тягостную обстановку нарушил Нашен-акын. Его принесли на кошме. Бледный, с крупным носом, густыми нависшими бровями, он походил на старого беркута. Нашен приподнялся, оперся на палку, обвел всех зорким взглядом, затем гордо вскинул голову и запел:

Мне, акыну, девяносто лет,
Я свидетель всех народных бед.
Мои песни ветер степью носит,
Звезды в небе шепчут обо мне.
Снова песню сердце мое просит,
Я ее спою вам в тишине.

В дни, когда летал орел двуглавый,
Черной тенью омрачив простор,
Ринулись вы смело в бой кровавый,
Запалив восстания костер.

И дымилась даль степей багрово,
Вы дрались отважно и сурово.
Умирали стоя, но вперед
Звал других ваш соколиный взлет.

Подвиги я нынче ваши славлю,
В песенном огне я сердце плавлю.
Ждал я долго встречи этой час.
И дождался. Я пою для вас.¹

---

¹ Перевод Н. Титова.

Свое приветствие Нашен готовил в мучительные бессонные ночи. Четыре года он жил этим днем. Ждал его и дождался...

Люди оживились, слушая акына, и вот уже радость охватила всех. Твердую походкой беженцы подходили к акыну, подносили руку к груди в знак сердечной благодарности и жали его сухую сморщенную ладонь. Нашен всматривался каждому в лицо и называл имя. Старик никого не забыл:

— Ташен... Бакен... Муса...

Наступили сумерки. Беженцы разбивали лагерь, воздвигали юрты, мастерили шалаши. Многие ушли к родственникам. Над озером Айна-Куль раздавались веселые голоса, смех девушек, плач детей и лай собак. Аул, окутанный вечерним дымом, ликовал...

Целую неделю жители его готовились достойно встретить беженцев, вернувшихся с чужбины. Женщины накапливали кумыс, пекли баурсаки, кололи упитанных баранов. Из подземных печей шел дым, пахло гарью. Во всех юртах началось угощение...

Сагатов в юрте у матери, сидя за кумысом, обсуждал с членами комиссии, как лучше устроить беженцев. Левобережные, приальпийские луга реки Кастек целиком принадлежат казачьей станице, ими владеет пятерка кулаков. Часть лугов возле озера Айна-Куль отошла к казакам после восстания. Вернее, они просто ее отобрали. Как быть? Возвратить эту землю аулу или переселить беженцев в станицу, в национализированные дома, а землей наделить потом... Как лучше?

Сугурбаев посмотрел на Фальковского.

— Что скажет землемер?

И вот пришла бархатная звездная ночь, всегда прохладная на озере Айна-Куль. Луна медленно выплывала из-за горных вершин.

На берегу озера на камнях сидели Вера Павловна и Гульжан. Они ждали Бакена. Он сам назначил свидание Гульжан и почему-то медлил. Видно, не может вырваться, сидит с комиссией.

По казахскому обычаю, влюбленным неприлично встречаться при родственниках. Тайна их сердец никому не должна быть известна.

— Идет! — сказала Вера Павловна прислушиваясь. Гульжан увидела высокую фигуру джигита и затаила дыхание. Бакен чуть не бежал к озеру.

— Гуля!

Джигит, не владея собою, бросился к девушке и сжал ее в объятиях. Он долго целовал ее молча, как будто слова могли омрачить радость встречи. Вера Павловна смахнула навернувшиеся слезы. Она вспомнила погибшего Смена.

Встреча после длительной разлуки была радостная. Чтобы не мешать влюбленным, Вера Павловна покинула их.

Потом Бакен, держа в ладонях руки Гульжан, рассказывал ей о годах, прожитых в Китае. При свете луны он видел только бледное лицо девушки и ее влажные глаза.

Они сидели до поздней ночи, прижавшись друг к другу.

— Гуля! Я хочу тебя спросить...

Сердце Гульжан подсказало, какой вопрос задаст Бакен. Конечно, она ответит согласием. Недаром она ждала его четыре года...

— Гуля! А все же, где сейчас может быть Жунус? — спросил Бакен.

Глава шестая

В ту ночь, когда Фатима видела во сне мужа, Жунус, скитавшийся по земле узбеков, ехал из Маргелана в Фергану. Он сопровождал имама Агзама, имевшего чрезвычайное поручение эмира Бухары встретиться с ученым шейхом из Хиндустана. Только очень немногие знали, что шейх прибыл для «спасения мусульманской веры» в Туркестан.

В Маргелан путники добрались поездом, раздобыли здесь провожатого у местного муллы и вместе с ним выехали в Фергану. Проводник держал путь по долине, заросшей густым кустарником. Ночь была темная. Грозовые тучи обложили небо. Жунус хмуро молчал и зорко вглядывался в темноту. Имам бормотал под нос молитвы, потом, доверившись провожатому, успокоился и замолчал.

Припоминая встречу с эмиром, Агзам старался разгадать тонкий намек его о шейхе, как о спасителе веры. Имам даже усмехнулся. В такое время, когда вместе с крушением жизненных устоев подвергались сомнению сама незыблемая основа веры, ее не может спасти приезжий шейх. По мнению имама Агзама, для спасения Средней Азии от нашествия голодных кафиров с севера нужна острая сабля.

Имам Агзам был тесно связан с Бухарой, духовным центром всего Туркестана, не только политическими взглядами. Бухаре он обязан воспитанием и завидной карьерой. Блестяще окончив знаменитую медресе Мир-и-Араб, высшую духовную школу в Бухаре, он поехал в Джетысу, город Аулиэ-Ата. Здесь при поддержке духовного главы Бухары сделался настоятелем мечети, а через несколько лет одновременно занял главного имама мавзолея Ходжа-Ахмеда Яссави. Огромные средства, поступавшие от паломников, попадали большей частью в просторный карман имама. За очень короткий срок он разбогател и приобрел немалый вес в Бухаре.

Когда эмир призвал духовных лиц возгласить борьбу с советской властью, имам Агзам встал во главе антисоветских сил в Семиречье. Его дом в Аулиэ-Ате, куда он перебрался из Туркестана, превратился в настоящий штаб заговорщиков. Сюда приходили националисты из партии «алаш», переодетые в одежду казаха-скотовода (лисий треух — тумак, сапоги с длинными голеньщами и высокими каблуками). Отсюда выходили юродивые диваны¹, одетые в лохмотья, с посохами в руках, и ходжиретивые пропагандисты ислама среди казахов. И, наконец, в этом доме имам Агзам снаряжал послов к уфимскому муфтию и рассылал секретные письма знатным, богатым казахам, приглашая создать мусульманский отряд для священной борьбы с русскими, а также с казахами вероотступниками.

По дороге в Бухару имам Агзам вербовал фанатиков-мусульман и, составив небольшой отряд, поручил командование Жунусу. Имам хорошо знал, кого он выбирает. Жунус не богат и не славится родом. Но зато он имеет имя. Раскаты грома после грозы шестнадцатого года еще не стихли. Нет-нет, да прогремит эхо в горах.

---

¹ Д и в а н а — нищенствующий монах у мусульман.

Агзам надеялся связать имя Жунуса, прославленного вождя повстанцев, со священной борьбой за веру — гашаватом.

Но первые шаги принесли неудачу. Отряд, собранный из разных аулов, по мере удаления от мест таял на глазах. Из двухсот человек границу Бухары перешла лишь четвертая часть.

Агзам был удручен: если бы он привел в Бухару целый отряд казахов, то, несомненно, во дворце эмира вес его возрос бы. Может быть, он со временем, опрокинув Бурхан-эдина, занял бы пост всеильного кази-каляна, верховного судьи эмирата.

В Бухаре Агзама встретили радушно. Прирожденный дипломат, имам быстро завоевал внимание эмира. Показав смелость мысли при решении важных вопросов, он за короткий срок стал своим человеком во дворце.

Постепенно эмир стал давать ему самые ответственные поручения. Агзам вместе с Жунусом ездил в Хорезм к Джунаид-хану¹, последнему хивинскому хану, когда «непобедимый туркменский лев» еще был в зените славы. Джунаид-хан принял имама ласково, устроил по восточному обычаю большой праздник, показал силу и ловкость туркменских джигитов.

Беседа с Джунаид-ханом длилась долго. Агзам и Жунус требовали объединения всех сил Средней Азии под зеленым знаменем Магомета и под руководством эмира Сеид-Алим-хана, чтобы сохранить священную Бухару для мусульман. Имам Агзам пустил в ход искусство красноречия и свой духовный авторитет. Он говорил мягким вкрадчивым голосом, каким обычно читал священные главы корана:

— Велик аллах, мудр Магомет! Под солнцем его нет ничего непредвиденного, все учтено и названо своим именем. Если эмир, наместник пророка в Средней Азии, призывает, то надо действовать, а не дробить силы. Промедление губит, риск вознаграждает, если сразу не дрогнула душа.

Агзам говорил вообще, а Джунаид-хан принимал на свой счет — это была форма восточной дипломатии. На

---

¹ Дж у н а и д - х а н (Мухаммед-Курбан-Сардар) — вождь туркменского племени иомудов, бывший пастух. Пришел к власти, свергнув хивинского хана Асфандияра.

помощь имаму пришел Жунус, державшийся в тени. Его бледное лицо покрылось румянцем. Слегка поклонившись, он сел по-турецки, поджав под себя ноги, а руки положил на колени.

— Эмир предпринимает большой поход против Ташкента. Его удар должен быть поддержан вами! — сказал Жунус.

Джунаид-хан, прищурив хитрые зеленоватые глаза, долго молчал. На смуглом лице трудно было прочесть его мысли. Он разглядывал извилистые линии левой ладони, как будто хотел угадать свое будущее.

Но Джунаид-хана не обведешь вокруг пальца! У него глаза зоркие.

Хивинский хан сразу почуял, с кем имеет дело. Он не верил в успех и решил остаться в стороне, сохранив свою независимость.

Джунаид-хан усмехнулся: «Жизнь туркменских джигитов не купишь за недосыгаемую идею панисламизма, сверкающую, как золотое полулуние бухарской мечети. Она очень дорога для туркмен».

Эту мысль он перевел на язык дипломатии и сказал вслух на третий день перед отъездом посланца эмира:

— Передайте мой кровный братский привет эмиру Сеид-Алим-хану. Скажите ему, что я всегда готов соединить с ним свою душу и силу. Но считаю, что цветы благого дня еще не расцвели, рвать их рано. Пусть распространяется аромат неувядаемого ислама! Надо еще подождать!

И вот Агзам сидит на коне, едет с новым поручением, злой, недовольный поведением Джунаид-хана. Имам часто украдкой смотрит на Жунуса, боясь, как бы он тоже не изменил своему решению у порога больших событий. Но достигнут ли они счастья? Не родились ли они под потухшей звездой?

Первый раз в жизни закрадывается сомнение в душу Агзама. Он задумался над словами Жунуса, сказанными после посещения Джунаид-хана. Жунус сказал: «Не кажется ли вам, уважаемый имам, что наш панисламизм похож на старый дуб, переживший самого себя? Сухие корни его лежат на поверхности земли, на ветвях не растут листья. Посмотришь на него, лишь чувство жалости вызывает он. Только невольно уважаешь и считаешь его седую славу. Не кажется ли вам, что земля, выбро-

сившая корни старого дуба на поверхность, похожа на современную жизнь? Она не воспринимает нашего панисламизма! Налетит сильная буря — свалит этот дуб.

Агзам сделал вид, что не соглашается с Жунусом.

А Жунус сказал еще резче:

— Не кажется ли, уважаемый имам, что мысль большевиков о равенстве и братстве похожа на молодое яблоневое дерево? Оно пышно растет, привлекая внимание прохожих! У нас же в руках страх. Мы пугаем народ адом, богом и держим силой.

Такие дерзкие мысли Жунуса могли родиться от сомнений, высказанных Джунаидом. Жунуса следовало бы... Но не надо упускать его из своих рук, он умеет вести за собой народ...

Конь Агзама споткнулся. Имам едва удержался за гриву.

— О алла! — прошептал он.

Стал накрапывать мелкий дождь.

— Не спрячемся ли мы в кустах? — предложил Агзам.

— Вы жалуете халат или хотите дать русским время снять вашу умную голову?

— Моя голова принадлежит всевышнему, а не мне. В его воле отдать ее неверным или сохранить правоверным.

— В таком случае я вам советую поступить так, как поступил Ходжа Насреддин.

— А что мог сделать наш дивана?

Жунус не успел ответить. Защелкали ружейные выстрелы, и возле уха старика просвистела пуля.

Агзам всю дорогу опасался нападения басмачей. Перед выездом из Бухары чиновники эмира советовали ему быть осторожным.

Имам знал, что Ибрагим-бек, конокрад и вор, сумел объединить разрозненные мелкие отряды басмачей. Сейчас для Агзама ясно было одно: если они попадут в их руки, живыми не уйдут. Духовный сан его не спасет.

— Спасайся! — закричал имам и ударил коня плетью.

Когда они выскочили из роши, увидели всадников, мчавшихся наперерез. Имам, а за ним Жунус повернули к реке и бросились вплавь. Шагов за двадцать до спасительного берега Агзам услышал крик Жунуса:

— Помоги!..

Имам схватил за уздечку коня Жунуса и поплыл дальше. Их спасла ночная темнота да камышовые заросли.

Жунус был ранен в кисть левой руки. К счастью, пуля прошла навывлет, лишь слегка задев надкостницу.

Агзам всю ночь провозился с Жунусом, стараясь остановить кровотечение. Забыв про свой духовный сан, имам проклинал басмачей и ругал Ибрагима-бека последними словами.

Глава седьмая

В Фергане появился ученый шейх Мухитдин-ибн-Аль-Араби. При первой же встрече с настоятелем мечети он заговорил стихами Навои из его письма поэту Сеид-Хасану:

Ушла верность от населения Хорасана,
Вместо верности появилось лицемерие...

Эти стихи стали передаваться из уст в уста. Духовные лица восхищались ученостью шейха. Они вспомнили, что он носит точно такое имя, как знаменитый шейх, живший в конце XII века, признанный на востоке за святого чудотворца.

К ученому шейху был послан эмиром имам Агзам с деликатным поручением — создать надежную силу из ферганских басмачей и мулл советского Туркестана.

Когда имам подошел к деревянному домику, обнесенному со стороны улицы глиняным дувалом, была уже ночь.

Он осторожно постучал. Дверь открыл мальчик в яркой цветной одежде плясуна. Заглядывая в лицо Агзама, он молча стоял в дверях.

— Шейх? — имам кивком головы указал на дверь.

— Шейх никого не принимает, — ответил мальчик, преградив дорогу.

Услышав незнакомый голос, показался хозяин дома, толстый перс с черными длинными усами. Он вышел в парадной одежде — в цветном халате, в большой светло-желтой чалме. За ухом перса алел цветок.

Угадав в госте Агзама, хозяин воскликнул:

— А, дорогой имам, бог поможет вам в ваших замыслах!

Перс отстранил мальчика и с подчеркнутой вежливостью, приложив руку к груди, пригласил Агзама в дом.

В просторной комнате, устланной коврами, тускло горела керосиновая лампа.

— Юсуф! — обратился хозяин к мальчику. — Скажи шейху, что приехал наш уважаемый гость.

Агзам в ожидании шейха опустился на ковер и задумался.

Странно, откуда перс знает Агзама? Ведь имам в Фергане только второй раз за всю жизнь.

Узкая дверь, прикрытая ковром, распахнулась, и вышел размашистой поступью сутулый человек в белом халате с широкими рукавами. На ногах его блестели ичиги из желтой шагрени. На моложавом лице шейха из-под каштановых бровей выглядывали бесцветные глаза. Небольшая борода и усы были тщательно расчесаны и приглажены.

Имам разочарованно вздохнул. Он предполагал встретить сгорбленного ветхого старика, отягченного, как ношей, седою мудростью, с посохом в руке и кораном в сумке.

Шейх, в свою очередь, тоже пытливо разглядывал с головы до ног не по возрасту стройного, хорошо сохранившегося имама.

Он крепко пожал руку гостю и перевел выразительный взгляд на хозяина. Тот бесшумно исчез.

Оставшись наедине с Агзамом, шейх заговорил певучим голосом:

— Пусть благородный подвиг за веру и отечество будет вознагражден в том мире, мудрый имам!

Витиеватой, ни к чему не обязывавшей фразой шейх польстил самолюбию Агзама. Испытанный прием восточных дипломатов, обезоруживающий противника, на этот раз был использован без промаха. Следующая фраза шейха окончательно вызвала тщеславного гостя на откровенность.

— Вы главный поборник веры в Туркестане. Ваше имя встретило меня у самой границы.

Агзам поднял голову. После скучных расспросов о здоровье имама шейх резко повернул разговор, украсив

свою речь стихами Накшбенди, основателя ордена шейхов:

Доколе ты будешь
Поклоняться могилам мужей?
Делами мужей займись,
Тогда ты будешь спасен.

— Не примите за оскорбление, дорогой имам, время такое, что для оценки его можно воспользоваться мудрым выражением поэта... Он писал, что «в народе человечности и следа нет, не видно ничего, кроме злодейства». Мне должны были прислать...

Он не договорил. Имам спохватился:

— Ах, да... я забыл...

Агзам вытащил маленькую книжку в сафьяновом переплете и передал шейху. Это был условный знак, удостоверявший личность. Шейх раскрыл коран и по восточному обычаю не поцеловал, а лишь притронулся к нему губами.

— Дьявол вселяет людям сомнения, стережет на каждом шагу их ошибки. Он сидит на левом плече каждого. Поэтому надо обращать свой взор всегда на правое плечо, где сидит ангел-хранитель. В наше время и муллы стали дружить с дьяволом.— Шейх беззвучно засмеялся.— Не так ли, уважаемый имам?

Агзам в знак согласия закрыл глаза и кивнул головой.

Шейх встал и троекратно хлопнул в ладоши. Вошел мальчик с подносом. На нем дымился горячий плов.

— Садитесь и кушайте, вы с дороги. Не зря говорили древние: сперва покушать, а потом философствовать. Шейх стал рассказывать о себе.

— Я — истый мусульманин, пандит. Мой дед — один из ветеранов, пришедших с британского острова, — обосновался в Бомбее, а его сын, покойный мой отец, женился на индуске и умер, когда мне было десять лет. Моя мать из мусульманской секты исмаилитов, дала мне духовное образование, и я принял фамилию одного из основателей ордена шейхов. Меня к вам послал Агахан-Мухаммет-Шо¹ помочь братьям в несчастье. Забудем

---

¹ Агахан-Мухаммет-Шо — авантюрист, возглавлявший секту исмаилитов в первой половине прошлого века. Бежал из Персии в Индию, где стал орудием английской политики на Сред-

на время наши разногласия и протянем друг другу руки.

Длинная холеная ладонь шейха повисла в воздухе. Имам нерешительно, с опозданием протянул свою.

Шейх насторожился:

— Вам неприятно...

Шейх уставился на имама бесцветными глазами и выжидал, не закончит ли имам его мысль. Иногда в таких случаях противник обнаруживал свои истинные замыслы. На этот раз шейх просчитался. Агзам в недоумении поднял на него глаза.

Шейху пришлось самому закончить:

— ...вспоминать наши прежние разногласия. В большой семье все может быть. Но, слава аллаху, мы не дошли до резни, как католики с протестантами... Какого вы мнения об эмире? — вдруг спросил он. — «Правдивые слова всегда короче», говорят у нас в Индии. Ответьте одним словом: оправдает ли эмир нашу надежду? Сумеет ли повести нас, мусульман, как вождь? Сумеет ли объединить под зеленым знаменем Магомета правоверных? Время тяжелое, мой дорогой имам! Если эмир не способен удержать вожжи в своих руках, конь времени сбросит нас на повороте. Я это говорю не для того, чтобы на трон вместо Сеид-Алим-хана посадить Мухаммет-Шо, а ради нашей будущности.

Шейх переменил позу, сел на пятки, как во время молитвы, и, поглаживая остроконечную жиденскую бородку, заключил свою мысль:

— Не сомневаюсь, что вам, как лучшему другу эмира, не по сердцу такие разговоры...

Агзам вспомнил казахскую пословицу: «Обидные слова читаю по твоим губам, хотя ты их не произносил».

Имам понял намек шейха. Тонкая игра: получить характеристику эмира и ею же потом козырять; если нужно, использовать против самого имама! Нет, имам не такой простофиля! «Однажды обожженный — будет пить глотками», — говорят казахи. Агзам проявил лисью осторожность. Он ответил не то, что думал:

нем Востоке. Получив наследственный титул «Его высочества принца британской империи», в очень короткий срок сделался владельцем огромных заводов.

Английские империалисты выдавали Агахана за святого пророка для народов Ирана, Афганистана, Памира.

— Личность Сеид-Алим-хана не должна ввести нас в заблуждение. Надо спасти престол эмира...

— Как? — живо спросил шейх.

— Я хочу услышать это от мудрого шейха! — имам лукаво улыбнулся.

Шейх встал, прошелся по комнате и снова сел.

— Спасти можно только силой. Драться до последнего издыхания. Если ружье дало осечку, браться за нож. Если нож выпал, кусать зубами. Я заверяю вас, что в этой святой борьбе вам поможет весь мусульманский восток! — Шейх уточнил свою мысль: — Всевышний велит нам быстро подготовить войска Сеид-Алим-хана и внезапным ударом взять Ташкент. Для этого силы Прунзе-ака надо раздробить. Из Кашгарию наши друзья послали верных рабов аллаха в Семиречье, чтобы там запылал новый очаг пожара. Прунзе-ака тогда отойдет от Бухары. Аминь! Дорогой имам, надо не выпускать из виду Семиречье!

— Об этом думает и эмир...

Имам вытащил из кармана роговую шахшу¹ с серебряной отделкой. Не спеша он высыпал на ладонь щепотку насыбая, растертого в порошок табака, смахнул в рот и языком осторожно затолкнул за зубы. Шейх с удивлением следил за имамом. Когда Агзам с удовольствием проглотил слюну, смешанную с соком табака, шейх отвернулся. По лицу его пробежала гримаса брезгливости.

К полуночи они договорились, что Бухара, Ташкент и Семиречье будут связаны единым узлом через мечети.

— Кого из надежных людей вы можете назвать в Семиречье? — шейх тянул за язык имама, вынуждая раскрыть карты.

— *Есть очень влиятельный человек.

— Кто он?

— Содержатель мечети.

Агзам рассказал, что Хальфе связан с Бухарой через диванов.

Шейх зажмурил глаза, словно что-то припоминая. Затем шепотом спросил:

— Кого имеете в виду в Ташкенте?

— Видите ли, все эти джадида, наши ученые узбеки, не в ладах с эмиром. Среди них есть и такие, которые

---

¹ Шахша — табакерка.

из-за неприязни к Сеид-Алим-хану делают ставку даже на Ибрагим-бека.

— Хорошо. Я дам вам один адрес!

На прощание шейх попросил Агзам:

— Было бы достойно памяти пророка, если бы уважаемый имам сказал несколько слов завтра в мечети. Аллах велит мне молчать. Жестокая война посеяла колочки на полях мусульман.

Они разошлись друзьями. Агзам не догадался, что под маской шейха-пандита скрывался Гарри Терренс, офицер английской разведки.

Глава восьмая

— Я вас потерял вчера! — сказал Жунус, идя рядом с имамом в мечеть.

Правый рукав его халата висел пустой, а перевязанная рука была спрятана на груди.

Спрашивая о таинственном исчезновении имама, Жунус хотел разузнать, не может ли он быть в чем-нибудь полезен Агзаму.

Имам увильнул от прямого ответа. Он не хотел посвящать Жунуса в деликатный разговор с шейхом. Кто его знает! Сегодня Жунус не хотел идти на совещание под предлогом, что он не духовное лицо. Имам с трудом настоял.

Когда они пришли на место сбора, длинный зал мечети уже был переполнен. Впереди полукругом сидели имамы, ходжи, муллы в больших белых чалмах и в белых халатах. Одни, полузакрыв глаза, перебирали четки; другие, искоса поглядывая на соседей, перебрасывались скупыми фразами, словно каждое слово вытаскивали удочкой.

Агзам встал у дверей и, приложив руку к груди, приветствовал собравшихся протяжным голосом. Длиннобородый ветхий старик с провалившимся от болезни седлообразным носом, восседавший на самой середине полукруга, отодвинулся и указал место имаму рядом с собой. Жунус сел у входа.

После краткой беседы с Агзамом ветхий старик начал шепеляво бормотать, пересыпая свою невнятную речь цитатами из корана. Его гнусавый голос прерывался ча-

стым притворным кашлем. Содержание речи было хорошо знакомо Жунусу. Старик повторял старые проповеди об единстве мусульман и о загробном мире, где ждет суровая кара изменников веры.

«Ничего нового»,— подумал Жунус. Ему хотелось послушать речь, зажигающую сердце. А тут... Он был разочарован. Ведь всю ночь он не сомкнул глаз в ожидании выступления подлинного вожака мусульманской религии.

Жунус оглядел собравшихся — как они воспринимают скучную проповедь. Рядом с ним сидел худой, тощий ходжа, совершивший паломничество в Мекку. Его большие толстые губы были упрямо сжаты. Он слушал, приложив сухую ладонь к заросшему седыми волосами уху. Любопытно, как ходжа расценивает происходящее? Возможно, он тоже согласен с Жунусом, что проповедь предназначена не для собравшихся представителей духовенства, а для населения захудалого кишлака?

Подле ходжи сидел чернобородый мулла с короткой шеей. Глаза у него красные, злые. А где же ученый шейх из Индии? О нем случайно обмолвился имам Агзам. Может быть, вон тот, притаившийся в углу, как сыч? Вряд ли! Слишком уж наглый и подозрительный у него вид. Нет, шейх должен быть душой совещания, сидеть на почетном месте...

Мысли Жунуса были прерваны выступлением Агзама. Он был одет лучше других. Нарядный халат из гиссарского шелка, обшитый широкой тесьмой, облегал его плотную фигуру. На голове белела чалма, намотанная на парчовую тюбетейку. Огладив бородку, имам начал с восхваления подвигов пророка и его халифов¹. Затем он перешел к эмиру Бухары, выставив его как лучшего мусульманина. Под конец потребовал поднять восстание, жестоко расправиться не только с большевиками, но и со всеми сочувствующими им. Если потребуется, читать молитву с кровью, без обмывания. Бог простит! Имам требовал связаться с мелкими отрядами басмачей и объединить их вокруг эмира.

Жунус, слушавший выступление своего друга, был ошеломлен. Агзам в беседе с Жунусом всегдаставлял

---

¹ Х а л и ф ы — близкие сподвижники Магомета, после смерти его взявшие в свои руки не только духовную, но и светскую власть.

на первый план народ, его нужды. А тут он заговорил о беспощадной жестокости, чтобы сохранить старый мир. Разве жестокостью можно привлечь народ на свою сторону?

Нет, нет, уста имама Агзама выражают чужие мысли. Только вчера он, духовный отец, дал обещание всю силу употребить на то, чтобы уговорить эмира улучшить жизнь трудового народа Туркестана и Бухары. Иначе народ не будет воевать за ислам.

Синие глаза Жунуса пробежали по рядам. Тонкие губы сложились в саркастическую улыбку. Бледное лицо покрылось алыми пятнами. Он решил сказать свое слово. Надо дать толчок к серьезным мыслям, чтобы муллы не поддержали Агзама.

Жунус поднялся. Без чалмы, в простом халате он резко выделялся среди мулл.

— Ваши слова для народа должны быть как слова корана. В ваших словах люди ищут путь к спасению на том свете и к хорошей жизни в этом мире. Но вы всегда обещаете блаженство рая в загробном мире, а в этом, кроме проповеди терпения и угроз заслушание, народ ничего от вас не видел и не слышал. А вот в Ташкенте обещают лучшую жизнь в этом мире, на земле, а в том — ничего. Как же вы думаете, за кем пойдет наш измученный народ? Мне кажется, любой казах или узбек подумает про себя: «Дай я лучше поживу в этом мире, чем ждать неизвестности в том!» Ведь никто не возвращался с того света и не сказал, что там очень хорошо. А если это так, то почему мы должны беспощадно угнетать, опугивать от себя бедный наш народ? За что? За то, что он хочет хорошей жизни? Обещайте мусульманину хорошую жизнь, помогайте ему, он сам пойдет за вами, а не за большевиками.

Все смотрели на Жунуса с возмущением, а некоторые с открытой ненавистью. Сосед муэдзин тихо потянул Жунуса за полы халата, стараясь остановить его.

— Джадид! — шепнул ветхий старик на ухо своему соседу. Это слово пошло по рядам, повторяемое как эхо. По лицу шейха пробежала тень беспокойства. Тонкие веки тревожно поднялись и сразу опустились.

В это время с минарета раздался призыв муэдзина. Первый день совещания закончился общей молитвой и просьбой к аллаху о помощи.

Вечером ученый шейх пригласил к себе Агзама и за угощением спросил:

— Кто это говорил?

— Истинный мусульманин. Если он не так мыслит, то в этом виноват я.

— Такие мусульмане работают заодно с большевиками! — ответил шейх.

— За него я ручаюсь!

— Если вы ручаетесь, дорогой имам, то я спокоен. Но... — шейх тихо закончил: — Такому человеку место не здесь, а в Семиречье. Оттуда есть хорошие новости...

— Это что — слух о беженцах, вернувшихся из Китая?

Шейх перебил:

— Это не слух. Семиречье сейчас — пороховая бочка, дорогой имам. Уговорите этого казаха вернуться домой. Я свяжу его с верным рабом аллаха. Попробуйте. Благодарю вас!

Разговор о Жунусе прервал мальчик, принесший чилим¹ с откидной сеткой на головке. Под сеткой чилима шипела анаша.

Агзам схватил чилим и жадно затянулся... Когда щеки его покраснели, а глаза покрылись пеленой, шейх Мухитден-ибн-Аль-Араби наклонился к нему и спросил:

— Сколько золотых стоит голова Пронзе-ака?

Отвечая на собственный вопрос, он передал имаму сложенную вчетверо бумажку с арабским текстом и сказал:

— Читайте!

Это был приказ командующего войсками Туркестанского фронта Михаила Фрунзе от 23 мая 1920 года:

«...Басмачи не просто разбойники, если бы было так, то понятно, с ними давно было бы покончено. Нет, основные силы басмачества составили сотни и тысячи тех, которых так или иначе задела или обидела прежняя власть; не видя нигде защиты, они ушли к басмачам и тем придали им небывалую силу. Вместе с собой они принесли басмачам и поддержку мусульманского населения...»

Шейх наклонился в сторону имама и закрыл рукою бумагу.

---

¹ Чилим — курительная трубка.

— Мудрый имам, я вас прерву...— он вежливо, но бесцеремонно вырвал приказ из рук Агзама и добавил:— Обратите внимание на эти слова: «Вожди басмачей, успевшие своей борьбой приобрести большую силу и влияние, учли это и в большинстве признали советскую власть...»

— Неужели так?

— К сожалению, да!.. Но...

Невдалеке пропел петух. Агзам встал. Мысль шейха осталась недосказанной.

Глава девятая

Тлеубай, как уверяли жители аула Айна-Куль, свихнулся в окопах.

— Бедняжке,— рассказывали соседи,— до сих пор снится бомба, такая круглая, с головой и с ножками. Она подходит к нему каждую ночь и спрашивает: «Хочешь, взорвусь?» Конечно, от такого сна не только закричишь, но и с ума сойти можно.

Правда это или нет? Вероятно, правда. С фронта Тлеубай вернулся безбожником. Он не мог понять, как бог допустил войну. На его глазах после взрыва бомбы от взводного командира остался только один сапог. А взводный командир был веселый человек и хорошо относился к Тлеубаю. Вернувшись в Айна-Куль после тяжелого ранения в голову в дни революции, Тлеубай стал говорить такие вещи, что стариков бросало и в жар и в холод. Его прозвали «коке-мылжын».¹ Над ним посмеивались, но все же его слушали охотно.

Хальфе не мог допустить, чтобы в ауле какой-то сумасброд распространял ересь. Он надел чалму и подошел к юрте Жунуса. Здесь собралась толпа, окружившая Тлеубая. Хальфе прошел внутри круга и, взмахнув палкой, крикнул:

— Грех вам слушать безумного человека! Именем аллаха проклинаяю всех, кто впредь будет слушать его!

И Хальфе палкой указал на Тлеубая.

— Хальфе,— сказал Тлеубай,— мы уважаем вас, но просим уважать и нас. Сейчас свобода. Каждый человек имеет право говорить, что он хочет.

---

¹ Коке-мылжын — пустомеля.

— Вон с глаз моих! — вскричал Хальфе, потрясая палкой. — Еретик!

И вот этот Тлеубай, безбожник, с первых же дней возвращения беженцев подружился с Бакеном.

— У каждого своя участь в жизни, — сказал он ему. — Ты страдал в Китае, а я в окопах. Но мы еще не сели верхом на жизнь, идем рядом с нею пешком. Пятки у нас в крови, изодраны от ходьбы. Давай жить как следует?

— Это как?

— Завтра идем к землемеру и заставим его отмерить нам на левобережье реки Кастек землю. Мою и твою, что отобрали после восстания. Там мы построим дом из самана. Посадим яблони, будем сеять хлеб. Поле станем обрабатывать вместе.

Они ударили по рукам, и на следующий день Тлеубай отправился в Кастек. Бакен не смог поехать с ним.

Тлеубай пришел на квартиру Сугурбаева, «большого начальника», и не застал его дома. Нежданного посетителя встретил Фальковский.

— Где начальник? — спросил Тлеубай громовым голосом.

— Уехал.

— Ты кто?

— Землемер.

— Ты мне и нужен!

— Что вы хотите?

— Пойдем на речку. Отмеришь мне и Бакену землю. Фальковский улыбнулся.

— Не могу, дружок, без постановления правительства и без указания товарища Сугурбаева.

— Врешь! По глазам вижу. Обманываешь!

— Не оскорбляйте, будете иметь дело с товарищем Сугурбаевым.

— Чихал я на твоего Сугурбаева!

Тлеубай расстроенный вышел. Но затем снова возвратился и решил заставить силой землемера пойти на левый берег Кастека.

Фальковский удачно вывернулся и спасся бегством. Хозяева дома пытались задержать Тлеубая. Раскидав их, он выбежал во двор. У крыльца стояло несколько станичников. Один из них, светловолосый, в поношенной гимнастерке, загородил ему дорогу:

— Ты что буянишь?

Тлеубай не ответил. Его окружили со всех сторон.

— Землицы захотел? — усмехнулся чубатый казак.

— Принеси мешок и набери ее. Мы тебе насыпем без скандала.

— Надо у него спросить, не он ли сломал мельницу Тыртышного в шестнадцатом году?

Тлеубай понял, с кем имеет дело. Не обращая внимания на насмешки, он молча ушел.

Глава десятая

Тлеубай умер внезапно через день после посещения землемера Фальковского. Первым о его смерти узнал Бакен. Рано утром он зашел к своему другу и увидел печальную картину: жена тормошит Тлеубая, а сама заливается слезами.

— Отец, вставай! Боже мой, что с вами? Ой-бай!

Бакен наклонился. Тлеубай уже не дышал. Сердце перестало биться. Жена подняла на Бакена глаза, в них светился ужас.

— Надо вызвать аксакалов,— хмуро сказал Бакен.

Жена с плачем выбежала из юрты. Ее крик разнесся по всему аулу.

— Ой-бай, бог наказал!

Увидев жену Тлеубая, ревушую, взлохмаченную, женщины бросились к ней. Прибежала и Гульжан. Юрта Тлеубая не могла вместить желающих взглянуть на мертвеца. Многозначительно почмокав губами и пробормотав молитву, любопытные отходили от мертвеца. Все поражались необычной смерти человека: не болел и вдруг умер.

Жена, размазывая слезы по щекам, рассказывала:

— Пришел из станицы, поел и уснул. Всегда просыпался рано, а тут спит и спит. Я уже подоила корову, а он все спит. Стала будить — тело холодное, не шевелится...

— Что вы смотрите — зовите муллу! — посоветовал кто-то.

— А что, без вызова не придет? — усмехнулась Гульжан.

— Без вызова Хальфе не придет. Так велит шарият! — ответил тот же голос.

— Тут дело нечистое. Надо заявить органам власти! — предложил Бакен.

— Ясно, отравили казаки! — утвердительно сказал один из беженцев.

Аксакалы вышли из юрты, за ним остальные. Мелкими, быстрыми шагами подошел Хальфе. Полы халата его развевались на ветру.

— Ассалямалейкум! ¹ — приветствовали муллу в один голос аксакалы.

Хальфе, приложив правую руку к груди, чуть наклонил голову:

— Уалейкумассалям! ²

Муллу пропустили в юрту. Толпа снова хлынула за ним. Хальфе пощупал лоб, приподнял руку и отпустил. Она безжизненно упала. Затем мулла раскрыл веки покойнику и посмотрел глаза. Пробормотав под нос молитву, он выпрямился.

— Кончился! Слава аллаху. Покойный был богохульником, произносил еретические речи. За это он наказан аллахом! Амины!

Хальфе, сложив ладони в горсточки, медленно провел ими по лицу. Сквозь пальцы он следил за толпой. Аксакалы перешептывались.

— Я совсем другого мнения, дорогой Хальфе! — сказал Бакен.

Щеки муллы затряслись от гнева. Указательный палец его повис в воздухе:

— Идешь против бога?

— При чем тут бог! Мне кажется, его отравили в станице!

— Это известно только одному аллаху. От чего бы он ни умер — это божье наказание!

— Это ваше мнение. А я еду к властям! — мрачно сказал Бакен.

Аксакалам не понравилась перепалка между Хальфе и Бакеном. Они стали осуждать Бакена: «Заяви не заяви, а человек умер! К чему лишний шум? Тлеубаю теперь не поможешь!»

---

¹ Ассалямалейкум — мир вам!

² Уалейкумассалям — вам тоже мир!

Бакен ушел. Аксакалы, пошептавшись с Хальфе, велели приступить к обмыванию.

Через три часа сверстники Тлеубая завернули его холодное тело в саван, вынесли из юрты и положили на пригорке, головой на восток.

Хальфе начал читать молитву. О чем просил мулла аллаха, известно было только ему одному. Может быть, отмаливал грехи безбожника, а возможно, просил прибавить наказание Тлеубаю.

В полдень траурная процессия двинулась на кладбище. Впереди шагал Хальфе, а замыкал шествие Бакен. Он шел, понуриив голову, раздираемый сомнениями. Сообщить властям о смерти Тлеубая он не поехал. Друзья уговорили принять участие в похоронах. Вместе с джигитами Бакен рыл могилу. Он постарался для друга. Несмотря на каменистую почву, могила получилась просторная, с боковой нишей, куда кладут покойника.

Бакену жаль было Тлеубая. Жил человек, умер и, главное, жизни хорошей не видел. Трудно поверить, что он умер естественной смертью. Гульжан тоже так думала. Бакен уговорил ее сходить в Кастек, пусть посоветуется с Верой Павловной. Может быть, учительница знает, что произошло с Тлеубаем в станице.

А Хальфе был рад — одним врагом в ауле Айна-Куль стало меньше. Мулла спешил с похоронами. Запретил устраивать пышные поминки, читал коран недолго, не больше десяти минут. А если бы умер бай? Хальфе пролил бы тогда семь потов. Мулла мстил Тлеубаю даже после его смерти!

В последние минуты жена покойного лишилась сознания и упала. Бакен и Токей спустились в могилу, взяли на руки тело Тлеубая, бережно положили в нишу и вылезли обратно. Токей тщательно накрыл яму доской. Родственники и друзья стали засыпать могилу песком. Так полагалось по шарияту.

Усталый Бакен пришел к Гульжан. Она только возвратилась из Кастека вместе с Верой Павловной.

Бакен присел за дастархан¹. Он опорожнил одну пиалу за другой. На его лице выступил пот. День был жаркий, а выкопать могилу на пригорке было нелегко.

— Конечно, дело нечистое! — сказала Вера Павлов-

---

¹ Д а с т а р х а н — здесь накрытый для угощения стол.

на.— Как может вдруг, ни с того ни с сего, умереть здоровый человек? Надо было вызвать врача из города. Поторопились с похоронами!

— Хальфе спешил: боялся, что Тлеубай разложится от жары! — ответил Бакен.

— Спешил?! — Вера Павловна не успела закончить. Раздался душераздирающий крик.

— Ой-бай!

Бакен бросился к двери. Высокий, как жердь, он ударился головой о верхнюю перекладину, из глаз посыпались искры. За ним выбежали Вера Павловна и Гульжан. Они увидели пастуха, бежавшего мимо юрт. Он приостановился на секунду и, задыхаясь, крикнул:

— Мертвец... Мертвец...

— Что мертвец? — догнал пастуха Бакен.

— Шевелится!..

— Ты говори толком, что случилось?

— Там... мертвец... воскрес! — промолвил пастух, и бледное лицо его искривилось от ужаса.

— Что-о?!

— Могила шевелится... Тлеубай стонет!

Встревоженные жители аула окружили пастуха и закидали его вопросами. У пастуха от страха стучали зубы. В эту минуту, растолкав толпу, к нему подошел Хальфе,

— Что ты мелешь? — закричал мулла.

— Тлеубай воскрес!

— Что-о?!

— Могила шевелится... Слышны стоны.

— Дурак! — возмущенный Хальфе отвернулся от пастуха.

Толпа притихла.

— Ангелы пытаются его за грехи! — пояснил Хальфе. — Этого следовало ожидать. Он еретик. Такая участь постигнет всех, кто идет против бога!

— А может, он не умер? — с сомнением шепнул Бакен Вере Павловне.

— Если шевелится — конечно! — ответила учительница.

— Тогда идемте посмотрим!

Хальфе, как тигр, одним прыжком очутился впереди них:

— Куда? — он расставил руки, загородив дорогу.

— На кладбище!

— Вам нельзя! — завопил Хальфе на учительницу. — Вы кафир, женщина, иноверка!

Вера Павловна густо покраснела, обернулась к Бакену, как бы прося защиты. Бакен вскипел:

— Отойди, Хальфе! Не толкай меня на грех!

Мулла, воздев руки, взмолился:

— О аллах! Услышь мой голос! Пошли гром на безбожника Бакена и на иноверку, чтоб она не глумилась над нашей верой! Аминь!

Толпа зашумела. Одни приняли сторону Хальфе, другие стали защищать Бакена и учительницу. Страсти разгорелись, как степной пожар. Толпа наступала на Веру Павловну.

— Над кем она смеется!

— Идите, я сейчас задержу их! — сказала Гульжан.

Бакен взял за руку Веру Павловну, и они молча направились на кладбище. За ними, размахивая руками, с проклятиями побежал Хальфе. Гульжан повернулась к толпе.

— Родичи! — крикнула девушка срывающимся голосом. — Тлеубая похоронили живым. Как вам не стыдно? Он мучается в могиле, а вы не даёте подойти к живому человеку. А если бы на его месте был кто-нибудь из вас?

Еще минуту назад толпа была готова растерзать в гнев Вери Павловну и Бакена. Сейчас многие пришли в себя и опомнились. Может, и правда Тлеубай заступил? — подумали некоторые.

Токей выскочил вперед.

— Айда, джигиты! — крикнул он и зашагал вслед за Бакеном и Верой Павловной.

Толпа заколебалась на миг и ринулась за Токеем. Бакен не слушал проклятий Хальфе, градом сыпавшихся на его голову. Он спешил на кладбище. Толпа остановилась в десяти шагах от могилы. Бакен услышал глухой стон. Хальфе зашептал молитву. Он дрожал, готовый пуститься в бегство.

Могилка зашевелилась. Явственно послышался голос Тлеубая.

— Надо скорее откопать! Пока он жив! — крикнула Вера Павловна, косясь на муллу.

— Я не позволю откапывать! — завопил Хальфе.

— Спрашивать не будем! — сверкнул глазами Бакен.

Толпа приблизилась.

— Я вам пошлю проклятье, только посмейте дотронуться до могилы! — Хальфе рвал на себе чалму. — Завтра же вас постигнет участь богохульника Тлеубая! Что вы, забыли шарият?

Толпа опять заколебалась. Мулла наступал:

— Мусульмане, моими устами говорят сами ангелы. Его мучают за грехи, слышите?

Из толпы крикнули:

— Уйди, Бакен!

— Не смей подходить к могиле.

Бакен в ярости сорвал с головы войлочную шляпу и бросил о землю.

— Вы что, сдурели? Тлеубай жив. Нечего слушать Хальфе!

Аксакалы бросились с кулаками на Бакена. Его защитил Токей.

Из могилы послышался стон. Шум стих.

— Пока вы спорите, человек может умереть! — возмущенно закричала Вера Павловна.

Хальфе считал учительницу виновницей всей этой кутерьмы. Услышав ее слова, завопил, потрясая кулаками:

— Уберите иноверку с кладбища, пока вас не поразил гром!

Но тут произошло то, чего никто не ожидал. Земля на могиле зашевелилась, и с треском провалились доски. Все увидели голову Тлеубая, засыпанную песком.

Аксакалы во главе с Хальфе без оглядки побежали в аул. Даже кузнец Токей поспешил за ними.

Бакен, Вера Павловна и Гульжан бросились на помощь Тлеубаю.

— Давай руку!

Тлеубай с ужасом смотрел на своих спасителей. Глаза его дико блуждали. Он тихо всхлипывал и кусал пальцы.

«Сошел с ума», — Вера Павловна почувствовала, как у нее вдруг подкосились колени.

Гульжан закрыла руками лицо и задрожала. Бакен один голыми руками принялся откапывать Тлеубая..

Вера Павловна возвратилась в Кастек поздно ночью. Станица спала. Только около дома Тыртышного на зава-

линке сидели станичники и курили. В темноте сверкали малиновые огоньки зажженных папирос.

— Чудное дело! Из мертвых воскрес калбит! А?

— По ихней вере воскресенья быть не может... Говорят, мулла требует его убить и обратно закопать.

— Это, надо понимать, летаргический сон приключился.

— Если бы не пастух, крышка...

— Хорошо, у них могилы ненастоящие...

— Из русского гроба небось не вылез бы. Задохся.

— Бог наказал... Позавчера он к землемеру приходил за землей... Давай, грит, меряй немедленно...

— Ишь, какой торопливый... Немедленно!.. Сразу тебе вот! Получай!

— А на что киргизу земля? Он же спортит ее только...

— Киргизу земля ни к чему! Какой из него хлебороб? Он же пастух вековечный!

— Отнимут, черти, землю! — вздохнул кто-то. — Теперь ихняя власть! Сын Жунуса в губернаторском доме сидит...

— Ишь, куда забрался немаканный калбит...

— Отнимут землю, — снова произнес кто-то. — Отлежится этот воскресший гад и опять притопает...

— От нас зависит свое добро хранить, станичники! — прогудел басовитый голос.

Вера Павловна узнала Тыртышного и отошла. Она не хотела, чтобы ее увидели.

Глава одиннадцатая

Сугурбаев приехал в Айна-Куль.

В ауле стояла гнетущая тишина. Даже собаки не лаяли. На пороге юрты Хальфе никто не встретил Сугурбаева. Неужели муллы нет дома?

Хальфе, заканчивая полуденную молитву, стоял на четвереньках, задом к входу. Он приподнялся и опять опустился на землю. Сугурбаев остановился в нерешительности. «Веселенькая встреча! Обычно гостя принимают с распростертыми объятиями, а тут такая неприличная поза!»

Сугурбаев обвел глазами юрту. Хальфе жил бедно. На стене висел выцветший ковер. На полу разостлана

сильно потертая кошма. В юрте стоял единственный раздвижной стол. Плетеная из чия циновка укрывала посуду от постороннего взора.

Сугурбаев удивился. Действительно ли здесь живет Хальфе? Было крайне загадочно, почему известный в округе мулла не скопил до сих пор богатства? Кто он — бессребренник-фанатик или прожженный хитрец?

Сугурбаев хотел уйти, но мулла громко произнес «аминь» и поднялся.

Хальфе принял Сугурбаева радушно. Усадил на сложенное вчетверо одеяло, под спину подложил подушку. Сразу же у хозяина с гостем завязалась оживленная беседа.

— Правду говорят, что у вас в ауле воскрес мертвец?

— Да. Это был безбожник. Бог его наказал, не принял на небо.

— Что вы думаете с ним делать?

— То, что велит шарият! — произнес Хальфе тоном, не допускающим возражения.

— А народ не будет протестовать?

— Как может народ идти против шарията?

«Фанатик», — определил Сугурбаев и сказал:

— Мне кажется, уважаемый Хальфе, это бог наказывает казахов за то, что они не отомстили за погибших в год восстания. Джигиты сложили оружие и позорно убежали в Китай.

— Воистину так. Я еще в шестнадцатом году говорил, что аллах на помощь казахам посылает мусульман из соседних стран. Надо было продолжать войну против неверных.

Вечером Сугурбаев велел собрать аксакалов для беседы. Когда они вошли в юрту, он полулежал на кошме, облокотясь на пуховую подушку. Рядом с ним сидел Хальфе.

— Пах, родные братья мои! — Сугурбаев приветливо протянул толстые пальцы. Аксакалы подходили по одному и жали ему руку. Не успели они сесть, как подали кумыс.

Вначале разговор велся на отвлеченные темы, но вот заговорил Сугурбаев:

— Давно было указание от нашего ЦИКа выселить из Кастека русских, а их дома отдать вам. Но местная

власть не выполняет приказа товарища Рахимова! — Сугурбаев сокрушенно покачал головой. — Не понимаю, почему ваш уважаемый земляк Саха медлит? Когда он был здесь, наобещал золотые горы. А где они, аксакалы? Время идет, надо готовиться к зиме. Саха сам ничего не делает и нам мешает. Нужно подумать, как быть. Русские по-хорошему нашу землю не отдадут...

Сугурбаев испытующим взглядом обвел аксакалов, стараясь прочесть их мысли. Аксакалы тяжело вздохнули. Неужели опять воевать?

Молчание длилось недолго. Его прервал Хальфе:

— Казахи, верные потомки Магомета, поднялись против русских в шестнадцатом году по велению самого аллаха. Но многие невежды не поняли его воли и, бросив оружие, бежали в Китай вместо того, чтобы умирать за веру. Весь мусульманский мир протягивал тогда нам руку помощи. Но ваши вожаки трусили и предали вас. За это бог еще накажет всех, кто до сих пор не отомстил за погибших мусульман. Амины!

Хальфе провел ладонями по лицу.

Аксакалы вздрогнули при последнем слове: что это? Мулла просит аллаха наказать их? Ведь «аминь» означает — «да будет так»!

Хальфе заметил произведенное впечатление и продолжал монотонным голосом, каким говорят муллы:

— Дорогие мои, аллах справедлив и предохраняет нас от бедствий и гибели! В его предзнаменованиях мы должны видеть грядущие страшные дни... Слыхали вы, что бог возвратил на нашу землю с того света несчастного Тлеубая? Вы знаете, кто такой Тлеубай? Он грешник, богохульник, исчадие ада! Многие из нас думают, что он действительно уснул. Нет, всевышний возвратил его с того света, чтобы вы поняли волю аллаха и отомстили за дни скорби и печали. Верно я говорю, мои дорогие?

Седой аксакал воскликнул:

— Аминь! Если мы не исполним воли аллаха, он пошлет нам бедствие!

— Воистину так! — поддержали его другие аксакалы.

Когда затих шум, Сугурбаев сказал:

— Аксакалы! Хальфе говорил здесь, как мулла. Он верит, что смерть Тлеубая — божья кара. Это его дело! Я, как представитель советской власти, должен сказать,

что церковь отделена от государства. Власть не вмешивается в дела веры. Это частное дело советских граждан. Но я толкую по-своему это событие. Тлеубая отравили казаки. Тлеубай просил у русских землю, а ему дали яду. Если вы будете ходить поодиночке за землей, вы ничего не получите. Надо действовать вместе, дружно. В единении сила! Так учит не только коран, но и советская власть. Казахи должны выступать все, как один.

— Наши джигиты устали! — мрачным голосом произнес аксакал, сидевший у входа в юрту.

— Хороший джигит приобретает покой только в могиле! — сказал мулла.

— Нам не к чему враждовать с русскими! — твердо ответил тот же аксакал. — Если новая власть наша, то и земля...

— Власти у казахов еще нет! — перебил его Хальфе. — Пока в Кастеке русские, о какой власти ты говоришь!

— А ты хочешь, чтобы снова лилась кровь? — голос аксакала задрожал от негодования. — У меня убили двух сыновей...

— Они погибли за веру! — поспешно ответил Хальфе. — И уже получили там свою награду — вечное блаженство...

Сугурбаев поднял руку.

— Аксакалы! Мы собрались сюда не для спора.

Шум стих. Аксакалы покинули юрту. Сугурбаев сидел скучный и курил папиросу за папиросой...

Ночью кто-то перерезал постромки сугурбаевской коляски. Это был намек: не ездь в наш аул. Сугурбаев понял его и поспешил покинуть Айна-Куль.

Глава двенадцатая

Фальковский всегда придерживался правила — дружить с тем, кто полезен. После скандала с Тлеубаем, землемера потянуло к Сотникову. Если бы не хорунжий, этот полоумный мог полоснуть его ножом.

Фальковский подошел к большому бревенчатому дому под зеленой железной крышей. Не успел он открыть калитку, как на него бросился огромный лохматый пес.

На счастье, из дома выбежал босой парнишка, в длинной розовой рубаше, с растрепанными волосами цвета меди.

— Джигит, цыц!

Пес поскулил и, поджав хвост, убежал в глубь двора.

— Придумали кличку! — одобрительно усмехнулся Фальковский, поднимаясь на высокое крыльцо.

У порога землемера встретил сам Сотников. Глаза его вопросительно остановились на госте.

Фальковский понял взгляд хозяина и ласково улыбнулся:

— Говорят, незванный гость хуже татарина?

— А говорят и так: пошли бог гостей — и хозяин будет сытей! Милости просим!

Сотников крепко пожал руку землемера и пригласил его в комнату.

На подоконнике и на полу стояли в горшках густые, ветвистые, любовно выращенные цветы — лапчатый фикус, пунцовая герань, золотистый огонек. Они скрадывали свет, и, хотя стоял солнечный, ясный день, в комнате было темновато.

— Когда приехали? — любопытствовал Сотников.

— Недавно.

— Что новенького в городе? — хорунжий обнажил крепкие крупные зубы.

Фальковский откинулся на спинку венского стула, закурил и, не спеша, рассказал о намерении Сагатова вернуть казахам всю землю, четыре года назад переданную казачеству Куропаткиным.

— Уже дано задание исполкомам готовить списки, из каких аулов отмежеваны земли и кому переданы. Говорят, Сагатов послал телеграмму самому Ленину.

— Тогда доброго ждать не приходится! — потемнел в лице Сотников.

В окно заглянул Тыртышный, тесть Сотникова, владелец мельницы. Поглаживая огненно-рыжую бороду, спросил:

— Есть дома кто?

— Заходи, заходи! — оживился хорунжий. — Как раз кстати...

Должно быть, Тыртышный видел, как землемер вошел во двор Сотникова. Появление его не было случайным.

На столе сразу же появилась четверть самогона, кусок свинины, помидоры, яблоки.

— Для утверждения знакомства! — сказал Сотников, приглашая Фальковского к столу.

«Без землемера никакая власть не обойдется, — размышлял хорунжий. — Человек нужный, всегда пригодится!»

После первого стакана Тыртышный заговорил:

— Киргизье распоясалось, за горло хватает. Житья никакого не стало...

— Учили их в шестнадцатом году, да, видимо, мало! — отозвался Сотников.

— Забыли, как их в Беловодье резали, чертей... Полковник Гейциг не церемонился...

Сотников чокнулся с Фальковским, залпом опорожнил стакан и сунул в рот ломтик недозрелого яблока.

— Ты скажи, чем тебя тогда наградили, зятек? — Тыртышный протянул стакан, желая чокнуться.

— Меня? Ты, батя, не заговаривайся!

— Чудак! Чего боишься. Он же не киргиз, свой, русский человек! — пристыдил Тыртышный зятя.

— Не люблю, когда играют в жмурки! — полушутя-полусерьезно заметил землемер.

Сотников изменился в лице, но постарался ответить спокойно:

— Если бы это был я, скрывать не стал бы!

Фальковский усмехнулся:

— Не бойтесь. Я в Чека не работаю и коммунистам не сочувствую. Беспартийный спец...

Землемер подметил — Сотников струсил, и это ему понравилось.

— Ну, хорунжий, давай выпьем за дружбу! — предложил он, приподняв свой стакан. — Уважаю храбрых людей.

Тыртышный улыбался, вытирая мокрые огненные усы.

— Я же человека сразу вижу! — бормотал он, икая. — Пока землемеры у нас русские — все будет правильно. Выпьем за советскую власть, только чтоб она была без коммунистов и киргизов... Зять, поставь еще бутылку...

Возвращаясь вечером от Сотникова, Фальковский возле речки встретил Веру Павловну, собиравшую ягоды. Учительница шла босая, обходя колючки и пни. Ее загорелые стройные ноги ступали осторожно. Розовая кофта, заправленная в коротенькую юбку, придавала Вере Павловне моложавый вид. Землемер не отрывал глаз от женщины, следил за каждым ее движением. Вера Павловна не замечала Фальковского. Поставив корзину на пень и сложив ладони рупором, кричала:

— Ау! Ау!

Ей ответил весь лес, повторив ее голос. Эхо постепенно замерло в далеких горах.

Фальковскому захотелось тоже аукнуть. Но кто-то успел его опередить. Детский голосок звонким эхом прокатился по лесу. Вслед за ним густую лесную чащу разрезал короткий свист.

Вскоре на полянке показались девочка и черноголовый мальчик.

— Асхар, вон моя мама! — крикнула девочка и побежала к женщине.

Фальковский спустился с крутого яра, разделся на горячем песке и бросился в речку. Холодная прозрачная вода едва накрыла его тело.

Учительница с детьми покинула берег.

Глава тринадцатая

Беженцам возвращают левый берег Кастека! Эта новость заинтересовала и Бозтая, отличавшегося предприимчивостью. Торговля—хорошее дело даже при большевиках: умеючи, ее можно вести отлично и без денег, на обмен. Но если землю дают даром, отказываться не следует. И Бозтай тайно шептался со своим компаньоном по торговле. Левый берег Кастека до восстания принадлежал аулу Айна-Куль. Бозтай знал—там отличные сенокосные угодья. Если удастся захватить их побольше, можно будет летом сдавать в аренду stationникам. Хорошо бы получить одному весь левый берег! От этой мысли он даже зажмурился, как сытый кот. Конечно, это неосуществимая мечта, но как бы можно было развернуть торговлю! Как разбогатеть! Тогда можно было бы жениться на Гульжан и переехать в дом Жунуса.

Старшая жена с детьми останется в Узун-Агаче, он будет ездить к ним раз в неделю. Очень удобно! Гульжан ему нравится, красавица! А главное, породнившись с таким большим комиссаром, как Сагатов, бахалши сразу завоюет положение в обществе. Ему будет почет, и торговать будет удобнее. Богатство само посыпится Бозтаю в карман, как дождь в ведро.

И Бозтай решил поторопиться. Пока будут делить землю, надо добиться расположения Гульжан. Такую невесту упускать нельзя.

Бозтай поехал в Айна-Куль. Он остановился в юрте Жунуса. Фатима встретила бахалши радушно, напоила кумысом. Гульжан не было дома, она с утра уехала в Кастек и сегодня должна была возвратиться. Это сообщение обрадовало Бозтая. Он будет стеречь ее на берегу озера на повороте дороги.

Попрощавшись с Фатимой, Бозтай отправился на берег. Не спеша он стреножил коня, а сам лег в тень скалы поджидать Гульжан.

Высоко в безоблачном небе стояло солнце. Знойные лучи его накалили камни, и они были горячи, как плита. Даже в тени было жарко, и Бозтай изнывал от духоты и скуки, вглядываясь в поворот дороги. Скоро ли появится там Гульжан?.. Прошел час, другой... Бозтай занял новое место — тень от скалы значительно передвинулась.

Наконец он увидел Гульжан. Она шла одна в большой задумчивости. Проходя мимо озера, девушка остановилась, мигом сбросила одежду, распустила волосы и прыгнула в воду. Купалась она долго, с наслаждением, лежала на воде без движения. Бозтай бесшумно подкрался к одежде, схватил ее и спрятался опять за скалой.

Выйдя из воды и обнаружив пропажу платья, Гульжан застыла в недоумении. Она вздохнула, услышав свое имя:

— Гульжан!

Девушка стремительно бросилась в воду. Из-за скалы показался Бозтай с одеждой в руках.

— Ну, что? Попалась! Помнишь, как издевалась надо мной? Теперь пришла моя очередь!

— Что вам надо от меня?

— Ничего! Теперь мы квиты. Давай мириться!

— Мириться? — глаза девушки гневно сверкнули.—
На, получай!

Она схватила из воды горсть грязи и ловко метнула
ему в лицо.

— Ах, вот как! Ну, тогда посиди в воде, а я подожду.
Мне спешить некуда!

Девушка не на шутку встревожилась. Она ози-
лась вокруг, как пойманная лань. Бозтай ходил по бере-
гу и посмеивался. Вдруг Гульжан крикнула угрожающе:

— Ну, погоди!

И она поплыла на другой берег, где стояла хибарка
бабушки Кудан.

Бозтай, не ожидавший такого исхода, смотрел с удив-
лением вслед. Девушка вышла из воды и стала взби-
раться на крутой берег. Бахалши подумал — уж не за-
влекает ли его Гульжан? Но девушка скрылась в
хибарке. Тогда Бозтай, понутив голову, пошел искать
коня. Платье Гульжан он захватил с собой.

Гульжан добралась до бабушки Кудан. Пока она от-
дыхала, ей принесли женское платье. Через некоторое
время из хибарки вышла молодая девушка. В ней вряд
ли бы кто сразу узнал Гульжан.

Увидев дочь в женском платье, мать всплеснула ру-
ками:

— Что с тобой, дочка? Почему ты так оделась?

— А разве ты забыла? Сегодня к Жакену приехали
из Узун-Агача за невестой. Жених из беженцев, будет
свадьба. Я и решила принарядиться! — весело ответила
девушка.

На следующий день Гульжан пришла на вечеринку.
Юрта была полна гостей, на правой стороне сидел же-
них в окружении девушек. Они щипали его за нос и за
уши. Бедняга только вздыхал. По обычаю, он должен
был терпеливо сносить все проделки молодых проказниц.

Когда в юрту вошла сияющая Гульжан в женском
платье, джигиты расступились, освободив ей место меж-
ду женской и мужской группой. В последней Гульжан
заметила Бозтая — товарища жениха. Бросив презри-
тельный взгляд на своего обидчика, она пододвинулась
к девушкам и что-то зашептала им. Послышалось весе-
лое хихиканье. Игра еще не начиналась, ждали певцов.

Соседка Гульжан взглянула на Бозтая, одетого в узбекский разноцветный халат, и воскликнула:

— Какие горные пещеры похожи на наши у озера Айна-Куль?

Это был намек на широкие ноздри бахалши.

— Нет ни одной тропинки, как забраться! — подхватила другая.

— А там удобно охотиться на зайцев?

— Какая там охота, там вечная слякоть! — возразила третья.

— Нет сомнения — там сосульки!

Все громко захохотали. Бозтай понял, что девушки высмеивают его. Не подавая виду, что он заметил насмешки, спросил:

— Может быть, вам подать сосульки?

— У нас у самих руки длинные, — ответила соседка Гульжан и сунула ему в нос табак.

Бозтай чихнул под громкий девичий смех. Догадавшись, что издевательство исходит от Гульжан, он схватил домбру и крикнул ей:

— Выходи на состязание. Будешь побеждена — выполнишь все мои желания!

— Согласна! — ответила Гульжан. — Будете побеждены — наказание придумает она! — и девушка указала на свою соседку.

— Идет! — Бозтай покраснел, надулся и громко запел стихи без подготовки, как обычно поют старые акыны:

Ой, Гульжан, ты не дочь богача,
Зря на знатный ты род намекаешь.
Не гордись, о богатствах крича,
Я скажу тебе, встав у плеча:
— Кто такая — сама ты не знаешь! ¹

Бозтай умолк. Гульжан взяла домбру. Ее пальцы побежали по ладам.

Ой, бахалши, где твоя сила мужская, где мощь?
Ты способен гонять лишь мышей по аулу всю ночь.

Раздался хохот. Бозтай, чуть покраснев, начал снова. Они состязались долго, перебивая стихами друг друга.

¹ Перевод Н. Титова.

га. То и дело раздавался одобрительный смех. Наконец Бозтай, многозначительно подмигнув джигитам, запел:

Ах, Гульжан, грызет меня печаль:
Мне тебя в мужской рубашке жаль!
Хоть и ходишь ты в мужской одежде,
Но не сбывься радужной надежде.

Бозтай умолк на минуту и продолжал игривым голосом:

И одежда тебе не поможет,
Трудно спрятать тебе наготу.
Не мешало б тебе быть построже
И свою охранять красоту.

Все переглянулись, угадав намек на непристойное поведение дочери Жунуса.

Гульжан запылала в смущении. Гордо закинув голову, она запела:

Конь один без всадника летит...
Вслед за ним джигит бредет уныло.
Что с тобой произошло, джигит?
Девушка, видать, тебя побила!

Женщине не каждой быть дано
Ловким и отчаянным джигитом.
Ты же бабой стал. Не все ль равно
Для тебя с лицом твоим разбитым?

Раздался веселый смех и одобрительные крики. Многие уже слышали, как в аул прискакал конь без седока, а за ними приплелся бахалши.

Бозтай, багровый от злости, сразу не нашелся, что ответить. Все весело закричали в один голос:

— Победен! Победен! Гульжан выиграла!

Девушки схватили Бозтая, выволокли на середину и, сняв с него халат, окатили холодной водой. Затем они вытолкали его из юрты под оглушительный хохот молодежи.

Такой позор, какой перенес Бозтай, смелый джигит смывает кровью. Или он должен затоптать в грязь обидчика, чтобы люди показывали пальцами и говорили: «Вот как отомстил Бозтай, смотрите!»

Жажда мести душила бахалши. Он вскочил на коня и помчался к себе в аул. Двадцать верст конь пролетел стрелой...

В ту же ночь Бозтай подкупил трех джигитов, чтобы они помогли ему похитить Гульжан. На другой день с вечера в Айна-Куль выехали три всадника, четвертый уехал много раньше — выяснить обстановку. Оставив коней в лесу, джигиты перебрались на берег озера и стали ждать.

В Семиречье ночь долго держится в горах. Быстро темнеет серебристая вершина Алатау. Черный полон скрывает перевалы и ущелья. В таинственной ночной завесе тонет долина, а горы кажутся совсем рядом, рукой подать.

И сейчас ночь уже распластала могучие крылья, а джигит, посланный на разведку, все не приходил. Бозтай стал беспокоиться. Напрягая до боли глаза, он всматривался в сторону аула Айна-Куль. Отмерцали последние огоньки. Утих собачий лай. Аул погрузился в сон, а джигита все не было.

Бозтай, потеряв терпение, вскочил:

— Пойдем!

— Куда?

— В аул.

— Ты что, с ума спятил?

— Увезем силой!

— Весь аул не одолеешь. Нас только трое.

— Слепую идти, заранее обречь себя на неудачу!

— Подождем! «Кто не торопится, тот на арбе догонит зайца!»

Зашелестела трава. Бозтай приложил ухо к земле: слышались осторожные шаги.

— Кто-то идет! — Бозтай поднял голову.

— Ну, значит, он.

— Мяу... мяу! — подал условленный сигнал бахалши.

Джигит отозвался и неожиданно вырос рядом.

— Что так долго?

— Свинью подковывал! — огрызнулся джигит и опустился на землю.

Сняв войлочную шляпу, он ладонью смахнул с лица пот.

— Тебе жарко? А нам холодно!

— Побывал бы ты там, где был я.

— Ну, рассказывай! В чем дело? — торопил Бозтай.— В поисках верблюда наткнулся на вора. Так, что ли?

— Да. Если сказать в двух словах: целый день сидел за сундуком. На меня навалили столько подушек и одеял, что я чуть не задохнулся.

Джигиты засмеялись, догадавшись, что случилось. Они послали в аул именно его, потому что он не безуспешно ухаживал в Айна-Куле за одной молодой.

— Муж, что ли, застал?

— Нет. Вовремя спрятала!

— Теперь понятно: ты думал о себе вместо того, чтобы выполнить поручение! — обозлился Бозтай.

— Я все узнал. По утрам она ходит далеко на берег озера. Это самый удобный случай.

Они решили дождаться утра. Джигиты улеглись спать. Бозтай не сомкнул глаз — встретил на небе розовую полосу зари. Аул проснулся: заблеяли овцы, замычали коровы. Разноголосый гул проплыл над озером. Угнали на выпаса скотину, и все стихло. Аул снова погрузился в сон.

Бозтай терпеливо ждал и не заметил, как задремал. Он проснулся от резкого толчка в бок. Кто-то пнул его ногой. Бахалши вскочил.

— Проспал все на свете! Эх, ты! Вон, смотри! — джигит указал рукою на безносого всадника.

Поперек седла у него лежал укутанный в халат с ног до головы человек.

— Кто это?

— Невеста! Едем!

Конь под безносом джигитом рванулся. Другие джигиты тоже вскочили на коней.

— Придется не тебе жениться, а мне! Спишь крепко, бахалши!

Бозтай досадовал. Вот не везет! Теперь будут смеяться над ним в ауле. Проспал невесту. Эх, надо было задремать с вечера, как поступили предусмотрительные товарищи.

В ауле никто не заметил ночного исчезновения четырех джигитов. Они вернулись домой незаметно. Самый рослый из них внес в юрту укутанную Гульжан,

положил ее на покрашенную деревянную кровать и сказал жене Бозтая, молодой болезненной женщине:

— Принимай невесту в дом!

Оглушенная Гульжан лежала без движения.

— Жива? — ухмыляясь, спросила жена Бозтая.

— Наверно!

Джигит подошел к Гульжан, дернул за полы халата и раскрыл лицо. Гульжан медленно, с трудом приподняла веки и увидела безбородого мужчину с двумя дырочками вместо носа. Жена Бозтая молча поднесла ей кумыс. Гульжан выпила залпом и стала оглядываться. Юрта, где она находилась, была убрана хорошими коврами...

Безносый джигит и жена Бозтая вышли из юрты. Гульжан услышала, как дверь закрыли на замок...

Тишина. В юрте полумрак. Шанрак¹ открыт, виден кусочек голубого неба. Кто похитил ее? Кто этот безносый джигит? Она никогда его не видела. Неизвестность томила Гульжан. Она прислушалась. Кто-то подъехал и слез с коня. Идет медленным тяжелым шагом. Видимо, грузный человек.

Гульжан приоткрыла войлок снизу юрты и наострила уши.

— А, Как! Вашими молитвами. Садитесь сюда поближе!

Люди говорят шепотом, ничего не понять. Прорываются отдельные слова:

— Так не годится!

— Почему?

— А если зажечь с четырех сторон?

Опять шепот. Гульжан слушает, затаив дыхание.

— Сгорит, тогда и домов не будет.

— Они нас жгли, чего жалеть...

Кто-то еще подошел. Шепот прекратился. Люди ушли. Гульжан сидела в раздумье, стараясь понять, что произошло. Может быть, это сон? Нет, не сон. Почему ее увезли? Кому она нужна? И что замышляют поджечь люди, которые только что сидели возле юрты? Гульжан стало страшно. Она тихо заплакала и не заметила, как заснула. Сквозь сон девушка слышала — кто-то подо-

---

¹ Ш а н р а к — надкупольное отверстие юрты.

дил к двери и, приподняв войлок, смотрел через щель. За ней наблюдали.

Когда она проснулась, ее накормила бесбармаком та же молодая женщина, что поила кумысом. Молча, с затаенной завистью в глазах она следила за Гульжан.

— Вы хозяйка или батрачка? — спросила Гульжан.

Молодуха закусила губы. Стало ясно — жена.

— Я его отберу у вас!

Молодуха густо покраснела.

— Если такова будет божья воля!

— Проводите меня во двор! — попросила Гульжан.

Молодуха вышла и вернулась с двумя рослыми молодыми женщинами.

В ауле тишина. Спасаясь от жары, жители пребывали в горах. Женщины прошли далеко за сопку. Гульжан заметила: валяется реберная косточка, острая, как нож. Она нагнулась, подняла и быстро сунула за пазуху.

С наступлением темноты выпавшийся Бозтай решительно вошел в юрту. Гульжан сидела на кровати. Так вот кто ее похитил! Бозтай! Пряча в изломе губ насмешку и ненависть, она крикнула:

— Это что, месть или любовь?

— Конечно, любовь!

— Если любовь, то отвезите меня домой, и все начнем сначала. Приедете, посватаетесь, как полагается и попросите согласия родителей.

— Брось! Ты меня не обманешь!

— Не согласны?

— Нет.

— Тогда все. Я вам живой не дамся.

— Но, но! — Бозтай подошел к кровати, сел рядом.

Девушка отодвинулась.

— Разве ты не знаешь, что я тебя люблю давно!

Бозтай попытался обнять Гульжан. Она отскочила.

— Не смей!

Бозтай приподнял девушку и бросил на кровать. Гульжан вскочила и кинулась в дверь. Она оказалась закрытой снаружи.

Бозтай схватил Гульжан и прижал к груди, шепча страстные слова. Он целовал ее лицо, обдавая горячим дыханием. Жесткие иглы усов кололи губы девушки.

Гульжан пробовала освободиться из его крепких объятий. Но напрасно, Бозтай снова бросил ее на кровать. Гульжан царапала ему лицо. Бахалши схватил руки девушки и придавил к кровати. Но Гульжан, высвободив правую руку, изо всей силы ударила косточкой в висок. У Бозтая посыпались искры из глаз. Потеряв сознание, он грузно упал на кошму.

Очевидно за их борьбой следили. Жена бахалши и безносый джигит вбежали в юрту.

— Я убила его! — закричала Гульжан. — Если кто подойдет ко мне...

Она показала косточку. В темноте ее можно было принять за нож.

Жена Бозтая с воплем кинулась к мужу. Джигит опешил. Увидев «нож», он попятился назад. Гульжан выскользнула из юрты.

Тревога охватила Айна-Куль. Все недоумевали — куда же исчезла Гульжан. Утром ушла и не вернулась. Судили, рядили, высказывая разные предположения. Решили, что она уехала в Кастек к Вере Павловне. Послали туда человека, но после полудня посланец вернулся ни с чем.

Тревога росла. Фатима стала причитать и голосить. Бакен и два джигита весь день провозились на озере: искали утопленницу, но так и не нашли. Они вернулись в аул с пустыми руками.

А на другой день утром в Айна-Куль пришла измученная Гульжан.

Глава четырнадцатая

Сагатову нравилась Глафира. Знакомство, начатое в пути, продолжалось в Верном. Они встречались вечерами, когда не было совещаний и заседаний. К сожалению, таких свободных вечеров было очень мало.

Сегодня они встретились случайно и оба обрадовались возможности побыть наедине. Пройдя несколько раз по аллее парка, Саха предложил отдохнуть — посидеть на скамейке в тени густого карагача. Глафира согласилась. Солнечные лучи, пробившиеся сквозь пыш-

ную листву, рассыпались у их ног круглыми монетами.

— Вы мне напоминаете одного человека,— задумчиво сказала она.— Он был революционер. Тоже казах.

— Это кто же?

— Токаш Бокин.

Саха оторопел от неожиданности и с изумлением воскликнул:

— Вы его знали?

— Знала.— Неуловимая тень грусти пробежала по лицу Глафиры.— И даже очень хорошо.

— Токаш?! Не может быть!

— Почему вы сомневаетесь?

— Большая разница в возрасте! — И, словно желая проверить Глафиру, Сагатов спросил: — Скажите, как он выглядел?

— Все не верите? Стройный. Широкий в плечах. Лицо смуглое, глаза большие, черные. А брови тонкие, с изгибом.— Глафира помолчала и закончила: — Он часто приходил к нам. Брал у отца книги... Танцевал он замечательно...

Она улыбнулась, видимо, вспомнила что-то хорошее.

— Я тогда была еще совсем девочкой. Помню, влюбилась в него, а он... не замечал моей полудетской любви. Я даже плакала по ночам...

— О, тогда я вас знаю,— тихо произнес Саха.

И он вспомнил зимнее утро в алма-атинской тюрьме. Из окна сквозь решетку было видно, как падали крупные хлопья снега. «Саха, смотри! — подозвал его Токаш.— Видишь? Первый снег! Он меня всегда волнует. Нежный, чистый, похож на мечту влюбленной девочки»... И тогда Токаш впервые рассказал про влюбленную в него гимназистку.

— Значит, это про вас...

— Вероятно! — после короткого молчания Глафира спросила: — Вы что, учились вместе?

— Нет. Я поступил в гимназию в тот год, когда его исключили за политическую неблагонадежность. С тех пор наша дружба не прерывалась до самой его гибели. Можно сказать, он мой воспитатель. Он любил меня, как старший брат, и всегда помогал.

— Говорят, он погиб страшной смертью.

— Да. Враги его создали ложное дело и упрятали в тюрьму. А когда прокурор приказал освободить, похи-

тили по фальшивому ордеру, увезли в горы и сожгли на костре, как Джордано Бруно. Его обвиняли, что он продался русским. Обвинение, конечно, вздорное. Токаш действительно конфисковал скот у баев и роздал казахским и русским беднякам... И вот с ним расправились, расправились зверски...

Глафира тяжело вздохнула и попросила:

— Расскажите мне о нем...

— Хорошо.

Саха закурил и стал рассказывать.

— Лето шестнадцатого года после окончания гимназии я проводил у отца в ауле. Все было тихо, спокойно. Вдруг пришел приказ о мобилизации казахов на войну. В Верном созывался съезд знатных казахов. Токаш Бокин в это время вернулся из Петербурга и гостил в городе у родичей. Мы с отцом приехали в Верный и стали разыскивать его квартиру. Жил он где-то на уйгурской стороне. Встретились, как старые друзья. Договорились вместе пойти на съезд. А происходил он за головным арыком, на пригорке. Когда мы пришли, там уже собралась вся джетысуйская знать. Помню, вожак семиреченских алашей инженер Тынышпаев прочел указ царя, а Сугурбаев, этот самый, что сейчас коммунистом стал, призвал отдать сыновей на войну. Его поддержали купцы. Все шло гладко, как по маслу. Никаких не было возражений. Вдруг встал Токаш и начал рубить с плеча: «Казахи не воевали и не знают, как держать винтовку. Посылать их на передовую линию — это значит послать на истребление»... В общем, Токаш дал крепкий бой. Поднялся шум. Народ заволновался и сразу встал на сторону Бокина. Никто, конечно, не ожидал, что так повернется дело. Знать растерялась. Уже потасовка началась. Так Бокин сорвал съезд...

Глафира внимательно слушала. Саха замолчал.

— А дальше что было?

— После съезда Токаш поехал по аулам призывать народ к восстанию. В селе Чьене он столкнулся с карателями из Верного. Токаш прикинулся верным слугой царя. Он быстро расположил к себе офицеров и предложил свой план окружения повстанцев. (Об этом Токаш мне сам рассказывал в тюрьме). Офицеры выслушали и согласились. Токаш повел карателей по тропам, через пропасти и перевалы, в горы. Путь был страшно тяже-

лый. Офицеры разозлились, должно быть, почувствовали западню. И действительно, это была западня. Мой отец Жунус разгромил тогда весь отряд...

Саха замолчал. Молчала и Глафира, занятая своими мыслями.

— А все-таки неужели я похож на Токаша? — спросил Саха после паузы.

— Внешне у вас есть общее. Но по характеру вы, пожалуй, разные люди. Он был волевой, а вы...

— Договаривайте!

— Вы... Впрочем, еще не знаю.

— Робок и застенчив... А если признаться...

Саха замялся. Глафира, подняв брови, спросила:

— В чем?

— В том, что я, подобно вам, тоже был влюблен в Токаша! — неожиданно закончил Саха.

— В таком случае, будем с вами друзьями! — задумчиво произнесла Глафира.

Глава пятнадцатая

Жена Адила продала дачу, все ценные вещи—ковры, мебель, серебро, и всё же никак не могла собрать пяти миллионов рублей, чтобы выплатить контрибуцию. А муж наказывал из тюрьмы: пусть ничего не жалеет, продает все. Он требовал передач — в тюрьме кормили плохо. И жена Адила отправила Ляйли на базар сменить шелковое одеяло на масло и мед.

Ляйли сумела произвести удачный товарообмен. В придачу она выторговала несколько тысяч рублей. Можно будет купить хлеба и отнести отцу в тюрьму. Девушка знала, где торгуют хлебом из-под полы. Она заняла удачную позицию — на углу Торговой улицы, где кончалась базарная площадь. Черноволосый мужчина в очках с сумкой в руке прошагал мимо и вполголоса сказал:

— Есть хлеб!

— Почему?

— Сторгуемся.

Они отошли в сторону. Очкастый открыл сумку и показал буханку. Ляйли стала торговаться. Продавец не

уступал. Подошел еще покупатель. Тогда Ляйли сказала:

— Беру!

Она отсчитала деньги. Очкастый протянул ей хлеб, но в эту минуту подошел безусый парнишка в военной гимнастерке с наганом на боку. Он хотел схватить за руку очкастого, но тот ловко вывернулся, а Ляйли скрыться не успела.

— Идем в Чека! — сказал парнишка с наганом и потащил ее за рукав. На крик Ляйли собрался народ. Нашлись защитники, стали упрашивать отпустить девушку. Парнишка был непреклонен. Ляйли всхлипывала. На этот скандал и наткнулся Сагатов. Он удивился, увидев в центре толпы плачущую Ляйли.

— В чем дело? — спросил Саха безусого парнишку с наганом, продолжавшего тянуть Ляйли за руку.

— Спекулянтка!

— Врет. Я хотела купить хлеб! — закричала сквозь слезы Ляйли.

Толпа дружно поддержала девушку.

— Она покупала, а не продавала...

Сагатов тихо сказал парнишке:

— Отпустите ее!

— Не могу! Проходите, гражданин, своей дорогой. Не вмешивайтесь в работу Чека.

Сагатов вспыхнул:

— Покажите удостоверение!

Парнишка осекся, видимо узнав Сагатова. Он отпустил руку Ляйли.

— Скажешь товарищу Басову, что мне пришлось вмешаться в твою работу, а не в работу Чека. Понял?

Сагатов повернулся и, не взглянув на Ляйли, пошел своей дорогой.

Безусый парнишка с наганом постарался незаметно скрыться.

Толпа растаяла.

Ляйли прибежала домой и восторженно рассказала обо всем мачехе.

— Если бы не Саха, я бы уже сидела сейчас в тюрьме! — закончила девушка.

— Хорош сокол, да далек! — с сожалением произнесла мачеха.

По лицу Ляйли прошла тень. Да, Саха далек! Неужели он никогда не будет рядом с ней?

Мачеха угадала ее мысли.

— Ты напиши ему! Поблагодари! — посоветовала она.

Ляйли совет пришелся по душе. Весь вечер она просидела над письмом, переписывая его добрый десяток раз.

«Многоуважаемый драгоценный Саха!

Я отважилась вам написать первая, чтобы выразить свою благодарность. Мне ничего не надо от вас. Не думайте, что я опять прошу за отца. Я убедилась, что вы благородный отзывчивый человек. Хотела бы встретиться с Вами в доме у своих родителей и поблагодарить лично. Жду ответа.

Преданная Вам Ляйли».

Послание закончила стихами Абая:

Тәңрі қосқан жар едім мен¹.

На другой день Ляйли отправила письмо с братом. Он долго не возвращался, и это тревожило Ляйли. Наконец брат пришел.

— Отдал письмо?

— Отдал!

— А ответ?

— Обещал прислать.

Ляйли ждала день, другой, третий... На четвертый пришла соседка-татарка. Ляйли была в соседней комнате. Дверь была открыта. Мачеха стала жаловаться — внесли половину контрибуции и все-таки не выпускают Адила на поруки. Потом рассказала, как Сагатов спас Ляйли от чекиста.

— Какой Сагатов?

— Тот, который управляет всем Семиречьем!

— Крещеный казах! — пренебрежительно отозвалась соседка.

Ляйли вздрогнула: «Саха — крещеный казах!»

---

¹ Богом нареченная, я твоя невеста.

— Откуда знаешь? — удивилась мачеха.

— Говорят, женится на русской. Она не согласилась выходить за мусульманина!

У Ляйли упало сердце. Что же это такое?

— Сама видела,— сказала соседка.— Третьего дня он сидел с какой-то голубоглазой в парке. Со мной шел знакомый уйгур, чайханаша с сенного базара. Он и сказал — Сагатов в Успенском соборе крестился, принял русскую веру.

Ляйли выронила ножницы. Они со звоном упали на пол.

* * *

Ляйли не могла уснуть всю ночь, а утром на другой день она надела свое лучшее платье и отправилась в облздравотдел. Ей показали дверь комнаты, где находилась заведующая. Ляйли постучалась и вошла. За письменным столом сидела голубоглазая женщина. Она подняла голову:

— Вы ко мне?

— Да.

— По какому делу, товарищ?

Преодолев первое смущение, Ляйли спросила:

— Вы — облздрав?

— Да! — ответила Глафира.

— Я так и угадала! — Играя кончиками длинных кос, Ляйли произнесла заученную фразу: — У меня сложилась такая жизнь, что я вынуждена учиться на медика.

— На медика? Что же случилось?

— Мой жених бросил меня. Он считает, что я ему не пара.

Глафира не могла сдерживать улыбку.

— Такую хорошую невесту! И кто же такой безрассудный ваш жених?

— Сагатов.

— Сагатов? Какой Сагатов?

— Саха. Говорят, он любит девушку-медичку. Но я тоже буду медичкой. Я не отдам его никому.

Глафира промолчала.

— Вы очень его любите?

— Очень! — с жаром воскликнула Ляйли.

Девушка заметила, как «облздрав» нахмурилась и закусила верхнюю губу.

— Пойдемте. Я вас помирю с ним! — предложила Глафира и поднялась.

На секунду Ляйли заколебалась, но затем резким движением отбросила назад косы и решительно шагнула к двери.

До обкома партии они шли молча, торопливыми шагами, словно хотели обогнать друг друга.

— Сагатов занят? — спросила Глафира машинистку, сидевшую в приемной секретаря обкома.

— Он всегда занят.

— Есть у него кто-нибудь?

— Кажется, Басов уже ушел.

— Идемте, — сказала Глафира, обращаясь к Ляйли, и открыла дверь в кабинет секретаря обкома партии.

— Мы к вам по личному делу...

Глафира хотела объяснить причину неожиданного появления, но Ляйли перебила ее, заговорив по-казахски:

— Вы не ответили на мое письмо, Саха! Но я не обижаюсь. Я к вам пришла не как к жениху, а как к большому начальнику. Я хочу учиться на медика, чтобы вы любили меня так же, как вот эту девушку.

Саха с трудом удержался от улыбки и взглянул на Глафиру. Она плохо понимала казахский язык и могла только догадываться, о чем шел разговор. И, конечно, Глафира догадалась. Глаза ее лукаво улыбались, но Саха подметил в этой улыбке едва уловимый огонек ревности.

«Значит, любит», — подумал он радостно.

Ляйли смотрела на своего жениха вопросительным взглядом, ожидая ответа.

И Саха заговорил тоже по-казахски:

— Ляйли! Вы, кажется, кончили пять классов гимназии. Конечно, вам следует учиться. Нашей молодой республике потребуются тысячи врачей. Мы вам поможем поехать в Москву, Петроград или Казань. Правда, сейчас там очень голодно... Может быть, подождать год, другой...

Ляйли хотела услышать другие слова, но и этим она была рада.

Саха повернулся к Глафире и спросил по-русски:

— Какое у вас дело ко мне, товарищ Алексеева?

— Как я поняла, Ляйли уже рассказала вам о своем желании учиться, но дело не в этом...

Глафира запнулась и покраснела. Она только сейчас почувствовала, насколько нелепым мог показаться Сахе ее приход вместе с его невестой.

— А в чем же?

— Я хотела посоветоваться с вами относительно военного госпиталя.

— Тогда останьтесь, поговорим,— сказал Саха и поднялся.

Ляйли с недоумением посмотрела на Глафиру. Эта женщина обещала помирить ее с Сахой. Но почему она ничего не говорит?

Девушка перевела взгляд на Сагатова. Это ее жених! Почему же она, Ляйли, должна уйти и оставить его с русской женщиной?

— Я подумаю насчет вашей учебы! — сказал Саха.

Он ждал, чтобы она ушла. Ляйли поняла это и быстрыми шагами направилась к двери, унося в сердце обиду на жениха и вспыхнувшую ненависть к голубоглазой женщине.

Глава шестнадцатая

Еще с утра курились горы Заилийского Алатау. В ущельях ползли сизые туманы. Но день выдался душный. Солнце палило нещадно и напарило пышные облака над вершинами гор. А к вечеру черные тучи обложили небо, и на улицах стало темно, как бывает перед грозой. В горах шел теплый дождь.

Саха вернулся домой не в духе. Он вспоминал свой разговор с Глафирой. «Это ваша невеста?» — спросила она после ухода девушки. Саха взял ее за руку. «Оставьте меня!» — сказала Глафира и вышла из кабинета. Должно быть, обиделась.

Саха вспомнил Жунуса. Связал же отец его своим глупым сватовством! Надо отправить Ляйли учиться, и у нее пройдет вся блажь...

Саха почти ничего не ел за обедом. Прилег отдохнуть на диван, взял книжку. Но сосредоточиться не мог. Начиналась гроза. Он подошел к раскрытому окну —

теплый дождь переходил в ливень. Улица покрылась большими лужами. В арыке бурлила мутная вода — ей было тесно, и кое-где она заливала панель. По ней бежала женщина. Увидев ее, Саха закричал:

— Глаша!

Да, это была Глафира. Услышав его голос, она остановилась у окна, промокая до нитки. С волос падали тяжелые капли воды.

— Заходите!

Она кивнула головой и вбежала на высокое крыльцо. Он бросился открывать ей дверь. Старушка-хозяйка дала Глафире ситцевое платье, и она, переодевшись в соседней комнате, вошла к Сагатову.

— Как хорошо, что вас ко мне загнал дождь. Я только что думал о вас! — признался Саха.

— А может быть, не только обо мне? У вас есть невеста...

— Глафира Алексеевна! Да выслушайте же меня...

И Саха рассказал, как Жунус посватал у Адила дочку.

— Теперь верите или нет? — спросил он.

Весь вечер они просидели рядом. Саха держал ладонь девушки в своей руке.

В полночь Глафира собралась домой. Сагатов вышел ее проводить. Дождь кончился, но дул сильный ветер. С гор доносился неясный гул.

— Оставайтесь у меня ночевать, — предложил Саха.

— Нет, нет... Я сниму туфли и пройду босиком.

Они шагали в густой непроницаемой тьме, прислушиваясь к странному шуму. Он доносился с южной стороны города и нарастал с каждой минутой...

— Вода выступила из арыков! — сказала Глафира.

— Вернемся?

— Нет, теперь недалеко...

Они не успели дойти до ее дома. Улица неожиданно превратилась в реку. Правда, пока она была еще мелкой, но вода быстро прибывала. Что случилось? Саха, проживший всю жизнь в Верном, не мог понять. Откуда столько воды?

Какой-то старик, пробежавший мимо них в двух шагах, закричал:

— Наводнение... Алматинка разлилась...

Саха терялся в догадках: какое наводнение может быть в городе, где нет ни одного водоема? Утром Алматинку можно было перейти, не замочив ног.

А на самом деле действительно начиналось наводнение. С гор шли бурные потоки воды. Они несли песок и камни. И Саха не умом, а сердцем ощутил, что это — начало большой катастрофы. Он схватил Глафиру за руку и крикнул:

— Бежим!

— Куда?

— В обком! Тут рядом!..

Они пробежали боковой улицей мимо городской библиотеки к зданию обкома. Дверь была закрыта. Саха принялся стучать. Он знал, что сегодня дежурил член бюро обкома дунганин Цун-ва-Зо, заместитель председателя облисполкома. Дверь открыла заспанная сторожиха.

— Чего барабаните? — заворчала она недовольно, сразу не узнав секретаря обкома. — Словно пожар...

Цун-ва-Зо спал на широком кожаном диване в кабинете Сагатова. Он сладко потянулся и хотел перевернуться на другой бок.

— Проспал город! — крикнул Саха и бросился к телефону.

Телефонистка не отвечала. Саха яростно крутил ручки аппарата. Наконец отозвался сонный голос.

— Почему не отвечаете так долго! Срочно соедините с военкоматом. Звоните в Чека, милицию, в ЧОН...

Цун-ва-Зо ужаснулся: снова мятеж! Он схватился за маузер.

А Саха продолжал кричать в трубку:

— В городе наводнение... Да, да... Предупреждайте всех абонентов...

Цун-ва-Зо переводил глаза с Сахи на Глафиру. Он ничего не понимал. А Саха, уже соединившись с военкоматом, дул в трубку и кричал еще громче:

— Где военком? Объявите тревогу. Поднять красноармейцев... Открыть стрельбу!.. Что не понимаете? Стрельбу! Да-да, говорит секретарь обкома партии Сагатов.

Саха не выпускал из рук телефонную трубку. Теперь уже ему звонили в обком встревоженные работники. Ни-

кто не знал, что происходило в городе. Басов первый сообщил, что по Копальской улице идет каменная лавина и сносит дома и деревья.

Голос его звучал глухо:

— Гибнут люди.. На улицу нельзя выходить...

— Гибнут люди? — сердце Сахи похолодело. Он не заметил, как Глафира бросилась к двери.

— Что же делать? — продолжал он кричать в трубку.

— Единственное спасение — сидеть дома...

Сахе не понравился ответ председателя Чека, но Басов был прав. По улице, увлекаемые бурным потоком воды, лавиной катились огромные камни, снося и уничтожая все на своем пути.

Цун-ва-Зо высказал предположение:

— Должно быть, проломилось дно алма-атинского озера, и вся вода хлынула по ущельям на город.

Саха ничего не ответил. Черт его знает, может быть, и на самом деле так! Он сидел за письменным столом, сжав ладонями виски и ощущая полную беспомощность. Разразившаяся катастрофа была страшнее пережитого недавно мятежа. Тогда был враг, известны его силы, с ним можно было бороться, а сейчас оставалось одно — сидеть и ждать, когда каменная лавина, несущаяся с гор, разрушит здание обкома, как, может быть, она уже разрушила сотни обывательских домов...

Снова зазвенел телефон. Сагатов услышал знакомый голос военкома:

— Красноармейцы ходят по улицам и предупреждают, чтобы люди не выходили из домов. Есть жертвы...

Сагатов покраснел и только тут вспомнил о Глафире. Он оглянулся — ее в кабинете не было.

— Ушла! — сказал Цун-ва-Зо.

— Что же она не предупредила?

— Она сказала вам. Вы разговаривали по телефону. А ей каждая минута дорога. Она же врач...

Краска стыда залила лицо Сагатова. «Руководитель области... растерялся...» — мелькнуло в голове. «Люди гибнут, а ты спасаешься здесь... Глафира поступила честнее».

Он яростно закрутил ручку телефона. Станция ответила сразу же.

— Басова!

— Подождите минутку. Разговаривает.

— С кем?

— С начальником пожарной команды.

— Поторопите!

Басов отозвался почти сразу:

— Председатель Чека слушает...

— Басов! Это я говорю. Сагатов... Ты меня слышишь? Басов! Басов!

Саха дул в трубку и кричал охрипшим голосом. Ответа не было. Он понял — связь со станцией оборвалась.

Саха поднялся.

— Цун-ва-Зо! Идем...

Дунганин даже не спросил куда и молча зашагал за Сагатовым.

Ночь. Над городом стоит невероятный гул и грохот. На всех колокольнях бьют в набат. Плывут тревожные звуки, заглушаемые яростным шумом ветра, который хочет вырвать с корнем деревья. Где-то шелкают одиночные выстрелы. А по улице несется бурный поток густой грязи, а в ней каждый камень грозит смертью.

Цун-ва-Зо сказал:

— Саха, мы не пройдем! Бесполезно!

— А может быть, по соседней улице нет такого потока? — осенила Сагатова неожиданная мысль.

Они вернулись в дом и с черного хода вышли во двор, а потом в сад, залитый водою. Перебравшись через забор, попали к соседям. Огромный пес, забравшийся на будку, рывкнул два раза и жалобно заскулил, видимо, испытывая такой же страх, какой в эту ночь испытали все жители Верного.

— Это кто же? Товарищи! — окликнул Саху мужской голос.

— Свои, свои! — отозвался Цун-ва-Зо.— Соседи...

— В такой момент все свои! — проворчал, видимо, хозяин дома и заговорил торопливо: — Что же это такое творится-то? А? Все страдали землетрясением, а тут от воды, как суслики, погибаем... Должно быть, под алма-атинским озером дно лопнуло... Не иначе... Как думаете?

— Не знаю! — ответил Саха.— Через вашу улицу можно перебраться на ту сторону?

— Вода шибко хлещет, но не глубоко. Тут недавно

одна женщина пробиралась. Тоже вот вроде вас, через наш двор...

«Глафира», — подумал Саха и сказал:

— Ну, раз она прошла, значит, и мы пройдем!

Хозяин отворил калитку, выпустив Сагатова и Цунва-Зо на улицу. Здесь было значительно меньше воды, и они перебрались на другую сторону.

В эту страшную ночь грязекаменные потоки прошли по реке Алматинке и шести продольным улицам, неся смерть и разрушение. К счастью, каменная лавина провалилась в старое русло реки Весновки — это спасло город от гибели...

Когда рассвело, можно было увидеть, какие бедствия причинила ночная катастрофа. Вода схлынула, оставив на улицах каменные глыбы. Повсюду виднелись полуразрушенные дома. Если бы не деревья, посаженные полсотни лет назад шпалерами вдоль улиц, разрушенных зданий было бы во много раз больше. Могучие дубы, березы и тополи отразили ночную каменную атаку, приняв на свои стволы сокрушительные удары... Некоторые из них пали в неравной борьбе... Они лежали с поломанными сучьями, загородив дорогу.

На улицах валялись трупы людей и животных. Погибли те, кто искал спасения вне стен дома.

Саха с комиссией ходил по городу. Он увидел Глафиру с лазаретной сумкой через плечо. Она вышла из дома, стоявшего посередине улицы. Его смыло с фундамента и отнесло на полкилометра. Саха подошел к окну и услышал вопли женщин. Они оплакивали только что скончавшегося изувеченного человека.

Глава семнадцатая

Жунус не смог доехать до Бухары. Рана на руке загноилась, поднялась температура. Его сняли с поезда на пограничной станции Зиятдин, Бухарского эмирата, и переправили в кишлак Бахча-Калям. Здесь стояла передовая часть войск эмира, контролировавшая большую Самаркандскую дорогу.

Начальник гарнизона, он же военный министр — вазир-и-харб, не надеясь на бухарцев, пополнил эту часть семиреченскими добровольцами. Среди них находился и Амен.

Узнав о раненом Жунусе, он вечером прибежал к нему. Тот лежал бледный. Раненая рука покоилась на груди. Амен смотрел, не отрывая глаз, на осунувшееся лицо Жунуса. Раненый застонал.

— Как вы себя чувствуете?

Узнав голос преданного ему джигита, Жунус в ответ слабо улыбнулся.

Амен не стал терять времени на расспросы. Он разыскал на дворе хозяина, подслеповатого хромого старика, и выругал его:

— Если он умрет, я тебя расстреляю!

— Сын мой, что я могу сделать? — заплакал старик.

Приказав вынести Жунуса в летнюю половину дома, Амен побежал в комендатуру. Там сидел задержанный ночью конным разъездом лекарь. У него оказался документ, выданный бухарским раисом, — начальником полицейского участка, — и удостоверявший, что табибу Маджиду разрешен проезд по всему эмирату. Амен, плохо разбиравший закорючки арабского шрифта, положил справку в карман, а Маджида запер в обхану¹. Утром, вспомнив о Маджиде, Амен пошел спросить у полковника, что делать с арестованным лекарем.

— Отправить в рекхану², — приказал полковник.

Амен шел к лекарю и думал: не всегда полезна спешка! Если бы он отправил сегодня утром табиба в Бухару, сейчас пришлось бы раскаиваться.

— Раненого вылечишь, я тебя отпущу! — пообещал Амен. — А иначе пойдем в рекхану.

Маджид молчал. Что ответить? Если бы он был факир, а не фельдшер-самоучка, он обещал бы. Однако терять ему нечего... И он пошел за Аменом.

Маджид снял у Жунуса повязку с руки. Пуля прошла навывлет, частично раздробив кость. Рана загноилась, начиналось заражение. Что делать? Отказаться от лечения, значит, обречь себя на верную смерть в рекхане.

---

¹ Обхана — камера.

² Рекхана — знаменитая тюрьма в Бухаре.

Маджид промыл руку легким раствором соли, попросил у хозяина чеснока, выжал сок, смазал рану и перевязал.

Как ни странно, к утру Жунусу стало лучше. Когда пришел Амен, он крепко спал.

С этого часа отношения между лекарем и Аменом круто изменились.

Они часто и подолгу беседовали. Слушая рассказы Амена, Маджид уловил в них нотки разочарования.

На третий день, когда кризис у раненого миновал, они беседовали и под конец разоткровенничались. Амен рассказал лекарю о своей жизни.

В городе Туркестане у него была невеста, красивая девушка. Она приглянулась милиционеру, и тот, заставив отца, увез ее. Амен попытался спасти возлюбленную, но счастье повернулось к нему спиной. В драке он убил соперника, и ему пришлось бежать. Тогда он пристал к Жунусу, гостившему в мавзолее Ходжа-Ахмеда Яссави.

Прошла еще неделя. Жунус быстро шел на поправку. Маджид по-прежнему ухаживал за ним. Полковник забыл о лекаре, память его потонула в потоках выпитого виноградного вина.

Отъезд Маджида откладывался со дня на день. Дорога на Бухару была опасна, могли в любую минуту схватить второй раз и бросить в тюрьму. Лекарь решил подождать выздоровления Жунуса, чтобы отправиться вместе с ним в Бухару.

Незадолго до отъезда Маджида открылся базар в Бахчи-Калям.

В Средней Азии с давних времен базар не только место торговли. Здесь обсуждаются события дня и можно услышать всевозможные новости. Захватив с собою Маджида, Амен направился в Бахчи-Калям, он хотел знать, что творилось на белом свете.

Базар был в полном разгаре. На суфе¹, разложив товары, сидели бухарцы в широких ярких халатах и в белых чалмах. Бойко шла торговля. Продавцы и покупатели били по рукам. Над толпою стоял разногласый гул.

— Посмотри на этих кровопийц! — указал Амен.

---

¹ Суфа — глинобитное возвышение, заменяющее прилавок.

Маджид оглянулся. В центре базара стояли три узбека в халатах из кашмирского шелка, в атласных тюбетейках. Один из них, в лакированных сапожках, ковырял во рту серебряной зубочисткой и внимательно слушал второго, что-то оживленно рассказывавшего. Третий одобрительно улыбался, заложив руки за спину.

— Здешние тузы — аксакалы. Вон тот с зубочисткой — хозяин кишлака. Конокрад. Воровал у казахов лошадей, продавал в Бухаре, а лучших иноходцев дарил первому визиру. У него на содержании несколько воров. Они совершают далекие ночные переходы в нура-тинское бекство, где живет много казахов. Полковник знает об этом, но молчит. На днях конокрад подарил ему вороного иноходца с пятном на лбу. Замечательный аргамак!

Маджид внимательно слушал.

— А это — имам, смотритель мечети. Взяточник. Развратник, заражен дурной болезнью. Говорят, все тело покрыто у него язвами. Недавно один из сарбазов¹ в пьяном виде застрелил старушку. Имам заступился за убийцу, пошел к полковнику и доказал, что раз он убил не по умыслу, поэтому, по шариату, наказывать его не следует. А солдат потом рассказывал, что купил отпущение грехов у имама за сходную цену.

— А третий кто?

— Мираб, хозяин воды. Убийца. Темная личность. Дай закурить! Ты приучил меня к табаку.

— Кури, брат, — Маджид протянул коробочку. — Табак успокаивает.

Свернув папиросу, Амен высек кремнем огонь и закурил.

— Вчера был такой случай, — начал он рассказывать про мираба. — В соседнем кишлаке жил декханинтаджик, некий Боки Шо-мирзо. Его сын обрабатывал землю мираба, старался, но мираб надул его. Сыну надоело работать даром, и он сбежал. Тогда мираб привел лжесвидетелей в суд, и они показали, что сын таджика Шо-мирзо не доработал одного года. Мираб требовал возвратить пай воды. И суд стал на его сторону. Но так как воду нельзя было возвратить, то решили заменить ее рисовым полем. Это еще не все. Кто-то до-

---

¹ Сарбаз — солдат.

нес, что сбежавший сын декханина скрывается у большевиков. И вот два дня тому назад декханина схватили, пытали, заставляя сознаться, что его сын большевик... Мираб участвовал в допросе. Он сам придумывал пытки. Несчастному загоняли иглы под ногти. Я видел это собственными глазами...

Амен взял под руку Маджида и увлек его в другую сторону базара.

— Посмотри на этих несчастных, опухших от голода! Их доход от хозяйства делится на пять частей. Первую часть они преподносят эмиру за то, что им выпало счастье быть его подданными. Вторую — мулле в искупление грехов. Третью — мирабу за неправильное распределение воды. Четвертую — старосте за то, что он держит весь кишлак под страхом доноса...

— А пятую?

— Если она останется, то для своих голодных детей.

— Не сладкая жизнь в Бухаре! — сказал Маджид.

Их внимание отвлекли шум и крики. Двое полицейских волочили по земле узбека, один из них непрерывно замахивался дуррой¹. Узбек громко божился и стонал.

— Ясно, им понравилась вещь, привезенная на базар.

— Хотят отнять?

— Конечно. Они сейчас запрут его в каталажку, а затем выпустят. Декханин побежит быстрее зайца.

— Я вижу, ты хорошо знаешь, как здесь живут люди!.. — одобрительно промолвил Маджид, оценивший наблюдательность Амена.

— Да, я давно думаю, для кого мы воюем и разоряем народ.

Не успел лекарь ответить на этот вопрос, как им на встречу попался шут-острослов, в коротеньком пиджаке, сшитом из цветных лоскутов, в конусообразной войлочной шляпе. На самой верхушке ее торчали птичьи перья. В руках шут нес попугая.

— Скажи, попугай, что ожидает джигита? — сказал он, проходя мимо Амена.

Попугай оглянулся и прокричал «дурак». Довольный шут засмеялся и сказал на ухо Амену:

¹ Д у р р а — толстая длинная плеть.

— Только не ты, а старый евнух эмира!

Понизив голос, шепнул:

— Эмир очень дешево продает свои грехи, ищет покупателя!

— Разве приближается день страшного суда? — прищурил глаз Маджид.

— Говорят, он видел во сне Фрунзе!

Шут зашагал дальше, выкрикивая:

— Попугай предсказывает судьбу!

— По-моему, он скоро угодит в рекхану! — сказал Амен.

Они обошли весь базар и присели у хауза с зеленоватой застоявшейся водой.

— Амен, у тебя трезвый ум, острый язык, ястребные глаза, — сказал лекарь. — Ты не должен служить добровольно в стране бесправия. Уходи!

— Куда?

— Туда! — коричневый палец Маджида указал в сторону границы. — В советский Туркестан.

— А ты?

— Я тоже иду туда! — открылся Маджид.

Амен усмехнулся.

— Тогда ты заблудился, дорогой. В той стороне находится Бухара.

— У русских есть хорошая пословица: язык до Киева доведет! — уклончиво ответил Маджид.

— Ну, если так, то я могу сказать: за джигитом долг не пропадет. За Жунуса я тебя отблагодарю.

И Амен крепко пожал руку лекаря.

Глава восемнадцатая

Путь из Ташкента в Бухару был длинным и рискованным. Смерть грозила Маджиду на каждом шагу. Повесить подозрительного человека в эмирате было легче всего. Всякий незнакомец в кишлаке считался если не большевиком, то джадидом. Достаточно было простого подозрения, чтобы накинуть ему петлю на шею.

По дороге в Каган Маджид встретил двух декхан. Они ехали на низкорослом ушастом ишаке, запряженном в небольшую двухколесную арбу. Верхом на ишаке сидел рослый узбек с окладистой бородой. Ноги его

волочились по земле, поднимая столб пыли. Сзади на арбе примостился тощий его спутник.

— Куда вы держите путь, правоверные? — спросил Маджид, поравнявшись с арбой.

— В Бухару!

— Помолиться?

— Да, хорошо было бы сейчас сходить в мечеть. А тут, говорят, надо воевать.

— О аллах, заступись за своих рабов! — Маджид, держа руки горстью, провел ими по лицу. — Какая там еще война!

— С неверными. Недавно по нашему кишлаку прошли афганцы на слонах из Кабула. Они будут освобождать Ташкент от кафиров! — разъяснил бородатый узбек.

— Неужели поедете в Ташкент?

— Ташкент нам нужен, как конокрадам лунная ночь!

— Пусть воюют афганцы!..

Рано утром Маджид достиг предместья Кагана. Он шел бодро: легкая котомка не резала плечи, суковатая палка облегчала шаг.

Город только что просыпался. Пронзительно и коротко свистели паровозы на станции. Знакомые гудки — Маджид за последние десять лет, как приехал из Коканда, работал в паровозном депо в Кагане. Здесь он и приобрел опыт подпольной работы.

Не успел лекарь умыться с дороги, как к нему на квартиру прибежал Шо-мирзо — стройный сильный юноша с бронзовым лицом. Большие карие глаза его смотрели строго и внимательно. Маджид по-отечески обнял гостя.

— Спасибо, что пришел, — сказал Шо-мирзо. — Привет тебе от Мамура. Ты слыхал, что случилось с ним?

— Нет.

— На него было покушение. Шпионы эмира хотели его убить, но не удалось. Мамур отделался легким ранением. Его спасла железная пуговица на френче. Удар ножа пришелся по ней.

Маджид закурил сам и предложил табак Шо-мирзо. Таджик вежливо отказался.

— Вот что... — лекарь прищурил глаза, припоминая. — Ты, кажется, из кишлака Бахчи-Калям?

— Да. Из Бахчи-Калям, близ города Хатырги, на бухарской стороне.

Маджиду показалось, что он напал на верный след.

— Расскажи, как ты ушел из кишлака.

Шо-мирзо ответил:

— Год тому назад я удрал из дома мираба и очутился в Бухаре. Чтобы не попасть в рекхану, стал нищим и жил около мечети Худжа. Там однажды я услышал, что беглецы из Бухары собираются в советском Кагане и хотят установить свою власть. Тогда я направился в Каган.

Выслушав рассказ Шо-мирзо, Маджид сказал:

— Я был у тебя в кишлаке и узнал неприятную новость. Палачи эмира замучили твоего отца.

Шо-мирзо побледнел.

— Я говорю правду!

У Шо-мирзо навернулись слезы, губы задрожали.

— Не время плакать. Не один твой отец погиб от руки эмира. Хочешь, я тебе расскажу, кто такой эмир?

— Хочу! — ответил Шо-мирзо.

— Сеид-Алим-хан — страшный деспот. Он закончил пажеский корпус в Петербурге и далеко превзошел русского царя в жестокости и коварстве. Начиная от первого визира и кончая амальдером — чиновником, все дрожат перед ним. Он может без шума убрать любого своего придворного. В рекхане совершаются убийства без крови и без шума, и оттуда никому нет возврата. У купца Сулеймана сын Хусаин-бек учился в Петербурге в одно время с Сеид-Алим-ханом, только не в пажеском корпусе, а в университете. После вступления на престол Сеид-Алима, он стал его советчиком. Хусаин-бек был его умнее и вскоре приобрел известность во всей Бухаре. Его богатство росло, как и слава. Подхалимы эмира донесли: «В устах народа только Хусаин-бек, а о вас, тахсир, забыли». Этого было достаточно. Хусаин-бек исчез, и никто не знает, где он, что с ним.

Маджид помолчал немного и продолжал:

— А вот как эмир поступил со своим первым визирем Насруллою. Тот всегда выступал защитником трона и натравливал эмира на младобухарцев. Эмир приказал бросить их в рекхану. Насрулла посадил всех, кто не успел бежать в Ташкент. Когда визирь смел с лица

земли всех младобухарцев, эмир тогда расправился и с ним.

Маджид рассказывал и курил. Шо-мирзо молча слушал.

— Эмир — самый богатый человек в Средней Азии. У него дворец в Бухаре, второй в Ширбудуне, третий в Крыму, двести шестьдесят жен и миллионы золотом в русских, парижских и лондонских банках. Вот кто такой эмир Сеид-Алим-хан! Теперь ты знаешь.

...Через несколько дней Маджид отправил Шо-мирзо в старую Бухару для работы среди солдат эмира. Прощаясь, он сказал:

— Увидишь Жунуса из Джетысу, передай привет от Маджида-лекаря. В добрый путь!

Шо-мирзо, переодетый нищим, в этот же вечер направился в старую Бухару. Там он нашел приют у сторожа мечети. Куда деваться нищему — ведь он тоже раб божий!

Однажды сторож услышал, как имам мавзолея Ходжа-Ахмеда Яссави сказал имаму мечети:

— Туркестан — проклятая богом земля! Слезы и кровь мусульман льются здесь рекой. Недавно опять устроили резню неверные. Хальфе прислал письмо: «Русские сожгли все аулы дотла. Погибло очень много казахов. По слухам, резня перекинулась в город. Мусульмане спасаются бегством».

Глава девятнадцатая

Каменный поток, прошедший по долине Айна-Куль, разрушил у беженцев надежду на близкую лучшую жизнь. Беда шла за бедой: погиб почти весь скот, пригнанный из Китая.

Узнав об этом несчастье, Сагатов выехал с Глафирой Алексеевной в Талгар. Здесь, в довершение ко всем бедам, от загрязненной воды вспыхнул брюшной тиф.

Обкомовская пара гнедых рысцей бежала по ухабистой дороге. По обочинам ее высились стройные тяньшаньские ели и карагачи. Из травы то и дело поднимались дикие голуби. Где-то близко выщелкивал волшебные трели соловей, а на берегу горной речки застыла, наострив уши, дикая коза. Почувяв опасность, она скрылась в ущелье.

Но любоваться природой Сагатову мешали думы о тяжелой судьбе беженцев и всех людей, пострадавших от наводнения.

За поворотом дороги, на крутом склоне, словно птичье гнездо, прилепилась мазанка. Рядом другая, третья. Горный аул.

Обычно подъезжая к этому аулу, Саха видел мирную картину. На окраине паслось стадо. На пригорке стоял пастух, опершись на посох. Навстречу с лаем выбегали собаки. Возле дома, в тени, беседовали старики, а дети играли в асыки¹. Сегодня селение выглядело мертвым. Каменный поток разрушил дома, затопил скот в долине, смел огороды.

Оставшиеся в живых уйгуры, узбеки, казахи ушли в уцелевший аул Алма-Сай. Там они нашли укрытие под скалами, в шалашах, в тени деревьев.

Старик, встретивший Саху и Глафиру за аулом, предупредил, что начальство волости еще вчера уехало в Талгар.

Каменный поток прошел очень близко к станице, но сама станица уцелела. Талгарские кулаки подсмеивались над казаками: православный бог оказался лучше мусульманского аллаха.

Сагатов велел кучеру остановиться возле станичного совета. В накуренной канцелярии толпился народ. Сагатов узнали. Председатель уступил ему свое место за столом. Глафире освободили табуретку. Деловой разговор начался сразу же.

Положение было более серьезным, чем предполагал Сагатов. Люди остались без крова и жили под открытым небом. В аулах много раненых. Появилась заразная болезнь. Нет хлеба.

Глафира спросила у председателя волисполкома:

— Какой врач сейчас здесь работает?

— Никакого нет. Был один, да уехал. Говорит, привозите раненых в город. А казахи не хотят, пусть, мол, умирают дома.

— Тифозные есть?

— А мы что, доктора? Разве понимаем?

— Я поеду в аул, — сказала Глафира Сагатову. — Выясню, что нужно, и вечером вернусь!

---

¹ Асык — бабки.

Глафире дали проводника, и она уехала. Оставшись один, Сагатов провел совещание с членами станичного совета. Решили немедленно приступить к строительству саманных домов для пострадавших и обложить богачей чрезвычайным налогом — юртами и скотом...

Поздно ночью вернулась из Алма-Сая усталая Глафира. Она нашла Саху в станичном совете. Сагатов сидел за столом. Перед ним тускло мигала коптилка.

— Я думала, ты спишь.

— Жду тебя!

— А если бы я не приехала, тогда что?

— До утра сидел бы! — с улыбкой ответил Саха и спросил: — Как дела в ауле?

— Положение серьезное. Есть искалеченные.

Она рассказала, какую картину ей пришлось увидеть.

Выпив по стакану молока, они легли на полу в доме председателя и крепко заснули.

На другое утро Сагатов поехал с Глафирой в Алма-Сай. Надо было уговорить казахов разоренных аулов возвратиться на свои места. Божья кара — выдумка мулл. Следует объяснить народу, почему вода хлынула с гор.

На вершине Алатау лежит толстый слой льда. Летом он тает и питает русло Алматинки. Но если в горах пойдет теплый дождь, лед начнет так быстро таять, что вода хлынет потоком. Это и случилось несколько дней назад. Произошло стихийное бедствие.

Слова Сагатова были понятны старикам. Но все же... Что скажет мулла? Он объяснял иначе.

Сахе с трудом удалось убедить казахов вернуться на старое лепелище. Он сам поехал с ними и прожил в ауле несколько дней. Глафира в это время работала в Талгаре.

Саха сидел в волостном комитете партии и ждал секретаря. Вошел казах в изношенном халате, подпоясанный голубым кушаком. Он нерешительно огляделся по сторонам и робко протянул Сагатову сложенную вчетверо бумажку.

— Что это?

— Постановление. Мы образовали ячейку в ауле Сары-Озек. Теперь мы все коммунисты.

— Как все?

— Так, все мужчины в ауле. Все до одного!

— А кто же за вас поручился?

— Мы ручались сами друг за друга!

Саха помолчал, с любопытством разглядывая казаха.

— Разве у вас в ауле все бедняки?

— Да.

— А почему вы решили вступить в партию?

— Нам сказали: «Коммунистам в первую очередь дают землю и скот».

— Только поэтому?

— Хотим помогать советской власти!

Намерение огульным порядком вступить в партию встревожило Саху. Он вспомнил: секретарь волостного комитета говорил ему о своем таланте вовлекать бедноту в ячейки.

Саха взял постановление и сказал:

— Волостной комитет разберется!

Казах приложил руку к сердцу, поклонился и ушел удовлетворенный.

На другой день в волком приехал другой казах, тоже с бумажкой.

— Откуда? — спросил секретарь комитета.

— Из Сары-Озека!

Саха насторожился.

— Что это?

— Постановление.

— О чем?

— Мы устроили в ауле коммунистическую ячейку.

— Вчера же привезли постановление? — удивился

Саха. — Зачем второй раз?

— Та ячейка байская. Мы в нее не пошли. Мы бедняки!

А вечером прискакал третий гонец из Сары-Озека, привез еще новое постановление и объяснил:

— Те две ячейки создали байы. У них идет родовая борьба. А вот наша — самая бедняцкая... Бедней во всем Джетысу нет!

Сагатов созвал членов бюро волкома,

— Кто это загоняет людей насильно в партию? — спросил он.

Члены бюро молчали. Пока Саха говорил, секретарь тихо поднялся и попросил своего соседа — председателя волисполкома:

— Веди заседание вместо меня. Я сейчас.

Стали искать виновника огульного приема казахов в партию. Один из членов бюро подал голос:

— Это маневр самих баев!

Другой робко пояснил:

— Секретарь укома говорил: чем больше коммунистов, тем лучше!

Тут Сагатов заметил отсутствие секретаря. Куда он делся? Окно было открыто. В глубине сада кто-то копошился — то присядет, то выпрямится.

Он тихо спросил у председателя волисполкома:

— Кто это?

— Секретарь.

— А что он делает там?

— Молится!..

— Что-о?!

Один из членов бюро охотно сообщил:

— В уборной у него стоит медный чайник для обмытия перед намазом.

— Как вы это терпите? — возмутился Саха.

— Разве коммунист не может верить в бога? — спросил председатель волисполкома. В голосе его прозвучало искреннее изумление с явным оттенком негодования.

Секретаря волкома Саха решил немедленно исключить из партии...

Глафира Алексеевна открыла больницу в Талгаре. Из Алма-Сая привозили раненых — тяжелых сразу же отправляли в город, легких оставляли лечить на месте. Круглые сутки Глафира не выходила из больницы.

Когда приехал Сагатов, он не узнал ее. Она похудела, под глазами появились синие круги.

— Ну почему ты так мучаешь себя? — не удержался Саха от упрека. — Глаза совсем провалились.

— Пустяки. Я просто не высыпаюсь.

В эту минуту в палату внесли на самодельных носилках мальчика. Саха хотел уйти, но Глафира удержала:

— Подожди, пойдем вместе!..

Она многозначительно посмотрела на посылки, давая понять, что ей еще придется поработать.

— Как тебя зовут, джигит?

— Айдар! — тихо ответил мальчуган. Лицо его искажилось от боли.

— Очень красивое имя...

Сагатов следил, как Глафира тонкими пальцами проворно развязала бинты и отбросила шину.

— Надо наложить гипс.

— Перелом?

— Да. Еще день, и было бы поздно. Ноги срослись бы криво... Ну, Айдар, не унывай... Станем тебя лечить, поправишься, вырастешь, и девушки не будут дразнить тебя кривоногим.

От слов Глафиры веяло душевной теплотой. Она шутила с больным, а неумолимые руки незаметно делали свое дело — обкладывали ногу гипсом.

Не успела Глафира закончить перевязку, как к воротам больницы прискакал на взмыленном коне всадник.

— Сагатов у вас? — крикнул он сиделке, не слезая с седла.

— Какой Сагатов? Здесь сейчас больница...

— Секретарь обкома. Сказали, сюда пошел...

Услышав в открытое окно этот разговор, Саха торопливо вышел на крыльцо.

— Кому здесь нужен секретарь обкома?

— Товарищ Сагатов? Я — сотрудник Чека. В Кастеке заваруха... Второй день идет бой...

— Кто вас послал?

— Басов.

Через несколько минут Саха с Глафирой мчались в Верный.

Глава двадцатая

Рыбак рыбака видит издалека. Фальковский понял, что Сотников как раз тот человек, на которого можно положиться в серьезном деле. К нему прислушивается казачья верхушка, припрятавшая на всякий случай винтовки, шашки и даже пулеметы. Осторожный землемер не слишком часто, но охотно заглядывал к хорунжему. Вот и сегодня он завернул к Сотникову.

— Киргизы так говорят,— сказал Фальковский, переступив порог,— первый день гость — радость, второй— беспокойство, а третий — бедствие. Может, я уже бедствие...

— Нет, зачем же, вам всегда рады!

Хорунжий, как обычно, пригласил землемера к столу, на котором немедленно появилась принесенная с погреба запотевшая бутылка с самогомом. Фальковский пить отказался, не откладывая, приступил к делу.

— Каменный поток в районе Айна-Куль погубил много скота,— сказал он.— Идет слух: будут отбирать коров у русских и передавать беженцам.

— Брехня!

— Не думаю. В облземотделе составляют списки зажиточных.

— Пусть только попробуют. Руки коротки...

Фальковский нащупал самое чувствительное место хорунжего. Сотников имел четырнадцать дойных коров.

— Забыли они Беловодье,— сказал он, и в глазах его вспыхнули огоньки ненависти.— Можно напомнить будет...

— Страшная политика! — заговорил Фальковский, вытирая платком вспотевший лоб.— Национализация, социализация, конфискация. Все сводится к одному: чтобы человека нищим сделать. Сегодня скот отнимут, завтра с земли сгонят... Что же остается русскому человеку? Живым в гроб ложиться? Не понимаю!

— Конечно, киргизу такая политика на руку! — потемнев в лице, ответил Сотников.— Их власть сейчас...

Фальковский посидел недолго. После его ухода Сотников надел фуражку и отправился к Тыртышному.

Вскоре по всей станице из дома в дом передавалась последняя новость о конфискации коров для беженцев...

На другой день Сотников вместе со старшим сыном Митькой с утра ушел на охоту. День после дождя выдался на редкость удачный. Поохотившись вдоволь, отец и сын вечером отдыхали на берегу озера Айна-Куль и ели вареных уток. В ауле закончилась дойка кобыл, и пастух гнал их на водопой. Охотники подошли к табуну. Митька крикнул вызывающе:

— Эй ты, калбит! Зачем пасешь коней на нашем поле? Зачем топчешь урожай?

— Какой урожай? Кони пасутся на лугу!

— На лугу! — передразнил хорунжий. — А ну-ка, Митя, согни его в дугу!

Митька не заставил ждать, размахнулся и ловким ударом кулака сшиб пастуха с ног.

Пастух вскочил и бросился на обидчика.

— Он еще драться! — крикнул хорунжий и в свою очередь ударил пастуха по уху. Тот кинулся на Митьку.

— Ишь, калбит какой горячий... Я тебя живо остужу, сукин сын...

Сотников схватил пастуха за голову, Митька за ноги, они раскачали его и бросили в воду. Раздался всплеск.

— А теперь живо за дело! — скомандовал хорунжий. Сотниковы быстро сбили лошадей в табун и прямо по засеянному полю погнали в станицу.

— Киргизы потравили весь урожай! — кричал хорунжий.

Люди выскакивали из домов, бежали вслед за табунном. На церковной площади собралась возмущенная толпа.

— Режьте коней!

— Проучить нехристей!

— Довольно терпели!

...Весть об угоне табуна быстро распространилась по аулу Айна-Куль. Ее принесли женщины и дети, собиравшие кизяк на лугу и наблюдавшие за избиением пастуха.

— Русские угнали табун! — вопили женщины. — Спасайте лошадей!

Мужчины, отдохавшие после полудня, выскочили из юрт. В ауле началась суматоха.

Хальфе, воздев руки к востоку, горестно воскликнул рыдающим голосом:

— О великий аллах! Помоги своим рабам!

Крупные капли слез падали ему на бороду. Руки дрожали, губы шептали проклятия неверным:

— Сколько же они будут издеваться! Больше нет сил терпеть насилия кафи́ров. Они хотят погубить нас! Заклинаю именем аллаха и призываю всех вас отомстить кафи́рам! Беспощадно убивайте и истребляйте их!

Около Хальфе сгрудились аксакалы. Они шумели и звали на помощь бога. Женщины заголосили, запричитали.

— Отомстим! — раздался голоса.

Джигиты вооружились кольями и дубинами.

Нападение на Кастек было неожиданным. Оно произошло в тот момент, когда казаки безуспешно пытались загнать захваченный Сотниковым табун в сарай. Лошади, напуганные криком и шумом, не хотели заходить в незнакомые помещения, метались и, наконец, прорвав кольцо людей, устремились в поле.

В это время из переулка вылетели вооруженные кольями джигиты.

— Бей кафиров!

Казаки растерялись, многие кинулись по домам. Митька Сотников оторвал оглоблю от телеги и замахнулся на подскакавшего к нему джигита. Тот, освободив правую ногу из стремени, юркнул под живот лошади, а затем, налетев на Митьку сзади, ударил его по голове дубиной. Митька упал.

Охватив кольцом коней, джигиты погнали их в Айна-Куль.

В тот день, когда Сотниковы угнали лошадей, Бакена не было дома. За три дня до этого события он уехал в город навестить больного Тлеубая. Ночь застала его на обратном пути к дому.

Рано утром он остановился на берегу озера и отпустил коня пастись, решив, что дойдет пешком до юрты Гульжан.

Как хорошо в Джетысу, родной стране, где ночевал поэт Асан-Кайгы в поисках счастья своему народу-горемыке!

Предание говорит, что Асан-Кайгы облюбовал Джетысу для родного народа за красоту природы и богатство земли.

Ах, как тосковал Бакен в Синьцзяне по Алатау! Пусть у Бакена нет земли, пусть он беден, но он сейчас счастлив, что живет и дышит сладким воздухом Джетысу.

Бакен насторожился. Из леса выехал всадник. Кто это так рано? Впереди Бозтай, а кто же второй?

— Счастливый путь, беженец! — насмешливо приветствовал Бозтай, играя камчой.

— Доброе утро, джигит в юбке! — ответил Бакен.

Улыбка сошла с лица Бозтая.

— Я не бежал в Китай, сверкая пятками, и от страха не пачкал себе штаны!

Второй джигит расхохотался. Бакен не остался в долгу.

— А я не торговал совестью и не грабил свой народ, как делали спекулянты.

Бозтай хлестнул коня и поскакал в сторону Узун-Агача. Не успел он скрыться в лесу, как где-то за аулом, очень близко, вспыхнул пожар. Сильный ветер высоко взметнул пламя. Черный дым окутал аул. Взволнованный Бакен сбросил халат и помчался в Айна-Куль.

В Айна-Куле первая заметила пожар Фатима. Она проснулась неожиданно. Блеяли ягнята, мычали телята, лаяли собаки. Набросив на себя халат, Фатима выскочила. Пожар! О боже!

С перепугу она потеряла голос, не могла произнести ни одного звука.

Старуха бросилась в юрту, сорвала одеяло с Гульжан и указала рукой на дверь. Дочь вскочила, увидев безумные глаза матери.

— Горим! — закричала девушка.

Поняв, что случилось, Гульжан подняла на ноги весь аул. В Айна-Куле началась паника. Вопли женщин, плач детей, крики мужчин — все слилось в дикий гомон. Только несколько отважных джигитов во главе с Бакеном бросились тушить пожар, преграждая путь к юртам.

Гульжан, схватив братишку, вместе с матерью побежала к озеру. Возле юрты Нашена она вспомнила о больном акыне.

— Я сейчас, мама! — крикнула Гульжан. — Бегите к озеру.

— А ты куда?

— Спасти Нашеке!

И Гульжан вбежала в юрту акына.

Нашен лежал бледный, но спокойный, с домброй на груди. Губы его беззвучно шевелились. Шептал он молитву или сочинял стихи? Было ясно, он готовился принять смерть.

Гульжан упала к его ногам. Неужели сгорит акын, гордость аула, друг отца?

— Встань, дочь моя! Не время для слез! — Нашен спокойно повернул голову.

— Где ваш брат? Почему оставил вас?

— Я его сам отпустил. Иди и ты, дочь моя!

— Нет. Я вас не оставлю!

Гульжан выбежала из юрты и оглянулась вокруг. Люди вели неравную борьбу с огнем. Она схватила за руку Бакена.

Они вбежали в юрту. Нашен строго посмотрел на Бакена, но ничего не сказал, только пошевелил губами. Посадив акына на кошму, они вдвоем поволокли его на озеро, в безопасное от огня место.

Пожар стал ослабевать. Кошмы юрт шипели, но уже не пылали пламенем, а обугливались. Увидев, что кошмы задерживают огонь, Токей предложил снять их с юрт и застлать землю.

На помощь погорельцам пришел неожиданный дождь. Как часто бывает в Семичье, внезапно появились тучи, и прошел спасительный ливень, потушивший пожар.

С озера понемногу возвращались женщины и дети со следами ожогов на лицах и на руках. Они подходили к своим юртам и находили жалкое пепелище. Все молчали, не знали, к чему приступить, с чего начать.

Мучительное молчание нарушил Хальфе.

— Это дело рук кафиров! — крикнул он злобно.

Толпа вздрогнула. Все подняли головы и посмотрели друг на друга.

Вот кто виновник их несчастья!

Разгневанная толпа, обуреваемая жадной мести, молча двинулась к станице. Впереди шли беженцы, с дубинами, кольями, ножами. За ними — женщины и подростки, кто с кочергой, кто с камнями в руках. Лица у всех были искажены от злобы, волосы взлохмачены. Толпу возглавлял Токей, шагавший с молотком в руках. Всегда молчаливый, кузнец в исступлении ругался.

Бледный, взволнованный Бакен прыгнул на дорогу и очутился впереди толпы. Широко раскинув руки, с искаженным от ужаса лицом он кричал:

— Братья, опомнитесь! Куда вы идете?

Джигиты, шагавшие в передних рядах, презрительно посмотрели на него и молча продолжали идти.

Бакен цеплялся за халаты, пытаясь остановить джигитов.

— Не верьте словам муллы! — надрывался Бакен. — Не верьте!

Но все было напрасно. Толпа не слушала. Бакен бросился к дяде Токею и повис у него на руке, стараясь

вырвать молоток. Но кузнец яростно отбросил племянника в сторону и зашагал еще быстрее.

Около аула Айна-Куль осталось несколько джигитов, друзей Бакена, и среди них верная Гульжан. С тяжелым предчувствием они безмолвно смотрели вслед уходящей грозной толпе.

Казак, еще издали увидев надвигающуюся на станицу черной тучей толпу, приготовились встретить ее ружейным огнем.

Бой начался без команды, залпом казаков. Джигиты, а за ними женщины и подростки, врезались в казачий строй и смяли его. Началась рукопашная схватка.

Хальфе во главе всадников неожиданно напал на Кастек со стороны речки, откуда станичники не ждали. Он бил шестом направо и налево. Пуля прожужжала мимо уха муллы. Он заскрежетал зубами. Кто-то пырнул ножом в живот его коня. Конь пронзительно заржал и встал на дыбы.

Рядом дрались Токей и Митька. Текла кровь из выбитых Митькиных зубов.

Тыртышный, хорунжий Сотников и землемер Фальковский стояли около ворот и наблюдали, как сражались «голодранцы».

Еще вчера, когда произошла первая стычка, Вера Павловна поехала в Узун-Агач, где встретила уполномоченного области Цун-ва-Зо. Она рассказала ему о событиях в Кастеке. Цун-ва-Зо встревожился. Собрав комиссию, он с утра поспешил в Кастек, чтобы на месте расследовать печальные события. Но Цун-ва-Зо даже не подозревал, что он увидит в Кастеке. Когда комиссия подъехала к станице, бой был в самом разгаре. Разнять дерущихся не было никакой возможности. Люди дрались молча, с остервенением. Слышались звуки тупых ударов, лязг металла и стоны раненых. Где не хватало оружия, пускались в ход руки и зубы.

Цун-ва-Зо дал несколько выстрелов в воздух. Десять казаков, не участвовавших в драке, бросились разнимать сцепившихся. Выстрелы отрезвили людей. Драка пошла на убыль.

Вскоре на улице остались лишь одиночные пары наиболее ярких драчунов. Наконец все утихло.

Цун-ва-Зо велел немедленно отправить в город раненых и заодно вызвать наряд милиции. Казахов Цун-ва-Зо уговорил возвратиться в аул, в Айна-Куль.

В это время Сугурбаев ждал в Узун-Агаче последних известий от хорунжего Сотникова. Но он, полюбовавшись началом драки «голодрашцев», поспешил в Нарын.

Глава двадцать первая

Через неделю после пожара в Айна-Куле и кастекского побоища в Верный нагрянула комиссия из Ташкента во главе с Кожакковым.

Цун-ва-Зо сказал Сагатову с легкой усмешкой:

— Говорят, Кожакков захватил с собой даже повара. Думает, что в Верном для него не сумеют приготовить плов по-узбекски.

— Чепуха! — ответил Саха с неудовольствием. Он знал, с каким наслаждением обыватель обливает помоями советского комиссара, делая из мухи слона.

— Русские говорят: «Без дыма огня не бывает!»

Этот «дым» Саха ощутил через полчаса. Кожакков прислал в обком записку. Он сообщил о своем нездоровье и просил Саху зайти к нему в гостиницу. Саха покусал в раздумье губы и велел подать лошадь.

Кожакков встретил его суховато, дав понять, что приехал он с большими полномочиями. В манере говорить и в скупых жестах Кожаккова сквозила солидная уверенность. Саха, вспоминая первую ташкентскую встречу, просто не узнавал его. Как сильно мог измениться этот проворный, болтливый человек всего лишь за два месяца!

В раскрытые окна номера, выходящего в сад, струился прохладой вечерний горный ветер. Кожакков в шелковом бухарском халате сидел у окна и слушал рассказ Сагатова о кастекских событиях.

— Я не понимаю, какую политику вы проводите в области.— Кожакков брезгливо поморщился.— Казачество опять устроило резню, как в шестнадцатом году. Можно подумать, что Семиречьем руководит не коммунист казах Сагатов, а губернатор Фольбаум или Кияшко.

Сагатов поблел.

— Вы даете отчет своим словам?

— Какой здесь отчет! Разве это неправда? Под носом у вас жгут казахские аулы, избивают казахов, а вы сложили руки и смотрите, что будет дальше.

Сагатов выжидающе молчал.

— Давно надо было выселить казачество и устроить беженцев в станицах. А вы заняли позицию золотой середины.

— На поголовное выселение казачества я не пойду! Об этом мы с вами говорили еще в Ташкенте, и мою точку зрения вы знаете.

— Ваше поведение в ЦИКе расценивается, как откровенный подхалимаж перед русскими. Рахимов просил меня передать вам, что надо перестроиться.

— Я перестроился еще в шестнадцатом году! — ответил Саха, едва сдерживаясь, чтобы не наругать.

— Безнадежный вы человек! — Кожиков махнул рукою.

На другой день, в воскресенье, Кожиков обедал у Сагатова. Гость рассказывал новости: Бухара лихорадочно готовится к войне. Эмир разогнал партию младобухарцев, и теперь многие из них, укрывшись в Ташкенте, ждут его падения и рвутся к власти.

Во время этой беседы вошла хозяйка и сказала Сахе:

— Там какой-то человек к вам... Из Айна-Куля...

— Пусть войдет.

На пороге появился казах с черной жидкой бородой и слегка вздернутым носом. Руки у него тряслись.

— Не узнал, Саха? Ну, что же, не удивительно. Я пришел с того света!

— Тлеубай! — Сагатов только по голосу и глазам узнал аульного безбожника. — Как вы изменились!

— Если бы ты побывал на том свете, так не стал бы удивляться!

Кожиков с любопытством поднял глаза на Тлеубая.

— На все воля всемогущего аллаха, утверждает Хальфе. Но я думаю несколько иначе. Я всегда рассуждал: живи в ногу с жизнью. Кто не умеет жить, тому нечего делать на земле. И вот я, грешник, как именует меня Гальфе, пошел в Кастек к землемеру и потребовал отмежевать мне землю. Он отказался, а казаки чуть меня

не избили. Возвратился я в аул, поел и заснул... Открываю глаза. Темно, задыхаюсь, давит какая-то тяжесть. Что со мною? Шупаю кругом. Не похоже на постель. Земля. Сырость. Оказывается, лежу в могиле. Тут я понял, что умер и нахожусь на том свете. Неужели прав Хальфе?

Сагатов с Кожяковым невольно рассмеялись.

— Неужели прилетит Джабраил? Тогда мне несдобровать. Обязательно попаду в ад. Страшно! Хочу подняться. Руки обмотаны. Рву зубами кебин¹, приподнялся на локти, головою ударился обо что-то. Посыпалась земля. Напрягаю последние силы... Вижу голубое небо и солнце... Значит прав я, а не Хальфе. Правда, он снова хотел меня сунуть обратно в могилу, но дело это у него не вышло! — торжествуя закончил рассказчик.

— Тлеке, вы оставайтесь у меня ночевать, — предложил Сагатов. — А что вам дальше делать, поговорим завтра!

Но Тлеубай отказался. Тронутый вниманием, он прослезился и ушел.

— У него был летаргический сон, а его закопали в могилу, как мертвеца! — пояснил Саха гостю. — Он действительно чудом вернулся с того света.

— Кто такой Хальфе?

— Мулла! Фанатик. Предлагал выполнить закон шариата и умертвить «воскресшего» Тлеубая. Вообще этот случай доставил нам хлопот. Контрреволюционеры использовали его в аулах для разжигания национальной вражды против русских.

Кожяков лениво зевнул и резко переменял тему разговора:

— Где ваш отец, Саха?

— А почему вы интересуетесь моим отцом? — с раздражением спросил Сагатов.

— Кое-что слышал о нем. Вы знаете, где он сейчас находится?

— Пропал без вести!

— В таком случае, я сообщу вам сюрприз. Ваш отец с басмачами!

Кожяков наблюдал за выражением лица Сагатова. Сагатов не поверил. Вспыльчивый Жунус мог сделать не-

---

¹ Кебин — саван.

обдуманый шаг, совершить ошибку, но он не мог перейти в лагерь врагов.

— Во-первых, позвольте вам не поверить. А во-вторых, я придерживаюсь завета Абая: «быть сыном не отца, а народа».

— Что вы не сын отца, это, пожалуй, так. Но сделаетесь ли вы сыном народа, это мы увидим, когда казахи в Джетысу получают землю...

Сагатов проводил гостя и пошел к Глафире. Настроение его испортилось. В самом деле, каждый, с кем он сталкивается, считает себя вправе хлестнуть его по больному месту.

Глава двадцать вторая

Одно за другим два страшных бедствия обрушились на жителей аула Айна-Куль. Пожар уничтожил жилища, а наводнение — скот. Беженцы пали духом. Кастек их встретил, как жалмауз¹ в сказке, готовый проглотить живыми...

Бакен, как всегда, первый поднял голос: надо же людям где-то жить, не будут они валяться под открытым небом с малышами. Нужно совместно строить саманные дома каждому пострадавшему по очереди.

Вот почему Гульжан с братом Асхаром поехала в Кара-ой к дяде — брату Фатимы. Он был плотником, и Токей попросил заказать ему форму для отливки кирпича.

Дядя очень обрадовался приезду Гульжан и сказал:

— А я и сам собирался к вам. Есть вести от Жунуса, дочка.

— Откуда? — встрепелулась девушка.

— Вчера у меня ночевал сын бая Мукаша, Ораз. Он ехал из Туркестана, возил жену ночевать на могиле святого Ходжа-Ахмеда Яссави. Они хотят иметь ребенка. Он встретился там с джигитом, ездившим в Бухару с главным имамом мечети. И этот джигит сказал ему: «Раненый Жунус лежит в кишлаке. Его подстрелили басмачи». Как ты думаешь, похоже это на правду?

Гульжан побледнела.

— Когда он выехал из Бухары?

---

¹ Ж а л м а у з — людоед.

— Месяц тому назад..

Услышав такую новость, Гульжан даже не осталась ночевать у дяди, решила немедленно вернуться в Айна-Куль. Она ехала с большой тревогой в сердце. Слезы блестели на ее щеках. Конечно, Гульжан утаит услышанную новость от матери. Сказать Фатиме — это значит убить ее. Раздумывая об отце, одного не могла понять девушка: какой же он басмач, если они его ранили?

Неподалеку от аула Айна-Куль расстроенную Гульжан догнала рессорная коляска, запряженная парой вороных.

— Саха! — радостно завопил Асхар, узнав брата. Мигом спрыгнув с седла, он побежал к коляске.

— Ого, какой ты стал большой! — Сагатов обнял Асхара. С Гульжан он поздоровался по восточному обычаю — поцеловал в лоб и представил Кожякову.

— Моя сестра.

Кожяков с любопытством оглядел красивую девушку и оценил: «хороша».

— Уступи мне седло, садись в коляску! — предложил Саха сестре.

Гульжан нерешительно согласилась. Сагатов с Асхаром поскакали вперед.

— «Если у джигита счастливая дорога, то навстречу попадается сама невеста!» — шепнул Кожяков казахскую поговорку, когда Гульжан уселась рядом с ним.

Девушка зарделась и отвернулась. Она уже пожалела, что уступила брату своего коня.

Фатима, обрадованная приездом сына, захлопотала и забегала. Надо угостить неожиданных гостей.

Саха и Кожяков, выпив кумыса, пошли по аулу.

Айна-Куль жужжал и гудел, как пчелиный рой в разрушенном улье. Люди, лишившиеся крова, ютились под телегами. Вместо посуды они употребляли коровьи рога и черепа верблюдов. Дети бегали голые.

Кожяков останавливался возле каждой семьи, расспрашивал и записывал убытки от пожара.

— А как вы оцениваете вашу потерю? — спросил он молодую женщину с ребенком на руках.

Женщина, удивленная таким вопросом, ответила:

— Моя потеря не имеет цены.

— А все-таки?

— Посмотрите! — молодуха откинула одеяло и показала обезображенное ожогами детское личико.

— Почему не отправили ребенка в больницу? — Кожиков сердито посмотрел на Сагатов.

— Помощь ей оказал врач, а ехать в больницу она отказалась, — ответила за брата подошедшая Гульжан.

— Если бы не она, — женщина указала на Гульжан, — я совсем потеряла бы свою девочку.

Недовольный Кожиков отошел и раздраженно сказал Сагатову:

— Вот и показали себя, какой вы сын народа!

— Что вы хотите этим сказать?

— Хочу сказать, что вы обрекли на гибель этих несчастных.

Гульжан побледнела и со страхом взглянула на брата. Сагатов холодно ответил:

— Об этом, товарищ Кожиков, поговорим в обкоме.

— Не в обкоме, а в Центральном комитете!

Для членов комиссии ТуркЦИКа картина была ясна: люди не устроены, последствия провокации не устранены. В чем дело? Сагатов потребовал объяснения от Цунва-Зо. Ему бюро обкома поручило устройство беженцев в Кастеке. Почему он ничего не сделал?

Цунва-Зо снял шляпу из тонкого войлока, вытер пот с лица и сказал:

— Не могу вам растолковать, в чем дело, товарищи! Какой-то заколдованный круг получается! Наш первый проект — расселить пострадавших временно по аулам, а затем построить новый поселок — потерпел провал. Сначала на общем собрании жителей аула договорились, что люди пока будут жить в других местах. Но потом все, как один, отказались. Словно кто уговорил их. Тогда мы стали осуществлять второй проект. Разослали уполномоченных по аулам для сбора и закупки юрт, шалашей и скота в помощь пострадавшим. Но наткнулись на упорное сопротивление баев. Наконец уполномоченный ТуркЦИКа товарищ Сугурбаев предложил третий проект. Его и проводим сейчас в жизнь.

— Это какой? Жить под открытым небом?

— Пока жить, кто где может: в шалашах, под телегами. А тем временем строить саманные дома.

— Почему этот вопрос не согласовали с обкомом? — спросил Сагатов.

— Я написал вам. Но ответа до сих пор не получил.

— Когда писали?

— С неделю назад.

Сагатов задумался: куда девалось письмо? Неужели Цун-ва-Зо врет? Что-то тут неладно!

— Где Сугурбаев?

— Живет в Кастеке.

Сагатов нахмурился.

— Поезжайте в соседние аулы и проводите сбор скота в помощь пострадавшим. С комиссией побуду я.

— Хорошо! — согласился Цун-ва-Зо.

И вот Сагатов приехал в аул. Гульжан молча следила за братом. Она не понимала, как может он отвечать за пожар...

Улучив удобную минуту, девушка поделилась новостью с Сахой.

— Есть весть об отце!

Гульжан была уверена, что брат выслушает ее с интересом, но ошиблась.

— Какая? — спросил он равнодушно.

— Месяц назад отца видели в кишлаке на бухарской стороне, его ранили басмачи.

— Басмачи? — переспросил Саха.

— А говорили, что он сам басмач! — с недоумением произнесла Гульжан.

«Сам басмач... Так, наверно, говорят и в ауле...» — подумал Саха и спросил:

— Что же ты хочешь?

— Может, пошлем за ним? — Гульжан смахнула с глаз слезы.

— Ты матери сказала?

— Нет.

— Не надо. А насчет того, чтобы послать человека, подумаем. Но только стоит ли?

Гульжан смотрела ему в глаза и думала:

«Стоит ли? И это говорит родной сын...»

Глава двадцать третья

Сугурбаев прикатил в Айна-Куль на двуколке Сотникова. Вид у него был растерянный.

— Ну, как идут дела? — спросил Кожиков, усадив гостя на ковер рядом с собой.

- Плохо!
- Почему?
- Нельзя работать. Бьют по рукам.
- Кто?
- Ваш Сагатов да еще Басов, председатель Чека.
- За что же?

Сугурбаев заговорил торопливо, словно боясь, что его прервут и не станут слушать.

— Вы видели, как живут несчастные беженцы? Давно надо было выселить станичников из Кастека и отдать их дома казахам. А ваш Сагатов виляет, боится обидеть русских.

Кожакон хмуро молчал.

— А Басов! Это же секира! Не разбирается и рубит всех подряд. Сейчас в Кастеке производит дознание: кто поджег аул. Хочет запутать землемера и меня. Прошу вас вмешаться...

— Хорошо. Но скажите, кто, по вашему мнению, устроил поджог?

— Русские, казаки. Правда, возникло еще подозрение: не замешан ли кто-нибудь из беженцев.

— Из беженцев? С какой целью? — Кожакон в недоумении пожал плечами.

— Видимо, мстят русским.

— Чепуха! Мстят русским, а поджигают свой аул?

— Ветер, говорят, не в ту сторону дул...

Не успел Сугурбаев уехать, как к Кожакону пришли с жалобами аксакалы. В один голос они требовали выселения казаков из Семиречья. Явился и Бозтай с заявлением на Бакена. В то утро, когда загорелся аул, Бозтай видел Бакена на берегу озера. Как раз через несколько минут и начался пожар. Значит, дело его рук. Он разжигал костер...

— А с какой стати он стал бы предавать огню свой родной аул?

— Он целился на Кастек. А ветер в тот день дул со стороны станицы.

— Кто он такой, этот поджигатель?

— Друг Жунуса, отца Сагатова.

Бозтай зашептал с таинственным видом:

— Есть один человек, он знает о нем много. Поговорите с ним.

— Хорошо. Пусть придет...

Бозтай побежал за Хальфе и сам привел его к Кожаккову.

— Сын мой, я много слышал о тебе! — начал мулла. — Пусть твоим мыслям сопутствует всевышний. Аминь!

— Пусть исполнится ваше желание! — по старому обычаю ответил Кожакков на благословение муллы. — Мне сказали, вы хорошо знаете отца Сагатова.

— Аминь. Знаю с детства. Он учился у покойного Кадыр-муллы. Я часто угощал его розгами за послушание. Он бросил школу и стал высказывать еретические мысли. На него нельзя положиться, как на мусульманина.

— Говорят, Жунус не любит русских?

— Бог свидетель моим словам! Человек сомнительный. Его отдали на попечение имаму Агзаму. Он должен вернуть Жунуса на путь истины.

— А сын его?

— Саха? Безбожник. Продался русским, хочет жениться на русской и принять их веру. — Глаза Хальфе гневно сверкнули. — Кафиры отобрали нашу землю и выживают нас. А Саха на их стороне. В мечети мы его предали проклятью. Он теперь не мусульманин. Но мы позаботимся сохранить его душу для ислама...

Кожакков опешил. При нем, представителе власти, мулла, не стесняясь, выражает готовность уничтожить коммуниста.

— Мулла, — сказал Кожакков поднимаясь, — если я еще раз услышу такие слова, я вас велю арестовать!

— Мои мысли внушены мне свыше, сын мой, и ничем меня не напугать. Я давно готов ко всему: к тюрьме и к смерти. В тюрьме я повоюю с врагами, а в смерти мое тело обретет покой. Аминь!

И Хальфе ушел мелкими шажками.

Вечером к Сагатову зашли Вера Павловна, Бакен и Гульжан. Саха взглянул на бледное, расстроенное лицо сестры.

— Нездоровится? — спросил он.

— Нет, — замялась Гульжан.

Вера Павловна сказала:

— Мы пришли по важному делу, товарищ Сагатов. Над Бакеном нависла опасность.

«А при чем Гульжан? — подумал Саха и сразу догадался: — Она же любит его».

— Обвиняют в поджоге аула.

— Кто?

— Бозтай. Он написал заявление, указал свидетеля.

— Это какой Бозтай? Торгаш, спекулянт?

— Да, да, бахалши! — подтвердила Гульжан.

— Вообще негодяй! — добавила Вера Павловна. —

Дружит с Сотниковым и с разной контрой...

Сагатов предложил Бакену закурить.

— Ты, я вижу, повесил нос, джигит?

— Поневоле повесишь, когда в Чека попадешь! — буркнул в ответ Бакен. — Я беспартийный...

— Чека страшен для контрреволюционеров! — нахмурился Саха. — А ты честный человек, и бояться тебе нечего.

— Он не боится, но это же безобразие! — сказала с возмущением Вера Павловна. — Я понимаю, Басов арестовал Сотникова, он отъявленный контрреволюционер. Конечно, он мог и аул поджечь. Но при чем тут Бакен? Почему порочат его имя?

— Вера Павловна, не волнуйтесь! — Саха взял учительницу за руку. — Вы знаете русскую поговорку: «На чужой роток не накинешь платок». Мы Бакена знаем. Но раз Бозтай подал заявление, Басов обязан его проверить. Если оно ложное, Бозтаю не поздоровится. А ты, Бакен, не падай духом. Чека разберется во всем.

На другой день Сагатов беседовал со стариками аула Айна-Куль на поляне близ озера. Старики слушали и мрачно молчали.

— Вы знаете меня, — говорил Саха. — Я вырос у вас на глазах. Скажите откровенно, почему вы не хотите временно перейти на другое место? А в Айна-Куле постепенно можно будет построить дома. Советская власть поможет вам...

Первый выступил Хальфе. Огромная, туго закрученная на голове белая чалма выделяла его из толпы. Глаза настороженно скользили по лицу Сагатова. Клинообразная борода муллы тряслась. Он начал с восхваления пророка, а потом заговорил страстным голосом:

— Мы не можем жить в соседстве со злыми людьми! Мы хотим, чтобы возвратили нам нашу исконную землю. Мы хотим, чтобы в Туркестане жили только одни казахи! Мусульмане не будут терпеть издевательств иноверцев! Великий пророк предупредил своих потомков, возвратив с того света безбожника Тлеубая. Но вы не вняли его голосу, не поверили. Тогда аллах в наказание послал каменный поток — божья кара! Берегитесь, мусульмане! Если еще в вашей душе тлеет хоть искра веры, то отомстите кафирам за пожар! Амины!

Хальфе воздел руку к небу. Аксакалы зашептали молитвы.

Тогда Сагатов сказал председателю уездного исполкома:

— Товарищ Мусин! Возьмите с собой муллу и поговорите с ним в юрте, пока мы кончим нашу беседу.

Воцарилась гробовая тишина. Все насторожились. Мусин подошел к мулле.

Хальфе завопил:

— О аллах! Накажи заблудившегося Саху, сына Жунуса! Чтобы его душа попала в ад!

Мусин тянул муллу за рукав. Хальфе упирался и продолжал проклинать Саху. С трудом удалось увести его в юрту. На середину круга вышел беженец, снял шапку из старого каракуля и вытер пот с лица.

— Я не хочу заниматься пустой болтовней! — сказал он. — Сын Сугурбая из Узун-Агача требует, чтобы мы силой отобрали у русских Кастек. У Сахи, говорит, сердце зайца, а мысли, как кочующие тучи, — куда подует ветер, туда и устремляются. Правда это?

Саха слегка побледнел. Стараясь не выдать своего волнения, он ответил усмехнувшись:

— Состарившийся пес лает на хозяина! Сугурбаева вы знаете не хуже меня. Он хочет толкнуть вас на беззаконие.

— Ну, хорошо, Сахажан, пусть будет по-твоему. Но скажи, почему казаки сожгли наш аул и лишили нас последнего крова? Фольбаум отобрал левый берег речки Кастека, каменный поток забрал скот, а пожар — наш кров. Ты же нам обещал хорошую жизнь, когда встречал нас на этом месте. Где она?

Сагатову пришлось выдержать сильную атаку. Все высказывали свои обиды.

Саха слушал и думал: они правы. Когда кончился поток горьких упреков, Сагатов сказал:

— Ваши обиды справедливы. Но вы должны понять: земельный вопрос очень сложный. Его нельзя решить так, как советует Хальфе. Надо учесть интересы и казахов и русских, чтобы было справедливо для обеих сторон. Для чего враги подожгли аул? Хотят столкнуть вас со станичниками, как в шестнадцатом году. Подождите еще немного, и вы получите свою землю. Поджигателей мы тоже найдем.

Не успел Сагатов закончить свою речь, как появился Нашен. Его привели под руки два джигита.

— Ты меня забыл, сын мой! — сказал с укором акын.

Сагатову стало стыдно и досадно. В самом деле, он оставил без внимания больного старика. Разве все удержишь в голове? Почему никто не напомнил ему?

— Я вас не забыл и не забуду. Но мне сказали, что вам лучше и вы ходите.

— Да, сейчас немного... лучше. На днях чуть не сгорел. Если бы не Гульжан...

— Как приеду в Верный, обязательно пришло за вами подводу. Будем в городе вас лечить!

— Мне лечиться поздно. Лучше поговорим о Бакене, — сказал акын. — Почему черные вороны каркают на него? Разве джигит не проливал кровь за счастье нашего народа? Посмотрите на него!

Нашен оглянулся вокруг, но Бакена в толпе не было.

...Закончив беседу, Сагатов направился к матери. По дороге его встретила взволнованная Гульжан. Лицо ее пылало, на глазах блестели слезы.

Саха встревожился:

— Что случилось?

— Бакена арестовали!

Сагатов этого никак не ожидал.

— Кто?

— Вера Павловна сказала, что Чека...

— Я сейчас еду в Кастек. Разберемся.

Ответ брата не удовлетворил Гульжан. Саха спокоен, словно ничего не случилось. Неужели он ни о чем не догадывается...

Гульжан зашла в шалаш к бабушке Кудан, бросилась на кошму и разрыдалась.

Сагатов приехал в Кастек вечером.

В просторной пустой школе чекисты допрашивали кулаков.

Саха разыскал Басова. Председатель Чека только что закончил допрос Бакена.

Поздоровавшись с Сагатовым, Басов сказал:

— Вера Павловна очень нам помогла. Почти у половины станичников нашли оружие, у одного оказался даже пулемег. Запасливый, гад!

— Это кто же?

— Хорунжий Сотников. Самый главный заправила! Басов стал знакомить Сагатова с ходом дознания.

— Дело Бакена запутанное. Бозтай подписал протокол допроса, уличающий его в поджоге. Второй свидетель, охотник, подтвердил показания Бозтая. Пришлось взять Бакена под арест.

Сагатов вопросительно поднял брови.

— Тут лисий ход. Хотят направить нас на ложный путь. Но... в интересах дела Бакену придется посидеть! Зная привычку чекистов не говорить лишнего раньше времени, Саха не стал задавать никаких вопросов.

— Пойдем пить чай к Вере Павловне,— предложил Басов,— устал зверски...

— А не поздно?

— Ничего, она приглашала.

Вышли во двор. Холодный ветер со свистом кружился по темным, пустынным улицам станицы.

— Ну и темень! — сказал Басов, беря Сагатова под руку.

Не успели они пройти и десяти шагов, как над самым ухом прогремел выстрел, другой. Сахе показалось, что его кто-то толкнул в грудь. В глазах потемнело, закружилась голова. Он слабо вскрикнул и упал.

Басов выхватил револьвер и дал ответный выстрел.

Сагатов тяжело стонал. Басов торопливо ощупывал его лицо и руки. Как будто целы — кровь не липнет. Растегнул рубашку. На левом боку влажно. Кажется, ранен в грудь.

Со стороны школы послышался топот ног. Басов различил в темноте силуэт человека.

— Кто?

— Я, товарищ начальник! — ответил голос следователя.

Через минуту-другую прибежал и председатель станичного совета. Стал собираться народ.

— Возьмите на руки товарища Сагатова и живо в дом! — скомандовал Басов.

— Куда?

— Куда! В любой... И позовите фельдшера! А остальные за мною!

Басов приказал обыскать все ближайšie дома, но поиски ни к чему не привели — преступник скрылся.

Сагатов пришел в сознание. Рана была слепая, в грудь. Раненого решили немедленно везти в город в больницу.

Через несколько минут пара гнедых мчалась в Верный, увозя Сагатова.

Глава двадцать пятая

Через два дня после покушения на Сагатова Басов вернулся из Кастека в Верный. Здесь его ждал секретный пакет ТуркЧК, присланный из Ташкента. Басов читал, не отрываясь, жадно глотая строку за строкой.

«...Кастекские события» нельзя рассматривать изолированно, они входят в цепь продолжающихся провокаций иностранной разведки, действующей в Семиречье при помощи правых эсеров, атамана Анненкова и его подручных.

Предупреждаем вас, чтобы вы обратили особое внимание на события в Кастеке, ибо это не конфликт местного значения. Следует искать нити, ведущие к заграничным агентам. По нашим данным, из Кашгарии через границу переброшено несколько шпионов с целью вызвать восстание в Семиречье, дабы оттянуть войска товарища Фрунзе из-под Бухары. В цитадели Бухары ждут сигнала из Верного, чтобы начать наступление на Ташкент».

Басов несколько раз перечитал письмо, вдумываясь в каждое слово. Вот где открывается завеса!

Председатель Чека не мог усидеть за столом. Он ходил по кабинету из угла в угол в большом раздумье, взвешивая события последних двух дней. Арестованный Сотников сбежал, когда его везли в Верный. Проморгали

конвоиры, что-то подозрительно! Не нарочно ли? Теперь потеряна ниточка, тянувшаяся к Сугурбаеву. Покушение на Сагатова сбивало с толку. Трудно было понять, кому предназначался выстрел — Сахе или ему, Басову. Землемер Фальковский вызывает самые серьезные подозрения. Старый эсер, но выдает себя за беспартийного... Держится осторожно, за спиной других, улик на него нет никаких. Бозтай, конечно, простое орудие в руках врагов. Бакена он ненавидит за Гульжан, но нет ли тут еще чего-нибудь, кроме ревности? Не Хальфе ли подучил Бозтая написать заявление? Как распутать этот узел?

В дверь раздался осторожный стук. Вошел секретарь и доложил, что представитель ТуркЦИКа Кожакوف просит Басова срочно зайти к нему в обком.

— Хорошо!

И Басов отправился, не теряя времени, зная, что дело касается Кастека.

Кожакوف, хмурый, расстроенный, стоял у окна в кабинете Сагатова и грыз ногти.

— Ну как, обнаружили террориста? — спросил он, протягивая руку.

— Это какого?

— А того, кто стрелял в Саху.

— Пока нет.

— Это дело рук муллы Хальфе! — сказал Кожакوف, глядя в упор на председателя Чека.

— Откуда вам известно?

— Фанатик. Убежденный враг.

— Врагов кругом много.

— Мне он сам сказал.

— Когда? — Басов не смог скрыть своего изумления.

— А когда я был в Айна-Куле. Хальфе говорил, что Сагатов продался русским и в мечети подвергли его проклятью.

— От проклятия до обреза есть все же расстояние...

— Мулла — убежденный враг. И свои взгляды не скрывает. Спросите любого казаха в Айна-Куле.

На этом беседа их закончилась. Басов, возвращаясь в Чека, задумался. Почему Кожакوف не сообщил о Хальфе раньше? Очевидно, мулла высказал ему свое намерение уничтожить Сагатова, а Кожакوف не придавал его словам значения. А когда Хальфе осуществил свой замысел, Кожакوف, как трус и карьерист, решил опередить собы-

тия. Выгодно заявить самому о Хальфе, а не быть упомянутым муллою на допросе. Но почему Хальфе открыто высказал свое преступное намерение Кожякову? Что его побудило совершить такой неосторожный шаг?

На другой день по приказу Басова в Верный привезли арестованного Хальфе. Председатель Чека решил сам допросить муллу.

Без обычного стука открылась дверь. Хальфе вошел в сопровождении следователя и конвоира. Басов окинул муллу изучающим взглядом. Арестованный держался с достоинством, спокойно. Поступь мягкая, кошачья. Следователь остановил его посередине комнаты. Хальфе заморгал близорукими глазами, стараясь разглядеть лицо председателя Чека. Басов отослал конвоира.

Хальфе выдержал острый, прощупывающий взгляд Басова.

— Садитесь! Вот сюда!

Мулла опустился на стул.

Молча они смотрели друг на друга, словно бойцы перед поединком.

— Мы знаем, что вы были уважаемым человеком в Джетысу. К вашему голосу прислушивались все казахи!

Следователь-татарин перевел слова Басова. Хальфе в знак согласия кивнул головой.

— И мы знаем о вашей деятельности: вы ярый враг советской власти.

— Не советской, а русской,— поспешно поправил мулла.

— Почему?

— Разве вам не известно, какие злодеяния совершают русские?

«Крепкие клыки у этого муллы!» — подумал Басов и сказал:

— Ваша ненависть к русским понятна, Хальфе, но почему вы подослали человека убить казаха Сагатова?

Хальфе прошептал под нос молитву и ответил:

— Он продался неверным. Амины!

— Понятно. А кого вы послали убить Сагатова?

Хальфе, повернувшись к следователю, торжественно ответил:

— Убивший изменника веры займет достойное место в раю. Его имя, любимца пророка, свято.

— Если вы не назовете сейчас имя этого «любимца», сами сядете на скамью подсудимых! — сурово произнес Басов.

— Я раб божий. Готов на любое страдание за веру.

— Охотно верю, мулла. Нам хорошо известно: все, что делалось в Кастеке в пользу ислама, дело ваших рук. Правда ведь? Не надо скрывать. Мы знаем, что вы за-явили Кожаккову, представителю советской власти из Ташкента, а также... Сугурбаеву о своем намерении убить Сагатова.

— Слава аллаху! Как ревностный защитник веры, я сказал им: мечеть послала проклятье, и он, Сагатов, как мусульманин, вне защиты. Аминь!

— Значит, вы покушались на Сагатова? — обрадовался Басов.

— Аминь! — подтвердил мулла.

— Вы подпишите протокол?

— О чем?

— Что покушение на секретаря обкома партии Сагатова совершено по вашему указанию.

Хальфе отрицательно замотал головой.

— Вы же сами сейчас при следователе сознались, что покушение совершено с вашего ведома?

— Я этого не сказал. Я только разъяснил вам: шариат оправдывает человека, убившего изменника веры. Он заслуживает уважения всех мусульман, и мы его защитим. А как ревнитель веры, я готов нести ответственность за последствия этого святого дела.

Хальфе вытащил из кармана четки, стал перебирать их, шевеля губами.

— Скажите, кого вы послали для убийства Сагатова? Этим вы искупите свою вину. Мы знаем, что вы достали ему ружье... Он сам сказал...

— У меня в руках коран, а не ружье!

— Вы взяли его у Сугурбаева?

Хальфе съежился.

— Нет.

— Покушался Бозтай! Не так ли?

Хальфе встал:

— Стагипар, алла!¹ Я могу сказать о себе, что это совершил я.

¹ О помощи, алла!

По лицу Басова пробежала тень недоумения.

— Я сейчас вам дам очную ставку. Он подтвердит, что вы его уговорили убить Сагатова. Как вы можете идти против своей совести, «святой человек»?

— Он этого не скажет.

— Почему?

— Я его не уговаривал.

Басов велел следователю привести Бакена,

— Знаете его?

Хальфе вздрогнул.

— Да!

— Значит, это он поджег аул Айна-Куль?

— Будь справедлив, аллах! Я этого не говорил!

— Зато он сказал, что вы подослали его убить Сагатова.

— Неправда! — вскричал Хальфе. — Я знал, что мусульманин Бакен на ложном пути. Его испортил еретик Тлеубай.

— Скажите, Бакен, что вы знаете про Хальфе? — спросил Басов.

Бакен посмотрел с презрением на муллу:

— Хальфе — враг советского строя.

— Враг русских! — поправил Хальфе после перевода следователя.

— Сон Тлеубая он толковал, как предупреждение аллаха, — сказал Бакен. — А каменный поток, по его словам, — кара за невыполнение воли аллаха. Он призывал мусульман поднять восстание!

— Правда? — спросил Басов, повернувшись к Хальфе.

— Да.

— Дальше.

— Хальфе с Сугурбаевым уговаривали беженцев резать русских!

— Правда?

— Да.

— Дальше.

— Хальфе уговаривал джигитов убить Сагатова.

— Не так! — Хальфе вскочил.

— Сядьте! — приказал Басов.

Следователь усадил муллу.

— А как?

— Я только дал разрешение мечети. Сказал, что душа убитого изменника веры будет в раю.

— Это все равно. По закону вы считаетесь тоже убийцей, а Сугурбаев помогал, дал ружье...

— Пусть будет по-вашему!

— Значит вы, Хальфе, встречались с Сугурбаевым?

— Да.

— И говорили о Сагатове?

— Да.

— Решили убить?

— Этого я не сказал!

— А кто сказал, Сугурбаев?

— Да.

— А кого вы подослали?

— Этого я не скажу: его имя свято!

— Скажите!.. Я вам развяжу язык!

Глаза Басова метнули искры. Он поднялся из-за стола...

Слух об аресте Хальфе взволновал весь округ. Близкие друзья его — баи и муллы — погнали гонцов во все стороны: в Туркестан, в мавзолей Ходжа-Ахмеда Яссави и в Ташкент к знакомым. В гостиницу к повару Кожаква рано утром привезли из аула свежезарезанного барана со всеми потрохами и сабу кумыса. Посланец просил передать, что хозяин провизии зайдет вечером.

Кожаква не придавал значения этому подношению. У казахов такой обычай: дальний родственник, желая установить тесное общение, подносит почетному гостю угощение: баранину с кумысом. Кожаква не удивился, когда к нему явился Бозтай. Он помнил его по Кастеку. Кажется, Бозтай приходил с жалобой.

— Садись, мирза-еке!¹ — предложил Кожаква.

— Я только сегодня утром узнал, что вы родом из наших мест! — сказал Бозтай. — До этого шел слух, что вы из Туркестана.

Кожаква многозначительно улыбнулся.

— И то и другое правильно, мой брат. Родился здесь, жил в Туркестане.

Бозтай перевел разговор на Хальфе.

При упоминании имени муллы Кожаква почувствовал себя неловко.

---

¹ Здесь — почетный человек.

— А что с ним?

— Арестовали.

— Слышал.

— Клевета. Все дело подстроено. Вы же беседовали с Хальфе. Это честнейший человек! Ничего не утаит. Сболтнет и все.

— Знаю — болтун.

— Мы просим вас заступиться за него. Действительный преступник... Помните поджигателя, о котором я вам говорил?

— Чувствую, личные счеты. Но помочь здесь я не в силах. Власть — на местах. Обещаю помощь, когда приеду в Ташкент! Пишите туда. Хлопочите, поддержу!

— Спасибо! — Бозтай низко поклонился, приложив руки к груди. Пятясь задом, он открыл дверь и исчез.

Глава двадцать шестая

Имам Агзам в сопровождении Жунуса пробирался через Гиссарские хребты к Ибрагим-беку, в лагерь басмачей.

С Памира дул порывистый ветер. Собирались тучи. Дорога вилась по краю пропасти, следуя за изгибами горного хребта. Над путниками свисали скалы, готовые обрушиться. Далеко внизу бурлил грозный Кафирниган. Жунус озирался вокруг, вспоминая известное предупреждение таджиков: «Путник, будь осторожен, ты здесь, как слеза на реснице». Глиняные домики, словно птичьи гнезда, облепили отвесные скалы на склонах гор. По еле доступным тропинкам брели отары овец. Жунус с легкой завистью смотрел на безрогих, горбоносых, с длинными тонкими ушами гиссарских овец, взбравшихся на высокогорные альпийские луга. Хорошо бы завести таких овец в заилийских горах!..

Наступили сумерки, ехать стало опасно. Проводник предложил имаму переночевать. Привязав коней, путники легли у скалы.

Усталый Агзам быстро захрапел. Жунус долго не мог заснуть. Не спал и проводник. Жунус заговорил с ним. И проводник рассказал об Ибрагим-беке.

В Гиссаре, Гарме и Дарвазе Ибрагим-бек — царь и бог. Его окружают отчаянные головорезы — конокрады и

воры, люди собачьей преданности. Народ называет Ибрагим-бека большим басмачом, бухарский эмир Сеид-Алим-хан — царем воров. Сам Ибрагим-бек именуется себя локайским беком и не скрывает, что он враждует с Сеид-Алим-ханом. Он живет в горах, как в неприступной крепости. Туда ведет только одна дорога, непроходимая для его врагов. Послы эмира или проваливаются в пропасть, не доезжая до «локайского бека», или безвозвратно исчезают в крепости.

У Жунуса по спине пробежали мурашки.

— А как доберемся мы?

— В крепость проберемся. Они меня хорошо знают. Вот как дальше...— Проводник понизил голос до шепота.— Все зависит от вас самих и от ваших подарков.

— Каких подарков?

— Что вы ему везете — золото или хорошую весть? Если неприятность, то лучше вам вернуться назад.

Жунус умолк. Он недоумевал: странно, что же хочет эмир от «царя воров»? Имам Агзам молчит, словно набрал в рот воды.

Переночевав под самыми облаками, они пробрались в лагерь Ибрагим-бека. Вождь басмачей принял послов эмира холодно. Он сидел на тахте, подперев руку о бедро. Следуя за имамом, Жунус успел заметить длинные черные усы Ибрагим-бека. Взметнувшиеся, как крылья хищной птицы, глаза сурово смотрели в упор.

Не выдержав взгляда, имам сел там, где остановился. Жунус последовал его примеру.

Ибрагим-бек троекратно хлопнул в ладоши. Из боковой двери вбежал рослый джигит и застыл у дверей.

Агзам представился.

— Я, раб божий, главный имам мечети Ходжа-Ахмеда Яссави в Туркестане, посол эмира Сеид-Алим-Богадура—хана Бухары, Агзам, сын Исламбека.

Пока имам перечислял свои титулы, Ибрагим-бек перевел тяжелый взгляд на Жунуса.

Агзам продолжал смиренным тоном, сложив руки на груди:

— Наступило страшное время для мусульман. Кафиры лавиной движутся на Восток. Сегодня в их руках Ташкент, завтра они возьмут Бухару и откроют путь через Кабул на священную Мекку. Сеид-Алим-Богадур-хану во сне явился сам пророк и сказал: «Останови шест-

вие!..» И он поручил мне передать вам, жулбарсу¹ Памира, просьбу забыть прошлые обиды, если угодно аллаху. Аминь.

Ибрагим-бек молча взял с круглого столика серебряную зубочистку, поковырял в зубах и заговорил не спеша:

— Музафар-хан захватил локайское бекство и присоединил к эмирату. Отца моего он держал в черном теле. А его сын Сеид-Алим-хан хочет сжить меня со света...

Ибрагим-бек задохнулся от внезапного прилива злости и снова троекратно ударил в ладоши. Джигит исчез, но тут же вернулся с кувшином вина и на коленях поднес своему повелителю. Ибрагим-бек схватил кувшин и, запрокинув голову, стал пить. Имам и Жунус следили, как шевелился кадык на бронзовой шее вождя басмачей и как клокотало вино в горле.

Наконец Ибрагим-бек удовлетворил жажду и передал кувшин имаму. Выпив содержимое до дна, Агзам передал кувшин Жунусу. Тот пригубил его и отставил в сторону — не передал в руки джигиту, как это полагалось по обычаю.

Вино оказало свое действие. Ибрагим-бек не говорил, а кричал:

— Эмир боится русских?! Не понимаю! Он же полковник русской армии! Учился в Петербурге! Дружил с русским царем!..

— Теперь не те русские! — почтительно вставил имам. — Русские одни не страшны, но они ведут за собой «плохих мусульман». Это страшно! Лучше сейчас забыть мелкие ссоры и обиды. В коране сказано: «Наступит конец света, и голодные будут уничтожать сытых».

Ибрагим-бек громко расхохотался.

— По-вашему, дорогой гость, выходит, что уже приблизился конец света? Тогда нам не к чему вести разговор. Пусть будет по велению бога!

Имам понял свою оплошность и решил ее сгладить.

— Надо понимать коран, дорогой бек! — льстиво произнес Агзам. — Великий Магомет требовал от мусульман понимать коран сердцем, постигать суть, а не зубрить наизусть отдельные изречения. Эмир хочет спасти му-

---

¹ Жулбарс — тигр.

сульман от нашествия голодных русских. Поэтому и просит забыть на время раздоры и поспешить на помощь со своими славными джигитами...

Агзам встал и низко поклонился, коснувшись пальцами пола.

— Я давно передал свое желание Сеид-Алим-хану! — ответил Ибрагим-бек. — Я готов вести его войска против русских при условии, если зеленое знамя Магомета будет вручено лично мне. Тогда я буду насаждать ислам кинжалом и шашкой, как непобедимый Али¹. Мне известно, наш эмир не умеет бороться с «плохими мусульманами». Он спугнул их, как неопытный охотник уток. Я говорю о джадидах, имам!

Агзам слушал и подобострастно кивал головою. А Ибрагим-бек долго с жаром доказывал, что он на месте эмира головы «плохих мусульман» преподнес бы на блюде матерям, родивших таких сыновей.

Жунус не выдержал:

— Матери не рожают плохих мусульман, бек! Такими они делаются. В этом повинны мы, отцы...

В глазах имама промелькнул испуг. Он знал дерзкий язык своего спутника. Как бы этот дурак не наговорил лишнего.

Ибрагим-бек остановил внимательный взгляд на Жунусе. Широкий казахский халат с бархатным отложным воротником и нечистый узбекский выговор сразу выдали его происхождение.

— Кто ваш спутник? — спросил Ибрагим-бек имама.

— Мусульманин Жунус из Джетысу. Один из вожаков шестнадцатого года.

— Казах? Какие же казахи мусульмане! — брезгливо произнес Ибрагим-бек. — Они забыли законы ислама.

— Стагипар, алла! — взмолился оскорбленный имам.

Жунус тоже обиделся. Он заговорил глухим голосом:

— Ходить в мечеть и читать молитвы — это еще не доказательство верности исламу...

Ибрагим-бек не стал слушать. Он резко спросил:

— У вас есть басмачи в Джетысу? Режут они кафиров?

---

¹ Али-халиф, полководец у Магомета.

— Нет.

— Тогда не будем говорить о мусульманстве казахов.

Имам поспешил переменить тему разговора. Он скончал беседу и поторопился уйти, чтобы спасти своего спутника.

Жунус вышел расстроенный. Конечно, Ибрагим-бек не может встать во главе народа. Он не орел, а хищник. Орел не охотится за падалью.

Жунус даже не откликнулся на приглашение имама подкрепиться пловом. Он отправился на окраину кишлака. Под тенью чинары сидели джигиты Ибрагим-бека и шумно играли в карты. Бородач с разорванными губами поднял голову, посмотрел в упор на Жунуса и толкнул локтем соседа. Тот прикинул охотничьим взглядом, есть ли смысл раздеть и разуть незнакомца. Жунус понял этот взгляд и поспешил отойти.

На другой день утром Жунуса разбудил переливчатый звук керная¹. Он вскочил и вышел на улицу.

Два таджика стояли у ворот и трубили в трехметровые карнай. По их зову собиралась многочисленная свита Ибрагим-бека.

— Куда они? — спросил Жунус у подошедшего имама.

— Едут охотиться...

— На декхан? — наивным голосом спросил Жунус.

Имам понял насмешку. Он сердито посмотрел на Жунуса и ничего не ответил...

В тот же день к вечеру Жунус встретил узбека, приехавшего к Ибрагим-беку с жалобой. Они разговорились.

— Трудно сейчас жить в кишлаках! — сказал узбек. — Отбирают одежду, коней и все, что плохо спрятано. Мой дядя Усман ака отказался отдать последнего коня. Ему отрубили шашкой голову... Скажите, дорогой, когда кончится это?

— Когда народ протрет себе глаза! — ответил Жунус.

Он понял: Ибрагим-бек ищет личной наживы, мусульманская религия — только щит для прикрытия темных дел.

Жунус рассказал имаму, что мусульманину-узбеку не

---

¹ Кернай — музыкальный инструмент.

удалось попасть к Ибрагим-беку. Стража не допустила его к нему.

— Грабеж среди белого дня! — закончил он свой рассказ.

Агзам вздрогнул и торопливо прикрыл его рот ладонью:

— Тише ты...

Больше имам не брал Жунуса к Ибрагим-беку.

Через три дня они выехали обратно. Поездка кончилась благополучно, к явному удивлению проводника.

Глава двадцать седьмая

В Бухаре имам обещал устроить Жунусу свидание с эмиром и показать его дворец. Он велел Жунусу подойти днем к воротам цитадели. Когда Жунус пришел, на часах у ворот дворца стрелка показывала двенадцать, а сейчас — два.

Вначале Жунус сидел у ворот дворца недалеко от помещения охраны на лестнице. Постепенно спускаясь все ниже и ниже, он очутился на первой ступени.

Тщеславный Жунус был уверен, что с ним эмир будет считаться, как с известным джетысуйским казахом. Он не знал, что имам преследовал другую цель — представить Жунуса посланником Большого жуза¹, готового оказать помощь Бухаре. Агзам хотел этим шагом укрепить свое положение во дворце. За Жунусом, дескать, стоит народ, а сам Жунус — послушный исполнитель воли имама.

Верховный судья, в свою очередь, согласился показать Жунуса эмиру, чтобы использовать его для нажима на казахов нуратинского бекства эмирата.

Обида, горькая обида давила грудь Жунуса. Он вспоминал прожитую жизнь. Сколько раз он рисковал ею. И для чего? Чтобы обречь себя на изгнание и, подобно нищему, стоять у ворот дворца? Почему Жунус не пошел за большевиками, как его сын или как Токаш Бокин? Может быть, у них настоящая правда?

---

¹ Раньше Казахстан территориально делился на три жуза. Семиречье входило в Большой жуз.

Он вспомнил вчерашний разговор с имамом. Агзам сказал, что Сугурбаев находится в Бухаре. Какой ветер занес его сюда? Видно, не сумел, собака, приластиться к новым хозяевам. Имам передал печальные вести, привезенные Сугурбаевым из Джетысу. Погиб родной аул Айна-Куль. Горный поток погубил весь скот, станничники напали на казахов и устроили резню. А Саха вместо того чтобы стать за защиту своих единоверцев, велел арестовать Хальфе. Говорят, муллу пытали в Чека и умертвили... Хальфе не жалко, плохой человек. Но что стало с Фатимой и детьми? Надо обязательно повидать Сугурбаева и расспросить...

Так размышлял Жунус, сидя у ворот дворца. Прошел еще час. Жунус встал. В его глазах всякий прочитал бы досаду и гнев. Он готов был уйти, не дождавшись Агзама.

А в это время имам искал ученого шейха Мухиддина-ибн-Аль-Араби, приехавшего из Индии для помощи мусульманам в борьбе с большевиками. Он надеялся через него добиться разрешения Жунусу войти во дворец и представиться эмиру.

Ученый шейх медленно прогуливался по виноградной аллее, ведущей от дворца к главному хаузу. Он срывал на ходу небольшие кисти винограда и лакомился ими. В этот солнечный день Мухиддин-ибн-Араби был доволен своей тенью — полковником Терренсом, а Терренс, в свою очередь, святым шейхом. Оружие из Ирана поступало с большими перебоями — мешали невидимки-партизаны. Единственная надежда оставалась на афганских стрелков, прибывших в Бухару на помощь сорокатысячной армии эмира.

Ученый шейх подошел к хаузу и спустился по лестнице. На поверхности зеленовато-грязной воды кишели жуки, бабочки и черви.

Мимо прошел начальник дворцовой охраны. Он искал Агзама, чтобы сообщить ему о приезде казаха Жунуса и спросить, можно ли пропустить его во дворец. Как будто имам вызывал Жунуса.

Начальник охраны слащаво улыбнулся шейху, как дорогому гостю, и мерной поступью скрылся в саду. На груди у него красовался орден Искандер салис¹, золотая

---

¹ Искандер салис — солнце Александра.

звезда с бриллиантом и темно-синей лентой. Он имел чин инана¹. Этот чин эмир давал только особо преданным любимчикам, не считаясь ни с образованием, ни со служебным положением.

Начальник охраны нашел, наконец, имама, и они вдвоем направились к ученому шейху. Агзам кратко рассказал о Жунусе, назвав его героем и вождем восстания тысяча девятьсот шестнадцатого года и попросил устроить свидание с эмиром.

Мухиддин-ибн-Аль-Араби согласился 'помочь. К эмиру он пошел один и сумел уговорить его в несколько минут. Имам Агзам отправился встречать Жунуса, чтобы провести его во дворец.

В белой зале мавританского стиля солнечные лучи ярко освещали покрытые бронзой колонны и стены из зеркал и цветных стекол.

Они поднялись в «круглый павильон», где обычно отдыхал эмир. Слегка возбужденный от анаши, он полужелал в парчовом халате на ковровой тахте. Рядом с ним на атласном одеяле, сложенном вчетверо, дымил кальян.

Болезненно-бледное лицо эмира говорило об его страсти к наркотикам. Черные густые брови приподнялись, из-под них глянули серые раскосые глазки. Имам Агзам, приложив обе руки к груди, поклонился до пола. То же сделал и Жунус.

Сидевшие у ног эмира верховный судья Бурхан-эддин, похожий на сытого откормленного кота, указал рукою на место, где следовало остановиться. Имам Агзам представил Жунуса.

Жунус предполагал, что на него будут смотреть, как на почетного гостя, и ласково пригласят сесть за дорогим дастарханом. Но эмир даже не поднял головы. Разочарованный Жунус решил на любовую атаку.

— Мы, джетысуйские казахи, всегда смотрели на Бухару, как на город святых шейхов, духовных отцов. Многие из нас, когда слышали, что Бухара в опасности, пустились в далекий путь... Наш народ не богат городами, но богат простыми сердцами. Что у нас на уме, то на языке. Скажу прямо, когда я ехал сюда, я хотел видеть другое, а не то, что увидел.

---

¹ И н а н — генерал-лейтенант.

— Что вы хотели видеть? — перебил судья.

Эмир приоткрыл один глаз.

— Я хотел видеть народ, сплоченный под знаменем Магомета. Я хотел видеть счастливого мусульманина в счастливой стране...

— А вы что увидели? — опять перебил Бурхан-эддин.

Эмир приоткрыл оба глаза.

Имам Агзам незаметно дернул Жунуса за полы халата. Но Жунус, не обращая внимания, продолжал:

— Я увидел разорение, услышал стоны мусульман. У них нет никакого интереса к нашей священной войне. Их обижают...

— Кто? — резко прервал эмир.

— Тахсыр! Их обижают все: и басмачи и баи.

Эмир снова опустил веки.

Когда Жунус ушел в сопровождении имама Агзана, верховный судья наклонился к эмиру и тихо сказал:

— Опасный казах! Как вы думаете, тахсыр?

Глава двадцать восьмая

В пятницу шейх Мухиддин-ибн-Аль-Араби совершал паломничество по мазарам-гробницам. После торжественного посещения гробницы Исмаила-Саманида шейх выехал за город в сопровождении верховного судьи, имама Агзана и ответственных чиновников из государственной канцелярии. Побывав в других древних мазарах, он остался ночевать в летнем дворце эмира в Ширбудуне, в трех верстах от Бухары.

В этот вечер люди свиты, сопровождавшей шейха с Бурхан-эддином, долгое время сновали по бесчисленным комнатам дворца, а затем сели играть в шахматы.

Бурхан-эддин сразился с имамом Агзамом. С первых ходов завязалась острая игра. Бурхан-эддин начал яростную атаку на королевском фланге. Имам Агзам увиливал и тем временем на другом фланге готовил контрудар, которого противник не замечал.

По настоянию имама Агзана, Жунус тоже оказался в свите. Он внимательно следил за ходом шахматной игры и не без яда обронил:

— Так вот и в жизни бывает. Судьба незаметно готовит страшный день для человека.

— О каком дне говорит наш драгоценный? — спросил Бурхан-эддин, объявив конем шах королю.

— Ваш шах ускоряет вашу гибель!

Бурхан-эддин вспыхнул, почувствовав в ответе Жунуса намек на тяжелую обстановку, создавшуюся в Бухаре. Он ехидно спросил:

— Я могу передать ваши слова эмиру, как предостережение?

Жунус побледнел. Имам Агзам поспешил потушить разгоравшуюся ссору.

— В детские годы я поспорил со своим другом, — начал он рассказывать, — из-за одного слова. Вскоре спор наш перешел в ругань, а затем чуть ли не в драку. Когда мы пришли к учителю, вдоволь оскорбив друг друга самыми постыдными словами, он рассмеялся и сказал, что у обоих это слово вовсе не передает вложенного нами в него смысла. Не в обиду будет сказано, так и вы не поняли друг друга. Если не хотите считаться с моим мнением, мы можем обратиться за советом к ученому шейху Мухиддину-ибн-Аль-Араби.

Имам Агзам спокойно посмотрел в лицо верховного судьи. При упоминании имени шейха он вздрогнул и заискивающим тоном произнес:

— Бесценный имам! Стоит ли нарушать покой шейха по таким пустякам. Думаю, мы пойдем друг друга.

Имам Агзам знал, что первая встреча с шейхом принесла неприятность верховному судье. Шейх свел на нет влияние Бурхан-эددина во дворце, накопленное годами, кровью и золотом.

— Жунус сказал правду: всегда надо проверять каждый свой шаг... Шах!... Беру пешку. Это начало разгрома.

Бурхан-эддин засмеялся.

— Кстати, я недавно играл в шахматы с шейхом. Он провел мастерски одну комбинацию и на сороковом ходу поставил мне мат. Не примите на свой счет, уважаемый верховный судья, но шейх говорит, что некоторые фигуры во дворце бездействуют, ими надо пожертвовать, чтобы выиграть.

Бурхан-эддин отодвинул шахматную доску, дав понять, что партию он сдает. Больше он не стал играть.

— Среди сарбазов распространяются нежелательные слухи! — скорбным тоном сообщил верховный судья эмиру на очередном приеме в белом зале.

— Что за слухи?

— Вчера один из солдат говорил, что дни эмира сочтены. Бухара будет советской!

— Откуда эти слухи?

— Солдат признался под пыткой, что слухи среди солдат распространяли казахи из Джетысу.

— Опять этот... как его, Жунус?

— Видимо. Его сын служит у большевиков комиссаром.

Эмир лениво махнул рукой.

— Уберите его подальше! Мы сказали!

Этого жеста было достаточно. Бурхан-эддин поспешил в тайную канцелярию и приказал арестовать Жунуса.

Не успел Жунус сходить на полуденную молитву, как был задержан около мечети.

— Ты кто? — грубо спросил его военный в папахе и черкеске. Жунус усмехнулся: «Опять ловят джадидов».

— Я не тот, за кого вы принимаете.

— Как ваше имя?

— Жунус.

— Из Джетысу?

— Да.

— Именем эмира я задержу вас и отведу в рекхану!

— Вы, должно быть, ошиблись?

— Идем! — грубо толкнул Жунуса второй. — Когда ведут в рекхану, не ошибаются. Мы тебя ищем целый день!

Жунус похолодел. Сердце сжалось от страха. На лбу выступил обильный пот. Он силился остановить дрожь, но не мог, чувствуя, что теряет почву под ногами.

— Ну, иди быстрее!

Шумела узкая улица. Вот проехали в коляске, блистая золотом парчовых халатов, купцы. Просеменил ишак с хозяином на спине. Проплыла женщина под паранджой, как безобразный движущийся мешок, — не видно ни лица, ни ног. Жунус ничего не замечал. Мир перестал для него существовать. Он видел только двух

конвоиров с обнаженными шашками, шагавших с ним рядом.

— Куда вас, Жунус-ака?

Это окликнул нищий. Жунус всегда подавал ему милостыню у ворот мечети. Сейчас Жунус бессмысленно посмотрел на него, узнал и растерянно улыбнулся. Нищий побежал за ним.

— Жунус-ака, я передам...

— Вон! — гаркнул конвоир. — Я тебе покажу, как разговаривать с преступником!

В рекхане Жунуса передали тюремщикам. Три стража сопровождали арестованного по крутой лестнице в подземелье. Впереди шел ключник, горбатый, беззубый узбек с красными глазами и лицом, покрытым паутиной морщин. Справа шагал приземистый бородач, с низким покатым лбом. Завершал шествие сутулый гигант. Он вызвал в душе Жунуса содрогание. Несомненно, это палач. Откуда только выкопали такого зверя!

Жунуса долго вели по темному длинному коридору. Откуда-то сверху просачивался гусклый свет. Глаза постепенно привыкли к полумраку, а уши к гробовой тишине. Наконец горбун остановился и снял с пояса огромный ключ. С лязгом открылась дверь темной подземной камеры. В нос Жунусу ударил трупный запах сырости. Кто-то застонал.

Жунуса охватил ужас. Он отшатнулся.

— Хватит, нагулялся на белом свете! — крикнул гигант и страшным ударом по шее столкнул его в подземелье.

Жунус упал, за его спиной загремела дверь. Снова раздался стон. Узник! Жунус стал ощупывать вокруг себя. Сырая каменная стена. В потолке чуть светится крохотное оконце. Пол земляной. А вот здесь солома. Кто-то лежит на ней... Старик или мальчик? Кожа да кости... Нет, это старик — у него есть борода.

И Жунус вдруг понял: за ним навсегда захлопнулась дверь. Он попал в каменную могилу. От этой мысли его бросило в жар. Он кинулся к двери и в исступлении стал бить кулаками и кричать. Послышались торопливые шаги. Загремел ключ в ржавом замке. Дверь открылась, вошел горбун.

— Мусульманин, не веди себя, как кафир! — сказал он. — Сиди тихо, это принесет тебе пользу!

Бесстыдная ложь возмутила Жунуса. Он не смог даже ответить на нее. Спазмы сдавили горло... Опять с железным лязгом захлопнулась тяжелая дверь. Горбун ушел. Жунус, охваченный отчаянием, упал на пол. Изверги! Почему же вы мучаете мусульманина? Его охватил новый припадок бешенства. Он вскочил и снова бросился к двери. Он стучал теперь еще сильнее, кричал еще громче. Опять послышались шаги, на этот раз твердые, тяжелые. Зазвенели ключи, дверь открылась. На пороге стоял гигант.

— Ты что стучишь?

Палач схватил Жунуса за горло и кинул в угол.

...Жунус не мог понять, сколько времени он пролежал. Когда он открыл глаза, услышал глухой, слабый голос и понял, что это говорит с ним узник — товарищ по несчастью.

— Жив?

Жунус молчал.

— Ака! — продолжал узник. — На востоке говорят: за гневом ум. Не трать силы напрасно. Теперь ты не вырвешься отсюда. Если не убьют, сгниешь живым.

— За что?

— Об этом спроси у эмира.

Жунуса снова охватил ужас. Он бросился к двери, забарабанил в нее кулаками и ногами.

— Эй, горбун, мусульманин! Открой ради аллаха!

В эту минуту дикий вопль покотился эхом по коридору. Раздался шум, прерываемый криками, затем грохот. И снова наступила гробовая тишина.

— Еще одного убили! — тихо прошептал узник на ухо Жунусу. — Это по счету тысяча сто двенадцатый за два года... Я считаю...

Он не успел закончить. Загремел замок, и дверь распахнулась. В камеру ворвался гигант-тюремщик. Он ударил по лицу Жунуса. Жунус понял — пришла смерть. Он решил подороже продать свою жизнь. На короткие минуты к нему вернулась молодость. Он напряг все силы и нанес гиганту ловкий удар ниже живота. Палач застонал. Жунус сшиб его ударом головы и выскочил в коридор. Он бежал, а за ним мчались тюремщики. Они, конечно, настигли его...

Горбун ударил беглеца ключом по голове, и он упал без сознания на каменный пол,

...Жунус очнулся уже в другой камере — одиночной. Здесь не было даже соломы на полу. Острый запах мышиного помета ударил ему в нос. Все тело ныло от тупой боли. Чем его били?

Жунус долго лежал без движения, раздумывая над своей горькой долей. Лучше уйти из этого мира самому, без помощи палача. Он снял рубашку, разорвал ее и свил длинную тесьму. Но в рекхане даже повеситься нельзя несчастному узнику, не к чему привязать веревку. Жунус накинул петлю на шею и попробовал задушить себя. Он дернул за тесьму — она оборвалась...

И в первый раз в жизни Жунус заплакал от тоски и страха.

Глава двадцать девятая

Об аресте Жунуса Амен узнал только к вечеру, и то случайно, от нищего, сидящего у мечети. Он помчался прямо к Агзаму.

Глубоко возмущенный несправедливостью, Амен сразу не мог связно рассказать о случившемся несчастье. Он нервничал и заикался.

— Говори толком! — прикрикнул Агзам, совершавший омовение перед намазом¹. Медный чайник со звоном полетел в сторону.

— Жунуса посадили в тюрьму!

— Кто посадил?

— Этого не знаю, имам!

Агзам выругался:

— Сам виноват, держал бы язык за зубами! Насреддин несчастный!

Амен с ненавистью посмотрел на злое лицо имама и подумал: сбил с пути человека, вытянул из родного гнезда, а теперь бросил на съедение шакалам.

Амен не знал, каким влиянием пользуется Агзам во дворце. Он предполагал, что имам побежит во дворец, поклонится в ноги эмиру и скажет, что Жунус чудак, желающий людям добра, а не зла, и все, что говорят о нем, пустая болтовня. Грозный эмир, сидящий на троне,

---

¹ Намаз — молитва.

потрясет жезлом и закричит: «Здесь вам не степь!» а затем прикажет: «Выпустить»...

Амен, выйдя из квартиры имама, бросился на поиски нищего. Он хотел подробно разузнать все. Нищего он разыскал около башни Сарофон в запутанных переулках еврейской слободки. Это был Шо-мирзо. Он снова повторил свой рассказ:

— Когда Жунус вышел из мечети, совершив полуденную молитву, к нему подошли двое, поджидавшие его, и увели. Да, я только забыл добавить, когда они его ждали у ворот мечети, один из них сказал другому: «Кажется, большевик, смотри в оба!»

Амену теперь было все ясно. Сплели вокруг человека паутину лжи...

Недавно, лежа в сенях у хозяина, он видел на потолке огромного паука, терзавшего муху. Она металась, запутанная в сеть, и жалобно жужжала. Рекхана — это та же паутина. Разве удастся вырваться оттуда?

Когда Амен повернулся уйти, Шо-мирзо тихо шепнул:

— Привет от Маджида-лекаря!

Амен остолбенел.

— Откуда ты его знаешь?

— Я его видел на днях в Кагане. Просил узнать, как вы устроились.

— Как видишь. Не успели приехать, Жунус угодил в рекхану.

— Не поможет ли в чем-нибудь вам Маджид? — осторожно заикнулся Шо-мирзо.

— Ну, чем он поможет. — Амен задумался, а затем добавил: — Передай ему привет. Может быть, увидимся.

И Амен отошел, оставив Шо-мирзо.

Глава тридцатая

Благодаря стараниям имама Агзама, Жунуса освободили. Он вышел из тюрьмы, как драчливый петух после тяжелого боя: лицо осунулось, в глазах горели беспокойство и злоба. Он потерял душевное спокойствие. Обычная уверенность в своей правоте покинула его. Он походил на затравленного зверя.

Жунуса больше не пускали во дворец. При встрече с ним бывшие знакомые, беки и купцы кланялись холодно,

а амальдеры — чиновники — показывали на него пальцами и вспоминали поступок муллы Насреддина, напоминавший выходку Жунуса. Говорят, мулла Насреддин, увидев на дне колодца отражение луны, бросил крючок с благим намерением вытащить ее наружу, но луну не достал, а разбил себе голову, упав плашмя. Так и Жунус. Захотел найти правду в Бухаре. Чудак!

После освобождения из рекханы Жунус собирался уехать в Семиречье, но на пути снова встал имам Агзам. Он пришел из дворца и за пловом сказал:

— На подступах к Кагану расположена крупная часть войск эмира. Туда же прибыла партия джигитов из степей Западной Бухары. Наше обращение к народу принесло плоды! — И с улыбкой добавил: — Шейх желает вас видеть во главе этих джигитов!

Жунус хотел отказаться, но смолчал. Это было приятно как согласие.

Прибыв в военный лагерь, Жунус стал знакомиться с добровольцами-казахами. Некоторые из них были хорошо одеты, имели добрых коней, но большинство джигитов явилось в старых лохмотьях.

Измученные дорогой, голодные добровольцы воровали продукты из войсковой кухни у солдат. Их ловили и били.

В лагере стояла тишина. Солдаты маршировали вдалеке.

Жунус, расположившись под чинарой, вызывал по очереди казахов и знакомился с каждым...

Амен привел молодого толстогубого джигита с круглым, как луна, лицом. Он был оборван и бос.

— Ты откуда, мой мальчик? — ласково спросил Жунус.

— Я родом кипчак — из пустыни Кызылкум.

— Зачем ты сюда приехал?

— Меня привезли.

— Как?!

Юноша замялся в нерешительности и тихо сказал:

— Когда нас забрали, нам сказали, что из Бухары мы поедem в Ташкент.

— Кто сказал?

— Приехавший амальдер из Бухары.

Следующий доброволец рассказал то же самое. Жунус задумался. Конечно, эти казахи не воины для эми-

ра. В первом же бою они сдадутся в плен большевикам. Что же с ними делать? Доложить имаму Агзаму? Нет, доносить на этих несчастных обманутых юношей он не станет.

Жунусу не везло. Только он стал сколачивать отряд из казахов Нуретинского бекства, как неожиданно появился Сугурбаев. Он приехал в лагерь с начальником контрразведки.

На другой день сарбазы эмира захватили «языка» и привели в штаб.

— Я поймал большевистского агента. Остальное он сам расскажет,— доложил сарбаз начальнику контрразведки.

Тот просиял, указательным пальцем погладил смолистые усы:

— Ты кто? — спросил он по-русски красноармейца.

— Человек!

— Я не говорю, что ты скотина. Кем ты был у большевиков?

— Рядовым солдатом.

— Хорошо. Где стоят войска Фрунзе?

— Не знаю.

— Врешь, сволочь!

— Я рядовой.

Начальник контрразведки обернулся:

— Развяжите ему язык!

Сугурбаев подошел быстрыми шагами. На голове чалма, рукава засучены. Он выглядел мясником.

— Коммунист?

— Нет.

— Пах! — зловеще воскликнул Сугурбаев. По его приказу два рослых сарбаза связали пленнику руки.

Сугурбаев по-уйгурски внезапно ударил головою красноармейца в подбородок. Со связанными назад руками пленник не устоял, грохнулся плашмя. Кровь потекла изо рта, из носа.

— Усади! — приказал Сугурбаев своему помощнику. С иезуитской улыбкой наклонился он к пленнику.

— Сколько войска?

Красноармеец молчал, выплевывая выбитые зубы.

— Не хочешь отвечать — пеняй на себя!

Сугурбаев вынул перочинный ножик, ловким движением отрезал у пленника одно ухо и положил в карман.

— Отдам, если скажешь...

Пленный молчал, стиснув зубы.

— Я тебя заставлю говорить! — рассвирепевший Сугурбаев ударил пленника ногой.

Эта расправа с красноармейцем окончательно решила судьбу Жунуса. Ему не по пути ни с эмиром, ни с Агзамом. Надо уходить. Всю ночь Жунус не смог уснуть: перед его глазами стоял окровавленный, со стиснутыми зубами молодой русский красноармеец, не боявшийся смерти.

Утром Жунус встретил Сугурбаева, возвращавшегося с речки с полотенцем в руке.

— Смываешь пятна крови? — с отвращением спросил он.

— Что?

— Кто из казахов так может издеваться над человеком, как ты вчера! Зверь!

— Пах! — Сугурбаев злобно процедил. — Скажи спасибо, что тебя не повесили за сына!

Жунус задрожал, правая рука сжалась и медленно полезла в карман за ножом. Но, вспомнив рекхану, он удержался и, собрав всю волю, отошел.

Глава тридцать первая

После операции, когда хирург извлек из груди Сахи пулю, врачи посоветовали ему отдохнуть в горах. Глафира нашла дачу бывшего бая Медеу в восемнадцати верстах от города. Саха часами высиживал на скамейке и любовался красотой природы. Прекрасны были отлогие горы, густо покрытые девственными еловыми лесами. Остроконечные снежные вершины Заилийского Алатау ярко сверкали на солнце, словно окрашивая все в светло-голубые тона. Узкие ущелья таинственно чернели вдали. Шумела и пенилась внизу неугомонная Алматинка, щедро усыпанная огромными валунами. Это — зримые следы недавнего наводнения, каменного потока, чуть не разрушившего город. Осень позолотила ветви берез, покрыла багрянцем листья кленов — по яркости окраски они могли соперничать с апортом. Год на яблоки выдался на редкость урожайный, от изобилия плодов гнулись и ломались ветви яблонь. Раньше, занятый по горло делами,

Саха не замечал необыкновенной красоты осени в горах. Теперь он не отрывал взора от прекрасной панорамы гор, вдыхая свежий воздух.

Левая рука его не действовала, при движении боль усиливалась. Очевидно, был задет нерв. Сагатов болезненно переживал травму руки: не хотел быть инвалидом в двадцать четыре года.

Он много думал о Глафире, с ней он чувствовал себя спокойно, но когда она уезжала в город, сердце точило тоскливое одиночество.

Сегодня Глафира доставила Сахе большую радость. Она привезла из Верного Нашена. После пожара акына увезли в больницу, и он, подлечившись, чувствовал себя окрепшим, мог ходить без посторонней помощи, опираясь на тонкую палочку.

Сагатов с детства любил Нашена как вечного искателя правды. Его стихи, в которых был слышен стремительный бег степных коней, знали наизусть в аулах. Они проникали даже в тюрьму, когда Сагатов томился за решеткой.

Нашен в круглой лисьей шапке и светло-коричневом халате вошел в комнату, чуть закинув голову. Его скуластое живое лицо было бледным, серые глаза излучали теплоту. Следом за акыном шагал Тлеубай.

Сагатов усадил гостей на диван и, пододвинув стул, сел напротив.

— Ты меня, сын мой, бережешь, как хрупкое стекло. Думаешь, что старые кости могут сломаться? — Нашен хитро прищурил глаза. — Нет, я еще поживу на страх врагам. Моя песня не устарела.

— Она только расцветает, — почтительно заметил Тлеубай, — как яблоня.

— Яблоня! — повторил задумчиво Нашен и заговорил неторопливым тихим голосом: — Твой отец, Саха, рассказывал мне, что он в детстве посадил у горного источника Айна-Куль яблоневый отросток. Несмотря на холод, ветры и бури, дерево принялось и стало давать плоды. Так и наша жизнь! Она поднимается к высотам счастья.

Акын помолчал и спросил еще тише:

— Но где сейчас Жунус?

Вопрос Нашена острой болью отозвался в сердце Сахи.

— Я сам готов об этом спросить у вас, дорогой акын.

— Мне сказали, что он ищет счастье.

Саха болезненно поморщился. Ему не хотелось говорить об отце.

Нашен откинул голову назад и строго сказал:

— Я должен возвратить его в родной Джетысу, нельзя забыть этого человека.

— Теперь уже поздно! — вздохнул Саха. — Мой отец пошел не той дорогой. Наш народ будет смотреть на него с презрением.

— Заблуждение не есть преступление. Я пошлю к нему человека. Попытаюсь вернуть его в родное гнездо.

— Стоит ли, дорогой акын, беспокоиться, — перебил Сагатов и, чтобы переменить неприятную тему разговора, обратился к Тлеубаю: — Как курсы?

— Через месяц закончу.

— Не придется кончать, — сказал Саха. — Время не ждет. Надо ехать в Кастек, наделять беженцев землей. Ты лучше других справишься с этим делом...

В комнату вошла Глафира и пригласила гостей к столу. Когда она вышла, Нашен произнес с усмешкой:

— В аулах возмущаются, что ты женился на русской. Ко мне на днях приезжали в больницу и рассказывали...

Саха покраснел и ответил сквозь зубы:

— Во-первых, я еще не женился. А во-вторых, кому какое дело до моей личной жизни?

— Сын мой! Я передаю тебе мнение аксакалов, а не свое. Для меня она хороша. Ты женись.

— А как же, Нашеке, вы будете разговаривать с ней, когда приедете к Сахе? — спросил Тлеубай.

— А так же, как в больнице. Я одно слово по-русски, она одно слово по-казахски. Так мы и разговаривали. Она пришла ко мне и говорит: «Сагатов салам прислал!» Я ей в ответ: «Жаксы, кзымке!» Что тут понимать?

Саха с Тлеубаем рассмеялись.

— Саха! Приглашай гостей! — крикнула из соседней комнаты Глафира. — Будете за столом разговаривать.

— Идем, идем! — ответил по-русски Сагатов и, взяв акына под руку, помог ему подняться.

А на другой день к Сахе приехали Гульжан и Бакен. Гульжан бросилась обнимать брата и всплакнула, увидев руку на марлевой повязке.

— Выздоровевший, как говорят китайцы, что новорожденный. А наш новорожденный уже ходит! — воскликнул Бакен, пожимая руку Сахе.

Саха, обняв сестру и ее жениха, с удовлетворением смотрел на их сияющие лица.

— Мама выплакала ведро слез за это время! — сказала Гульжан.

— Что же вы не взяли ее с собой?

— Кто же останется дома?

— А почему вы так долго не приезжали ко мне? — упрекнул Саха Бакена.

— Гульжан обиделась на вас. Не хотела ехать.

Девушка покраснела и с укоризной посмотрела на него.

— За что?

— За то, что вы не заступились за меня, когда я сидел в тюрьме...

— Ну, на это нельзя обижаться, мой дорогой. Басов не мог поступить иначе.

— Это он шутя, Саха! — успокоила Гульжан брата.

— Я бы хотел посмотреть, как Саха себя чувствовал после такой шутки! — проворчал Бакен.

— Ну ладно, вы подождите здесь. Угощайтесь пока яблоками. Я разбужу Глафиру, — примирительным тоном сказал Сагатов и ушел...

— Гульжан? — воскликнула Глафира.

Гульжан порывисто обняла ее. Они поцеловались по родственному, как сестры.

— Я давно хочу вас видеть. Мне столько интересного про вас рассказал ваш брат!

В казахском, без рукавов женском жилете из красного бархата, тесно облегавшем талию, в широком платье со сборками, она показалась Глафиге красавицей.

Женщины сразу удалились, желая поговорить наедине и поближе познакомиться, хотя обе плохо понимали друг друга. А Саха стал расспрашивать Бакена про Кастек, про последние новости. Они были неплохие. После

ареста Митьки Сотникова и изгнания семьи хорунжего из Кастека кулаки притихли. Бакен уже живет в национализированном доме Сотникова, занимая две комнаты. Станичники косятся, но молчат. В Узун-Агаче и Айна-Куле баи после ареста Хальфе тоже притихли. Они все время отправляют гонцов в Ташкент и в Верный, стараются выручить святого.

Вечером пошли на прогулку в горы. Бакен улучил минуту для разговора с Глафирой. Он рассказал ей о своей любви к Гульжан. Фатима не возражает против брака, но что скажет Саха? Ведь он сейчас заменяет отца. Самому Бакену неудобно обращаться к Сагатову. Бакен просил Глафиру переговорить с ним. Глафира обещала: Саха, конечно, не будет возражать.

Поздно вечером приехал из города Басов.

Саха сразу догадался: случилось что-то неладное. Он пригласил Басова в другую комнату. Басов, по обыкновению, закурил трубку, вынул из кармана свернутую ташкентскую газету.

— Прочитай, о тебе...

Саха развернул газету. На второй странице внизу, завитушками арабского шрифта, было напечатано:

...Сын идет по стопам отца. Не зря казахи говорили: «Чем кормился в гнезде,— то и ловит оперившись». Так и есть. Отец Жунус еще до революции жил в горах, как отверженный. Видимо, ему не понравилась сейчас и наша власть, сбежал к басмачам. А сын? Сын бросил нареченную невесту, женился на русской и в любовных утехах забыл беженцев, вернувшихся из Китая... У беженцев землю отобрало казачество, скот — каменный поток, и теперь они у разбитого корыта. Бедный казах-горемыка, кто же заступится за тебя?»

Саха дальше не стал читать, швырнул газету и сказал:

— Это мечь!

— Ясно. По-моему, надо немедленно опротестовать, написать в ЦК партии, в Москву.

Глава тридцать вторая

Сагатов писал всю ночь при неверном свете керосиновой лампы. Писал, перечитывал написанное, рвал и комкал бумагу. Вскakiвал, возбужденно шагал из угла

в угол, не выпуская изо рта папиросы, снова садился за стол и брал в руки перо.

Враги мстили. Сагатов догадывался, откуда дул ветер. Статья появилась не без участия Қожакова. Он — вдохновитель клеветы.

Сагатов мысленно прошел по дорогам своей короткой жизни. Она открыта, как на ладони. Прожито мало, а пережито...

«...Ставят мне в вину, что мой отец Жунус очутился на чужом берегу. Можно ли обвинять сына за неверное направление мыслей отца? Ведь он рос в другое время, в другой среде, чем живу я.

Но, прежде чем писать об отце, я должен рассказать о себе, поскольку автор фельетона, скрывшийся за псевдонимом «Зоркий», назвал меня примазавшимся к партии.

Мне было десять лет, когда меня отдали в двухклассное училище в станице. Я окончил его и поступил в верненскую гимназию. Летом приезжал на каникулы. Юность моя прошла среди русских. Первым моим учителем жизни был Павел Семенович Қашеев, работавший в станице столяром. Казахи звали его тамыром. Казахским языком он владел в совершенстве. Я жил у него в доме.

Иногда к Павлу Семеновичу приходили соседи, он затевал с ними длинные разговоры. Вспоминая отдельные его слова, я могу безошибочно сказать, что этот человек, если сам не был членом революционной партии, то очень сочувствовал делу революции. От него первого я узнал, как несправедливо устроена жизнь на земле... Я был тогда очень молод, многого не понимал, но, оглядываясь назад, должен сказать, что первую искру в мое сердце заронил столяр Қашеев, и если я сейчас коммунист, то этим обязан, в первую очередь, Павлу Семеновичу, а затем моему другу и старшему товарищу Тоқашу Бокину.

Имя этого человека известно Центральному комитету РКП(б). Он возглавлял национально-освободительное движение в Семиречье, был одним из организаторов советской власти в Верном.

Я встретился с ним в гимназии, и с тех пор наша дружба не прерывалась до дня его гибели.

В политической жизни я впервые принял участие в тысяча девятьсот шестнадцатом году, когда казахский народ поднял восстание против царизма. Арестованный по приказанию губернатора Фольбаума, я просидел в тюрьме восемь месяцев в одной камере с Токашем Бокиным и вместе с ним вышел на свободу после Февральской революции. Я помогал Виноградову, Бокину устанавливать советскую власть в Семиречье. Во время белоказачьей диктатуры атамана Кияшко мне, как и всем большевикам, пришлось работать в подполье.

Потом я встретился с Дмитрием Фурмановым...»

Сагатов отбросил перо и взволнованно заходил по комнате. Перед его глазами возникло лицо Дмитрия Андреевича. Он вспомнил Фурманова в дни мятежа, когда в Верном советская власть висела на волоске. Этот волевой политкомиссар действовал обдуманно, гибко, смело — и победил.

Саха снова подошел к столу и, прочитав написанное, взялся за перо.

«...Вот почва, давшая живительный сок для моего роста. Можно ли меня назвать выскочкой, примазавшимся к партии? Таких, как я, немало на казахской земле. Могу указать на самого Бокина, Джангельдина, Майкотова. Мы молодыми вошли в революцию. Нам было всего лишь по двадцать лет с небольшим. Мы могли делать ошибки, но обманывать партию — никогда!

Теперь постараюсь объяснить трагическую судьбу моего отца Жунуса. Он родился в шестидесятых годах прошлого века. Среда и влияние мулл наложили на него свой отпечаток. Он не понял многого, что принесла в казахскую степь революция, и не нашел своего места при новом строе.

Я хочу сказать, что мой отец не контрреволюционер, а заблудившийся человек. Он не выдержал бури и очутился на чужом берегу, среди панисламистов. Мусульманская религия в Средней Азии пока еще страшная сила. Полвека мой отец питался ядовитой отравой со стола имамов. Сознаюсь, я виноват в том, что не нашел достаточно сильного лекарства для его исцеления от мусульманского дурмана.

Не в защиту отца, а лишь для лучшего уяснения его трагической судьбы, я должен сообщить факты из его политической биографии.

Отец ненавидел самодержавие и казахских феодалов. За выступления против баев его сослали в Сибирь, откуда он бежал. В шестнадцатом году он одним из первых поднял восстание в Семиречье и выдвинулся как командир огромного повстанческого отряда.

Таких людей, как мой отец, сотни на казахской земле. Могу назвать Тасбулата Ашикеева и Кашагана Рыскулбекова из Джетысу, Амангельды Иманова и Омара Шипина из Тургая, Аитжана Избасарова и Айсу Айматова из Уральска, Хусаина Айдарбекова и Кыздарбека Алтаева из Баян-Аула. Эти люди вышли из низов народа, они любили его и хотели, чтобы он стал счастливым. Одни из них пришли в революцию, как Амангельды, другие погибли, как Ашикеев и Избасаров. А мой отец очутился на чужом берегу. Жунус, попав в сети духовенства, ушел искать счастье для своего народа на дорогах панисламизма. Он находится в стане врагов, и для меня он враг...»

Глубокой ночью, не доскочив письма, Сагатов вышел из дома в сад. Тучи разошлись, и на синем ясном небе сверкали звезды.

Саха сидел на скамейке и думал об отце. Написанное в ЦК партии письмо показалось ему неубедительным и даже фальшивым. Какое дело революции до Жунуса, если он ушел от своего народа! Если он не с нами, значит, против нас. Стоит ли оправдывать отца боевыми заслугами шестнадцатого года? Сейчас он поступает как предатель, и нечего его жалеть.

Саха почувствовал, как в его душе все больше и больше нарастает глухая ненависть к отцу. Бросить семью, родной аул, уйти к басмачам...

Сагатов возвратился домой, собрал исписанные листки и сжег их в печке.

Глава тридцать третья

Тлеубай приехал в Узун-Агач в полдень.

Подъезжая к аулу, он сразу заметил перемены. Кажется, тот же аул, те же юрты, расположенные кольцом с кутаном¹ посередине. Вон в кутане натянута привязи

¹ К у т а н — двор.

для ягнят, дымит жер-ошак¹. Все как будто по-старому, как и было, но...

Тлеубай задержал свой взгляд на центральной юрте. Над ее куполом развевался красный флаг. Он придержал лошадь. Вот это уже новое...

Из пятистворчатой юрты слышались звонкие веселые голоса. Женский смех переплетался с мужским. Ясно, жизнь здесь течет по-иному. Еще недавно веселье разрешалось вечером и ночью, а днем только в большие праздники.

Тлеубай не спеша слез с коня, отряхнул с себя пыль и зашагал в сторону большой юрты. Здесь его встретил Бакен, приехавший из Айна-Куля. Он не узнал безбородого Тлеубая.

— О, это ты, Бакен! — приветствовал Тлеубай друга.

— Неужели Тлеке? — изумленный Бакен бросился обнимать неожиданного гостя.

— Ты откуда?

— Я из Айна-Куля.

— А ты?

— Из города.

— Почему сразу не приехал в аул?

— Приеду обязательно! Где тут люди?

— Я их сам ищу.

— Как продвигается дележка земли?

— Трудно.

— Вот как! — воскликнул Тлеубай и, схватив Бакена за локоть, затащил в пустую юрту и усадил рядом. — Ну, рассказывай по порядку.

— Комиссия закончила предварительную подготовку, — начал Бакен, стараясь уместить под себя длинные ноги. — Готовы списки, кому землю дадим, у кого ее отберем. А землемер еще не приступил.

— Дальше!

Тлеубай вынул из папки листок бумаги и карандаш.

— Но то, что мы опасались, Тлеке, случилось: казахи-бедняки не хотят жить в домах кулаков...

— Почему?

— Боятся. Спекулянт Бозтай встретил Кеше, племянника Нашена, и сказал ему: «В Кастек на житье лучше

¹ Жер-ошак — подземная печка.

не приезжай! Станичники собираются зарезать тех, кто переедет к ним. Надо выселить всех русских, тогда другое дело». Видали, куда он гнет?

— А как сам Кеше смотрит на это?

— А что Кеше! Сразу рассказал всем в ауле. И сам уперся. Не хочет переезжать. Или вот еще был случай. Два станичника поймали в лесу Токея и предупредили: «Передай своим, если кто позарится на нашу землю и дома, не миновать тому смерти». Ну, вы же знаете Токе! Человек с характером. Кинулся с топором на них. Те на попятный, пытались обратить все в шутку...

— Токей знает их в лицо?

— В том-то и дело, что не знает. Чужие. Не кастекские...

Тлеубай выглянул за дверь. Дождь перестал. Они вышли из юрты.

— Боятся у нас сейчас в ауле,— продолжал Бакен.— Не спят по ночам. Опять ждут пожара. Поочередно дежурят и молодые и старые. В Узун-Агаче спокойнее — здесь рядом милиция. А у нас?

Тлеубай насупил брови и, положив руку на плечо Бакена, сказал:

— Поезжай сейчас в Кастек, объяви на завтра собрание бедняков. Утвердим список и приступим к дележке. Нечего тянуть. А я приеду завтра утром.

Они попрощались и расстались.

...Здание школы в Кастеке было переполнено. Приехали казахи из соседних аулов. Люди сидели на партах, многие толпились в коридоре, курили, перебрасывались шутками. Говорили по-казахски и по-русски.

— Здорово, тамыр!

— Ей, Иван, твой табак бар?¹

— Ты смотри, что делается, это же Кеше?

— Где?

— Вон идет с Токеем!

— Куда он лезет?

— Кто?

— Тыртышный!

— Что? Он тоже записался в бедняки?

---

¹ Бар — есть.

— Ха-ха...

Пробираясь сквозь толпу, в класс вошли Тлеубай, Вера Павловна, Бакен, землемер Фальковский. Тишина установилась не сразу.

Вера Павловна открыла собрание и предоставила слово Цун-ва-Зо. Он рассказал, для чего собралась беднота. Надо возратить казахам землю, насильно захваченную кулаками в шестнадцатом году.

Бакен широко раскрыл глаза, увидев Тыртышного, сидевшего возле дверей. Кто допустил кулака? В списке бедняков, имеющих право участвовать в собрании, его не было.

Бакен сказал по-русски с сильным казахским акцентом:

— Товарищи, Тыртышный не бедняк. Ему здесь не место!

— А чем он тебе мешает?

— Я скажу чем! Вы знаете сенокосное угодье между горой Прохладной и речкой Кастек? Аул Айна-Куль владел им и спасал там скот от гибели в зимние морозы. Теперь эта земля не наша. Ее отобрали в шестнадцатом году и отдали Тыртышному и другим кулакам. Они сидят здесь.

Поднялся шум.

— Ты не агитируй!

— Башибузук!

— Не мешайте ему!

— Предлагаю Тыртышного удалить с собрания! — закончил Бакен, побагровев от сильного волнения. Сосед Тыртышного закричал, стараясь заглушить шум:

— Если Бакену не нравится морда Тыртышного, может не смотреть.

Кто-то свистнул в задних рядах:

— Калбитам продались!

— Подкулачники!

Вера Павловна трясла колокольчик, стараясь восстановить порядок.

Слово взял один из бедняков-станичников, прозванный «Хромым солдатом». Он, стуча кулаком по парте, закричал:

— Мы знаем, кто такой Тыртышный! Вон его, кровососа!

— Да что ты, Гаврила, побойся бога! — взмолился Тыртышный. — Кого ты выживаешь!

— Айда, уматывайся!

— А я скажу тебе, что он не пойдет, останется здесь! — поднялся со своего места сосед Тыртышного. — Ты брось командовать, Гаврила! Тебя самого придется выгнать отсюда!

Хромой солдат схватил костыль, бросился на соседа Тыртышного. Но драки не допустили. Началось голосование.

Бакен увидел, как густо поднялись жилистые мозолистые руки.

— Кто против?

Вера Павловна устремила взгляд в сторону Тыртышного.

— Раз, два, — считал Бакен. — Три... семь... четырнадцать... восемнадцать.

— Большинство голосов Тыртышный не допускается на собрание, — объявила Вера Павловна и взглянула на Тыртышного. — Можете уйти!

— Что же, тогда и нам удалиться? — ехидно спросил, приподнимаясь, сосед Тыртышного.

— Можете!

Но, уходя, Тыртышный дернул соседа за рукав, и тот снова сел.

Собрание приступило к утверждению списка кулаков. У них изымались в пользу бедноты земля, скот и сельскохозяйственный инвентарь. Вера Павловна читала медленно, внятно, произнося каждую фамилию. Когда она назвала Тыртышного, все свободно вздохнули.

Однако список не пришлось дочитать. С улицы кто-то крикнул истошным голосом:

— Пожар! Горим!

Поднялся переполох. Все бросились к двери, давя друг друга. На улице пахло удушливым дымом.

— Тыртышный горит! — крикнула женщина, выбежавшая из соседних ворот.

Все кинулись к его дому. Но каково было удивление, когда, добежав до пятистенной избы Тыртышного, все увидели посреди двора огромный костер. Сам хозяин подбрасывал в огонь солому, хворост, мусор.

— Что это такое? — спросила Вера Павловна,

— Очищаем двор. Надо же сдать в чистом виде новым хозяевам! — шурил Тыртышный глаза.

— Хитрый зверюга! — выругался Хромой солдат. — Хотел сорвать собрание.

Все пошли обратно в школу.

На другой день члены комиссии выехали осматривать землю, отмежеванную у кулаков, и распределять ее между бедняками Айна-Куля и Кастека.

Переправившись на левый берег реки, всадники ехали шагом. Впереди Цун-ва-Зо, Вера Павловна и Тлеубай, за ними — Бакен и Хромой солдат. Правый скалистый берег реки опоясывал гору Прохладную. Вдоль левого берега протянулись альпийские луга.

— Всей этой плодородной долиной владела казачья верхушка.

— Тыртышный да братья Сотниковы?

— И этого им было мало! В шестнадцатом году они захватили все луговые районы нашего аула и окрестности озера Айна-Куль.

— А казахов загнали в горы!

Конь шли по лугу, фыркая, норовили пощипать траву.

— Ах, какая земля! — воскликнул Бакен, с волнением обозревая подернутую зеленым маревом долину. Он соскочил с коня и взял горсть земли. Мягкая, черная, влажная, похожая на свежеиспеченный ржаной хлеб, она сыпалась с ладони.

— Наша земля, наша! — радостно воскликнул Бакен и вскочил в седло.

Не успел он отъехать несколько сажен, как конь шарахнулся в сторону, Бакен ухватился за гриву. В густой траве лежал человек, уткнувшись в землю.

«Не убитый ли? Нет, шевелится!»

Бакен подъехал ближе.

— Тыртышный!

Подъехали и остальные члены комиссии.

— Кто это? — испуганно спросила Вера Павловна.

— Тыртышный!

— Что он делает здесь?

Бакен слез с коня и толкнул Тыртышного плетью. Тот поднял голову. Лицо его было искажено. Глаза красные, воспаленные смотрели страдальчески. Рот полон земли. На усах и бороде прилепились сухие былинки.

— Все равно не съешь всю землю! — серьезно сказал Хромой солдат.

— Ты что, прощаться с землей приехал? — ехидно спросил Тлеубай.

— Пожалейте, ради Христа! Оставьте хоть клочок земли! — завопил Тыртышный, встав на колени и воздев руки вверх. Никто не ответил ему.

А из-под крутого берега речки уже шла толпа казахов, жителей Айна-Куля и беженцев, вернувшихся из Китая. Они пришли, чтобы воочию увидеть свою землю, пощупать и взять в горсти и растереть на ладони.

Тыртышный поднялся с колен и, не оглядываясь, быстро зашагал в противоположную сторону.

— А где наш землемер? — обратился Цун-ва-Зо к Вере Павловне. — Пора начинать.

— Он выехал раньше нас... Должен быть здесь, как договорились.

— Безобразие! — сказала Вера Павловна и обратилась к Бакену: — Найди Фальковского. Он, наверно, купается!

— Но его лошади нигде не видно...

— Может быть, он еще и не подъехал.

— Тогда надо съездить за ним в Кастек! Чего терять время!

Но землемера так и не дождалось. В Кастеке его тоже не было. А когда Бакен и Тлеубай зашли к нему на квартиру, они сразу поняли — Фальковский сбежал из Кастека. Но скрыться ему не удалось.

Глава тридцать четвертая

Фальковский неуклюже вошел в кабинет председателя Чека и встал у дверей. Сопровождавший его следователь прошел к письменному столу Басова и что-то сказал ему, наклонившись к самому уху. Басов кивнул в ответ, не отрывая глаз от лежавшей перед ним бумаги и даже не взглянув на посеревшего от ужаса землемера. Стараясь овладеть собою и преодолеть противную дрожь в коленях, Фальковский следил за каждым движением председателя Чека. Землемера мучила неотвязная, токсичная мысль: кто же его выдал?

Страх холодной змеей пробирался к самому сердцу.

Арестованному хотелось, чтобы поскорее окончилась гнетущая тишина, нарушаемая лишь звонким тиканием часов, висевших на стене, и раздался голос этого сурового человека.

Фальковский с трудом перевел глаза на следователя. Тот спокойно сидел на диване и курил папиросу.

Наконец Басов отложил бумагу и поднял голову. Он посмотрел на Фальковского долгим, изучающим взглядом. Затем встал и подошел к нему вплотную.

— Узнаете? Ваш, кажется, почерк?

— Похож на мой, но... не мой! — с трудом выговорил землемер. — Букву «т» так не пишу...

— Как правильно ваша фамилия?

— Фальковский.

— Вы приходите из польских немцев?

— Я поляк.

— Ваша настоящая фамилия «Фальк», как мы установили. Скажите, почему вы решили бежать в Западный Китай?

— Я?

— Вы.

— Даже не думал.

— А почему вы оказались вблизи самой границы?

— Я же охотник. В том месте столько фазанов...

— Вот как!.. Фазанов любите? — Басов улыбнулся. —

Не будем, Валентин Робертович, играть в прятки! Мы с вами серьезные люди. Вы хотели скрыться за границу. Это ясно. Но... Чека интересуется естественный вопрос: почему? Советскую власть не признаете? Закон рабоче-крестьянского правительства не по душе? Между прочим, всем буржуям не по душе, но даже и они не бегут. А вы не буржуй, вы землемер. Вам-то с чего бегать, а? Или, может быть, грехи есть?

— Я не понимаю вас, о чем вы говорите?

— Так и не понимаете? Ну что же, мы люди не гордые. Постараемся объяснить. Садитесь сюда...

Фальковский, тяжело передвигая ноги, подошел к креслу с золоченными ножками и сел, по-прежнему ощущая противную дрожь в коленях.

Басов раскрыл толстую папку, полистал страницы и стал читать:

— Валентин Робертович, сорока двух лет. Родом из Саратовской губернии. По профессии землемер. В пар-

тию эсеров вступил в марте семнадцатого года... В Ташкент прибыл по заданию Центрального комитета. Вы были членом комиссий Туркестанского комитета временного правительства по изъятию двух с половиной миллионов десятин земли у казахского и киргизского населения Семиречья. Этот план был разработан еще генерал-губернатором Туркестана Куропаткиным и одобрен царским правительством... Вы присутствовали на совещании в Пишпекке и настояли на выселении казахов из Иссык-Кульской долины в пески Прибалхашья... Вы дали телеграмму в Кульджу бывшему царскому консулу Любе о задержании беженцев шестнадцатого года. Вот она — могу прочитать: «Возвращение киргизов в ближайшее время в Россию нежелательно». Помните?

— Не помню!

— Ай-ай, какая память плохая! — сокрушенно покачал головой Басов. — Дальше. По вашей просьбе был направлен казачий полк с артиллерией к китайской границе, навстречу беженцам, которые хотели вернуться домой. Их обстреляли из пулеметов при переходе границы... Было такое дело?

Фальковский молчал.

— Очень странную позицию заняли эсеры в этом вопросе! — пожал Басов плечами. — По совести сказать, никак не пойму, почему вы боялись возвращения казахов из Западного Китая... А может быть, землю для семиреченских кулаков берегли, а? Что, у вас язык отнялся?

Басов полистал страницы.

— Когда пало временное правительство, вы бежали в Коканд... Не совсем ясно, какую роль вы играли в контрреволюционном правительстве Мустафы Чокаева, но зато определенно известно, что именно там вы встретились с Сугурбаевым...

— Он коммунист! — тихо сказал Фальковский.

— Тогда он тоже был коммунистом?

— Не знаю.

— Ага! Значит, не отрицаете, что встретились там? Проговорились. Ничего, не смущайтесь. Вы нам все расскажете. Времени у нас достаточно... Кстати, мы, чекисты, любим точность в ответах и очень не любим, когда нас считают за простаков и начинают нам рассказывать бабушкины сказки. Итак, продолжим вашу биографию...

Когда пало кокандское правительство, вы снова подались в Семиречье и здесь встретили своего дружка «коммуниста» Сугурбаева. Знаем, что именно он вас устроил землемером и вместе с ним вы поехали в Кастек. Там... Может быть, вы сами расскажете дальнейшее?

— Я не знаю, что вас интересует? Моя скромная работа землемера была у всех на виду. Мне нечего рассказывать...

— Упорствуете? Предупреждаю: для вас же хуже будет, если я сам расскажу.

— Я работал землемером и ничего не знаю!

— Ну хорошо. Хорунжего Сотникова вы знали?

— Встречались!

— Так. Вы знали, конечно, что он, Сотников, участник знаменитой беловодской резни шестнадцатого года и что он служил в войсках атамана Анненкова.

— Не знал!

— А вы знаете, что Анненков сейчас в Западном Китае? Не к нему ли собирались?

— Я охотился на фазанов.

— Так-так... На фазанов... Опять бабушкины сказки! Я ведь вас предупреждал, что мы их не любим. Скажите лучше, кто поджег аул Айна-Куль?

— Откуда я знаю?

— Вы знаете, это дело ваших рук. Точно так же, как и побоище в Кастеке. Оно должно было превратиться в восстание, создать новый очаг гражданской войны в Семиречье, очень нужный нашим врагам... Все было рассчитано на то, чтобы оттянуть войска Фрунзе от Бухары...

— Драка казахов с русскими — бытовое явление. Не надо делать из мухи слона!

Голос Фальковского даже задрожал от возмущения.

— Где вы были в день пожара? — продолжал допрос Басов.

— В Узун-Агаче.

— Что делали?

— Мне нездоровилось. Я спал.

— Вы ждали сигнала от Сотникова и не дождались.—

Басов насмешливо прищурил глаза.— Аул поджег Сотников. Сын его выдал! И вас выдал, Валентин Робертович... Давайте рассказывайте все по порядку, как было!

— Я вас не понимаю.

— Придет время, все поймете... Вы же не глупый человек! Вас не спасет запертость. Лучше сознавайтесь по-хорошему...

Сердце землемера сжалось, словно Басов выжимал из него кровь.

— Понятно, вы боялись разоблачения. Решили бежать, так же, как ваш друг Сугурбаев.

Фальковский мучительно прикидывал — кто его выдал? Неужели хорунжий?

— Интересуетесь, кто вас выдал? — спросил Басов, словно угадав мысли Фальковского.

— Меня выдавать!? Если я ни в чем не виноват...

— Сугурбаев выдал. Вот вы его жалеете, а он вас не жалел. Напротив, все валил на вас, утверждал, что вы даже действовали по указанию иностранной разведки... Уверял, что она была заинтересована в Кастекском восстании.

Фальковский выпрямился:

— Хорошо! Я действительно эсер. Я идейный противник советской власти. Но вы хотите сделать из меня шпиона? Это смешно.

— Хорошо смеется тот, кто смеется последним! — сказал Басов и обратился к следователю: — Ну, на сегодня, хватит! Отведите его в камеру!

Фальковский поднялся и понуро побрел к выходу.

Глава тридцать пятая

— Ради эмира, не жалейте милостыни! — протянул руку нищий.

Это был пароль. Но хозяйка стала браниться:

— Надоели вы со своим эмиром... Убирайся...

Маджид вышел на шум в коридор, узнав знакомый голос.

Перед ним стоял улыбающийся Шо-мирзо. Маджид крепко обнял его. По радостно сверкавшим глазам он понял, что молодой таджик оправдал его доверие.

— Ну, докладывай, что нового? — с нетерпением спросил Маджид.

— В армии эмира сорок тысяч сарбазов. Прибыло несколько тысяч ополченцев и афганский стрелковый полк из Кабула. Говорят, его прислал Аманулла-хан по

просьбе шейха. Наступление эмир назначил на пятое сентября.

— Еще что?

— Агзам ездил в Локай к Ибрагим-беку, в Каратегин — к Махсуму Файзулле. Ведутся переговоры с басмачами Ферганы.

— Как настроено население?

— У всех брови нахмурены.

У Маджида появились в глазах веселые искорки. Он снял тужурку и стал переодеваться.

— Как вы относитесь к джадидам? ¹ — спросил неожиданно Шо-мирзо.

— Народу с ними не по пути!

— А Ташкент предоставил им убежище, — сказал Шо-мирзо. — Они издают газету и призывают к созданию мусульманской республики.

— Ну что же, временно они наши союзники!

— Ваш друг Амен тоже джадид?

— Нет. Амен один из тех, которые находятся в армии эмира случайно.

Маджид переоделся, и они вместе вышли на улицу. На окраине Кагана было тихо. Все окна закрыты ставнями. Они не смогли пройти через площадь, заполненную воинскими частями. Пришлось обойти кругом, мимо станции. Здесь выгружались эшелоны. Красноармейцы канатами стягивали с открытых платформ тщательно закутанные в брезентовые чехлы пушки. На каждом шагу часовые — узбеки и таджики в цветных халатах — требовали пропуска.

Маджид и Шо-мирзо, изрядно проблуждав, попали в бывший дворец эмира в самый разгар совещания. Огромный зал был переполнен командирами и политработниками. На паркетном полу валялись окурки и клочки бумаг. За круглым столом стоял Фрунзе, а рядом сидел Куйбышев.

Фрунзе знакомил с диспозицией предстоящего боя. В руке он держал школьную линейку и ею водил по карте.

---

¹ Джадиды — те же младобухарцы, проводники идей панисламизма. Младобухарская буржуазная партия требовала частичных реформ в области образования, некоторой европеизации быта, чтобы облегчить общение с европейской буржуазией. Она не покушалась ни на престол эмира, ни на социальный строй.

— ...Старая Бухара стоит на канале Шахруд в равнине, в зеленом оазисе. На севере примыкают кишлаки с арыками и орошаемыми полями. Еще дальше—солончаковая степь, выжженная равнина. Штурмовать город будет каганская группа. Ее левая колонна, в составе первого восточно-мусульманского стрелкового и кавалерийского полков, а также отряда особого назначения при двух орудиях, ударит в Каракульские ворота.

Фрунзе сделал небольшую паузу и продолжал:

— Правая колонна, состоящая из партизанских отрядов, десятого и двенадцатого стрелковых татарских полков, первого кавалерийского полка, четырех орудий пятьдесят третьего автоброневое отряда и бронепоезда, направит свой удар на Каршинские ворота. Авиация, особая артиллерийская группа со ста двадцатидвухмиллиметровыми орудиями поддержит правую колонну. Чарджуйская группа из бухарских коммунистов, захватив старый Чарджуй, овладеет переправами через Аму-Дарью. Самаркандская группа, наступая через перевал Тахта-Карагач, города Китаб и Шахризьяб, захватит Карши-Гузар и закроет путь войскам эмира на юг...

— Хочу напомнить — Бухара опоясана глинобитными высокими, толстыми стенами. В крепости одиннадцать ворот, сто тридцать одна башня. Так что эмир в этой крепости, как черепаха в скорлупе. Стараться взять его живым...

Фрунзе сделал передышку и сказал, обращаясь к Маджиду:

— При взятии Бухары охрану дворца и памятников старины поручаю лично вам!

Куйбышев что-то прошептал Фрунзе. Михаил Васильевич кивнул головой и снова обратился к залу:

— Обращение к бухарскому народу готово?

Узбек с огромными черными глазами на бронзовом лице прочел текст обращения.

В тот же вечер Шо-мирзо ушел снова в Бухару с листовками под халатом.

Рано утром началось наступление войск Фрунзе на старую Бухару.

...Внезапным фланговым ударом Красная Армия чуть не захватила в мешок передовую часть войск эмира, стоявшую под Каганом. Казахи нуратинского бекства рассыпались, как горох из дырявого мешка. Сарбазы бежа-

ли в Бухару, увеличивая панику и всеобщую суматоху в крепости.

Жунус в эту ночь не спал, он задремал только к утру. Его разбудил грохот орудий, сотрясавший город. Дрожали стены дома. С потолка сыпалась штукатурка.

Зажав в клещи старую Бухару, Фрунзе наносил удары по двум направлениям: в ворота Шах-Джалал и в Каршинские ворота. По крепости били из тяжелых орудий. Начался штурм.

Жунусу удалось только к вечеру найти имама Агзама, показавшегося ему бодрым и даже уверенным в победе. Но все же имам сказал:

— Если мусульмане уйдут из своей столицы, то так хлопнут дверью, что содрогнется весь мир!

От этих слов Жунуса передернуло, но он ничего не ответил.

Во дворце по-прежнему возлагали большие надежды на афганских стрелков и на арыки. Эмир приказал закрыть главную магистраль, подающую воду.

На следующий день Жунус подошел к медресе халифа Нияз-Кул. Гвардия эмира палила из четырех башен медресе, с трудом сдерживая натиск красного бухарского полка, наступавшего со стороны Каршинских ворот.

Жунус еще издали увидел мулл и дервишей, столпившихся у башен возле ворот. Одни громко читали молитвы, другие жарко спорили. Имам Агзам разговаривал с шейхом.

Не успел Жунус подойти к ним, как из переулка хлынули афганские стрелки. Они шли четкими и ровными шагами, заполнив узкую улицу. Не зная куда свернуть, Жунус, подобрав полы халата, тяжело побежал впереди строя.

В это время имам Агзам раскрыл коран в красном сафьяновом переплете, поцеловал его и пошел впереди толпы мулл. Шейх остался на месте. Ворота распахнулись настезь. Муллы протяжно завопили в один голос и побежали навстречу красному бухарскому полку. Жунус с изумлением наблюдал, не зная, что будет дальше.

Имам Агзам закричал хриплым голосом:

— Остановитесь! Во имя аллаха! Правоверные!

Уродливый дервиш сорвал с себя рубашку и обнажил грудь:

— Стреляйте, мусульмане!

Имам Агзам приложил коран ко лбу и закричал еще громче:

— Стреляйте в коран! Стреляйте, мусульмане!

— Будьте вы прокляты! Вероотступники!

— О алла!

Красные воины растерялись. Некоторые опустили винтовки. Имам Агзам взмахнул кораном над головой и упал ниц, за ним попадали муллы. Афганские стрелки открыли шквальный огонь. Но в эту минуту над городом низко пронеслись два самолета. Разорвались авиабомбы: одна над афганскими стрелками, другая в крепости. Имам Агзам, бойко работая локтями, пополз обратно в ворота.

В городе вспыхнули первые пожары. Ярким бездымным пламенем горел хлопок.

Жунус растерялся, он не знал, что делать. В такие минуты тяжело человеку быть одному. Хорошо бы разыскать Амена.

К ночи началась паника. Крепостные стены кое-где были взорваны. Бои шли на улицах.

— Бегут! — сообщил хозяин дома Жунусу.

— Кто?

— Из дворца!

— Откуда ты знаешь?

— Только что по нашей улице прошли нагруженные слоны. Прямо в Гинджуванские ворота.

Жунус поспешил выйти из дома.

По улице нескончаемым потоком двигались груженные арбы.

Жунус заметил Агзана, сидевшего рядом с шейхом в двухместной коляске. Имам знаками предложил ему место в обозе.

— Твое счастье, что ты увидел нас! — крикнул он. — Не все успели. Даже первый министр...

Дальше Жунус не расслышал. Неподалеку упал снаряд. Испуганные лошади, обезумев от страха, понесли...

Когда эмир с шейхом и старшим евнухом находился в сорока верстах южнее станции Кзыл-Тепе, сарбазы дрались с красноармейцами на улицах и в домах. Из окон и крыш бухарцы ошпаривали наступающих кипятком. Пробираясь сквозь пламя, наступающие проникли на пло-

щадь перед цитаделью. Широкая каменная лестница вела к воротам дворца.

В первом ряду красных бойцов бежал Маджид с гранатой в руке, прыгая со ступеньки на ступеньку...

Утро застало Жунуса, не спавшего всю ночь, на кладбище под тенью туркестанского клена. Он обдумывал изречение восточного мудреца: «Память человека — листок белой бумаги, на ней жизнь заносит свои заметки. Время безжалостно стирает их. Остаются лишь чуть заметные следы начертанных жизнью трагедий, большой радости и горечи. Чтобы прочесть эти знаки, надо навести на них яркий луч воспоминаний никогда и ничего не забывающего сердца».

Он навел этот луч и остро ощутил свое полнейшее бессилие. Как щепку несет его водоворот событий. Трое суток прошло с того дня, как он покинул горящую Бухару в обозе отступавших войск эмира. За что он обрек себя на добровольное изгнание? Мог же он остаться в Бухаре, занятой войсками Фрунзе? Вместо того, чтобы решительно порвать с имамом и перейти на сторону народа, он безвольно последовал за эмиром, искавшим спасения в бегстве.

Когда Агзам предложил место в повозке, Жунус отказался, он не хотел бежать. Но неподалеку в эту минуту разорвался снаряд и напомнил ему о смерти. Страх падающего в пропасть, страх неизбежной гибели охватил его душу. Нет, лучше было бы погибнуть в тот страшный день, чтобы не мучиться сейчас от угрызений совести...

Он вспомнил Нашена, приславшего к нему джигита с приглашением вернуться домой... Зачем он не послушал мудрого акына, передавшего ему через посланца всего девять слов: «Лучше на родине быть последним, чем у чужих султаном...»

Солнечные лучи начали греть спину. Жунус задремал. Ему снилось подземное царство Сулеймана... Огромные змеи подносили на своих хвостах кушания и сладости. Вдруг одна из змей злобно ударила его хвостом по спине. Он вздрогнул и... проснулся.

Рядом стоял Агзам и ласково похлопывал по спине.

— Проснитесь, дорогой мирза, пора ехать! — сказал имам, опустившись рядом на холодный камень.— Коляска разбита. Я нашел подводу. Только придется ехать на ишаке.

Жунус поморщился и ничего не ответил. Они посидели молча, думая каждый о своем.

Имам поднялся, взял Жунуса под руку и сказал:

— Помолимся аллаху и едем.

— Куда? — спросил Жунус.

Агзам удивился:

— Разве Жунусу неизвестно, куда мы едем?

— Да, мне неизвестно.

— В Гиссар. А там, аллах поможет, на отдых.

— Я надумал другую дорогу.

— Какую?

— Поехать в Ташкент.

Агзам вздрогнул, замахал руками.

— Я вам больше не попутчик, имам! — глухим голосом сказал Жунус.

И Агзам понял, что больше говорить бесполезно.

Глава тридцать шестая

Резкий холодный ветер дул с косогора, рвал низко нависшие тучи и гнал их в сторону Заилийского Алатау.

Аул Айна-Куль оживал после пожара. Медленно возводились саманные постройки. Переехали в новые дома старый акын Нашен и кузнец Токей. Часть беженцев переселилась в станицы Кастек и Узун-Агач, другие поставили себе новые дома в Айна-Куле.

Жунус слез с коня, снял малахай и долго смотрел на снежные вершины Алатау. Слезы бежали по его морщинистым щекам.

Родина!

Жунус не мог оторвать глаз от зубчатой, всегда окутанной сизым туманом горы Прохладной, оттуда, умеряя жар, дул обычно ласковый ветерок. С подножья гор до озера Айна-Куль расстилались альпийские луга. Сейчас они не радовали сердце Жунуса семиреченскими темно-красными маками, нежно-голубыми незабудками, белыми колокольчиками лилий. Кругом лежал снег. Он прислушался к шуму бурной, вечно говорливой речки

Кастек и взглянул на озеро Айна-Куль — опрокинутую чашу в горах.

От аула на гранитный берег озера вела тропинка. Сколько раз по ней ходил маленький Жунус вместе с матерью за водой, цепляясь за подол ее платья!

Жунус закрыл глаза, живо представив свое детство, счастливое, невозвратимое... Ему почудилось, что он услышал голос матери, вечно хворой, безропотной. Разве можно забыть протоптанную ею тропинку на озеро Айна-Куль!

Родина! Милая, любимая родина!

Жунус подъехал к аулу со смятенным сердцем. Черноглазый карапуз, оседлав палку, носился между юртами.

— Сынок!

Увидев незнакомого седого старика, карапуз умчался. У кого же теперь спросить, где юрта Нашена?..

Словно в ответ, залаяла собака и побежала к нему навстречу. Жунус прищурился — черная с белым пятном на лбу... Да это же его кобель!

— Карагаска! Карагаска!

Собака наострила уши, перестала лаять. Он еще раз позвал ее. Она завиляла хвостом и легла у ног коня.

«Верный мой пес! Узнал, узнал меня! Не ты ли один сохранил мне верность!»

Жунус наклонился и камчой ласково погладил Карагаску по спине. В родном ауле первым его встречает пес. Как посмеялась над ним судьба! Всеми уважаемый человек в Айна-Куле — теперь он никому не нужен. Забыли! Навстречу не бегут детишки с криками. Никто не взбирается к нему на седло, не обхватывает его шею ручонками.

С озера шла молодая женщина с полными ведрами воды. Она остановилась, уступила дорогу. Жунус поздоровался. Чья она? Силился вспомнить — и не узнал. Робко спросил, где живет Нашен. Молодуха показала рукой, и он направил коня к саманным домам. Они были выстроены на скорую руку, низенькие, с плоскими крышами. Из труб валил дымок.

Внимание Жунуса привлек белый пятистенный дом с двумя застекленными окнами. Жунус узнал руку кузнеца Токея. Все сработано умело и с любовью, даже забор отличается от соседних.

Жунус привязал коня к старой разошедшейся двухколесной арбе и торопливо вошел в дом. Потолок низенький, но зато стены белые, чистые. Пол застлан. Справа в углу — деревянный сундук, на нем аккуратно сложены старые одеяла и подушки.

У окна на кошме дремал Нашен. Он недавно вернулся из Узун-Агача. Жунус встал у дверей и по-восточному поздоровался. Нашен приоткрыл глаза. Он старался приподняться на локтях, услышав знакомый голос.

— Неужели Жунус?

— Да, акын, это я — блудный сын! — Жунус упал на колени и, схватив руки Нашена, припал к ним губами.

Плечи у Нашена вздрогнули. Тяжелые капли слез пролились на белую бороду.

— Вернулся? — как бы не доверяя себе, еще раз спросил акын и сам же ответил: — Хорошо, что вернулся.

Жунус подсел к Нашену.

— Да, дорогой мудрец, я вернулся, как охотник, погнавшийся за хромой серной. Он гнался за ней по пустынной степи днем и ночью. Наконец догнал, а вместо серны оказался... мираж. Потряс сумку — ничего, все выпало. Коня загнал. И остался один в пустыне — пеший, без пищи и воды... Разве я не похож на него?

— Похож. Ты растерял свою славу, оторвался от народа... Мне жаль тебя!

Заиндевевшая за годы блужданий голова Жунуса упала на грудь.

— Зачем ты приехал к нам?

Беспощадный вопрос Нашена окончательно обескуражил Жунуса.

— Я приехал с повинной головой!

Нашен не ожидал услышать из уст тщеславного Жунуса правдивый ответ. Он усмехнулся и промолвил:

— Я думал, как разочарованный Коркут¹, ты не найдешь ничего, кроме несправедливости. На днях в Узун-Агаче меня встретил казах из Среднего Жуза. Он сказал: «Где же ваш Жунус? Мы вместе с ним начали большую жизнь. Куда он пропал?» Я ему ответил: «Жунус отстал, ушел обратно с полдороги». Разве это неправда?

Жунус молчал.

---

¹ Коркут — мифический народный герой, искатель справедливости.

— Ты был у своих?

— Нет еще!

— Иди домой. Обрадуй Фатиму. Она сейчас одна. Доставил же ты им горя!..

Жунус вышел от Нашена растерянный. К дому его привела собака. Фатима сидела в юрте у очага и, надув щеки, разжигала огонь. Шупленькая, сгорбившаяся, она походила на подростка. Горе придавило ее и согнуло.

— Фатимажан! — позвал Жунус еле слышным дрожащим голосом.

Жена не услышала.

— Фатима! — вскричал Жунус.

Она оглянулась и упала на кошму. Жунусу показалось — от слабости.

Он кинулся к ней, прижал к груди и долго безмолвно слушал ее всхлипывания и ощущал трепет ее маленького тела. Фатима не смогла даже заголосить, как принято в таких случаях. У нее словно отнялся язык. Сколько Жунус доставил ей горя! Одиночество и тоска замучили ее. А дети? Их упреки и скрытая неприязнь ложились на душу бедной Фатимы тяжелым грузом. Неужели теперь, с возвращением Жунуса, настанет хорошая жизнь?!

За чаем Фатима не сводила глаз с мужа, словно сомневалась, точно ли он сидит перед ней.

Она рассказывала про детей:

— Сахажан в городе, женился... — Фатима прикусила язык. «Сказать ему, что на русской? Ах, не все ли равно — русская или казашка, лишь бы Сахажану было хорошо. Отцу не жить вместе!» Но она все же не сказала, заговорила о другом сыне:

— Асхаржан тоже в городе, у брата, учится. А Гульжан вышла замуж. Живет в Кастеке.

— В Кастеке? За русского вышла? — сверкнул глазами Жунус.

— Вы знаете, что было здесь без вас. Теперь в Кастеке живут и казахи. Бакен тоже там!

— Бакен. Он вернулся?

— Все вернулись!

Жунус опорожнял пиалу за пиалой. Густой чай с молоком вприкуску с куртом — что может быть слаще для вернувшегося в родной дом блудного сына... Нет, только не сына, а отца.

А Фатима, глядя на повлажневшее лицо Жунуса, думала: «Вспотел, видно, совестно!»

На другой день рано утром, никому не показываясь в ауле, Жунус уехал в Кастек.

Узнав от Нашена необычайную новость, все аксакалы аула собрались проведать Жунуса. Каково же было их удивление, когда они узнали от Фатимы, что ее муж с утра уехал в Кастек. Все недоумевали и безмолвно смотрели друг на друга.

Нет! Жунус неисправим, конченный человек. Он не только не уважает других, но и себя.

Старики перестали говорить о Жунусе, допустившем дерзкую выходку и непочтение к обычаю.

Гульжан и Бакен встретили Жунуса с радостью, зарезали барана. Бакен привез и Фатиму из Айна-Куля — устроили той.

Жунусу было обидно, что подобной встречи не было в своем ауле, в Айна-Куле. Видно, такая уж ему цена!

За два дня, проведенных среди близких сердцу людей, Жунус отдохнул душою и телом. Как мало нужно человеку! Жунус словно не скитался по Средней Азии, по Западной Бухаре. Все пережитое осталось позади, как тяжелый сон! На бледном лице его появился румянец.

Два года — небольшой срок, но за это время много изменилось в Айна-Куле. Гульжан не узнать. Взбалмошная гордая девушка превратилась в спокойную, трудолюбивую женщину, умеющую взвешивать каждое свое слово. Она не сказала отцу ни единого упрека, умолчала о неприятностях, пережитых Сахою из-за Жунуса.

Жунус не предполагал, что бывший соратник Бакен станет его зятем. Ну, что ж, он хороший джигит. Жаль только, что не излечился от своей горячности и по-прежнему любит спорить. Вчера Жунус крепко схватился с Бакеном. Если бы не вмешательство Гульжан, дело могло бы кончиться разрывом.

Рассказав о жизни беженцев в Китае, Бакен закончил:

— Мне кажется, мы сделали ошибку, уйдя за границу.

— А что надо было делать?

— Пойти на соединение с Амангельды. Недавно мне рассказывали, как в Тургае он спасся от карательного отряда.

Бакен подправил волосы, закрывавшие рубец на виске.

— Если ты такой умник, почему молчал тогда?

— А разве вы слушали нас?

— Не нужно бляеть, как хромая овца после полудня! — с раздражением сказал Жунус.

Этого Бакен не смог вытерпеть.

— Мы тоже убедились в вашей прозорливости! — желчно заметил он. — Отдал нас на съедение волкам, а сам сбежал!

Жунус побагровел от гнева и порывисто вскочил. В этом доме он больше не останется. Но тут подоспела Гульжан.

— Хватит вам! После драки кулаками не машут. За это пострадали не только вы, отец.

Жунус притих. Ему теперь нельзя спорить даже с родной дочерью!

На другой день рано утром Жунус поехал в город к Сахе, взяв с собой кузнеца Токея.

Вечерний сумрак опустился на город. В домах зажглись огни. Ветви деревьев опустились под тяжестью пушистого снега, как крылья подстреленной птицы.

Сагатов, по обыкновению, приехал в обком на вечернюю работу. Завтра он едет в Ташкент на пленум ЦК партии Туркестана — надо подготовиться. В соседней комнате энергично стучала на «Ундервуде» машинистка, спешила перепечатать необходимые сведения, нужные для Сагатова.

Саха, не торопясь, снял пальто, меховую шапку, аккуратно повесил их на вешалку и сел за письменный стол. Не успел он раскрыть папку с бумагами, как позвонила Глафира.

— Приехал гость из аула, Токей... Может быть, вернешься пораньше? Он сидит у меня и говорит, что есть очень важное дело.

По взволнованному голосу Глафиры Саха понял, что Токей приехал неспроста.

— Что случилось?

Глафира молчала, видимо, не хотела говорить. Тогда Сагатов сказал:

— Скажи Токею, чтобы он пришел ко мне в обком.

Токей не заставил себя долго ждать. Он появился через полчаса и сказал просто:

— Саха! Вернулся Жунус.

— Где он? В Айна-Куле?

— Нет, здесь, в городе. У знакомого...

— Ну, что же, дорогой Токе. Привезите его ко мне на квартиру. А я приду через час.

Оставшись один, Саха задумался. Как поступить с отцом? Может быть, позвонить Басову, посоветоваться? Он отогнал эту мысль. Надо увидеть Жунуса и посмотреть ему в глаза. Надо самому узнать и понять все.

Саха взволнованно курил папиросу за папиросой. Он вспомнил все пережитые из-за отца обиды и оскорбления. Каждый негодяй старался плюнуть ему в лицо, козыряя именем беглого Жунуса. А если в самом деле Жунус враг?

Саха вынул револьвер и задумчиво посмотрел в дуло. Тогда, тогда... Он вспомнил, как Тарас Бульба убил изменника-сына. Для него счастье народа было выше всего на свете, выше любви к Андрею.

Саха сунул револьвер в карман и снял с вешалки пальто.

...Придя домой, он застал мирную семейную картину. Жунус и Токей забавлялись с Асхаром. Глафира накрывала на стол, перетираала полотенцем чашки.

Увидев вошедшего сына, Жунус поднялся и шагнул ему навстречу.

У Сахи дрогнуло сердце, но он только крепче сжал зубы. Жунус не выдержал сурового взгляда сына и заплакал.

— Зачем вы вернулись? — глухим голосом спросил Саха.

Старик не ответил. Он вытирал слезы, обильно струившиеся по морщинистым щекам.

— Откуда вы едете? — продолжал допрос сын.

— Из Ташкента. Пришел в Чека и сдался сам. Просидел два месяца в тюрьме. Выпустили. Я просил, чтобы меня судили, но прокурор сказал: «Пусть тебя судит сам народ!»

— Садись, отец! — просто сказал Сагатов, почувствовав, как тает лед в его сердце.

Всю ночь напролет Жунус рассказывал о своем двухгодичном скитании по бухарской земле. Перед сном он

вместе с Сахой и Токеем вышел подышать свежим воздухом.

— Смотрите, уже утро! — Сагатов показал рукой на светлеющее небо.

— Да, скоро выглянет солнце! — подтвердил Токей.

Тихая радость наполнила сердце Жунуса. Он всегда любил семиреченское утро. Тысячи раз он мечтал о нем в далеких краях.

За грядой каменных гор еще пряталось солнце, но небо становилось все светлее и светлее... Наступило утро.

ТЕМІР- ТАУ

Роман

Перевод А. Берзер

ПЕРВАЯ ЧАСТЬ

Глава первая

Над самой Карагандой самолет, на котором летела Дамеш, врезался в грозовую тучу. Самолет этот — сильную четырехмоторную машину ИЛ-18, похожую на гигантскую стальную ласточку — сначала сильно качнуло, а потом начало бросать из стороны в сторону, как шлюпку во время бури. Это встревожило пассажиров. Очнувшаяся от глубокого раздумья Дамеш вдруг увидела вокруг себя взволнованные лица, услышала чьи-то восклицания; какая-то женщина держала ее за руку и испуганно спрашивала:

— Что случилось?

Кто-то еще обратился к ней с таким же нелепым вопросом. Не отвечая, Дамеш прильнула к окну. Самолет снижался. Туча, в которую он попал, была темной и плотной, и в кабине наступили серые вечерние сумерки. И вдруг в этой полутьме произошло что-то невероятное: вспыхнула огромная — во все небо — ослепительно-белая молния, стеганула как бичом тучу, самолет и исчезла.

Свет был таким резким и раздражающим, что у Дамеш сразу заломило виски. Когда она снова открыла глаза, то увидела, что самолет неподвижно висит в воздухе; сырые, как губка, кучевые тучи зажали его со всех сторон, держат и не отпускают; это продолжалось с полминуты, потом ударил гром — открытый, какой-то очень сухой и раскатистый. Рев его, казалось, потряс все небо. Самолет затрещал, его закачало так, что Дамеш подумала: вот-вот он опрокинется.

И снова стеганула молния, и Дамеш сразу поняла, что это ударило где-то очень близко. «Вот так и убьет», — быстро пронеслось у нее в голове. Она снова взглянула на сырой сумрак за окном и увидела, что он поредел и мимо них все время проносятся какие-то призраки, — не то обрывки облаков, не то хлопья тумана, не то белый прозрачный дым. И вдруг всё сразу кончилось. Засияло солнце. Машина вырвалась из тучи. Показалась земля — длинные белые коробки зданий, желтый и зеленый мох возле них.

Пассажиры смотрели вниз, шумно переговаривались. Блеснула широкая река, похожая на белбеу¹, а рядом с ней черные точки — юрты и дома величиной со спичечный коробок — это самолет пролетел по пригороду, отсюда до Караганды уже рукой подать. Они продолжали спускаться, и теперь мимо Дамеш неслись уже не хлопья тумана, а небольшие облачка. Потом и они растаяли, и показался большой город. Тут самолет начал уже не снижаться, а падать. Так с неба падает беркут на лисицу. Дамеш смотрела из окна на все приближающуюся землю, на голубой решетчатый забор, на встречающих, что стояли за ним. Она думала теперь только о том: кто же пришел встречать ее? Ораз или Каир? А может быть, оба они пришли?

Самолет сел на землю, побежал по полю, сделал полукруг и остановился. Появились носильщики, заговорили радио. Диктор сообщил:

— Совершил посадку самолет, рейс 99, Москва — Алма-Ата.

Самолет, следующий из Москвы в Алма-Ату по рейсу 99, прибыл в аэропорт.

---

¹ Длинный и широкий казахский пояс, богато украшенный металлическими бляшками.

Потом последовала минутная пауза, и тот же голос произнес:

— Начинается посадка на самолет, рейс 47...

Это был большой порт союзного значения, и каждые десять минут отсюда отправлялись самолеты во все концы республики.

Дамеш спрыгнула на землю, постояла, подумала и пошла к голубому забору. Там неясно колебалась толпа встречающих, слышались восклицания и смех. Иногда взлетал букет и сейчас же его подхватывали чьи-то руки. А ее, Дамеш, кто встречает? Что ж, может быть, и никто. И так тоже бывает!

И тут ей показалось, что она видит Ораза. Ораз — показалось ей — стоял за забором и махал рукой. «А Кайр где же? — кольнуло ее, но сейчас же она и ответила себе: — Где? Дома! Разве он пойдет ее встречать! Он же шишка теперь — директор, большой человек. Очень ему нужна Дамеш, даже и вернувшаяся с курорта».

Сильная загорелая рука вдруг ловко выхватила у Дамеш пластмассовую сумочку, и она поняла сразу же — это уж точно Ораз: у него всегда руки действовали быстрее, чем язык. Через секунду они стояли рядом и восторженно глядели друг на друга.

— Ну, здравствуй, здравствуй, Оразжан, — сказала Дамеш, всматриваясь в его молодое, сияющее от радости лицо. — Как мило, что ты не поленился меня встретить.

— Я? Тебя? Не поленился?

Был Ораз среднего роста, коренастый, с вьющимися волосами и продолговатым загорелым лицом, на груди его блестела звезда Героя Социалистического Труда.

«Нет, красив, очень красив все-таки», — подумала Дамеш и сказала:

— Сумку ты отдай мне, а вот возьми-ка чемоданы.

— Какие чемоданы? — воскликнул он.

Дамеш засмеялась. Чемоданы стояли прямо перед ним, а он их не видел. Да, рассеян, ничего не скажешь.

Они выбрались из толпы и пошли по аллее.

Ораз шел быстро, как всегда. Не шел, а бежал. Чемоданы были большие и тяжелые, и наконец он не выдержал и воскликнул:

— Да что ты их голышами набила, что ли?

Они опять засмеялись.

— Такой ты стал слабосильный! И верно: похудел, побледнел, осунулся! Тебя Ажар, верно, голодом морит? Кстати, как она?

Ораз хмуρο усмехнулся.

— Сейчас квартиру убирает! Хочет тебя сразу и ослепить, и оглушить.

— Ну, посмотрим.

Они направились к стоянке такси. Где-то рядом должна была стоять и голубая машина Ораза.

— Ты на Волге? — спросила Дамеш. — Да? Захвати тогда и моих двух соседей по самолету.

— Что ж, пожалуйста! — кивнул Ораз. — А куда их везти?

— Сейчас спросим. — И Дамеш крикнула: — Товарищи! Товарищи! Идите-ка сюда, мы вас до места доведем.

Два человека, стоящие в очереди к автобусу, рванулись к Дамеш.

— Вот спасибо-то, — обрадованно воскликнул один, — а то здесь, пожалуй, с час простоишь.

— Нам только до гостиницы, — торопливо пояснил второй. — Не знаю, как вас и благодарить. А мы ведь так и не познакомились.

— Здешняя жительница, инженер металлургического завода, — ответила Дамеш и, так как машина уже шла, крикнула: — Смотрите, смотрите!

Они въехали на мост. Город, вечерний, утихомирившийся, залитый электричеством, лежал перед ними весь. С самолета он выглядел таким крошечным, что его впору было хоть прикрывать ладонью, а теперь, казалось, и конца ему нет.

Попутчики Дамеш изумленно смотрели по сторонам. Они, видимо, в первый раз были в городе шахтеров. Особенно их поражали терриконы — огромные конусообразные насыпи. Это были настоящие огнедышащие горы. Вершины некоторых из них слабо курились, из других, раскаленных добела, сыпались искры и белые огни. Машина еле двигалась — нескончаемый поток «ЗИЛов» и «Москвичей» следовал им навстречу.

Они проскочили реку, проехали широкую длинную улицу, влетели на другой мост, и тут под ними что-то загудело, застучало и пахло дымом и сыростью — это внизу проходил поезд. Когда Дамеш сходила с самолета, небо над городом было чистое и ясное, а сейчас вдруг

подул ветер, небо потемнело, и заморосил мелкий частый дождик.

Высадив пассажиров у гостиницы, Ораз повернул машину, и они поехали назад.

— Так мы куда сейчас? — спросила Дамеш. — В Темиртау?

— Нет, сперва заедем к моему деверю, к дяде Каира, — ответил Ораз. — Туда и Каир придет. Его в обком вызвали.

«Значит, все-таки он в Караганде, — подумала Дамеш. — Только вот зачем? Меня встречать или по своим делам? Спросить Ораза? Нет, не стоит. Сейчас сама все узнаю».

Когда они приехали, деверь Ораза уже собирался уходить (он работал в ночной смене). С Дамеш поздоровался холодно, натянуто, сейчас же заторопился и ушел. «Нехорошо что-то», — подумала Дамеш. Она вообще была очень чутка к чужим настроениям.

«А может, просто шахтеру надоели частые гости? — подумала она и сейчас же ответила себе: — Нет, не может быть! Он старый человек, а нет на свете людей более гостеприимных, чем старые казахи».

Она подошла к зеркалу и вынула из волос шпильки, две черные длинные косы упали ей на плечи и рассыпались; она быстро распустила их, заплела в одну косу и так же быстро и ловко уложила ее вокруг головы. Потом посмотрела на себя и покачала головой. Что у нее за вид, — лицо бледное, несмотря даже на загар, глаза тусклые, усталые. Она подошла к Оразу. Он сидел за столом и читал газету.

— А где хозяйка? — спросила Дамеш.

— На кухне, — ответил он, не поднимая головы.

Она постояла, подумала и спросила:

— А твой деверь чем-то недоволен?

— Разве? Значит, есть причины.

— Какие же?

— Не знаю, — недовольно ответил Ораз. И вдруг спросил: — И ты тоже не знаешь?

— Нет.

— А статья? — сказал он резко и отбросил газету.

— Какая еще статья? — подняла брови Дамеш.

— Да... А ты не знаешь? — усмехнулся Ораз.

Вдруг его словно прорвало. Да что она притворяется?

Это же ее статья! Подпись «Д. Сагатова». Не так давно появилась в областной газете. Директор в этой статье назван ротозеем, а главный инженер — рутинером. «Завод,— так написано в статье,— дышит на ладан; он оборудован допотопной техникой и еле-еле вытягивает план. Но дела до этого нет никому, было бы только тихо да мирно, да меньше бы заглядывали всякие комиссии — вот и все, что нужно таким, с позволения сказать, руководителям, как директору завода Альжанову и главному инженеру М. Мусину». Конечно, Каир, прочитав эдакое, взбесился и ходит туча тучей. Вот поэтому хозяин дома и смотрел на нее исподлобья. Ему, Оразу, тоже совестно смотреть Каиру в глаза — нечего сказать, утешила се-стричка!

Пока Ораз говорил, Дамеш стояла и молча слушала. — Постой, постой,— воскликнула она,— и ты говоришь, что под этой статьей моя подпись, как же так?

Ораз раздраженно пожал плечами и снова уткнулся в газету.

— Ну, по-русски это, кажется, называется «без меня меня женили»,— засмеялась Дамеш.— Брось читать, слышишь?— Она вырвала у него из рук газету и бросила на стол.— Ты можешь мне поверить, что об этой статье я узнала от тебя первого?

Ораз только сердито махнул рукой, и на лице у него появилось такое выражение, что Дамеш поняла — попробуй не поверь, если об этом говорит уже весь город.

«Вот еще беда»,— подумала Дамеш и сказала очень серьезно:

— Ораз, ты же знаешь меня! Если бы я действительно написала эту статью, то я так бы и сказала. А тут все вышло иначе. Перед отъездом со мной беседовал корреспондент «Советской Караганды». Я ему в разговоре кое-что порассказала о нашем заводе, вот он и написал статью. Со мной не согласовал, может быть, напутал — он же не специалист. И вообще — могу я говорить с людьми или нет?

Ораз посмотрел на нее и развел руками.

— Знаешь, я тут ни при чем. Ты не передо мной оправдывайся. Ты с Каиром говори. А я дело десятое, меня все это только боком задевает.

— Так, значит, все-таки задевает? Почему?

Он зло оглянулся на нее.

— А потому, дорогая, что ты моя названная сестра. Нет-нет, Каира ты зря задела! Совершенно зря. Его все рабочие уважают. Знаешь, как он с ними считается? Вот, например, он дал тебе командировку в Москву на завод «Серп и молот». Много раньше директора нам давали командировок? А ты, ни с кем не поговорив, ничего не узнав... А! Даже говорить не хочется...

Резко махнув рукой, Ораз прошел мимо Дамеш в кухню, и она услышала его голос:

— Тетушка, ну как, готово? Нет? Ойбой! А нам еще ехать надо.

По дороге в Темиртау Дамеш думала:

«Да! Вот какие дела-то. С Оразом ей уже не сговориться — слишком они за эти годы далеко отошли друг от друга. Раньше он бы так с ней не разговаривал. Хорошо! Он думает, что она поступила бестактно, пожаловалась, расплакалась. Но ведь, по существу, их и высекли за отсталость. Ведь что ни говори, а попало поделом. А ну их всех!»

И Дамеш стала думать о другом: о спутниках, об автоматических станциях, лежащих к луне, об электронной машине, которая пишет стихи, переводит иностранные тексты и сочиняет музыку, о тех тайнах земли и неба, которые перестали быть тайнами за последние пять лет. Какими мелкими, вздорными кажутся перед этими космическими событиями всякие обиды и претензии. А на тех людей, которые, увидев свое имя в газете, наливаются сизой индюшачьей кровью, брызжут слюной и трясутся от ярости, ей попросту наплевать. И на Каира, если он такой, тоже наплевать! Подумаешь, потревожили его покой. Если я не права, отвечай мне, а права — так исправляйся, вот только и всего.

Она не заметила, как машина остановилась у дома. Поглядела в окно машины, увидела зеленые ворота палисадника и стены дома, где она выросла и провела свои детские годы, и чуть не заплакала. Есть же пословица: «Своя юрта краше ханского дворца». Много красивых зданий и квартир повидала Дамеш за время своего отпуска: и ялтинский санаторий — бывший дворец великого князя, и высотную московскую гостиницу, а все равно сейчас вдруг повеяло на нее таким теплом и радостью встречи, что она захлопала в ладоши и засмеялась.

А дед Курышпай уже спешил ей навстречу. Как она соскучилась по нему, по той самой простодушной радости, с какой он встречал ее, когда она, усталая, возвращалась с ночной смены, по его хриплому смеху и добродушным грубоватым шуткам. А ведь старик не был ни ее родственником, ни тем более отцом. Но он был другом ее отца и сумел заменить ей его, когда Дамеш осталась сиротой. А как погиб ее настоящий отец, — где, когда, — этого Дамеш не знала очень долго. Не знала даже и того, кем он был. На все ее вопросы Курышпай постоянно отвечал тогда только одно:

— Не время еще, дочка, не время! Сундук моей души закрыт на замок, а ключ от него заброшен в море, придет время — все узнаешь.

В высокие минуты жизни бесхитростный простой Курышпай начинал выражаться по-восточному цветисто и возвышенно.

Так и не добились ничего Дамеш от своего приемного отца. Но за последние годы о ее настоящем отце стали вспоминать и поговаривать все чаще и чаще. Так она узнала, что Саха Сагатов был подпольщиком, революционером, он участвовал в установлении советской власти в Джетысу, был орденоносцем, награжден именным оружием. А дальше с ним случилось что-то непонятное. Этот герой, орденоносец, партизан, уехал однажды в Москву, да так и не вернулся. Вот и все, что Дамеш удалось узнать.

Когда машина остановилась, старик бросился к Дамеш, обнял ее, да так и замер на ее плече.

— Доченька, дорогая моя, любимая, как же я по тебе соскучился! — говорил он, всхлипывая, а колени Дамеш уже обнимал четырехлетний сын Ораза Булат и тоже выкрикивал что-то свое.

В таком настроении — безоблачном, легком, светлом — Дамеш с маленьким Булатом на плечах вышла в столовую и увидела Ажар. И сразу же все ее веселье как рукой сняло. Хуже всего было то, что Ажар тоже пыталась улыбаться и говорить ей что-то ласковое и приветливое. Но что это были за слова, что это была за улыбка! Бледное лицо, вымученный смешок и вся она как больная: Да уж не заболела ли и в самом деле?

Поздоровавшись и поговорив несколько минут, Дамеш опустила Булата на пол и подошла к Ажар.

— Ажаржан,— осторожно сказала она, беря ее за руку,— что с тобой?

— Да так, чепуха! Чувствую себя неважно! — быстро ответила Ажар и отвернулась.

«И это лучшая подруга,— подумала Дамеш,— жена моего названного брата! Что же ждать от других?» Она посмотрела на Ораза, тот молчал и смотрел в пол. «Плохо,— подумала Дамеш,— и эта тоже в претензии, значит, обиделась за брата. Иначе за что бы сердиться? Ведь мы так дружески расстались».

Сели за стол и подняли бокалы, и только Ораз произнес первый тост, как дверь отворилась и вошел брат Ажар, директор металлургического завода — Каир.

Был Каир высок и строен, держался очень прямо и, когда шел, например, по заводу и останавливался, с кем-нибудь разговаривая, всегда высоко поднимал голову и расправлял и без того широченные мощные плечи. А лоб у Каира был высокий, выпуклый, нос прямой, с горбинкой, как говорится, мефистофельский. С этими чертами никак не вязалось все остальное: большие казахские скулы, маленький рот и большие чуть навывкате глаза. Взгляд этих глаз нередко вдруг становился загадочным и странным. Сколько Дамеш в них тогда ни вглядывалась, ничего прочитать не могла. Ничего не прочитала в них она и сейчас, когда Каир подошел к ней, засмеялся, сказал что-то приветливое, шутовское и дружески пожал ей руку.

— Ну-с, с приездом, дорогая,— сказал он, улыбаясь,— а что же ты меня не дождалась? А я-то спешил, а я-то гнал машину, чуть не задохнулся от спешки, а она вспорхнула и улетела.

«Еще издевается»,— подумала Дамеш и холодновато сказала:

— Значит, плохо спешил, а чуть-чуть не считается.

Она совсем не так хотела встретиться с Каиром. Она думала: увидит его, возьмет под руку, отведет в сторону и объяснит, что даже не читала этой статьи, что ее подпись под ней просто недоразумение. Но сейчас все хорошие и теплые слова, специально приготовленные для Каира, вылетели у нее из головы, и она после нескольких фраз повернулась к старику.

А он, увидев директора, засуетился, засиял и вскочил из-за стола.

— Садись, садись, Каир! — говорил Курышпай. — Мы только что сели. Вот тут, тут и садись, — и он подвинул Каиру стул рядом с Дамеш.

Снова подняли бокалы.

— Ну, за твоё здоровье, Дамеш, — сказал Каир, чокаясь с девушкой. — Получила ты моё письмо? Ах, не успела получить, уехала. Ну и хорошо.

Дамеш покраснела, но сдержалась.

— У тебя хорошая память, — сказала она шутливо, но с вызовом. — Вероятно, ты сможешь пересказать мне его содержание.

— Безусловно! — также шутливо воскликнул Каир и повернулся к хозяину. — Ну, а шампанское, шампанское где? Давайте-ка его сюда!

Зазвенели бокалы, и послышались шутки и смех. Ораз стал рассказывать какой-то длинный и несмешной анекдот, и, хотя его никто не слушал, все смеялись. Но тут случилось непредвиденное. Маленький Булат вдруг соскользнул с колен деда Курышпая, подбежал к Каиру и схватил его за колено. Пальцы у мальчишки были грязные, и на новых брюках Каира чудесного стального цвета вдруг оказалось четыре продолговатых черных пятна. Это так его раздосадовало, что он вскочил с места.

— Да уберите же ради бога мальчишку! — крикнул он раздраженно. — Костюм совсем новый, только что из ателье.

Курышпай поглядел через стол на сердитое лицо Каира и засмеялся.

— Нельзя так, он же твой племянник, — сказал он добродушно. — Благодарю, что еще только одними брюками отделался!

— Да нет, в самом деле... — продолжал Каир. — Первый раз надел, и вот...

Его слова прервал истошный рев Булата. Оказывается, Ажар выскочила из-за стола, схватила сына на руки и дала ему на весу несколько полновесных шлепков. Он сразу же захлебнулся от рева.

— Не смей бить ребенка! — сердито крикнул Курышпай и протянул руку к внуку. — Иди сюда, милый! Иди! Здесь тебя никто не тронет.

Булат вырвался от матери, подбежал к старику, уткнулся лицом в его колени и зарыдал еще самозабвеннее. Каир посмотрел на него и пожал плечами.

— Ну, вот и воспитывай ребенка, когда в доме есть добрый дедушка! — Каир раздраженно вынул из кармана портсигар и щелкнул крышкой. — И получается, все злодеи, один только дедушка добрый.

— А тебя, когда ты из носа еще пузыри пускал, на горбу старики не таскали? — взорвался Курышпай. — Ты что, к деду за защитой никогда не бегал?

Дамеш, видя, что назревает настоящий скандал, незаметно подошла к Каиру и потянула его за руку.

— Не кури здесь! — сказала она. — Выйдем-ка.

Она вывела его на балкон, усадила и сама села рядом. Каир курил и смотрел на улицу. Был уже вечер, и город внизу гудел, как далекое море. Слышался шум колес, шарканье тысяч ног. Прямо перед ними горел разноцветными огнями мощный фасад Дома культуры. Вспыхивала и гасла надпись: «Завтра в 7 часов вечера в университете культуры начинаются занятия факультета музыковедения». Каир громко прочитал эту надпись и спросил:

— Чувствуешь?

Дамеш посмотрела на него и улыбнулась.

— Чувствую, что лампочек директор не пожалел! Буквы во всю стену, хотел, чтоб сразу понимали, какой директор в Темиртау. Так, что ли?

Каир пожал плечами.

— Ну, а если бы и хотел, тогда что?

— А тогда ты хвастун! — засмеялась Дамеш. — А хвастовство, как известно, приводит к зазнайству. А от зазнайства до чванства один шаг.

Каир сердито отмахнулся.

— А-а! Разве тебе чем-нибудь угодишь? На заводе без году неделя, а уже заварила склоку. Вот хотя бы взять статью! Что, у тебя языка не было поговорить со мной откровенно? Зачем тебе сразу же понадобилась газета? Так друзья не поступают!

Он хотел высказать ей все спокойно и пренебрежительно, но голос его вдруг дрогнул от волнения, и он махнул рукой и отвернулся.

Дамеш ответила очень мирно и тихо:

— Каир, ты можешь поверить мне, что я даже не читала эту статью?

Он помолчал и спросил совсем иным тоном:

— То есть как же это так?

В выпуклых глазах его на секунду что-то зажглось и сейчас же погасло. Дамеш поняла: он все бы отдал, только бы она тут была ни при чем.

— Да так! — сказала она. — Пришел перед отъездом ко мне разъездной корреспондент «Советской Караганды» и спросил: «Вот мы знаем, что вы внесли ценное рационализаторское предложение, расскажите, какая его судьба?»

— Ах вот как! — Каир иронически улыбнулся. — Тут тебя, значит, и прорвало! Поэтому-то он и счел возможным написать статью не только от твоего имени, но даже и пустить ее под твоим именем. Знаешь, милая, так ли, этак ли, разница невелика.

Ее задел его тон, и она ответила суше, чем хотела:

— Да пусть ее и совсем не будет. Дело, в конце концов, не в этом. Но разве, говоря по совести, я не права? Когда я принесла проект твоему уважаемому дяде Муслиму, он даже и говорить со мной не стал, только бросил: «Ах, теперь и вы тоже изобретаете».

— Так это он, а не я сказал. Вот ты бы и писала про него, а я при чем?

Она усмехнулась.

— А что ты мне ответил, когда я к тебе пришла, помнишь?

Невесело рассмеялся и он.

— Если говорить откровенно, то пока большого смысла в твоей рационализации, я, как и все остальные товарищи, не вижу. Но я человек справедливый, честный и поэтому говорю про это только тебе.

Дамеш поморщилась.

— Вот так бы ты мне и ответил, сказал бы: я с твоим проектом не согласен и поддерживать его не буду. А вот даю тебе командировку на завод «Серп и молот», посмотри, как там работают люди, и убедись, что предлагаешь нам чепуху. Тогда бы было все ясно! А ты вместо этого развел волокиту — ни да ни нет. «Посмотрим, проконсультируемся, поговорим». Ведь только эта несчастная статья и заставила тебя, наконец, высказаться откровенно.

Каир покачал головой.

— А ведь тебе ничем не угодишь. Вот ты и про командировку на «Серп и молот» говоришь с какой-то усмешкой, а знаешь, как мне за нее нагорело? Вот то-то, что не

знаешь, и спасибо, что Муслим-ага выручил, замолвил за меня словечко в горкоме, а то не знаю, что и было бы. Так ты и Муслима в той же статье протащила.

— Как? Тебе за меня...— воскликнула Дамеш и схватила Каира за руку.

— А-а! Что там говорить!

Каир опять с раздражением махнул рукой и отвернулся. Не хотелось и вспоминать о том, сколько разговоров и склок поднялось на заводе после отъезда Дамеш. Те, кому он отказал раньше, побежали жаловаться в горком. И получилось: директор не пустил в командировку старых заслуженных изобретателей и дал ее без всякой причины молодой красивой женщине. А дальше шли намеки на то, почему директор так расщедрился. Каир вспомнил все это и торопливо перевел разговор на другую тему.

— Ладно,— сказал он,— об этом нам еще придется разговаривать! Сейчас я думаю о другом.

— О чем же?

Он ответил не сразу — подумал, прошелся по балкону и сказал:

— Понимаешь, вот я думаю о нашей молодежи. Не весь же век пасти им овец, правда? Скажем, мы завтра кончим строительство трех доменных печей, и Темиртау превратится в крупнейший металлургический центр на востоке. Сколько же тогда новых специалистов и просто рабочих нам потребуется? Страшно подумать! А вот я наблюдаю за молодежью и вижу — не очень-то она тянется к нам! Нет, не очень! Не понимает того, что без техники уже и сегодня шага не ступишь. Каждый метит угодить со студенческой скамьи прямо за дубовый стол с телефоном.— Он засмеялся.— Что, не так разве?

Она кивнула.

— Очевидно, так. И ты, как пришел на завод, сразу и опустился в директорское кресло.

Каир нахмурился.

— Ну, знаешь, и шуткам тоже есть какой-то предел,— сказал он резко.— Думай, что говоришь. Да, сейчас я директор, но работаю я директором всего полгода, а инженером в цеху проработал пять лет — это раз! Конечно, разве меня можно сравнить с моим другом Дамеш Сагатовой? Вот она-то со студенческой скамьи попала в министерство и три года не вылезала из канцелярии. Вот этот пример ты и приводи!

Дамеш сделалась пунцовой.

— Но ты же знаешь, что меня приказом оставили в министерстве,— крикнула она,— я не хотела, а меня они...

— Я! Меня! Они! Ну прямо как будто говоришь с десятилетней девчонкой.— Каир покачал головой.— Ты, значит, не хотела, а я так очень хотел? Я на коленях стоял и упрашивал: сделайте меня директором! Так, что ли, по-твоему? Ладно, давай кончим, а то еще разругаемся. Идем лучше чай пить, вон Ораз зовет.

Когда Дамеш вошла в комнату, первое, что она увидела, было хмурое лицо Ораза и заплаканные глаза Ажар. Они сидели рядом, но друг на друга не смотрели. «Поругались как раз в день моего приезда. Или, может быть, из-за моего приезда все вышло?»

...Дамеш поднялась по лестнице, прошла по маленькому коридору и остановилась перед дверью, обитой черной клеенкой.

На дверях висело какое-то объявление, она приблизилась к нему и прочла:

«Инженер Дамеш Сагатова здесь больше не живет». «Что за чепуха? Кто этим занимается?» — подумала она и с размаху толкнула дверь рядом.

Никого, пустота. Она прошла на кухню — там тоже никого не было, только на примусе из кастрюли убежало молоко. Дамеш подбежала к плите, сняла кастрюлю, погасила примус и снова возвратилась в комнату. Ничего не прибрано, на столе ножи, вилки, ложки, грязные тарелки одна на другой. Где же Ажар? Нет Ажар, ушла куда-то! Однако куда же? Бросить комнату неприбранной и уйти! Как это на нее, однако, не похоже...

Дамеш снова вышла в коридор, открыла дверь сначала в одну комнату, потом в другую, в третью,— из коридора в спальню Курышпая, из спальни Курышпая в комнату Ораза,— нигде никого не было. Вдруг кто-то рядом истошно закричал: «Дамеш! Пожар! Горим!»

Она кинулась на кухню и увидела: в потолок бьет дымный столб пламени, и все кругом освещено желтым угарным огнем.

В это время в дверь влетела старуха Акмарал — мать Каира — с ведром в руке.

— Что вы делаете, апа? — крикнула Дамеш, хватая ее за руку. — Это же керосин, вода только разнесет его по всему полу.

Она стянула с себя голубой джемпер, что привезла из Крыма, бросила его в огонь и стала топтать. Но огонь не поддавался. Вдруг все залилось зловещим красным светом, и густой дым ударил в лицо Дамеш. Она крикнула и проснулась.

Было уже совсем светло, на полу колебался и плыл яркий солнечный квадрат окна. Она заснула, лежа на левом боку.

А сколько сейчас времени? О, уже семь? Вот заспалась!

Раньше в эту пору она всегда была уже на ногах, а сейчас вставать не хочется — так она обленилась на юге. А вот с Каиром они вчера опять поцапались, и, конечно, совершенно зря. Как теперь вести себя при встрече? И почему не могут они жить мирно? Как встретятся, так и сцепятся. Ну прямо как кошка с собакой. Кошка-то это я, подумала она. Вообще, кажется, следует уехать отсюда, ведь вон что вчера сказал Каир: «Давай кончать, иначе поругаемся навеки». И вообще странные, странные у них отношения, ничего-то в них толком не разберешь. Три года тому назад, когда она впервые приехала сюда, он взял ее за руку — тогда он был только сменный мастер — и прошептал: «Я ждал тебя пять лет, моя Дамеш, и вот ты приехала». А на другой день она встретила его в парке с какой-то блондинкой под руку. Кем ему была эта блондинка? Кто знает? Но одно знают все: у Каира нет ни жены, ни близкого друга, ни крепкой привязанности.

В Крыму она часто думала об этом, старалась понять, почему это так. Может, потому, что он ждет ее? Может быть, просто еще не нашел никого себе по нраву. А ведь мог бы найти! Мог! На него многие засматривались! Еще бы, стройный, высокий, совсем молодой. Директор крупнейшего завода, инженер с большим будущим. На такого каждая засмотрится. Ну и пусть, а она не такая. Ораз ей нравится куда больше, чем Каир. Вот с Оразом уже не поссоришься из-за пустяков. Ораз не понимает и все видит, он чуткий, скромный, заботливый. Он никогда не заденет тебя ни словом, ни улыбкой. Говоря с Каиром, чувствуешь себя так, словно скачешь на норовистом коне, — не забывай натягивать узду, не забывай

время от времени давать ему по бокам, не то понесет да и сбросит. Но разве целую жизнь проживешь молча? И какой прок в том, что будешь заранее угадывать все его желания... Превратишься в любящую, послушную, покорную жену? Что приобретешь от этой покорности? И его не найдешь, и себя потеряешь.

И она вспомнила то время, когда еще студенткой проходила практику у старого мастера, Героя Труда, автора нескольких брошюр о скоростной варке стали. Он-то и подал ей первую мысль о паровоздушной смеси! И кто знает: останься она тогда на том заводе, может, давно бы продували мартен по новому, сагатовскому способу. Но она бросила все и умчалась в Алма-Ату. Для чего? Для того, очевидно, чтобы усесться в аппарате министерства референтом; правда, потом она пошла на завод. Но для чего все это? Вот теперь и выслушивай неумные остроты главного инженера завода Муслима Мусина. Его-то Дамеш особенно не могла терпеть. У него каждое слово было как бы с двойным дном.

«Да разве Сагатова инженер? — спрашивал он с коротким смешком. — Она женщина, женщина! Вот скоро выйдет замуж, уйдет с завода, да и...» — и махнул рукой — тоже, мол, нашли мне инженера...

Выйдет замуж! Нет, до этого ей еще далеко. Нелегко угодить такой разборчивой невесте, как она. Однажды один известный художник (он рисовал ее для выставки) полушутя, полусерьезно сказал ей: «Ты все за умом, я вижу, гонишься, все мудрейших да старейших себе ищешь. Тот тебе не умен, этот тебе не развит. Ну, смотри, как бы не пришлось потом в сорок лет и вовсе за дурака выйти».

Она тогда только засмеялась, а потом стала все чаще и чаще задумываться над этими словами. Все вокруг нее люди как люди, никто особенно не глуп, никто чрезмерно не мудр. А она ждет такого, какого, может, и на свете нет. Почему? По какому праву? А может, она и не ждет и не ищет, а просто не знает, куда себя девать. У других семья, муж, ребенок, а у нее никого. Отсюда и ее неудовлетворенность, взыскательность к людям и непомерная строгость к ним, к их словам и поступкам. Так ведь тоже бывает.

— Да еще как бывает-то, — сказала она вслух, — и как еще бывает, родная моя.

И встала, поправляя прическу.

Партбюро завода помещалось на втором этаже. Поднимаясь по лестнице, Дамеш встретила Муслима. Он посмотрел на нее сквозь очки и уже хотел пройти мимо, но вдруг на его лице появилось какое-то подобие улыбки, и он не сказал, а проскандировал, почти пропел даже:

— А-а! Курортница! Лягушка-путешественница! Загорела, посвежела, похорошела! С ума сойти! Ну, добро, добро пожаловать.

Он улыбнулся, но в голосе дрожало что-то неуловимо злое, издевательское, и Дамеш подавила в себе желание ответить резкостью.

Муслиму за пятьдесят. Он давно уже начал лысеть, и теперь голова его была совершенно безволосой. Несмотря на возраст, он очень легок на подъем, энергичен, подвижен, мог целый день бегать по заводу, мог часами простаивать около печей и блюминга, мог ночи проводить в кабинете, следя за работой ночной смены. Но уже начал прорезываться у него животик, и, как он ни скрывал, было видно, что это сильно его тревожило. К Дамеш он всегда относился свысока и даже замечать ее стал только недавно, после того, как несколько раз встретил ее с директором.

Сейчас он стоял, смотрел на нее и улыбался.

«Что же сказать ему?— подумала Дамеш.— А ведь сказать что-то надо». И вдруг неожиданно для себя спросила:

— Дядя Муслим, а тетя Айша здорова?

Улыбка Муслима стала еще шире и ласковее, он даже фыркнул от удовольствия и быстро заговорил:

— Ах! Когда в старину встречались два казаха, первый вопрос их друг другу был: «Ты жив? Ну, а скот у тебя здоров?» Теперь тот же самый вопрос задают о жене— вот как поднялась культура! — Он помолчал и прибавил: — Это не я говорю, так мне ответил знакомый журналист, которого я спросил о том же.

«Эх, неладно,— подумала Дамеш,— не надо мне было спрашивать, а то ведь думают, написала статью в газету и сама не знает, как подлизаться».

— Ну, а на работу когда мы выйдем? — вдруг спросил Муслим и, не ожидая ответа, легко прошел мимо Дамеш.

Муслим никогда не задавал вопросов прямо, и сейчас он спросил во множественном числе.

«Ну и шут с тобой»,— подумала Дамеш и зашла в партбюро.

Секретарь парторганизации Серегин разговаривал по телефону. Увидев Дамеш, он слегка кивнул и снова повернулся к аппарату.

— Так, так,— говорил он в трубку,— отлично! Поставлю на ближайшем заседании. Да вот как раз и она сейчас зашла. Приехала, приехала! Кажется, вчера. Вель ты вчера приехала? — быстро спросил он, поворачиваясь к Дамеш, и, не дожидаясь ответа, опять закричал в трубку: — Вот сейчас и будем говорить, хорошо! Привет!

Он положил трубку и повернулся к Дамеш.

— Ну, здравствуй,— сказал он радушно,— как отдохнула-то? А загорела как! Ну садись, будем разговаривать.

Секретарю партбюро Николаю Ивановичу Серегину не так давно исполнилось сорок лет, но был он уже совершенно сед, а около глаз его легла целая сеть мелких, тонких морщинок. Во время Отечественной войны Серегин лишился правой ноги и ходил на протезе, опираясь на палку и прихрамывая. Но стоило только Николаю Ивановичу рассердиться или очень обрадоваться, как движения его становились по-молодому порывистыми, быстрыми, глаза загорались, он отвечал, опережая вопросы, а иногда даже и мысли собеседника. А язычок у Николая Ивановича был такой, что попасть под него никто не хотел.

— Ну,— сказал он,— я слышал тут «Советская Караганда» без тебя тебя женила.

— Вот-вот,— усмехнулась Дамеш,— я именно так и говорю, да никто мне не верит. Может, хоть вы убедите.

— А статью-то ты читала? — спросил секретарь.— Нет? Ну, читай тогда,— и он сунул ей номер «Советской Караганды».

Прежде всего она обратила внимание на строчки, обведенные карандашом. Это был конец абзаца.

«...И все эти громкие слова прикрывают почти полную пустоту,— писала газета.— Техника пятидесятых годов так и не шагнула в цеха нашего завода. Это, кажется, почти невероятно, но работа мировой технической мысли, труд чуть ли не целого поколения советских и зарубеж*

ных ученых не нашли никакого реального применения в производственных процессах нашего завода. Рационализаторов здесь не любят, изобретателей боятся. Вот, например, недавно в результате многих изысканий я предложила новый способ ускорения плавки стали. Мое предложение стоило того, чтобы над ним подумали, но думать на нашем заводе не любят, и главный инженер, прочитав сто двадцать страниц моих чертежей, изысканий и проектов, только спросил: «Вы что, ревизовать Бардина собираетесь?»

Директор же завода на мое заявление о том, что длительный и тяжелый процесс плавки стали может быть ускорен и облегчен, буквально махнул рукой и завел разговор о чем-то другом».

Дамеш,— она чувствовала на себе взгляд Серегина,— бросила на стол газету и сказала:

— Я этого не писала.

— Но просила, чтобы написали именно так? — спросил Серегин.

— Нет, и не просила. Говорить, конечно, говорила не только об этом, но писать...

Серегин сидел и смотрел на нее.

— Это я подсказал фельетонисту.— Серегин встал и прошелся по кабинету.— Я предложил корреспонденту пойти к главному инженеру, послушать, что он скажет. Пришли. Он выслушал нас до конца, а потом вздохнул и сказал: «Знаете, это все теоретические выкладки студента III курса. Сагатова еще и с мартеном по-настоящему незнакома, а уж хочет ломать все производственные процессы с начала до конца. Начиталась девушка иностранных журналов и решила, что она умнее всех. Да мало ли что там они напишут, это все еще проверять и проверять надо, а она сразу — ломай и перестраивай. Вы знаете, я старый волк, на этом заводе уже съел зубы. И вот говорю вам: знаю по своему опыту, из тысячи таких предложений, как у Сагатовой, хорошо, если пригодится хотя бы одно. Эти молодые, прыткие изобретатели — вот где они у нас сидят» — и показал на шею.

— Ну, а что вы ему ответили? — спросила Дамеш.

— Тогда ничего,— ответил Серегин.— А потом пошел к одному знакомому инженеру из технического отдела управления и показал твой проект. Он унес его домой, просмотрел и, возвращая мне, сказал: «Идея хорошая,

но как все это на практике получится». А разве они хотят проверять на практике? Они отмахиваются, да и все... Вот тогда я как парторг и написал на статью, которую дал мне на визу корреспондент, что, по мнению партийной организации, статья правильная и верно отражает наши недостатки.

Так вот,— продолжал Серегин,— вопрос о твоём предложении мы ставим на бюро. Соберем все материалы, хорошенько проштудируй их еще раз и будь готова к выступлению. Понятно?

«Что это он?» — подумала Дамеш и поднялась с места, но Серегин ее задержал движением руки.

— Еще одну минутку,— сказал он.— Все-таки твой проект еще только проект. Чтобы осуществить его, необходим опыт. Так не отрывайся от производства, держи связи со старыми сталеварами,— они тебя поймут! Это ничего, что они еще относятся к тебе с недоверием, сама должна понять: ты только кончила институт, на производстве совсем недавно, поэтому у стариков отношение к твоим предположениям настороженное, недоверчивое, мало ли что девчонке в голову взбредет? Надо быть уж очень уверенной в успехе, чтоб выступать так, как выступаешь ты. К тому же, повторяю, все это еще только теоретические выкладки, опыта у тебя нет, значит, нет и уверенности...

— Я абсолютно уверена в своем проекте,— спокойно ответила Дамеш.— И опыты я ставила, но только в институте. А что тут мне не дают ничего делать, это уж не моя вина.

— Да? Ну и отлично! — Серегин тоже встал и протянул Дамеш руку.— Раз убеждена, значит отлично. Тогда до скорого свидания, поговорим на партбюро.

Каира Альжанова назначили директором недавно, с полгода тому назад. Его предшественником был старый инженер, проработавший на Темиртау более шестнадцати лет. Уходя на пенсию, на вопрос министра, кого же он рекомендует на свое место, старик назвал Каира Альжанова. Почему он назвал именно его, Каир не знал. Ходили слухи, что несколько недель до этого старый директор сказал секретарю обкома:

— Молодых, молодых надо сюда! Что на нас, ста-

риков, глядеть? На моем месте должен сидеть молодой дельный инженер. Мой совет: назначьте Альжанова.

Возможно, все это было именно так, но почему выбор старика пал на него? Почему из всех инженеров, знающих, опытных, имеющих заслуги и ордена, старик выбрал его? И второе: неустойчивая вещь, однако, человеческая репутация! Очень неустойчивая... Когда несколько месяцев тому назад его назначили директором, какой шум — восторженный, веселый, суматошный — подняли его друзья! Сколько было поздравлений, объятий, шуток, а вечером в ресторане маленьких тостов и речей. Сколько пробок тогда вылетело в потолок за здоровье нового директора, за его успех. Даже само вступление в директорский кабинет и то превратили в веселую церемонию: друзья внесли его на руках в кабинет и бережно опустили в старое, добротное, выдавшее виды кресло. А вот теперь все по-другому.

Три дня назад пришел в кабинет к нему инженер-прокатчик Амиров, друг его студенческих лет, и, то ли шутя, то ли всерьез, спросил:

— Слушай, что у тебя за отношения с Муслимом?

— Какие отношения? — спросил Каир. — О чем ты говоришь?

Амиров резко ответил:

— О том говорю, что ты ведешь себя не так. Странно ты себя как-то ведешь. Не по-директорски! Ну что тебя связывает с этим стариком? Что? Ведь ни одного вопроса ты не можешь без него решить. Как чуть что серьезное, запираешься с ним в кабинете на два часа. И на черта тебе, извини за выражение, далась эта старая лиса? Ведь он сухарь, консерватор... Вот появилось у нас в цехе ценное предложение Сагатовой, так он и его угробил, а ты сделал вид, что ничего не замечаешь. А девушка переживает! Нехорошо, брат, очень плохо. Ты серьезно над этим подумай. От всего сердца говорю.

«Странно, очень странно, — думал Каир, идя по длинному коридору к себе в кабинет. — И за что они так невзлюбили старика? Старый производственник, вечный труженик, металлургию знает как свои пять пальцев. Вот бы и учились у него, а то «консерватор». Ну и что ж! По мне сто раз лучше умный консерватор, чем шальной изобретатель! А Муслим прям, сух, правду-матку режет в глаза, ну, конечно, им это не нравится».

Когда Каир шел в кабинет через приемную, он увидел Дамеш. Она сидела за круглым столиком и читала газету. Заметив его, она сделала быстрое движение, как будто собираясь встать. Он хотел остановиться, но что-то сдержало его. Каир прошел в кабинет, только слегка кивнув ей головой. Конечно, этого не следовало делать. Надо было задержаться и поговорить хотя бы минуту. Именно так ведут себя культурные люди, даже если они очень обижены. Ладно... Ее не так-то легко обидеть. Да притом она всем своим поведением показывает, что не больно-то ей нужен Каир — вот вчера даже не дождалась его в аэропорту, а села в машину, да и уехала. А он-то торопился, он-то спешил, он-то гнал машину в Караганду.

Ох, Дамеш! Запутаннейший узел в моей жизни: завязал я его своей рукой, а развязать не умею. Как ее поймаешь? Вот взяла и статью напечатала, разве так делают друзья? И ведь знает, как я к ней отношусь, а считается все-таки ни с чем не хочет! Дамеш, Дамеш... Нехорошо ты поступаешь со мной, вот что я скажу тебе по совести.

Он позвонил секретарше и, когда она вошла, сказал:

— Там ждет Дамеш Сахиевна, попросите ее ко мне и пока больше никого не пускайте.

Вот сейчас самая пора покончить со всеми церемониями, — отрезать и все. Надо смотреть жизни прямо в глаза. Неприятно это, но необходимо. Притом еще неизвестно, сама ли от себя действует Дамеш, или ею как ширмой прикрывается кто-то другой. Муслим не раз намекал ему уже об этом. Кто же может стоять за ней? Может, Серегин? Держит он Дамеш на рукавице, как опытный сокольник боевую птицу, и только ждет удобного момента, чтоб спустить ее на добычу. Впрочем, Муслим, наверно, ошибается. Он умный человек, но всегда преувеличивает все плохое, в каждом видит недоброжелателя, завистника, а то и прямого врага. Уж эта вечная подозрительность! Как она надоедает...

Вошла Дамеш и остановилась около окна. И сразу же все его недовольство как рукой сняло... Она стояла перед ним высокая, стройная, загорелая, вся пронизанная ярким летним солнцем, в легком белом платье, схваченном в талии кожаным пояском, похожим на мертвую змею: Здесь таких поясов нет, верно, привезла из Ялты. Вообще, Ялта очень пошла ей впрок...

Они поздоровались и с минуту молчали.

— Ну, что ж,— сказал наконец Каир,— можешь ведь сесть, не так ли?

Она прошла к столу и села. Прямо перед ней был теперь портрет академика Бардина. Дамеш посмотрела на него и чуть заметно улыбнулась.

Каир перехватил ее взгляд и сказал:

— Кстати, Дамеш, эту глупую шутку насчет ревизии Бардина выдумал вовсе не я. Я вот даже не представляю, как можно сказать тебе эдакое?

Он сказал это ласково, но Дамеш молчала, и Каир начал сердиться.

— Ну, хорошо,— сказал он, так и не дождавшись ее ответа.— Об этом не стоит вспоминать. Но у тебя ко мне есть какое-нибудь конкретное дело? — Дамеш кивнула головой.— Так, может, мы поговорим о нем?

— А ты не знаешь? — спросила Дамеш.

Каиру очень не понравился ее тон, легкий и насмешливый, и он резко ответил:

— Нет, дорогая, я не Мессинг и отгадывать чужие мысли не берусь.

Она ответила тоже в тон ему:

— Какой же ты директор, если не знаешь, что хотят от тебя твои работники? Ну, хорошо, тогда я буду говорить конкретно. Куда ты дел мой проект? Где он?

Он пожал плечами и стал что-то переставлять на столе.

— У тебя странный тон,— сказал он.— «Какой ты директор»! Что мы на собрании, что ли? Куда я дел твой проект? Никуда я его не дел. Я поручил детально разобраться в нем комиссии, состоящей из главного инженера и начальника технического отдела. Кажется, ведь всегда в подобных случаях поступают так?

— А твое собственное, директорское, мнение у тебя уже есть? — спросила она.

Каир стиснул в кулаке нож для разрезания бумаги. Как он ни сдерживался, она все-таки выводила его из себя.

— Дорогая моя,— сказал он,— я прежде всего хочу полной ясности во всем, что я делаю. За завод отвечает директор. Есть, конечно, и главный инженер, начальник технического отдела, есть начальники цехов, и наконец,

существует даже такой отличный знающий инженер, как Дамеш Сагатова. Какая-то доля ответственности лежит и на них, но прежде всего за завод отвечаю я. Я! — Он несколько раз ткнул себя пальцем в грудь. — А завод — это такой сложный механизм, что достаточно отпустить одну гайку, чтоб остановились все колеса. Вот поэтому я и должен семь раз примерить, прежде чем что-то решать. Неужели эта истина настолько сложна, что не доходит до сознания такого опытного коллеги, как Дамеш?

— Не доходит, — коротко отрезала Дамеш и поднялась с места. — И знаешь почему: я всегда ценила в мужчине не только ум, но и способность мыслить самостоятельно. И когда не нахожу в моем собеседнике этой способности, то плохо верю и в его ум... До свидания!

Она пошла и в дверях чуть не столкнулась с Муслимом. Тот шумно входил в кабинет с какой-то бумагой в руке, — смеялся, оборачивался назад, с кем-то разговаривая.

— Ты иди в столовую, я сейчас приду, — весело крикнул он кому-то в приемной.

Потом, все еще улыбаясь и размахивая руками, быстро прошел в кабинет и мягко опустился в одно из двух больших кожаных кресел около стола.

— Желаю здравствовать начальству, — сказал он, улыбаясь. — Так вот какое дело. Обер-мастер мартеновского цеха Иващенко... Ну, да ты его хорошо знаешь...

— Дамеш Сахиевна, вы не уходите! — крикнул Карир. — Я вас задержу еще на несколько минут. Но прежде всего садитесь. Вот так! — он посмотрел на Муслима. — Муслим-агай, об Иващенко поговорим после. Вы смотрели проект товарища Сагатовой, каково ваше заключение?

Муслим не спеша полез в карман, вынул платок, старательно несколько раз обтер лысину, шею и лицо.

— Что скажу? — начал как будто задумчиво. — Да что говорить? Мы уже беседовали как-то с вами о проекте товарища Сагатовой, правда, наскоро, на ходу. Туман все это, товарищ директор, — он засмеялся, — туман, просто туман! Я прошу прощения, конечно, — повернулся он с легким поклоном к Дамеш. — Каждому изобретателю дорого его детище, и это понятно, он вложил в него массу труда и времени и не хочет так легко со всем этим расставаться. Но если говорить начистоту, это — туман, туман и туман... Останавливать цех из-за каких-то

чисто отвлеченных литературных выкладок мы не можем. Дамеш Сахиевна сама это понимает.

— Зато я ничего не понимаю,— голос Каира был ровен и сух. Ему очень не нравилось поведение Муслима. Что за демонстрации он устраивает? — При чем тут туман,— продолжал он.— Мы уже три месяца держим в ящике стола этот проект, и до сих пор Сагатова не может добиться от нас ясности. Мы и делать ничего по нему не делаем и формально отвергнуть боимся. Так вот, давайте же придем к какому-то окончательному решению. Да — так да, нет — так нет! Я вас очень прошу... Что сегодня у нас — среда? Так вот, к пятнице, ну, самое большее, к субботе, я буду ждать вашего заключения.

Муслим пожал плечами, и лицо его вдруг стало скучным и тупым.

— Слушаюсь,— ответил он тускло.— К субботе все будет готово. Так вот,— он снова заглянул в свою бумагу,— обер-мастер мартеновского цеха товарищ Иващенко подал заявление. Он просит дирекцию...

— А каково будет ваше заключение? — вдруг очень прямо спросила Дамеш.

В лице Муслима что-то неуловимо дрогнуло. Он даже вскинул голову, и Каир сразу понял: Муслим хотел ответить какой-то резкостью, но сдержался.

— А вы Шекспира читали? — спросил он Дамеш очень любезно.— Есть у него такая прелестная вещица «Много шума из ничего». Так вот, процентам к девяноста предложений и изобретений, вроде вашего, это заглавие подходит полностью.

Дамеш хотела что-то сказать, но не успела.

— Я вас отлично понимаю,— продолжал он.— Вам надо получить мое заключение, так вот в субботу вы зайдете к директору, возьмете его и сможете приложить к своей очередной жалобе. Ведь вы, изобретатели, все такие ябедники! — И он добродушно махнул рукой.— А ну вас, ей-богу!

Дамеш словно пружиной подбросило с кресла.

— Да как же вы смеете! — крикнула она и, всхлипнув, выбежала из кабинета.

Все это произошло так мгновенно, что Каир смешался и не успел ничего сказать.

— Впечатлительная девица,— улыбнулся Муслим.— Убежала! Вот так расшатают себе нервы интригами, а потом устраивают истерики.

— Нехорошо все это, Мусеке.— Каир встал из-за стола и прошелся по кабинету.— Очень нехорошо, она ведь женщина.

— А я статуя! — вдруг вспыхнул Муслим. — А я каменная баба около городского музея! Она пишет доносы, говорит в глаза и за глаза обо мне всякие пакости, а я должен молчать да улыбаться ей? Никакого почтения к старшим! Никакой выдержки! Что хочу, то и говорю. Да она еще в первый класс бегала, когда я был инженером на этом же самом заводе. Прошу хотя бы этого не забывать, товарищ директор.

— Но вы же и коммунист. Носите в кармане партбилет! — сказал Каир. — А ведете себя...

Он не закончил, потому что увидел, как неузнаваемо изменилось лицо главного инженера. Муслим вынул из кармана платок, поднес его к лицу, но снова опустил руку.

— Вот что, директор,— сказал он тихо,— раз навсегда избавьте меня от этих ваших замечаний. Не тебе меня учить, как должен вести себя член партии! — вдруг взвизгнул он.— Я в ней состоял раньше, чем ты надел пионерский галстук.

Каир покачал головой и улыбнулся. Когда на него орали, он сразу же обретал полное спокойствие и самообладание.

— Честное слово, Мусеке, в первый раз вижу, как вы сорвались,— сказал он с самым искренним изумлением.— Вы для меня всегда были образцом выдержки. Неужели я вас так обидел? Ну, извините меня, пожалуйста.

Муслим посидел с минуту, подумал, а когда заговорил, голос его был уже спокоен.

— Ну, тогда и ты меня извини,— сказал он хмуро,— но есть слова, которые не надо бы произносить при стариках. Не трогай никогда моего партбилета. Нелегко он мне достался! Нет, нелегко. А теперь рассуди сам. Стаж у этой Дамеш, как говорят, без году неделя. Научной подготовки ровно никакой, школы тоже, а замахивается вон на какие авторитеты. Ей и Бардин уже не Бардин, а про меня и говорить нечего. Рутинер! На свалку порал! Как же ты хочешь, чтобы я к ней относился? Ведь не с

неба же берется это самое хорошее отношение! Потом я смотрю, как она сама относится к интересам завода. Вот эту статью в газету написала. Ты понимаешь, да ей на нас попросту наплевать, только бы завоевать авторитет, только бы прослыть изобретателем! Вот ты с ней в хороших отношениях, вы друзья детства, а помни мое слово, если бы она только могла, она давно бы сидела на твоём месте. И на дружбу бы не посмотрела.

Каир засмеялся.

— Тогда пускай хоть сегодня садится, — сказал он весело, — уж очень я соскучился по своему месту в цеху.

В дверях показалась голова секретарши.

— Муслим Сапарович, подойдите к телефону, — попросила она, — вас вызывает председатель совнархоза.

Муслим вскочил с кресла. Несмотря на свои лета и полноту, он, когда надо, сразу же обретал подвижность. А этот разговор ему был неприятен, и он хотел как можно скорее его кончить.

— Ты еще здесь будешь? — спросил он, задерживаясь в дверях. — Я через пять минут забегу. Надо же решить с тем мастером.

Пришел Муслим, однако, только минут через тридцать.

— Ну, — сказал каким-то новым для него, вздрагивающим от скрытого раздражения и почти мурлыкающим голосом, — можете радоваться! Статью будут обсуждать на бюро. Хорошо?

— Кто сказал? — Каир был очень удивлен. Вчера он встретил парторга, они долго разговаривали, и тот ему ни слова не сказал ни о статье, ни о собрании. Как же мог Серегин поставить вопрос на бюро, не согласовав с ним и даже не предупредив его?

— Серегин и сказал, — ответил Муслим. — Пока я говорил по телефону, он подошел ко мне и сообщил, что в понедельник на бюро будет обсуждаться статья. Я вот только от него. Наверно, эта девица пошла к нему и расплакалась.

Каир потянулся к телефону.

— Черт знает, что делает этот Серегин! — сказал он, набирая номер. — Вот мы сейчас поговорим.

— Да это не он виноват, а Дамеш, — быстро вставил Муслим, — это она натравляет на вас всех. Все она... Такая молодая, а уже все ходы и выходы знает.

Каир закусил губу. Что ж, может, старик и прав. Действительно, похоже на то. Говорят, чтоб узнать человека, надо с ним пуд соли съесть.

Ученые вычислили, что это можно сделать за три года. Я съел с тобой, моя Дамеш, три пуда соли и все-таки, оказывается, не знаю тебя.

— Вы ее плохо знаете,— сказал Муслим.— О, эта девушка с будущим! Она на такое способна.... Вот мы тут заговорили о директорском кресле. Не хотел говорить, но скажу. Однажды...

В это время Каир закричал в трубку:

— Товарищ Серегин?! Привет, товарищ Серегин. Слушайте, товарищ Серегин, что это вы у себя создали за автономную республику? Как это почему? Как это ничего не понимаете? А что это за бюро вы назначаете на понедельник? Ну да, ну да, бюро для обсуждения газетной статьи. А со мной вы договорились? Вот мы вчера с вами встречались, вы мне что-нибудь сказали? Кто я для вас? Директор или сторож в дирекции? Ах, горком предложил! Ну, тогда тем более. Все, что предлагает парторгу горком партии, он должен доводить до сведения директора. Да, есть, есть такое неписаное правило! Это на тот случай, товарищ Серегин, когда директор не должен быть в курсе того, что предпринимает его партийная организация... Вот так, вот так, товарищ Серегин! Обо всем этом я буду еще говорить на партбюро. Желаю здравствовать!

— Ну, что? — спросил Муслим, когда Каир с размаху опустил трубку на рычаг.

Каир сердито пожал плечами и отвернулся.

— Поторопилась девочка со статьей,— сказал Муслим, не дождавшись ответа.— Очень она поторопилась. И как бы ей не сорваться. Ведь тут, как я понимаю, самое главное — это то, какую позицию займет руководство завода. Прежде всего, мы должны будем поставить на партбюро такие вопросы: своевременна ли статья Сагатовой? Поможет ли нам она улучшить работу завода? Да или нет? Если ответить на эти главные вопросы, то и все остальные, а их еще много, отпадут сами по себе.

«Это он правильно подметил,— подумал Каир.— Тут не следует мельчить, иначе запутаешься. Вся беда только в том, что надо бы эти вопросы нам обсудить раньше, тогда, может быть, и собрание не потребовалось бы!»

— В этом вы, конечно, правы: если ответить на главные вопросы, остальное решится само по себе,— сказал он, постукивая карандашом по столу.— Но как же мы ответим на них? Для меня до сих пор это неясно. Признаем мы, в конце концов, эту статью или отвергаем на-чисто?

Глаза Муслима забежали.

— Ни то и ни другое,— ответил он.— Вопрос о признании наших ошибок не так прост. Он распадается на две части. На частную и общую. Что касается общей, то, в основном, мы признаем, что завод в ряде своих производственных процессов отстал. Кое-что устарело, кое-что требует усовершенствования, кое-какие цехи нуждаются в перестройке и расширении. Но все это касается общей постановки вопроса. Если же переходить к частным вопросам, то есть попросту к проекту Сагатовой, вокруг которого поднято столько шума, то тут мы ответим коротко — нет!

— Нет! — воскликнул Каир.— Почему?

— Да потому,— ответил Муслим,— что это еще не проект, а только гипотеза проекта. Предложение не продуманное, не проверенное экспериментально, не подтвержденное теоретически. Откуда я знаю, что паровоздушная смесь, главная часть которой пар, заметьте, то есть водород, действительно повысит температуру мартена и ускорит выход стали. Кто высчитал десятки миллионов прибылей, которые Сагатова сулит возратить государству, кто сосчитал сотни тысяч сэкономленных ею часов? Да никто! Сама Сагатова. А почему я обязан верить ей? Она говорит — испытайте. Но ведь это завод! Это же Темиртау, а не шахматная доска. Чтобы испытать новое, нужно его создать, а создать в данном случае — это значит сломать то, что уже есть! Она называет это экспериментом, но это только для нее эксперимент, а для меня это катастрофа, остановка всех работ, невыполнение плана, за который я отвечаю головой и как коммунист и как главный инженер. Ну, а она, спрашиваю я, чем за свой проект отвечает? Да ровно ничем! Не выйдет, так не выйдет. Издержка творческой мысли! Вот и получается: для того, чтобы твоя Дамеш получила очень неверные пироги и пышки, я должен подставить свою голову под вполне реальные и заслуженные тумаки и шишки. Так вот я этого не хочу. Понятно тебе: не хо-чу. Вот что я буду го-

ворить на партсобрании. И тут встанет другой вопрос, касающийся уже самой личности автора статьи.

Он остановился.

— А именно,— спросил Каир,— какой же это вопрос?

— Вопрос о том, почему написана такая статья? Что руководило ее автором? Кто ее натолкнул на эту мысль? Все это потребует самого тщательного разбирательства.

— Да ведь разбирать-то будут нас с вами, а не Сагатову,— раздраженно сказал Каир и так двинул пресс-папье, что оно едва не опрокинуло чернильницу,— мы с вами должны будем отвечать на все те вопросы, которые она перед нами поставила. И потом... вот вы говорите: ее проект нового способа ускорения плавки стали бездоказателен. А я посмотрел ее проект перед тем, как передать его вам,— бегло, правда, просмотрел, в этом моя вина,— но мне и сейчас ясно: бездоказателен он только потому, что мы не хотим попробовать его опровергнуть. А не хотим потому, что попросту трусим: а вдруг проверим и окажется, что Сагатова права, что ж тогда делать? Неужели весь цех перестраивать? Это, как вы только что сказали, займет уйму времени! А с планом тогда как же? На черную доску, что ли, пойдем? Вот мы с вами и крутимся, сбиваем и себя, и ее с толку. Конечно, Сагатова не хозяйственница, наши соображения ей непонятны, поэтому для нее все страшно просто — в этом вы правы. Но в данном-то случае,— давайте уж говорить хотя бы между собой правду,— виной всему мы, а не она. Ведь так?

Муслим молчал.

— Ну ведь так, Муслим-агай?

Муслим поднялся с кресла и снова полез в карман за платком.

— Нет, не так,— ответил он.— Я стою за интересы завода и воюю за то, чтоб он всегда был передовым и выполнял все планы, какие бы нам ни спустили. За это я стою и буду стоять насмерть. А за что стоит Сагатова, я не знаю. Я ей давно отказал в своем доверии. Я многое бы мог сказать тебе, да не хочу. Приходи в понедельник на бюро, тебе будет все ясно.

Он ушел, и Каир, проводив его до двери, еще долго ходил по кабинету, поливал из графина маленькую пальму на окне, и другую, большую, в кадочке около стола.

Он разрыхлял землю щепочкой, которая лежала тут же, и думал: «Не верить Дамеш? А почему? Говорит, что имеет свои основания. Какие же? Он скажет об этом в понедельник... Так что же он скажет в понедельник? Кто ты такая, наконец, моя Дамеш?»

Так он думал и все ходил и ходил по кабинету, потом подошел к окну, широко распахнул его и встал, подставляя лицо свежему ветру.

Полдень. Улица еще не успела накалиться за день. Сплошной человеческий поток течет под его окнами. Вот прошла Дамеш, она всегда куда-то торопится, вечно спешит, а сейчас идет медленным, спокойным шагом. Если где-нибудь Каир видит женщину, одетую так же, он всегда вспоминает Дамеш. Вечно и всюду Дамеш... Ему никогда не надоедает думать о ней. Но он знает: вот они встретятся, и все хорошее куда-то бесследно исчезнет, снова придут на память какие-то старые обиды. Ясно, что ничего, кроме ссоры, такая встреча принести не может. После Каир несколько дней ходит сам не свой и старается о Дамеш и не вспоминать, ну, а потом все начинается сызнова: мысль о ней, случайная, короткая встреча на лестнице, вторая встреча, уже условленная, и поэтому более длительная прогулка вдвоем, потом крупный разговор и ссора. И особенно Каира взрывает то, что Дамеш ведь догадывается о его чувствах, а ведет себя так насмешливо и резко, словно нарочно ищет предлога для ссоры. Первая их встреча тоже началась чуть не с драки.

Впервые он увидел Дамеш лет пятнадцать назад. Тогда они только что приехали в Темиртау, его отца назначили директором металлургического завода. Они поселились в большом многоквартирном доме с широким асфальтовым двором. Тут во время игры в мяч ребята показали ему тонконогую худенькую девочку с бледным лицом и длинными черными косичками, одиноко бродившую по двору. Ему объяснили, что это Дамеш Сагатова, отец ее погиб, а живет она у дяди Курышпая вместо дочки. Хоть и сирота, но капризная и норовистая, хорошо катается на коньках и вечно пропадает на городском катке. На катке и завязалось их первое знакомство и, конечно же, первая ссора. Дело было так. Отойдя в

самый дальний угол пруда, Каир учился кататься на одной ноге. Это у него получалось неплохо, и он был доволен и собой, и днем, ясным и солнечным, и товарищами, которые окружили его со всех сторон и поощряли дружескими криками. Каир катался, прыгал на одной ноге, танцевал, как журавль, и вдруг получил такой удар сзади, что растянулся на льду. Поднял голову и увидел: над ним стоит Дамеш и смущенно улыбается.

— Эх ты, нескладная, — выругался Каир.

— Прости, пожалуйста, я нечаянно, — виновато ответила она и наклонилась, чтобы помочь ему встать, но он злобно оттолкнул ее руку и сам вскочил на ноги.

Лицо ее сразу сделалось пунцовым, она молча повернулась и зашагала от него прочь.

С тех пор они больше почти не встречались, хотя учились в одной школе. Когда девочка играла во дворе и слышала голос Каира, — а он в те годы постоянно горланил какие-нибудь залихватские песни, — она пряталась и старалась не попадаться ему на глаза. Да и сам Каир не искал встреч: мать строго-настрого запретила ему играть с дочкой бандита — так называла она Саху Сапатова, отца Дамеш.

Шли годы. Каир окончил Карагандинский металлургический институт и вместе с названным братом Дамеш Оразом прилетел в Алма-Ату, чтоб провести там свой отпуск. Тут он снова повстречался с Дамеш.

В ту пору она уже кончила школу и училась на втором курсе металлургического факультета горного института.

Каир до сих пор помнит впечатление, какое произвела на него тогда Дамеш. Он был ошеломлен, сбит с толку, попросту, растерян. Ему показалось, что он видит ее впервые. Никакого отношения эта рослая статная черноволосая красавица к тому худенькому заморышу, которого он обидел пятнадцать лет назад, не имела. В ту минуту, когда он увидел Дамеш, девушка отбирала яблоки: стояла на лестнице, осторожно брала в руки румяные, созревшие плоды, срывала и бросала вниз в корзину. В памяти Каира навсегда запечатлелась тяжесть и длина ее иссиня-черных кос, гибкость тонкого стана, нежнейший цвет лица, чуть тронутый загаром. Увидев Каира, Дамеш обернулась и с полминуты простояла неподвижно. Потом

очень естественно протянула руку, выбрала на ветке самое большое румяное яблоко, сорвала и бросила ему.

— Ты смотри, какая красота выросла в этом году. Ну-ка, попробуй!

Она говорила ему «ты», как будто они были век знакомы! Может быть, поэтому он замешкался, и яблоко упало на траву.

Девушка усмехнулась и покачала головой.

— Экий ты разиня,— сказала она.— Так ты и счастье свое проворонишь. На еще! — и она протянула ему другое яблоко, но уже поменьше.

Что-то в тоне и в словах девушки больно задело Каира. Он взял яблоко, но не положил его в карман, а бросил в корзину. Потом подошел к лестнице вплотную, обхватил девушку за талию и, прижимая к груди, осторожно снял с лестницы. Она ударила его по щеке. Он улыбнулся и закрыл глаза, ожидая вторичного удара, но его не последовало. Девушка вдруг мирно опустила руку ему на голову.

— Ладно,— сказала она.— Пусти, мне некогда.

Он молчал и все прижимал ее к себе.

— Мир, мир! — сказал он, потирая горящую щеку.— Ты полностью отомщена. Давай же заключим договор на вечную дружбу.

Девушка засмеялась опять, хотела что-то сказать и вдруг осеклась и покраснела. Каир обернулся: из окна на них неподвижно и хмуро смотрел Ораз. Дамеш поймала вопросительный взгляд Каира, секунду помедлила и вдруг решительно пошла вперед.

— Пойдем пройдемся по парку,— сказала она.— Ты ведь там еще не был.

Вернулись они поздно ночью. Ораз сидел за столом и, положив голову на руки, спал, а на столе рядом с его локтем стояла тарелка, покрытая чистой салфеткой, и уже остывший самовар.

«Ишь ты, не захотел дожидаться, а спать не пошел,— подумал Каир про Ораза,— неужели же ревнует? Но ведь он же считается ее братом... Они росли вместе.»

Этот день и вечер Каир запомнил на всю жизнь и вспоминал потом часто. Очень часто. Всегда, когда встречался с Дамеш.

Ораз вышел от секретаря бюро недовольный. Такое же у него бывало чувство, когда отец задавал ему трепку. Стоял ясный летний день, высокое чистое небо, казалось, насквозь было пронизано солнцем. На улице Ораз остановился, прикрыл глаза ладонью и перешел на другую сторону улицы.

«Недаром же у Серегина кабинет на левой стороне, — машинально подумал он, — выйдешь из его кабинета на улицу и сразу ослепнешь... И чего он меня вызывал? Делать ему, что ли, нечего? Поболтать захотелось... Вот уж точно — кошке игрушки, а мышке слезки. И все-таки непонятный он человек! Ничего не хочет слушать, только ходит да выговаривает. И кайся перед ним, не кайся, он все равно шагает по кабинету, как заведенный, и читает мораль. Да что я ему, школьник, что ли?»

Ораз был очень сердит. Нашли кого учить. Вот уж год, как ему присвоено звание Героя Труда, никто не может сравниться с ним в искусстве варки стали, даже Дамеш, кончившая институт, и та пасует. В этом году он уже сдал все экзамены за первый курс заочного отделения того же горного института, где училась и она. Он мастер, герой труда, студент-заочник, депутат областного Совета, у него орден на груди, почетная грамота! Кажется, мог бы Серегин хоть со всем этим посчитаться. Так нет — все ходит по кабинету и гудит, гудит. Виноват во всем, конечно, главный инженер Муслим Мусин, этот всегдашний враг Ораза. Он только ищет случая, чтобы насолить ему. Вот выискал какого-то татарина Тухфатулина и начал всюду говорить, что не бригаде Ораза, а бригаде Тухфатулина следует присвоить на этот раз звание коммунистической. Об этом и толковал сегодня Серегин.

Начал он очень издалека.

— Ну вот, — сказал он серьезно, — ты три месяца борешься за звание, а процент выполнения у тебя все на одном и том же месте. В чем же дело? Устал? Достиг предела или что?

Ораз покачал головой.

— Ни то и ни другое. У меня бригада работает, а не рекордами занимается, а Тухфатулин выжимает рекорды в течение двух дней, а потом неделю сидит в прорыве.

— Ну, а твои рекорды когда мы увидим? — спросил хмуро Серегин. — Ты же сидишь на норме, а иногда и ее не выполняешь. Почему это так? — Ораз открыл было рот. — Постой, постой, я знаю, что ты мне сейчас скажешь. Скажешь, что выезжал на сессию областного Совета. Правильно, но почему же ты не приучаешь своих людей к самостоятельности? Ведь получается так: как бригадира нет, так и работы нет. Это не годится!

Ораз не нашелся, что ответить. Серегин, конечно, кое в чем и даже, пожалуй, во многом прав. Когда он уезжал в область, то оставил после себя трех заместителей, они-то и подвели. И еще как подвели! Вся бригада вдруг оказалась в прорыве. Конечно, виноват и он. Выбрал молодых, бурливых, как недоваренная сталь, ребят и заставил их руководить бригадой. Один из них слыл озорником и забиякой, был грубоват и упрям. Чуть что — лезет в драку, и зовут его за это Чумной Геца. Другой — тих, задумчив, воды не замутит. Про таких казахи говорят: «По нему верблюду пройдет, он и то не шелохнется». И кличка у него подходящая: Иннокентий Блаженный. Третий — острослов, балагур, шутник и заводила, зовут его Куан-весельчак. Вот и заставь их работать всех вместе! Серегину критиковать легко, конечно, да ведь сталь варить — это не речи говорить. Об этом тоже не грех иногда вспоминать.

Да и вообще, кто такой Тухфатулин? Ну да, один раз его смена выдала сталь сверх нормы. Так, конечно, бывает — блеснула молния, да и исчезла. А его, оразовская, бригада трудится изо дня в день. И нет в ней ни рвачей, ни рекордсменов, все честные парни. И будут они опять на Доске почета! Будут, хоть ты в лепешку расшибись, проклятый Муслим Мусин!

И Ораз стал думать про Мусина. Станный он человек, только и ищет случая, чтоб кого-нибудь подсадить, подставить кому-нибудь ножку, насолить покруче. И откуда столько злобы берется у людей? А так поглядишь, человек как человек, ходит, улыбается, здоровается за ручку: «Как ваше здоровье, как жена, дети?»

Ораз так погрузился в свои мысли, что чуть не налетел на какого-то пешехода. Поглядел: девушка — молодая, красивая, идет улыбается. Он сконфуженно извинился, а она помахала ему рукой и прошла дальше. Ой, кажется, знакомая! Значит будут завтра разговоры: «Идет

наш бригадир, ничего не видит, шарахается, как пьяный». Он нахмурился и ускорил шаг. Надо успеть зайти еще домой и переодеться. У него же сегодня дневная смена!

...Вахтер широко распахивает ворота перед грузовиком. Вслед за машиной входит и Ораз. Пять лет минуло с тех пор, как в первый раз перед ним раскрылись заводские ворота, и он прошел по заводскому двору. Тогда, помнится, он все плутал, все искал и никак не мог найти мартеновский цех. Теперь он пройдет через весь завод с завязанными глазами и встанет около своего мартена.

Ораз идет по асфальтированной дорожке, пересекает заводской садик, огороженный чугунной решеткой; слева от него — механический цех, направо — прокатный, пройди его — сразу попадешь в мартеновский. Ораз так привык к нему, что, даже возвратившись из отпуска, прежде всего бежит сюда. Ему нравится запах жженой стали, шумящее, ослепительно белое пламя мартена и сажа на пальцах. Только сталевар, конечно, поймет его.

В прошлом году, когда Ораз гостил у родственников жены, он попробовал рассказать аульным старикам о своей профессии — об огне, потоках раскаленной стали, гигантских печах, гудящих так, как будто в них поселилась целая семья джинов. Старики его подняли на смех.

— Да ты что, шайтан, что ли? — спросил его один из них, самый языкатый. — Ведь только шайтан живет в пламени, а человек должен держаться от него подальше. Вот ты, говоришь, привык. Да как же можно привыкнуть к огню? Он сожжет тебя, да и все! Нет, это ты неладное что-то говоришь.

Что ж, и старики по своему правы: тому, кто не видел глухо гудящей мартеновской печи, кто не стоял над бушующим морем огня, не усмирят его раскаленные вихри, не любовался фонтаном разноцветных искр, бьющих под самый потолок, тому, конечно, не понять, что такое профессия сталевара. И любовь к огню ему тоже недоступна. Хорошо варить сталь может только тот, кто любит огонь. К нему нужно привыкнуть так же, как моряк привыкает к грозному, коварному и угрюмому океану — своему извечному врагу и кормильцу. Настоящие сталевары отлично понимают это.

В красном уголке мартеновского цеха собралась на

оперативку вся бригада. Ждали только начальника смены. Было шумно и весело, каждый говорил о своем, но голоса двух приятелей Ораза — Геннадия и Куана — перекрывали всех. Ораз прислушался:

— А я тебе говорю, что это так. Посмотри, как он заваливает печь чугуном. Валит, валит его сверх всякой нормы, ну, печь, конечно, и задыхается! — кричал Гена.

— И что? Он делает это нарочно? — спрашивал Куан и тоже на весь цех.

— А как же?

— Интересно, очень интересно получается.

Куан помолчал, соображая.

— Да что он, хочет напортить, что ли? — спросил он вдруг. — Мы-то думали, что у нас награждают за сознательность и честный труд, а оказывается...

— Фьють! — присвистнул Геннадий. — Нашел у кого искать сознательность: у Тухфатулина! Да чтоб ему в герон вылезти, он тебя в ложке воды утопит!

«О Тухфатулине споряг», — подумал Ораз.

Он подошел к спорящим.

— Так что Тухфатулин? — спросил он строго. — Чем он тебе помешал?

Геннадий посмотрел на бригадира и отвернулся.

— Перегружает нашу печь так, что она глохнет, — проворчал он.

— Вот как, — удивился Ораз. — Для чего же ему нужно, чтобы наша печь глохла, а?

Геннадий усмехнулся:

— Для того самого, — сказал он хмуро.

Ораз подошел к нему вплотную и взял за плечо.

— Вот что, ты это брось, — сказал он твердо и очень строго. — Слышишь? Чтобы этого я больше от тебя никогда не слышал. Ты и сам не понимаешь, что говоришь.

В цех вошла Дамеш в черных очках сталевара. Ее сразу же обступили рабочие. Она остановилась, вынула блокнот, стала его листать, а потом очень коротко и четко отвечать на все вопросы. Ораз смотрел на нее с нескрываемым удовольствием и улыбался. Молодец Дамеш, на все вопросы отвечает прямо, а то, о чем следует подумать, записывает в блокнот — ничто не ускользает от ее внимания. За это, наверное, и ценят ее рабочие. А когда Дамеш уезжала в Крым, ее замещал инженер Валуев. Человек он вообще-то покладистый, тихий, добрый, но и

недели не прошло, как всем опротивел. Он и говорить с людьми не умел, и на вопросы их отвечал так, что не поймешь, что он хотел сказать. Сто раз возвращается к одному и тому же, да так и не решит ничего. Никакой малости не хочет брать на себя человек: постоянно ждет указаний от начальства. «Волынщик», — говорили про него рабочие, и через неделю никто уже к нему не обращался.

Цех работал вовсю. Глухо гудели мартеновские печи. Они были уже полностью-загружены шихтой, чугунным ломом и кусками старого обработанного металла. Придет время, Ораз подаст знак, и тогда в изложницы хлынет густая, белая, огненная масса — чистойшая углеродистая сталь. Та самая, без которой не обойтись ни стране, посылающей в космос спутников, ни матери, зашивающей сыну порванную курточку.

Ораз по железной лестнице поднялся на печную площадку и остановился около контрольно-измерительных приборов. В это время к нему подошла Дамеш.

— Здравствуй, дорогой, — сказала она, подавая ему руку. — Что это ты перестал меня узнавать? У тебя был, я слышала, разговор с Серегиним?

— Да, был! — пренебрежительно ответил Ораз и с фальшивой беспечностью махнул рукой. — Говорили!

— Ну и что? — Дамеш спросила очень серьезно, не принимая ни его тона, ни его кривой бледной улыбки.

— Да ничего! Говорит, надо работать, вот я и работаю.

Дамеш не спускала с него глаз.

— А ты знаешь, что бригаде Тухфатулина присвоили звание коммунистической?

Ораз пожал плечами.

— Ну что ж, пусть присваивают. Я не завистливый.

— С ума сойти! Ты как ребенок, честное слово! Милый Ораз, да разве в том дело, завистливый ты или нет. Дело в том, что сам-то ты носишь звание Героя Труда, а вот звание бригады коммунистического труда присвоено соседям. Разве можно относиться к этому так легко?

— Милая моя, — сказал Ораз. — Звание это хорошо, конечно, но важно еще и качество.

Дамеш с удивлением смотрела на Ораза.

— Ну и что, у Тухфатулина, по-твоему, плохое качество? — спросила она.

Ораз досадливо поморщился — от Серегина выслушивай нотации, да тут еще ей объясняй.

— Не знаю, может быть, и нет,— резко ответил он.— Я не могу работать только на рекорды, два дня превышать нормы, а потом целый месяц плестись в хвосте и говорить: «Я тоже был передовым, я тоже был образцовым». И при этом колотить себя в грудь кулаком: я! Я! Я! Знаешь, когда тебе созданы особые условия, когда все кругом работают именно на тебя, именно на твою бригаду, тогда и рекорд выдать не хитро. Совсем не хитро... А вот попробуй-ка его сохранить и узнаешь, что это такое! А я хочу добиться того, чтобы мой коллектив работал в таких же условиях, как и весь завод, но при этом ставил все новые и новые рекорды. И я достигну этого. Обязательно достигну!

Притихшая Дамеш слушала Ораза очень внимательно.

— Ну ладно,— сказала она,— это все хорошо, как программа на будущее, но что ты думаешь делать сейчас?

Он задумался.

— Все это не так просто... Год назад моя бригада, невзирая ни на какие условия, добилась высоких показателей. Вот тогда я и получил звание Героя. Но это был прыжок, прорыв, и ясно, что долго оставаться при таких показателях мы не сумели. Теперь пойдет борьба за время. У меня есть кое-какие соображения и наметки насчет скоростной варки стали. Но ведь ты знаешь: добрыми намерениями выстлана дорога в ад.

— Скоростная варка — вещь замечательная,— сказала Дамеш.— Весь вопрос, какими путями пойдешь к ней.

— Об этом у нас с тобой еще будет большой разговор,— сказал он.

— Хорошо,— Дамеш подала ему руку.— Буду ждать этого большого разговора. Идем разогревать печь.

Геннадий орудовал около печи длинной черной кочергой. Он сунул ее в раскаленное жерло, вытащил, пошуровал, еще раз вытащил. Теперь она была вся красная, пышущая жаром.

— Ну как, Ораз, пламя?

Ораз надел зеленые очки и заглянул в окошечко. Это было его любимое зрелище. Перед ним расстилался огненный океан, он бушевал и менял цвета. Красные языки вдруг становились ослепительно-белыми, потом по ним

пробегало словно какое-то дуновенье, и они разом превращались в синие угарные языки. Потом все смешивалось снова, и перед глазами бушевал сплошной разлив огня, пожиривший все, даже камень и железо. Огонь! Нет врага злее, коварнее огня, пока он не схвачен, не покорен, не закован, не заключен в железо и кирпич. И нет друга преданнее и послушнее огня, когда его лишат дикой свободы и запрут в одиночку. Недаром же Прометей из всех богатств похитил с неба только один огонь. Он знал: дай его людям, а все остальное они добудут сами.

— Пламени мало, поддай, поддай еще!

Ораз оглянулся по сторонам и, не видя своих помощников, закричал на весь цех:

— Кеша, Куан! Оглохли, что ли? Куан, ну-ка, заваляй шихту и перемешивай ее! Ровнее, ровнее, так, чтобы она распределилась везде одинаково! Ты смотри, как горит. Где густо, а где пусто! Кеша, а ты что встал? Подай газ, нужно, чтобы пламя сразу охватило все.

Ораз бросился к соседней печи, но тут ему не повезло. Все испортил Геннадий, уж слишком он суетился. Он сделал то, что не полагалось делать ни в коем случае — вывалил в расплавленный металл всю шихту сразу. А ее полагалось подавать постепенно, порциями, тщательно перемешивать и следить за тем, чтобы температура жидкой массы не снизилась ниже определенного градуса. Сталь уже почти готова, превратилась в вязкую густую массу. Вот еще неудача! Ораз выругался, махнул рукой и быстро пошел из цеха.

Смена кончилась.

От завода почти по всему городу был проложен арык, по нему бежала из цехов теплая отработанная вода. День и ночь над этим арыком стоял легкий пар, а там, где арык пересекал центральную улицу, через него переброшен был железный мостик, огороженный перилами.

Ораз пошел по мостику и остановился, постукивая пальцами по перилам, глядя на свое колеблющееся отражение. Эта часть города так хорошо освещалась, что даже в полночь здесь можно было читать газету. Ораз посмотрел на часы. Ого! Уже без пятнадцати час, а работу он кончил в двенадцать, полчаса занял душ, значит, на мосту он стоит уже минут десять. И тут его кто-то

сзади схватил за руку. Ораз почувствовал знакомый с детства, чуть уловимый запах ландыша и понял, что это Дамеш. Он обернулся и крепко пожал ей руку. Никто из них не сказал друг другу ни слова, но она встала рядом с ним и тоже наклонилась над перилами. Так они и стояли, отражаясь в тяжелой медленной воде арыка.

— Ты здесь давно? — первой прервала молчание Дамеш.

— Нет, не очень, — ответил он.

— А почему меня не подождал? — спросила она таким тоном, как будто ежедневно они возвращались домой только вместе. — Я сразу же вышла вслед за тобой.

Ораз мгновенно покраснел, потерялся и не нашел, что ответить, а она внимательно смотрела на него и ждала ответа. Наконец он пробормотал что-то невнятное, и снова наступило недолгое молчание. Опять оба они стояли и смотрели на воду.

— Ораз, — снова начала Дамеш, — я тебя никогда не спрашивала, но... скажи, что у тебя с Ажар?

Он не двинулся с места, даже не изменился в лице, хотя ему вдруг стало почему-то очень жарко и неудобно.

— Ты же видишь сама, — ответил он тихо. — Ты же отлично видишь все, Дамеш.

Она кивнула головой и опять замолчала.

— А меня ты совсем забыл, Ораз? — спросила она вдруг.

Он вспыхнул, схватил руку девушки и прижал ее к сердцу. Тут она невесело вздохнула и легко освободила свою руку из его пальцев.

— Не надо, Оразжан, — сказала она с трудом. — Не надо, милый.

Ораз круто повернулся и зашагал прочь.

Вот он опять растерялся и ничего ей не сказал. Значит, снова будет мучиться, переживать, не верить ей, не верить себе, клясть себя за трусость и спрашивать: почему же, почему же, черт возьми, ты смолчал? Ведь недаром же она тебя спрашивает про Ажар. Теперь, может быть, никогда уже не подвернется тебе такой случай!

Так и случилось. Ночной разговор на мостике оказался действительно переломным. После него Дамеш стала даже как будто избегать Ораза. «Эх, дуралей, дуралей, — думал он про себя. — Прозевал, упустил, отдал

своей рукой другому. Вот теперь и кусай себе пальцы, дуралей...»

Но через неделю Дамеш окликнула его снова. Это было после работы в саду. Она долго смотрела на него (он чувствовал это) из-за окна, а потом вдруг откинула занавеску, высунула голову и крикнула:

— Оразжан, что ты там бормочешь? Стихи, что ли, читаешь?

Ораз, наклонившись над клумбой, старательно выпалывал сорную траву. Это была деликатная, тонкая операция, и проделать ее нужно было умеючи, не то вместе с сорниками можно погубить и цветы.

— Да вот цветы спасаю,— сказал он, с трудом справляясь со своим голосом.— А то эта змея-повилика погубит их совсем. Эту резеду я нарочно рассадил под окном, у нее очень нежный запах. Ни один цветок так не пахнет, как она.

— Да? — Дамеш смотрела на него ласково и просто.— А на вид она вовсе не такая красивая, просто полевая травка и все.

— Она особенно хорошо пахнет вечером и утром,— сказал Ораз.— Вот сейчас... Понюхай!

Он протянул девушке несколько цветов. Она неподвижно стояла в окне, смотрела на него и улыбалась.

— И ты их сам посадил? Да, Оразжан? — спросила она.

Опять тот же печальный и ласковый голос, опять та же легкая, чуть лукавая улыбка, все совсем так, как тогда ночью на мостике. Казалось, голосом, взглядом, улыбкой она спрашивала его: ты ведь специально для меня посадил эти цветы под моим окном, да?

Ораз понял это и кивнул головой.

— Какой же ты умник,— сказала Дамеш, протягивая руку и беря у него резеду. Она поднесла цветы к лицу и несколько раз всей грудью вдохнула их запах.

— Чудо, как хорошо! — сказала она.— Сейчас поставлю их в воду.

Она хотела отойти от окна, но вдруг замедлила, задержалась.

— Слушай, ты мне говорил что-то о варке стали, у тебя там что-то не ладится. Расскажи, в чем дело, поподробнее, может, я смогу тебе помочь?

Ораз отрицательно покачал головой:

— Вряд ли, ведь я еще и сам...

Тут вдруг с другого конца дома раздался крик:

— Дамеш, Дамеш, где ты? С тебя причитается, готовь суюнши!¹ — кричал старик Курышпай.

Вот уже три года, как Курышпай вышел на пенсию, но без дела дома он не сидел. Все свободное время разъезжал, навещая своих детей и проверяя, так ли они живут, не нуждаются ли в чем-нибудь. Хотя все его дети были уже многосемейные, имели своих детей, внуков и сами учили других, как надо жить, Курышпаю все равно казалось, что без него они обойтись не смогут. Уж слишком горячим родилось это поколение, шагает стремительно, под ноги не смотрит, на гору так на гору, с обрыва так с обрыва — им все одно. Тактику, хитрый подход, обходной маневр они считают ловкачеством. Лет до сорока и сам Курышпай был таким — певец, джигит, первый красавец в ауле. Одно время он дружил с Токашем, и какие они тогда дела творили! А после гибели Токаша загрустил, задумался и чуть не десять лет просидел в своем ауле, никуда не показываясь.

Но в 1929 году его нашли старые друзья Саха Сагатов и Ораз Жандосов. Оба они были коммунистами, оба занимали важные посты — один работал в обкоме, другой в укоме партии. Тогда Курышпай стал председателем союза батраков.

В 1933 году у Курышпая родился сын, и в честь председателя укома Ораза Жандосова он и сына назвал Оразом. Потом пошло всякое. Это были тяжелые годы, и Курышпай пережил их тоже тяжело.

С юных лет он пристрастился к песне. Отец его Калдыбай был знаменитым шорником, на всю округу он делал конскую сбрую и седла, но сын перенять его ремесло не захотел. Другое запало ему в голову. Однажды он пропал из дома и появился только через месяц. Пришел возмужавший, черный от загара, с сумкой за плечами. Оказывается, он познакомился с Джамбулом и целый месяц ходил с ним от аула к аулу: пел, играл на домбре. Был в ту пору Курышпай красив, статен и ловок. Девушки заглядывались на него. Так бы он и провел всю свою молодость певцом, бродягой и балагуром, если бы не несчастье.

¹ Подарок за радостную весть.

Было это еще до революции. Вместе с дедом Дамеш—Жунусом — Курышпай участвовал в угоне косяка кобылиц у самого богатого бая губернии. За что попал в Сибирь. Вместе с ним угодил и его сообщник Жунус, их обоих выслали по этапу, а летом 1916 года, в самом начале восстания казахов против царизма, Курышпай снова появился в родных местах. Бежал из Сибири и Жунус. Он ушел в горы, и след его потеряли. Курышпай же был вскоре выслежен и схвачен. Его избили до полусмерти и бросили в тюрьму. Освободила его уже революция. Вместе с Сагатовым — отцом его приемной дочери — он устанавливал советскую власть в Семиречье и организовывал колхозы. Вступил в партию и участвовал во всех областных и краевых съездах. 1937 год больно коснулся и его, многие из друзей были арестованы, многие погибли. Ему самому пришлось поспешно собраться и с младшим сыном Оразом уехать в Караганду, к среднему сыну, только что окончившему техникум. Но тут подошла Отечественная война, сына забрали в армию, он сложил голову где-то под Москвой.

Судьба старшего сына была другой. Он дошел до Берлина и вернулся домой майором с орденом Ленина на груди. Его выбрали председателем колхоза возле Алматы, и через три года на его груди заблестел второй орден — орден Героя Социалистического Труда.

Курышпай поступил на металлургический завод и прошел длинный путь от подручного до сменного мастера мартеновского цеха. Здесь он и воспитал свою приемную дочку — Дамеш Сагатову.

Дамеш осталась совсем одна. Через меряц после ареста отца трагически погибла ее мать Глафира Андреевна: попала под колесо поезда, когда ехала хлопотать за мужа. Оставался еще дядя, врач Аскар, но он ничем не мог помочь сироте. Был на войне, попал в плен, бежал, снова воевал, а в 1945 году после войны был неожиданно арестован и, как говорится, словно в воду канул.

После XX съезда дело Сахи Сагатова пересмотрели, и он был посмертно реабилитирован, о брате же его Аскаре так ничего и не было слышно. Пропал человек, и все. И вот Курышпай, размахивая конвертом, вбегает к Дамеш с криком «суюнши»...

— Суюнши? — с удивлением спросила Дамеш и повернулась к нему. — Что? Письмо? От кого?

— Читай, читай!

Дамеш схватила конверт, взглянула на обратный адрес и заплакала.

— Боже мой! — воскликнула она. — С ума сойти... Значит, он жив?

— А ты думала, я врал, когда говорил — пиши, разыскивай! — сказал старик. — Нет, я всегда правду говорю, читай!

Письмо было коротким. Аскар писал:

«Реабилитирован я был только в 1956 году. После реабилитации два года пролежал в нервном отделении Тайшетской больницы — все следы контузии. Одно время было мне так плохо, что я не мог даже говорить и писать. Сейчас, кажется, все в порядке. Гуляю, начал работать по своей специальности. Написал бы и больше, но не знаю, где вы находитесь. Пишу по старому адресу, но, может быть, ты, Дамеш, после окончания института осталась в Алма-Ате...»

— Значит, жив, — сказала Дамеш. — А что, если я за ним поеду и привезу его?

— Вот, — сказал нравоучительно Курышпай, — теперь уж и «поеду». А то и запрос посылать не хотела. «Что писать, разве он жив? Кто жив, тот уже давно возвратился»... Ну, читай дальше.

«Но если вы все еще не старом месте, напишите! — читала Дамеш. — Я быстро соберусь и приеду к вам. Документы у меня в порядке, и я могу выехать домой, когда захочу».

— Ну и все, — сказал Курышпай. — Пусть приезжает, ничего, сам доберется! Видишь, пишет, что уже работает, а с завода тебя все равно не отпустят. Дела у вас там сейчас не в гору идут. — Он выразительно посмотрел на вошедшего в комнату Ораза. — Отстают наши орлы-соколы... Ну, что же он еще пишет?

— Все. Обнимаю, целую и подпись.

— Так, — протянул Курышпай. — Дай-ка я на почерк его взгляну. Молодец, четко пишет, и письмо хорошее, без лишних слов и жалоб. Значит, не пал духом человек. Спрячь. — Он отдал письмо Дамеш. — А ты что приуныл? — обратился он к Оразу. — Опять в твоей бригаде

неполадки, потерял свое место? Твоя фамилия ведь первая стояла на красной доске.

— Да, с конца первая, — улыбнулась Дамеш. — Ну, что же ты молчишь, расскажи отцу, как и что.

Ораз не ответил.

— Молчишь? — нахмурился Курышпай. — Опять, наверно, с несвежей головой вышел на работу?

— Что? — изумленно воскликнула Дамеш. — Да разве же он...

— Пьет? — насмешливо переспросил Курышпай. — А вот спроси его самого.

Ораз пробурчал что-то под нос и отвернулся.

Пить он начал недавно. Крупный разговор об этом между ним и женой произошел незадолго до приезда Дамеш. Ораз сначала отшучивался и отнекивался, а потом нахмурился, засопел и дал слово бросить. «Только Дамеш не говорите, а то она еще шарахаться от меня будет», — попросил он. Теперь отец проговорился.

Ораз ничего не ответил и вышел из дома.

А Курышпай задумался. Вот Ораз обиделся на него. Что, мол, лезет? Что ему надо? А забыл про то, как в годы войны он, Курышпай, простаивал около мартена ночи напролет и ничего, не жаловался же! Ломило спину, гнулись в коленях ноги и все время клонило в сон. Кроме усталости, мучил еще и голод. Каждый кусок приходилось ломать на троих. Ведь их у него было двое: сын да приемная дочь. И выстоял, да и детей тоже поставил на ноги. Работать приходилось по две, три смены, и он никогда не допускал брака. А вот у Ораза порой и брак случается. Почему? Говорят, потому, что Ораз порой вдруг делается невнимательным, рассеянным, весь уходит в себя. Видно, не тем у него полна голова. А чем же? Что ему еще недостает? Здоров, счастлив, независим, у него заботливая жена, хороший сын. Что человеку можно пожелать еще? Какой шайтан вселился в душу Ораза?

Курышпай долго стоял и думал, потом вздохнул, покачал головой и вышел за ворота.

Прежде чем идти на заседание партийного бюро, Муслим целый час просидел за письменным столом, обдумывая, что он скажет. У него был своеобразный нюх, который он считал «внутренним голосом» и к которому считал необходимым всегда прислушиваться очень внимательно.

Если этот внутренний голос шептал ему: «Решись! Выступи! Скажи! Игра стоит свеч», он шел и выступал, громил или заступался, твердо зная, что он хоть и рискует, но риск этот разумный и оправданный. Так, убеждая одного, умасливая другого, громя третьего, он потихонечку да полегонечку поднимался по служебной лестнице. Было время, когда он дошел до кресла первого зама министра. Эти годы он вспоминал всегда с умилением и гордостью. Вот сумел же! Вот достиг же! Однажды ему даже позвонили домой из секретариата ЦК и сказали, что его вызывает первый секретарь. Муслим мгновенно вспотел от волнения и забегал по комнате. В чем дело — почему им заинтересовался Жумаке, сам Жумаке? Заявление? Жалоба? Донос? Потом внутренний голос сказал ему, что если бы был донос, то сначала бы создали комиссию по разбору, и он несколько успокоился. Около самой двери кабинета первого секретаря его опять бросило в жар и холод, но он быстро пришел в себя. «Иди», — сказал ему внутренний голос, — иди и не бойся.

Муслим смело толкнул дверь и вошел. Разговор получился долгий, и Муслим сумел понравиться. Держал он себя достойно, отвечал, только подумав, твердо, свободно и хотя соглашался со всем, что ему говорили, но выходило так, что это и его мнение, — как будто все это он давно продумал и пришел самостоятельно к тем же выводам, что и Жумаке. Он даже вспомнил некоторые его высказывания и сейчас очень к месту привел их, как свои собственные.

— Это очень хорошо, что вы так думаете, — сказал Жумаке, прощаясь с Муслимом, — очень хорошо. Мы с вами продолжим наш разговор, такие люди нам нужны.

И далеко пошел бы Муслим, если бы не помешал сам себе.

Он поступил легкомысленно, рассказав об этом разговоре одному из своих самых близких товарищей.

И вот через несколько дней в ЦК полетело письмо о том, что Муслим Мусин скрывает свое происхождение, он сын крупного бая, сосланного в первый год коллективизации. Письмо было подписано тем самым другом, с которым Муслим поделился своими впечатлениями и надеждами. «Вот проклятый джетысуец»¹, — подумал Муслим,

---

¹ Д ж е т ы с у — название местности.

узнав об этом письме, и с тех пор люто возненавидел всех джетысуйцев вообще. А Дамеш Сагатова, кроме всего прочего, была еще и джетысуйкой, и когда Муслим думал о ней, то вспоминал и того неверного друга, который чуть не погубил его.

Дамеш ему не нравилась: он считал ее карьеристкой, ловкачкой, хитрой девицей с бойкими манерами, смазливой внешностью и с весьма темной биографией. Пишет в анкете, что казашка, а мать у нее русская, росла в семье Курышпая, и, конечно, тот сумел передать ей свой колючий характер, свою волю. А это значит—дай только девке обжиться, и она начнет подкапываться под Муслима. Вот какое-то рационализаторское предложение внесла, высчитывает прибыли, которые оно даст государству, с рабочими шушукается, в партию пролезла, а у самой и отец, и брат отца — враги народа. Этот пункт особенно волновал Муслима и, надо сказать, не без причины. Кто знает, может быть, и Дамеш уж догадывается о некоторых подробностях гибели ее дяди Аскара. Ведь он, Муслим, не просто писал доносы — он выступал на суде, давал письменные показания на следствии. Сохранился, конечно, и протокол его очной ставки с Аскаром. Не дай бог, если все это выплывет наружу. Да и вообще, лучше бы было, если бы эта девица собралась и уехала восвояси.

С этими мыслями Муслим и пришел на заседание. Дамеш (он ее поискал глазами прежде всего) сидела около самой двери, тонкая, красивая, молчаливая, такая скромная, что, кажется, и слова не скажет наперекор. Но он знал, она как дикая кошка, притаившаяся в своем углу. Только зазевайся, и сейчас же с шипением прыгнет на тебя. Потом Муслим перевел взгляд на Серегина, тот сидел за председательским столом и записывал что-то в блокнот.

«От него все зло,— подумал Муслим.— Ишь, сидит, что-то записывает, не иначе как к выступлению готовится. Интересно, кто еще из членов бюро собирается ее защищать. А вон, вон! Как вошел, так сразу же и подсел к ней. Кажется, его зовут Кумысбек, тоже джетысуец. Всегда рекомендует себя как дядя Сагатовой. Ну, на него-то, положим, наплевать — птица небольшого полета. Все равно ничего умного не скажет».

Серегин кончил писать, засунул блокнот в карман и поднялся.

— Товарищи!—сказал он, оглядывая собравшихся.— Считаю заседание партбюро открытым. На повестке дня только один вопрос: статья о нашем заводе в «Советской Караганде». Для сообщения предоставляю слово главному инженеру Муслиму Мусину.

Муслим встал и вышел на середину комнаты, постоял, помолчал, подумал, потом поглядел на директора. Каир сидел рядом с Серегиным, перед ним на столе были разложены исписанные листки бумаги, он читал их и хмурился. Потом взял один из листков и быстро что-то написал на нем толстым красным карандашом на том месте, где обычно кладут резолюцию. Затем отодвинул бумагу и посмотрел на Муслима.

— Так, дело-то вот какое, товарищи,— начал Муслим,— вы все читали в «Советской Караганде» статью о нашем заводе. Статья большая, эрудированная, талантливая, иначе и быть не может, потому что писал ее молодой специалист, наш коллега, инженер Дамеш Сагатов.

Муслим хвалил статью еще минуты три, а потом сказал, что статья-то, конечно, хороша и написана она с самым лучшим намерением, но действительность завода автор знает недостаточно, в фактах путается, а что касается основной мысли статьи о технике старой и новой и отставании завода по линии рабочего изобретательства, то...

— ...то простите мне мое шуточное сравнение,— улыбнулся Муслим,— завод — это высокопородная корова, от которой мы хотим получить молоко. Для этого нужно, как известно, две вещи — уход и корм. Вся наша техника и есть тот самый корм, который мы задаем корове, считывая на удои. Это, надеюсь, понятно?

Каир поглядел на Муслима и вдруг расхохотался.

— Какие же, однако, у вас аульные образы,— сказал он.

— Ну, как же, ведь я сам из аула!

— Мальчишкой пас коров! — шепнула Дамеш соседке, та фыркнула: то, что Муслим из кулаков, знали все. Вслед за Дамеш засмеялось еще несколько человек, Муслим бросил на них быстрый взгляд и продолжал:

— Техника и дает питание тому огромному организму, который мы называем заводом. Но ведь, товарищи, кормить корову можно по-разному, можно давать ей ку-

курузу, а можно и полынь. То, что предлагает нам инженер Сагатова, и есть полынь. Как говорят, все это не в коня корм, товарищ Сагатова. Поверьте уж мне, старику!

— Мусеке, если это так, то, может, мы сдадим нашу капризную корову на мясо, а выпишем из Ленинграда другую, с хорошим удоем? — сказал Каир.

Муслим сдержанно улыбнулся:

— А вот об этом надо спросить Дамеш Сагатову, — сказал он, разводя коротенькими руками. — Если она настаивает на своем предложении, а мы ее поддержим, то ждать от нашей коровки будет действительно нечего. Но тогда вряд ли Ленинград нас спасет.

Дамеш сидела красная от волнения. Муслим посмотрел на нее, не скрывая торжества. Директор-то молчит, не захотел расшибать лоб, и вообще, дело-то безнадежное. Подожди, девочка, это еще только начало. Ты кошечка, а я нар, который разгрызет череп каждому, кто станет ему на пути.

— Вы кончили? — спросил Серегин. — Так... Кто хочет еще высказаться? — Все молчали. — Так, может, тогда вы скажете, Платон Сидорович? Вы же начальник технического отдела.

Платон Сидорович Романюк, худой старик с лошадиной челюстью и совершенно белыми волосами, вздрогнул, привстал. Он постоянно дремал на собраниях.

— Вы меня? — спросил он с удивлением.

— Да, да, — любезно ответил Серегин, — вас.

Муслим был спокоен. Этот ничего не скажет. Ни да, ни нет, ни за, ни против. Начальство лучше знает, пусть оно и говорит — вот его философия.

— Так что я скажу? — начал Платон Сидорович и остановился. — Я скажу... Я скажу вот что, — он помолчал, подумал. — Что же, конечно, газета — голос общественности. Это все так, товарищи... Все так...

«Да что он все о газете бормочет? — подумал Муслим. — Еще ляпнет что-нибудь по глупости».

— Но ведь и то, — продолжал Платон Сидорович, — и то, надо сказать, любой ярлык на любого можно нацепить. Вот написала товарищ Сагатова, что мы консерваторы. Так что же, значит, это правда? А ты подумала, что это слово значит? Консерваторы в Англии, а мы — советские люди, уважаемая Дамеш Сагатова. Нельзя так...

И он победоносно взглянул на Дамеш.

— Вы о заводе сказали бы хоть два слова,— нахмурился Серегин.

Романюк откашлялся.

— Я как раз о нем и собирался говорить,— с готовностью продолжал он.— Газ и без пара хорошо горит. Я вот не представляю себе, как это можно задувать печь паром. Ведь пар — это водород, а от водорода сталь пузырится. Нас учили: водорода бойтесь, как огня. Как совместить эти два понятия — добротная сталь и водород, я не знаю.

Муслим был доволен, он переводил взгляд с одного члена бюро на другого. Серегин что-то быстро записывал в блокнот. Неужели же он посмеет выступить против него, Муслима, старого практика, заслуженного инженера? Все может быть! Нельзя понять, как настроены члены бюро. Кто сидит и рассматривает свои руки, кто шепчется с соседом, а мастер прокатного цеха и совсем задремал, видимо, вчера хватил изрядно. Эх, люди, люди, не умеют беречь себя...

И вдруг Муслим услышал голос Дамеш. «Кто же ей дал слово?» — подумал он. Он не заметил, наверно, как Серегин подал ей знак.

«А лицо у нее отчаянное, нервочки-то, наверно, как струны, и смотри, принарядилась-то как! Платье из белого шелка, шея голая, грудь обтянута, талия, как у осы, на шее какая-то погремушка болтается. Да, красива, дьявол... Ничего тут не скажешь: совсем китайская статуэтка из слоновой кости».

— Из того, что здесь сказал главный инженер,— начала Дамеш,— можно сделать заключение, что мой проект столько же способен повысить производительность завода, сколько полынь может повысить удои коровы. Но полынь-то — отравка, а не корм. Что же о ней и говорить как о корме... Так, товарищи?

Муслим незаметно кивнул головой: так, конечно, так.

— Вот и Муслим Сапарович кивнул мне, значит, я его поняла правильно,— продолжала Дамеш.— Но, товарищи, я предлагаю нашей корове не отраву, а высококачественный корм. Обоснование этому — в объяснительной записке, которую я вручила директору. Излагать эту записку тут — значит повторяться, да и к тому же главный инженер и не пожелал угруждать себя аргументацией. Он попросту отрицает то, что я утверждаю, вот и

все! Так что и предмета спора тоже нет. Я только хочу повторить то, что я уже писала: если завод осуществит мои предложения, то семилетний план будет выполнен за четыре года.

— Не бросайте слов на ветер, дорогой товарищ,— сказал Каир.— Это требует доказательства.

— Так прочтите же, наконец, мою записку! — крикнула Дамеш.— Прочтите, там доказано, что пар поднимает температуру печи и сокращает срок выдачи стали. За шесть часов я дам то, на что раньше требовалось восемь часов.

Муслим насмешливо покачал головой и встал.

— Вы действительно утверждаете это в вашей докладной записке,— сказал он,— но только там это сказано чуть-чуть иначе: возможно за шесть часов. Но, моя хорошая, на «возможно» в производстве ничего не строится. Нужна достоверность, установленная практически и теоретически... А «возможно»...— он пожал плечами.— Его у нас и без вас сколько угодно.

— Так,— Серегин слегка ударил ладонью по столу.— Вы кончили, товарищ Сагатова? Есть еще желающие выступить?

Муслим опять украдкой оглядел присутствующих. Кто посмеивался, кто головой покачивал, кто попросту недоумевал, зачем их собрали, в чем тут дело.

Кумысбек поднял кулак, показал Дамеш, улыбнулся и потряс им; это, очевидно, означало: «Не трусь, стой на своем!»

Взял слово Каир.

Муслим увидел, что Дамеш так и впилась в него глазами. «Ишь ты, умоляет о снисхождении, трусит, надеется на свои женские чары! Надейся, надейся, ничего у тебя не получится. Каир — директор. Ему девок и без тебя хватает».

Начал Каир издалека.

— Позицию,— сказал он,— которую избрала в этом споре Дамеш Сагатова, можно только приветствовать. Она хочет сократить срок варки стали, это очень хорошо. Но, как говорят, Александр Македонский — великий человек, а стулья ломать все-таки незачем, от этого казне убыток! Вот об этом убытке я и хочу сказать. Сагатова хочет, чтобы мы сейчас же сломали все производственные процессы завода. Это, конечно, неразумно. Вот тут това-

рищ Романюк сказал много обидных слов в адрес газеты «Советская Караганда», обвинил ее в том, что она наклеивает ярлыки. Это, конечно, не так, газета выступила правильно и своевременно. Но вот с другой частью выступления товарища Романюка, с его словами о том, что нужную температуру нам дает пока газ, я согласен полностью. Кроме того, ясно и другое: перестройка всего производства, то есть рытье траншей, укладка труб, проведение пара от ГЭС до завода, перестройка печей — встанет нам в такую копеечку, что ее сейчас и подсчитать невозможно. Если сломаем старые производственные процессы, то не вылезти нам с черной доски и, конечно, ни о каком выполнении семилетки говорить тогда не придется. И мое мнение таково: прежде чем сунуться в воду, давайте-ка поищем броду.

«И волки сыты, и овцы целы. А-а! — подумал Муслим. — Слово берет Серегин. Интересно, что же он скажет?»

Серегин поднялся, открыл блокнот и прочел:

— Итак, товарищи, предлагаю резолюцию: «Дальнейшее изучение проекта Сагатовой поручить техническому отделу завода и просить в самый короткий срок дать свое заключение». Возражений нет? Резолюцию считаю принятой....

На другой день после партбюро Муслим позвонил секретарю директора, сказал, что его вызывают в горком, и поехал к матери Каира — Акмарал. Муслим считал, что они с Каиром состоят в родстве. Родство было такое: первый муж Акмарал, сын купца первой гильдии, Хусаин, осужденный еще в двадцатых годах за взятку, умер в заключении, потом Акмарал вышла замуж за Рахима, от этого брака и родились Каир и Ажар — жена Ораза. Покойный Рахим был из одного рода с Муслимом: оба они происходили из рода Куандык, и поэтому Муслим полушутя-полусерьезно называл Каира племянником.

Акмарал даже и в пятьдесят лет оставалась рослой пышной брюнеткой с очень белым лицом; когда-то она была красавицей. Рахима она под своим каблуком держала долго, крепко и надежно, последнее время он и пикнуть уже не смел. Простиралось ее влияние и на сына, хотя, конечно, гораздо в меньшей мере.

Когда Муслим зашел к Акмарал, она сидела на одеяле перед самоваром и пила черный как деготь чай. «Не жалеет сердца, старая дура,— подумал Муслим.— В этой семье все психопаты».

— Приветствую, женге,— сказал он галантно.— Иметь такую женгетай — это, конечно, редкое счастье.

— В особенности, когда сын этой женгетай — директор завода! — засмеялась Акмарал.— Ах, негодник, а то небось бы и глаза не показал.

— Ну, моя хорошая! В том, что мой брат был твоим мужем, а твой сын стал моим директором, в этом есть и моя заслуга,— многозначительно улыбнулся Муслим и присел рядом.— Я обещал на смертном одре покойному брату,— продолжал он,— что сделаю все для его покойного сына,— и вот выполняю свое слово. Это ведь вам кажется все просто — взяли, да и сделали Каира директором. Нет, так у нас ничего не делается. Я Базарову, секретарю горкома, горло перегрыз из-за твоего сына. Он в последнее время меня уж и слушать не хотел. «Знаю, знаю — сделаю, сделаю». И вот сделал... Не забыл, как я был замом министра, а он моим управляющим делами. Вот ведь как!

— Знаю,— засмеялась Акмарал.— Мой сын бежит к тебе по каждому поводу! Что ты качаешь головой, или что-нибудь случилось? Давай пить чай.

«Ну, пропал мой послеобеденный сон,— подумал Муслим,— напоит она меня дегтем».

Но пиалу из ее рук взял.

— Да нет, ничего особенного не случилось,— сказал он, отхлебывая черную, горькую, как полынь, жидкость.— Просто нашлись такие люди, которые пустили между нами черную кошку.

— Ничего эти люди не смогут,— равнодушно сказала хозяйка, махнув рукой.— Вам надо теперь вот как держаться друг за друга.

— Вашими бы устами да мед пить, тетушка, как говорят русские,— печально улыбнулся Мусин,— но вот нашлись люди...

И, незаметно прихлебывая чай, шутя и улыбаясь, Муслим рассказал Акмарал, что ее сын околдован дочкой каторжника — Дамеш Сагатовой. Она вертит им, как хочет. Вот только вчера сумела втравить его в одно прене-

приятное дело. Такое, что за него обязательно придется отвечать.

— Да что он, совсем сбесился, что ли? — крикнула не на шутку испуганная Акмарал.

Муслим встал, вытащил из кармана портсигар, открыл его, достал папироску, закурил и подошел к форточке.

— Говорят, он жениться хочет на ней? — спросил он. — Не слышала?

Акмарал вздохнула.

— Не знаю, не слышала, — сказала она с деланным равнодушием.

«Вот ведьма, все знает и врет! — понял Муслим. — Ну нет, не на такого напала».

Но тут вдруг Акмарал словно прорвало:

— Пять лет он за ней бегаёт и все без толку, — сказала она злобно. — Говорят, средство такое есть, накормишь человека ослиным мозгом, и конец ему! Он от тебя больше никогда не отвяжется. А ведь мне уж давно пора быть бабушкой, я сплю и вижу внука, — закончила она вдруг сердито.

— Да? Вот как! — Муслим уронил папиросу и наклонился, а когда поднял голову, увидел, что Акмарал тоже смотрит на него пристально и выжидающе. Взгляды их встретились, и Акмарал натянуто улыбнулась.

— Я сказала сыну, — важно выговорила она, — женись на ком хочешь, но только на природной казашке, больше от тебя ничего не требую.

Муслим усмехнулся.

— Ну что ж, засылайте тогда сватов. Отец у Дамеш казах.

— Нет, ее не хочу.

— Отчего же?

— Характер плохой и мать русская.

Муслим бросил в форточку папиросу и зашагал по комнате.

— Эх, дорогая, — сказал он. — Ну, право, диву даешься, глядя на вас. Я ведь иногда думаю, если бы у вас было бы еще образование... Тогда бы не мать сыном гордилась, а сын матерью. И еще одно: уж больно вы доверчивы, всем готовы верить, а так нельзя. Разве у теперешней молодежи есть что-нибудь святое? Да ровно ничего. Нет, пропади они пропадом... Взять хоть эту Дамеш. Вы

из любви к сыну готовы уж назвать ее невесткой. А ведь это очень нехорошая девушка, хитрая, коварная. У нее один глаз туда, а другой сюда. Она ведь, кроме Каира, еще с мужем вашей Ажар путается.

— Что за глупость! Кто тебе сказал? — голос Акмарал звучал злобно и неприязненно. Она даже пиалу отставила.

«Ну, а теперь,— подумал Муслим,— дай бог ноги, иначе она и за меня примется».

Он поднялся, удивленно сказал:

— А я-то думал, вы все уже знаете! Ах, женгей, женгей, да разве можно быть такой доверчивой? Разве можно?

И до Ажар тоже доходили смутные слухи о том, что на заводе не все ладно. Говорили: произошла крупная ссора между Муслимом и Дамеш, с одной стороны, и между Оразом и Каиром — с другой, и все потому, что Дамеш написала о Каире статью в газете, а тот обиделся и накричал на нее. И вот теперь Дамеш подбивает Ораза выступить с ней вместе против директора. А как выступить, об этом никто не говорил. И Ажар не знала тоже. Она ревновала мужа к своей подруге. Да и было отчего. Дамеш и Ораз росли вместе, мало ли что между ними могло быть в те времена.

В ту далекую пору на все вопросы Ажар об Оразе Дамеш отвечала только одно: «Прекрасный парень! Честный, прямой, умный. И на лицо хорош, и характер мягкий — второго такого не сыщешь». Вспоминая об этом, Ажар часто думала: «Мало ли что между ними могло быть раньше». И вот совсем недавно ее догадки и подозрения подтвердились. Несколько дней назад одна из ее подруг, встретив ее на базаре, сказала, что недавно ее мужа видели ночью с Дамеш, они стояли на мосту обнявшись и о чем-то шептались.

Когда Ажар сообщила об этом своей матери, та и договорить ей не дала.

— А что ж ты такую гадину держишь в доме? Гони ее палкой! — закричала она.

— Старик же в ней души не чает,— сказала Ажар.— Когда Дамеш уезжала в Крым, только и разговоров

было: ах, доченька, моя милая, когда же ты вернешься?
— «Доченька»! — Акмарал даже стиснула кулаки.— Она даже и не казашка, мать-то у нее русская. Ну, подожди, подожди! Приду я к этому старому черту и поговорю сама.

И тут Ажар испугалась по-настоящему, ведь Акмарал все могла. Для нее такой преграды, как приличие, вообще не существовало.

— Да нет, нет, апа, все это сплетни,— сказала она быстро.— Дамеш моя сестренка, я ее люблю, как родную. Она никогда не сделает мне такой пакости.

— Та-ак! — протянула Акмарал.— Ну, а почему ты с мужем живешь не по-прежнему?

Ажар пожала плечами.

— Что жмешься, неправда разве?

— Да нет, мама,— ответила Ажар,— неправда! Все у нас в порядке, живем хорошо.

— Не лги матери! — строго прикрикнула Акмарал.— Я все вижу.

— А если он меня разлюбил,— прошептала Ажар, краснея до слез,— то разве в этом кто виноват?

— Что? Разлюбил? — вскочила Акмарал.— Ну ладно, я покажу ему, как разлюбил. Да и ей тоже! Я и не таким волам шеи крутила!

Акмарал вышла от дочери красная от злости. Она сначала не поверила Муслиму, считала, что это все сплетни. Хороши сплетни! Подумать только, что устраивает эта Дамеш! Взяли ее чуть не с улицы, пригрели, образование дали, а она, подлая... Смотри-ка, чем отблагодарила. И нашла же кого обхаживать — Каира! Директоршей, значит, захотела быть! Ах, негодница, ах, подлая! Вот и жди теперь от нее почтительности. Она как плохая лошадь, спереди подойдешь — укусит, сзади — лягнет. Да и с родителями ее какая-то темная история. Отец не то умер в тюрьме, не то расстрелян. Мать тоже не поймешь, как погибла. Теперь эта негодница, мало, что сыну жизнь отравила, за зятем начала ухлестывать, значит, и дочь хочет сделать несчастной.

...Ах, гуляющая девка, ах, пакостница, ну подожди же, не с той ты связалась.

О том, что главный инженер публично сравнил завод с коровой, на другой же день узнали все.

Кто смеялся, кто качал головой, кто просто отмалчивался.

К обеду сведения о партсобрании дошли до первого секретаря горкома Базарова. «Задела Муслима статья,— рассмеялся секретарь,— здорово задела».

А слух обрастал все новыми подробностями, и скоро весь завод разделился на два лагеря: Одни говорили: «Как работали до войны, так работаем и сейчас». Другие ворчали, что Дамеш, мол, и сама не знает, чего хочет. Давно ли она носилась по заводу и трещала о Муслиме: «О, это голова! Он один стоит всего технического отдела. Без него завод закрывай!» А теперь ведь поет совсем иное: «Муслим отстал. Технические новинки не читает. Журналы не выписывает. Любое рационализаторское предложение ему что нож к горлу».

Пошла по заводу и кличка Корова: Дамеш знала, так теперь зовут главного инженера ее сторонники.

Вскоре в очень нехорошую историю попал и Ораз. Вечером в парке он подрался с двумя парнями и очутился в милиции. Из-за чего вышло дело, он не рассказывал, но Дамеш все-таки узнала. Один из парней крикнул: «Вон мастер пошел домой от своей коровы». Ораз, не говоря ни слова, подошел и закатил парню пощечину. Все это было страшно неприятно. У Дамеш голова шла кругом.

Однажды, погруженная в эти мысли, она возвращалась домой с вечерней смены. Вдруг ее обогнала длинная голубая машина и резко остановилась. Все случилось так неожиданно, что Дамеш испуганно шарахнулась в сторону. Но в эту минуту через автомобильное стекло она увидела лицо Каира: директор махал ей рукой и улыбался.

— Дамеш,— сказал он, выскакивая из машины,— я приехал за тобой. Поедем-ка на озеро, погуляем по берегам. Я в прошлое воскресенье был там, это ж такая красота...

Видно было, что он специально поехал за ней. Это, конечно, приятно. Однако она все-таки колебалась.

— Не знаю, право,— сказала Дамеш нерешительно.— Уже поздно, да и не одета я. Смотри, какие у меня туфли.

— Поедем, дорогая, поедем! — прижал руку к груди Каир.— Ты и в этих туфлях просто чудо! Покажу тебе наш новый дом отдыха! Ну, не упрямясь, прошу тебя.

Она взглянула на его доброе лицо, покорные, умоляющие глаза и смягчилась.

— Ладно,— сказала она.—Один раз, куда бы ни шло. Едем, только ненадолго.

— Да через десять минут мы будем там! — воскликнул Каир.— Садись!

Проскочили мост, соединяющий пригородный поселок с городом, поднялись по асфальтовому шоссе, опоясывающему гору, и вышли из машины.

Дамеш пошла к склону горы и подставила лицо свежему ветру. Он дул с озера и нес запах воды и тростников. Город с этого места виден был весь как на ладони. Было еще не поздно, и небо казалось синим и чистым, таким же, как и озеро. В свете заходящего солнца четко вырисовывались кварталы, улицы, белые корпуса зданий.

Она почувствовала взгляд Каира и обернулась. Он, как и тогда, на дороге, смотрел на нее так покорно и так хорошо улыбался, что Дамеш, не зная, что сказать, спросила:

— Скажи, пожалуйста, а двадцать лет тому назад город выглядел так же?

Каир засмеялся.

— То есть как это так же! Да разве ты не помнишь, что ты здесь застала, когда приехала сюда с дедом Курышаем? Ты тогда в какой класс ходила? В пятый? Неужели ничего не помнишь? Что было, чего не было?

Ну, конечно, она помнит все. Только тогда она ходила не в пятый, а в четвертый класс и была худышкой, длинной тонкой девочкой в белом джемпере и шапочке, трогательной и смешной, как торчащее заячье ухо. Она каталась на коньках, вечно таскала их с собой под мышкой и все дни до вечера пронадала на озере. А города в то время еще не существовало вовсе. Было три улицы и одна площадь — вот и все! А в 1937 году тут и вообще ничего не было, кроме десятка казахских мазанок. Не было и озера. Это уж потом повернули воду реки Нуры и загнали ее в долину между двух гор.

Каир стал рассказывать об этом и говорил до тех пор, пока совсем не стемнело. Когда они подняли головы, небо было уже обложено тучами, озеро стало тусклым,

мрачным, почти черным. Белые гребешки волн пробегали по нему.

— Смотри, смотри, моторная лодка! — крикнула Дамеш.

Они пошли вниз.

Но идти быстро Дамеш не могла, мешали туфли на высоких каблуках. Через несколько шагов она вскрикнула, и Каир едва успел подхватить ее.

— Нет, так мы никуда не дойдем, — сказал он и, наклонившись, легко поднял девушку. Она засмеялась и обняла его за шею.

С Дамеш на руках он прошел несколько шагов и понял, что дальше так идти невозможно. Кончится шоссе, пойдет спуск, придется идти по камням, прыгать с глыбы на глыбу, с откоса на откос, чуть оступишься и рухнешь вниз. А Дамеш еще смеялась и подшучивала:

— Ну, иди же, иди! — говорила она. — Ну что ж ты стал? Если бы ты расшиб колено, я бы тебя понесла шутя, я ведь физкультурница!

Каир вдруг опустился на огромную каменную глыбу. Губы их сблизилась.

— Пусти, Каир! — смеясь, закричала она. Он ничего не ответил, только слепо ткнулся лицом в ее шею.

— Ну вот еще — пусти!

Она с силой вырвалась из его рук и вдруг вскрикнула и перегнулась над краем дороги. Внизу был обрыв. Каким-то образом (он и сам не понял и не помнил как) Каир успел поймать Дамеш за кисть руки, и девушка повисла в воздухе: тело ее было уже под откосом.

— Упор, упор ищи, — сказал он, не смея сдвинуться с места. — Нашупывай ногой кусты!

Кусты были чахлые, колючие, они росли из боковой расщелины, и ухватиться за них было нелегко. Но Дамеш вдруг нашупала ногой какую-то точку опоры и встала, потом нагнулась и одной рукой вцепилась в куст.

Каиру сразу стало легче, и он перевел дыхание.

— Ну, держись! — сказал он и, рванув, не вытащил, а прямо-таки выбросил Дамеш на шоссе.

Спасены! Не от смерти, правда (склон был покатый, Дамеш не упала бы, а просто скатилась вниз), но пришлось бы возвратиться ободранной, избитой, в изорванной в клочья одежде, а может быть, и в больницу попасть.

— Жива? — спросил он.

Она покачала головой.

— Туфлю вот потеряла, — сказала она недовольно, — как теперь идти?

— Ничего, дойдем, я донесу.

И вдруг увидел на ее ноге кровь.

— Слушай, да ты ногу расшибла! А ну-ка сядь!

Он снова поднял ее на руки и посадил на камень, потом вынул из кармана платок, зубами разорвал на полоски и, опустившись на корточки, крепко перевязал ногу Дамеш.

— Вот! И помни мою дружбу! — сказал он, вставая. Она засмеялась.

— Свою дружбу ты уж достаточно доказал мне на бюро.

— Хм, — покачал головой Каир.

— Слушай! — Дамеш попыталась было встать, но, вскрикнув, опустилась на камень. — Так ты не считаешь, что вы с Муслимом провалили мой проект?

— А ты что же действительно считаешь, что я провалил? — усмехнулся Каир. — Тогда ты, может, вспомнишь, о чем я говорил на бюро?

Невозможно глуп и смешон был этот спор здесь, в горах. Но спорить приходилось все равно.

— Повтори, пожалуйста, — сухо попросила она.

— Я вот что говорил, — нахмурился он, — надо тщательно проверить все твои выводы и выкладки. Перестройка производства, говорил я, не может происходить так, как ты этого хочешь, на основании какой-то непроверенной рабочей гипотезы. Ты и сама еще толком ничего не знаешь, а уж требуешь ломки всего, что у нас есть.

— Я-то не знаю?

— Ты-то не знаешь! Именно вот ты ничего и не знаешь.

— Да разве я бы настаивала, если бы не была уверена в успехе?

Уже почти совсем стемнело.

— Смотри, — сказал Каир, — лодка возвращается. Слышишь, как рокочет мотор? Ладно, ждать не будем, пойдем.

Он легко поднял ее на руки.

— Только держись крепче за шею. Один неверный шаг, и мы покатаемся, как мячики!

— Я буду очень тихо...— ответила девушка.— Идем!

Дамеш долго не могла заснуть. В голову лезло всякое. То она видела лодку, врезающуюся в розовую воду озера, то опять падала с горы, а над ней наклонялось широкое лицо Каира. Потом все путалось. Нет, дура, дура она! Конечно, совершенно незачем ей было ходить в горы. Да еще с Каиром!

Нет, путанный она человек, очень, очень путанный, легкомысленный, взбалмошный, несерьезный! Все время грызется с Каиром, а пригласил он ее, так сразу же поехала с ним в горы. Почему? Любит она его, что ли?

«Может быть, и люблю,— подумала она злобно,— может быть, оттого и ненавижу, что люблю. А! Все это чепуха! — рассердилась она вдруг.— И вовсе я не люблю его! Если я кого действительно любила, так это Ораз! «Если», «если любила», в этом «если» и все дело». Ведь сейчас не разберешь, что на сердце. Любовь или память о прежних днях? Ведь чуть ли не целое десятилетие она и Ораз росли под одной крышей, сидели на одной парте, готовили вместе одни и те же уроки, и попадало им тоже одинаково. Всегда они хорошо понимали друг друга.

И теперь скажи она, например, ему: «Ораз, я знаю, в нашем озере есть прорубь, ну-ка прыгни в нее» — и он прыгнул бы не задумываясь:

В детстве все лакомства, какие были в доме, всегда доставались Дамеш, так же, как виноград и яблоки, которые они получали в посылках из Алма-Аты. А если кто-нибудь пытался ее обидеть! Добродушный медлительный Ораз был тогда так скор на расправу, что обидчик и опомниться не успевал, как уж лежал на земле, а на нем сидел этот черный дьяволенок и тыкал его носом в дорожную грязь. Они так привыкли друг к другу, что, казалось, минуты не могли пробыть отдельно. А потом ей вдруг стали нравиться и прогулки вдвоем, его робкие прикосновения, и она все чаще и чаще стала говорить себе: «люблю», «наверно, люблю». И вдруг все это оборвалось, оборвалось резко и внезапно. Дамеш сама не понимала, как это произошло. А случилось вот что.

Однажды Ораз должен был ненадолго уехать. Поезд уходил рано утром. Они решили все оставшееся перед отъездом время провести вместе. Было куплено вино, накрыт стол. Дамеш вышла в сад нарвать на дорогу яблок. И вдруг в саду появился Каир. Теперь вместо ее давнего недруга, вихрастого сорванца с облупленным носом, перед ней стоял высокий стройный юноша, ловкий, подвижный, с широкой улыбкой и ослепительными зубами.

Здороваясь, он задержал ее руку в своей, она почувствовала, что это настоящее мужское пожатие.

И когда Ораз, успевший сбегать за тортом, подошел к окну, было уже поздно, они стояли рядом, весело переговаривались, и такие счастливые улыбки были на их лицах, что у Ораза сразу упало сердце.

И тут Дамеш сделала, может быть, самый неожиданный и неразумный поступок в своей жизни. Каир пригласил ее пройти с ним до парка, и она, взглянув — вот в чем главная ее жестокость — на погрустневшее лицо Ораза, тряхнула головой и согласилась.

Да, она хитрила сама с собой, по дороге уговаривала себя, что не сделала ничего особенного. Почему я не могу пройти с нашим общим другом детства? И пусть Ораз не хмурится и не делает таких печальных глаз. Я не его жена, и не знаю, буду ли еще его женой, а если и буду, то тем более следует сразу же поставить все на свое место. Да и вообще не надо быть мелочным: большая беда — отлучилась на час!

Вернулась она, однако, далеко за полночь. Никогда ей не было так хорошо, как в этот вечер. Каир все время рассказывал ей забавные истории, а один раз, по ходу рассказа, даже пропел в полный голос куплет какой-то веселой песенки, так что прохожие даже засмеялись.

И однако же, придя домой, она сразу почувствовала себя очень скверно.

Самовар заглох, к тарту Ораз не притронулся, чай не пил! Чувствуя себя кругом виноватой, Дамеш стала сердиться на Ораза. «Так тебе и надо, — думала она. — Надо было или пойти с нами, или взять меня за руку и сказать: куда это ты? Никуда ты не пойдешь, сегодня мой последний день. А он стал играть в молчанку, страдать, отворачиваться. Значит, не особенно я ему нужна, если он дал увести».

Она готовилась к крупному разговору с Оразом, но его не произошло. Ораз проснулся за два часа до отхода поезда, молча взял свои чемоданы и вышел в прихожую. Там она встретила его, но он только сказал ей, криво улыбаясь:

— Ну, прощай! Там на столе твой любимый торт и трюфели — ешь и вспоминай меня!

— Я провожу тебя, — сказала Дамеш.

— Нет, я пойду один.

— Я пойду! — крикнула она.

Но Ораз только покачал головой, пожал ей руку и повторил:

— Прощай.

Он вышел, осторожно притворив за собой дверь.

Потом Дамеш уехала из Алма-Аты на практику. Они не переписывались. Но всегда жило, жило в ней твердое убеждение, что Ораз не потерян для нее, что он обязательно вернется. И вот однажды пришла телеграмма: «Женюсь приезжай свадьбу обнимаем ждем Ораз Ажар Курышпай».

Дамеш вскрикнула и упала на стул. Три дня она не выходила из дому и только тогда поняла, как ей дорог Ораз. Она сидела и думала — ни минуты больше не останется здесь, поедет к нему, помешает этой свадьбе, она увезет его с собой так же, как когда-то увел ее Каир, — ведь она умрет, если он не будет с нею. И все-таки Дамеш ничего не сделала: она не умерла от тоски и даже на свадьбу не поехала.

И вдруг пришло письмо от Каира.

Он и раньше ей писал часто, но это письмо было особенное: Каир рассказывал ей о женитьбе Ораза, а под конец написал:

«Вот и успокоился человек, подобрал себе, наконец, подругу, долго он искал ее, ошибался, сам путался, других путал и, наконец, все-таки успокоился. Теперь ему на всех нас наплевать, и никто ему больше не указ. Указ ему моя сестра Ажар — вот и все. Что ж? Дай бог! Пожелаем же и друг другу такого счастья».

«И правильно, — подумала Дамеш, — недаром же поют: «Кто ищет, тот всегда найдет». Грош цена такому мужчине, который при первом же недоразумении забывает все и бросается за спасением к первой попавшейся юбке! И отлично он сделал, что женился, все равно жиз-

ни у нас не было бы. Пора было кончать. Он это понял первый».

И однако старая любовь все-таки порой напоминала о себе, хотя со временем и она потускнела.

Вот так и случилось, что жили в душе Дамеш два образа. Как призовые всадники мчались они наперегонки к желанной цели, и ни тот и ни другой не желал сходить с поля. Но один был упорен и, кажется, твердо решил взять финиш, а другой сам отказался от состязания.

Шли годы. Дамеш после окончания института осталась в аппарате министерства и от приглашения Каира перейти на работу в Темиртау отказалась наотрез. Ведь на этом заводе работал Ораз, и встречаться с ним она не хотела.

Однажды Каир сам вылетел в Алма-Ату, и надо же было случиться так, что телеграмма, в которой он сообщал об этом, провалялась целые сутки на подзеркальнике нераспечатанная. Дамеш была в горах (в этот день их курс справлял пятилетие своего выпуска) и поэтому прочла ее только на следующий день. Она сейчас же позвонила в аэропорт, и ей ответили, что самолет из Караганды прибыл в Алма-Ату еще вчера вечером.

Тогда Дамеш стала обзванивать все гостиницы, и, наконец, в одной из них ей ответили, что Каир действительно прибыл вчера и занял номер «люкс».

Вечером она надела новое платье, бусы, недавно купленные ею в ювелирном магазине, и пошла в гостиницу. Коридорная сказала ей, что Каир у себя в номере. Дамеш нашла номер и постучала, ей не ответили, она толкнула дверь, та сразу распахнулась. Дамеш увидела стол, уставленный бутылками и коробками консервов, посредине его в хрустальной вазе — целый куст георгинов. Каир без пиджака — пиджак висел на спинке кресла, — высокий, улыбающийся, в белоснежной рубашке с распахнутым воротом, сидел рядом с полной волоокой блондинкой и о чем-то оживленно ей рассказывал.

Когда отворилась дверь, наступила минутная пауза. Каир так и застыл с полуоткрытым ртом и протянутой рукой. Это длилось несколько секунд, потом Дамеш покраснела и выбежала вон. Она слышала, как Каир что-то крикнул, как зазвенели тарелки, как быстро о чем-то заговорила блондинка, но она не могла ничего понять и только бежала по лестнице.

Каир догнал ее уже на улице, схватил за руку и стал горячо убеждать в чем-то, но она с побледневшим от волнения и злости лицом на все его слова отвечала только одно:

— Пусти меня, пожалуйста, я пойду домой, пусти!

И об этом «пусти» разбились все усилия и уговоры Каира. Несколько раз потом он звонил ей, пытался объяснить, но она, услышав его голос, сразу же бросала трубку. Он писал ей письма, она не отвечала. Он обращался за помощью к общим знакомым, но при первом же упоминании его имени она сразу переводила разговор на другую тему. Сама она с этого дня сильно переменялась: сделалась замкнутой, молчаливой, необщительной. Никто ей теперь не покупал билеты в кино, никто не провожал домой. Все попытки завязать с ней знакомство оканчивались ничем. И даже тот джигит, кто нравился ей больше других, молодой красивый оперный артист, герой Отечественной войны,— и тот не смог добиться успеха, после первого же серьезного разговора они расстались.

А Каир между тем все писал и писал. Сначала горячо и страстно, ожидая ответа, потом без всякой надежды на ответ. Присылал открытки, присылал большие, пухлые конверты... И Дамеш стала понемногу оттаивать.

«Ну, значит, действительно любит,— думала она,— значит не так, как Ораз».

И когда, уже после ликвидации министерства, Каир снова — в который уже раз — повторил свое приглашение приехать в Темиртау, она подумала и согласилась. Память об Оразе в ту пору перестала тревожить ее, а постоянство Каира трогало все больше и больше. Подумать только, пять лет прошло после первой их встречи, а он помнит ее, ждет, не хочет жениться. Ну что ж, пусть ждет, может, и дождет... Только она ему ничего не обещает, ей и самой еще не все ясно, ей еще во всем надо разобраться и обо всем подумать.

На другой день Дамеш встала с рассветом. Сегодня к ней в цех придут школьники на экскурсию, и надо подумать о том, что она скажет ребятам. Ведь многие из них никогда не были на заводе и даже не знают толком, что такое сталь. Значит, отсюда и надо начинать. Дамеш

взяла карандаш, открыла тетрадь и начала писать: «Сталью называется сплав железа и углерода». Ей хотелось, чтобы ребята почувствовали, что же такое сталь, и она продолжала писать: «Был век каменный, медный, бронзовый, железный. Наше время, безусловно, может быть названо стальным веком. Попробуйте изъять сталь из жизни страны, и сразу остановится все: замолчат телефоны и телеграфы, остановятся заводы, железные дороги превратятся в простые насыпи глины и песка. Даже пуговицу пришить и то будет нечем».

Дамеш писала долго и старательно, но вдруг она положила ручку и задумалась. Как объяснить ребятам сложное устройство мартена, механизм варки стали? Может быть, объяснить только самое главное?

Вдруг зазвонил телефон. Дамеш взяла трубку и услышала голос Серегина.

— Слушай, что там случилось с Оразом? — спросил он озабоченно. — Он что, болен?... Я сейчас говорил со сменным мастером... Так он мне...

Серегин был в самом деле сильно встревожен. Утром ему позвонил первый секретарь горкома Базаров и попросил срочно зайти.

По его тону Серегин понял, что речь пойдет о заседании партбюро.

«Плохо! Значит, успели дойти до горкома какие-то слухи».

— Ну, так кого же из вас Сагатова объявила консерватором? — спросил секретарь, расхаживая по кабинету. — И как вообще вы допускаете навешивание этих ярлыков?

«Может быть, Муслим пожаловался», — подумал Серегин.

Он никак не мог понять, чего добивался главный инженер, и даже больше того, — что за человек этот главный инженер? С одной стороны, он, конечно, ценный работник, об этом говорит и опыт его, и стаж, и послужной список, и анкета. В свое время работал на самых высоких республиканских постах и имеет, кажется, награды. У него прекрасно подвешен язык, и, когда он выступает на собрании и громит кого-нибудь, с его доводами трудно не согласиться.

Но откуда при этом вечная настороженность, постоянная подозрительность — это «как бы чего не вышло», манера тянуть, медлить, ни о чем не говорить прямо. Привычка никому не верить и всегда перестраховываться, — до чего же это все-таки неприятно.

Говорят еще, что он сплетник, хвастун, что он дня не может прожить без интриги, что он всем завидует. Против Сагатовой он вообще настроен очень скверно. Когда она еще была в Ялте, он, прочитав статью в «Советской Караганде», сказал ему, Серегину: «От этих новаторов шуму сколько угодно, а толку ни на грош — одна трескотня! Думают выдвинуться, а нечем, ни таланта, ни ума нет. Они и наводят тень на ясный день».

Обо всем этом и думал сейчас Серегин, слушая первого секретаря горкома.

— Как же, — продолжал Базаров, — ты собираешься все-таки реагировать на статью в газете или будешь отмалчиваться? Имей в виду, это не выйдет! Объясни, например, что заставило тебя присоединиться к соглашательскому предложению директора законсервировать проект Сагатовой, и почему ты не поддержал другое предложение — включить его в план завода? У тебя были какие-то основания воздержаться или просто не хотел связываться?!

Серегин пожал плечами.

— Вас неправильно информировали, — сказал он сдержанно, — отклонять проект никто не предлагал. Говорили только, что проект Сагатовой нуждается в уточнении, что ломать все производственные процессы завода мы не можем, торопливость в этом вопросе, — говорилось на совещании, — совершенно неуместна, можно только сорвать производственный план. Все эти соображения и заставили нас, конечно, призадуматься.

Базаров хмуро выслушал Серегина и сразу же перешел в атаку.

— А по-моему, дело не в этих выступлениях, — сказал он. — По-моему, вот эта ваша нерешительность ни то ни сё, ни два ни полтора потому, что вы плохо подготовились. Собрать-то людей вы собрали, а что же перед вами — ценный ли проект, или малограмотное прожектерство — так и не поняли. Просто надо было сначала подготовиться, а потом ставить на обсуждение. Виноват в этом опять-таки парторг, он не первый год на заводе, должен

был бы, кажется, знать, что вопросы на бюро ставятся для того, чтобы их решать, а не перекидывать, как мячик, с собрания на собрание. И главное, нашли в чем проявлять свою нерешительность. В вопросе о новой технике! И это сейчас, когда речь идет о технике коммунизма! Сагатову надо было или поддержать, или поставить на ее предложении крест. А от нее просто отмахнулись, как от надоедливой мухи.

Базаров говорил спокойно, не торопясь, обдумывая каждую фразу. На прощание, провожая парторга до двери, он прибавил:

— И еще одно: обрати внимание на бригаду коммунистического труда, она у тебя хромает на все четыре ноги. Даже и не поймешь, что там творится.

«Вот в этом он, наконец, прав»,— подумал Серегин.

Прямо из горкома он пошел в мартеновский цех. Там встретил сменного мастера Кумысбека Даирова, увел его в свой кабинет, усадил на диван и сам сел напротив.

— Куришь? Угощайся,— сказал он, протягивая мастеру пачку папирос и спички.— Слушай, Ораз в твоей смене работает?

Кумысбек затаился и ответил:

— В моей! Только я его редко что-то стал видеть. Вчера, например, его на заводе совсем не было.

— Вот это номер! Как же это так? — изумился Серегин.

— Да вот, говорит, заболел. Конечно, заболеть недолго, это каждый может,— усмехнулся мастер,— но тут вот какое дело: бригада его стала плохо работать, как бы не пришлось нам на ней, как на передовой, крест поставить.

— То есть как же это крест! — воскликнул Серегин.

— Да вот так. Очень просто! И вам надо бы с Оразом хорошенько без свидетелей, один на один поговорить,— сказал мастер.— Что-то он скрывает... Ну, а потом и бригада не в порядке у него.

— Почему не в порядке?

— Да так, людей нужно подбирать человека к человеку, а он собрал, как говорят, с бору по сосенке и сколотил бригаду, а многие и работать не умеют. Как варится сталь, и то не все знают.

— Как же это? — спросил Серегин.— Как же так не знают? Ты думаешь, что говоришь? Герой Труда, а брига-

да его не знает, как сталь варить... Что же она тогда вообще знает? Как он тогда работает с ними?

— Ну, конечно,— подхватил Кумысбек,— герой, герой... Только это он от вас и слышит... Поэтому все и пошло.

— Что пошло?

— Да все пошло. То пошло, что его бригада норму не выполняет. Почему не выполняет? Как так случилось, что она с доски слетела?

— Вот я тебя и спрашиваю: почему?

— А я и отвечаю на это... Зазнался ваш герой, перестал за своей бригадой следить, набрал шайтанов, они так и работают.

Проводив мастера, Серегин долго еще сидел за столом, рисовал на бумаге квадратик за квадратиком и думал.

В самом деле, что же такое происходит? Почему лучшая бригада сначала сделалась рядовой, а теперь тянет в отстающие! В чем тут дело? Вот старый сталевар Иван Иванович любит говорить: печь что человек, у нее тоже свой характер, иногда работает, засучив рукава, а иногда вдруг закапризничает, и ничего тогда ты с ней не делаешь.

«Все это верно,— подумал Серегин, рассеянно смотря в окно на ночной город.— Очень даже верно, не только у человека, но и у печи есть характер. Так что же говорить о целой бригаде? И все-таки с бригадиром что-то творится, надо только узнать что. Сагатовой разве позвонить? Они ведь в одной квартире живут, братом и сестрой считаются!»

Самый лучший месяц в степях Центрального Казахстана — июнь. Куда ни взглянешь, всюду безбрежное море ковыля, солнечные зайчики пробегают по его волнам. Пройдешь по холмам и ложбинам, взберешься на курганы, смотришь и думаешь: никогда не кончался бы этот прохладный душистый вечер и не наступила ночь.

Такое чувство испытала Дамеш, когда ездила в командировку в один из далеких степных совхозов. Сегодня она вспомнила эту поездку и почувствовала вдруг аромат степи. Да, завтра выходной, и, значит, сегодня можно лечь спать позднее. Но куда же пойти? В кино билетов

уже, конечно, нет, а в парк просто не с кем идти. А степь далеко за городом, да и поздно! И читать тоже не хочется, книга, взятая вчера в библиотеке, так и лежит нераскрытая.

Зазвонил телефон, и очень знакомый голос попросил позвать инженера Сагатову.

Она улыбнулась: Каир ее не узнал,— значит, быть ей богатой.

— Я слушаю,— сказала она.— В чем дело?

— Это ты? — обрадовался Каир.— Смотри-ка, не узнал... Ты не спала?

— Да нет, конечно. А что? Опять хочешь пригласить меня в горы? Не пойду! И так потом хромала целую неделю.

Каир, как будто не расслышав ее последних слов, оживленно заговорил:

— Как раз угадала, хочу пригласить тебя, но только не в горы.

— Уже легче. Куда же?

— В театр. Из Алма-Аты в Караганду приехал Серкебаев. Сегодня его концерт. Ты ведь завтра выходная?

— И это ты знаешь. Откуда же?

— На то я и директор, дорогая! — ответил он.— Как твоё настроение? Пойдем? Бери с собой Ораза и Ажар.

— А успеем? Сейчас уже шесть часов.

— Не беспокойся, успеем. Билеты у меня в кармане. Значит, я жду. Да? — и Каир опустил трубку.

Когда Дамеш отошла от телефона, то увидела — в дверях стоял Ораз и смотрел на нее.

— Ты знаешь,— сказала она ему весело,— наш директор разгулялся. Пригласил нас всех: тебя, меня и Ажар — в театр на Серкебаева. Иди скажи жене, чтоб одевалась, а то опоздаем.

Она пошла в свою комнату, встала перед зеркалом и распустила волосы. И всегда-то с ними возня, на ночь косы надо переплетать, утром возиться с прической, а на это уходит добрый час. И срезать косы жалко.

Дамеш не скрывала, что любит одеваться и интересуется своей внешностью. Нельзя сказать, что она была занята одной только работой. Она и в театр часто ходила, ни одной премьеры не пропускала. Стол Дамеш всегда был завален газетами и журналами, в шкафу не хватало места для книг. Но музыку она, пожалуй, любила больше

всего. И сама неплохо пела. Да, не забыть бы, во вторник — очередная лекция в университете культуры... Однако какое же платье надеть сегодня?

И вдруг до нее донесся громкий и резкий голос Ажар: — А я тебе говорю, что никуда не пойду.

И сейчас же вслед за этим раздался быстрый, умоляющий шепот Ораза:

— Тише, ради бога... Перед Дамеш неудобно.. Уйдем отсюда!

— Пусти мою руку! — яростно крикнула Ажар, и стало слышно, как вслед за тем хлопнула дверь. Видимо, она выскочила в другую комнату. Потом наступило затишье.

«Да что с ней такое? — подумала Дамеш. — Никогда они так не разговаривали, поругались, что ли?»

И вдруг Ажар закричала во весь голос:

— А я тебе говорю, мне дела нет, сестра она тебе или кто? Зовет она тебя? Да? Иди! Иди, куда хочешь, а меня, пожалуйста, не трогай! Отстань! Слышишь, я тебе говорю, отстань. Из-за этой дряни...

Послышался тяжелый удар и дребезжание стекла. Это Ораз ахнул кулаком по столу.

— Сейчас же замолчи! — рявкнул он.

— Что? — зашипела Ажар. — Перед кем я буду молчать? Перед ней? Молчать? Перед ней я молчать не буду! Понял? Если она идет, то я не иду. Ясно? Ну вот и все!

А Дамеш дошла до кровати, села на нее и схватилась за голову. Подумать только, ведь ревнует! По-настоящему ревнует, ах ты...!

Она встала, подошла к шкафу и, уже не раздумывая, достала черное платье и надела его. «Ах, Ажар, Ажар, до чего же ты дошла, однако, — думала она. — А ведь было время, когда мы делились с тобой каждым куском, и была у нас с тобой одна подушка. Я любила тебя и прощала тебе все. Вспомни, как ты воспользовалась моим отсутствием и женила на себе моего Ораза, — слышишь ты, моего! Я и тогда не написала тебе дурного слова. Сумела все пережить молча... Так что же сейчас ты показываешь свой дурной характер... Разве я даю тебе основание для ревности, рассчитываю на что-нибудь? Твоему сыну уже четыре года, как же я могу разбить семью?»

В дверь постучались. Вошел Каир. На нем был костюм из синего бостона, белая накрахмаленная рубашка

и на ногах легкие желтые туфли. Дамеш, смеясь, подала ему руку.

— Пойдем! Пора!

По дороге к ним присоединился Ораз.

Когда они втроем, под руку, весело смеясь и разговаривая, подошли к театру, то у входа увидели Ажар. Она стояла и поджидала их. Оказывается, она раздумала и все-таки пришла. Ажар молча подошла к мужу, взяла его за руку и оттащила в сторону. Дамеш пожалала плечами и прошла вперед.

Концерт начался с арии Фигаро. Голос Серкебаева был гибок, красив, огромен. Все сидели как замороженные. Служебные неприятности, домашние распри — все было позабыто. Каир взял билеты в ложу. Ораз и Ажар сидели впереди, Каир и Дамеш — сзади. Ораз не спускал глаз со сцены, он ведь никогда не слышал этого артиста. Вдруг Дамеш положила ему руку на плечо. Он повернулся было к ней, но в это время Ажар так толкнула мужа, что тот резко откинулся назад и ударил привставшую было Дамеш головой по подбородку.

И тут Дамеш охватило такое негодование, такой гнев, что она даже покраснела и, еле владея собой, сказала громко, так громко, что на нее оглянулись сидящие в соседней ложе люди:

— Ораз!

Тот сразу же повернулся к ней.

— Я хотела сказать, ты знаешь,—начала она и что-то зашептала ему на ухо.

— Что? — спросил он. — Я не слышу.

Она громко засмеялась и спросила опять:

— А ты ее знаешь?

— Да кого? Кого? — удивился Ораз. — Про кого ты говоришь?

Дамеш махнула рукой.

— Ладно, потом, потом... А то попадет тебе... Вон какие у нее глаза!

Это она сказала намеренно громко, так, чтобы ее услышала Ажар.

Тогда Ажар молча встала и пошла к выходу.

— Стой, куда ты? — прохрипел ей вслед Каир.

Она, отмахнувшись от него и, с трудом подавляя рыдания, выскочила на лестницу. Вслед за ней хотел подняться и Ораз, но Дамеш не пустила его.

— Не ходи за ней... Сиди! — сказала она властно. И он остался.

Каир, сидевший за ними, видел и понял все. Он встал и вышел вслед за сестрой.

Она сидела в буфете и плакала.

Каир подошел.

— Ну и дура, — сказал он резко. — Она шутит, а ты злишься! Злись, злись, на сердитых воду возят. Она тебя еще не до этого доведет!

Он прошел к стойке и заказал бутылку пива.

ВТОРАЯ ЧАСТЬ

Глава первая

«К черту все...»

Ораз лежал на спине, заложив руки за голову. Ружье и сумка валялись рядом в высокой болотной траве, а он слушал, как шумит лес, смотрел на облака и угадывал, на что они похожи. Вот то облако, например, высокое, совершенно белое, ни дать ни взять снежная баба, а вот маленький серый клочок, мягкий и пушистый, — это, конечно, заяц, в которого он так позорно промазал сегодня. И то сказать охотник! Бродил с двустволкой целый день, а домой придет пустой. Вот уж посмеется дед Курьшпай!

Ораз сорвал сочный темно-зеленый стебель, пожевал его и сплюнул. У стебля такой терпкий кислый вкус, что от него свело челюсти. Потом он сорвал другую травинку и задумчиво начал грызть ее.

Вот уже месяц, как он плохо спит, мешают мысли. А старики говорят еще, что нынешняя молодежь легкомысленная и бездумная, что она не способна ни к раздумью, ни к переживаниям...

...Ажар, когда он возвратился из театра, встретила его неистовым криком:

— Убирайся сейчас же откуда пришел! Слышишь?

И, не ожидая ответа, бросилась на кровать и вся затряслась от рыданий. Так всю ночь она и пролежала, уткнувшись лицом в стену.

Утром Ораз встал как побитый. Весь день в цехе работа у него буквально валилась из рук. И это повторялось изо дня в день. Появилась какая-то непонятная рассеянность, он не мог ни на чем сосредоточиться.

По заводу пошли гулять слухи. Кто говорил серьезно, кто с усмешкой, кто шепотом, кто на полный голос:

— А наш-то Ораз звание Героя получил прямо, можно сказать, по знакомству. Директор-то — родной брат его жены, вот он ему и колдует.

— Да,— отвечали другие,— но видно плохо колдует! Бригада вот уж год как в прорыве. Так и не получила звания коммунистической.

— Да и не получит никогда, оно, считай, уже в руках Тухфатулина.

Конечно, на каждый роток не накинешь платок. На эти слухи и пересуды Ораз не обращал внимания, но все-таки, что и говорить, неприятно, тем более, что какое-то зерно истины в этих упреках есть. Все-таки есть... По крайней мере хоть одно упущение он допустил. Звание Героя он получил за один-единственный поступок. Сумел организовать в сверхурочное время ремонт мартена — и печь заработала на месяц раньше, чем это предусматривалось планом. Завод получил внеплановую сталь. Этого никто не ожидал. Качество стали оказалось высоким, брака не было. Вот за это и присвоили ему звание Героя Труда. А дальше все пошло не так...

Звание Героя обязывает к дальнейшим делам, а их нет, он достиг высоты, а потом стал отставать и, наконец, выпустил из рук инициативу и поплелся чуть не в хвосте. Но ведь нужно разобраться в том, что случилось: узнать, почему он не выходит на первое место... Разве он не делает сейчас все от него зависящее? То, что приписывают ему завистники, клевета, ложь! Нет, Ораз еще скажет свое слово. Он не из тех, кто берет что-то у жизни рывком. Он, например, мечтает разработать новый способ скоростной плавки стали, внедрить его в производство. Для этого вовсе не нужно создавать какие-то новые бригады, объявлять авралы,— нужно только спокойно работать. Он опередит своих соперников в совершенно

равных с ними условиях. И пусть пока болтают, что хотят мастера, подобные Кумысбеку. Пусть они говорят шепотком, что угодно (громко-то неудобно: ведь Ораз — друг Кумысбека). Пусть... Ораза от этого не убудет и не прибудет. Он, правда, не имеет звания мастера, но весь технологический процесс он знает на зубок! Да! Сейчас они — он и Кумысбек — оба равны, оба варят сталь по одним и тем же штампованным, переписываемым из года в год инструкциям. Но Кумысбек полностью вмещается в рамку инструкции и чувствует себя в ней преотлично, а вот Ораз уже точно знает, как и какие изменения следует внести и в нее, и в процесс варки. Но только пока это секрет. Он не хочет прослыть фантазером. Ему надо еще думать и думать, а для этого нужно спокойствие. Но именно спокойствия у него нет и в помине.

Вот почему скандалы, которые устраивает Ажар, он воспринимает особенно болезненно. Но бог с ней, пусть ругает, как хочет, только бы не касалась Дамеш... Ах, сестра моя Дамеш, на тебя всегда посмотреть приятно! Все-то у тебя хорошо: улыбка, манера говорить, голос, самые слова, которые ты произносишь. Я тебя вижу только урывками, но что правда, то правда — помани ты меня, и я сейчас же пойду за тобой куда угодно. Но это все только мечты. Ты не позовешь меня, Дамеш! То, что могло быть пять лет тому назад, сейчас уже ушло безвозвратно. Тогда ты любила меня, теперь ты чужая. А кто виноват, что так случилось? Я — Ораз? Он — Каир? Ты — Дамеш? Тут ничего не поймешь и не поделаешь!

Стая уток вдруг с криком взлетела с небольшого болотца, где-то совсем рядом около него.

Ораз схватил ружье, но оно оказалось незаряженным. Он сердито плюнул, зарядил ружье, повесил через плечо и зашагал к берегу. Настроение было испорчено. Все-таки, что ни говори, а чертовски неприятно возвращаться с пустыми руками, опять отец будет смеяться. Хотя бы найти подранка — ведь он стрелял несколько раз в пролетающие стаи и, наверно, хоть раз да попал. Во всяком случае, сейчас нужна осторожность, иначе он упустит и этот свой последний шанс.

Пригибаясь к кустам, он добрался до берега и увидел: шагов за сто от него плавают стая уток, плавают медленно, чинно, одна к одной, так, как будто все они нанизаны на одну нитку, впереди — красавец селезень с фиолето-

вым зеркальцем на крыле: У Ораза замерло сердце, и он не помнил, как поднялся во весь рост, прицелился и выстрелил. Дробь угодила в самую середину нитки. Послышался тревожный свист крыльев, стая поднялась и понеслась над озером. На поверхности осталась одна птица, которая билась в предсмертных судорогах. И только Ораз успел добежать до лодки и сесть за весла, как рядом с ним с шумом — одна, другая! — упали две утки! Победа! Две утки... Это уже чего-то стоит. Ох, если бы и в жизни везло Оразу так же. Но куда там! Он неудачник, у него нет верного глазомера на счастье... Есть люди, у которых верный глаз. Во все мишени они попадают без промаха, никогда не уходят с пустыми руками. Это счастливы, им всегда везет. Он не такой, института не окончил, от Дамеш уехал, звание Героя, завоеванное с таким трудом, вот-вот выскользнет из его рук. Друзья смеются, недруги радуются... Какой же он счастливец...

Курышпай сидел во дворе под карагачем и злился. Он видел, как по улице шагал Ораз, — за спиной у него ружье, на поясе висели две утки; сын шел медленно, не торопясь, не думая о том, что сейчас уже два часа, а в три ему надо быть на заводе. О чем, собственно, он думает? Не до завода ему! Каждый день ругается с женой, каждый день она в слезах, а в чем дело, не поймешь: оба молчат... Может быть, просто надоела она ему? Все время была хорошей, а потом сразу сделалась плохой... И такое бывает у нынешней молодежи.

Курышпай не сводил глаз с сына. Раньше он легко читал все его мысли, а сейчас все для него — загадка. Старика это так тревожило, что он часто в уме прикидывал, — а не бросить ли ему все и не уехать ли к старшему сыну в Семиречье? Тот слал ему письмо за письмом. «И на шайтан тебе сдалась эта пустая вымерзшая степь? — писал сын. — Родные тебя ждут, возвратись к себе на родину, пусть родной Узун-Агач увидит тебя снова на склоне твоих лет, как он видел твою молодость». Все это так, но Курышпай, сколько бы ни рвался, не может уехать отсюда никуда. И сына жалко оставлять, и к внуку привязался. А самое главное — завод. Многие годы он вдыхал жар его печей, завод окуривал его дымом, гарью, ослеплял огневыми фонтанами и, наконец, так прирос к его душе, что, если Курышпай день не побывает там, не поговорит с друзьями, ему и кусок хлеба в рот не ползет.

— Папа, папа идет! — крикнул Курышпай и толкнул вперед Булата. — Иди, встречай.

Мальчик радостно побежал навстречу отцу, но Ораз не поцеловал его, не поднял на руки, как обычно. Он сунул ему утку и сказал:

— Это тебе.

Не обращая внимания на отца, пошел в дом.

«Великий аллах, что с ним такое приключилось? — думал старик. — Он и на сына глядеть не хочет! И все хмурится, как осеннее небо. Нет, надо все-таки пойти посмотреть...»

Старик уже поднялся со скамейки, но вдруг со стороны улицы ему крикнули:

— Вам телеграмма-молния, распишитесь.

Он поглядел: за забором стояла девочка-почтальон и протягивала ему телеграмму. Он распечатал, прочел ее и засмеялся от радости: «Выезжаю Аскар».

Кто говорит, что воскрешения из мертвых не бывает? Что мертвые — мертвы навеки? Вот только что произошло перед его глазами чудо воскрешения! Даже не перескажешь, пожалуй, через какие муки прошел этот парень — тот самый, который сообщает о своем выезде. От целого рода уцелело только двое. Он и его племянница — Дамеш.

...Курышпай зашел в дом, повесил на крючок войлочную шляпу, которую надевал всегда, когда хоть на минуту выходил из дому, и осторожно заглянул в комнату Дамеш.

Дочка сидела за столом, перед ней были чертежи, она смотрела на них и думала. Только сейчас Курышпай заметил, как она изменилась — осунулась, побледнела, глаза запали. Она увидела старика и улыбнулась.

Он подошел, положил ей руку на плечо.

— Дедушка, — сказала Дамеш, — вот посмотрите. Это чертеж того, что происходит в мартене в момент выдачи стали. Разбираетесь в чертеже?

— Отлично, доченька, — сказал старик, ласково глядя на нее. — Ну-ну?

— Так вот, — продолжала она, — быстрота выплавки стали, как мы говорим, прямо пропорциональна температуре печи, то есть чем печь горячее, тем выплавка быстрее... Тут и объяснять нечего... Но слушайте дальше. Чтобы разогреть печь до нужной температуры, обычно

сжигаем газ. Но, как вы знаете, газ горит очень хорошо, жарким синим пламенем, и все же сталь плавится за восемь-девять часов, но ведь это очень большой срок, девять часов — полторы смены. Так вот что я надумала. Чтобы выиграть время, надо продувать печь не просто сжатым воздухом, а смесью воздуха и пара.

— Это зачем же? — спросил Курышпай. — Ведь пар — вода, а вода — огонь гасит.

— Так ведь то вода гасит, а не пар... — сказала Дамеш. — Одним словом, времени мы сэкономим много. Сталь я выдам сперва за семь, а потом и за шесть часов, то есть сэкономлю два часа! Представляете, что это даст заводу? Каир говорит, что для испытания нового способа надо много денег, придется построить, говорит он, совершенно новое компрессорное оборудование, а я вот подсчитала и вышло, что хотя и придется раз потратиться, но все затраты будут возвращены заводу через один-два месяца.

Дамеш поднялась с места и в волнении прошла по комнате.

Старик задумчиво покачал головой.

— Не знаю, что тебе и сказать. Давать сталь за шесть часов — это, конечно, большое дело. И ты говоришь, Каир жметесь? Боятся затрат?

Дамеш пожала плечами.

— Да его не поймешь, не говорит ни да ни нет. Его Мусеке настраивает.

Курышпай достал из кармана трубку, кисет, раскрыл его и вынул оттуда щепотку табака.

— Не знаю, — повторил он снова, набивая трубку желтыми заскорузлыми пальцами. — Право, не знаю! Без Мусеке Каир шагу не шагнет. Это, конечно, так!

Он закурил.

— А сейчас как с твоим проектом?

— Сейчас они передали все материалы в технический отдел.

— Там ведь Платон Сидорович сидит? — покачал головой старик. — Хороший человек, безобидный! — И Курышпай глубоко затянулся.

— В том-то и дело, — рассмеялась Дамеш, — что уж слишком безобидный! Такой безобидный, что без Мусеке тоже шагу не шагнет. Что тот ему скажет, то он и будет делать.

Неожиданно Курышпай встал с места и полез в карман.

— А я тебе подарок принес,— сказал он и протянул телеграмму.

Дамеш взглянула на нее, ахнула и бросилась старику на шею.

— Дядя едет! Боже мой, какая радость,— повторяла она, целуя старика то в голову, то в шею.

— Вот тебе и радость,— сказал Курышпай поучительно.— Всегда меня слушай. А хотела туда ехать сама! Я же сказал, пошли деньги и жди. Он сам к тебе придет. Видишь, так оно и вышло.

Действительно, так оно и вышло. Врач Аскар Сагатов возвращался на родину.

Дамеш думала об этом и днем дома, и на заводе во время ночной смены.

Ночью ее воображение и память всегда работали особенно обостренно. Она слабо помнила лицо дяди. Правда, когда смотрела на желтую выцветшую карточку с потрепанными краями, что хранилась у Курышпая, что-то всплывало в ее памяти, но только она отходила от фотографии, все пропадало снова.

На большой групповой фотографии сняты были делегаты краевой партийной конференции 1929 года. Отец и мать в центре. Фотография скверная, тусклая, но все-таки можно разобрать, что у отца продолговатое лицо, густые брови, сросшиеся на переносице, и прямой нос. Две глубокие кривые складки легли у рта. Лицо смуглое, очевидно, сильно загорелое, худое. Вот таким Дамеш и представляет лицо дяди, ведь это их наследственные черты — густые сросшиеся брови, прямой нос и продолговатый овал лица. Нос у Дамеш тоже очень прямой, а брови хотя и не срастаются на переносице, но тоже густые и черные. Она помнила, как дядя Аскар разглаживал пальцами ее брови и приговаривал:

— Единственная радость ты моя! Метисочка ты моя хорошая,— и целовал ее то в лоб, то в щеку, то в брови.

И вот в один прекрасный день дядя пропал, как в воду канул. Однажды, когда Дамеш с коньками под мышкой бежала на озеро, ей встретилась врач Айша Байжанова (тогда еще Байжанова, за Муслима она вышла

позднее) и подозвала ее к себе. Дамеш подбежала. Айша обняла ее за плечи и сказала тихо и печально:

— Дамеш, ты мужественная девочка! Сегодня арестовали твоего дядю. Его взяли прямо из амбулатории. Я встретила его в коридоре. Он велел тебе передать, чтобы ты была умницей, не плакала и не убивалась. Скоро все выяснится.

В тот год стояла суровая зима. На следующее же утро Дамеш оделась потеплее — черную доху с большим воротником и красную шапочку-ушанку — и пошла в тюрьму с передачей. Она знала, ждать придется долго, может быть, до вечера. Так оно и случилось. Час проходил за часом, а она все стояла и стояла. Люди приходили и уходили, а с ней никто не хотел разговаривать. Несколькими раз она стучалась в комендантское окошечко, но каждый раз ей отвечали:

— Подождите, вас вызовут.

Вызвали ее только вечером. Сутулый рослый казах с воспаленными глазами перевернул все, что было в ее сумке, ощупал по складкам белье, наконец все скомкал и засунул снова в сумку. Взял же он для передачи только табак и спички.

— Больше ничего не полагается, можешь идти, — приказал он.

Этого казаха — горбоносого, красноглазого с серым усталым лицом — Дамеш запомнила на всю жизнь. Недавно она встретила его на улице и остановилась пораженная. На нем было старенькое подержанное пальто, разбитые ботинки и старая порыжевшая мягкая шляпа. Потом ей рассказали: горбоносый живет на пенсии, работал одно время завхозом, но и там не удержался.

Очень трудно было Дамеш жить в те годы. Поэтому она хорошо помнила всех, кто проявлял к ней внимание. Среди них всегда была Айша. При встречах она подзывала ее и спрашивала о дяде — не пишет ли, не слышно ли о нем что. При этом глаза ее глядели просто и печально. Она гладила Дамеш по голове и говорила:

— Ничего, все как-нибудь устроится.

Ее участие трогало Дамеш до слез, она всегда думала об Айше с любовью и нежностью. Все в Айше нравилось ей: и то, как она одевается, как говорит, как ведет себя с окружающими. Со всеми-то она ласкова, ко всем-то она внимательна, никогда никто не услышит от нее рез-

кого слова. Однажды Дамеш увидела во Дворце культуры Айшу и поняла, как она красива. В платье из вишневого панбархата, с серебряной сумочкой в руках — статная, стройная, черноволосая Айша выглядела настоящей красавицей.

Дамеш очень хотела подойти к ней, но не решилась. Держа под руку Айшу, шел какой-то незнакомый, щегольски одетый мужчина, уже седой и лысый. Потом Дамеш узнала: это Муслим Мусин. Айша в этот день даже не заметила Дамеш.

В цехе было душно и жарко. Дамеш вышла во двор. Прохладная ясная ночь. Луна казалась насквозь прозрачной, звезды большие и ясные. Вот в такую ночь плыть бы да плыть с кем-нибудь в лодке по Самаркандскому озеру, положить руку на плечо спутника, закрыть глаза и ни о чем не думать! Только пусть спутником ее будет не Каир. Нет-нет, только не Каир. Этого она не хочет. А почему? — спросила она сама себя. — Почему она не хочет быть с Каиром? Разве ей плохо с ним? Разве он не был нежен и внимателен?

Во дворе к ней подошел Ораз.

— Дамеш, — сказал он озабоченно, — сталь все еще не готова. Что ж будем делать?

Дамеш покачала головой и улыбнулась.

— Ну что же, не лезть же мне самой в мартен, — сказала она. — Я же давно говорю, что надо ускорить плавку стали.

Они подошли к печи. Дамеш надела синие очки и заглянула внутрь. Жар, который шел от печи, был совершенно нестерпим. Если не знаешь, как подойти, то можно и волосы себе сжечь, и костюм опалить.

— Смотри, смотри, — сказал Ораз. — Сталь пенится, по ней пошли синие пятна.

— Она еще не сварилась, — сказала Дамеш, — в этом и все дело.

— Это я и так вижу, — поморщился Ораз. — Она должна бурлить, как курт в казане.

Дамеш все глядела в топку.

— Мало ты даешь стали, — сказала она вдруг, — это совершенно ясно.

Ораз с досадой махнул рукой.

— Старая песня, каждый день ее мне поет Серегин. Как будто я не стараюсь... Этот хваленый Тухфатулин, на много он меня обогнал? А ведь у него какая печь! Вот уж правильно говорят: кто вылез вперед, тот и берет. Неправильно это... Все должны работать в равных условиях. Я тебе вот что скажу: операции нужно по возможности совмещать друг с другом. У нас еще очень много непроезжих промежутков — надо их ужать до минимума. Так?

Дамеш покачала головой.

— Что ж ты хочешь предложить?

Ораз постоял, поколебался, подумал.

— Вот что надо, — сказал он наконец. — Надо, не дожидаясь конца спуска шихты, сразу же готовить печь для новой загрузки. Ведь она у нас освобождается постепенно, да? Ну вот и надо все свободные места сразу же засыпать магнетитовым порошком. И загрузку производить двумя машинами, а не одной. Вот это сэкономит много времени.

— Сколько же? — спросила Дамеш. — Это надо знать точнее.

— Этого я еще не знаю, — покачал головой Ораз. — Не прикидывал.

— Так вот подсчитай и тогда будем говорить. Ты не думай, вообще-то мне твоя идея нравится, — сказала Дамеш, — но в таких случаях всегда надо производить точные расчеты. А что старший инженер говорит?

— Ой! — Ораз быстро оглянулся. — Что ты, что ты? Если он узнает, все пропало.

— Почему?

— Да потому, что на смех подымет... Смотри, какую он склоку вокруг твоего предложения поднял! Корову какую-то придумал... Дети и те смеются. Нет, только чтобы Муслим не узнал. Если узнает, всему конец.

При упоминании о ее проекте, Дамеш почувствовала, что краснеет.

— Это все Каир мне устраивает. Все он, — сказала она раздраженно.

— Так обратилась бы в обком партии, — посоветовал Ораз.

Дамеш пожала плечами — на что же она будет жаловаться, если ответа от дирекции до сих пор еще нет? Ведь не отказывают же прямо, а тянут.

— Нет оснований,— сказала она вяло.

Ораз кивнул головой.

— Все это муслимовская работа, так он и дальше будет действовать. Ждет, чтобы тебе все опротивело и ты плюнула на все. Нет, так нельзя... Подожди, будет сессия областного Совета, я выступлю и скажу все. Тогда и Каиру достанется, дай только срок.

— Ну, если Каиру достанется, то Ажар и часа с тобой не будет. Только ты ее и видел тогда,— засмеялась Дамеш.— Знаешь, какая это дружная семья?

— Бог с ней,— сказал Ораз резко.— Все равно жизни мне нет.

Дамеш внимательно посмотрела на него, а он, заметив ее взгляд, отвернулся и крикнул:

— Гена, а ну скорей сюда! Будем снимать пробу! Скорей!

— Иду!

Гена взял ковш, насаженный на конец длинного железного прута, погрузил его в кипящую массу, осторожно зачерпнул и вылил в металлический стакан. Сталь стекала бурная, огненная, вся в искрах и вспышках. Гена подождал немного, потом, когда она застыла, ловко вышиб ее и бросил в холодную воду. Еще подождал немного и вытащил из воды уже застывший слиток. Расколол его молотком и показал в изломе. Потом протянул его Оразу.

— Держи!

Ораз взял остывший слиток, взвесил его, как взвешивают золото.

— Смотри, как переломилась,— говорил он,— словно я ее ножом отмахнул.

Дамеш взяла у него из рук слиток и тоже взвесила на ладони.

— Да, сталь первоклассная,— сказала она.— Сварена на совесть.

— Хоть в лабораторию посылай сейчас же,— гордо улыбнулся Ораз.

— Мы сами лаборатория,— задорно крикнул Гена.— Хороший сталевар и без микроскопа любой кусок видит насквозь.

Лицо у него было черное от сажи, великолепные зубы блестели, когда он улыбался.

— Сталь высшей марки,— подтвердил и Ораз.— Тут

уж не придерешься! А ведь все дело во времени. Сними пробу на тридцать минут раньше — и качество пропадет.

Дамеш вдруг оглянулась по сторонам.

— А Кумысбека тут нет? Ну-ка найдите его, ребята. Он, наверно, там, в нижнем пролете, где разливают сталь. Пошлите его ко мне. Покажем ему, какую мы сталь умеем варить. Впрочем, подождите, я сама!

Она пошла было вниз, но Ораз ее остановил.

— Ну куда ты пойдешь? — сказал он. — Качество нашей стали он и сам знает. Да и не за качество нас бьют, а за то, что варим медленно. Нам хоть бы час выиграть, и все заткнулись бы... Кажется, так мало и надо, а вот не получается!

— Мало? — спросила Дамеш. — Выиграть время, это, мой друг, значит выиграть все. Ибо все в мире измеряется только временем. Разве ты не понял этого?

После смены Дамеш сразу же пошла в душевую. Здесь, стоя под веселыми серебристыми струйками, она думала о том, как странно путаются все пути ее жизни, даже в чувствах своих она не может разобраться. Кого она любит? Незнакомца, которого ей еще предстоит встретить?

Дамеш улыбнулась: может быть, и незнакомца, все, в конце концов, может быть. Несмотря на путаницу, в голове у нее было очень легко и бездумно. Как будто теплая вода смыла вместе с пылью и тяжесть бессонной ночи, и все невеселые думы. Все-таки побеждала ее молодость. Сердце девушки учащенно билось. Она чувствовала все свое тело, упругое и легкое. И что там гадать? Он придет, этот незнакомец. Он обязательно придет! Придет и какой он ее найдет? — спросила она себя. Какой она ему покажется? Она ведь знает: в ее характере есть что-то такое, что может не только рассердить, но и оттолкнуть и даже разочаровать. Говорят, она гордячка, недоτροга, у нее скверный характер. Неужели это правда?

Она смотрела на бьющие отовсюду: сбоку, снизу, сверху — струйки воды, на хрустальный шатер, в котором стояла и отвечала сама себе.

Может быть, все может быть... Женщине больше идет покорность, мягкость, безобидная лукавость, а она ведь совсем не такая. Если бы она была с Оразом... Когда

Дамеш доходит до этого, мысли ее дwoятся. С одной стороны, ей ясно: не появишься в тот день неизвестно откуда и не встань между ними Каир — она стала бы женой Ораза. Это, конечно, так, но были бы они счастливы? Не разошлись бы они через год, чтоб больше никогда не встречаться? Кто знает? И так тоже могло быть... А сейчас она любит Ораза по-прежнему? Нет, больше прежнего. Разлука только укрепила ее любовь. Сделала ее снова яркой и цветущей. Но это тайна... Об этом знает только она. Кроме нее — никто.

Ораз подждал Дамеш у ворот завода. Он был очень рассержен и готовился выложить ей все, что накипело у него на душе. Пусть как хочет, так и понимает, пусть обидится, выругает его, прогонит, но он все равно скажет ей сегодня все, иначе ему жизнь будет не в жизнь. Он бредит во сне, его мучают кошмары, подчас он вообще не может заснуть. Когда она проходит мимо него, он краснеет, немеет и задыхается. Замечает ли она это? Аллах ее разберет! Она ведь хитрая!

И вот она шла с ним рядом, молчала, улыбалась чему-то своему и вдруг нагнулась и сорвала прямо с газона залитый луной, тяжелый от вечерней росы георгин.

— Тебе! — сказала она, улыбаясь.

Да ну же, ну же! — подхлестывал себя Ораз. — Будь смелее! Говори! Слова-то ведь не больно мудрые. Их повторяют все влюбленные.

«Дамешжан, я люблю тебя» — вот и все! Скорее! Вот уже и палисадник прошли! Ты опять не успеешь!

— Дамешжан, — сказал Ораз.

Уже подошли к дому.

У открытого окна столовой стояла женщина и смотрела на них. Лица не видно, в комнате тихо.

Дамеш поглядела на часы.

— О, уже половина второго, — сказала она. — Ажар тебя заждалась. Пошли.

Ораз вздохнул: и на этот раз ничего не вышло...

Дамеш пролетела мимо Ажар, веселая и улыбающаяся, и сразу зашла в свою комнату. Ажар поглядела на нее, поджала губы и остановилась перед Оразом.

— Зачем пришел? — спросила она зло и тихо. — Зачем, я тебя спрашиваю, пришел? Вон отсюда!

Ораз взглянул на нее с удивлением, повернулся и молча пошел в столовую. Она побежала за ним и крикнула:

— Вон из моего дома! Бери свою любовницу и проваливай с ней, куда хочешь.

Ораз растерялся и не нашел, что ответить. Он молча стоял перед ней, и в голове у него было только одно: ведь Дамеш все слышит, какими же глазами он будет на нее смотреть завтра. И вдруг его передернуло, на минуту ему показалось, что он видит перед собой не Ажар, а мать ее — свою злую, склочную тещу. Это развязало ему язык.

— А ну-ка, замолчи,— сказал он сурово.— Иди в свою комнату.

— Что? — взвизгнула Ажар.

И вдруг такая необузданная ярость обуяла его, что он даже затрясся. На столе стояли часы, небольшой металлический будильник. Он схватил его и с размаху бросил на пол.

— Замолчи-и-и! — крикнул он во все горло и сжал кулаки.

Перепуганная Ажар,— она никогда еще не видела его таким,— вскрикнула, бросилась вон из комнаты и чуть не сшибла с ног Курышпая. Он стоял на пороге. Увидев Оразу со сжатыми кулаками, обломки часов на полу, всхлипывающую невестку, старик повернулся и вышел, не сказав ни слова.

Бежать, бежать немедленно... Не раздумывать, не колебаться, а собрать свои вещи да уйти! Все равно куда... Только чтобы не оставаться тут! Жаль покидать, конечно, деда, но раз необходимо, так необходимо... Дамеш заснула только под утро. Ее разбудил Булат. Он смеялся, тормошил ее, лез целоваться. Она потянулась, сладко зевнула, подняла его, посадила на кровать. Мальчуган засмеялся и стал рассказывать, как он вчера бегал с Ермеком по лужам.

— Ермек? Ну, соседский мальчик... Его отец Кумысбек! Ну, знаешь? — спрашивал Булат.

Дамеш поцеловала мальчишку и начала одеваться. Потом вышла в переднюю и остановилась. Куда же идти? Пошла по улице, сама не зная куда. Накрапывал мелкий частый дождик. Она шла, не поднимая головы. И вдруг заметила, что прошла здание заводской поликлиники.

Здесь же работает Айша-апай! Вот к кому ей надо было идти с самого начала. Она быстро поднялась на крыльцо и отворила дверь в приемный покой.

Пахло эфиром, камфорой, валерьянкой и еще чем-то амбулаторным.

Женщина в белом халате встретилась с Дамеш в коридоре.

— Вам кого? — спросила она. — Ах, доктора Байжанову? Но она сейчас принимает, придется обождать. Вот, первая дверь направо.

Дамеш подошла, постучалась и назвала себя.

— Сейчас, сейчас, — ответила ей Айша через дверь. — Подождите меня в коридоре.

Когда она вышла через минуту, Дамеш стояла перед окном и смотрела на улицу. Небо было темное, пасмурное, как раз под стать ее настроению. Айша подошла к Дамеш, обняла и поцеловала.

— Ну, наконец-то ты меня вспомнила, — сказала она весело. — Подожди минуточку, сейчас пойдем домой. А что такая хмурая? Ты не больна?

— Нет, — засмеялась Дамеш. — А вы что, еще принимаете?

— Да, уже кончаю.

Айша посмотрела на Дамеш с улыбкой.

— Очень рада видеть тебя такой красивой. Ну, а все-таки, какой ветер занес тебя сюда? Я же знаю, ты так просто не придешь.

— Нет, просто так зашла. Соскучилась да и зашла, — с деланной беззаботностью сказала Дамеш.

— Да? Ну, очень хорошо, если так. Я ведь тебя после твоего приезда с курорта так и не видела.

— Поэтому я и пришла с повинной, — печально улыбнулась Дамеш. — Конечно, и дело есть.

— Какое же?

— Дядя Аскар нашелся.

— Что-о?

Дамеш показалось, что Айша сейчас упадет; она побледнела и даже ухватилась за подоконник.

— Как так нашелся? Письмо прислал? — спросила она.

— Да, письмо... Едет к нам.

— Господи, — Айша опустила на лавку. — Значит, жив? Значит, все-таки жив!...

И после долгого молчания спросила:

— Ты очень рада?

— Очень.

Айша улыбнулась. Лицо у нее уже опять было спокойное и ясное.

— Он же чудесный врач,— сказала она.— Будет опять у нас работать... И тебе легче станет жить, прекратятся всякие твои неприятности.

Дамеш ничего не сказала, только вздохнула. Тогда Айша спросила:

— Слушай, у тебя там что-то с Муслимом неладно? Да?

Дамеш кивнула головой.

— А в чем дело?

— Да во многом! Не любит он меня почему-то.

И Дамеш рассказала Айше все.

Айша покраснела и опустила глаза. Видимо, ей было тяжело слышать это про мужа.

— И давно он с тобой так? — спросила она.

— Да почти с самого приезда. И как ни доказываю, все не могу его переубедить. Он не верит, что я приехала сюда работать. Раз во время перерыва подошел ко мне, взял за руку, поглядел на маникюр и сказал. «Ну, этими пальчиками много стали не сваришь». А иногда встретит в коридоре, опустит голову и пробежит мимо не замечая.

Айша слушала и сочувственно качала головой.

— Да-да, он такой! Кого невзлюбит, на того и глядеть не хочет... Но ты не робей, тут уж просто надо иметь выдержку. Ты пришла ко мне, чтобы поговорить об этом?

— Нет. Я хочу поговорить совсем о другом. Дома у меня не очень ладно...

И Дамеш рассказала обо всем случившемся вчера. Айша молча выслушала до конца и потом твердо сказала:

— Ну, и все... Оставаться у них больше невозможно. Надо менять квартиру. Кстати, как раз есть у меня одна на примете. Видишь, как тебе повезло? Только вчера мы об этом разговаривали, и ты тут как тут.

— Где же это? — воскликнула Дамеш.

— Знаешь секретаря директора — Лиду? — спросила Айша.— Ну вот, я вчера навестила ее отца. Он лежит... С ногой что-то там. Я посмотрела, как они живут: на дво-

их пять комнат. Скучно, конечно. Лида сама заговорила со мной об этом, говорит, одну комнату они сдали бы, если бы жилец попался хороший.

— Да я отлично знаю Лиду,— сказала Дамеш.

— Ну, совсем хорошо. Значит и переезжай. Дом стоит на берегу озера, вокруг чудесный сад, летом будут свои фрукты. Что тебе еще? А отец славный старик, всю жизнь проработал сталеваром.

— И Ивана Ивановича знаю, он дружит с моим дедом.

— Ну, видишь, как все хорошо получается,— сказала Айша.— Укладывайся и переезжай. А теперь подожди меня немного, мне надо поговорить с главврачом. Кончу — и пойдем ко мне чай пить.

Но Дамеш отрицательно покачала головой и протянула ей руку.

— Спасибо, тетя Айша, но я сейчас же пойду к Ивану Ивановичу. Мне нужно переезжать...

Когда она вышла на улицу, всюю хлестал дождь.

Всего труднее было сговориться с Курышпаем. Когда Дамеш сказала о переезде, он сначала ничего не понял, а потом осыпал ее упреками.

Она бросилась ему на шею и стала уговаривать.

Пусть он не сердится и не думает о ней плохо. Никогда она не оставит его. Просто семья разрослась, стало тесно, вот она и решила переехать на отдельную квартиру. Она убеждала его, целовала, плакала, и в конце концов Курышпай сдался. По-медвежьему неловко он обнял ее, прижал к груди и сказал:

— Ну, пусть будет по-твоему... Делай, как хочешь, если тебе так в самом деле лучше. Что ж, переезжай...

Но Дамеш видела по его глазам: он ей не верил.

Курышпай и в самом деле не верил Дамеш. Он был умный, много повидавший на своем веку старик, и то, что Дамеш не договаривает до конца и хитрит с ним, было ему ясно. Показалось ему, что есть какая-то связь между недавней ночной ссорой Ораза и Ажар и уходом Дамеш. Ему опять вдруг захотелось бросить все: и дом, и детей,

и Тёмиртау, и завод и уехать в Семиречье. Пусть попробуют обойтись без него... Однако когда Дамеш зашла к нему в комнату попрощаться, он встал, пошел за ней, сам вынес и уложил вещи ее в такси. А потом разволновался, не захотел с ней разлучаться и решил проводить дочку до ее новой квартиры, а заодно уж и проведать своего старого друга Ивана Ивановича.

Такси бесшумно подкатило к самому крыльцу дома Ивана Ивановича. Седой, как лунь, приземистый старик с клочкастыми бровями и аккуратной бородой — еще очень крепкий и на вид выносливый — вышел им навстречу. Они шумно обнялись с Курышпаем и стали переносить в дом вещи. Курышпай смеялся, шутил, обнимал друга. Но вот он взял в руки дерматиновый чемоданчик с оленями, старый и трогательный, знакомый еще со студенческих лет Дамеш, и у старика опять защемило сердце. Он сердито нахмурился, чтобы не выдать своей слабости. Что тут поделаешь? Не век же молодым жить со стариками — пора и свое гнездышко вить, лишь бы только поминала добром. Говорят же: отцы поддерживают у детей тело, дети у отца душу.

Через час старики сидели рядышком перед домом на скамеечке и толковали.

— Так что у вас нового на заводе? — спросил Иван Иванович. — Ты же там часто бываешь?

Курышпай рассмеялся.

— Да что нового? Все то же, варят сталь, выполняют и перевыполняют план.

Он посидел, подумал и вдруг как будто совершенно не в связи с разговором прибавил:

— Только бы войны не было.

— Да, не было бы войны, — вздохнул Иван Иванович, — это самое главное, ты прав...

Опять помолчали.

— А что, правду говорят, бригада Тухфатулина получила звание коммунистической? — спросил вдруг Иван Иванович.

Курышпай кивнул.

— Правда.

— А что Ораз отстал от него — это тоже правда?

— И это тоже правда!

— Даже не верится как-то, — сказал Иван Иванович. — Ведь звание Героя он заслужил?

Иван Иванович полез в карман, вынул кисет, набил трубку, закурил. А Курышпай сказал:

— А вот так получается, что не повезло парню. Однажды оказалось, что в котле был излишний углерод, вот и вышла его бригада из графика.

— Как же он не проследил?

— Да вот так и не проследил, — ответил Курышпай. Ему всегда было больно говорить о неудачах сына. — Следил, да не уследил. А кое-кто говорил, что это нарочно его подвели — бросили в котел больше чугуна, чем полагается, вот он и вышел из строя.

— Что ж, и это возможно, и так бывает, — охотно согласился Иван Иванович. — Со мной тоже была такая же история. Помнишь, как в 1948 году покойный Эрднаев устроил мне такую шутку: бросил в котел кусок чугуна и испортил всю сталь.

Курышпай усмехнулся.

— А ты думаешь, я этот случай забыл? Вот и тут кто-то напакостил! С тех пор и сидит мой Ораз в прорыве. Еле-еле выполняет план, а про перевыполнение и говорить не приходится.

— А что же главный инженер не заинтересуется? — спросил Иван Иванович. — Это же его обязанность.

— Главный инженер, — презрительно усмехнулся Курышпай. — Он спит и во сне видит, как бы Оразу надевать побольше неприятностей. Это же такая чертова лиса.

— А Каир что?

Курышпай не ответил, поднялся и стал прощаться.

— Ты смотри за Дамеш, — попросил он. — Все-таки она почти еще девочка. У них в эту пору ветер в голове свистит... Вот пожелала жить отдельно, почему, отчего? Так и не узнал. Ты поглядывай за ней.

— Конечно, — пообещал Иван Иванович, — будь спокоен.

— А Каир этой лисе верит крепко! — сказал вдруг Курышпай с горечью. — По всем делам с ним советуется. Никак не может догадаться, кто такой этот его Мусеке. Я вот тебе такой случай расскажу...

Но тут из дому выбежали девочки, смеясь схватили стариков под руки и утащили в дом.

— Новоселье, новоселье, — кричали они. — Мы уже и на стол накрыли,

Дни у Акмарал были так похожи один на другой, что она часто путалась в числах и не знала, когда что происходило. Иногда то, что было вчера, казалось событием недельной давности. Она не имела календаря и счет времени вела по сезону. Ранней весной Акмарал вздыхала о былой молодости и о том, что многое тогда ей не было доступно. По целым дням она простаивала у ворот, смотрела, как тают сугробы, как снег синееет, становится ломким, хрупким, сквозным,— встанешь на него, он хрустит, и проваливается.

Но самое любимое время Акмарал — это лето, тогда она то отправлялась в соседний колхоз пить кумыс и сплетничать, то целые дни толкалась на базаре, ко всему прицениваясь и ничего не покупая.

Осенью Акмарал бывала чуть жива. У нее жар, ломота в костях, она лежала в постели, стонала и вставала только за тем, чтобы заварить чай. Чай она любила больше всех напитков на свете. Вечером приходили соседки, и начинались бесконечные пересуды. А потом зима, снег, холод. Тогда Акмарал по целым дням слонялась по комнате, ничего не делала, только варила густую сурпу из свежего мяса и лечила ею свои недуги. И опять, конечно, соседи и бесконечные разговоры и сплетни.

Но в этом году из-за сына нарушилось ее равновесие. Однажды он пришел с работы нахмуренный, сосредоточенный, погруженный в себя. Целый вечер просидел молча за чайным столом, а уходя спать, сказал как будто мимоходом:

— Мама, ты бы поменьше говорила с подругами. А то они подхватывают твои слова и несут по городу... Получается неудобно.

Этот упрек Акмарал хорошо запомнила и стала себя сдерживать. Поэтому когда Муслим завел разговор о Дамеш и Каире, она, конечно, возмущалась, охала, но ничего определенного ему так и не сказала. Однако к словам его она прислушивалась очень внимательно. И как-то вечером, когда Каир был дома, ее словно прорвало. Как только она ни расписывала Дамеш, каких только недостатков в ней ни находила: и безответственная, и легкомысленная, и вертушка, и охотится за женихами, не русская, не казашка, ни то ни се. Какой дурак захочет взять

ее себе в жены? Она говорила, а Каир молчал. Он отлично понимал, к чему клонит мать, и хотя возражать не возражал, но и соглашаться тоже не соглашался. И это Акмарал выводило из себя больше всего. Однако задать прямой вопрос и потребовать, чтобы Каир ей ответил, она не посмела.

На другой день после этого разговора прибежала к матери Ажар. Она захлебывалась от слез.

— Ну, что мне делать, мама, что делать? — сказала она, вытирая слезы. — Ведь совсем выживает меня из дому проклятая. Ораз только о ней и думает... Всю ночь стонет и ворочается, а иногда лежит поверх одеяла с открытыми глазами и не спит до утра. Что делать, что делать?

— Ну, как маленькая, честное слово! — возмутилась Акмарал. — Ты еще поплачь перед ней! У такой нюни, как ты, любая баба мужа отобьет, не то что Дамеш.

— И зачем вы выдали меня за него, — продолжала Ажар, растирая слезы. — Я же говорила: они любят друг друга, как я встану между ними... А вы: «Ничего, стерпитя, слюбится. Разве можно упускать такого жениха»... Вот и получилось...

— Да что получилось-то? Что? Ничего я не понимаю.

Акмарал была так возмущена, что соскочила с места, опрокинула пиалу и пролила чай.

— А ты побольше бы ревела да распускала слюни! — закричала она. — Ораз мой, Оразик ты мой дорогой! Я для тебя то, я для тебя это... Конечно, любой мужчина пошлет тебя к черту. Не сумела мужа сразу взять в кулак, ну и мучайся и ломай руки. А он будет на твоих глазах бегать к той стерве... Только так с дурами и поступают!

Ажар уронила голову на руки и горько расплакалась.

— Ну, скажите, что же мне сейчас делать?

— Что делать? Взнуздай своего мужа так, чтобы и головы в сторону повернуть не мог, вот и все.

— Да, сказать-то легко, а сделать как?

— Как сделать? — крикнула Акмарал. — Это ты уж пошевеливай мозгами, как... Еще жена называется! Сиди и реви целый день, а она в это время возьмет и уведет

Ораза из дому. А я скажу: поделом! Так тебе и надо, плакса!

Платок Ажар совсем взмок от слез, она с отвращением отбросила его прочь.

— Да гони ты ее из дому палкой,— сказала Акмарал.— Прямо при своем дураке-муже гони! Пусть убирается на все четыре стороны, коли не понимает добра... Так вот и скажи ей, негоднице.

Этот разговор происходил за три дня до ухода Дамеш из дома. О том, как Ажар добилась этого, она в тот же день с торжеством рассказала матери.

— Молодец, доченька,— похвалила ее Акмарал.— Видишь, что значит послушать старого человека. Вот и выкинула гадюку из дому.

Но через неделю дочь пришла к матери снова.

Акмарал, важная, расфуфыренная, в яркой цветастой шали, собралась идти на базар. Она взглянула на заплаканное лицо дочери, на ее опухшие глаза и сразу же засыпала ее вопросами:

— Ну, что там опять случилось у тебя? Кто тебя там снова обидел?

И опять из глаз Ажар хлынули слезы.

— Вот вы меня научили,— сказала она, захлебываясь.— Научили выгнать ее... А после этого мне стало еще хуже. Просто хоть не живи.

— Почему? Что плохо-то? — спросила Акмарал.— Что? Да говори ты, не тяни душу.

— Да то, что приходит он каждый день пьяный. А вчера ночью забрал свою постель и ушел в другую комнату на диван.

— Что-о? — обомлела Акмарал.— Ушел! Ах ты... Жена в кровати, а он от нее уходит! Ну, погоди же, я им покажу...

И она решительным шагом направилась к дочери.

— Куда вы, мама?

— К ним... К этому старому дуракею Курышпаю! Сейчас они у меня получают.

Разговор вышел очень неприятный.

Курышпай сидел с внуком перед телевизором. Шла воскресная детская передача. В это время в комнату

влетела Акмарал. Не задерживаясь, она остановилась перед стариком и, даже не поздоровавшись, выпалила:

— Хорошие дела у тебя происходят в доме, дед! Нечего сказать, хорошие...

— Бабушка, бабушка! — крикнул Булат, бросаясь к Акмарал. — Садись, будем смотреть картину.

— Не картину я пришла сюда смотреть, — сурово оборвала его Акмарал. — Я пришла, чтобы спросить твоего дедушку, что он думает делать? Ну? Что же ты сидишь, молчишь?

Акмарал хотела вызвать старика на бой. Она знала: он целый вечер может сидеть, слушать ее и молча улыбаться. Тогда и разговора никакого не получится. Но сейчас старик заговорил:

— Экая ты, — сказал он сдержанно. — Когда старые люди приходят в дом, они прежде всего здороваются с хозяевами... А потом что ты кричишь, разве я глухой? И садись, пожалуйста. Стоя нельзя разговаривать! Так в чем дело?

Акмарал нехотя уселась на диван. «Это тот самый, — подумала она, — на котором прошлую ночь спал Ораз».

— А в том дело, — сурово сказала Акмарал, — что мы отвечаем за счастье наших детей перед аллахом и перед людьми. А они живут в доме, у которого горит крыша.

— Да не говори ты загадками, — улыбнулся старик. — Мои дети живут в доме с надежной крышей! А вот с тобой что-то, я вижу, случилось.

— То со мной случилось, — крикнула Акмарал, — что твой сын совсем от рук отбился! Днем пьянствует, ночью шляется неизвестно где и с кем. А когда приходит под утро, то пользы от него тоже, как от козла молока. Как он с дочерью моей обращается — ты это знаешь?

— А ты ей больше о нем нашептывай, — обозлился, наконец, Курышпай. — Зачем ты распускаешь молодую женщину? Зачем учишь ее непочтению и дерзости? Вот ты и добиваешься, чего хочешь!

— Чему я ее учу? — вскочила Акмарал. — Да постыдился бы ты на старости лет врать! Что, моя дочь плохо за тобой ухаживает? Грубит она тебе? Огрызается? Не слушает тебя? Скажи-ка на милость!

— Да разве во мне дело? — старик с грустью усмехнулся. — Какая ты все-таки глупая! всю жизнь прожила,

а ума не нажила. Со мной-то твоя дочь и ласкова и почитительна, да ведь...

Он махнул рукой, а Акмарал так и набросилась на него.

— Да!.. Что да?..— затараторила она, размахивая руками.— Нет-нет, ты уж до конца договаривай... Ты хочешь сказать, что моя дочь выгнала из дома Дамеш? Да, выгнала! И правильно сделала, что выгнала! Я ее одобряю. Я! Взяли волчонка в дом и думали, что он и волком останется, и хозяину руки будет лизать. А он на хозяина стал бросаться, горло ему перегрызть норовит. А ты стоишь да дрожишь, слово перед ней сказать не можешь!

— А ну-ка замолчи! — сказал старик.— Замолчи сейчас же! — он застучал палкой о пол.— Ходишь по домам и только ищешь, кого бы обляять, кого бы укусить! Ну и лай одна! Я тебе не компания. Идем отсюда, дорогой,— наклонился он к Булату.— Идем, у бабушки голова болит.

И, стуча палкой, он вышел из комнаты.

— Ты своему сыну-негоднику скажи, чтобы он молчал,— кричала ему вслед Акмарал.— Ишь, размахался, богатырь! С девкой не может справиться, а на меня голос поднимает! Ну и дом — все в нем с ума сошли!

Ведя за руку внука, Курышпай вышел из дому. Он шел прямо к Каиру.

«Надо с ним поговорить. Пусть утихомирит свою мать,— думал старик,— она ведь так бог знает до чего дойдет. Вот, значит, почему ушла из дому Дамеш. И ведь оба молчат — и она, и Ораз».

Курышпай понимал, что Дамеш скрывает от него что-то, не договаривает, мнетса, хитрит. Но как он мог догадаться, в чем дело. Хотя, если бы был повнимательней, вероятно, догадался бы. Разве он не заметил, как неузнаваемо за эти дни изменился Ораз, стал угрюмым, неразговорчивым, скрытным. Раньше он советовался с отцом о всякой мелочи, теперь от него и слова не добьешься. Совсем как встревоженная цапля, что притаилась на ветвях дерева, втянула шею, присела и вот-вот взлетит. Ораз может теперь глядеть на человека в упор и при этом не видеть его, а когда его спрашивают, что с ним случилось, он либо отмалчивается, либо отвечает что-то

невероятное. Курышпай раньше думал, что все это от неприятностей на работе. Еще бы, нелегко ведь потерять былую славу... Но, оказывается, на самом деле все куда проще. На него свалились домашние неполадки, а что может быть неприятнее их? Вот он и стал пить, пропадать по ночам... А Курышпай молчал и думал: надо подождать, все образуется! Оказывается, нет — не образуется. Неужели же у его сына нет воли, нет характера? Нет, Ораз не такой. Это он скажет всем: Дамеш, Оразу, Каиру и прежде всего той ведьме, которая сегодня ворвалась к нему с криком и руганью. И носит же земля на себе таких паршивых старух!

Курышпай успел как раз вовремя. Голубая директорская машина выезжала из ворот завода. Старик бросился к ней, крича:

— Каир! Эй, Каир! Подожди-ка минутку, сынок!

Каир услышал крик, — он сидел за рулем, — резко затормозил машину и выскочил навстречу старику.

— Здравствуйте, аксакал! — сказал он радостно. — Вот хорошо, что сами пришли и кавалера с собой привели. Садитесь-ка, я вас покатаю! — Он поднял Булата на руки. — Что, кавалер, часто тебя шлепают? Сильно озорничаешь?

— Он-то не особо озорничает, — Курышпай погладил Булата по голове. — Он мальчик умный, а вот родители-то его...

— А что такое? — встревоженно спросил Каир. — Впрочем, поговорим по дороге. Кавалер, садись со мной, будешь за шофера, поедем на Магнитку. Кураке, вы бывали когда-нибудь там?

— Только один раз зимой, — ответил старик, усаживаясь в машину.

— А вот сейчас взгляните, что там творится! — сказал Каир. — Знаете, какую мы там домну сооружаем?

И Каир начал рассказывать о домне.

А говорил он, как пел. Речь ведь шла о будущем Темиртау, а здесь соперников у Каира не было. Рассказывая, он то повышал, то понижал голос по ходу рассказа, и Курышпай подумал, что так говорить, как Каир, может далеко не всякий. Он слушал его очень внимательно. Многие из того, что рассказывал Каир, было для него совершенно новым, таким, что ни в газете не прочтешь, ни из разговоров не узнаешь. Да оно и понятно, директор

во всем знает толк, он в курсе всех дел, у него широкий кругозор. Курышпай впервые слушал такого осведомленного человека. «В этом-то и все дело,— думал старик.— Ответственность делает человека зорким. Он видит все на сто верст вокруг».

А Каир все рассказывал.

— Вы понимаете,— говорил он,— какая роль в семилетнем плане отводится нашей казахской стали? Сталь для хозяйства что кровь для человека. Когда человек здоров, кровь его ритмично бежит по жилам. А остановится кровь, и человеку конец. Так вот, на нашем комбинате мартен — это сердце, а домна — желудок, и едем мы сейчас смотреть наш желудок, понятно?

— Ну как же, как же! — торопливо заговорил старик.— Недаром же я всю войну на заводе проработал... Да, хочу я тебя спросить. А откуда вы питание будете брать для домны, чем вы ее кормить-то будете?

— Кормить ее мы будем карагандинской рудой,— ответил Каир.— Для этого у нас два рудника — Атасу и Актау. Атасу дает известь, а Актау — железный колчедан.

— Вот это дело,— подумал Курышпай, сразу забыв все свои домашние неприятности.— Эх, годы мои не те, а то сам бы я встал у домны.

— А что, если Ораза поставить горновым? — спросил он.

Каир резко повернулся к старику.

— Да разве в одном Оразе дело? Тут меньше чем сотней человек никак не обойдешься,— сказал он.— Сейчас наша задача в том и состоит — научить казахскую молодежь технике. Каждый казахский парень должен уметь держать руль машины так же твердо и свободно, как он держал когда-то кетмень. Без техники социализма не построишь. Надо готовить казахских парней на металлургов, надо делать из них сталеваров, горняков, вальцовщиков. ЦК комсомола обещал нам помочь в этом. Вот буду сейчас разговаривать с начальником «Казметаллтреста». Для школы потребуются программы, пособия, тетради, классное оборудование и еще многое другое. Все это надо достать. Как, где? А противников у меня хоть отбавляй.

Каир улыбнулся.

— Светик ты мой,— воскликнул старик,— да что их слушать? Что мы тебя не знаем разве? Не среди нас ты

вырос? Отец твой работал на производстве и тебе завещал то же самое. Правильно ты говоришь, очень правильно! До каких же пор ходить нам в неучах!

Домна перед ними возникла сразу, как только они проехали поворот.

Черная, величественная, она была так велика, что даже иссиня-черные облака, проходящие над ней, казались лишь ее тенью, упавшей на небо. Только электростанция, стоящая рядом, еще могла с ней сравниться по высоте. Чтобы увидеть вершину домны, нужно было так задрать голову, что шапка валилась. Рядом с этими двумя гигантами все казалось ненастоящим, даже автомобили, огибающие домну, с ее высоты похожи были на цыплят, большие красивые здания по берегам озера были величиной с конфетные коробки, а широкая прямая улица, уходящая в степь, казалась узкой, как садовая дорожка.

Работа здесь кипела вовсю: огромные черные руки подъемных кранов осторожно, деталь за деталью, составляли целое здание. Люди, как муравьи, ползали по стенам. Иногда в тех местах, где они проползали, ослепительно вспыхивал белый огонь и сыпались разноцветные искры. Шум, жужжание, скрежет стоял над стройкой.

Каир попросил старика подождать его полчаса в машине, а сам быстро пошел в здание треста.

Курышпай взял внука за руку и решил побродить с ним по улицам нового города. Он ходил, смотрел, думал:

Да, осенью, когда закончится строительство домны, новый город вольется в Темиртау. Вот тогда наш Темиртау станет сердцем казахской черной металлургии. Кто же мог когда-то подумать, что такое возникнет в Сары-Арке? Ведь раньше, кроме нескольких юрт, отары овец, пастуха на холмике да собаки возле него, тут ничего не было. А сейчас взгляни-ка! Да, исполнилась старая дедовская пословица: через полвека вся страна обновляется.

...Машина мчалась обратно. Каир был хмур и сосредоточен, видно было, что настроение его упало. И все потому, что с управляющим «Казметаллтреста» вышел очень неприятный разговор.

Каир сказал ему:

— Вы знаете, что весной в Темиртау прибудет первая партия казахской молодежи, и вот...

— Знаю, знаю,— нетерпеливо прервал его управляющий.— Вы говорите сразу, что вам от меня надо?

Это был маленький, худой старикашка, совершенно седой и преехидный. Он во всем всегда сомневался и никогда никому не верил.

— И вот всю эту молодежь,— продолжал спокойно Каир,— надо будет распределить по объектам. Часть направится за пределы Казахстана — в Череповец и Кузнецк, а другая часть останется здесь, на заводе, чтобы овладеть техникой. Значит, надо будет для них построить школу и обеспечить их общежитием.

Вот тут управляющий и прервал его второй раз.

— Слушайте,— воскликнул он.— Да зачем они мне? Кто их учить-то будет? Кто деньги мне на это даст? У меня ведь строительство, а не ликбез.

Тут уж Каира прорвало:

— А о завтрашнем дне вы думаете? — крикнул он.— Кто у вас будет работать, когда вы достроите комбинат? Где вы рабочих найдете?

— Найду, не беспокойтесь,— сказал управляющий.— И еще каких найду. Вот вы говорите: надо построить школу. Построить-то, конечно, недолго, да откуда я учителей возьму?

— Учителей я дам,— сказал Каир.— А жильем должны обеспечить их вы.

— Нет, нет, нет,— замахал руками управляющий.— У меня нет для них жилья. Перестаньте меня, пожалуйста, агитировать. Еще даже и строительство домны не закончено, а тут школу строй, общежитие... Нет, не будем делить шкуру неубитого медведя! Пусть каждый занимается своим делом. Вы сталь варите, а я буду домну строить,— вот тогда и будет хорошо.

Каир вышел из кабинета красный от возмущения. Когда он сел за руль, то руки у него дрожали. А старик этого не заметил и стал рассказывать ему о том, что происходит у них в доме. Рассказал и сам испугался. Каир закусил губу и так побледнел, что на него стало страшно смотреть. Он молча остановил машину, вылез из кабины и вышел в степь. Старик понял, он хочет остыть и собраться с мыслями.

А Каира прямо-таки трясло от негодования.

Эдакая дурища Ажар, — думал он, — как она могла подумать, что Дамеш может завести какую-то интрижку с ее мужем? Если она и заметит что-нибудь со стороны Ораза, то и близко не подпустит его к себе. Ведь он, Каир, насквозь видит Дамеш. Она еще никого не любит, но час придет, и весь мир исчезнет из ее глаз, никого она не будет видеть, кроме того одного человека, которого полюбит. И пойдет она за ним хоть на край света, положит за него голову, бросит ему под ноги все, что имеет: красоту, молодость и любовь. Вся беда только в том, что этим человеком не будет ни он, Каир, ни его соперник Ораз. Пять лет ходит он за Дамеш по пятам, и она по-прежнему его не замечает... А ему уже двадцать восемь лет, пора взяться за ум, остепениться, завести семью...

В ушах звучал голос матери:

«Да, светик ты мой, неужели я так и не буду нянчить твоих внучат? Светик мой, в твои годы мой отец имел уже нас четверых... Заколдовал тебя кто-то, вот что я скажу...»

Кто-то... Она отлично знает кто! А Дамеш, та все превращает в шутку. «Наши аулы разбросаны далеко друг от друга», — сказала она ему однажды.

Каир вернулся к машине, сел за руль и молчал всю дорогу.

Когда он вошел в комнату, мать готовила чай. Увидев его нахмуренное лицо, она бросилась к нему, стала спрашивать, что с ним.

Но он не ответил, молча подошел к телефону и стал набирать какой-то номер.

— Это ты, Ажар? — спросил он хмуро. — Зайди ко мне, когда освободишься.

Положил трубку и подошел к окну. Ему было так душно и тошно, как будто в комнате уже не осталось воздуха. Мать тревожно смотрела на него, он чувствовал ее взгляд, но делал вид, что не замечает. Молча полез в карман, вынул коробку «Казбека», постучал папироской по коробке и закурил. Потом искоса взглянул на мать. Все ведь отлично понимает, хотя и делает наивное лицо. А он любит ее, любит... Несмотря на всю ее вздорность и бабью болтливость, характер у нее все-таки чисто муж-

ской. Именно поэтому после смерти отца она и сумела стать ему и матерью и отцом...

До сих пор Каир никогда не говорил ей слова поперек, а сейчас, ничего не поделаешь, придется сказать... И не одно слово, а много.

Послышался стук каблуков, и в дверь влетела Ажар.

Каир подошел к ней вплотную и, не здороваясь, строго спросил:

— Ты что там такое натворила?

— Я? Натворила? — Ажар от удивления даже отступила на шаг.

— Да, ты!

Она молчала.

— Ну, что дурочку валять! — крикнул он грубо. — Зачем ты прогнала Дамеш?

Ажар растерянно посмотрела на мать, потом опять на брата и вдруг крикнула:

— А затем, что пусть не пакостит у меня в семье!

— Да? — насмешливо и сурово спросил Каир. — Чем же она тебе напакостила?

— Она, — начала было Ажар и вдруг, не выдержав испытующего взгляда брата, осеклась, опустила глаза.

— Ты сейчас же пойдешь, попросишь у нее прощения и приведешь обратно, — сухо отчеканил Каир.

Ажар подняла на него глаза, поглядела с негодованием, потом, ничего не говоря, пожала плечами и медленно вышла из комнаты.

— Стой, — Каир побежал за ней, схватил ее за руку и потащил обратно. — Ты слышишь, что я тебе сказал? Стой... — И он так сжал ей руку, что она сразу побледнела, вскрикнула от боли и села на стул.

— А почему я должна перед ней унижаться? — спросила Ажар.

Каир ударил кулаком по спинке стула.

— Я заставлю тебя извиниться! — прошипел он. — Заставлю, понимаешь?

Ажар закрыла лицо руками и заплакала. Тут поднялась Акмарал.

— Эй, вы, — крикнула она громко, — что там еще за беда? Почему вы грызетесь?

Каир резко обернулся к ней:

— Мать, образумь свою дочь... Пусть она пойдет и извинится. Дамеш должна вернуться в дом.

— Ну да, только этого недоставало! Вернуться... После всего, что она натворила... Нет, ты думаешь, что говоришь? Ее собственный муж...

И тут Каир прервал ее, топнул ногой и крикнул:

— Замолчите сейчас же... Стыдитесь! Вы уже старуха...

Акмарал застыла от изумления: так Каир еще никогда не разговаривал с ней.

— Что такое он говорит? — пролепетала она.

— Запомните, мама,— медленно выговорил Каир, подходя к ней.— Я вас слушал всю жизнь, и вот что из всего этого вышло. Хватит! Теперь вы будете слушать меня... Это я вам говорю.

С этими словами он выбежал из дома.

На завод Каир пришел темнее тучи. О чем бы он ни думал, он в мыслях все время возвращался к Дамеш. Конечно, в этой поганой истории он не виноват, он ничего не знал о ней, но перед Дамеш этим ведь никак не оправдаешься. «Почему же ты не мог уговорить свою мать и сестру?» — спросит она, пройдет мимо него и, конечно, будет права.

Каир думал и о другом. Вот, скажем, случится такое чудо: Дамеш вдруг согласится стать его женой. Что будет дальше? Не введет ли он в дом жену только для того, чтобы у его родственников было кого грызть... Хорошо, если мать уживется с его женой, а если нет... Скорее всего нет. Так какой же выбор он должен, в конце концов, сделать?

Приотворилась дверь, и показалась голова секретарши. Она поглядела на директора, угрюмо стоящего около окна, на стол с разбросанными бумагами и бесшумно исчезла.

Вслед за тем в дверь громко и требовательно постучали. В кабинет вошел заведующий заводской лабораторией инженер Амиров. Он был в белом халате и белой круглой шапочке. Всегда он улыбался, подмигивал, рассказывал разные анекдоты, а сегодня был непривычно озабочен и тих.

— Каир,— сказал он,— вам докладывали, что произошло?

— Нет, а что? — сразу позабыв о всех домашних не-

приятностях, бросился к нему Каир.— Что-нибудь серьезное?

— Да как сказать? Не очень, но все-таки. Ночная смена выдала сталь второй марки вместо третьей.

— Как же так? — Каир забегал по комнате.— Почему вы не доложили мне сразу? Почему же Муслим молчит?

Амиров развел руками.

— Почему Муслим молчит, я не знаю, но анализы проверял я сам лично.

— Хорошо,— Каир позвонил и, когда вбежала секретарша Лида, коротко приказал:

— Вызовите главного инженера.

Когда он повернулся к столу, то увидел, что Амиров все еще стоял у окна.

— Что? Есть и еще что-нибудь? — спросил он.

Амиров вдруг смущенно улыбнулся.

— Есть еще одно дельце,— сказал он, запинаясь.— Да ты сейчас, кажется, не в настроении?

— Говори, говори... Хуже не будет,— проворчал Каир.

— Хочу пригласить тебя на ерулик, или, как говорят русские, на новоселье. Обмываю новую квартиру.

Каир облегченно вздохнул.

— Ну, слава богу! А я подумал, будто еще что-нибудь случилось! Спасибо. Приду обязательно, но об этом действительно потом.

За дверью послышался голос Муслима. Он о чем-то спросил секретаршу, потом вошел в кабинет.

— Так ты зайди попозже,— сказал Каир Амирову и обернулся к Муслиму.

Муслим вошел улыбающийся, веселый, он протянул руку Каиру и спросил:

— Ну, как дела, хозяин, а?

Каир молча ответил на рукопожатие и сурово, не принимая его улыбки, поглядел ему в глаза.

— Ночная смена,— сказал он сухо,— не дала нужной марки стали. Знаете вы это или нет?

— Знаю,— Муслим кивнул головой.

— Знали и не сообщили мне?

— Да я и так бегаю за тобой целый день, как мальчик. Спроси у секретарши, сколько раз я тебе звонил.

Каир подошел к Муслиму и взял его за пуговицу.

— Мусеке, вы мне близкий человек, я все доверял вам, вы все видите, все знаете, но скажите, ради бога, почему с тех пор, как я сделался директором, наш завод стал сдавать темпы? Ведь наша выработка снижается с каждым днем? Верно? Так в чем же тут дело?

— Ну, а ты думаешь, в чем? — прищурился Муслим.

— Когда бы знал, вас бы не спрашивал.

— Ты спрашиваешь потому, что думаешь, будто это зависит от меня? — Муслим усмехнулся. — Дорогой мой, я тут совершенно ни при чем. Я веду свою линию, а начальник смены свою. И сколько я не кричу, не убеждаю, никто меня не слушает.

— Да кто? — возмутился Каир. — Кто вас не слушает? Вы конкретно говорите.

Муслим ответил не сразу.

— Спрашиваешь кто? — он опять помолчал, а потом решительно и резко сказал: — Хотя бы Дамеш Сагатова...

Каир покачал головой.

— Вот уж действительно нашла коса на камень... Что такое происходит? Никому нет покоя от этой Сагатовой. А вам больше всех. Нет-нет, Мусеке, это невозможно, трогать Дамеш нельзя.

Улыбка сразу сползла с лица Муслима.

— Почему же это нельзя? А когда же будет можно? — спросил он не без ехидства. — Сагатова кляузничает, клеветает на руководителей, разлагает коллектив, натравливает людей друг на друга, а мы все будем играть в жмурки? Слушай, я тебе серьезно говорю. Дело зашло слишком далеко, кого-то из нас ты должен уволить: либо меня, либо ее! Вот и все.

— Ну, если вопрос стоит так, — Каир развел руками. — Если другого выхода нет, то...

Он сделал какой-то неопределенный жест, который мог означать: «Дело ваше — решайте!»

— Да ты что, шутишь, что ли, Каиржан? — крикнул Муслим, сразу потеряв всю свою невозмутимость и величие. — Ты хочешь сказать, что...

— Да ничего я не хочу сказать, — успокоил его Каир. — Но разговор-то начали вы? Как вы считаете, что я должен сказать Сагатовой? Убирайся, Сагатова, вон, потому что ты не нравишься нашему главному инженеру. А в чем дело, спрашивай у него, я не знаю... Так, что ли, я

скажу Сагатовой? Ведь доводов-то вы никаких не приводите.

— Да какие же доводы еще нужны? — возмутился Муслим. — Работает она вяло, из-под палки, к обязанностям своим относится халатно, приказов не выполняет. Чем это не доводы?

Каир вздохнул. «Вот лиса так лиса — опять хитрит», — подумал он.

— Ну, конечно, это не доводы, — сказал он. — Это голое обвинение без фактов и без доказательств. А ему грош цена, Мусеке. Вот изложите все в виде рапорта, обоснуйте, тогда и будем говорить.

Муслим сразу же скис и повесил голову.

— Ну что ж, — сказал он вяло, — и изложу. Подожду еще немного и изложу.

Он помолчал еще, снял очки, протер их кончиком платка и снова надел на нос.

— Если не исправится, придется так сделать.

— Вот и хорошо, — кивнул головой Каир. — Тогда и будем разбираться.

Двери снова приотворились, и просунулась голова секретарши.

— Каир Рахимович, вас вызывает Караганда, — сказала она.

Глава третья

Поезд прибыл в Караганду рано утром. Весь последний час Аскар неподвижно простоял у окна. Сердце у него билось учащенно, на глаза навертывались слезы. Он очень волновался — ведь сейчас он увидит Дамеш, единственную, кто остался в живых из всей его семьи. Пятнадцать лет он не был здесь... Пятнадцать лет... Как много это в жизни человека! И вырвали эти годы у него не в молодости, а в пору зрелости, когда каждый год и без того на учете. Был в ту пору он силен, смел, весел, простодушно радовался миру, своему здоровью, людям, которые его окружали, девушке, которая, переходя улицу, ласково глядела на него, молодому утру, свежей зелени, восходу и заходу солнца — всему, всему, что его окружало! А сейчас каждое новое впечатление только раздражает его. Даже возвращение в родные места и то

ст.орее болезненно, чем радостно. Да! Все знают, что не он виноват в своей судьбе, что жизнь его пошла прахом из-за чьей-то злой и преступной воли, что он один из тех реабилитированных, которые возвращены волей партии к жизни и работе. Все знают это, и все-таки еще большой вопрос, как его встретят? Всякое могут подумать люди, потому что и они тоже разные, и каждый меряет других по своей собственной мерке:

Поезд остановился около дощатого здания вокзала. Пассажиры спеша, теснясь в проходах, смеясь и разговаривая, заспешили к выходу. Кто-то задел стоящий в проходе старый, выдавший виды чемодан Аскара, и, когда Аскар наклонился над ним, толпа оттеснила и его в сторону. Так и случилось, что на перрон он вышел последним. И первое, что он увидел, была приземистая фигура Курышпая. Старик сгорбился, стал как будто ниже, но его сразу можно было узнать — так же была ясна и простодушна его улыбка, так же ярко сияли чистые и прозрачные до самой глубины глаза.

— Дедушка, милый! — Аскар бросился к нему. Но тут его сзади обхватили чьи-то руки, и, обернувшись, он увидел Дамеш.

— Агатай, дядюшка! — закричала она и повисла у него на шее.

Он смотрел на нее, не узнавал и чувствовал, как слезы текли у него по щекам.

— Милая, красавица ты моя, — говорил он. — Ты же вылитый отец!

Это на самом деле было так: у Дамеш черные блестящие волосы, густые черные брови, и выражение глаз в точности, как у отца. И какое это все-таки счастье, что именно этих людей, дорогих и близких, он встретил первыми в день своего приезда. Ведь никого, кроме них, он не хотел бы увидеть сейчас на перроне. Дамеш его преданная и любящая сестра.¹ Вот не забыла же она о нем, даже деньги на дорогу прислала и посылку с одеждой собрала.

Но Курышпаю он все-таки обязан еще больше, чем ей. Когда по всему заводу прошел слух, что Аскар Сагатов оказался врагом народа, один Курышпай имел му-

---

¹ Сестрой у казахов называется в разговорной речи и племянница.

жество сказать: «Это чепуха, за Аскара я ручаюсь своей головой! Никто из Сагатовых никогда не был предателем».

Кажется, простые, справедливые слова, но сказать их в то время были способны очень немногие. А вот стоит рядом и сын старика — краснощекий, рослый джигит, и у него такая же хорошая дружелюбная улыбка, как у отца, такие же ясные глаза. Он не умиляется, не лезет к Аскару с ненужными словами сострадания. Он просто приветствует его, как добрый хозяин на пороге своего дома, и желает ему всяческого добра.

Домой ехали шумно и весело. Больше всего смеялась и говорила Дамеш. Аскар молчал, он чувствовал себя так, как будто хватил стакан хорошего вина. Его нервы были так напряжены, что он закусил губу, чтобы снова не расплакаться.

Стоял такой ясный, солнечный день, когда сверкает все: ярко-зеленые листья придорожных ив, молодые всходы, лужи на дорогах. Ветер нес запах свежести и большой воды. Даже ласточки с белой головкой и багровой грудкой и те казались Аскару какими-то необыкновенными. Ведь это были ласточки его родины. Они подлетали так близко, как будто тоже хотели приветствовать его.

Когда машина перевалила через холмы, показались мощные трубы Темиртау. О них Аскар тоже не раз вспоминал в разлуке.

— Дядюшка, что же вы и слова-то не вымолвите? — спросила Дамеш, прильнув головой к груди Аскара.

— Милая моя, — обнял ее Аскар, — да я сам не свой от счастья... Какие уж тут слова! Вот смотрю и не могу насмотреться.

В честь приезда дяди Дамеш устроила той.

Приглашенных было много. Среди них лаборант Амиров — круглолицый коренастый весельчак, неизменный домбрист на всех вечерах; его дружок, такой же крепкий и коренастый, как и он; запевала и первый танцор Касимов; худой и длинный инженер Базарханов.

Аскару, — надо же ему было хорошенько выспаться и привести себя в порядок, — Дамеш отдала свою комнату, а сама поместилась у Лиды на диване. Переодеваясь перед зеркалом, она слышала, как шумела молодежь и требовала представить им виновника торжества, но Лида

отшучивалась и дальше столовой их так и непустила. Потом голоса замолкли. Лида повела гостей в сад.

Очень хорошо,— подумала Дамеш,— что она догадалась устроить торжество здесь, у Лиды, и решительно отказалась от приглашения старика Курышпая. Там хозяйкой была бы Ажар, и кто знает, что она могла бы натворить или наговорить. Хорошо также, что и матушки ее, Акмарал, не будет. Пусть посидит дома, подумает, авось умнее станет. А вот что Каир в отъезде и его так и не удалось пригласить, это, конечно, жаль. А Айша придет обязательно. Она так обрадовалась приглашению, что у нее даже дрожал голос, когда она по телефону разговаривала с Дамеш, но она будет позже, в конце вечера, после дежурства.

Дамеш надела белое платье с пояском, уложила волосы и отошла от зеркала вполне довольная собой. Она, точно, была очень хороша — черноволосая, чернобровая, черноглазая, с совершенно белым лицом и яркими губами. И только тот, кто ее хорошо знал, мог заметить, что ей не по себе.

Когда она вышла в сад, Аскар уже был там. В саду и без нее было весело и шумно: кто пел, кто танцевал, кто рассказывал что-то веселое, кругом смеялись. Когда Дамеш вошла, слышались поздравления, смех, шутливые приветствия, затем Амиров вдруг потрянул головой и заиграл на гитаре, а Базарханов выскочил на середину и крикнул:

— Внимание, внимание! Этот танец посвящается Дамеш.

И все опять захлопали в ладоши. И еще не кончился этот фантастический горский танец, как, прорывая круг, с уханьем и гогогом бросился в середину кудрявый сорванец Генка и тоже запрыгал вокруг Дамеш.

Дамеш посмотрела на Аскара.

Он стоял молча, одиноко и, казалось, не видел того, что происходит вокруг. Густые черные — настоящие сагатовские — брови были сдвинуты, глаза полузакрыты, как будто он прислушивался к тому, что происходит внутри его, ничего не замечая. Но Дамеш не могла все время смотреть на Аскара, мимо пролетали смеющиеся пары, заслонили Аскара, и он исчез, и Дамеш стала смотреть в другую сторону.

«Ну что ж,— подумала она,— в его груди лежит

еще не растаявший кусок льда. Но ведь ему уже хочется быть среди людей, хочется слушать их и говорить с ними, а это значит, что ему будет становиться лучше, ведь дома и стены лечат».

Кончился танец, и Дамеш повела гостей к столу. Серегина посадила на почетное место. Во главе стола уселась Дамеш, слева от нее — Курышпай, справа — Иван Иванович, дальше шла молодежь.

«А почему не пригласили мать директора? — подумал Серегин. — И Муслима тоже нет... Нехорошо, обидятся, пожалуй». Он хотел спросить об этом Дамеш, но тут под общие крики встал Курышпай и провозгласил:

— Друзья мои, вы знаете, какое семейное торжество мы сегодня отмечаем. После долгих лет разлуки вернулся к нам снова наш дорогой Аскар, дядя нашей Дамеш.

Раздались радостные возгласы и аплодисменты. Курышпай переждал, пока стало тихо, и продолжал:

— Раньше я умел неплохо говорить, но старость не радость, и недаром же говорят, что для старого беркута и мышь великая добыча.

Опять все засмеялись.

— Так вот, шуточки в сторону, скажу как могу. Вот передо мной сидит человек, — старик повернулся к Аскару, — которого я знаю чуть ли не со дня его рождения. Он пришел к нам на завод. И все мы этому очень рады, потому что если сталь нашей марки светла, чиста и крепка, то этот человек еще крепче и светлее нашей стали. Я знал его отца. Скитался его отец по казахской земле из края в край и искал счастья для своего народа, все обошел, а счастья нигде не нашел. Это счастье отыскал его первенец, но отыскал и погиб, не сняв с посаженного им дерева первого плода. От отца и брата его — от того, кто умер раньше, и от того, кто погиб позже, пережив его на десяток лет, — остались двое сироток. Вот они перед вами. Младшей повезло. И ей, конечно, пришлось хлебнуть вдоволь и горя, и людского недоверия, и всякой подлости, тайной и явной. Но она росла среди нас, и мы ее в обиду так и не дали. Вот видите, какая она сейчас сидит между нами, — высокая, чернобровая, стройная — настоящая красавица. И Аскар был бы тоже красивым да кудрявым, да не так решила судьба, и другое выпало ему на долю. Такое выпало, что другой бы этого всего не выдержал, рухнул, а он, как видите, вынес все и принес

целым и здравым ум свой, и свою незапятнанную совесть. Смотрите, каким молодцом он сидит между нами, и, хотя слабо еще его тело, но мощен его дух. Таким он был и смолоду, таким остался и к старости. Слушайте: сейчас я раскрою одну его тайну.

Старик полез в карман, достал оттуда свой партийный билет, раскрыл его, положил на стол и продолжал:

— Это мой партбилет — вот он.

Курышпай открыл партбилет и вынул оттуда узкую голубую бумажную ленточку с крупными красными цифрами и положил на ладонь.

— Явился ко мне однажды Аскар, вынул эту бумажную полоску из блокнота и сказал: «Кураке, я ждал до последнего часа, а сейчас, вижу, уж и ждать невозможно. Над моей головой сгущаются тучи, и я должен быть готов к самому худшему. Эту ленточку с номером я вырезал из своего партбилета, когда попал в плен к немцам. Два года носил ее с собой, зашил в рубашку, все на что-то надеялся, а теперь, вижу, ничего не поделаешь, приходится отдать его в другие руки. Возьмите и сохраните эту ленточку — дороже ее нет для меня ничего на свете. Буду жив — приду за ней, умру — Дамеш отдайте». Я сказал: хорошо, будет сделано. И с тех пор ношу эту ленточку в своем партбилете, а сейчас пришло время отдать ее хозяину. Возьми, сынок!

Аскар вскочил, хотел что-то сказать, но так ничего у него и не вышло. Он только протянул руку и бережно взял желтую выцветшую полоску. Поднес к губам и заплакал.

Послышались восклицания, кто-то заплакал, кто-то крикнул: «Вот это здорово!»

Серегин соскочил с места, схватил руку Аскара и крепко пожал ее. Потом Аскар спрятал полоску в паспорт и сказал:

— Разрешите несколько слов и мне. Вот что я вынес из своей жизни и размышлений... Самое ценное свойство в человеке — это вера в ближнего. В то, что этот ближний честен, добр и справедлив, а значит и в то, что на свете существует добро и справедливость. Скажу по правде: больше всего я страдал не там, в тайге, а после нее, когда мне пришлось быть с людьми, которые смотрели на меня косо, недоверчиво, подозрительно. Но вот вы поверили мне, и я вам благодарен за это...

Он хотел сказать что-то еще, но только глубоко вздохнул и опустил на место.

А стол, как говорят, ломился от разных яств. На нем стояли и казахские блюда, и русские, и кавказские: рядом с румяными пончиками зеленели соленые огурцы и арбузы, на тарелках лежали казы и карта¹. Но сидели за этим столом недолго. Старики не дождались чая, перешли в другую комнату, кто-то вышел в сад покурить, а кто-то вообще заспешил домой — ведь многие работали в ночной смене.

За столом осталось всего несколько человек, и среди них Аскар, Дамеш, Серегин, Ораз.

И вдруг Дамеш заметила, что Ораз вскочил, начал что-то кричать, размахивать руками и наступать на Серегина.

— Ты почему отодвигаешь от меня графин? — кричал он. — Ты и водку жалеешь для меня! Жалеешь, да? Ты велел этому полоумному чеченцу Игламбеку шпионить за мной, а теперь и водки пожалел?

Дамеш подошла и взяла его за руку.

— Ораз, ну-ка идем, тебя дедушка зовет.

Тот вздрогнул от ее голоса, послушно встал и, шатаясь, пошел к выходу.

Там к нему с разных сторон подлетели Гена и Куан, обняли его и, что-то говоря, повели под руки.

Серегин покосился на Дамеш и укоризненно покачал головой, а та отвела глаза. Ей было стыдно.

Зашла Лида и что-то шепнула на ухо Дамеш. Та сейчас же вскочила с места и бросилась из комнаты. Вернулась она, ведя под руку полную красивую женщину.

Аскар встал с места и с каким-то неясным восклицанием пошел ей навстречу.

И она направилась к нему, тоже улыбаясь и тоже протягивая руки.

— Айша, — сказал Аскар тихо и подавленно.

Так вот какой неожиданный подарок, оказывается, приготовила ему Дамеш! «Я вам сегодня такой сюрприз преподнесу, дядюшка, — говорила она, — такой подарок, что, боюсь, вы и на ногах не устоите».

Так оно и вышло.

Айша дошла до половины комнаты и остановилась.

---

¹ Мясо, приготовленное особым способом.

Аскар наклонился и поцеловал протянутую ему руку. В полночь гости разошлись, остались только Аскар и Айша. Лида и Дамеш мыли на кухне посуду, Аскар же сидел и смотрел на Айшу не отрываясь. Что он хотел сказать ей? Что стремился прочитать на ее лице? Недоверие? Отчужденность? Следы тех лет, которые пролегли между ними? Ведь он исчез как раз после той ночи, в которую они договорились обо всем. А вот теперь она же на другого, и он не может даже обнять ее. Он читал в ее глазах и жалость, и умиление, и человеческое тепло, но в них совсем не видно было любви.

Аскар нахмурился и отошел к окну, так ничего и не сказав о том, о чем прежде всего следовало бы говорить. Да и что говорить, о чем спрашивать? Спасибо уж за то, что пришла... За то уж спасибо, что в тайниках памяти сумела сберечь воспоминание о нем.

Когда Айша поднялась с места, Аскар хотел проводить ее, но она отказалась, сказала, что дойдет с девушками. Ничего, пусть он не беспокоится. Дамеш завтра не работает, а Лиде всего девятнадцать лет, в эти годы вообще все нипочем.

Она простилась и ушла, а Аскар потом ворочался всю ночь и никак не мог заснуть.

С ума сойти! Айша замужем, но за кем? Он даже не спросил ее об этом. Да разве в этом дело: она, конечно, нашла себе достойного, это, наверно, умный, красивый человек, уравновешенный и уверенный в себе, здоровый и спокойный, совсем не такой заморыш, как Аскар, и он не только ее муж, но и отец ее десятилетней дочки (она сказала об этом Аскару). Значит, замужем она была уже давно. Вот бежит время... Была Айша хрупкой, нежной и тонкой девушкой, стала полной, красивой, веселой... И какой же счастливец ее муж, кем бы он ни был...

Аскар и сам не заметил, как заснул. Спал он крепко и проснулся только в полдень.

Глава четвертая

Муслим сидел и думал. Слова Каира о том, что завод растерял все свои показатели, не давали ему покоя. Директор говорил о себе, а винил его, Муслима. Себя он считал, видно, чище молока, как говорят казахи. Вероят-

но, еще бы немного, и он выпалил бы: ты главный инженер, стаж у тебя огромный, опыта много, а работаешь спустя рукава. И Муслим усмехнулся: нет, это у тебя, брат, не выйдет. Ты меня в свои дела не путай, директор-то все-таки ты, а не я. А если смотреть в корень, виновата во всем бригада молодого Курышпая. Она потеряла темп и из передовой сделалась самой обыкновенной, рядовой. Ну, конечно, ты рвешь и мечешь, как молодой конь, получивший первый косяк кобылиц. И так забежишь, и эдак, и ржешь, и на дыбы поднимаешься — только бы тебе показать себя старым, заслуженным жеребцом, но шалишь, брат, не получится... Муслим и не таких выдывал. Он тоже не свиней пас. У него на каждого врага свой особый камень за пазухой. И запомни — он зорко следит за каждым твоим шагом, и если потребуется, то и на пальцах пересчитает все твои недостатки и ошибки. И тогда все может повернуться для тебя очень скверно, если уж разговор зайдет начистоту. Сейчас у нас вооруженный нейтралитет, но во что он выльется дальше, одному только аллаху известно! Значит, нужно все предугадать и обдумать заранее. Может и такое случиться — снимут Каира и назначат директором Муслима. Это очень, очень вероятно. Надо только нос держать по ветру. А самое главное, что надо сделать сейчас же, это разлучить жениха с невестой, директора со сменным инженером, Каира с Дамеш. Беда, если они спойются! Тогда хоть с завода беги.

А пока против братца Каира и у него, Муслима, есть одно надежное оружие. Братец-то националист... Он говорит (и Муслим сам слышал это), что надо готовить кадры казахов сталеваров и литейщиков. Обратите внимание — именно ка-за-хов. Не русских, не узбеков, не татар, а казахов. Это очень любопытная черта, и в центре за нее по головке не погладят. Но, конечно, одних слов мало. Надо подумать, проследить, найти свидетелей. Все это, конечно, только на самый крайний случай. Обвинение в национализме — оружие слишком острое и разящее, чтобы пользоваться им так, без особой надобности. А вообще, при всех условиях и сменах руководства, завод должен работать только образцово, только на пять. В этом Муслим заинтересован больше кого-либо. Если что-нибудь случится на заводе, то отвечать придется именно ему.

И как это Каир посмел упрекать его в халатности и лени? Да он после ночной смены, отдохнув всего каких-нибудь два часа, уже встает и спешит на завод. Ему обязательно надо походить по цехам, поговорить с инженерами и рабочими, заглянуть в печи,— только тогда он заснет спокойно, мало ли что может случиться в цехе без хозяйского глаза? И вот сегодня ночью, во время обхода, он узнал пренеприятную новость. У заводских ворот ему встретился Игламбек.

— А вы разве не на тое? — спросил он удивленно.

— На каком еще тое? — удивился Муслим.

— Как на каком? К Сагатовой дядя приехал.

От этой новости Муслиму стало вдруг жарко.

— Какой еще дядя? — спросил он грубо.— Откуда его принесло?

— Да, говорят, из Сибири... Сидел он там, что ли,— ответил Игламбек.

— Так это что? Аскар Сагатов, что ли? — спросил Муслим, и в голосе его зазвучал настоящий испуг.

— А кто его знает? — беззаботно развел руками Игламбек.— Сказали, что дядя, и что он из Сибири, а какой дядя, аллах его ведает.

— Ну и пусть живет, если приехал, пусть живет.

Муслим отвернулся от Игламбека, махнул рукой и пошел к воротам завода. Через час, обойдя цеха, он лежал в своем кабинете на диване и думал.

Вот дьявольщина-то... Откуда взялся этот негодяй, из могилы вылез, что ли... Муслим о нем давно уже и думать позабыл, а он явился! Правда, три года тому назад, когда началась реабилитация, такая мысль,— а вдруг и Сагатов вернется,— начала приходить ему в голову. Но он гнал ее от себя. Тем более, что и Курышпай, которого он как-то спрашивал об этом, ничего определенного не ответил. Никаких вестей,— сказал он,— никаких следов, погиб, наверно, человек.

И вот он явился живехонек, и за пазухой у него, конечно, здоровенный камень, и, конечно, против Муслима прежде всего. Какими глазами теперь он, Муслим, на него должен смотреть? Какой улыбкой ему улыбаться? Что о нем говорить? А вот у Аскара есть что сказать про Муслима. И если, действительно, не струсит, а скажет все, прощай тогда уважение, авторитет, место в жизни... И жена... И жена, конечно!

Муслим встал, вынул из кармана платок, вытер лоб, подошел к окну и распахнул его. Сухой ночной ветер дул из степи, охлаждая лицо. Он стоял, смотрел в ночь, растилающуюся перед ним, и думал, думал...

За что же он, Муслим Мусин, захотел погубить Аскара Сагатова? Если говорить откровенно, то прежде всего из-за Айши, которой так нравился Аскар. Поэтому, когда Муслиму кто-то шепнул, будто бы Аскар — человек сомнительных мыслей и поведения, то он сразу поверил, тем более, что это сказали люди, которым он был обязан верить, но которым, если бы дело коснулось его лично, не доверил бы и своей собаки. Да, ему было выгодно верить в то, что Аскар — враг, и поверил он в это сразу же, не сомневаясь и не спрашивая. Потому что, если Аскар враг, тогда все просто, тогда опускай ему на голову любой кулак!

И вот теперь этот враг вернулся... А почему он вернулся, на каком основании? И вообще если его арест и был ошибкой в ту пору, то разве эти годы могли пройти для него даром? Разве не должны были они внести в его думу сумятицу? Ожесточение? Недовольство? Как он, например, посмотрит на Муслима, когда встретит его на улице? Ведь не только города, а всего Казахстана теперь мало, чтобы вместить их обоих. А времена пошли хитрые, лихие... Люди научились резать правду в глаза! Узнают — засрамят, засмеют, заставят сбежать.

Он вышел из дома и пошел бродить по кочному городу. Потом вспомнил, что уже очень поздно, и вяло полпелся домой. Тихо открыл входную дверь, разулся и на носках прошел в спальню. Надо раздеться и лечь незаметно, чтобы Айша не проснулась, а то начнутся расспросы: «Откуда пришел? Отчего так поздно? Почему такой взволнованный? Нет-нет, я вижу, с тобой что-то случилось. Почему ты не хочешь со мной поделиться?». Разве можно ответить на эти вопросы?

Но в спальне никого не было. Светила полная луна. Кровать Айши была пуста. Где же она? Неужели так задержалась на работе? Муслим зажег настольную лампу и посмотрел на часы: без четверти двенадцать. Прошел в кабинет и набрал номер больницы. Трубку сняла дежурная сестра. Муслим попросил к телефону Айшу.

— Да она давно домой ушла, — ответила дежурная. — Ее смена кончилась.

— А как давно? — спросил Муслим.

— Да как кончила, так и ушла. В девять часов еще ушла.

Муслим бросил трубку и пошел было будить живущую с ними сестру, чтоб узнать, где Айша, но потом раздумал и вернулся обратно. Что может знать сестра, разве Айша докладывает ей, куда идет. Так где же ее искать теперь? У Дамеш, конечно. А Дамеш где? На старом месте у Курышпая она уже не живет. И все-таки он оделся, вышел, прошел к дому Курышпая и посмотрел в окно. Нет, темно, все спят. И на площадке у Дворца металлургов, где всегда шумно и весело, где молодежь гуляет до поздней ночи, где назначаются все свидания, тоже тишина и безлюдье. Светящий циферблат показывал три часа. Значит, через час начнет светать. Он вернулся, сел на веранду и стал ждать — ему хотелось видеть, кто же доведет до дому его жену. Ждать пришлось недолго, через какие-то десять минут он услышал звонкие женские голоса и увидел три силуэта. Они подошли к воротам его дома и остановились.

— Ну, Айша-апай, до свиданья, — сказал один из силуэтов. — Спасибо, что пришла.

— Муслима так и передернуло, — говорила Дамеш.

Потом он услышал голос жены.

— Это тебе спасибо, дорогая, за твое гостеприимство. Я очень счастлива, что увидела старого друга. У нас говорят: когда пятилетний мальчуган возвращается на родину, то даже столетний старец выходит его встречать к воротам. А с твоим дядей у меня столько связано всего — и плохого, и хорошего.

«Вот оно что... — с раздражением подумал Муслим. — Много связано? А как много? И вообще, черт поймет, что значат эти слова. То-то она все первые годы замужества ворочалась по ночам да охала. Об нем, стало быть, вспоминала, дрянная эдакая».

Айша быстро поднялась по ступенькам, но, увидев Муслима, неподвижно сидевшего на крыльце, остановилась и спросила:

— Ты еще не спишь? Ждешь меня? Чудеса! — голос у нее был веселый и слегка пьяноватый.

«Вот змея-то, — подумал Муслим. — Ну и змея... Ее и за голову схватишь, а она все равно будет норовить вывернуться».

— Куда это ты запропала? — спросил он хмуро. — Ведь скоро уж четыре часа. До утра прогуляла...

— Да на то я была, — беззаботно ответила Айша, проходя в дом. — Понимаешь, приехал дядя Дамеш — Аскар. Ты ведь его должен хорошо знать. Вот мы и гуляли!

«И ведь даже не скрывает. Все начистоту выкладывает, — злобно подумал Муслим. — Вот и попробуй скажи что-нибудь».

И вдруг ему показалось, что кто-то схватил его сердце в кулак и сжал несколько раз. Он закусил губу, приложил руку к груди и прислонился к столбу балюстрады. Ему нужно было прийти в себя, прежде чем пройти в дом.

«Аскар! Ты его должен знать! Должен хорошо знать!» Что она хотела сказать этим? Слова как будто бы обыкновенные, а смысл...

...Айшу разбудили стоны Муслима. Она вскочила и подошла к нему. Муслим лежал, раскинув руки по одеялу, и бредил. Она разбудила его, напоила валерьянкой, послушала сердце. Встать ему наутро с постели она не разрешила.

«Полежи денек, — сказала она. — С сердцем шутки плохи, особенно в твои годы».

Муслим, сам перепуганный ночным припадком, целый день пролежал в постели. Мысли не давали ему покоя. Они жужжали и жалили, как осы, а стоило закрыть глаза, и вновь лезли бредовые видения. Пропасть без дна и края, он карабкается по какой-то отвесной стене, хватаясь за камни, камни обрываются под его руками, падают, а он лезет и лезет и все не может вылезти...

В полдень Айша прислала к нему из больницы сестру, которая напоила его какой-то сильно пахнущей микстурой. Потом из школы прибежала дочка, и он провел с ней почти целый час. А вечером к нему, бодро постукивая деревяшкой, пожаловал секретарь партбюро Серегин.

— Болеешь, брат? — весело воскликнул он. — Силен, силен! Сейчас что-то всем нездоровится. Вот и я расклеился. Понимаешь, какая чепуха, начали болеть пальцы на отрезанной ноге! Нет их, а болят — вот ведь штука... Слушай, а что с тобой такое? Что ты так глядишь на меня?

Муслим смотрел на него, не отрываясь, слушал и старался не пропустить ни одного слова. Ведь надо же было понять, кто, зачем и с каким намерением послал к нему Серегина.

— Да нет, я ничего,— пробормотал Муслим.

— Ладно, лежи,— засмеялся Серегин.— Да не бодись, не бодись, я то вижу все. Конечно, ты, брат, прав, главное,— Серегин энергично сжал кулак,— главное вот! Сила. Не поддаваться... Не раскисать! Она, болезнь, в одну сторону тебя крутит, а ты ее в другую крути. Вот и будет хорошо!

Муслим молчал.

— Да, нога,— усмехнулся вдруг Серегин.— Я ее в срок третьем году в Ялте потерял... Да так обидно, можно сказать, ни за что потерял-то. Ехал на грузовике из Симферополя и налетел на мину. Шофер на месте остался, а я, вот видишь, стал калекой. И то только потому, что не растерялся. Кровь била фонтаном, а я перетянул ногу жгутом и остался сидеть... Ну, тут наши скоро добрали.

Он говорил, а Муслим смотрел на него и думал: «А для чего он все это рассказывает? Что за этим кроется? Серегин не из тех, кто распускает язык. Никогда никому он не рассказывал о ноге, а тут вдруг, нате, заговорил... Нет, тут что-то совсем не то...»

— Ну, а на заводе что нового? — спросил он.

— Что нового-то? — Серегин на минуту задумался.— Да как будто ничего особенного нет. Вот только к Сагатовой дядя вернулся. Силен мужик, как будто бы и не сидел! Вчера она прием устраивала в его честь... Ты что не был?

Вот оно! Вот оно, то самое, с чем он пришел. Ничего, спокойствие, спокойствие... Нет, ничем он не выдаст себя, у него ясные глаза, голос не дрожит, он улыбается.

— Дядя? — спросил он с нарочитым удивлением.— Какой дядя? Хотя постойте, постойте, был у нее какой-то... Говорили, что его осудили на двадцать пять лет как изменника родины. Неужели он уже отбыл срок? Значит, дали не двадцать пять, а меньше.

— А при чем тут срок? Его же реабилитировали,— с удивлением сказал Серегин.

Муслим мрачно кивнул головой.

— Ну, конечно... реабилитировали,— протянул он

ехидно.— Теперь что-то всех реабилитируют. Ты документы-то его смотрел? Будет случай, посмотри. Ты обязательно посмотри! На слово-то не верь!

— Ох, и подозрительные же вы,— развел руками Серегин.

— Не подозрителен, а бдителен,— с обидой поправил его Муслим.— Было раньше такое хорошее слово, а теперь его забыли. Но я знаю: сколько волка ни корми, а он все в лес глядит.

Серегин нахмурился.

— Слушайте, да что вы такое говорите? — спросил он резко.— Какого вы еще волка нашли? Аскар Сагатов — честный коммунист, пятнадцать лет он провел в невероятных условиях и не озлобился, не ожесточился, а пришел к нам таким же, каким и был,— честным коммунистом и хорошим советским человеком. А посадили его враги, которые уже давно получили по заслугам. И вообще надо глядеть в грядущее, а не в прошлое.

— А у меня и прошлое неплохое,— сердито, с вызовом отрезал Муслим.— Только тогда, в прошлом, я знал, что вокруг меня делается, и сам понимал, что надо делать, а сейчас я ничего не понимаю, и поэтому сердце у меня не на месте.

Серегин, не торопясь, поднялся с места.

— Мутное у вас сердце в таком случае, товарищ Муслим,— сказал он сухо,— очень, очень мутное.

Когда Серегин вошел в свой кабинет, он увидел Дамеш. Она сидела на диване и читала газету.

— Вот это неожиданность! — воскликнул Серегин.— И давно ты меня ждешь?

— Да уж целый час,— ответила Дамеш.— Понимаете, нас вызывают в горком. Вас и меня.

— А зачем, не знаешь?

Дамеш пожала плечами.

— Да, наверно, снова речь пойдет о моем предложении. Но не знаю сейчас, как все это выйдет.

— А в чем же ты сомневаешься? — удивился Серегин.

— Так ведь директора-то сейчас нет,— ответила она.— Как же я разговаривать буду? Он подумает, что я специально дождалась его отъезда и пошла жаловаться. И так меня зовут клязницей.

Серегин посмотрел на нее.

— Если я не ошибаюсь, кляузницами зовут тех, кто из-за пустяков готов весь мир перессорить. А вы только отстаиваете свою правду. Ладно, если вызывают, то пойдем, там все выясним.

Первый секретарь горкома Базаров, пожилой мужчина с громким голосом и резкими чертами лица, был нетерпелив, немногословен и больше любил слушать, чем говорить сам. Был он вежлив и обходителен. Когда в его комнату вошли Дамеш и Серегин, он поднялся и пошел им навстречу.

— Садитесь, пожалуйста,— сказал он радушно.— Вот так! Курите! Товарищ Сагатова, я к вам с просьбой. К нам ведь идут все, кто с жалобой, кто за советом, а вот сегодня я сам вызвал вас и, прежде всего, инженера Сагатову, чтобы попросить совета.

— Ну что ж,— сказал Серегин,— Дамеш человек знающий и если уж посоветует, так это будет что-то стоящее.

— А вот сейчас посмотрим,— улыбнулся Базаров.— Совета я у вас, товарищ Сагатова, попрошу вот какого. Нам нужен секретарь парткома на большом металлургическом заводе. Вот и посоветуйте — рекомендовать нам вас на это место или нет?

Дамеш отрицательно покачала головой.

— Нет, посоветую не рекомендовать. Я не имею никакого опыта в партийной работе. Да и специалист я еще слабый.

— Да? — недоверчиво покосился на нее Базаров.— Странно, а ведь именно на вас указал главный инженер вашего завода.

— Ну, тогда все ясно, товарищ Базаров,— засмеялся Серегин.— Раз это рекомендация Мусина, то, конечно, посылать Сагатову никак не стоит.

— А почему? — Базаров поморщился.

— Все это очень просто. Мусин хочет устранить Сагатову с нашего завода — вот и все. Вы сами понимаете: начальство неохотно расстается со своими любимчиками, зато неугодных оно готово сплавить куда угодно и под любым предлогом. Вот так Мусин и поступает. А Сагатова говорит правду: опыта партийной работы у нее нет. Посылать ее парткомом нельзя.

Пока Серегин говорил, Базаров сидел и молчал. Через некоторое время он спросил:

— А зачем так поступает Муслим? Это мне не совсем понятно.

— Вы все поймете, если вспомните некоторые наши прежние разговоры о Мусине и Сагатовой. Ну, о ее статье, в частности!

— Ах, это о предложении Сагатовой, о новом способе продувки мартена,— кивнул головой Базаров.— Помню, помню... Кстати, чем все это кончилось?

— Ну, говори,— Серегин толкнул в бок Дамеш.

— Наша дирекция действует по пословице: семь раз отмерь,— сказала Дамеш.— Вот они до сих пор и отмеряют, а резать все боятся.

— Да, было бы хорошо,— подхватил Серегин,— если бы сначала отмерили, а потом все-таки что-то решили. А то ведь так: положили предложение в сейф, да и захлопнули дверку.

Дамеш улыбнулась.

— Но ведь вы были сами за так называемое всестороннее обсуждение проекта? — проговорила она.— Нет, пусть обсудят со всех сторон. Ждала долго, подожду еще.

— Правильно, на то они и начальство, чтоб обсуждать да решать,— похвалил Дамеш Базаров.— Так, значит, свой совет, Сагатова, вы мне дали. Хорошо, прислушаюсь к нему... До свиданья, товарищи!

Глава пятая

Два дня Муслим пролежал в постели, а на третий день снова появился на заводе.

Айша была опытным врачом и не держала больных долго в постели.

«Вообще-то она молодец,— думал Муслим.— Красивая, приветливая, совсем еще молодая»... Муслим шел по заводскому двору, не глядя по сторонам, он направлялся к мартеновскому цеху.

Двор был асфальтирован, и в этом безусловно заслуга Муслима. Пять лет тому назад здесь вообще невозможно было пройти. Каждая машина поднимала тучи пыли. Теперь здесь чистота и порядок, а что было бы без Муслима? Вообще завод этот ему особенно дорог. Здесь он начал свой путь простым инженером, отсюда он поднялся

до кресла заместителя министра. Сюда он вернулся опять, когда пришлось ему покинуть свой министерский кабинет. В Муслиме действительно много достоинств, это знают даже его враги. Он энергичен, гибок, сметлив, умен, трудолюбив. Но при этом не очень доверчив и слишком насмешлив, ласков и обходителен с высшими и холоден с подчиненными. Через жен и сестер начальников он ведет планомерную осаду сердец их мужей. Не всегда, правда, это ему удается. Был случай — в тот самый момент, когда он уже в мечтах своих собирался сесть в министерское кресло, какой-то неизвестный поставил ему ножку, и он покатился вниз. Да так лихо покатился, что чуть шею не сломал. Вот и пришлось ему вернуться на тот же самый завод, на котором он работал прежде. И тут, на родном месте, ему опять повезло: возвратился он сюда рядовым инженером, а через год уже стал главным. А отсюда и до директорского места не так уж далеко.

В цех Муслим пришел еще до начала дневной смены. Инженер Сагатова, в легкой синей куртке, о чем-то ожесточенно спорил с начальником ОТК. Вокруг них толпились рабочие. Когда Муслим подошел, все расступились.

— Что за собрание? — спросил Муслим, чуть заметно кивнув головой Дамеш.

Начальник ОТК, толстый рыхлый мужчина, так и вцепился в Муслима.

— Вот, очень хорошо, что вы подошли, — громко заговорил он. — Очень хорошо! Посмотрите, какую сталь сдает мне товарищ Сагатова! Смотрите, на корке слитка, на конце, усадочная раковина. Если ее не отсекут, я не приму весь кусок. А отсецешь — пропадет процентов двадцать всего слитка. Разве это дело?

Муслим удовлетворенно покачал головой.

Молодец Давид Петрович, умница. Все понял с одного слова. Перед самой болезнью Муслим вызвал его к себе и пробрал с песочком: «Что ты за добрый дядя? — сказал он недовольно. — Принимаешь все, что бы тебе не подсунули, а ты ведь контроль! Понимаешь, ты же технический контроль! Сагатова подсовывает тебе брак, и ты берешь его. Там раковины, там навар, а тебе все одно! Смотри, предупреждаю, если будут неприятности, я тебе не защитник!»

Давид Петрович все понял и сейчас вел себя благо-разумно.

— А теперь вот на этот кусок взгляните! — кричал он. — Легкий, правда? Так я ручаюсь, что в нем тоже есть раковины.

Тут Дамеш не выдержала и перебила его:

— От вашего ружья никому ни жарко ни холодно. Вы ничего доказать не можете... Если у вас есть какая-то особая цель, то просто пишите мне брак, и делу конец.

Этого Муслиму только и нужно было. Он повернулся к Дамеш:

— Что такое? О какой цели вы говорите? Как прикажете понимать эти ваши слова? — ласково спросил он.

— А вот так, как я говорю их вам, так и понимайте, — резко ответила Дамеш. — Технический контроль нарочно приписывает мне брак.

Муслим сокрушенно покачал головой.

— Товарищ Сагатова, да вы отдаете ли себе отчет в том, что говорите? А то за некоторые слова потом приходится отвечать, и иногда даже больно отвечать.

— Я за все свои слова готова отвечать, — отрезала Дамеш.

— Да неужели? — голос у Муслима становился все ласковее и ласковее, теперь он почти мурлыкал. — Отлично, тогда что же это такое? Вот на этом куске что это такое? Не навар ли?

— Не навар, а корка.

— Корка! Отлично, — Муслим кивком головы подзвал к себе двух сталеваров, стоящих в стороне. — Подойдите сюда, вот вы, вы! — крикнул он. — Сколько времени прошло с тех пор, как спустили сталь в изложницу? — обернулся он к Дамеш.

— Около часа.

— Тогда пора, давайте берите ее из изложницы. Будем смотреть.

Мастер подал сигнал, кран загудел и легко оторвал изложницу от куска стали. Изложницу он поднял, осторожно отнес и опустил в другое место, а кусок стали остался лежать.

— Видите? — спросил Муслим, обращаясь к Дамеш.

Поверхность стали была покрыта мелкими черными пятнами и корочками.

— Вижу,— ответила Дамеш.

— Так в чем же дело?

— В том дело, что изложницу эту пора давно выбросить, она вся изношена. Вы требуете от меня чистую продукцию, а инвентарь даете черт знает какой.

«То есть я сам же и виноват,— подумал Муслим.— Ловко она все оборачивает».

— Дело тут не в изношенности изложницы,— сказал он солидно.— Дело в том, что вы упустили целый ряд важнейших правил варки стали. Во-первых, нельзя было опускать в изложницу сталь такой высокой температуры, во-вторых, сама изложница была поставлена неправильно, перекошена в сторону, в-третьих, изложница перед употреблением не приведена в порядок, не очищена, не смазана. Вот все это и дало брак. Ладно, будем говорить об этом на оперативке.

Через час в кабинете директора проводили оперативку. По предложению Муслима инженеру Сагатовой был объявлен выговор за допущенный ею производственный брак.

В тот же день Муслиму пришлось объясняться с Каиром.

Каир только что вернулся из Караганды и был сильно не в духе. Все как-то не ладилось в последние дни. Сложные отношения с Дамеш не давали покоя. Что будет дальше? Как объяснить ей все, что произошло? Потом еще эта ссора с матерью и сестрой... Конечно, и он вел себя не так, как следовало бы. Наговорил кучу резкостей, дерзостей, накричал, а толком так ничего и не добился. Как было, так все и осталось. Кроме всего этого, его вывел из себя разговор с редактором газеты, где напечатана была статья Дамеш. Редактор ему сказал: «Слушайте, товарищ директор, что за странное письмо вы нам прислали? Сначала со всем как будто соглашаетесь, а затем все — пункт за пунктом — опровергаете! Зачем же так? Раз вы правы, то и виниться вам нечего. Ведь только гоголевская унтер-офицерская вдова сама себя высекла...»

Каир ушел от него красный от стыда. И только одно утешало его: в обкоме одобрили его проект организации

курсов подготовки молодых специалистов и литейщиков из казахской молодежи.

Это, конечно, хорошо, но все остальное не радовало... Дома он застал осунувшуюся и, как ему показалось, сильно постаревшую за эти несколько дней мать. Конечно, она все еще продолжала сердиться на него. На вопросы отвечала односложно, стараясь не смотреть на сына. Из-за всех этих причин — больших и малых — Каир почувствовал себя таким усталым и разбитым, что решил на завод не ходить, а вызвать «брата» Муслима к себе.

«Братец», — подумал он с горькой улыбкой и покачал головой. — Что ж, раз из рода Куандык — значит братец. Против этого не попрешь, по мнению Муслима, иначе и быть не может. И все-таки странно это. Раньше, когда его спрашивали, кто он такой, он отвечал «казах», так же как ответил бы «человек». Но, оказывается, надо было сказать: «Я человек из рода Куандык». Не инженер, не директор, а именно «человек из рода Куандык». Об этом ему сказал Муслим и перечислил всех наиболее знаменитых его родственников.

И сейчас, вызвав Муслима, Каир подумал: «А что? Он, может, и Дамеш потому травит, что она принадлежит к какому-нибудь другому роду. С Муслимом все может быть!»

И Каир стал думать о своем отце, о его нелегкой жизни, о том, как отец окончил сначала училище, а потом в первые годы революции институт... Воспитывал его отец по-спартански: на шестом месяце вдруг вырвал из рук матери и отнес в ясли. Когда ему исполнилось три года, сам за руку отвел в детский сад и сдал воспитательнице. И пошло: пионерский отряд, комсомол (отец сам дал ему поручительство) и, наконец, институт. Только тут отец и перестал докучать ему бесконечными вопросами в письмах: какие книги ты прочитал за эту неделю, на каких картинах бывал, какие спектакли понравились. Как все это было далеко от родовых счетов и интриг!

Через открытую дверь Каир увидел: прежде чем зайти к нему, Муслим завернул к Акмарал.

«Экий бабий угодник, — подумал Каир с раздражением. — Да не его ли устами говорит мать, когда ругает Дамеш? Да-да, и это тоже надо выяснить».

Муслим вошел к нему в комнату степенной неторопливой походкой. Каир принял его стоя, как младший

старшего. Лицо Муслима прямо-таки излучало тепло. Он улыбался, шутил, говорил комплименты и был до того доброжелателен и благовоспитан, что справился даже о здоровье шофера Каира. Затем, когда вступительная часть кончилась, начался серьезный разговор.

Муслим спросил:

— Почему ты так похудел за эти несколько дней, неужели же от дружеских встреч в Караганде?

Каир ответил:

— Худею не от водки, а от плохих советов.

Тогда Муслим обиженно спросил:

— От каких же советов ты похудел? Может быть, от моих?

— Вот именно, вы угадали,— сказал Каир.

— Зачем же тогда ты зовешь меня? — спросил Муслим.

— Ваш вопрос справедлив,— сказал Каир.— Пора мне пользоваться своим умом... Хотя, может быть, ума у меня не так уж много.

— И отлично! — фыркнул Муслим.— Давным-давно пора становиться взрослым.

Неизвестно, что ответил бы Каир, наверно, что-нибудь очень резкое, но в этот момент в двери показалась голова Акмарал.

— Чай пить прошу, самовар на столе! — крикнула она.

Каир стиснул зубы. Всегда вот так. Только дошел разговор до главного, а мать тут как тут... А ведь именно из-за нее он и начал говорить с Муслимом резче, чем хотел бы. Его возмущала эта непонятная дружба матери и Муслима, их многозначительные перемигивания и улыбки, которыми они только что — он это видел — обменялись. Да, у них как будто полное взаимопонимание. Откуда оно? Мать целые дни сидит дома, да и Муслим тоже или дома, или же на заводе. И когда они успели подружиться? Где же они встречаются? Похоже на то, что у них настоящий заговор.

За чаем разговор возобновился. Первым заговорил Муслим:

— Каиржан,— сказал он задумчиво,— ну кого мы веселим своими перепалками? Ведь обязательно найдется и третий, кого это обрадует. Но этот, третий, будет не твой и не мой друг. Ты лучше скажи мне прямо, в чем

дело? Ты мной недоволен? Почему? Тебе что-то наговорили на меня? Да? Кто? Скажи?

— Вот это вопрос,— сказал Каир вздыхая.— До чего же он характерен для вас! Обязательно вы должны кого-то в чем-то подозревать. Ох, не ко времени все это!

Он разлил по рюмкам коньяк, желая смягчить свои слова.

— Слышал, вернулся к Дамеш ее дядя, врач Аскар Сагатов,— сказал Муслим.— Дамеш устроила в честь его той. Всех позвала, никого не забыла, только вот меня и твою мать забыла.

— А жену твою, Муслим, она не позабыла пригласить? — ехидно улыбнулась Акмарал.— Нет, ее-то не позабыла! Видишь, что она делает, жену от мужа отрывает! С женой водку пьют, а муж дома сиди! Ну, как это, по-твоему, хорошо или нет? По-моему, очень нехорошо!

— Да ладно, я об этом уж и не говорю,— сказал Муслим.— Не хотят, так и бог с ними... Насильно мил не будешь. Но как они могли тебя не подождать? Вот чего я не могу понять.

«Да,— подумал Каир,— нехорошо вышло, совсем нехорошо! Значит, я так обидел Дамеш, что она меня и позвать к себе в гости не захотела. Очень нехорошо! Мелкая мстительность совсем не к лицу Дамеш. Впрочем, женщины все на одно лицо».

— Налей-ка,— сказал Муслим и протянул свою рюмку Каиру.— Вот так, спасибо... Вообще Сагатова ведет себя на производстве очень странно. Так себя ведет, как будто на заводе только она одна. Ни с чем не считается, никому не подчиняется, приказы технической части для нее пустой звук, из-за личных дел забывает все. На следующий же день после этого тоя она выдала брак... Ну куда же это годится? Поручила варку стали мастеру, а сама ушла с завода и где-то прошлялась всю ночь. С кем? Одному аллаху это известно. Результат же вот: сталь была разлита при недопустимо высокой температуре, значит, остывала неравномерно, и поэтому внутри нее неминуемо должны оказаться раковины.

Муслим говорил убедительно, подробно, доказывая вину Дамеш. Но в ушах Каира звучали только выкрики: «Брак! Халатность! Раковины!».

Зато Акмарал запомнила все, что сказал Муслим. Она качала головой, щелкала языком и приговаривала:

— Ай-ай, брак! Ну за это и тебя по головке не погладят.

Каиру ясно стало, что весь этот разговор был подготовлен заранее. Внезапно он встал из-за стола и жестом пригласил Муслима следовать за ним. Когда Каир привел его в свою комнату, он плотно прикрыл дверь и только тогда спросил его прямо и сухо:

— Скажите, за что вы ненавидите Сагатову? У вас есть на это причины?

— Что? — Муслим в растерянности развел руками.

— То есть как это ненавижу? — спросил он. — Разве я ее ненавижу? Плохо работает твоя Дамеш, вот и все. А ты заступаешься... А почему заступаешься, я так и не знаю.

— Я не заступаюсь. Я хочу восстановить справедливость, — поправил его Каир.

Но Муслим уже ехидно улыбнулся.

— Да какая же там справедливость? — сказал он. — Сменный инженер наплевательски относится к своим обязанностям, дает брак. Главный инженер ставит это на вид, и тут вдруг директор заступает за бракодела. Непонятно мне все это! Я не прав, так снимите меня... Ладно... Будем говорить обо всем этом в совнархозе.

И Муслим, резко толкнув дверь, вышел из комнаты.

Это была угроза, и Каир так это и понял.

Ну что ж, — подумал он, — пусть Муслим, если это ему нравится, пишет жалобу. Конечно, по заводу пойдут всякие разговоры (на что, на что, а на это Муслим мастер), будут говорить: вот как директор заступает за свою кралю... Но и в этом есть какая-то доля правды. А смена Дамеш работает скверно. Надо было бы сразу взяться за нее, а теперь, пожалуй, поздно. Подумают еще: «Вот директор мстит за статью». И вообще получается черт знает какая путаница...

Каир думал об этом, обходя цехи. Уже смеркалось. Когда Каир подошел к мартеновскому цеху, перед ним весело пропыхтел локомотив-кукушка. Машинист узнал директора и кивнул ему головой из окна. В цех Каир не пошел. Он миновал длинный узкий коридор и поднялся на железный балкон. Теперь цех был перед ним весь как на ладони. Шла разливка стали. Золотые брызги вспыхи-

вали над изложницами. Они походили и на фейерверк, и на струйки огненного фонтана, и на падающие звезды. «Если бы кто-нибудь,— подумал он,— добрался до солнца и ударил бы по нему молотом, наверно, оно брызнуло бы вот точно такими же звездами!»

Внизу, вокруг золотых фонтанов, сновали сталевары, инженеры и мастера. Они не боялись огня, стояли рядом с печью, и незаметно было, что им жарко.

И тут Каир увидел Дамеш. Она была в синем прорезиненном костюме и в синих очках сталевара. Волосы у нее были собраны на затылке в узел. Каир сбежал по железным ступеням и пошел к ней по сталеразливочному пролету. И Дамеш тоже увидела его и, улыбаясь, пошла навстречу. Сейчас она показалась ему очень хорошенькой (может быть, потому, что он ее не видел уже с неделю). Но хотя Дамеш и улыбалась, настоящей радости в ее лице не было. Впрочем, может, она и улыбалась автоматически. Они встретились и обменялись рукопожатиями.

— Ну, поздравляю тебя, Дамеш,— сказал Каир.— От всей души тебя поздравляю. Теперь уж ты не одна, у тебя дядя! Только одно досадно мне: почему ты в последнее время так старательно избегаешь меня? Вот даже на встречу с дядей не пригласила.

Дамеш покраснела.

— Но ведь ты был в Караганде,— сказала она.

— А подождать меня уж никак нельзя было?

Смотря ему прямо в глаза, просто и доверчиво она сказала:

— Да, нельзя было. Все сотрудники настаивали, чтобы я устроила той сейчас же. Иначе вышло бы, что я зажимаю праздник. К тому же,— улыбнулась она,— ты директор, а чтоб директора встретить достойно, нужно заколоть целого барана.

Каир махнул рукой.

— Аллах с ним, с бараном. Мне он не нужен... Нужно только твое доброе отношение ко мне.

— Ну, мое доброе отношение всегда с тобой,— с легкой отчужденностью сказала Дамеш.

— Да? Ну, это хорошо...

Каир не отходил, и Дамеш поняла, что он не решается о чем-то еще спросить у нее. И действительно, он вдруг сказал:

— А вчера опять дали брак?

Дамеш нахмурилась и спросила:

— Что значит «опять»? А когда еще?

— Значит, ты берешь на себя только последний брак? — прищурился Каир. — А предыдущий кто возьмет?

— Да я никакой на себя не беру, — отрезала Дамеш. — Ни тот, ни этот.

— Но выговор ты получила? За что же?

— Спроси об этом у главного инженера.

Каир вздохнул.

— Я хочу именно тебя спросить, а не его. Где та сталь, что вы испортили?

— Спроси у начальника ОТК. Брак зависел не от металла, а от изношенности изложницы. Ей в обед сто лет! Ее давно пора на свалку выбросить. Идем, я тебе покажу ее.

— А где у тебя глаза раньше были? — крикнул Каир, не двигаясь с места. — Как же ты могла разливать сталь в изношенные изложницы? Значит, всецело доверилась мастеру? Нет, милая: мастер прошляпил, а выговор получишь ты! Вот так!

Дамеш никогда не возражала, когда была действительно виновата. Не возразила она и сейчас. Опустив голову, она молча выслушала Каира. А тот вдруг кивнул ей головой и, широко шагая, пошел в соседнее помещение.

Глава шестая

Окончательно нарушились отношения между Оразом и Ажар после тоя. В этот день он едва добрался до дому — был сильно пьян.

— Это все ты виновата, все ты! Все ты! — говорил он, укоряя невидимого собеседника.

Если бы Ажар была умна и тактична, она бы просто уложила мужа в постель, и на этом бы, вероятно, весь бунт Ораза и кончился: покричал бы он, покричал, да и заснул бы. Но Ажар встретила его руганью и кулаками.

— У своей шлюхи нажрался! — орала она. — Ишь ты! Надумала разлучать жену с мужем! И у тебя хватило совести пойти к ней одному, без жены? Ну и иди к ней! А мне такого мужа не надо! Сейчас же бери вещи и убивайся!

Она вопила до тех пор, пока Ораз не бросился на нее. И бог знает, чем бы все это кончилось, если бы он не зацепился за стул и не растянулся во весь рост на полу, а она с визгом не выбежала бы в соседнюю комнату и не разбудила весь дом. Проснувшись на другой день, Ораз долго еще сидел на постели, качал головой и вспоминал случившееся. После работы он сразу же с завода пошел к Геннадию. Пришел, уселся на диван и сказал:

— Вот! С сегодняшнего дня я прописываюсь у тебя на этой площади.

Геннадий засмеялся. Он подумал, что за этим кроется какая-то веселая шутка, но только не мог понять, какая же именно. Дело в том, что они с женой были в обиде на Ораза. Эту квартиру они получили недавно, и новоселье справили шумно и весело. Произошло это в тот самый день, когда Ораз отправился встречать Дамеш. Как ни уговаривал его Геннадий сразу же после встречи приехать к нему, Ораз на все уговоры отвечал одно: «Как сестра. Если будет в состоянии, придем вместе, а один я не приду. Не бросить же мне ее в первый же день? У нас будет свой праздник». Так он и не пришел.

— Нет, правда, останусь-ка я у вас,— предложил Ораз.— Смотри, как у вас хорошо. Две комнаты... Балкон с цветами... Стол с белой скатертью... Радиоприемник... Красота! Так вот, друзья, серьезно говорю: принимайте бродягу.

— Шути, шути,— сказал Геннадий.— Нашел над чем смеяться!

— Да я не смеюсь,— серьезно ответил Ораз,— я действительно хочу снять у вас эту тахту. Понимаешь, ушел из дому.

— Неужели это правда? Машенька,— обернулся Геннадий к жене и нерешительно поглядел на Ораза.— Ладно! — вдруг сказал он.— Тащи бутылку... Надо сначала хорошенько выпить, а потом и разберемся!

Маша недоверчиво посмотрела на Ораза и, улыбаясь, покачала головой.

— А помнишь, Ораз, как ты на электросварщице чуть не женился? Сколько шуму тогда было?

— Но клянусь вам...— начал было Ораз.

Генка весело оборвал его:

— Брось, не обдуришь! Ну-ка, давай лучше по маленькой... От маленькой голова яснее.

В это время Маша поставила на стол бутылку, три стопки, блюдо с корейкой и соленые огурцы. Потом она снова ушла на кухню.

— Ну, так за что пьем? — спросил Геннадий.

— За мой переезд к вам! — Ораз сразу же опорожнил свою стопку.

Геннадий сделал было глоток, но почти сразу же поставил недопитую стопку на стол и впервые с сомнением посмотрел на Ораза.

— Нет, ты не врешь? — спросил он.

— Не вру, конечно.

— Что же тогда случилось? — спросил Геннадий.

— Да ничего особенного! Вернее, все то же: целый день ругань, слезы, попреки, пришел вчера от Дамеш, так она мне такой скандал закатила... Ай-ай! Я ее чуть не ударил. Хорошо еще, что зацепился за стул и упал, а то без милиции не обошлось бы.

Лицо Геннадия сразу стало серьезным.

— Ай-ай, до чего же у вас дошло... Маша, Маша, иди-ка сюда! Брось все, послушай! Расскажи, Ораз, ей, она все поймет.

И Ораз выложил им все. Когда он кончил говорить, наступило молчание. Маша сидела и смотрела на Ораза. Геннадий встал и прошелся по комнате.

— Да, — сказал он наконец, останавливаясь перед Оразом. — Нехорошо! Значит, хочет баба зажать тебя в кулак по-настоящему. Так, чтобы ты и не пикнул... Не поддавайся, Ораз. Это ее мать, старая сплетница, накручивает. А тебя весь город знает. И она будет тебя перевоспитывать. Как бы не так... Ты вот что: ты поживи, сколько надо, у нас, а сам доставай путевку в дом отдыха. Из дома отдыха на завод автобус ходит, будешь на нем на работу ездить, а она пусть по знакомым бегаёт, ищет тебя. Небось образумится! Если такие вещи женам спускать, то и жизни не рад будешь... Ты слушай меня, я плохого тебе не посоветую.

Это была правда. Ораз знал, что на Гену смело можно положиться. Выкручиваться да лавировать — это не Генкино дело, он скажет в глаза, и все! На него часто обижались и даже жаловались, но он на все упреки отвечал одним: «Я люблю, чтобы слово было прямое и справедливое, вот как та железная кочерга, которой я шурую в мартене. Она и руки натруживает, и жаром об-

дает, а без нее стали не выплавить». Часто после его выступлений спор на собраниях разгорался сильнее. Порой неожиданно резкой репликой он ставил в тупик чрезмерно развязаного или красноречивого оратора, и тот начинал путаться, повторяться, разводить руками и, наконец, умолкал совсем. Но Генка был известен не только как грубиян, озорник и насмешник, его знали еще как человека отзывчивого и доброго. Если кто-нибудь запаривался в работе, Гена без дальних слов бросался ему на помощь. Если кому-нибудь срочно нужны были деньги, Гена вывертывал свои карманы и поспешно уходил, не принимая благодарности. С ним часто спорили по самым разным поводам, но любили его все. Любил его и Ораз, хотя и ему самому подчас приходилось ругать и наставлять Генку. А теперь вот Генка наставлял Ораза, и это тоже правильно.

Генка дал блестящий совет: действительно, самое лучшее в положении Ораза — сразу же уехать в санаторий. Сегодня же он пойдет в завком и попросит путевку.

— Это хорошо ты посоветовал,— говорил он Генке,— я так и сделаю. Пусть ищет.

— Вот именно,— засмеялся Генка.— Ладно, выпьем тогда за твоё новоселье.

Некоторое время они молчали. Но после второй рюмки лицо Генки приобрело решительное выражение, и он сказал:

— Я давно собирался поговорить с тобой, но все как-то не приходилось. Скажу сразу: неважные у нас дела, до того неважные, что как бы звание бригады коммунистического труда нам ручкой не помахало! Ты это чувствуешь?

— Разумеется, чувствую,— ответил Ораз.

— И почему? Сталь мы выпускаем некачественную. Это раз. Производительность труда у нас пала — это два. Много металла уходит в брак — это три! А отчего так получается, понять не могу... Работаем-то как будто не хуже прежнего! Может быть, ты понимаешь, где тут собака зарыта?

— Не особенно,— Ораз отставил от себя рюмку,— Кое в чем, конечно, и я сам виноват.

— Ты?

— Конечно, я. Раньше я никуда с завода не отлучался, а теперь каждый месяц у меня то сессия, то собра-

ние партактива, то пленум и еще бог весть что. Вот в Караганду ездить приходится два раза в месяц, не меньше. Ведь на это же время требуется. Вот и получается, что варит сталь кто-то, а не я... А вы все молчите.

Генка поднял голову и ринулся в бой.

— Ну, если бы мне только раньше пришло в голову это,— сказал он свирепо.

— Так вот не пришло же,— улыбнулся Ораз.— И мне тоже не приходило... А потом все эти семейные неполадки, ссоры, грызня. Ты знаешь, как все это изматывает? Посмотрел я, как бы ты стал работать на моем месте.

— Я пел бы и работал! — крикнул Генка.

— Ай-ай, он бы пел! Послушал бы я тогда твоё пение... Ну ладно, не об этом речь, а вот есть у меня одна мыслишка. Нужно сократить время между отдельными операциями у мартеновской печи, понимаешь? Сжать переходы от одного процесса к другому. Есть у меня кое-какие наметки по этому поводу, да ведь все это надо проверить на практике.

— То-то ты часами торчишь у дверей мартена! — засмеялся Геннадий,— Куат все на тебя смотрит и вздыхает. Неладное что-то с бригадиром творится. Задумываться он что-то начал! Как бы...

— Ой! — воскликнул Ораз.— То-то я раз заметил, как он смотрел, смотрел на меня, а потом покрутил пальцем около лба, вздохнул и отошел.

— Он и мне об этом говорил,— признался Генка.

— Ах, даже и говорил? Ну, ладно, пусть себе говорят, дело не в этом. Вопрос о сокращении времени между отдельными операциями — это очень сложный вопрос. Его надо решать с хронометром в руках. Вот этим я и займусь в ближайшее время. А что касается того, что мы не заработали звания, то я не особенно расстраиваюсь. Мне и Героем Труда быть тяжеловато.

— Хорошо, отдай звание мне и покончим с этим делом. Я не подломлюсь под ним,— сказал Генка решительно.— Так за твои планы, Ура! — и он снова наполнил рюмки.

Всю ночь ломило раненую ногу, а под утро перед рассветом вдруг опять заболели ампутированные пальцы, и Серегин пришел на работу в отвратительном настроении.

А тут еще уборщица забыла проветрить помещение, и в кабинете было накурено и душно. Серегин распахнул окно. Свежий холодный воздух хлынул в комнату. Стояло пасмурное, серое утро. Со стороны Самаркандского озера напозла черная, тяжелая туча. Видно, собрался дождь. От этого и нога ныла.

В дверь заглянула Лида.

— Николай Иванович, вас просит директор,— сказала она.

Каир встретил Серегина на пороге кабинета, взял его под руку и повел к креслу.

— А вид у вас неважнецкий,— сказал он.— Что, опять ногу ломит?

«Очень тебя это трогает!» — с раздражением подумал Серегин.

— Как всегда, когда меняется погода! — ответил он сухо, морщась от боли.— Я уже привык к этому.

По его тону Каир понял, что говорить о своей болезни Серегин не любит.

— Вы садитесь, пожалуйста, Николай Иванович,— сказал он.— Поговорим. Меня вчера вызывали в обком. Не догадываетесь зачем?

Серегин отрицательно покачал головой.

— Да все по поводу той статьи,— улыбнулся Каир.— Не нравится им наш ответ. Ну, то, что мы с главным инженером сочинили... Говорят, отписка, начало с концом не сходится.

Лицо Серегина вдруг стало замкнутым.

— Не знаю, не знаю, о чем вы говорите,— сказал он официальным тоном.— Я это письмо и в глаза не видел. Не сочли нужным показать его парторгу... Как говорится, странно, но факт.

Каир развел руками.

— Сознаюсь, виноват,— сказал он искренне,— подвел меня этот Муслим. Я думал, что он согласует это письмо с вами. А он... Станный он человек, конечно.

С минуту они просидели молча.

— Ну хорошо! — сказал Серегин, и по голосу его было слышно, что он принял извинение директора.— Так чем кончился этот разговор, что вы им сказали?

Каир невесело усмехнулся.

— Что сказал-то? Сказал, что проверяем, изучаем, дожимаем, ну, и все прочее... Приехал, хотел сразу же

заняться этим делом, а тут, на беду, технолог заболел, — не с кем посоветоваться.

— Неужели заболел? Такой здоровый мужик, кровь с молоком! — воскликнул Серегин. — Что же он, в больнице? Может, нужно ему чего-нибудь принести?

— Да нет, он дома лежит, — ответил Каир. — Так ведь от этого не легче. Застарелый ишиас, неизвестно, когда встанет... А тут еще другая беда — в мое отсутствие главный инженер вынес выговор Сагатовой.

Серегин снова поморщился и махнул рукой.

— Знаю. Из-за этого выговора мы с Муслимом чуть не подрались.

— Вот как? — живо подхватил Каир. — Значит, по-вашему, выговор несправедливый?

— Безусловно! — Серегин с уверенностью кивнул головой. — Несправедливый, как и всякое сведение личных счетов. Но я думал, вы снимете этот выговор, как только приедете.

— Это я сниму? — усмехнулся Каир. — Нет, куда уж мне.

Каир встал и прошелся по кабинету. Так он делал всегда, когда сильно волновался или сердился.

— Как же мне его снять? — продолжал он. — Ведь этот приказ согласован с горкомом, с Базаровым лично... Они же друзья — Базаров и Муслим. Как что Муслиму не нравится, так сейчас: я к Базарову поеду, я об этом с Базаровым поговорю...

— Черт! — Серегин так рассердился, что ударил кулаком в подлокотник кресла. — Вот я ему покажу, как спекулировать чужим именем. Да и потом, при чем тут Базаров? Дело Сагатовой — дело производственное, оно касается только технической части завода, горком тут явно ни при чем.

— Это-то так, — ответил Каир, — а вот бегают наш главный инженер в горком, и никто ему не указ. А сегодня Муслим прислал мне еще документик. Вот прочитай-те-ка! — и он протянул через стол бумагу.

«Недисциплинированность этой бригады, — читал Серегин, — выражается, однако, не только в одном производственном браке. Налицо и бытовое разложение. Бригадир Ораз Курышпаев пьянствует и не всегда аккуратно выходит на работу. Так например...»

Серегин пропустил абзац.

«Не лучшие результаты,— читал он дальше,— дает и смена инженера Дамеш Сагатовой. Не имея никакого производственного опыта, Сагатова тем не менее... Ввиду всего указанного, считал бы необходимым перевести инженера Сагатову на работу в технический отдел завода, заменив ее...

Серегин прочел бумагу до конца и бросил ее на стол.
— Знакомая песенка.

Каир молча сложил рапорт и положил его в папку.

— Самая главная наша беда в том,— сказал он,— что бригада действительно сбавила темп. А тут еще бригадир попал в милицию — подрался с кем-то. Милиции, конечно, дела нет, кто он. Не нарушай тишину. А заводу неудобно. Ну как же? Наш герой, орденосец, и вдруг в милиции за мелкое хулиганство. В общем, бригада распустилась. Слово за вами, товарищ парторг. Надо поговорить с людьми, да так, чтобы у них зачесались затылки. Поговорите?

— Поговорю, Каир Рахимович,— проговорил Серегин и встал.— Крепко поговорю... Зачешутся!..

Прямо из кабинета Каира Серегин пошел в горком.

Хлестал дождь, на улице разливались бурные потоки. Серегин, вымокший и уставший, не раздеваясь, прошел прямо в кабинет секретаря. Около двери стояла небольшая очередь.

Николай Иванович кивнул головой на кабинет и спросил у одного из ожидающих:

— Есть там кто-нибудь?

— Инструктор,— ответили ему,— сидит уже целый час.

— Можно? — спросил Серегин и постучался.

— Одну минуточку,— крикнул Базаров, но Серегин уже толкнул дверь и вошел.

Базаров сидел за столом. Он быстро подписывал какие-то бумаги и отдавал их секретарю. Против него в кресле сидел худой человек в гюбетейке и что-то оживленно рассказывал. Оба улыбались.

Увидев вошедшего Серегина, Базаров поднял голову и сказал:

— Здравствуй, Николай Иванович, заходи! — и снова наклонился над бумагами.

Серегин подошел к столу и спросил несколько официальным тоном:

— Василий Федорович, удели мне минут пять для разговора. Но только один на один.

— Вот только кончу с бумагами,— сказал весело Базаров и, подмахнув еще несколько бумаг, отдал их секретарю.

На минуту наступила такая тишина, что было слышно, как сердито жужжит шмель, ударяясь о стекло.

— Это очень интересно,— сказал Базаров, продолжая прерванный разговор,— но требует самой тщательной проверки. Поезжайте на Магнитку и сами ознакомьтесь с положением на месте. А в первую очередь проверьте торговую сеть. Вопрос снабжения сейчас основной. Впрочем, вы еще зайдете ко мне до отъезда, тогда поговорим поподробнее.

Он проводил инструктора до двери, потом вернулся к столу, опустил в кресло и сказал Серегину:

— Так, слушаю.

Серегин посмотрел на него и спросил коротко:

— И долго ты думаешь руководить таким образом?

— Как? Что? — обомлел Базаров.

— Я спрашиваю, ты долго будешь руководить городом, не оставляя письменного стола?

Базаров молчал и оторопело смотрел на него.

Серегин вдруг засмеялся.

— Да нет, я еще не совсем с ума сошел, товарищ Базаров.

— Интересно,— протянул наконец Базаров.— Очень интересно! А ты не с левой ноги сегодня встал, а?

— Нет, не с левой! — сурово отрезал Серегин.— И вообще брось-ка этот тон. Пойми: тебя должны уважать как секретаря горкома! А ты вот этого не понимаешь. Считаешь, что все тебе улыбаются и руку жмут только потому, что ты такой гениальный! А в чем твоя гениальность? Три года, как ты сидишь в Темиртау, а что ты сделал за это время? Только поздравительные телеграммы принимал да в президиуме фотографировался — вот и все твои дела.

— Ты говори, да не заговаривайся! — крикнул Базаров, и лицо у него вспыхнуло.— Вот такие, как ты, и мутят людей, даром что занимают ответственные партийные посты.

— Стой,— поднял руку Серегин.— Я тебя только об одном спрошу: сколько раз ты был на заводе? Вот на нашем заводе, сколько раз ты бывал?

— А я что, отчитываться перед тобой буду? — сказал Базаров и стиснул кулак.

— Знаю — не будешь. Нечем тебе отчитываться передо мной и перед всеми нами. Нечем, за три года твоего сиденья в этом кабинете ты и на заводе-то был только один раз! Вот как знатный иностранец из кинохроники!

— Ты прекратишь или нет? — крикнул Базаров и вскочил с кресла.

— Сиди, сиди, Василий Федорович! — Серегин махнул на него рукой.— Это еще только начало. Ты знаешь, сколько я тебе собираюсь высказать всего? Конечно, я и себя виню, и других товарищей. Никто из нас до сих пор с тобой не поговорил как следует. Вот ты и возомнил про себя... А я ведь жалеючи тебя пришел...

Базаров иронически улыбнулся:

— Вот, оказывается, нашелся у меня благодетель! Да ты в зеркало посмотри, с какой улыбочкой ты говоришь мне все это? Иудина улыбка у тебя, товарищ Серегин.

— Ничего,— ответил Серегин,— я в зеркало каждый день смотрю, улыбка у меня нормальная. А говорю я тебе так потому, что о тебе забочусь. Ведь ты же с заводом как знакомишься? По сводочкам да протоколам? А судьбы коммунистов решаешь по докладам вот таких хлыщей, как тот, что только что сидел перед тобой?

— Смотри, уж и инструктор оказывается у тебя хлыщ! — сказал Базаров.— Хотелось бы знать, что ж ты против меня имеешь? Назови факты.

— Факты? Какие же тебе нужны факты? Разве то, что ты три года в кабинете просидел, не вылезая из кресла,— не факт? Ты руководишь жизнью города, а видишь город из окна своего кабинета. Это хорошо?

— И все-таки город я знаю, представь себе, лучше, чем ты.

— А, все это болтовня,— сказал Серегин.— Ни завода, ни города нашего ты не знал и не знаешь... Вот в газете «Советская Караганда» появилась статья о нашем заводе, так как, по-твоему, соответствует она фактам или нет? Можешь ты в этом вопросе разобраться? Нет ведь? Нет! Обсудил ты эту статью на бюро? Опять-таки нет!

Что завод сделал после опубликования этой статьи; ты знаешь? Нет! Главный инженер наш написал письмо в газету, где разбирал статью по пунктам и со многим не соглашался. Читал ты это письмо? Ты его и в глаза-то не видел! Этот главный инженер терпеть не может молодых, всячески изводит и преследует их. Говорил ты с ним об этом? Нет! Вот видишь сколько «нет» получается, как только заговоришь о твоей работе.

— Ну что ж, продолжай, чего ты остановился? — сказал Базаров.

— Могу и продолжить, — спокойно ответил Серегин. — Дружба с Муслимом — это тоже твой грех. Ну как же, он все уши прожужжал в дирекции, всех инженеров тобой пугает, как серым волком: секретарь горкома — мой лучший друг... Слышишь, друг! Слышишь, лучший! Как что случится, сейчас же у него одна песня: хорошо, будем говорить об этом в кабинете Базарова. И все знают — в кабинете Базарова разговор плохой. Очень плохой для рядового инженера! Ибо всему, что Муслим скажет, тому Базаров свято поверит.

— Ну, хватит, — оборвал его Базаров. — Хватит, послушал я тебя. Замолчи! А то сейчас созову по телефону бюро и поставлю вопрос о твоём поведении в кабинете первого секретаря.

Серегин встал.

— Ох, силен же ты, Василий Федорович, — сказал он насмешливо. — Ну звони, звони, я был бы рад... Очень бы мне хотелось потолковать с тобой на бюро. Я бы уж там все высказал, ничего не скрыл бы, да ведь не позвонишь... Ладно... Придется по-другому действовать! Ничего, мы найдем путь!

И, стуча деревянной ногой, Серегин вышел из кабинета.

Дождь давно перестал, но по улице еще всюду бежали ручьи. Серегин посмотрел на заходящее солнце и покачал головой. Долго же, однако, он протерпел с Базаровым. Все в нем еще дрожало от возбуждения, и он вместо того, чтобы идти домой, повернулся и пошел к озеру.

Да, Василий Федорович, — думал он, — недолго тебе сидеть в своем кресле! Такие друзья, как Муслим Мусин,

заведут тебя в такое болото, что ты из него и не вылезешь... Ведь подумать: секретарь горкома Темиртау в глаза не видел знатного сталевара Ораза Курышпаева... А Ораз работает, учится заочно в металлургическом институте. Если вдуматься как следует, то именно такие люди и являются гордостью республики. А секретарь горкома никогда и фамилии-то такой не слышал. Впрочем, и он, Серегин, тоже хорош. Его бы тоже палкой бить, да, видно, некому. Ораз сейчас на перепутье, он переживает кризис, ему нужна помощь, чье-то дружеское плечо, рука, которую можно пожать. А он, секретарь парткома, только раз удосужился поговорить с ним и сразу же обозвал его мальчишкой: ты еще и жить-то как следует не начал, а уже с пьяных глаз в милицию попал,— крикнул он тогда и в сердцах вышел, хлопнув дверью. Нет, так не годится, он не должен был кричать. Кричать можно только в самых крайних случаях, а не тогда, когда чувствуешь свое бессилие. Он обязан был найти ключ к сердцу этого Ораза. Не смог найти и раскричался. Разве это дело? Ему казалось, что Ораз — парень твердый, умный, скромный, работающий, и вдруг оказалось, что он пьет. В милицию попал, протокол там на него составили, на тое опять неприятность вышла... Почему? Неужели узнался? Что ж, и такое бывает... Но может, и наоборот: потому он и запил, что не везет ему... «Выдать рекорд это еще не фокус, а попробуй-ка его удержи»,— сказал он как-то Серегину.

И в самом деле, этот рекорд бригада Ораза не удержала. Но работать-то Ораз любит и умеет, это все знают.

Глава седьмая

«Горе как рана: одна затягивается бесследно, другая хоть и рубцуются, но болит»,— сказал кто-то.

Сегодня Аскар вновь вспоминал эти слова. Да, раны его еще болят. Вот сказал он о сорок втором годе, и опять заныло сердце. В 1942 году попал в плен — какая простая фраза, а подумать, сколько в ней страданий. Сколько мук он пережил за это время. Казалось, они должны были убить его... А он все пережил и вернулся домой. Но покоя все-таки нет.

Он попрощался с Серегиным и быстро пошел к дому.

Когда открыл калитку, сзади подкатил и остановился грузовой автомобиль. Не успел он подумать о том, к кому же это приехали, как из кабины выпрыгнула Дамеш и бросилась к нему.

— Дядюшка, дорогой,— крикнула она,— это пианино нам привезли! Помнишь, я тебе говорила, что купила? Два месяца ждала из Ленинграда.

— Ну, поздравляю,— Аскар обнял Дамеш и поцеловал.— Значит, по вечерам будем слушать музыку. Как ты его только сгружать будешь?

— Да очень просто, отвалим борт машины и спустим по доскам.

— Это-то понятно, что по доскам...

Аскар посмотрел на машину и на минуту задумался. Потом быстро скинул пиджак.

— Ну, где твои доски? Давай их сюда,— сказал он.

Из дому деловито вышел Иван Иванович и остановился на пороге. Он поглядел на Аскара, на шофера, на подсобного рабочего, сидевшего на борту, и расхохотался.

— Столько народу, и не можете сгрузить одно пианино. Эх вы, удальцы!— сказал он.— А что, если я один его сниму и перенесу в комнату, что тогда будет?

— Не осилишь, дед,— сказал шофер.

— Ради бога!— испуганно воскликнула Дамеш.— У вас ведь больная нога. Упадете — и себя искалечите, и пианино попортите.

— В самом деле, папа, не надо,— робко попросила Лида,— сейчас еще подойдут мужчины.

Старик молодцевато потер руки и спрыгнул со ступенек на землю.

— А ну, отойди, не мешай,— сказал он, отодвинув шофера.

— Ну и старичок!— сказал шофер восхищенно.— Плечо как железо. А ведь, наверно, на пенсии?

Старик повернулся к нему и расправил грудь.

— А ты пощупай мускулы,— крикнул он задорно и согнул руку.— Дави, дави, не бойся! Вот то-то! Я ведь бывший грузчик... Бывало, навалят тебе на спину ящики и ничего — идешь, тащишь, только покрякиваешь. А положишь на весы — пятнадцать пудов! Давай сюда эту штуку. Подталкивайте, подталкивайте ее поближе! Мне только одно плечо подставить, а там...

Тут Аскар увидел, что шофер и рабочий уперлись в ящик и толкают его обеими руками к борту.

Старик ждал, согнувшись, и подставлял плечо.

— Иван Иванович! — крикнул Аскар, бросаясь к нему. — Ведь останешься на месте, а мне отвечать придется — я же врач. Как же я могу это допустить? Ты что, хочешь, чтобы меня по судам затаскали?

— Отойди! — крикнул старик и отмахнулся от Аскара огромной желтой ладонью. — Я свою силу хочу проверить! Если одолею этот ящик, то еще двадцать лет проживу. Эй! — обернулся он к шоферу. — Что ты заснул, что ли? Подгоняй, подгоняй его на край! Не бойся, не разобьется.

Ящик медленно, под согласными усилиями нескольких рук, сползал к борту.

— Ну, поддай еще.

Старик обхватил ящик одной рукой, поставил его между лопатками, пригнулся к земле, сделал шаг, другой — тут колени его дрогнули, и он начал опускаться на землю.

К нему бросились с разных сторон, но он только крикнул:

— Не трогайте.

И, согнувшись почти до самой земли, прошел еще несколько шагов. Теперь около ворот собрались соседи, прохожие, мальчишки. Все они смотрели на старика, затаив дыхание, ждали.

Старик сделал еще несколько шагов, потом задержался на секунду, быстро шагнул в сторону и вдруг начал оседать.

— Папа! — отчаянно крикнула Лида.

Но Аскар, который был все время настороже, успел предупредить катастрофу. Он крикнул шоферу:

— Держи другой край.

Аскар подсунул доску между спиной старика и ящиком, а другой конец ее занес на борт машины. Тут подбежали Лида и Дамеш и тоже поддерживали доску. Груз больше не давил старика, но колени его дрогнули, и он тяжело сел на землю.

— Нет, не судьба, — сказал он хрипло. — Значит, я уже свое отработал...

Ящик опустили на землю, а Аскар наклонился к старику и пощупал пульс.

— Не трогай,— поморщился старик.— Что тут уж трогать. Со старостью не поспоришь! Ты ей свое, а она свое твердит... И сколько ты ей не доказывай, а все равно она правее тебя будет. Помогите-ка, я встану.

Аскар протянул ему руку. Старик попытался приподняться, но только качнулся и снова сел на траву.

— Ну вот видишь, никак! — сказал он, скорбно улыбаясь.— А знаешь, я когда-то это пианино не то что поднять, а сам сделать хотел. Был у меня такой дружок Володька Богаев. Вот мы с ним и задумали это дело. Все чертежи достали. Полгода работали, столько досок перепортили — страсть! И ничего не получилось! Вот! — он поднял правую руку.— Видишь, половины большого пальца нет? Это я топором снес, когда работал. Вот так, дорогой, и вышло, что мечтал я быть музыкальным мастером, а сделался рабочим. Хотел делать рояли, а пришлось их на спине таскать. А сейчас и таскать не могу. Значит, конец.

Аскар прошел в свою комнату и лег: сегодняшней нелепый случай с роялем объяснил ему многое. Раньше — что греха таить — он считал старика болтуном, старым бахвалом. Все «я» да «я», а что «я» из себя представляет, никому не известно. Сегодня Аскар понял, что старик по-настоящему страдает. Ему бы по его характеру горы ворочать, рояли на спине таскать, земные недра выворачивать, а вместо этого приходится по целым дням сидеть на скамеечке под пыльной сиренью, вспоминая старину и свою былую славу. И рядом с ним, на той же самой скамеечке, сидит его друг по несчастью Аскар Сагатов. Так они и коротают свои дни: казах и русский, врач и грузчик, обоим им нелегко, и оба понимают друг друга с полуслова.

Да, люди сейчас научились понимать друг друга...

В соседней комнате Дамеш заиграла на рояле. Аскар прислушался: она играла Грига. Тот самый ноктюрн, который любила и хорошо исполняла Айша. Аскар закрыл лицо и лежал неподвижно.

Потом, после обеда, когда они еще сидели за столом, Аскар спросил Дамеш:

— Дамешжан, а где работает Айша?

Дамеш, вдруг что-то вспомнив, быстро вскочила с места и бросилась к Аскару.

— Дядюшка, милый, прости меня,— заговорила она торопливо,— Айша еще вчера тебе передавала привет, да я забыла, она хочет поговорить с тобой. Да...

Она внезапно остановилась, не договаривая до конца.

— Ну что да — говори.

— Да вот больно муж-то у нее ревнивый.

— Муж? Кто же он?

— Да ты его знаешь,— сказала Дамеш,— главный инженер Муслим Мусин.

В этот момент Аскар держал в руках часы и заводил их. Часы упали на пол.

— Ах, дьявол! — Он тяжело опустился на стул.

Дамеш молча смотрела на него.

— Дядюшка, милый, да что с вами? — спросила она робко.— Я не должна была этого говорить? Да?

У нее на глазах были слезы, и Аскар не выдержал.

— Да ведь этот Муслим и посадил меня,— сказал он.

— Как?

— Да вот так.

Больше Дамеш ничего не спрашивала, она повернулась и пошла к себе. Потом легла на кровать и долго лежала неподвижно, глядя в потолок и припоминая все: слова Муслима, его поступки, речи на собрании. Да, такой, решила она, может все: предать, продать, ударить чем-нибудь тяжелым из-за угла.

Заснула она только под утро.

И Аскар тоже не спал всю ночь. Он лежал с открытыми глазами. «Вот,— думал он,— больше молчать невозможно, надо рассказать всем... Но какие у него доказательства? Муслим работает на заводе много лет, его хорошо знают, уважают как специалиста, о нем пишут в газетах. А кто знает Аскара? Ну, конечно, знают, что он бывший пленный и что пробыл в лагере пятнадцать лет, за измену родине. Не слишком ли это мало для того, чтобы обвинить уважаемого и известного всем человека? А вдруг скажут: вот его отпустили, а он еще клеветой занялся, стал наших лучших людей чернить. А что подумает Айша? Впрочем, может быть, она и сама кое-что знает. Ведь столько лет они муж и жена. Так что же за все эти годы она так и не поняла, кто ее муж? Сомнительно, очень сомнительно... Ладно, так или иначе, а письмо Айше он напишет, пусть разберется во всем сама».

Аскар зажег свет, сел к письменному столу.

«Дорогая Айша, ты, конечно, хочешь узнать, что со мной произошло за время нашей разлуки. Коротко пишу тебе обо всем. Суди как знаешь.

Попал я в плен в 1942 году под Харьковом, вместе с госпиталем. Я там был главным хирургом. До этого фашисты бомбили госпиталь с воздуха, и одна бомба разорвалась в соседнем помещении. Меня придавило стеной, и когда я пришел в себя, то сутки ничего не видел и не слышал. Но больным приходилось еще хуже. Я-то хоть еще двигаться мог. Погрузили мы кое-как раненых на машины и стали пробираться к своим через лес. Тут нас и захватили. Ну, скажи, что я должен был делать? Застрелиться? Но это ведь легче легкого. А с больными что тогда было бы? Ведь у них у кого рук, у кого ног нет, и только на меня надежда, а я, выходит, дезертирую? Нет! И мой отец Жунус, которого в 1916 году прозвали богатырем, тоже погиб не от собственной пули. И потом вспомнил я еще слова Горького о том, что смерть от тебя никуда не уйдет, а ты попробуй за жизнь поборись — вот это настоящий героизм. Нет, — решил я, — покажу фашистам, что такое советский человек! Коммунист, попавший в руки врагов, и со связанными руками бьется до последнего дыхания и в конце концов побеждает...

В ту последнюю ночь перед пленом я сделал еще вот что: вырезал из партбилета ленточку с номером, засунул ее в капсулю из-под барбомила и спрятал капсулю в нагрудный карман. А билет закопал под дубом и сделал на дубе зарубку. Так что и в плену я чувствовал себя коммунистом с партбилетом в кармане.

Немцы пригнали нас сначала в Киев, а оттуда эшелонном отправили в Бобруйск. В Бобруйске наш эшелон разделили на две части. Тех, кто совсем не мог двигаться, оставили на месте, а остальных загнали в вагон и погнали во Львов, в лагерь... Железные ворота, проволока в несколько рядов, а через нее пропущен ток высокого напряжения. И вышки, вышки, вышки... А на вышках солдаты с пулеметами и прожекторами. Пригнали нас в караулку, раздели догола, обыскали, потом отвели в брезентовую палатку. Двухэтажные нары, набитые доверху людьми.

Посмотрел я на этих людей — оборванные, грязные, лежат боком, так, что между ними и руку не просунешь. Однако для меня место все-таки нашлось.

С того дня и пошло меня швырять по пересылкам, пока я, наконец, не угодил в венское гестапо. Этих дней мне никогда не забыть. Меня секли плетью, скрученной из электрических проводов, так секли, что потом рубашку приходилось отдирать с кожей, а когда я терял сознание, обливали ледяной водой из шланга и снова били. А раз посадили в камеру с раскаленным полом. «Ты жаловался, что тебе холодно, так вот отогрейся». Пробыл я в камере часа три и целый месяц после этого не мог стоять — все подошвы были в пузырях! Хорошо, что все это вспоминаешь, как в тумане.

Требовали от меня лишь одного: «Сознайся, что ты командир». И было в эти дни у меня только одно желание: умереть спокойно. Ходить уже не мог, к следователю меня таскали на носилках. И вот однажды все кончилось, и от меня отступили. А причиной тому послужил сущий пустяк.

Принесли меня, как обычно, под вечер из камеры и опустили на пол. И тут я сразу же как будто ослеп — и это потому, что вся комната была залита солнцем. Это было так необычайно, — солнце в гестапо! — что я забыл про все на свете и видел только это солнце, чувствовал только солнечное ласковое тепло. Как будто все тяготы свалились с меня и не было уже ни плена, ни исполосованного тела, ни обгорелых ступней, ничего, кроме этого яркого солнца. Я купался в нем, я подставлял ему лицо, руки, голову, шурился, смеялся, хотел зачерпнуть его в пригоршню, как воду. Следователь даже вскочил из-за стола, потом покачал головой, выругался сквозь зубы, вызвал по телефону конвой и приказал меня унести, подумал, наверное, что я рехнулся. После этого меня больше уж не трогали. Продержали в гестапо недели две, подлечили и отправили в Маутхаузен. Сейчас весь мир знает, что это такое, а тогда это было величайшей тайной. Это я тебе скажу: был настоящий ад Данте. А надпись: «Оставь надежду всяк сюда входящий!» надо было вырезать именно на воротах Маутхаузена.

Капсюлю с номером партбилета я сунул в ухо, а сверху заложил тряпочкой — мол, простудился во время этапа.

Да, милая Айша, может быть, и ты не поверишь, если я скажу, что мне трижды удавалось бежать. Первый раз из Львовского лагеря. Поймали. Полуживого бросили

снова в лагерь и через месяц отправили в глубь Германии.

Нас везли в товарном вагоне. Мы разобрали пол и один за другим стали прыгать под колеса. Когда я очнулся после падения, то увидел поблизости густой лес. Но мне не повезло: наткнулся на предателя, бендеровца, работавшего у помещицы; он и сдал меня полиции.

Когда позже меня посадили у нас, мой следователь не поверил, что я бежал из Маутхаузена. «Тебя,— говорил он,— завербовали и забросили к нам». После такого обвинения я решил покончить с собою. Лучше было бы сдохнуть в лагере смерти.

Но потом я подумал о тебе, о Дамеш, и решил бороться, и рассказать тебе всю правду. Я хотел рассказать при встрече, но не смог. Я хочу, чтобы ты поверила, что я действительно бежал из ада.

Как-то ночью была бомбежка, да такая, что земля гудела. А утром начальство отобрало триста человек покрепче и погнало в город разбирать завалы на улицах. Я и казах Жаксенов тоже попали в эту партию. Нас привели в какое-то большое депо и приказали раскапывать машины, заваленные рухнувшим потолком. Вот мы и стали копать. Собственно говоря, тут и копать-то было нечего: где стояло здание, там теперь высилась груда кирпича, да торчали из него, словно руки и ноги покойников, вылезавших из могилы, трубы да радиаторы. И вот через час оба мы стоим в глубокой канаве около железной трубы, обнаженной взрывом. Заглядываю в нее — это же целый туннель, ворота в подземное царство. По такой трубе можно не ползти, а бежать, только чуть-чуть пригнув голову...

Мы все копаем да копаем. Выкидываем из траншеи глыбы, какие-то рельсы, железные крепления, словом, освобождаем себе выход в трубу. Конвой на нас и не смотрит, мы же в оцеплении! Вот толстый понурый немец — руководитель работ — повернулся спиной к нам. Тогда я сделал знак напарнику, и мы оба мгновенно нырнули в трубу. Вошли в тоннель и побежали во всю мочь.

...Дорога ровная, гладкая и сухая — металл!

— А вдруг газ? — спросил Жаксенов. Я махнул рукой, — в таких широченных трубах газ не скапливается.

— А если собак за нами спустят? — опять спросил Жаксенов.

— Да ты беги! — ответил я сердито. — Ты беги и не спрашивай! Через час работа кончится и нас хватятся. Надо успеть выбраться.

Тут труба сделала неожиданный поворот, я упал и больно расшиб лицо, но раздумывать некогда, поднимаюсь, обтираю кровь и снова бегу. Болела согнутая спина, кололо где-то в боку, но ноги несли меня сами. Жаксенов не отставал от меня; все время я чувствовал на своей шее его горячее дыхание. А проклятая труба все не кончалась. Куда же она нас приведет? К сатане на рога?

— Смотри, — сказал я не оборачиваясь, — труба-то пошла вниз! А старики говорят: ад в земле под седьмым слоем. Сколько же мы уже слоев пробежали, как ты думаешь?

— Много, ох, много! — ответил Жаксенов.

Опять побежали.

«Черт возьми, а вдруг они пустят за нами собак? — подумал я и ответил сам себе: — Да нет, не пустят: собаки не полезут в темноту, да и след, наверно, на железе не возьмут. А без собак ни один эсэсовец не сунется в такую ловушку».

— А вдруг собаки? — услышал я вдруг голос Жаксенова.

«Вот она, передача мысли на расстоянии».

— Души ее, подлую, — сказал я.

— А эсэсовца куда?

— Пошли, не болтай глупости, — сердито ответил я.

А труба все тянется и тянется, нет ей конца, и шайтан ее знает, куда она нас приведет. Хорошо, если не выползет где-нибудь около самого лагеря или не уйдет в воду. А то еще лучше может быть: мы вылезем и попадем прямо в объятия эсэсовцев с собаками. Эх, не догадался я взять с собой обломок железной трубы. Так бы угостил ею овчарку, что она бы и не гавкнула.

А туннель наш все не кончался, он загибался вправо, влево, опускался, поднимался снова, и, казалось, нет ему ни конца ни края. Приходили всякие мысли: а вдруг к этой трубе примыкает еще другая. А вдруг трубы соединятся? Вот и будешь плутать, пока не выбьешься из сил, а там тебя затравят собаками.

И вдруг увидел впереди слабые проблески света.

— Ура! — крикнул я. — Смотри, свет. Свет! Кончилась труба! — но тут же меня охватил страх: на нас лил-

ся какой-то очень странный свет, не тот ясный, трезвый свет дня, который бодрит и вселяет веру, а какие-то сумерки — полутьма, полусвет.

— А вдруг колодец сверху загорожен решеткой?— спросил я.

— Стой, я полезу посмотрю,— ответил Жаксенов.

Вернулся он через минуту и бросился мне на шею.

— Спасены! — крикнул он.— Труба выходит под виадук. Рядом лес и никого нет!

— А темно почему?

— Да вечер же, и дождь начал накрапывать! Лезь скорей!

Вылезли мы из трубы, выкарабкались к краю дороги, оглянулись: железнодорожное полотно.

Хлестал сильный дождь, текли ручьи, виднелся лес.

Счастье, Асаке,— сказал один мой друг,— это не слепая баба-фортуна, а волшебный скакун, и нрав поэтому у счастья далеко не женский. Иногда все хорошо и ты, предположим, едешь на свою свадьбу. Вдруг испугается твой конь, понесет тебя, да и сбросит в реку, и будешь ты тонуть и пускать пузыри. Тогда схватит тебя конь зубами за рубаху, вырвет из бешеного потока и вынесет на сушу!

Этими словами я хочу закончить свое затянувшееся письмо. Вышло длинно, но что поделаешь... Писал всю ночь. Колебался, хотел разорвать, наконец решил: нет, все-таки пошлю. Вот теперь ты знаешь обо мне все. Так суди же меня по совести. Твой Аскар».

Аскар долго стоял у окна. На улице было тихо. Изредка возникал шум автомашины и вскоре угасал. Еле пробивалась утренняя заря, и отчетливо выступали карнизы, рамы противоположных домов.

А Аскар все стоял и вспоминал свое далекое прошлое.

Глава восьмая

Каир чуть не прыгнул от радости. Утром ему позволил председатель совнархоза и сказал:

— Завтра мы с тобой летим в Москву, вызваны на совещание работников черной металлургии. Собирайся.

К этому сообщению во всякое другое время Каир отнесся бы довольно безразлично, но сейчас оно наполни-

до его сердце бурной радостью — уж больно он стосковался по Москве. С делами Каир разделался мигом. Всех посетителей отсылал к Мусину, а сам сел готовить доклад.

Совещание в числе прочих вопросов должно было обсудить мероприятия по внедрению новых методов автоматизации в производстве.

Каир вызвал своего зама и поручил ему до вечера подготовить сведения по техническому оснащению завода, а также о всех соображениях, возникших в ходе этих работ.

— Пожалуйста, сделайте это очень четко, конкретно, с цифрами и по разделам,— сказал Каир.— Так, чтобы можно было увидеть, что мы сделали, что делаем и о чем просим.

После этого он сел в машину и поехал к Дамеш.

«Надо же,— думал он,— попрощаться и обменяться хоть парочкой колкостей, ведь с приезда этого чертового дяди мы почти не виделись».

Конечно, он виноват в этом. Каждый день собирался съездить, но едва переступал порог кабинета, как сейчас же забывал все и начинал кружиться в надоедливом, но совершенно неизбежном колесе ежедневных дел и забот. Но и она хороша: сто лет не приходи к ней и сто лет она о нем не вспомнит. Вот взять и назло жениться на москвичке Вере. Пусть тогда она сидит с носом. Но чем же он ей хочет пригрозить? Да она только рада будет, что он пристроился и перестал тревожить ее своими рассуждениями и попреками. Еще на свадьбу набьется, пожалуй, и подарок принесет. И не со зла принесет, а от чистого сердца. Вот ведь что самое неприятное, самое обидное...

Когда Каир вошел, Дамеш сидела за чертежной доской и что-то отмеряла на чертеже циркулем. Увидев входящего к ней нарочито шумного и излишне веселого Каира, она заулыбалась, заволновалась, устремилась к нему навстречу и встала перед доской так, чтоб загородить собой чертеж.

— Ну-ну,— сказал он улыбаясь,— не смотрю, не смотрю... Знаю, что это секрет государственного значения! Смотрю только на тебя и больше ничего не вижу.

— Да нет, что ты! — сказала она и очень быстро отколола от доски чертеж и свернула его в трубочку.—

Здравствуй, дорогой! Вот гляжу и не верю глазам, оказывается, бывает же на свете еще такое чудо: товарищ директор выходит из своего таинственного кабинета и посещает таких смертных, как я.

Она шутила, стараясь его задеть, хотя тоже, наверно, была рада его приходу. Но он ведь подготовился именно к такой встрече.

— Бывает, бывает такое чудо! — сказал он добродушно. — И даже довольно часто бывает! И это, так сказать, еще довольно обыкновенное чудо. А вот другое, к сожалению, встречается гораздо реже: смертные никогда не зовут к себе в гости директора. Даже тогда, когда приезжает их близкий родственник.

— Ну, конечно, — Дамеш пожала плечами, — я должна сказать, что ты не оригинален, этот упрек я слышала по крайней мере уже раз десять и столько же раз отвечала на него. Скажи что-нибудь поновее.

Вьется в руках, как змея, улыбается, изгибается, шипит, и попробуй поймай-ка.

— Хорошо, это дело прошлое. Я не об этом. Завтра я лечу в Москву. Не надо ли тебе чего-нибудь?

Дамеш сделала большие глаза.

— То есть подарок? Ах, нет!

— Почему же «ах»?

— Ну тогда без ах. Нет, не надо.

— Отчего же?

Она внимательно посмотрела на него.

— «Бойся данайцев, дары приносящих».

Он покачал головой.

— Мило, очень мило и при этом вполне откровенно. Можно только спросить, почему это я данаец?

— Почему данаец? Потому что не верю тебе... Оказалось, что ты большой мастер прикладывать руки к груди и клясться в дружбе, а на деле...

— Что на деле?

— Да ровно ничего! Что ты сделал с моим проектом?

Каир с возмущением махнул рукой.

— Я? Сделал?

— Ну, хорошо, что вы все сделали? Ты и твой Муслим. Ух, какие вещи я про этого негодяя знаю...

Не в силах сдержаться, она стукнула кулаком по столу.

Каир бросился к ней.

— Дамеш, милая, не говори так... Не говори, о чём ты не знаешь.

Дамеш рассмеялась.

— Это про Мусина я ничего не знаю?

— Но ведь не Муслим виноват,— страдальчески поморщился Каир.— Я же все поручил Платону Сидоровичу, а он как на беду заболел. После гриппа у него что-то с сердцем. Поэтому и произошла задержка. Но когда я вернусь, все сделаю, поверь!

Дамеш молча смотрела на него.

— Ну, я тебе ручаюсь, что так и будет! Ну, наберись терпения! Подожди еще немного! Неделю... Ждала больше!

Она ничего не ответила, и Каир встал.

— Так, значит, тебе ничего не нужно из Москвы? Ни книг, ни тувель, ничего? Жаль, очень, очень жаль! Я искренне предлагал... Но если ничего не надо, так я, пожалуй, пойду. Прощай!

А на заводе в эти дни было очень беспокойно. Чувствовалось: что-то должно произойти.

И произошло.

Насмерть поругались секретарь партбюро Серегин и главный инженер завода Мусин. У них всегда были споры и разногласия по многим вопросам, но теперь дело дошло до прямого столкновения. Муслим всячески досаждал Дамеш, а вместе с ней и Оразу, которого постоянно привык видеть около девушки. Правильно или неправильно, но Муслим считал Ораза постоянным заступником Дамеш. Поэтому Муслим и принялся за Ораза, и с такой яростью, что его никак нельзя было удержать. Не было ни одного собрания, где бы он ни выступал с горячими речами насчет ловчил и зазнаек; никого Муслим не называл по имени, но тем не менее ясно намекал на Ораза и членов его бригады. И он бы, конечно, обрушил на злосчастного бригадира грома и куда большей силы, если бы не Серегин. Парторг всегда был настороже и не давал Муслиму развернуться. Муслим замечал это и старался заодно подставить ножку и парторгу. А так как из этого ничего не получалось, то Муслим сердился. Он очень рассчитывал на свою дружбу с секретарем горкома Базаровым, но еще больше на

энергичность и непрерывность всех своих действий, «Капля камень долбит, и не силой, а частым падением»,— говорили древние. Если каждый день внушать всем окружающим, что парторг у нас интриган, что парторг запустил всю свою работу, то, пожалуй, кое-кого и убедишь в этом. И тут вдруг Муслиму неожиданно повезло, и помог ему в этом, как ни странно, Ораз.

На общезаводском собрании, когда завком вынес решение присвоить бригаде Ораза звание бригады коммунистического труда, сам бригадир вдруг встал и заявил, что отказывается от звания.

— Товарищи! — сказал он. — Работали мы в этом году плохо. Наши показатели не дают нам права на то высокое звание, которое нам предлагают. Конечно, я не теряю надежды на то, что мы в самом недалеком времени завоюем его по праву, но сейчас у нас нет этого права, и я требую, чтобы мое имя из списков было вычеркнуто.

Поднялся шум. Такого случая на заводе еще не было.

К несчастью, Серегин на собрании не присутствовал, а председательствующий Муслим поспешил закрыть собрание и сразу же позвонил секретарю райкома. О случившемся он доложил Базарову в самых резких и нетерпимых тонах.

— Это совершенно безобразное выступление, — сказал он, — только при нашем парторге и может быть такое. Ведь в результате создалось впечатление, что присвоить звание Героя ничего не стоит. Но, конечно, не в Курышпаеве дело! Он глуп и неразвит, хотя, к сожалению, коммунист. Дело в секретаре парткома Серегине, при нем только и возможны такие выходки.

Базаров, который хорошо помнил свой недавний разговор с Серегиным, ответил совершенно в тон Муслиму.

— Да знаю, знаю я его! Неврастеник, псих! Он недавно устроил у меня в кабинете истерику. И как он может быть парторгом на самом крупном заводе республики? Вы правильно сказали. Это безобразное выступление, и я сделаю все выводы сейчас же.

И вот срочно собралось бюро райкома. На него звали Серегина. Сообщение делал Мусин.

— Мне очень тяжело, — сказал он, — докладывать вам об этом тяжелом и тревожном случае. Тут все странно и непонятно. Конечно, не следовало заносить

Курышпаева в список лучших бригадиров — работала его бригада слабо, с ленцой, звание это она, конечно, не заслужила... Но вот парторг почему-то решил присвоить это звание именно его бригаде. Да будет так! Не спорить же в самом деле с парторгом! Никто и не спорил, присвоили и присвоили. И тут сам Курышпаев вдруг сообщил собранию, что все это надувательство, кумовство и он вовсе не собирается в нем участвовать. Это не так глупо, между прочим, как может показаться. Ведь звание-то нужно заслужить, оправдывать и поддерживать каждый день упорным трудом, а то и неприятностей не оберешься. Так уж лучше и не надо его! И вот Курышпаев, как парень смысленный, рассудил: без звания-то спокойнее! Но что сказать о парторге, который позволяет себе играть такими вещами?

Речь Муслима произвела на всех присутствующих тяжелое впечатление. После него слово взял Базаров и стал буквально громить Серегина.

— Серегин не справляется с работой, — сказал он, — не работу он ведет, а дешевую популярность себе завоевывает. Вот этот случай особенно ясно показал, как он воспитывает людей. Стоит подумать, может ли оставаться такой парторг на одном из самых больших предприятий республики.

Все это носило такой явно несправедливый характер, что ни второй секретарь горкома, ни третий не поддержали Базарова. По просьбе Серегина, решили вызвать Курышпаева.

И вот прямо из мартеновского цеха Ораза притащили на бюро. Он был очень спокоен, ответил на все заданные ему вопросы не волнуясь и не сбиваясь.

— Я отказался от высокого звания бригадира бригады коммунистического труда потому, что мы не заслужили его, — сказал он. — Не заслужил ни я сам, ни моя бригада. А принимать такое высокое звание, не имея на это права, я не считаю возможным, это страшно.

— Ах, тебе страшно? — спросил Муслин. — Чего же ты боишься?

— Многого боюсь, — ответил Ораз. — А больше всего боюсь получить то, чего не заслужил.

— Нет, вы слышите, Василий Федорович? — не сдерживая радости, закричал Муслим. — Ему страшно! Он струсил! И еще коммунист называется!

— Слышу,— скорбно сказал Базаров.— Вот до чего можно довести человека!

— Нет, он трусит! Ха-ха-ха! — заливался Муслим.— Вот орлов-то себе вырастил Серегин!

— Товарищ главный инженер,— второй секретарь постучал по графину.— Вы все-таки хоть немного сдерживайтесь! Это же бюро.

Дальше события развертывались так.

Базаров решил все-таки заставить Серегина признать, что он кругом виноват.

— Товарищ Курышпаев, вы свободны, идите работайте,— громко и грустно объявил Базаров.

Когда тот ушел, он резко повернулся к Серегину.

— Все это ваша вина, товарищ парторг! Желали вы этого или нет, но наше самое высокое производственное звание оказалось публично осмеянным. Это тяжелый грех. Конечно, я не могу настаивать на том, что бригада товарища Курышпаева, как и он сам, достойны этого звания.

— Конечно недостойны! — прервал его Муслим.— Курышпаев вообще человек неустойчивый. Вот ушел от жены и живет один! То есть не один, конечно...

Он не закончил фразы.

— Глупость, сплетня! — оборвал его Серегин.— Надо проверить, а потом говорить!

— А вы проверяли? Нет? Ну, хотя бы вы слышали об этом? Тоже нет? — Муслим повернулся к Серегину.— Ну, значит, вы также не можете об этом судить.

Бюро вынесло Серегину строгий выговор с предупреждением.

На другой день Серегин собрал партийное бюро. Пригласил он и Ораза со всей его бригадой.

Собрание началось с вопросов.

— Ну-ка, Ораз,— сказал Серегин,— теперь мы у себя. Объясни же нам серьезно, почему ты отказался от звания Героя Труда? Говори все прямо.

Ораз встал и долго стоял раздумывая.

— Что же ты молчишь? — спросил Серегин.— Ты раскаиваешься в своем поступке? Так, что ли?

Ораз вдруг поднял голову.

— Нет, не раскаиваюсь,— твердо сказал он.— Я поступил правильно, так, как диктовала мне совесть. Стойте, сейчас объясню! И до чего вся эта шумиха мне не-

приятна,— добавил он вдруг и страдальчески поморщился.— Раздули, раззвонили, а к чему, зачем и сами не знают! Ну так вот,— он прямо посмотрел на Серегина.— Звание мы не заслужили, и прав на него у нас нет! Вы думаете, я бы не хотел заработать его? Ого, еще как хотел бы! И ребята тоже! Да вот совесть-то не позволяет! Я к ней всегда прислушиваюсь, она мне верный советчик, и если говорит — не бери, не твое,— значит, я и не беру! А возьмешь, так наплачешься, потому что сам себя уважать перестанешь. Окажется, что ты не честный человек, а ловкач. А горько плакать нам тоже нечего. Все равно это звание от нас никуда не уйдет! А вот теперь о позиции главного инженера. Я его вообще что-то не понимаю. Он осуждает меня за то, что я не принял звания передовика производства. Ты должен был, говорит, его принять. Вот как: должен! Ну, а почему же тогда неделю назад он кричал: надо присвоить звание бригаде Тухфатулина! Курышпаевцы до него не дотягивают! Вот я и послушался его, так он опять недоволен. Чем же? Ведь я все по его совету сделал. Странно все это, товарищи! Не могу понять... Вот я в «Правду» напишу, пусть пришлют корреспондента разобраться.

— Бузу не надо было тебе устраивать! — зло крикнул Куан.— Вот чего не надо было тебе делать.

— Я только выполнил свой партийный и гражданский долг,— сказал он зло.— Только и всего! Понял?

— Это называется выполнил? — насмешливо передразнил его Куан.— А то, что теперь нас всех, всю твою бригаду...

— Тише, тише,— прервал его Серегин.— Страсти тут ни при чем, и ты, Ораз, в грудь себя не бей! Бригада у тебя хорошая, люди хоть куда! И главное, не одни только узкопроизводственные показатели я имел в виду, когда выносил предложение присвоить тебе звание. Вечерний университет сколько у тебя человек посещает?

— Все посещают.

— Все! Ты вот, например, на каком факультете? — обратился Серегин к Кеше.

— На музыкальном.

— Вот тебе показатель,— с этими словами Серегин повернулся к Оразу.— Поэтому я и вынес свое предло-

жение. И все же, надо признаться, что это было моей ошибкой.

— Ошибкой? — воскликнула Дамеш, которой стало вдруг жалко Серегина.

— Да, конечно, — подтвердил Серегин, — а главный инженер все раздул и превратил чуть ли не в преступление. Впрочем, это уж его дело. Не надо мне было давать ему повода, а я дал! Хорошо, теперь второй вопрос, — вдруг он обернулся к Оразу. — Ты что? Разошелся с женой?

Ораз покраснел и ничего не ответил.

— Так разошелся или нет? Говори!

— Да нет, — сконфуженно улыбнулся Ораз, — были ссоры, но ничего серьезного... Нет, не разошелся.

Он посмотрел на Дамеш, та отвернулась: ведь это из-за нее все и вышло.

— Ну, очень хорошо! Я так и думал, — сказал Серегин. — Что ж, Ораз... Ты вот говоришь, что поступил правильно, и я подтверждаю — правильно, правильно ты поступил! Ошибку сделал я, я за нее и отвечаю. Так!

На этом заседание закончилось.

Дамеш, прибежав с завода, надела фартук и начала готовить обед. Раньше она ходила в столовую, но после того, как приехал Аскар, стала готовить дома. Дядю надо хорошенько кормить, вон он какой худой. Она открыла холодильник, достала окрошку, вареную курицу, разрешила ее, положила на блюдо, посыпала сверху зеленью и понесла к Аскару.

Аскар сидел на диване и читал.

Когда она вошла, он отложил книгу, встал.

— Ты Айшу давно видела? — спросил он.

— Да, уже довольно давно, — ответила Дамеш, — а вы ведь были вчера у нее?

Аскар нахмурился.

— Почему ты об этом говоришь?

Повернувшись к дяде спиной, она ответила:

— Потому что лучше было бы к ней не ходить.

— Это она тебе так сказала? — спросил Аскар.

Дамеш был очень неприятен этот разговор, но, наконец, она уже хотела досказать все до конца.

— Это я так говорю,— сказала она суховато.— Не стоит вам задевать Муслима, это опасный человек.

— Был когда-то опасным! — воскликнул Аскар.— Был он опасным, как гадюка, а сейчас жало-то у него вырвано. Я все расскажу Айше.

Дамеш молчала.

— Что? Думаешь, не поверит?

— Не знаю,— сказала Дамеш.— Не знаю, право! У нее дочь. Ведь он отец ее дочери. А этот Муслим, действительно, такая гадина! Это-то я хорошо знаю. Вот ты послушай только...

И она быстро рассказала о собрании.

— Да, видно, все еще не одумался.— Аскар покачал головой.— Еще брызжет слюной. Думает, значит, что для него не все упущено, выжидает чего-то. Чего? Ну посмотрим... Посмотрим, говорю, что у него выйдет!

Когда Дамеш пришла утром на завод, первого, кого она увидела, был Тухфатулин. Он стоял перед Доской почета, крутил усы и смотрел на свою фотографию. Фотография эта висела на том самом месте, где раньше был портрет Ораза.

«Это уж Муслим постарался,— подумала Дамеш.— Только и ждет, чтобы человек споткнулся».

Увидев Дамеш, Тухфатулин напыщенно поклонился.

— Саям Дамеш Сахиевне,— сказал он важно и опять дотронулся до усов.

Она кивнула ему головой и быстро прошла мимо.

Загадочно улыбаясь, он смотрел ей вслед и все крутил и крутил усы.

Было жарко и душно. В кабине контрольно-измерительных приборов Дамеш нашла бутылку нарзана и выпила ее до дна. Это ее освежило. Сидя у окошка кабины, она наблюдала за тем, что происходило в цехе. Огромная, с виду неповоротливая, а на самом деле очень подвижная и точная, заволочная машина захватывала мульду, доверху нагруженную рудой, осторожно вводила ее в пылающую печь и сбрасывала там весь свой груз. Грохот металла, дым и искры наполняли цех. Гену и Куана совсем не видно в клубах дыма. Что-то кричал, приказывал Ораз, но слов нельзя было разобрать.

Дамеш пошла в разливочный пролет. Кумысбек, который стоял около ковша, беспечно покуривал и разговаривал со сталеварами. Он поднял на нее свои добрые веселые глаза.

— Ну как, все готово? — спросила у него Дамеш, проходя.

— Все, — ответил он добродушно и опять повернулся к собеседнику: — А изложницы осмотрел?

— Все, все готово, все в порядке.

Ну, раз Кумысбек сказал все, — значит, так оно и есть. Он старый, опытный мастер и работает на заводе вот уже второй десяток. Только он один и может стоять рядом с изложницей в то время, когда в нее пускают сталь. Это очень красивое и опасное зрелище. Искры летят золотым фонтаном, порхают огненные бабочки, они легкие, воздушные и ослепительно красивые. Но беда, если хоть одна из этих бабочек сядет на одежду — она попросту пробьет тебя, как пуля. В прошлом году Дамеш видела: один молодой неопытный паренек стоял около печи, смотрел на огненных бабочек, смеялся, и вот одна из них порхнула ему на плечо. Парень бросился бежать, а сталь жгла ему одежду и тело. Он бежал и кричал. И за ним, тоже крича, бежал Кумысбек. Наконец он догнал парня и сорвал с него куртку. Но сталь уже успела прожечь предплечье, и пришлось вызывать машину скорой помощи. Дамеш всегда вспоминала этот случай, когда стояла около печи. С этого дня она так уверовала в Кумысбека, что в его присутствии считала уже ненужным вникать в каждую деталь варки и разливки стали.

Кран принес огромный ковш, величиной с юрту, и установил его над изложницей.

— Сколько времени варится сталь? — спросила Дамеш.

Ей ответили, что около восьми часов.

— Хорошо, пора, — приказала Дамеш. — Если держать дольше, появится углерод, и сталь закипит.

— Знаю, знаю, не маленький! — Кумысбек махнул рукой и подошел к стопору. — Спускаем!

Но прошла минута, другая, а стопор все еще не был открыт.

— Ну, что там такое? — с нетерпением спросила Дамеш.

— Сейчас, сейчас,— поспешно ответил Кумысбек.— Вот заело что-то! А! Черт! Никак не открывается.

Дамеш с беспокойством посмотрела на часы. Семнадцать минут, восемнадцать, двадцать! Да что же это такое?

Около стопора собралось уже много народу. Все шумели, махали руками, обвиняли друг друга в недосмотре. Да и есть от чего. Произошло самое скверное: заело стопор. А сталь в котле перегревалась и должна была скоро закипеть.

Дамеш посмотрела на часы. Прошло уже двадцать пять минут, сейчас сталь закипит и хлынет через край.

— Где кислород? — закричала Дамеш.— Ну, скорее, скорее!

Она видела, как забегали люди, слышала, как зашумело, тонко и остро, красное пламя. А у нее лоб покрылся потом. Если сталь закипит, все пропало.

И вот она начала кипеть.

— Прочь от ковша! — закричала Дамеш.

Люди шарахнулись в сторону, но Кумысбек остался на месте — он стоял и смотрел. И вот над краем ковша показалась огненная лава. Она так накалена, что на нее больно смотреть. Брызги, струйки, фонтаны разлетелись по всем сторонам. Все скрылось в сизом дыму. Сталь била через край. Она заливала весь цех. Люди разбегались.

Теперь они придут снова сюда завтра, после того как сталь застынет, тогда придется резать металл и очищать от него цех — на это уйдет целый рабочий день. Вот это и называлось — в цехе авария!

У Дамеш вдруг закружилась голова, и она упала бы, если бы ее вовремя не подхватил Ораз.

Давно уже Муслим не был так зол, как сегодня. Уже двенадцать часов ночи, а Айши все нет. Опять нет! Вообще с ней происходит что-то неладное. Уходит она рано, приходит поздно, и ни слова толкового от нее не добьешься. Это не то, что раньше, когда она приходила с работы и с жаром рассказывала ему все, что за день случилось у нее в амбулатории. Сейчас спросишь ее, она ответит сквозь зубы, и все. Муслим чувствовал:

здесь не обошлось без Аскара. Но насколько далеко дошла его откровенность? Что он ей рассказал? Впрочем, если бы Айша узнала что-нибудь о роли Муслима в его истории, она все это бросила бы Муслиму прямо в лицо. Либо собралась бы молча, да и ушла. Впрочем, возможно, что в этом смысле у него еще все впереди: в один прекрасный день она узнает всю правду, и тогда берегись, Муслим! Берегись ты, покинутый муж, разоблаченный клеветник. Самое худшее — разоблачение. Пусть она уходит, но репутации моей не задевает! А впрочем, кто ей поверит? Кто такой Аскар? Пленный, трус, сдавшийся на милость врага, помилованный преступник. Так помни же свое место и не заносись. Еще ведь не известно, на что ты пошел, чтобы сохранить свою жизнь там.

Он ходил по кабинету, чертыхался, зло передвигал стулья и думал, думал. Таким его и застала Айша. Был уже час ночи, когда она, веселая, улыбающаяся, пахнущая, как ему показалось, вином, прошла мимо него и не села, а просто свалилась в кресло. Он посмотрел на нее и почувствовал себя так, как будто кто-то стукнул его по затылку. «Вот,— подумал он,— посмотри и запомни. Такими бывают женщины, которые только что расстались с любовником. Так у них горят глаза, так подрагивают губы».

— Слушай, моя милая,— Муслим встал, быстрыми и решительными шагами подошел к ней и только что хотел сказать что-нибудь резкое и злое, как ему показалось, что кто-то схватил его сердце в кулак и сдавил несколько раз. Он вскрикнул и свалился на диван.

Айша кинулась к нему, стала щупать пульс, он злобно вырвал руку и прохрипел:

— Уйди, убийца!

Она так растерялась, что даже отпустила его руку.

— Что с тобой? — спросила она испуганно.

В это время зазвонил телефон. Муслим потянулся и снял трубку.

Послышался дрожащий голос Кумысбека.

— Муслим-ага, беда! Авария! Сталь залила весь цех! Муслим-ага, вы слушаете меня? Алло, алло! Муслим-ага!..

Муслим стоял с трубкой в руке, слушал и улыбался. Потом он отшвырнул трубку, растянулся на диване.

Авария, что ж, это неплохо! Вред-то от нее небольшой, по существу, только потеря рабочего времени. Зато теперь он сможет рассчитаться кое с кем. Инженер смены Дамеш Сагатова, допустившая аварию,— вот кто первая ответит. Дальше пойдут ее дружки, директор, мальчишка, вышедший из повиновения. Ему достанется на орехи — очень крепко: не предусмотрел, допустил, закрыл глаза! За ним подойдет черед Серегина: конечно, его вина более расплывчата, но ведь он имеет уже выговор с предупреждением, так что уж одно к одному. Главное же, конечно, эта змея Сагатова. Теперь он с ней расквитается. Хорошо, что ее покровитель сейчас в Москве. Пусть он там себе заседает!

Думая об этом, Муслим не мог уснуть, а когда заснул, ему приснилось: он стоит на вершине холма, а внизу, в озере, по колено в воде,— Дамеш. Она целится в него из охотничьего ружья, но сколько раз ни стреляет, все не может попасть.

На другой день он приехал на завод раньше всех. Был свеж, весел, бодр. Чувствовал себя так, как будто у него и не было никакого припадка. Сон, который приснился ему этой ночью, успокоил его окончательно. Враги хотят с ним покончить, но сделать ничего не смогут, сколько ни стараются, все, это он хорошо знал, промахиваются.

Широко и быстро шагая, он поднялся по лестнице и тут около дверей кабинета наткнулся на группу рабочих.

Среди них был начальник цеха Елифанов, на подоконнике сидел мастер Иващенко, были тут и другие сталевары. Но он сразу заметил, что здесь не было ни Дамеш Сагатовой, ни Ораза. Что ж? Знают свою вину и не смеют показываться на глаза... Других вот послали. Неплохо, совсем неплохо! Только вам, дорогие друзья, ничто уже не поможет.

Когда он подходил к своему кабинету, то услышал, что люди спорят.

— Ну, а кто же тогда, по-твоему, должен отвечать? Пушкин, что ли? — слышался чей-то насмешливый голос.

— И почему она раньше, до смены не пришла? Почему ничего не проверила, принимая смену? На кого понадеялась? — говорил Елифанов.

Муслим кивком головы поздоровался с собравшимися и хотел уже пройти мимо. Но тут его обступили рабочие и заговорили все разом.

— Только не в коридоре, идемте в кабинет,— сказал он сухо.

Все пошли за ним.

Здесь, у себя в кабинете, он нетороплив и строг: прошел к столу, отодвинул кресло, сел, снял очки, спрятал их в футляр. Потом из другого футляра вынул другие очки, надел их и только после этого спросил:

— Так что же за авария случилась ночью?

Ему объяснили: перекипела и ушла сталь.

— Очень хорошо,— усмехнулся он,— а начальником смены кто был? Ах, Сагатова? Так что же она смотрела?

Ему ответили, что Сагатова была в цехе, стояла около печи, но подойти не могла — расплавленная сталь била во все стороны.

— Ну, и кто же за это, по-вашему, отвечает? — спросил Муслим громко.— Вот я вас спрашиваю, товарищ Епифанов. Кто в этой аварии виноват?

Епифанов пожал плечами.

— Ну, конечно, сменный инженер! Это он должен проверять безотказность действия механизмов. Без этого к варке стали никак нельзя приступать, а здесь инженер понадеялась на авось, вот и вышло.

— Так, понятно.— Муслим встал.— Рапорт написан?

— Нет еще!

— Почему же? Сейчас же подайте! И подробный отчет, что и как было. А теперь пошли в цех, посмотрим, что она там наделала.

В кабинет он вернулся через десять минут. Сел за стол, подумал, потом вызвал Лиду, сказал:

— Принесите машинку, я вам кое-что продиктую.

Поднялся из-за стола, засунул руки в карманы, заходил по кабинету и стал диктовать.

«В ночной смене,— диктовал он,— случилась авария, выведшая из строя на целые сутки цех. При расследовании выяснилось, что авария эта произошла из-за недопустимой халатности сменного инженера Д. Сагатовой. Товарищ Сагатова, принимая смену, не проверила заранее исправность спускового механизма стопора, в результате чего произошло перекипение металла. Учи-

ывая, что, с одной стороны, товарищ Сагатов молодой и начинающий инженер и не имеет соответственного стажа, а с другой, что товарищ Сагатовой уже был вынесен выговор, приказываю: Сагатову Дамеш от обязанности сменного инженера с сего числа освободить. Перевести ее в технический кабинет завода на должность заведующего. Исполняющий обязанности директора М. Мусин».

— Сейчас же покажите этот приказ Сагатовой,— сказал он,— пусть распишется.

— А не слишком ли вы строго отнеслись к Сагатовой, Муслим Сапарович? — несмело спросила Лида.

— Что? Строго? — Муслим засмеялся.— Да, девочка моя, пусть она благодарит бога, что у меня доброе сердце. Другой бы ее просто выгнал палкой с завода. Такая халатность! Десять лет у нас не было ничего подобного. Что люди-то про нас будут говорить? А ведь это пойдет и пойдет гулять по свету, а мы соревнуемся с московским «Серп и молот». Так там, наверно, только при царе Горохе случалось такое. Вывесьте сейчас же приказ на доске объявлений, слышите?

ТРЕТЬЯ ЧАСТЬ

Глава первая

Аскар стоял на улице и читал вывеску — «Городской комитет Коммунистической партии». Он читал внимательно и серьезно, будто в первый раз. Вот наконец-то совершилось то, о чем он мечтал в течение пятнадцати лет. Сейчас он поднимется по лестнице, постучится в кабинет первого секретаря, попросит его выслушать и расскажет ему все. Долго он не мог решиться на этот шаг, но вот решился. И это уж твердо. Если бы он даже встретил сейчас Айшу и она позвала его на озеро, он все равно прошел бы мимо и даже не ответил ей.

Аскар поднялся на второй этаж и вошел в приемную.

— Вам кого? — сидевшая за бюро пожилая женщина подняла на него глаза.

Он сказал, что первого секретаря.

— Сейчас он на совещании,— ответила женщина.— Он вас вызвал?

— Нет,— робко ответил Аскар.— Я сам! А разве обязательно вызов?

— Нет, совсем это не обязательно,— успокоила его женщина,— только тогда вам ждать не пришлось бы! Как ваша фамилия, я запишу.

— Врач Сагатов... Реабилитированный.

Женщина понимающе кивнула головой и, записав что-то на листе бумаги, ласково сказала:

— Так я вас попрошу, зайдите, товарищ Сагатов, во второй половине дня, я доложу.

Ему показалось, что посетители, сидевшие в приемной, смотрят на него и улыбаются — вот, мол, еще один воскресший.

Аскар поблагодарил, попрощался и вышел. На лестнице у дверей он чуть не налетел на какого-то человека, сказал «извините» и вдруг застыл от изумления — он увидел узкие бегающие глаза за стеклами очков, тонкий острый нос, очень знакомое лицо.

«Господи, да ведь это же Муслим,— ударило его вдруг. Он остановился.— Да, Муслим, вот он весь от головы до пяток. Так что же теперь делать? Остановить его? Сбить с носа очки? Сказать, что он все про него знает?»

Но Муслим тоже узнал Аскара и быстро прошмыгнул в дверь. Экая жалость... Ну, ладно, не в последний раз они встретились. Будет у них еще крупный разговор. Будет!

День выдался жаркий. Люди искали тень и старались не идти по солнцепеку. Кто сидел под деревом на лавочке, кто стоял в тени домов. Но Аскару казалось, что все смотрели на него, даже ласточки и те чирикали: «Знаем, знаем!» И детишки, что играли возле арыка, тоже смотрели на него и улыбались. И Аскар тоже улыбался им. Какая все-таки кипучая, прекрасная жизнь цвела, играла, двигалась вокруг него! Что говорить, в ней много горя и страданий, но разве они сделали ее менее желанной?

Аскар шагал по скверу и уже не думал ни о сегодняшней встрече, ни о том, что она для него означала. Он думал о себе.

«Да,— рассуждал он сам с собой,— мы, Сагатовы,

тесно связаны с историей родной страны. Нас из нее не вычеркнешь и не выбросишь. Все мои родичи знамениты по-своему. Про прадеда моего, семиреченского ювелира Сагатова, говорили, что он такой мастер, что может выгравировать на поверхности конского зуба тот стих Абая, который особенно любил повторять: «Как мне быть темным, если я человек?» Какой это был веселый, обаятельный, жизнерадостный джигит, первый запевала и танцор во всей округе... Сын его, Жунус, тоже был знаменит, он исколесил всю Среднюю Азию — был у эмира бухарского и у басмачей — и отовсюду вышел цел и невредим. О его находчивости, смелости и мужестве рассказывали легенды. Внук этого Сагатова и сын Жунуса, Саха, участвовал в установлении советской власти в Семиречье. Тяжелая участь выпала на его долю, он погиб где-то на Севере. Зато жив он, Аскар, внук Сагатова, младший сын Жунуса. Он перенес все и ни разу не покривил душой, ни разу не попросил у врагов пощады. Еге племянница теперь инженер, она варит первосортную сталь и, значит, крепко хранит честь своего рода. Да, это славный род, он никогда не отрывался от народа.»

Глава вторая

Дамеш сидела в своей комнате.

Случилось настоящее несчастье, — теперь Муслим покажет ей, на что он способен... Ну и наплевать, пусть показывает. Она тоже не из таких, чтобы терять голову. Жизнь никогда ее особенно не баловала, всегда ходила она не гладкой тропинкой, а дорогой, усеянной острыми камнями... Но никогда не жаловалась, никогда не выбирала обходных путей — шла прямо и будь что будет! Это все так, конечно, но вот вчерашняя авария... Нет, это зря она сказала, что ей наплевать. Совсем ей не наплевать на аварию... Самое обидное во всем этом то, что ее друзья, и даже Ораз, не раз предупреждали ее — не иди сразу в цех сменным инженером, не выдержишь, поработай сначала в заводууправлении и хорошенько ознакомься с производством. Ей предлагали места и там и тут, но она наотрез отказывалась, настаивала и, наконец, добилась всего: ее послали в цех.

Конечно, у нее были для этого свои основания: ведь она хотела защищать диссертацию на тему о паровоздушной смеси. Она много поработала над ней в институте, провела опыты в лаборатории. Теперь надо было продолжить работу. Начальство подумало, помедлило, поколебалось, но, видя ее настойчивость, в конце концов согласилось. В это время как раз много писали о том, что молодые специалисты после института должны идти на производство, а не садиться сразу же за канцелярский стол. Появление на заводе девушки, инженера, специалиста по литью стали, привлекло внимание всех, все ей были рады, все старались помочь — кто советом, делом, а кто и просто добрым словом. «У тебя, девушка, дело пойдет,— говорили ей старые мастера,— ты молодец, вон как работаешь». И вот она доработалась до аварии! Стыд и позор... Да и бригаде Ораза это принесет немало неприятностей. Да теперь небось припомнят слова главного инженера о том, что все ее рационализаторские предложения — это бестолковая шумиха, погоня за дешевой славой, желание выдвинуться не делом, так хоть криком.

Раньше, когда Дамеш только начинала работать, она не понимала, почему старший инженер, — человек, как ей казалось, справедливый и опытный, — так скверно относится к ней. Потом она и сама стала чувствовать его фальшь и лицемерие. Теперь же, после рассказа Аскара, ей стало понятно все.

Акмарал, мать Ораза, тоже распространяет всякие слухи о том, что она, Дамеш, разбила семью Ораза, из-за нее, мол, он ушел из дома. Конечно, в этом ее убедила Ажар. Но неужели сама Ажар не понимает, что это чепуха? Неужели Ажар и в голову не приходит, что во всех ее неприятностях виновата она сама? Может быть, впрочем, и не понимает. Во время последней встречи она все время приглядывалась к Дамеш и, казалось, хотела к ней подойти и поговорить, но так и не подошла. И Курышпай обижен, что Дамеш ушла из его дома. И Каир ее подвел: под влиянием Муслима положил ее предложение под сукно. Разве так поступают друзья?

Так, размышляя обо всем этом, Дамеш и заснула, прикорнув на диване. Разбудил ее Аскар. Он с шумом открыл дверь, сбросил пальто и пошел в ванную умываться. Она вскочила, накинула халат и быстро побе-

жала на кухню разогревать обед. Ей хотелось все делать быстро и весело, так, чтоб Аскар у и в голову не пришло, что у нее на работе что-то не ладится. Но он оказался куда более догадливым, чем она думала. Во время обеда, отодвигая пустую тарелку, Аскар вдруг спросил:

— Дорогая, ты сегодня что-то очень бледная. Случилось что-нибудь?

Она ответила запинаясь:

— Спала мало... А что, я очень страшная?

Тогда Аскар спросил ее прямо:

— У вас там на заводе что-то произошло, да?

Дамеш в замешательстве поглядела на него.

— Кажется, авария какая-то,— пояснил он.— Сейчас я шел по улице и слышал, как толковали женщины. «Как не быть беде,— говорили они,— все оборудование нам еще от царя Гороха досталось! Механизмы-то никуда не годятся...» Но ведь ты в ночной смене работаешь? Это тебя не касается!

Он спрашивал мягко, но настойчиво.

Пробормотав что-то, Дамеш быстро поднялась из-за стола и вышла в свою комнату. Ей надо было уже одеваться, скоро начиналась ее смена.

По дороге на завод Дамеш думала:

«Ну, конечно, он все уже знает. Он ожидал, что я расскажу ему обо всем, а я в молчанку сыграла. Нехорошо это все!»

Около ворот завода она встретила двух неразлучных друзей: Касымова и Базарканова, они о чем-то ожесточенно спорили. Базарканов был длинный и худой, а Касымов маленький и полный. Он кричал на Базарканова и махал на него руками, а тот только пожимал плечами. Один наступал и требовал, другой в чем-то оправдывался.

«О чем это они? — подумала Дамеш.— То их водой не разольешь, а то чуть не дерутся.»

— Здравствуй, ты куда, Дамеш? — очень оживленно и даже радостно крикнул Касымов.

— Станный вопрос. Как это куда? На смену, конечно,— ответила Дамеш беззаботно, но сердце у нее почему-то дрогнуло. Неспроста он ее спросил!

Касымов пристально поглядел на Базарканова, тот отвернулся и стал ковырять землю носком башмака. Тогда Касымов с тревогой спросил Дамеш:

— А тебе разве ничего не говорили?

— О чем же?

— Вместо тебя приказом главного инженера начальником смены назначен Базарканов.

— Безобразие, — смущенно сказал Базарканов, — я думал, что ты уже все знаешь.

Касымов обернулся к нему, хотел что-то сказать спокойно, но вместо этого закричал:

— Думал, думал! А что я тебе говорил? Что? Нет, он еще спорит! Разве можно было соглашаться? Дамеш, иди сейчас же в дирекцию и устрой там скандал, слышишь?

Когда Дамеш вошла в приемную главного инженера, Лида печатала что-то на машинке. Увидев подругу, она взяла со стола какую-то бумагу и протянула Дамеш.

— Я тебе послала записку, чтоб ты знала, — сказала она. — Ты не получила разве?

Дамеш отрицательно покачала головой. Потом она прочитала приказ, бросила его на стол.

— Муслим у себя? — спросила она.

— Да, войди, — поспешно ответила Лида.

Муслим сидел за письменным столом и разговаривал с начальником мартеновского цеха. Увидев Дамеш, он поднялся, протянул ей руку и вкрадчиво сказал:

— Присаживайтесь, пожалуйста.

«У, лиса, — подумала Дамеш. — Теперь будет петлять и вилять».

Когда она села, Муслим спросил ее прочувствованно:

— У вас разговор со мной?

Смотря ему в лицо, Дамеш ответила:

— Не разговор, а спор.

Муслим улыбнулся.

— Как, вы еще недовольны? Очень странно! — и он с улыбкой, как бы ища сочувствия, обернулся к начальнику цеха. — Разве вы не поняли сами, что работать в цехе вам еще рано?

— Нет, не поняла. Я буду там работать.

— Вы будете там работать? — Муслим покачал головой. — Вот это называется женская логика!

Он опять покосился на начальника цеха. Но тот молчал и смотрел на Дамеш.

Наступила долгая пауза.

— Ну, что ж,— сказал Муслим тоном человека, который исчерпал все доводы до конца.— Вольному воля, но иной работы для вас у меня нет.

— Вы не имели никакого права меня снимать,— со злостью сказала Дамеш и даже слегка ударила кулаком по краю стола.— Понимаете, не и-ме-ли... Не вы меня ставили на это место.

— Но если вы так думаете, то жалуйтесь,— спокойно посоветовал Муслим.— Съездите в министерство и подайте жалобу. Но здесь разговаривать нам с вами бесполезно.

Отвернувшись от Дамеш, он обратился к начальнику цеха:

— Ну, как, Илья Савельевич, в цехе все сделано? Сегодня цех уже сможет нормально работать?

Дамеш, которая уже взялась было за ручку двери, остановилась.

— Ночная смена еще утром закончила все,— ответил начальник.— Не могу все же смолчать,— добавил он,— строго вы поступили, товарищ Муслим, с Сагатовой.

— Спасибо, Илья Савельевич! — крикнула Дамеш и выскочила из кабинета.

Она успела еще поймать злобный взгляд Муслима.

Идя по лестнице, она думала: «Нет, я не так поступила. Надо было прямо сказать: я знаю, почему вы меня преследуете! Но смотрите, не сломайте зубы... А я смолчала, трусиха я, вот кто».

Аскар прав, Муслима уломать не так-то просто. Трусливому человеку с такой змеей нечего связываться. «Неужели я трусиха? — спросила она себя и сейчас же ответила: — Нет, это не трусость, это рассудочность. Рассудок не дает мне свободу. Он мне мешает, он мне нашептывает: чего ты заносишься, девчонка? Что ты понимаешь в жизни? Зачем связываешься со стариком? Будь осторожна, не дерзи, не груби, и тогда все устроится само собой».

Дамеш приоткрыла дверь в партком и спросила:

— Николай Иванович, можно?

— Входи, входи,— сказал Серегин.— Что-то ты уж больно вежливая стала. То «можно войти?», а то вле-таешь, не спрашивая; и даже не здороваешься.

Дамеш вошла в кабинет и сказала:

— Вы уж, наверно, слышали? Муслим снял меня с работы. Это что? С вашего согласия?

«Легко тебе говорить,— подумал Серегин.— Формально-то Муслим как будто прав».

— Авария ведь была,— тихо сказал Серегин.

Дамеш пожала плечами и отвернулась, чтобы скрыть слезы.

— А как я тебя предупреждал, помнишь? — спросил Серегин. Он вышел из-за стола и сел с ней рядом.— Говорил тебе: будь осторожна, каждый свой шаг проверяй, все делай сама. А ты что?

«Был такой разговор,— подумала Дамеш,— и даже не один, а несколько, я сама во всем виновата. Действительно, следовало вести себя во время смены по-хозяйски, быть внимательной, все проверять, а я всем верила на слово, вот и наказана».

Луч солнца, прямой, багряный, вырвавшийся из тучи, упал на лицо Серегина; и Дамеш вдруг увидела, какой Серегин худой и измученный, как побелели за этот год его виски. А ведь ему всего только сорок пять лет. Вот Аскарю столько же лет, и пережил он куда больше, а выглядит лучше.

Серегин сказал:

— Ты, Дамеш, и в самом деле работала недостаточно хорошо.

Она хотела возразить, но он постучал ручкой по столу.

— Слабо, слабо ты работала. Тут и спорить не стоит. Мы тебя неплохо встретили, правда? Все, что ты захотела, мы тебе предоставили. Хотела в цех пойти — пожалуйста, захотела стать сменным инженером — ради бога; заикнулась о курорте — сразу же тебе путевку в руки. Поезжай, лечись, веселись, отдыхай. Так это мы тебе дали, мы, завод. А что ты нам дала? Бригада твоя в прорыве, а тут еще вон какой убыток принесла. И металл потерял, и простой получился в бригаде, и труд целой смены пропал! Видишь, как все это нехорошо?

Дамеш молчала.

Некоторое время молчал и Серегин. Потом он сказал: — Но должен тебе сказать, что Муслим со мной ничего не согласовал. Он знал, что я стану возражать. Решение о твоём перемещении, — неправильное решение, поспешное и несправедливое. Будем его оспаривать! Но ты должна понять, что ты тоже виновата здорово. Нужно честно признать это. Вот что я хотел тебе сказать.

Пока он говорил, Дамеш сидела потупившись и чувствовала, как у нее пылает лицо. Так ей и надо! Она вытерла слезы и спросила:

— Это все?

— Все, — ответил Серегин.

Дамеш встала и, кивнув головой, быстро вышла, почти выбежала из комнаты.

И вот она шла домой, а слезы все катились и катились у нее по щекам. Сейчас она некрасива, наверно, даже безобразна, с заплаканными глазами и распутившимися волосами. Бог знает, где она забыла платок, а может быть, потеряла его, и нечем прикрыть растрепавшиеся волосы. Прохожие смотрели на нее с удивлением — пьяная, наверно, или больная. Кто ее знает. А вот та женщина с сумкой взглянула на нее и сразу же повернулась к ней спиной. Да, это Ажар. Ну, конечно, Ажар... Вот еще беда! И почему, когда у тебя что-то болит, ты обязательно ударишься больным местом? Как будто кто-то нарочно прислал сюда Ажар. У дурной славы, как говорит Курышпай, сто ног. Верно, она уже все слышала. Вот уж посмеялись со своей ведьмой-матушкой! А смотри, повернулась и идет следом. Даже в магазин не зашла. Ладно, только не глядеть, делать вид, что ничего не заметила. Виновата она, конечно, но не Ажар осуждать ее.

Пройдя квартал, Дамеш повернулась и пошла обратно. И вдруг почувствовала затылком: Ажар повернула тоже и идет вслед за ней. Тогда Дамеш резко обернулась — никого нет. Это ей уже померещилось.

Аскар весь этот день не находил покоя. Ходил по комнате, подходил к радиоприемнику, слушал Москву, снова выключил радио и опять слонялся из угла в угол. Что-то мучило его, но он не мог понять, что именно.

Аскар вышел за ворота и присел на лавочку рядом с Иваном Ивановичем. Тот уже совсем поправился, и вылечил его Аскар. Долго промучились с ним амбулаторные врачи, у них уже и руки опустились. Тогда Аскар решил испробовать свой собственный метод. Он ввел в мышцу бедра старика его собственную кровь, смешанную с двухпроцентным раствором новокаина. После первых же уколов старику стало значительно легче, а через неделю он уже ходил по знакомым и рассказывал, какой чудесный доктор живет рядом с ним.

И вот к Аскару потянулась вереница больных. Сколько он ни уговаривал их уйти, они не уходили, сидели на лавочке и ждали. Что тут поделаешь? Пришлось опять надеть белый халат, вынуть сумку с медицинскими инструментами и зажечь синий огонь. Врач не имеет права отказывать в помощи больному, когда эта помощь ему необходима. Так и получилось, что каждый день с утра Аскар сидел дома и принимал больных. Лечил он всех бесплатно и все-таки побаивался. Вот нагрянет фининспектор, и разговаривай с ним, доказывай, что налог ему платить не из-за чего и не за что. Этот фининспектор был темой постоянного разговора двух стариков. (Аскар и себя называл стариком.)

В этот день Иван Иванович сообщил Аскару, что на заводе произошла авария. Сердце Аскара болезненно сжалось. Он подумал, что, видно, неспроста Дамеш ничего не рассказала ему об этом.

В это время издали показалась Дамеш. Она шла быстро, опустив голову. Аскар посмотрел на нее и совсем приуныл: да, видно, действительно, беда приключилась... Недаром же весь день у него были дурные предчувствия.

Он встал и пошел навстречу Дамеш.

— Дамешжан, что с тобой? Случилось что-нибудь? — спросил он ласково, когда она подошла.

Дамеш вдруг обхватила его за шею и расплакалась.

— Да что с тобой, милая?

Аскар обнял ее, довел до скамейки и усадил.

— Ничего, ничего, — повторял он тихо. — Ничего, все будет хорошо. Расскажи толком, что случилось?

А вечер выдался ясный, светлый. За деревьями сверкало озеро. Ветра почти не было, и дым заводских труб

стоял прямо в ясном и чистом небе. Кто-то молодой и голосистый около самого озера пел и играл на гармошке. Из парка, с танцплощадки, слышались смех и веселые возгласы. И вот в такой вечер его Дамеш, которую он лет двадцать тому назад носил на плече, кто-то обидел до слез.

— Да ну,— сказал он шутливо.— Что же такое ужасное могло случиться? Да говори же!

— Меня сняли с работы... Приказом Муслима! — с трудом выговорила Дамеш.— Он перевел меня в технический кабинет.

— Ну, а ты и расплакалась? — с нарочитой беззаботностью в голосе проговорил Иван Иванович.— Да что он, бог, что ли, твой Муслим? Что на него разве и упоравы нет? Сколько есть мест, куда можно жаловаться — посчитай-ка.

— И в самом деле, разве можно так расстраиваться,— сказал Аскар.— Вернется Каир, и все встанет на свое место.

— Да не поэтому я плачу, что перевели,— проговорила Дамеш, утирая слезы.— Знаю, что без работы я не буду... Только обидно, ведь я сама напросилась на эту работу, и вот меня снимают, потому что не справилась.

— Только бы ты была здорова, а остальное все чепуха,— Аскар махнул рукой.— А Муслима мы одолеем, будь уверена.

Он старался говорить спокойно, но сам был зол как черт. Если бы сейчас здесь очутился Муслим, ему бы, конечно, не поздоровилось.

— А сейчас иди умойся и приготовь нам чай,— продолжал он.— За чайком мы все и решим. Кто имеет дело с Муслимом, тот должен сначала хорошо поужинать!

Аскар засмеялся. Улыбнулась и Дамеш.

— Сейчас Лида придет и расскажет нам, что там у вас происходит,— поддержал его Иван Иванович.

Пока Дамеш переодевалась, умывалась и готовила чай, Аскар пошел прогуляться на берег озера. И тут такая досада его обуяла, что он даже сжал кулаки и скрипнул зубами.

Да кто же ты такой, наконец, Муслим Мусин? Бесмертный ты, что ли? Долго ли ты еще собираешься торчать у меня на дороге? Ты все равно споткнешься,

и при этом больно споткнешься: так, что и нос расквасишь, и зубы потеряешь. Как слепой, ты еще держишься за посох, который сунул тебе твой поводырь. Да поводыря уже нет, ты остался один. И до сих пор тебе не понять, что же такое произошло в мире и кем за это время стали презируемые тобой Сагатовы. До сих пор не понимаешь этого — что ж с тобой и говорить...

Аскар поймал себя на том, что он ходил и разговаривал сам с собой, сжимая кулаки. Хорошо, что еще никто ничего не слышал, — подумал он, — а то решили бы, что совсем рехнулся Аскар Сагатов. Надо держать себя в руках.

Он круто повернулся и пошел к лодочной пристани. Здесь около причала была телефонная будка, он зашел в нее и набрал номер больницы. Трубку подняла дежурная сестра. Он попросил ее вызвать врача Мусину.

Когда подошла Айша, Аскар сказал ей, что ему необходимо ее увидеть сейчас же, немедленно. Айша, видимо, заколебалась и ответила, что сейчас ей очень некогда, вот если бы завтра.

— Нет-нет! — крикнул он, страшно волнуясь. — Я обязательно хочу тебя видеть сегодня же. Брось все и приходи. Да, это совершенно необходимо. Да, это крайне срочно! А через сколько сможешь? Хорошо, через полтора часа. Где? Хорошо, подойду к больнице!

Он отошел от будки и пошел в парк. Играл оркестр. Аскар шел и думал: Айша согласилась не сразу. Сначала сказала, что сегодня не может. Почему? Потому ли, что знает, о чем он будет ей говорить, или, может быть, у нее какая-нибудь срочная работа? Нет, не похоже на это... Тогда бы она так ему и сказала. Тут что-то другое. Может быть, боязнь рискованного разговора о прошлом, может быть, любовь к Муслиму. Ведь вот уже пятнадцать лет, как они муж и жена. У них ребенок. Разве это вычеркнешь? Ладно, живите как хотите, я и не собираюсь разбивать вашу семейную жизнь... Не собираешься, а звонишь, зовешь на свидание, настаиваешь, волнуешься, — вдруг прервал он сам себя. — Чего же ты хочешь от нее? У Айши хорошо налаженная, спокойная жизнь. А что ты можешь предложить ей взамен? И вообще зачем тебе понадобился весь этот разговор, если ты ничего не собираешься менять в ее жизни?

Это было такое простое, ясное соображение, так оно поразило его своей логикой, что Аскар вдруг остановился как вкопанный.

Потом, бормоча что-то непонятное и сам не замечая этого, он вышел из парка к озеру. Здесь было тихо, спокойно. От широкой озерной глади исходила какая-то успокаивающая, почти животворная прохлада. Он посмотрел на часы. Пора. Айша его будет ждать около больницы, и неудобно, если ее кто-нибудь увидит. Когда Аскар подошел к условленному месту, Айша стояла на крыльце. Поздоровались они сдержанно и холодно-вато. Она спросила:

— Куда мы пойдем?

Он смутился: об этом он и не подумал.

— Куда хочешь, — сказал он. — В этом городе хозяйка ты, я — гость.

Она задумалась на секунду.

— Знаешь что? Здесь недалеко стоянка такси. Возьмем машину и поедем в ресторан «Восток». Я как раз хочу есть.

— Ну, отлично, — уныло воскликнул Аскар.

Сначала они шли молча.

— Слушай, — вдруг сказала Айша. — Все забываю спросить: ты что к нам устраиваться не собираешься?

— К вам? — Аскар даже остановился. — Куда это к вам?

— Как куда? В нашу поликлинику, — сказала она настойчиво. — Уж больно надоели твои старики. Пишут по пяти писем в день: давайте нам Аскара Сагатова, пусть он принимает нас не дома, а в амбулатории. Ты ведь, оказывается, редкий специалист — превращаешь восьмидесятилетних старух в девушки.

«Еще шутит», — подумал он и ответил, пожимая плечами:

— Что ж, я ведь святой, съездивший в Мекку и принявший на себя благодать пророка.

— Прямо-таки в Мекку? — засмеялась она.

— Конечно! Вот так, дорогая! Поняла?

Она рассмеялась.

Вдруг Айша закричала и замахала рукой:

— Такси, такси, сюда!

Когда они очутились в машине, холод отчуждения начал заметно таять. Они сидели рядом и дружески раз-

— Нет уж, заказывай ты,— сказал он решительно.— И себе, и мне. Я здесь что-то...— Он улыбнулся и развел руками.

Она поняла, это значит: «Делай все сама. Я так отвык от жизни, даже не знаю, с какой стороны к ней подходить».

— Хорошо,— сказала Айша. Она быстро, глядя в меню, сделала заказ. Официант взял со стола какую-то тарелку и ушел.

Потом, когда ужин был уже на столе, Айша подняла рюмку и сказала:

— Ну, за все самое хорошее!

— За исполнение желаний! — подхватил Аскар и поднял руку.

Она засмеялась.

— Отлично! За исполнение желаний.

Было неизъяснимо приятно смотреть, как она хозяйничает за столом, как заботливо следит, чтобы у него не была пустой тарелка.

После третьей рюмки Айша сказала:

— Ну, что ж, теперь можно и поговорить. Ведь ты хотел мне сказать что-то очень важное, да?

— Да, я хотел сказать,— Аскар внимательно посмотрел на нее. Ему было хорошо и печально, на душе его — светло и тихо. Да, он должен сказать ей все, другого такого случая может и не представиться.

— Айшажан,— сказал Аскар негромко.— Можно мне называть так тебя?

Она, улыбаясь, кивнула головой и серьезно взглянула на него.

От этого взгляда ему сразу стало жарко и трудно дышать.

— Так вот, я хочу сказать...— продолжал он. Голос его, сначала спокойный и ровный, стал дрожать.— Я хочу сказать, что я пронес твой образ, Айша, через все эти годы. И когда я думал о том, что где-то на земле живет моя Айша, я звал тебя, уж прости, моей Айшой,— мне становилось легче жить. Вот так!

Он взял графин, налил себе полную рюмку и выпил.

— Так я называл тебя там, на краю света. Сейчас я тебя так не могу назвать. Между нами твой муж, дочь, пятнадцатилетняя разлука. Но дело не только в этом. Самое тяжелое в жизни — это когда близкий теряет в

тебя веру. И вот я и не знаю, что ты думала про меня все эти годы. Возможно, по старому обычаю наших предков, просто швырнула мне вслед горсть земли: «Уходи, мол, на чужбину и сдохни там». Ты извини, может, я зря это говорю.

Она продолжала все так же серьезно смотреть на него.

— Нет, я не кинула горсть земли и не сказала: уходи,— ответила она.— Конечно, эти годы были серьезным испытанием доверия. Но, скажу по совести, все-таки в глубине души я всегда верила тебе. Это я говорю честно.

— «Все-таки... В глубине души»,— горько улыбнулся он.— Это не особенно много... Ну, что же, так, верно, в те годы и должно было быть. Айша, можно я тебе задам только один вопрос?

Она кивнула головой.

— Теперь ты не сомневаешься во мне, нет? Отлично! Ну, а думала ли ты, почему же все-таки меня посадили, именно меня? Думала ты?

Айша молчала.

— Но ведь об этом же заявлено нашей партией очень ясно на весь мир. Ошибка периода культа личности... Враги воспользовались...

— Враги, конечно, воспользовались,— сказал Аскар.— Но враги вообще, ведь это мало! У каждого из нас был еще и свой собственный конкретный враг. Так вот, кто ж конкретно погубил меня, ты не задавала себе такого вопроса?

— Конкретный враг? — с удивлением переспросила его Айша.

— Да,— сказал Аскар.— С именем, фамилией, должностью... Так вот, я тебе хочу сказать фамилию моего врага. Только не испугаешься, а?

Она не ответила.

— Испугаешься, конечно,— продолжал Аскар.— Но если говорить, то говорить уж до конца, Это — Муслим Мусин.

— Как Муслим Мусин? — спросила она и оглянулась с испугом.

Но никто на них не смотрел. Люди ели, пили, разговаривали и не обращали никакого внимания на эту странную пару.

— Да, посадил меня Муслим Мусин,— повторил он.— Я видел собственными глазами донос, написанный им. Я его руку знаю.

Айша в смятении смотрела на Аскара.

— Аскар-ага,— сказала она вдруг очень спокойно.— Вы подумали, в какое положение меня ставите своими словами? Не верить вам я не могу, но и поверить в это невозможно. Вы видели донос, написанный рукой моего мужа, говорите вы. Ну, а может быть, вас обманули? Разве вы так хорошо знаете его почерк? Может быть, чтоб скрыть виновного, вам подсунули невинного? Так тоже могло быть. Вы должны понять, что ошибаться в таких случаях вы не можете: у меня же дочь!

Он только пожал плечами.

— Ну нет, говорите, говорите! Говорите до конца,— торопливо повторяла Айша.

Аскар встал.

— Это и есть все до конца. Все остальное я изложил в жалобе в Центральный Комитет. Хотите, пришлю копию?

Назад они ехали молча.

Около самого дома Айша вдруг дотронулась до руки Аскара и спросила:

— Вы еще любите меня?

— Люблю,— ответил он коротко.

Она кивнула и молчала до самого дома. И только когда машина остановилась, Айша сказала:

— Ну, тогда держитесь! Обоим нам будет трудно! Да еще как трудно!

— Как? — спросил он и схватил ее за руку.— Как вы сказали?

— Отпустите... Муж смотрит.

Когда Айша вошла в дом, Муслим схватил ее за плечо и закричал:

— Дрянь, обманщица, я все видел! Шляешься до двух часов ночи, черт знает с кем! К мужу приходишь пьяная. Называется, советский врач. Гуляющая ты баба! Вот кто ты такая!

— Экий же ты подлец,— спокойно ответила Айша и, легко оттолкнув его, вошла в спальню.

Она бросилась на кровать и уткнулась лицом в подушку. Ей хотелось кричать, плакать. И она заплакала тихо, горько, беззвучно, так, что даже сама не слышала, плачет она или нет. Потом закусила край подушки и затихла. Она вся дрожала от обиды и ненависти. Да, сейчас она ненавидела Муслима и в то же время понимала, что она неправа. Ведь с мужем она прожила пятнадцать лет, родила ему дочь... Так как же она смеет сразу же, без разговора с ним, поверить в то, что все эти годы жила с подлецом и предателем?

Айша лежала с открытыми глазами всю ночь (Муслим лег в кабинете на диван) и заснула только под утро.

...Отец Айши был доктором медицинских наук, профессором. Он устроил дочку после окончания института врачом в медпункт на строительстве самого большого металлургического завода в республике. Это были годы войны, и Айша отдалась работе беззаветно, работала по двенадцать часов в день, скоро ее перевели в районную больницу; она стала ведущим врачом палаты. Здесь она и встретилась с Аскарком. Тогда это был высокий, худощавый, еще совсем молодой человек с живой речью и быстрыми движениями. Но он был еще и опытным, много видевшим и знающим врачом, и Айше часто приходилось обращаться к нему за советами. Он был общителен и внимателен, охотно делился своими знаниями. Нередко случалось так, что их дежурства совпадали. И хотя работали они в разных корпусах, но уже так повелось, что каждую ночь до утра они сидели вместе в ординаторской, пили горячий чай и разговаривали. Он ей читал стихи на трех языках: Абая по-казахски, Пушкина и Блока по-русски, Гёте и Гейне по-немецки. То было очень счастливое время, и Айша писала своей матери: «Если бы ты знала, мама, с каким человеком я познакомилась! Он казах, но о Европе говорит, как европеец, а о русской поэзии, как русский поэт. Я тебя сведу с ним во время нашего отпуска».

И вот тут-то и появился Муслим. Все произошло совершенно случайно. Однажды ее вызвал главный врач и сказал:

— Слушайте, Айша, поезжайте на металлургический завод. Только что звонили оттуда. Там что-то случилось с главным инженером. Наверное, отравление, а у них в медпункте никого нет. Поезжайте, посмотрите.

Айша поехала, но опоздала. Больного уже увезли с завода в дом инженера, так назывался жилой корпус, где были квартиры администрации и инженеров.

Айша сейчас же поехала туда. Ее привезли в одну из квартир, к не очень молодому и, как ей показалось тогда, очень одинокому человеку. Он лежал на диване, прикрытый кое-как наброшенным одеялом, и дрожал то ли от озноба, то ли от боли. Айша измерила температуру, пощупала пульс, прослушала сердце и позвонила главному врачу, чтобы прислали машину. Когда она отошла к телефону, больной сухо спросил ее:

— Какую машину вы вызвали?

— Санитарную,— ответила она.— Лежите спокойно, У вас температура высокая.

— А для чего машина? — спросил он.

— Свезем вас в больницу,— сказала Айша.— За вами нужен уход.

Он вдруг резко сел.

— Никуда я не поеду! Понимаете! — сказал он грубо.— У меня своих дел на заводе по горло.

— Дела бывают у здоровых,— сказала Айша.— А главное дело больного — это поскорее выздороветь.

Человек, лежащий под одеялом, промолчал, посмотрел на Айшу и вдруг неожиданно спросил:

— А вы давно работаете врачом?

— Первый год,— ответила она.

— А на фронте не были? — снова спросил он тем же голосом.

И, не дождавшись ее слов, ответил сам:

— Ну вот, в этом то и дело, что не были. Сразу видно.

Айша вспомнила об этом разговоре сейчас, когда лежала на своей кровати.

«А ведь сам-то он ни одного дня не был на войне! — подумала она.— Господи, какая же дура я была тогда! Как я не могла раскусить его?»

Но она не смогла его раскусить и позже, когда стала частой гостьей в квартире Муслима. Дело в том, что в больницу тогда Муслим ехать отказался, и Айше пришлось часто навещать его на квартире. Впрочем, она не роптала: ей уже стал нравиться этот упрямый несговорчивый и насмешливый человек. Он оказывал ей мелкие, но ощутимые в те годы услуги: прикрепил к столовой;

подбросил дров. Она познакомилась с Аскарком («мой коллега», — сказала она. Муслим встретил Аскара добродушно и доброжелательно). В просторной квартире главного инженера места хватало всем.

А через полгода Аскар вдруг исчез. Его забрали прямо из врачебного кабинета во время приема.

Когда Айша рассказала об этом Муслиму, он сказал: — Надо подождать, через месяц-два все выяснится, я что-то не могу поверить, чтобы он был действительно виноват.

А через месяц он позвонил Айше по телефону и попросил срочно зайти. Оказывается, он все узнал. Аскар и в самом деле оказался предателем. В плену его задерживали немцы, он давал им сведения о готовящихся побегах.

А потом немцы и ему устроили побег, дали задание разыскать партизанский отряд и привести к ним. Так он и сделал.

— Слабый человек, уж больно хотелось ему жить, — так окончил Муслим свой рассказ.

Поверила ли Айша всему этому? Тогда она, правда, крикнула:

— Ложь, не верю!

А через полгода вышла замуж за Муслима.

...Заснула Айша только на рассвете, и во сне ее мучили какие-то кошмары. Когда она вскочила, в квартире было тихо.

В этот день она впервые опоздала на работу.

Муслим тоже не спал всю ночь. Он лежал на кушетке с открытыми глазами и думал. Сегодня ему два раза уже пришлось принимать валидол — вот как скверно обстоит дело... Стоит немного поволноваться, и он задыхается. Если дело так пойдет и дальше, он пропал. Тогда он не сможет выдержать атаки врагов, а их количество у него все увеличивается. Теперь к этому подлещу Аскарку прибавилась еще собственная жена. И чего этой дуре не хватает? Живет тихо, мирно, в достатке, в уважении... И ведь никакой благодарности, не ценит того, что он дал ей и квартиру, и обстановку, и положение. Вот и говори о женском благородстве.

Он подошел к окну и одернул занавеску. Улица лежала перед ним ночная, безлюдная, вся в лиловых лунных тенях. Тихо, безмолвно, безлюдно...

Да, надо предпринять что-то решительное. Нельзя же закрывать глаза: это еще ведь только начало! Теперь этот авантюрист не оставит в покое Айшу. Еще был Старые друзья! Но Муслима тоже голой рукой не возьмешь. Без боя Айшу он не отдаст! Он будет лупить их обоих. Так он будет их лупить, что они только языки высунут. Начать с того, что еще не известно, с какими документами приехал сюда Аскар. Кто он вообще? Отбывший срок каторжник? Амнистированный преступник? Реабилитированный? Кто? Все это нужно хорошенько проверить. А что, если поехать в Караганду, заявиться в Комитет государственной безопасности, да и сообщить о том, что у нас в городе появился некий Аскар Сагатов, который отсидел пятнадцать лет за измену родине, и как приехал, так сразу начал строить козни. Вот, например, старается разрушить мою семейную жизнь. Помогите мне, пожалуйста... Помогут или нет? Выслушать-то, конечно, выслушают, но вот насчет того, чтоб помочь...

Нет, не те люди там теперь сидят. Знакомых уже не осталось. Заявишься, начнут копать, да выяснять, да поднимать старые дела. Еще опозорят, что не только тут, но и вообще, нигде места себе не найдешь. Время сейчас другое... Вот в этом все и дело.

Глава третья

Когда Муслим встал и вышел в столовую, было уже девять часов. Айша ушла в амбулаторию.

Тихие, осторожные шаги слышались в коридоре: это была его сестра.

— Жайбала,— позвал он.

Она вошла и остановилась у порога. Была она робкой и запуганной, и, хотя он никогда не повышал на нее голоса, она вечно терялась, когда Муслим с ней говорил.

— Что же ты не разбудила меня вовремя? — сказал он.

Жайбала прижала руку к груди.

— Да я хотела,— ответила она неуверенно.— Но ты так крепко спал. И Айша сказала мне: не надо, не трогай, пусть спит.

— А сама она где? — спросил Муслим.

Жайбала с удивлением взглянула на него.

— Да на работе же,— ответила она растерянно.

— Ах, да, конечно! — он поднялся с дивана, мимоходом, проходя по столовой, взглянул в зеркало. Экий он толстый, обрюзглый, желтый от бессонницы...

Подошел к телефону и позвонил в горком партии. Базаров еще не приходил.

— Я очень попрошу,— сказал Муслим,— как только придет, позвоните сразу же мне, он мне очень нужен.

Потом вызвал машину и поехал на работу. В коридоре его уже ждали люди.

Он принял их у себя в кабинете и очень быстро разрешил все недоразумения. Сегодня он был добр и внимателен, как никогда, и посетители ушли обнадеженные. Затем Муслим вызвал Лиду и велел ей попросить к нему Серегина.

Парторг ответил Лиде, что идет сейчас же, но явился только через полчаса. Муслиму это не понравилось.

«Ишь ты, задается,— подумал он.— Показывает мне свои фокусы! Ну, хорошо, я тебе сейчас преподнесу дело».

Когда Серегин вошел к нему, Муслим встретил его добродушным смешком.

— Спасибо, что пришли, Николай Иванович. Заходите, пожалуйста! А то я сам хотел бежать к вам. Я понимаю, вы были очень заняты. Конечно, конечно, дела!

— Люди задержали,— сухо ответил Серегин.— Рабочие из мартеновского.

— Ну-ну! — сказал Муслим.— Понимаю. И я вас поэтому же пригласил. Хотел спросить, что же мы с Сагатовой будем делать? Я снял ее с должности сменного инженера, поставил заведующим технического кабинета, а она, видишь ты, саботирует. Вот на работу не вышла, ждет чего-то. Чего ей ждать? — он засмеялся и развел руками.

Серегин молчал.

— Так вот, что же мы с ней будем делать?

Серегин поднял голову:

— А вы как думаете, что?

Муслим торопливо заговорил:

— Ну, я считал бы, что ее и Курьшпаева надо сперва хорошенько пропесочить по партийной линии. Они ведь оба отвечают за аварию. Один не проверил, другая ему поверила на слово, и вот результат.

Серегин ничего не ответил.

— Она тут мне кричала: брошу завод, уеду в Алма-Ату. Если в самом деле хочет уходить, мое мнение такое: отпустить и не связываться. Толку от ее работы на грош, а шума на всю область. Вот и до газеты уже добралась.

— Это вы один так думаете? — спросил Серегин.

— Не только я, это мнение и товарища Базарова, — отчеканил Муслим.

Серегин вдруг так ударил кулаком по столу, что задребезжала пепельница.

— Да что же ты такое говоришь? — закричал он вдруг. — Ты ей будешь в вину ставить, что она про тебя в газету написала! Да ты думаешь, что говоришь?

— А вы думаете, что делаете?! — завизжал Муслим. — Вы же секретарь парткома! Уберите сейчас же кулак!

Серегин был весь красный от гнева.

— В том-то и дело, — сказал он, с трудом справляясь с дыханием. — В том-то и дело, что не будь я парторгом, я с тобой не так бы поговорил. Ты бы у меня лежал после этого разговора.

Муслим выскочил из-за стола и забежал по кабинету.

— Да нет, вы в самом деле с ума сошли? — сказал он растерянно.

Серегин молчал.

— Эко расшатали вы себе нервы, товарищ Серегин, — продолжал Муслим сочувственно. — Так расшатали, что даже спокойно с людьми говорить не можете. Я с вами по-хорошему говорю, как со старшим товарищем, а вы на меня с кулаками да с криком. Ну, куда это годится?

— У меня разговор с тобой один, — сказал Серегин. — Ты должен прекратить преследование Сагатовой.

Муслим только руками развел.

— Чудеса! Ну, прямо чудеса. Я преследую Сагатову! Да какие же у вас факты, почему вы так говорите?

— Факты? — переспросил Серегин. — Весь завод зна-

ет про то, что главный инженер придирается к каждому слову, к каждому шагу Сагатовой. А ты требуешь факты.

Муслим подошел к столу и опять сел на прежнее место.

— Значит, фактов у вас нет,— сказал он твердо.— Есть одна только безответственная болтовня?

— А проект? Что вы сделали с ее проектом? — крикнул Серегин.

— Проект? — Муслим развел плечами, с удивлением посмотрел на Серегина.— Не знаю я, где ее проект. До меня он вообще еще не доходил. Верно, производственный отдел на него глядит, наглядеться не может.

— Ах, не доходил? — покачал головой Серегин.— Значит, дойти еще не успел, как ты его зарезал! Подумать только, зарезал умный, стоящий проект, который столько мог сохранить государству средств!

Муслим так двинул стулом, что он заскрипел.

— И вы уже точно высчитали, сколько именно средств он мог сохранить? И вообще, вы кто? Инженер, специалист, бухгалтер, плановик? Почему вы беретесь решать такие вопросы?

— Ты вынес ей выговор? — спросил Серегин.

— Да, выговор я ей действительно вынес,— подтвердил Муслим.— Она плохо работала, я и дал выговор ей за это.

— А потом и совсем снял с работы из цеха?

— За аварию, за аварию,— повторил Муслим.— А кто за аварию должен отвечать, как по-вашему? Вы, она или я?

— Да, но не снимают за такие аварии с работы дельного молодого растущего инженера! — снова крикнул Серегин.— Не снимают! А ты вот снял!

— Так почему же? — спросил Муслим.— Почему, по-вашему, я ее снял, если за это не снимают?

— Из трусости,— ответил Серегин.

— Из трусости, вот как! — у Муслима пересеклось дыхание. Он сделал независимое лицо и засмеялся.

— Да, из трусости! Ты вообще боишься всего молодого, энергичного. Думаешь, что оно вытеснит тебя из твоего кабинета,— сказал Серегин.

— Вот это здорово! — расхохотался Муслим.— Вот это логика! Логика моего партийного руководителя. Значит так: я ненавижу Дамеш Сагатову, потому что

— Раз вы так решили, значит, правильно,— ответил Базаров.— Однако вот что плохо: Сагатова не успокоилась, ходит и жалуется. Вот пишет, что ее поставил на это место директор, а снял временный заместитель. Это, мол, неправильно. Вот как бы с этой стороны чего не было. Вы же знаете, Каир человек молодой и горячий.

— А если молодой, тогда пусть слушается старших,— строго сказал Муслим.— Нет, никакого шума быть не может, товарищ секретарь, если только вы его не захотите. А перевел ее я вот почему. Завод в прорыве, нам дорог каждый час, а когда придет директор, неизвестно. Он может задержаться в Москве. Так что ж, будем все это время устраивать аварии? Сагатова, может быть, и не плохой специалист, но работать сменным инженером ей рано. Тут, конечно, есть и доля нашей вины. Есть к сожалению! В свое время мы уступили ее настояниям и поставили ее начальником смены. Это, конечно, зря! Результаты сказались сейчас же. Сначала ей за слабую работу пришлось вынести выговор, а потом и вовсе снять. Авторитета среди рабочих Сагатова не имеет и держится только на том, что ее поддерживает партторг товарищ Серегин.

— А вообще что из себя представляет этот Серегин? — сразу же насторожился Базаров.

Муслим печально улыбнулся.

— В том то и дело, что ничего ровно, ноль! Псих, истерик! Вот недавно устроил мне сцену в кабинете.

— Так, так,— Базаров постукивал пальцем по столу.— А поступок Курышпаева вы разбирали?

— Где там! — махнул рукой Муслим.— Я же говорю, Серегин ровно ничего мне не дает делать. Сегодня я затеял с ним разговор об этом, так он меня чуть не избил.

— То есть как же это так? — изумился Базаров.— Как это чуть не избил?

— А вот так, чуть не избил, и все! Кричал, ругался, брызгал слюной! Я уж сидел и молчал! Ведь такой и в самом деле хватит палкой по голове, и что с него спросишь? Инвалид!

— Да он что? Правда сумасшедший?

— Не знаю, не знаю, я не психиатр,— Муслим покачал головой.— Я докладываю только то, что было,

а выводы делайте уж сами. Ну, конечно, люди этим пользуются. Вот Сагатова вообще на работу не выходит, бойкотирует мой приказ, и все!

— Так! — Базаров решительно поднялся из-за стола. — Ты сейчас куда едешь? На завод?

— Нет, мне надо в область.

— Хорошо. Тогда завтра с утра жди меня на заводе, — сказал Базаров. — Там продолжим наш разговор.

После этого Муслим поехал на квартиру Каира, к Акмарал. Надо узнать, что там происходит. А то, действительно, вернется директор и начнет кричать: как ты смел, да почему не подождал меня, да почему не согласовал с Серегиним? Надо все подготовить заранее.

Акмарал встретила Муслима в передней и провела в комнаты. По всему было видно, что квартира ждала хозяина. Пол был вымыт и натерт, потолки выбелены, на кровати цветастое покрывало, Акмарал ходила в новом, только что сшитом шелковом платье. Она приветливо встретила Муслима.

— Ну, перелетная птица, — сказала она ласково, — откуда летишь, где сядешь? Покажешься раз в год, да и опять исчезнешь...

Она вынула из кармана толстый пузырек из белого металла, высыпала из него на ладонь черно-зеленые зернышки насыбая — злейшего табака, который не курят, а сосут, и поднесла ладонь к лицу.

— Новые порядочки, — пожаловалась она невесело. — Раньше вот жевала, а теперь только нюхаю. Каиржан терпеть не может, когда при нем жуют и сплевывают. Ну что, пишет Каир вам что-нибудь на завод?

— А я вас хотел спросить, ничего от него не получили?

— На той неделе звонил, — сообщила Акмарал и подвинула гостю стул. — Садись, сейчас чай поставлю! Звонил он, звонил! Говорил, что задержится на каком-то собрании.

— На пленуме, — кивнул головой Муслим. — А еще что сказал?

— Да больше ничего как будто! А ты что здесь шумишь без него?

Муслим неуверенно взглянул на нее.

«Что сказать? Черт знает, что у нее сейчас в голове, может, она пляшет под дудку Каира? У этих старух своего-то ума нет».

И на всякий случай он ответил очень тихо и скромно:

— Ну! Это я-то шумлю! Действительно, нашли шумного человека. Я только и гляжу за тем, чтобы все было тихо.

— А Дамеш за что уволил? — спросила старуха.

— Здравствуйте, уже уволил? — слегка поклонился Муслим. — Дамеш по-прежнему на заводе. И кто это сплетни такие распускает?

Она засмеялась.

— А ты думаешь, что, если я сижу дома, так ничего и не слышу? Приходил ко мне Курышпай и сказал: «Я этого проклятого Муслима изобью так, что и своих не узнает».

— Видишь, сколько у нее доброжелателей! — сказал Муслим. — Просто не продохнешь! За справедливое дело небось так не встанут. Я не увольнял ее с завода, я только перевел на другое место. Ну, а положим, уволил бы — есть за что и уволить, — тогда что? Вас бы, женгей, задело это?

Она махнула рукой.

— Не меня, конечно, а сына. И мой совет тебе: без сына ты ее не трогай. Беды не оберешься. — Она подумала и сказала, указывая на комод: — Вот, видишь, портрет ее у меня стоит? Понял? Из-за нее он на все готов!

«Ну, плохо, — подумал Муслим, — очень, очень плохо. Этот дурак и мать убедил, что без Дамеш ему не жить».

Он помолчал и спросил:

— А правда, что Ораз из-за нее развелся с женой? Акмарал вспыхнула.

— Да кто тебе наговаривает этакое? — крикнула она. — Ох, до чего люди любят лезть не в свои дела! Скажи им всем, пока я жива, этого не будет! Только когда я умру...

Она вдруг отвернулась и замолчала, верно, вспомнила, что при ее телосложении волноваться вредно.

— Женгей, женгей! — сказал Муслим умоляюще. — Нельзя же из-за таких пустяков расстраиваться... Я за что купил, за то и продаю.

— Проклятый спекулянт! Не торгуй гнилью! — при-

крикнула на него Акмарал.— Вот ты теперь пойдешь и станешь разносить это по всему городу.

— Только вам, клянусь аллахом! Только вам! — повторял Муслим.

— Молчи, не поминай имя божье! Беда с ней, с этой девкой! Вот слушай-ка, я что тебе расскажу.

И Акмарал словно прорвало. Все, что она слышала от соседей, все, что надумала за них и после них, все, все полилось на голову Муслима. За пять минут он узнал все сплетни, предположения и опасения всех старух, бездельниц и сплетниц. Но это как раз и было то, что ему больше всего хотелось услышать. Значит, слухи уже гуляют? Хорошо! Дамеш и Каир находятся в незаконной связи? Прекрасно! Каир пользуется своим положением директора? Прекрасно! Прекрасно! Все это может очень и очень пригодиться! Это как раз то, что надо! Обо всем этом обязательно должны узнать в горкоме.

Глава четвертая

Ораз сидел у обрыва и смотрел вниз на озеро. За плечами у него ружье. Он сегодня урвал свободное время и убежал в горы. Погода стояла тихая, прохладная, лишь иногда набегал ветерок, но все небо было в тучах. От края самой далекой тучи, что стояла над горизонтом, тянулись бурые полосы. Это в Караганде шел дождь. В такую погоду архары пасутся, как овцы. Вот жалко, автомобиля Ажар не дала. Спрятала ключ да и все: «А то будешь разъезжать со своей Дамеш!» — закричала она. Вот пришлось идти пешком.

С горы видно было, как по озеру бежали белые и сизые волны. В прошлом году Геннадий чуть не утонул здесь: ловил с лодки рыбу, и вдруг лодка опрокинулась. Пришлось спасаться вплавь. Ладно! Что Оразу до охоты? Что Оразу до погоды? Все мысли у него о Дамеш. И во сне и наяву он видит ее и всегда по-разному. Иногда она проходит мимо, как будто не замечает его, а иногда протягивает ему руки и манит: «Иди! Иди сюда, милый! Я тебя люблю...» Ох, если бы этакое увидеть и наяву! Поцеловал же он ее только один раз. Это было

давным-давно, когда она ходила в школу. И случилось это тоже в горах.

Они вместе решили собирать цветы. Очень красивые цветы росли в этих местах. И фиалки, и горные пионы, и еще какие-то ночные огоньки, и другие цветы со столь же прихотливым названием. Пошли они вдвоем — она и он. Дамеш шла впереди. Взирались они весело, шумно, пели, смеялись, а взобрались, вдруг замолчали и притихли. Дамеш отошла в сторону, и тут Ораз увидел у себя под ногами редкий прекрасный цветок. Он называется по-казахски Айгуль, что означает «лунный». Ораз так обрадовался находке, что закричал во весь голос:

— Дамеш! Посмотри-ка, что я нашел!

Она откликнулась не сразу, и ему еще несколько раз пришлось позвать ее. Зато как она обрадовалась, когда прибежала и увидела, зачем он ее позвал. Айгуль был большой, круглый, великолепного фиолетового цвета, и Дамеш от восхищения даже захлопала в ладоши.

— Ну, рви,— сказал ей Ораз,— это твой.

Но Дамеш не решалась сорвать цветок. Она стояла над ним, протягивала руку и снова отдергивала ее. Тогда Ораз сорвал цветок у самого корня и протянул ей. Вот после этого Дамеш и поцеловала его в губы. И хотя этого больше не повторялось никогда, но поцелуй ее он запомнил навсегда. И поэтому, когда через много лет они встретились снова, он сразу же забыл все на свете, и прежде всего свою простужку-жену.

Дни и ночи теперь думал он о Дамеш — высокой и стройной, светлолицей и пышноволосой, с сияющими глазами и нежным голосом. Голос ее сводил его с ума. Он слышал его даже во сне. Ораз любил Дамеш и не мог ее понять, уж слишком она была разная: он видел ее то робкой и стыдливой, краснеющей от каждого неосторожного замечания, то бойкой, разбитной, с острым языком и смелыми манерами. И ведь никогда нельзя было заранее угадать, что на нее найдет и какой она предстанет сегодня...

А ведь если сейчас говорить начистоту, он очень виноват перед ней: Дамеш сняли с работы, а он даже и не поговорил с ней. А он мог бы помочь ей, на то у него и депутатский билет в кармане... Ладно! Она сама этого не хочет, она ждет Каира! Пусть ждет.

Уже становилось темно — очень быстро темнело в

этих местах. Ораз спустился с горы и пошел домой. Идти приходилось задами, огородами, надо было перелезть заборы и плетни. Наконец он подошел к дому Дамеш. Среднее окно было ярко освещено. Видно было, что два человека сидели и разговаривали. Ораз сразу узнал их: это были его отец и Дамеш. Ораз прислушался. Голос у старика резкий и раздраженный.

— А я тебе говорю, ни за что я здесь не останусь. И не проси меня, пожалуйста. Соберусь и уеду. И ты поезжай со мной, не бойся, не пропадешь... Таким, как ты, везде место найдется. Я вчера написал старшему сыну, чтоб он приезжал за нами.

Видно было, что старик бунтовал. Его обидели, и похож он был на старого коня, который сбросил узду, а теперь норовит сбросить и всадника. Дамеш опять что-то возражала. Кажется, она просила его не торопиться и напоминала его любимую пословицу: «У всех невзгод конец счастливый». Но старик ничего и слушать не хотел.

— Тебя выгнали из цеха, — услышал Ораз его слова. — Я работать на заводе уже не могу, Ораз от нас ушел, так чего нам здесь оставаться? Когда все было как следует, нас уважали. А теперь уже этого нет.

Дамеш опять начала что-то говорить, но Ораз не мог разобрать что. Ему стало неприятно, что он сделался невольным свидетелем их разговора, поэтому, сорвавшись с места, он сначала быстро пошел, а потом почти побежал к озеру. Там было светло и шумно. Посередине озера стоял сверкающий огнями трал. Производилось углубление дна, и издали трал можно было принять за корабль. К тралу шла лодка. Лунный свет освещал эту лодку, черную воду, двух девушек на веслах. Девушки гребли, смеялись, о чем-то громко разговаривали. И вдруг Ораз круто повернулся и побежал обратно к дому Дамеш.

Она была одна, сидела и читала. Увидев Ораза, Дамеш вскочила со стула и пошла к нему навстречу. Он поглядел на ее перепуганное лицо и засмеялся.

— Нет, больше ничего не случилось, — сказал он. — Просто гулял и вот зашел. Ну, как ты живешь?

Он видел, как она осунулась за эти дни, побледнела, как провалились ее глаза. Здороваясь, она протянула руку, и он почувствовал, что пальцы ее дрожали.

— Жалко, что ты опоздал! — сказала она. — Тут только что был ата¹! Ух, разбушевался старик, хочет все бросить и уехать! И меня зовет с собой! А виной всему ты. Если, говорит, Ораз ушел от нас, так что же нам тут делать? Видишь, что ты натворил! Ну, как ты? Все еще в доме отдыха? Слушай, в чем дело? Почему ты ушел из дому?

Ораз пошел в глубь комнаты, сел на диван. Да, Дамеш не изменилась — спрашивает, а отвечать не дает.

— Почему ушел, спрашиваешь? — проговорил он задумчиво. — Хочешь знать всю правду?

Она вспыхнула, но сейчас же овладела собой и ответила:

— Ну, конечно.

— Так я тебе скажу. Я разлюбил Ажар! Ну, что ты молчишь?

Дамеш ответила с трудом:

— Странно... Где же у тебя были глаза, когда ты сватался? Заморочил девушке голову и бросил. Так?

— Я женился не по любви, а от злости, — сказал Ораз. — Я женился потому, что здорово разозлился на тебя.

— Вот как! — воскликнула она, но голос ее дрогнул. — За что же ты мог на меня разозлиться? Вот ты женат, а я ведь до сих пор одна. Ты же мне и не говорил ничего.

— Да я бы сказал, — ответил он, мучительно морщась. — Я бы сто раз сказал... Когда бы не испугался.

— Кого? — спросила она с изумлением.

Она и в самом деле была поражена его словами.

— Да тебя. Тебя же я и испугался, — ответил Ораз. — Образования твоего... Я боялся... Ты вот инженер, а я кто? Медведь в лесу, а не человек.

— Вот это новости, — тихо сказала Дамеш. — Нет, ты определенно решил меня сегодня удивлять. Коммунист, знатный сталевар, герой, и, оказывается, он медведь, а не человек. Нет, друг, не в этом дело. Ты просто не пожелал меня ждать. А женился и пожалел, что женился, — вот от этого все и пошло.

Она подошла к окну и села так, чтобы лица ее не было видно.

---

¹ Отец.

— Ну, а теперь,— спросил он тихо,— теперь, когда мы снова встретились, это уже совершенно непоправимо?

Она ответила, не поворачиваясь к нему лицом:

— Ну, конечно! Разве ты не понимаешь... У тебя же семья — сын, жена. Нет-нет, живи с ней мирно и спокойно, иначе мы поссоримся.

— Поссоримся? — усмехнулся он.

— Да!—ответила она.—Поссоримся. И даже всерьез. И не обижай отца! Думай, пожалуйста, хоть об этом...

Она сказала это серьезно и строго.

«Ну что ж,— подумал Ораз,— все ясно. что же тут еще переливать из пустого в порожнее».

Он быстро попрощался и вышел.

На другой день после работы Ораз взял у Геннадия мотоцикл и поехал на охоту в Кызылтау. Ему необходимо было собраться с мыслями. Но охотиться было еще рано. Охотничий сезон еще не начался, у него могли и ружье отобрать, и оштрафовать, и акт составить. Но сейчас Ораз об этом не думал. Главное — никого не видеть и не слышать: измотаться, промерзнуть, вернуться домой еле живым от усталости, броситься на диван и заснуть.

Места, по которым он ехал, были ему хорошо знакомы. В прошлом году он уже был тут с отцом, и тогда отец говорил, что охотиться нужно не здесь, а южнее, на склоне горы: там и архары, и лисицы, и зайцы. Архаров особенно много, часам к двенадцати дня они выходят стадами на водопой, и тогда бей их, как овец. Эх, застрелить бы парочку! Одного отдать Дамеш, другого Булату. Вот, мол, сестрица дорогая, как я помню твои пожелания! Живу с Ажар душа в душу, не ругаюсь, не ссорюсь. Да, пожалуй, с такой поживешь... Как что — так скандал, как что — так ревность, слезы и брань. А тут еще на работе неприятности. Вон бригаду подвел, звание проморгали! Тут есть от чего с ума сойти. Есть, есть, Дамеш... Поверь моему слову, что есть!

На лицо Ораза упала капля. Он взглянул на небо: ну, так и есть — дождь! Все небо заволочло тучами. Гроза идет с баян-аульских гор. «Да,— подумал Ораз,— как раз по пословице про неудачника: «Как воровать пошел,

подумал он смутно,— по ночам они выходят на добычу. В кармане, кажется, у меня были где-то спички. Вот куст таволги. Если обломать сухие сучья да запалить их, волки не сунутся — они боятся огня».

И вдруг он услышал вой. Прислушался, но никак не мог понять, показалось ему или нет. Говорят, волк чует человека за версту... Может быть! На то он и волк, чтоб чуют. Обязательно нужно набрать сушняк и разжечь костер.

И Ораз пополз к соседнему кусту. Ладони его рук были влажны от крови, и к ним прилипла сухая глина и мелкая галька. Это причиняло такую боль, что по щекам все время текли слезы. Впрочем, сейчас страх сильнее боли. Вот справа от него явственно послышался шорох. И не поймешь, сухая ли это глина сыплется, или волк идет.

Нет, надо обязательно доползти до таволги и разжечь костер, тогда он спасен! Он снова выползал из кустов и опять, ободравшись до крови, добрался до открытого места. Все время около него слышались чьи-то мягкие шаги, шорох, скрежетание когтей о гальку... Конечно, это волки. Он знает, они не сразу набрасываются на человека, а ждут, чтобы тот выбился из сил.

И вот они, вот зеленые огни — волчьи глаза! И нет ни ножа, ни палки, ни даже камня! Одни спички... Что же! Он будет зажигать их и бросать в самую морду зверя, пока останется хоть одна спичка. И еще он будет смотреть прямо в глаза волку. Потому что, если смотреть ему прямо в глаза, зверь трусит, пятится, поджимает хвост и уходит прочь.

А шорохи множатся... Теперь они окружают его со всех сторон. Целая стая волков собралась здесь. Куда же завалился этот проклятый коробок? Он шарил по карманам, нашел его, вытащил спички, зажег и бросил одну за другой на куст. Тот загорелся сразу со всех сторон, горел шумно и весело, трещал, заливал все жаром и золотым светом. Стало очень жарко, потому что огонь охватил Ораза, и он опять потерял сознание.

Спокойная и тихая ночь... Крутой склон, куст таволги, около него лицом к земле человек. Мертв он или жив? Кто же это поймет?

Геннадию снилось, что он прошел мимо стула и задел часы, часы упали и разбились. От испуга он проснулся, зажег настольную лампу и увидел: часы действительно стали. Года два тому назад в день рождения их подарил ему Ораз. С тех пор они шли безотказно, и вот вдруг остановились. Старики говорят, что это плохая примета. Действительно, трудно им не поверить — ведь Ораз до сих пор не вернулся, а обещал привезти ему мотоцикл еще засветло. Тут есть от чего забеспокоиться. Мотоцикл у Геннадия старый, с капризами и заскоками, дорога же в горах крутая, отлогая, мало ли что может на ней случиться?

Геннадий сел на постель, взял со стула папиросы и закурил. Да, неладно, неладно... Заночевать в горах Ораз не мог, он же не взял с собой ничего теплого. Значит, нужно что-то предпринимать. Ведь он, Геннадий, обязан Оразу жизнью.

Дело было так. В прошлом году Геннадий пошел удить рыбу, взял на пристани лодку и выехал с ней на середину озера. Так удят настоящие рыбаки. Но у настоящих-то рыбаков рыба клюет, а у него нет. Он уж хотел повернуть к берегу, как вдруг леску сильно дернуло.

«Главное, сразу подсечь, так, чтобы она не успела оборваться,— подумал Геннадий и дернул леску изо всей силы. И тут вдруг она взметнулась, а он потерял равновесие и ухнул в воду. Выплыть обратно он уже не смог, так как лодка покрыла его сверху, как крышка гроба. Он уже изрядно нахлебался воды, отяжелел и не мог не только плыть, но и держаться на поверхности. Уходя под воду последний раз, он увидел над собой желтые, зеленые круги, прозрачную светлую прозелень и потерял сознание. Очнулся он уже на берегу. Над ним сидел Ораз и делал искусственное дыхание. Оказывается, вместе с Кешей они стояли на берегу озера, болтали, смеялись, смотрели, как Геннадий ловит рыбу. Ораз поспел ему на помощь как раз в ту минуту, когда он уже лежал на дне. Да если теперь что-нибудь случится с Оразом, Геннадий всю жизнь будет чувствовать себя преступником. Геннадий не допустит, чтоб Ораз погиб. А кроме всего прочего Ораз — замечательный парень. Даже помимо того, что он друг Генки и спас ему жизнь, он вообще прекрасный человек, мастер своего дела — не

заснайка, не рвач, ему никогда не нужно больше того, что получают его ребята. Когда бригада работает, Ораз тоже не сидит сложа руки. Он ходит, смотрит, помогает, учит новичков. Никогда не ругается, ни на кого не кричит. А его недоброго слова или насмешки боятся все. «Эх ты, шляпа», — скажет Ораз, как будто бы шутя, рабочему, и тот сразу же готов провалиться сквозь землю. А ведь что греха таить, есть бригадиры, которые любят еще поорать да поиздеваться. Нет, если такого, как Ораз, потеряешь, то не скоро сыщешь.

Геннадий бросил папиросу, завел часы и снова лег. Но заснуть он уже не мог. Всякое лезло ему в голову: и авария, и несчастный случай, и зверь всякий. Наконец, едва дождавшись утра, он встал и побежал к Куану. Улицы еще были пусты, автобусы не ходили, но заводские машины уже появились.

Геннадий добежал до дома Куана и постучал кулаком в окно. Ему открыли не сразу, и Гена, дожидаясь, чуть не вышиб окно. Наконец Куан откинул засов и появился перед Генкой заспанный, взлохмаченный, босой.

— Ты знаешь, — сказал Геннадий, — Ораз вчера уехал и до сих пор его нет.

Куан, недовольный, что его разбудили, не разделил страха Генки.

— Ну, заночевал в горах и все, — сказал он. — Или заехал куда-нибудь на обратном пути, мало ли что бывает?

Решив, что тут толка не добьешься, Геннадий побежал дальше, к дому Курышпая.

Старик не спал и возился у себя во дворе. Геннадий, увидев его через щели забора, постучал в ворота. Курышпай подошел, держа топор в руке.

— Ораза у вас нет? — спросил Геннадий через калитку.

— Нет, — ответил старик. — А что такое?

— Как уехал вчера на охоту, так до сих пор не вернулся.

— Так, — старик остановился, что-то обдумывая. — Ну, стой, я сейчас вынесу тебе ключ от машины и отпрем гараж. Поезжай в горы.

Через десять минут Геннадий уже был на дороге. Через полчаса — в горах.

Утро стояло ясное и солнечное, дорога была ему хо-

рошо известна. Он ехал медленно — склоны, повороты, объезды, переходы. Место крутое, дикое — только заез- ваешься и полетишь.

Узкая дорога вилась, кружилась и вдруг круто взле- тала вверх, а потом пошла куда-то под откос. За дорогой надо все время внимательно следить. И потому еще он ехал так медленно, что приглядывался к дороге. Если мотоцикл Ораза сорвался в пропасть, обязательно оста- нутся следы на откосе. И вот на одном месте, где пово- рот был особенно крутым, он увидел на обочине взбо- ржденную землю, помятые кусты и совсем свежий след от катившихся вывороченных глыбин.

Геннадий остановил машину, выскочил из нее и, дер- жась за кусты, начал осторожно спускаться. Да, сом- ненья нет, несколько часов назад тут, ломая ветки, выворачивая камни, оставляя за собой широкую бороз- ду, летела вниз машина. Но задержали ли ее по дороге кусты, или она так и рухнула в пропасть? Сумел ли Ораз во время падения соскочить или расшибся вместе с ма- шиной?

Геннадий спустился еще ниже и увидел мотоцикл. Он лежал на боку, зацепившись за большую глыбину. Рядом валялась кепка Ораза. Но где сам Ораз? Хва- таясь за кусты, Геннадий спустился еще на несколько метров и тут увидел Ораза, лежащего около куста лицом вниз. Около головы его и рук натекло порядочно крови. Неужели мертв? Геннадий наклонился и приложил ла- донь к виску Ораза. Пульс был, хотя и очень слабый и неровный, — то пропадал, то появлялся, но все-таки он был. Значит, жив», — подумал Геннадий.

Осторожно, держась за кусты, он повернул Ораза на спину, достал из кармана термос и влил ему в рот не- сколько капель воды. Подождал, пока тот проглотит, и влил еще. «Надо его немедленно в больницу, — подумал Геннадий, — может быть, он головой стукнулся. Только как же я его потащу? Конечно, на спине! Ну, а если сор- вемся? Ну, тогда смерть обоим...»

Геннадий взвалил Ораза на спину и полез вверх, хватаясь за колючий кустарник. Первые несколько мет- ров они прошли довольно легко, а потом он почувство- вал жгучую боль в ладонях. Посмотрел — все руки в ссадинах. «Эх, плохо, — подумал он, — не ухватишься за куст и полетишь». Он дополз до крошечного выступа и

положил Ораза около куста. Потом снял с себя рубаху, разорвал ее на полосы и обмотал ими ладони. Хвататься за кусты стало труднее, но боли уже не было. К полудню он выполз к дороге и вынес Ораза к машине.

Никуда не заезжая, Геннадий поехал прямо в больницу и отнес Ораза в приемный покой. Когда он вернулся к машине, вокруг нее уже толпились люди. Все знали, что с Оразом случилось на охоте несчастье, его привезли сюда еле живого. К Геннадию торопливо подбежал Курышпай, за ним — Аскар.

Старик был очень бледен.

— Жив? — спросил он тихо.

— Жив, жив, — ответил Геннадий весело. — Еще сто лет проживет. Ушибся только.

Он махнул рукой (ну что, мол, говорить о пустяках) и хотел уже пройти мимо, но старик опять схватил его за локоть.

— А руки, ноги у него ничего?

— Конечно, ничего, не волнуйтесь, — улыбнулся Геннадий и отошел от них.

— Что, правду он говорит? — спросил старик у Аскара.

— Наверно, правду, — ответил Аскар. — Вы подождите-ка меня здесь, а я схожу к Айше и все у нее узнаю.

Айшу он встретил на лестнице. В белом халате и в круглой белой шапочке, она спускалась вниз. Увидев Аскара, остановилась и сказала:

— Еще рано, ничего не знаем. Вот сейчас снесем его в операционную, там будет видно.

— Он будет жив? — спросил Аскар.

Они стояли на лестнице. Он ниже, она выше — и смотрели друг на друга.

— Жив-то он, конечно, будет, — ответила она, хмурясь. — А вот ходить... Ну, да посмотрим! Он парень молодой, сильный, сделаем все, что можем.

Она пошла было вниз, но потом снова остановилась.

— А ты здесь с кем?

— С его отцом, — ответил Аскар.

— А жена?

Аскару тоже приходило это в голову — где же Ажар? Но сейчас, когда его спросили об этом, он ответил очень спокойно и твердо:

— Она еще не знает.

Айша кивнула головой и пошла вниз. Видимо, она предпочитала не иметь дела с женами.

— Подождите меня в приемной, я выйду к вам сейчас же после операции,— крикнула она снизу.

Когда Аскар вернулся, рядом со стариком сидела Ажар; лицо у нее было заплаканное, глаза красные.

— Жив, жив,— сказал ей Аскар.— Сейчас его понесут в операционную. Будут кости проверять. Доктор говорит: ничего серьезного! Ах, Ораз, Ораз! Под счастливой же звездой ты родился, если после такого остался жив... Значит, еще сотню лет проживешь.

Курьшпай подошел к Генке и молча крепко пожал ему руку.

Глава пятая

Каир уже давно проснулся и лежал в кровати.

Вот вчера во время заседания, посвященного черной металлургии, выступил управляющий трестом «Запорожсталь». Говорил он недолго, но то, что сказал, запомнилось Каиру.

— Сталь, товарищи, это наша кровь,— сказал управляющий.— Кровь советского государства. Если в человеке мало крови, разве может такой человек быть здоровым, жизнерадостным, сильным? Разве может он хорошо работать? Заморышем мы называем такого человека. А наше государство враги называют советским гигантом. Так вливайте нашему гиганту в жилы больше стали, этой звонкой и веселой крови! Мы богатыри, товарищи, давайте же и работать по-богатырски!

Это были хорошие слова, и они сразу задали тон всему заседанию. Вслед за директором «Запорожстали» выступали руководители других крупнейших металлургических гигантов страны — Череповецкого, Кузнецкого, Магнитогорского. Среди этих гигантов Темиртау совершенно затерялся. Самое большое предприятие Казахстана оказалось очень скромным, когда Каир взглянул на него из зала этого заседания. Но он знал, что скоро все изменится. Заработают новые домны, и Темиртау выйдет на одно из первых мест в стране. Впрочем, об этом говорили и все выступающие.

положил Ораза около куста. Потом снял с себя рубаху, разорвал ее на полосы и обмотал ими ладони. Хвататься за кусты стало труднее, но боли уже не было. К полудню он выполз к дороге и вынес Ораза к машине.

Никуда не заезжая, Геннадий поехал прямо в больницу и отнес Ораза в приемный покой. Когда он вернулся к машине, вокруг нее уже толпились люди. Все знали, что с Оразом случилось на охоте несчастье, его привезли сюда еле живого. К Геннадию торопливо подбежал Курышпай, за ним — Аскар.

Старик был очень бледен.

— Жив? — спросил он тихо.

— Жив, жив, — ответил Геннадий весело. — Еще сто лет проживет. Ушибся только.

Он махнул рукой (ну что, мол, говорить о пустяках) и хотел уже пройти мимо, но старик опять схватил его за локоть.

— А руки, ноги у него ничего?

— Конечно, ничего, не волнуйтесь, — улыбнулся Геннадий и отошел от них.

— Что, правду он говорит? — спросил старик у Аскара.

— Наверно, правду, — ответил Аскар. — Вы подождите-ка меня здесь, а я схожу к Айше и все у нее узнаю.

Айшу он встретил на лестнице. В белом халате и в круглой белой шапочке, она спускалась вниз. Увидев Аскара, остановилась и сказала:

— Еще рано, ничего не знаем. Вот сейчас снесем его в операционную, там будет видно.

— Он будет жив? — спросил Аскар.

Они стояли на лестнице. Он ниже, она выше — и смотрели друг на друга.

— Жив-то он, конечно, будет, — ответила она, хмурясь. — А вот ходить... Ну, да посмотрим! Он парень молодой, сильный, сделаем все, что можем.

Она пошла было вниз, но потом снова остановилась.

— А ты здесь с кем?

— С его отцом, — ответил Аскар.

— А жена?

Аскару тоже приходило это в голову — где же Ажар? Но сейчас, когда его спросили об этом, он ответил очень спокойно и твердо:

— Она еще не знает.

Айша кивнула головой и пошла вниз. Видимо, она предпочитала не иметь дела с женами.

— Подождите меня в приемной, я выйду к вам сейчас же после операции,— крикнула она снизу.

Когда Аскар вернулся, рядом со стариком сидела Ажар; лицо у нее было заплаканное, глаза красные.

— Жив, жив,— сказал ей Аскар.— Сейчас его понесут в операционную. Будут кости проверять. Доктор говорит: ничего серьезного! Ах, Ораз, Ораз! Под счастливой же звездой ты родился, если после такого остался жив... Значит, еще сотню лет проживешь.

Курышпай подошел к Генке и молча крепко пожал ему руку.

Глава пятая

Каир уже давно проснулся и лежал в кровати.

Вот вчера во время заседания, посвященного черной металлургии, выступил управляющий трестом «Запорожсталь». Говорил он недолго, но то, что сказал, запомнилось Каиру.

— Сталь, товарищи, это наша кровь,— сказал управляющий.— Кровь советского государства. Если в человеке мало крови, разве может такой человек быть здоровым, жизнерадостным, сильным? Разве может он хорошо работать? Заморышем мы называем такого человека. А наше государство враги называют советским гигантом. Так вливайте нашему гиганту в жилы больше стали, этой звонкой и веселой крови! Мы богатыри, товарищи, давайте же и работать по-богатырски!

Это были хорошие слова, и они сразу задали тон всему заседанию. Вслед за директором «Запорожстали» выступали руководители других крупнейших металлургических гигантов страны — Череповецкого, Кузнецкого, Магнитогорского. Среди этих гигантов Темиртау совершенно затерялся. Самое большое предприятие Казахстана оказалось очень скромным, когда Каир взглянул на него из зала этого заседания. Но он знал, что скоро все изменится. Заработают новые домны, и Темиртау выйдет на одно из первых мест в стране. Впрочем, об этом говорили и все выступающие.

Однажды во время перерыва к нему подошел директор «Запорожстали» и рассказал о технических новшествах на его заводе. Во-первых, мартеновский цех вот уже несколько лет как перешел на непрерывную варку стали. Для этого были созданы специальные автоматические приспособления: раньше процесс варки стали производился вручную, а это нередко приводило к авариям, простою, а в редких случаях и к человеческим жертвам. Теперь весь процесс производится автоматически.

— Понимаете, машина сама открывает стопор и выпускает из ковшей готовую сталь,— сказал Каиру его собеседник.— Мы гарантированы от всех случайностей, а вы же знаете, сколько их бывает.

«Да,— подумал Каир,— ловко! А мы вот на нашем заводе даже пальцем не пошевелили; работаем по-старинке, по-дедовски, и ждем, что новая техника свалится на нас откуда-то сверху, что приедут из Москвы инженеры и начнут переоборудовать цеха по последнему слову техники. Вот мы тогда и вылезем на первое место в стране. Какое дикарство! Ведь недаром же здесь, с самой высокой трибуны мира, были произнесены слова о том, что новые машины, автоматы, мощные поточные линии созданы только для того, чтоб облегчить труд человека! Как это все просто и бесспорно! А мы как поступили с предложением Дамеш? Муслим тянет волынку, изучает, увязывает, перебрасывает проект из инстанции в инстанцию, а он, директор, стоит в стороне и ни во что не вмешивается. Я не я, и домна не моя, и я не директор. Стыд, позор... Даже если предложения Дамеш и ничего не стоят, и то позор. Что он сделал для того, чтобы уяснить себе, стоят они чего-нибудь или нет? Да ровно ничего! Как же Дамеш не обижаться, не говорить ему колкости, не задевать его? Хорошо еще, что хоть руку подает, а то может встретиться на улице и пройти мимо не поздоровавшись.

Самолет ИЛ-18 приземлился в Карагандинском аэропорту под вечер. Весь полет занял всего-навсего четыре с половиной часа. Каир поехал не в гостиницу, а к своему карагандинскому дяде, старому заслуженному шахтеру, который давно уже приглашал его в гости.

И вот Каир, его тетка и дядя сидели за столом. Шумел старый самовар, весь в желтых и белых пятнах, в

медалях и надписях. На большом блюде дымились куски мяса, стояли разноцветные бутылки с настойками. Дядя не признавал ни водки, ни сухого вина.

Чай пили здесь по старинке — из пиалы, с лепешками. Каир посмотрел на дядю. За глаза его называли стариком, но это, конечно, не так. Это был высокий, сухой, очень крупный человек, подошедший к самому пределу старости, но никак еще не перешагнувший этот предел. У дяди худое, подвижное лицо, совсем еще черные усы, аккуратно подстриженные, и две резкие складки у рта. И характер у дяди тоже резкий, прямой, совсем не такой, какой был у его родного брата, отца Каира, человека мягкого и деликатного. Дядя — справедливый, щедрый, доброжелательный. Но попробуйте с ним только поспорить, похвалить человека, которого он не любит, или, наоборот, выругать его близкого родственника, пусть он даже сам будет о нем не особо хорошего мнения, — сейчас же лицо у дяди потемнеет, степенная и торопливая речь потеряет всю свою складность, превратится в резкую и отрывочную, руки сползут со стола и начнут крутить бахрому скатерти. Еще пять минут такого разговора, и дядя покраснеет, потом поднимется из-за стола и начнет ходить по комнате. Зачем же обижать напрасно пожилого и достойного во всех отношениях человека? Ведь все равно его не переделаешь на свой лад. Но сейчас дядя благодушен и тих. Он хорошо поел, выпил, выкурил две трубки, и настроение у него отличное. Однако не задеть Каира, эдакого молодого франта, он все-таки не может.

— Ну, а о здоровье матери что же ты не спрашиваешь? — сказал он, откинувшись на спинку кресла и звучно посасывая мундштук уже затухшей трубки. — Или теперь молодым до стариков дела нет? Не понимаю я что-то нынешнюю молодежь. Лет двадцать пять тому назад, когда сын возвращался в родной аул, первый вопрос его был о здоровье родителей, хотя бы они не виделись два дня. Что ты улыбаешься, не так, что ли?

— Так, — ответил Каир, — конечно, так!

— А если так, то чему ж ты тогда радуешься? — дядя вспыхнул, вынул трубку изо рта и начал ее внимательно рассматривать. — Четыре тысячи — это не десять.

— А тому я улыбаюсь, мой дорогой и сердитый дядя, — сказал Каир, — что я уже все знаю о здоровье матери.

— Хм! — дядя перестал рассматривать трубку и с подозрением посмотрел на племянника. — Как же это так? Кто же тебе сказал?

— Да она сама и сказала. Я с ней вчера говорил по телефону.

Дядя замолчал — такого поворота он не ожидал — и растерянно смотрел на Каира.

А Каир дотронулся до его руки и сказал снисходительно и проникновенно:

— Дядюшка, дорогой мой. Ну, что ты мне говоришь об ауле? Ну, при чем же тут аул? Раньше, когда казах ехал на базар, старухи о его судьбе гадали на камулаках. А я вот вчера ночью из Москвы говорил по телефону с матерью. А сейчас сижу у вас и слушаю, как вы меня ругаете.

Дядя опять низко наклонился над своей трубкой и начал ее выколачивать. А тетка сказала:

— Вот и поговори с молодыми! Они на каждый твой глупый вопрос десять ответов найдут.

Каир закусил губу, чтобы не улыбнуться. Тетка, оказывается, тоже бунтует. Настроение у нее хорошее, она очень довольна подарком Каира, шалью. И правда, шаль ей очень идет. Она в ней сразу помолодела, похорошела и все время украдкой смотрела в зеркало. Кроме того, ей, видать, изрядно надоел старик со своей вечной правотой и беспрекословностью. И то, что Каир так решительно и вместе с тем так ловко, так мягко, — что не обидишься даже, — отбивает каждое его нападение, доставляет ей, видно, особенное удовольствие. Она выпила стакан вина и осмелела.

— Правильно, правильно, Каиржан, — сказала она. — Не давай ему над собой издеваться. Всегда-то он всех умнее.

Дядя решительным движением сунул трубку в рот, засопел, несколько раз передвинул ее из правого уголка рта в левый и нахмурился.

— Ладно, — сказал он и сердито поглядел на тетку. — Ты что-то у меня умнеешь день ото дня! За словом в карман Каир не лазит — это правда. В Москве его всему обучили, он все знает: и как со старшими разговаривать, и как старых дурех вокруг пальца обводить, — старик резко повернулся к Каиру.

— Ну, ладно, с матерью ты, положим, говорил по те-

лефону и все узнал. Ну, а о других родственниках что тебе известно?

Дядя спрашивал прямо, требовательно, и Каир с грустью подумал:

«Боже мой! Да ведь он, действительно, думает, что я должен знать все о каждом моем родиче... А я их по имени-то всех не знаю...»

Но он ничего не сказал. Понял, что надо промолчать, ведь старик уже начал по-настоящему сердиться. Кроме того, Каир знал — для старого казаха нет греха более непростительного, чем непочтение к родственникам, каким бы отдаленным ни было их родство.

Каир мучительно подбирал слова, чтобы оправдаться, но вдруг разговор принял иной оборот.

Тетушка засмеялась и воскликнула:

— Да ты прямо ему говори. Что ты все путаешь? При чем тут все наши родственники? Ты расскажи ему, что случилось с Дамеш.

— Дамеш! — Каир соскочил со стула. — Что же с ней? Почему вы молчите?

Лицо дяди было по-прежнему неподвижно. Только теперь он уже не сопел, а сердито грыз конец трубки и на Каира не смотрел.

— Да ничего с ней особенного не случилось, — сказал он после небольшой паузы. — С работой у нее там что-то такое произошло. Поссорилась она с кем-то или еще что, точно не знаю.

— Ну, как же так? — с волнением спросил Каир. — Почему же вы ничего толком не знаете?

— Да она тебе сама все расскажет, вот придешь к ней в гостиницу и спросишь, — сказала тетушка. — Она тут в гостинице остановилась... Вчера я ехала на автобусе и видела, как она стояла с чемоданом перед подъездом. Хотела крикнуть ей, да не успела.

— Нечего было и кричать, — хмуро сказал дядя. — Что кричать тому, кто тебя не хочет знать! Приехала, а про нас и не вспомнила.

— Ну, может ей не до нас, — робко возразила тетушка. — Знаешь, как на работе бывает? Ты и сам иногда придешь с шахты...

Дядя что-то гневно пробормотал, но Каир уже его не слушал. Он посидел еще несколько минут за столом, потом начал прощаться, встал, оделся и вышел.

Надо было немедленно позвонить в гостиницу, но, как назло, кругом не было ни одного автомата. Минут десять он метался с одного конца улицы на другой и все думал, что опоздает — наступал вечер, и Дамеш могла уйти куда-нибудь.

Наконец в каком-то магазине он нашел телефонную будку, позвонил и спросил, в каком номере живет Сагатов.

Дежурная по коридору сказала:

— Одну минуточку, посмотрю.

Он услышал, как она открыла ящик и перебирала ключи. Наконец она ответила ему, но прибавила, что сейчас Сагатовой нет, ушла и когда вернется, неизвестно, но, пожалуй, лучше всего навеститься ему, эдак, часов в восемь.

Почему-то без всякой надежды застать Дамеш в номере он пришел в девять часов и, едва постучавшись, толкнул дверь и вошел. Дамеш сидела на диване и читала книгу. Когда он вошел, она несколько секунд неподвижно смотрела на него, как будто что-то соображая или припоминая, потом вскочила и пошла к нему навстречу с протянутой рукой. Он схватил эту руку и жадно поцеловал ее. Каир был страшно взволнован, он смеялся, суетился, говорил что-то быстро и отрывисто. Дамеш несколько секунд смотрела на него молча, а потом тихонько отобрала руки и сказала:

— У тебя такой вид, словно мы не встречались десять лет и ты вот-вот расплачешься от радости.

— А я ведь и, верно, пожалуй, заплачу,— сказал Каир, не желая замечать ее тона, ласкового и насмешливого одновременно.

Он снова взял ее руку — одну, другую, потом обнял за плечи.

Наступила минута молчания. Лицо ее было совсем близко, он чувствовал ее дыхание. Дамеш смотрела ему в глаза, глаза у нее ясные и чистые. Губы не смеялись и казались такими близкими и доступными. И тут глаза ее похолодели, потухли, и она слегка отодвинулась от него.

«Отпусти ее сейчас же, какое ты имеешь право на нее», — пронеслось в его голове, и он силой заставлял себя отойти от Дамеш и сесть на диван.

— Когда же ты приехал? — спросила Дамеш. И хо-

тя голос ее был ровен и спокоен, он заметил, что она взволнована.

— Только что,— ответил он.

— Кто тебе сказал, что я тут?

— Сердцем почувствовал,— сказал Каир только для того, чтобы не молчать, и сам ужаснулся своему остроумию.

А Дамеш уже полностью овладела собой, и у нее опять невозмутимое лицо, спокойная и насмешливая улыбка.

— С ума сойти,— сказала она протяжно.— Вот никогда бы не подумала, что у тебя такое чувствительное сердце.

— Что, неужели не веришь?

— Сомневаюсь,— ответила она рассудительно.— Лучше рассказывай, что видел хорошего в Москве? Что привез оттуда?

Он хотел было начать рассказывать, но тут его взгляд упал на тумбочку, где рядом с книгой стояла бутылка шампанского и два стакана. Бутылка не раскупорена. Кто-то начал раскручивать серебряную бумажку на горлышке, да так и не кончил. Но ведь кто-то же принес ее сюда? Ведь стоит здесь эта проклятая бутылка для чего-то? Да... Наверно, ее опорожнят позднее... Гостиница большая, народу в ней много, из одного номера зайти в другой ничего не стоит даже в час ночи. Вот почему так растерялась Дамеш, когда он вошел к ней. Еще бы, сейчас зазвонит телефон, и ей придется говорить при нем.

— Что я видел хорошего? — тускло переспросил Каир. Он думал только о бутылке и двух стаканах около нее.— Да очень много,— слова не приходили ему в голову, и он тупо повторял: — Очень много, очень много хорошего. Все было хорошо.

Каир остановился, потому что слов больше не было.

И тут вдруг Дамеш встала с дивана, взяла бутылку и протянула ему:

— Открой... Давай-ка спрыснем твой приезд.

— А хозяин бутылки что скажет? — хмуро спросил Каир. Он протянул руку, взял книгу, лежащую на столе, перевернул несколько страниц и отбросил ее обратно. Нет, книга как книга, какой-то переводной роман, все это отлично могла бы читать и сама Дамеш. Кстати, вот

Надо было немедленно позвонить в гостиницу, но, как назло, кругом не было ни одного автомата. Минут десять он метался с одного конца улицы на другой и все думал, что опоздает — наступал вечер, и Дамеш могла уйти куда-нибудь.

Наконец в каком-то магазине он нашел телефонную будку, позвонил и спросил, в каком номере живет Сагатов.

Дежурная по коридору сказала:

— Одну минуточку, посмотрю.

Он услышал, как она открыла ящик и перебирала ключи. Наконец она ответила ему, но прибавила, что сейчас Сагатовой нет, ушла и когда вернется, неизвестно, но, пожалуй, лучше всего наведаться ему, эдак, часов в восемь.

Почему-то без всякой надежды застать Дамеш в номере он пришел в девять часов и, едва постучавшись, толкнул дверь и вошел. Дамеш сидела на диване и читала книгу. Когда он вошел, она несколько секунд неподвижно смотрела на него, как будто что-то соображая или припоминая, потом вскочила и пошла к нему навстречу с протянутой рукой. Он схватил эту руку и жадно поцеловал ее. Каир был страшно взволнован, он смеялся, суетился, говорил что-то быстро и отрывисто. Дамеш несколько секунд смотрела на него молча, а потом тихонько отобрала руки и сказала:

— У тебя такой вид, словно мы не встречались десять лет и ты вот-вот расплачешься от радости.

— А я ведь и, верно, пожалуй, заплачу,— сказал Каир, не желая замечать ее тона, ласкового и насмешливого одновременно.

Он снова взял ее руку — одну, другую, потом обнял за плечи.

Наступила минута молчания. Лицо ее было совсем близко, он чувствовал ее дыхание. Дамеш смотрела ему в глаза, глаза у нее ясные и чистые. Губы не смеялись и казались такими близкими и доступными. И тут глаза ее похолодели, потухли, и она слегка отодвинулась от него.

«Отпусти ее сейчас же, какое ты имеешь право на нее», — пронеслось в его голове, и он силой заставлял себя отойти от Дамеш и сесть на диван.

— Когда же ты приехал? — спросила Дамеш. И хо-

тя голос ее был ровен и спокоен, он заметил, что она взволнована.

— Только что,— ответил он.

— Кто тебе сказал, что я тут?

— Сердцем почувствовал,— сказал Каир только для того, чтобы не молчать, и сам ужаснулся своему остроумию.

А Дамеш уже полностью овладела собой, и у нее опять невозмутимое лицо, спокойная и насмешливая улыбка.

— С ума сойти,— сказала она протяжно.— Вот никогда бы не подумала, что у тебя такое чувствительное сердце.

— Что, неужели не веришь?

— Сомневаюсь,— ответила она рассудительно.— Лучше рассказывай, что видел хорошего в Москве? Что привез оттуда?

Он хотел было начать рассказывать, но тут его взгляд упал на тумбочку, где рядом с книгой стояла бутылка шампанского и два стакана. Бутылка не раскупорена. Кто-то начал раскручивать серебряную бумажку на горлышке, да так и не кончил. Но ведь кто-то же принес ее сюда? Ведь стоит здесь эта проклятая бутылка для чего-то? Да... Наверно, ее опорожнят позднее... Гостиница большая, народу в ней много, из одного номера зайти в другой ничего не стоит даже в час ночи. Вот почему так растерялась Дамеш, когда он вошел к ней. Еще бы, сейчас зазвонит телефон, и ей придется говорить при нем.

— Что я видел хорошего? — тускло переспросил Каир. Он думал только о бутылке и двух стаканах около нее.— Да очень много,— слова не приходили ему в голову, и он тупо повторял: — Очень много, очень много хорошего. Все было хорошо.

Каир остановился, потому что слов больше не было.

И тут вдруг Дамеш встала с дивана, взяла бутылку и протянула ему:

— Открой... Давай-ка спрыснем твой приезд.

— А хозяин бутылки что скажет? — хмуро спросил Каир. Он протянул руку, взял книгу, лежащую на столе, перевернул несколько страниц и отбросил ее обратно. Нет, книга как книга, какой-то переводной роман, все это отлично могла бы читать и сама Дамеш. Кстати, вот

и шпилькой ее заложена страница.— Ведь предназначалась же кому-то эта бутылка,— снова сказал он.

— Тебе, тебе она предназначалась! — улыбнулась Дамеш.— Только тебе! Ты хочешь знать, как она сюда попала? И почему здесь два стакана? Шел из ресторана сверху редактор «Советской Караганды» да и захватил с собой бутылку и стаканы. А я сказала, что настроения пить у меня нет. Он погоревал, погоревал, да и ушел, ну, а бутылку оставил здесь. «Придет к вам кто-нибудь, кто ближе меня, с ним вы и выпьете»,— сказал он.— Вот мы и выпьем ее с тобой. Можешь ты открыть эту бутылку?

Пробка полетела вверх, и белая сердитая пена упала на ковер. Каир осторожно налил доверху оба стакана.

— Ой, куда ты столько льешь? — закричала Дамеш.— Ну, разве только ради твоего приезда. Пьем за твои успехи, настоящие и будущие.

Каир опустил стакан.

— Нет уж, если ты не хочешь пожелать что-нибудь по-настоящему, то подними тост за исполнение моей давнишней мечты.

— Какой же именно? — спросил Дамеш, глядя на него очень прямо.— Секрет?

Он покачал головой, ему сразу стало жарко от своей храбрости. Тем не менее он собрался с силой и ответил так, как и следовало говорить о таких вещах:

— От тебя не секрет — моя мечта быть с тобой.

Но Дамеш как будто не поняла.

— Так вот ты со мной,— сказала она.

— Нет, не только сейчас, а вообще всегда. Всю жизнь!

Она отвернулась и покачала головой.

— С ума сойти! Нет, с таким тостом я не согласна.

— Почему? — спросил он тихо.

Она подумала.

— По многим причинам. Но прежде всего потому, что три года тому назад одна девушка, блондинка из Москвы, говорила примерно то же самое рослому загорелому парню, и, может быть, ты помнишь, что он ей ответил? Покопайся в памяти и вспомнишь! Нет, твой тост я ценю, но пить за него не буду. Давай лучше чокнемся за нашу встречу.

— Джарайд!

Они стукнулись стаканами, посмотрели друг другу в глаза и разом опорожнили все до дна.

— Теперь рассказывай,— сказала Дамеш, оставляя бутылку,— что ты вынес с пленума? Говорят, были очень крупные разговоры? Тебе там не вправляли мозги?

Вопрос звучал как будто отвлеченно, но Каир сразу понял, о чем его спрашивает Дамеш. Конечно, с этого и надо было начать.

— Понимаешь, Дамеш,— сказал он.— Мы проглядели в своей работе самое главное — творчество. А ведь именно оно освободит нас от лошадиного пота. Решался вопрос о технике, какой она должна быть в будущем семилетии. Вот взять наш завод — каким он будет в конце семилетки?

— Ну, каким же?

— А вот я тебе расскажу — полная механизация и электроника. Автоматические линии, фотоэлементы, телеобъекты. В общем, где раньше стояли двадцать-тридцать человек, будет работать одна машина. Понимаешь, одна машина шихту подвозит, печь задувает, сталь плавит, а человек только стоит где-то у пюпитра и отдает по реле приказ: «Машина, машина, а ну-ка, подними мне температуру в печи еще на пятьдесят градусов...» Что, разве это не сказка? Сказка!

— Сказка, сказка,— улыбнулась Дамеш.— Только убери руки.

Действительно, рассказывая о будущем заводе, Каир так разгорячился, что размахивал руками уже перед самым лицом Дамеш.

— Ох, извини! — сказал он.— Я так...

Пока Каир говорил, Дамеш сидела, опустив голову, и молчала. Потом вдруг посмотрела на него долгим пристальным взглядом.

— До чего я люблю тебя таким,— сказала она.— Ты молодеешь на глазах сразу на десять лет... Я потому и влюбилась в тебя тогда, что думала, ты всегда такой.

— А я оказался?..— спросил Каир.

Она рассмеялась.

— А ты оказался, конечно, не хуже других, даже лучше многих, это, конечно, кое-что, но для меня этого все-таки маловато.

— Это просто страшно мало,— с грустью сказал Каир,— я это понял совсем недавно... Ты увидишь, насколько я это хорошо понял.

— Отлично! — она взяла бутылку шампанского, подняла ее, посмотрела на свет и сказала: — О, да тут еще по доброму стакану будет, что ж, давай же выпьем за все хорошее и мудрое, что ты сказал.

Они наполнили стаканы почти доверху.

— За нового человека! — сказал Каир.

— За тебя, значит... — сказала она, хитро прищурив глаза.— Я вижу, ты изменился в лучшую сторону.

Они чокнулись и выпили.

— Но только надолго ли? — сказала Дамеш, отставляя бокал.

— Навсегда! — пылко и торжественно воскликнул Каир.

Она с недоверием взглянула на него.

— Что, не веришь? — Каир нахмурился.

— Нет, почему не верю... Очень даже верю, но только что ты будешь говорить завтра, когда опять встретишься с Муслимом?

Он решительно рубанул воздух ладонью.

— Вот что я буду говорить: а ну-ка, составьте-ка мне, товарищ Мусин, смету на разработку проекта инженера Дамеш Сагатовой. Вот что я ему скажу.

Дамеш засмеялась и покачала головой.

— Ну что он тебе ответит, ты не знаешь?

— Знаю! Ответит — слушаюсь, товарищ директор! Составлю!

— Нет, дорогой, он скажет так тебе: «Товарищ директор, выполнить этот приказ невозможно: инженер Сагатова у нас в цеху больше не работает! Я ее перевел в управление».

— Как? — Каир даже вскочил с места.— Да-да, мне говорила что-то такое тетка, я не обратил на это внимание, думал, она перепутала. Как же это произошло?

Дамеш рассказала. Значит, все-таки сумел Муслим подстеречь Дамеш! Вот лиса, нет, даже не лиса, а волк, старый хитрый волк. Кто сказал, что лиса хитрее волка? Сотню лис стоит этот старый разбойник. Каир вспомнил картину, которую видел как-то в Алма-Ате лет пять тому назад. Он с художником был хорошо знаком. Художник этот до поступления в техникум лет десять хо-

дил с длинным пастушеским кнутом за плечами и поэтому все, что рисовал, знал хорошо. На картине был нарисован волк, подкрадывающийся к отаре овец. Вечер, тишина, овцы сгрудились около колодца, старик пастух, утомленный длинным и бесконечным днем, идет домой, а из-под обрыва — аул расположен на горе — выглядывает настороженная волчья морда. Пусть только отойдет пастух подальше! Пусть он только отойдет!

Вот точно так поступил и Муслим: выждал, пока директор уехал, и, придравшись к пустяку, уволил Дамеш.

Но пустяк-то пустяком, а попробуй сказать, что повода к увольнению не было! Нет, предлог выбран был, надо сказать, очень умело.

— В общем, так, — сказал Каир, глядя на Дамеш, — будем считать, что ничего не случилось, завтра вернемся оба на завод, и каждый займет свое место. Вот и все.

— А совнархоз что скажет? — спросила Дамеш. — Там все уже известно. Когда я обратилась к председателю, он мне сказал: дождемся директора, формальных оснований для отмены приказа у меня нет. Но мои ребята чуть не силой засунули меня в автобус на Караганду, вот я и очутилась здесь!

— Вот как! — сказал Каир.

«Хитер, хитер, товарищ волк, — подумал он. — Отлично уяснил себе, что к чему».

— Слушай, — сказал он, — ты только мне одному эту историю рассказала? В горькоме ты не была?

— Была! Получила тот же самый ответ, — надо дождаться директора.

— Но вот ты меня и дождалась, — сказал он. — Я отменяю приказ своего заместителя как неправильный, выходи на работу. В чем же дело?

— В том, — ответила она серьезно, что все равно этот волк не оставит меня в покое.

«Волк!» Каир даже вздрогнул, — значит они оба думали о Муслиме одинаково.

— Трусиха, — сказал он. — Чего ты боишься? В каком году ты живешь?

— А ты знаешь, на что он способен? Вот слушай... — и Дамеш рассказала историю Аскара.

Каир даже рот приоткрыл от удивления. Дамеш видела, что он все понял и всему поверил.

— Ну, ладно,— сказал он после небольшой паузы,— оставим Муслима! Но на завод ты все-таки вернешься?

— Нет.

— А с проектом твоим что же будет? Или ты уже на нем поставила крест?

Дамеш ничего не ответила. Встала и подошла к радиоприемнику. Звонкий, чуть насмешливый женский голос пел:

Сердце мое ты оживил.
Сердце мое ты похитил.
Гневом оно и отчаяньем кипит
От нанесенных тобою обид.
Сам от себя ты захлопнул дверь,
Что ж от меня ты желаешь теперь?

Каир больше не слушал, он подошел к Дамеш и обнял ее сзади за плечи. Она не шелохнулась. Так они стояли вместе и слушали.

...В Караганду Дамеш ехала одна в такси, от машины Каира она наотрез отказалась. Погода стояла мерзкая, холодная, сыпал дождик. Дамеш с тоской смотрела в окно, и на душе у нее было тоже очень неладно. Именно поэтому она и решила поехать одна. Вчера она позволила Каиру обнять ее и поцеловать, пила с ним шампанское. Нехорошо все это! А почему, собственно говоря, нехорошо? Что плохого в том, что я выпила несколько бокалов шампанского с любимым человеком и даже поцеловалась с ним?

«С любимым? — спросила она себя. — Ты уверена, что он любимый?» И сама себе возразила: «А если любимый? Каир — это мужественный, умный, добрый человек. Правда, он очень вспыльчив и несдержан. Может быть... Но он нравится мне со студенческих лет. А что касается характера, то, боже мой, у меня-то какой? Разве я не мучила, не водила его за нос целые пять лет? Другой бы давно плюнул, а он все ждет».

Глава шестая

Аскар ждал Дамеш с утра. Он пошел на рынок, купил мясо, овощи и начал готовить завтрак. Но тут в дверь постучали. Он думал, что это Дамеш, но оказалось, что секретарь горкома прислал за ним машину.

Пришлось бросить все и ехать. По дороге у него тряслись руки, он много раз повторял про себя все, что собирался высказать секретарю, и снова забывал. Мысль перебивала мысль, и все они разлетались, как стая уток от выстрела неумелого охотника. Пятнадцать лет чуть не каждый день он произносил про себя слова, которые сегодня должен сказать в кабинете секретаря горкома, и вот в нужную минуту растерял их.

Он плохо помнил, как поднялся по лестнице, как разговаривал с секретаршей.

— Товарищ Базаров давно вас ждет,— сказала секретарша.

Потом он постучал в дверь и вошел.

Аскар заметил, что руки его дрожали, а в голове шумело, как от вина. Что он очень ясно запомнил,— это то, что секретарь шел к нему навстречу от стола, ласково что-то говоря и протягивая руки.

— Товарищ Сагатов,— сказал секретарь.— Очень и очень рад! Давайте знакомиться! Базаров,— он обнял Аскара за плечи и подвел к одному из стульев, что стояли вдоль стены комнаты,

— В наших краях вы давно?

— Уже три месяца,— ответил Аскар.

— И до сих пор не зашли?

Секретарь с мягким упреком покачал головой.

— А теперь скажите, в чем вы больше всего нуждаетесь? Может быть, вам надо отдохнуть?

— Спасибо, я хорошо отдохнул,— сказал Аскар.— Моя племянница — Дамеш Сагатова, может, вы ее знаете? Работает инженером на металлургическом заводе. Она делала для меня все, что я мог себе только пожелать. Так что я теперь думаю о работе, а не об отдыхе.

Секретарь кивнул головой.

— Вполне вас понимаю. То же было и со мной, когда я вышел из госпиталя. Но примите мой совет: отдохните еще,— он ласково дотронулся до плеча Аскара.— Поедем вместе на курорт?

— Поедем,— кивнул головой Аскар,— осенью. Знаете, я так сильно затосковал по работе, что никуда не хочу ехать,— он твердо взглянул на секретаря.— Я хочу работать.

— Ну-ну,— успокоил его секретарь.— Времени у нас еще много! Успеете и поработать! Курить будете?

Аскар уже давно не курил, но сейчас взял вздрагивающими пальцами папироску из коробки «Казбека», которую ему поднес Базаров, и закурил от его зажигалки.

— Вы знаете, Василий Федорович,— сказал он,— какой у меня сегодня большой день... Ведь там,— он ткнул пальцем куда-то в угол,— пятнадцать лет я ждал, когда приду в горком, постучусь в дверь вашего кабинета и расскажу обо всем, что передумал, перечувствовал за эти пятнадцать лет. И я страшно благодарен вам. Вот вам персонально, первому секретарю горкома Базарову, за все хорошее, что вы для меня сделали. Но это уже особое дело. Сегодня же я благодарю партию за все.

— И партия тоже благодарит вас,— сказал Базаров,— благодарит, если уж мы будем говорить от ее имени, за ту редкую выдержку и мужество, которое вы проявили. Теперь скажите: где ваше партийное дело?

— Вот об этом я и хочу поговорить с вами.

Аскар полез в карман, достал чистый платок и развернул его. В нем была красная корочка с надписью «Партбилет». Но когда Аскар открыл его, то секретарь увидел внутри крошечный пакетик, такой, в каком филателисты хранят марки. Аскар раскрыл этот пакетик и вынул оттуда полинявшую желтую полоску — вырезанный, очевидно, лезвием бритвы номер партбилета. Цифры потускнели, выцвели, но прочесть их можно было совершенно ясно.

— Вот, сохранил все-таки,— сказал Аскар.— Через все пронес...

Базаров взял в руку желтую полоску, минуту неподвижно смотрел на нее, потом очень осторожно и бережно засунул обратно в пакет.

— Да, это много стоит,— сказал он.— Так много стоит,— сказал он,— так много, что я даже не знаю, что вам сказать. Расскажите, как все было?

— Как было? — Аскар закрыл глаза, обдумывая, с чего бы ему начать.— Вот как это было,— сказал он.

Они говорили часа три и вышли вместе. Базаров довез Аскара до больницы.

Аскар спешил к Айше. Сегодня был такой день, что он пренебрег всеми соображениями осторожности и решил увидеть ее во что бы то ни стало.

«О партстаже не беспокойтесь. Никуда не пишите, все это я беру на себя!» — сказал ему секретарь горкома, и за последние пятнадцать лет не было для Аскара слов более отрадных, чем эти.

Айшу он считал своим другом. Ведь когда-то они встречались ежедневно, и не было ни одного радостного или горького события, которым они не поделились бы друг с другом.

Конечно, за пятнадцать лет все стало иным. Айша вышла замуж, а он так и остался холостым. Что поделаешь, разные судьбы. У него она так и осталась единственной. Да и разве мог он влюбиться еще раз? В школьные годы увлекался только футболом, а после школы на него сразу все и посыпалось. Погиб брат, умерла невестка, и он вдруг, сам не ожидая этого, стал главой семьи. В его квартире появилась крошка Дамеш, а легко ли воспитывать семилетнюю девочку, когда ты не отец, не мать и даже не брат ее. А ведь он воспитывал, да и как еще воспитывал! Следил, чтобы она вовремя ложилась спать, вовремя вставала, просматривал ее школьные тетрадки, ходил на все родительские собрания, разговаривал с учителями. А потом грянула война. Фронт, служба в полковом госпитале, плен, побег, гестапо, снова побег, потом короткая угрюмая передышка и опять — тюрьма, Тайшет, Сибирь... И на это ушло пятнадцать лет. Вот и вся его жизнь... Да, не было у него времени заглядываться на женщин. Айша так и осталась его единственной любовью. А она... В больнице Аскар сказали, что Айша сегодня не дежурит и просила, если что-нибудь нужно, звонить ей прямо на дом.

Он позвонил тут же из больницы, и к телефону подошла дочка Айши.

— Позови маму, — попросил ее Аскар.

Айша была, очевидно, рядом, потому что сейчас же он услышал ее голос.

— Да, я слушаю, — сказала она. — Ах, это ты, Аскар? Что у тебя такой голос? Ну, такой взволнованный? Что ж, ладно, приходи ко мне домой, буду ждать.

«Вот отчаянная-то, — подумал Аскар. — А если муж нагрянет?»

Айша открыла ему дверь сама. Она была в домашнем халатике с короткими рукавами и в туфлях на босу ногу.

— Заходи, пожалуйста,— пригласила она.

Аскар прошел в первую комнату и обомлел. У них с Дамеш все было по-походному, по-холостяцки, а тут стояли тахта, телевизор, книжные шкафы во всю стену. Пол у Муслима был паркетный, скатерть — шелковая, а люстра — хрустальная. И все это он нажил за то время, пока судьба бросала Аскара по лагерям смерти и пересылкам.

— Я очень рада,— сказала Айша и усадила Аскара на тахту.— Очень рада, что все-таки я заманила тебя к себе. А то видимся раз в год, да и то по особым случаям.

В дверях стояла девочка с косичками и неотрывно смотрела на Аскара. Была она высокая, но полная, очень вежливая — каждую фразу начинала с извинения.

— Извините, пожалуйста,— сказала она.— Но вы тот самый дядя, которого мама знает уже пятнадцать лет?

— Фу, Софижан,— засмеялась Айша.— Нельзя же так бесцеремонно?

— Ничего, она умница, так и надо! — Аскар подошел к девочке и потрепал ее по подбородку.— Ты правильно спросила. Я, милая, знал твою маму задолго до того, как она стала твоей мамой. И я помнил о твоей маме все время. И на берегах Тихого океана, и в тайге.

Айша обняла девочку за плечи.

— Ладно, иди к себе, Софижан, я потом позову тебя. У нас будут взрослые разговоры.

«Дочка Муслима,— подумал Аскар.— А ведь могла быть моей дочкой, черт знает что»,— и он невольно прижал руку к сердцу. Наверно, у него изменилось лицо, потому что Айша вдруг тревожно схватила его за руку и спросила:

— Тебе нехорошо?

— Нет,— ответил он, с трудом справляясь с собой,— нет, ничего особенного, простудился, наверно, немного.

— А тогда выпей рюмку водки, специально держу для таких случаев,— она вынула графин из шкафчика и налила по рюмке себе и ему.— Ну, и я выпью с тобой, только не знаю, можно ли тебе пить.

— Можно, можно, Айшажан,— воскликнул Аскар.— Сейчас у меня все хорошо. Мое лекарство это ты.

Она неловко засмеялась.

— Значит, ты еще веришь в мою исцеляющую силу? — спросила она.

— Милая ты моя, — он взял ее пальцы и сжал. — Да все эти пятнадцать лет я только и думал, что о тебе, жил только тобой, а сейчас дороже тебя у меня нет никого! — Она молча смотрела на него. — Что, не веришь?

Айша тихонько отобрала свою руку.

— А что ты скажешь, если завтра встретишь женщину красивее и моложе меня? Я говорю серьезно. Ведь прошло столько лет... Такой огромный срок! Как перепрыгнуть через него? Не лучше ли оставить прошло-прошлему?

— Так вот как ты думаешь обо мне? — сказал Аскар хмуро и горестно.

— И еще, — сказала неожиданно Айша, — я хотела бы помирить тебя с Муслимом.

— Это еще зачем? — воскликнул он с удивлением.

— Как зачем? А если он сейчас зайдет сюда?

Аскар молчал.

— Предположим, вот он сейчас заходит в эту комнату. Что ты будешь делать? — продолжала Айша. — Поздороваешься, протянешь ему руку?

Аскар решительно поднялся и направился к двери.

— Ну, что же, пусть заходит, — сказал он.

— Ты так испугался его? — воскликнула Айша.

— Я? Его? — Аскар так взглянул на Айшу, что она сразу же осеклась и замолчала.

— Идем отсюда, — сказал Аскар. — Идем, я не хочу находиться больше в его доме.

...И вот вдвоем они шли по улице и молчали. Айша прижалась к Аскару, и он чувствовал ее упругое тело.

— Скажи, — спросил Аскар после долгой паузы, — ты любишь Муслима?

Она улыбнулась.

— А если да?

Аскар круто остановился.

— Ну, если любишь, — сказал он решительно, — если ты любишь его...

Она зажала ему рот ладонью.

— Ну вот, пошли бесполезные и бестолковые разговоры. К чему они? Ты же только мучаешь себя и меня...

Голос у нее звучал тихо и страдальчески.

— Как ты можешь жить...— Аскар не решался произнести слово «подлец».— Какой он тебе муж? — сказал он с тоской.

— Он отец моего ребенка,— упрямо ответила Айша.— Все, что я делаю, я делаю для ребенка.

Аскар остановился и взял ее за плечи.

— Именно из-за ребенка ты и должна уйти от него. Что хорошего может дать твоей дочери этот предатель? Потом будет еще тяжелее. Я буду отцом Софьи! — вдруг почти закричал он.— Я! Я! Ты слышишь?

Он схватил ее руку и сжал так, что она сморщилась, потом повернулась и быстро пошла прочь.

А Аскар как стоял, так и остался стоять на том же месте. За ней он не побежал.

Через неделю Аскар начал работать врачом в большой заводской больнице, находящейся на восточном берегу озера. Темиртау делится на четыре части: на старый город (центром его является металлургический завод, построенный еще в 30-х годах); на Соцгородок (большой новый поселок, состоящий из совершенно одинаковых четырехэтажных корпусов); на городок молодежи (он расположен на склоне гор, по Карагандинскому шоссе) и, наконец, на так называемую Казахстанскую Магнитку (новый металлургический завод и поселок городского типа).

В трех километрах от поселка строится колоссальное сооружение — новая домна. Недалеко от нее, на городской площади, и находится больница, в которой теперь работает Аскар Сагатов. Он был очень смущен, когда в первый раз переступил порог приемного покоя, но все обошлось хорошо. Когда Аскар вошел в кабинет главного врача, там уже за столом собрались все его коллеги. Главный врач по очереди представил Аскару каждого из них. Сестра-хозяйка принесла Аскару чистый белый халат и круглую шапочку.

— Ну что ж, коллега, пойдем на обход. Я вас представлю вашим больным,— сказал главврач и взял Аскара под руку.

Они вышли в коридор и направились в палаты.

ЧЕТВЕРТАЯ ЧАСТЬ

Глава первая

— Мама, сколько времени я проспал? — спросил Каир, вскакивая на ноги.

— Немного, совсем немного, дорогой. Час, не больше! Вставай, я приготовлю ванну, а то кто-нибудь опять придет и помешает.

Повторять Акмарал не пришлось. Каир сорвал с вешалки полотенце и отправился в ванную. Там он плескался, фыркал, что-то напевал и смеялся. Сразу слетели и усталость, и недовольство. Сны в эту ночь были странные и причудливые — расскажи он их матери, она завела бы вольтинку на полчаса: все поняла бы, все объяснила, всему нашла бы свое толкование. Сказала бы, кого опасаться, на кого надеяться, кто враг, а кто друг. «Это не я говорю — это сон сказал», — изрекла бы она с суровой непререкаемостью, и попробуй тогда с ней поспорь. А что, если воспользоваться этим по-своему: рассказать сон и подпустить несколько подробностей насчет Дамеш, может, мать и сменит тогда гнев на милость? Ведь все равно придется сообщить ей о своем намерении жениться на Дамеш.

В дверь постучали.

— Что там такое, мама? — спросил Каир.

— Вылезай, вылезай, — крикнула Акмарал. — Звонят с завода.

— Пусть позвонят через пятнадцать минут, — сказал Каир и опять нырнул с головой в воду. — Ух, хорошо! Все грехи с себя смыл!

Выйдя из ванны, Каир подошел к зеркалу, стал причесываться. Волосы у него были пышные, волнистые и блестящие. Мать стояла сзади и с любовью смотрела на него.

— Мама, что случилось с Оразом? — спросил Каир. Акмарал сердито взмахнула рукой.

— Что? Да чуть голову себе не сломал! Спасибо, добрые люди нашлись, вытащили его чуть ли не за уши.

— А сейчас что с ним?

— Лежит в больнице, выздоравливает. — Опять зазвонил телефон, и Каир снял трубку. — Да, — сказал он. — Слушаю! А, здравствуйте, здравствуйте, товарищ Сере-

гин! С величайшим удовольствием! Да, сейчас и заходите! Буду ждать! Как Дамеш, не вернулась еще? Что же так? Ага! Ну, хорошо, поговорим.

Он положил трубку и сказал Акмарал:

— Мама, через час здесь будет Серегин, собери-ка ты что-нибудь такое-эдакое...

И пошевелил пальцами в воздухе.

— Что я слышала? Говорят, Дамешжан собирается переезжать в Алма-Ату? Это правда? — спросила Акмарал.

— А-а, разговоры! Никуда она не уедет! — с досадой поморщился Каир. — Вот что, — он повернулся к матери. — На днях надо будет пригласить в гости ее и Аскара. Ты подумай-ка об этом. Надо, чтобы все было как следует. Понимаешь?

Каир сказал это повелительным, не терпящим возражений тоном, и Акмарал ничего ему не ответила, только кивнула головой в знак согласия, показывая, что ей все равно — Дамеш так Дамеш... С Аскарком она придет, так с Аскарком...

«Значит, подействовал мой разговор на нее», — подумал Каир.

Но Акмарал вдруг снова подошла к нему.

— Сынок, — сказала она просительно, — а может, и Муслима бы пригласить? Он же твой агай. Он так всегда радуется твоим успехам, пригласи его, а?

— Нет, — сказал он коротко, — не надо.

Акмарал вздохнула и ушла на кухню. Ну что ж, пусть дуется, нельзя же ей рассказать, что Муслим...

В этот момент послышался звонок, Акмарал побежала отворять, донесся смех, приветствие, и вдруг Муслим, выглаженный, пахнувший духами и дорогим табаком, появился в дверях.

— Добрый день, дорогой, — сказал он и положил портфель на стул. — С приездом! А мы здесь с женгей уже заждались тебя!

— Спасибо, — Каир пожал ему руку, усадил в кресло и сам сел напротив.

— Ну, как дома, все благополучно? Жена, сестра, дочка здоровы?

— А что им делается? — ответил Муслим весело. — Живут.

— Да?

Каир включил радиолу, а Муслим тут же ушел на кухню. Музыка он не любил. Каир сидел и слушал — звучала симфоническая поэма Тулебаева «Огни коммунизма». Тулебаев — любимый композитор Каира, и сейчас, слушая его, Каир вспоминал, как они с Дамеш вечером ходили по берегу озера, слушали отдаленный шум большого города и смотрели на его огни.

И еще вспомнился Каиру Крым, вид с горы Аю-Даг на Ялту. Так же, как и в Темиртау, и там, в Крыму, плещутся о берег волны, так же, как и в Темиртау, там мигают огни, а надо всем этим простирается чудесное южное небо и отражается в темных волнах моря. Так он сидел, улыбался, вспоминал то то, то другое, и вдруг до его слуха донесся шепот. Это в кухне его мать секретничала с Муслимом.

— Ему сколько лет-то? Да неужели скоро тридцать? — говорил Муслим. — Так, пора заводить семью. Но только разве Дамеш может быть ему женой? А ведь она... Слышали? Никому не хотел говорить, а вам скажу... — и Муслим вдруг перешел на такой тончайший интимный шепот, что Каир уже больше ничего не слышал.

«Вот негодяй», — подумал он и сделал движение, чтобы встать, но Муслим уже подходил к нему, улыбаясь и протягивая руки.

— Каиржан, — сказал он, сияя, — а мы тут с твоей матушкой говорили о тебе. Знаешь, мы люди старые, а у старых людей такой обычай — старый должен заботиться о младших. Вот я хочу тебе кое-что присоветовать! По-родственному, по-стариковски. Не обидишься?

— Смотря по тому, о чем пойдет речь, — натянуто улыбнулся Каир.

— Речь пойдет о серьезном, идите сюда, женгей, это и вас касается. Речь идет о том, чтобы тебя женить. Я нашел тебе невесту. Врач, красавица, умница. Только что окончила институт, скоро приедет сюда. Что скажешь?

«Здорово, — подумал Каир, — и ведь ничего его не смущает».

— Я вот что скажу, — ответил он, сдерживая свое возмущение, — не заботьтесь вы обо мне, Муслим Сапарович. Хотя мы и родственники, но уж как-нибудь я найду сам себе жену. Хорошо?

— И уж обиделся, честное слово, обиделся! — захотал Муслим. — Я ведь в шутку, а ты всерьез! Я-то... женгей жалуется: «Пустой дом, — говорит она, — как гроб, даже словом перекинуться не с кем». Вот я и предложил.

— Мама сама знает, почему я не женюсь, — сказал Каир. Он рванул дверь на балкон и вышел из комнаты.

Муслим побежал за ним следом, постоял сзади него, поулыбался и спросил уже совсем другим тоном:

— Ну, каковы результаты поездки, Каиржан? Что хорошего видел? Что нового привез?

— Много хорошего! Все было хорошо! — Каир говорил не оборачиваясь. — А у вас здесь что нового?

Каир почувствовал, как Муслим насторожился, и бросил недовольный взгляд по направлению к кухне, где гремела посудой Акмарал. Этот взгляд означал: вот, мол, где источники твоей информации.

— Много ли шлака? — продолжал спрашивать Каир. — Сколько стали какой марки выплавили?

Муслим вздохнул:

— Шлака у нас сколько угодно. Ведь в дежурство Сагатовой авария случилась. Целая смена из-за нее не выдала металл. Горком душу из меня за это вымотал. Ведь позор же, такой большой завод...

— А почему случилась авария? — спросил Каир. — Вы проверяли?

— Ну, а как же! — Муслим даже взмахнул рукой. — Халатность, безответственное отношение к своим обязанностям сменного инженера. Вообще-то Сагатова это, конечно, горе, а не инженер. Как только появилась она на заводе, так и пошли несчастья! Бригада Курышпаева только что не на черепахе едет! Дисциплины никакой, только хи-хи-хи да ха-ха-ха! Как она зайдет в цех, парни соберутся вокруг нее в кольцо, и начинается разговор часа на три, ну, а работа, конечно, в это время стоит! Господи, да когда же это было видано, чтобы казашка работала инженером — да еще где? В сталелитейном цехе! Абсурд! Глупость! Авантюра! Я понимаю, ты, конечно, назначил ее на это место, и тебе неудобно ее уволить, но я все неприятности принял на себя.

— Как же это так?

— А так! Переставил ее по службе, да и все. Назначил заведующей технического кабинета, она же раньше

в аппарате министерства работала, ну, значит, и эта работа по ней. Согласовал все с Базаровым, но вот как ты посмотришь, не знаю! Ведь у тебя с ней какие-то путаные отношения. То вы ссоритесь, то миритесь.

— При чем тут наши отношения? — сказал Каир. — Это же работа!

— Да нет, конечно, ни при чем, — заговорил Муслим улыбаясь. — Я только так, к слову пришлось.

Каир снова отвернулся от Муслима и через открытую дверь балкона стал смотреть на улицу. Что ж, ничего не поделаешь, Муслим — его гость, он может говорить все, что захочет, настоящий ответ он получит только завтра — на заводе.

— Да, так вот, — продолжал Муслим. — За два дня до твоего приезда меня вызвал в обком новый секретарь — мой старый друг, — последние слова Муслим произнес нарочито значительным голосом и поглядел на затылок Каира. — Так вот мы с ним все согласовали, — продолжал Муслим. — Кстати, он и про тебя спрашивал, что он, мол, за человек в частной жизни? Я говорю, человек он честный, горячий, искренний. А он знаешь, что мне ответил? Ну, хорошо, Муслим, следующий раз, когда я буду у тебя, ты и его пригласи, нам обязательно надо познакомиться.

«Так, — подумал Каир. — Он хочет предупредить. На заводе авария, в цехе беспорядок, и виновата в этом Дамеш, с которой у меня какие-то не совсем понятные отношения, за это Муслим переместил ее по должности. Все согласовано с обкомом. Секретарь — друг Муслима и полностью с ним согласен. Экий все-таки скотина, этот Муслим! Грубая и нахальная скотина! Уж надо было бы как-нибудь потоньше работать... Подойти бы к тебе, друг хороший, взять тебя за шиворот и поговорить по-свойски! А вот нельзя! Ведь в самом деле на заводе была авария и в самом деле виновата Дамеш, этим он и пользуется. Нет, тут надо действовать обдуманно».

— Ну, что ж, — сказал Каир мирно. — Посмотрим, подумаем, если, конечно, была халатность...

От дальнейшего разговора его избавил приход Серегина и Кумысбека. Обнялись, поцеловались, заговорили о разном. Усадили Каира за стол, заставили рассказывать про Москву. Каир говорил с удовольствием и забыл про все. Ведь речь шла о завтрашнем дне, о пе-

реходе от социализма к коммунизму. «В коммуне остановка», — пел в юности Каир. Вот об этом и говорили на пленуме.

— Да, каждый должен внести что-то свое собственное, такое, чего еще не было, — подтвердил Серегин. — Это и есть плата за билет на поезд.

— Ну, а если мы и заплатить будем не в состоянии, то тоже не отстанем, — засмеялся Кумысбек. — Уцепимся с Мусеке за подножку и все-таки проедем. Так, Мусеке?

— Дорогой мой, — сказал Муслим холодно. — Я не для того забывал на работе все: и себя, и жену, и ребенка, чтобы цепляться за подножки чужих вагонов. Я старый кадровый работник, у меня за плечами все-таки не три года стаж, а все двадцать. Этого я хоть прошу не забывать.

— А-а! — поморщился Серегин. — Разве в одних годах дело? Плата за проезд в царство социализма — это и труд и добрая воля... А в этом отношении бывает так, что три года значат больше, чем полстолетия. Бывает и так, товарищ Мусин, бывает, не спорьте.

Муслим поглядел на него внимательно и ответил не сразу.

— Ну что ж. Конечно, и так бывает. Ты работал, работал, а пришли новые люди и сказали: сколько ты ни работал, а все равно цена твоей работе грош. Что ж, ты соберешь свои манатки и уйдешь. Старый директор, который уступил свое место Каиржану, понимал это. Только выразил он это по-другому: «Мы теперь как израсходовавшиеся купцы, — говорил он. — Хорошо, плохо ли то, что мы делали, но товары куплены, деньги мы израсходовали до копейки». Так вот, если мои коллеги посчитают, что кошелек мой пуст и я уж не покупатель, что же... Придется, конечно, поклониться, поблагодарив за науку, и уйти... Я предвижу это и к этому готов каждую минуту.

— Бросьте приbedняться, Мусеке, — хмуро сказал Каир, — никто кошелек ваш не проверяет и с базара вас не гонит. Другое дело, если вы сами знаете, что вы настолько пусты, что лучше всего вам подобру-поздорову ехать домой. Но в этом уж вы сами как-нибудь должны разобраться.

Наступило неприятное молчание, слова Каира прозвучали как предупреждение.

— Да что-то рано ты заговорил о банкротстве,— сказал Серегин.— Тебе сколько лет? Другие в твоём возрасте и не думают о своих годах.

— Знаю,— резко оборвал его Муслим.— Все знаю! И вообще хватит об этом. Давайте лучше прослушаем рассказ Каира до конца.

...Когда гости собрались уходить и стояли в передней, быстро вбежала Ажар и бросилась брату на шею. Лицо Каира просветлело. Он очень любил сестру, хотя сурово осуждал её поведение в последнее время. Да, и он сам виноват в этом, он совсем забросил Ажар, не видел её по целым неделям, мало ли что ей могут нашептать кумушки-соседки.

— Ну, как Ораз? — спросил он сестру.

— Хорошо,— Ажар поцеловала брата.— Очень хорошо! Ждёт тебя. Хочет поделиться с тобой одной тайной. Ты не знаешь, что это за тайна?

И Ажар с такой улыбкой посмотрела на Каира, что он понял: в эту тайну Ажар посвящена тоже.

С раннего утра Каир ходил по заводу, разговаривал с рабочими, осматривал грузовые машины. Они непрерывным потоком въезжали и выезжали из ворот завода. Он особенно остро почувствовал, что отвечает за все, что здесь происходит — за всех людей, за машины, за все механизмы. Раньше всей полноты этого чувства у него не было, ко всему он относился внимательно, но с трепетом, как новичок: сидел в кабинете, выслушивал доклады. А сейчас ему хотелось на все посмотреть собственным хозяйским взглядом. Главное в нашем деле, сказал ему директор «Запорожстали», всегда ощущать, что завод мой — дом родной. «Вот именно так», — подумал Каир.

Он вызвал Лиду и продиктовал ей несколько приказов. Об одном из них он сказал:

— А этот отпечатайте немедленно, дайте мне на подпись и пошлите к Сагатовой с курьером.

— Слушаюсь,— ответила Лиди и вся зарделась от радости.

Потом Каир вызвал по телефону Серегина и дал ему прочитать этот приказ, который звучал очень коротко

и лаконично: «Приказ главного инженера завода М. Мусина в отношении перевода товарища Сагатовой Д. на работу заведующей технического кабинета отменить, восстановить ее на прежней должности».

Прочитав эти несколько строк, Серегин пожал Каиру руку.

— Ну что? — спросил Каир.

— Очень правильно, — ответил Серегин. — Но... Так ли все это просто? Ведь свой приказ Муслим согласовал с совнархозом?

— Отлично! Значит, отмену его я согласую с обкомом.

— Ну, а если и обком все-таки поддержит Муслима? — спросил Серегин.

— Тогда ничего не поделаешь — будем писать в Алма-Ату, в ЦК.

— А Муслим о твоём приказе знает? — спросил он.

— Нет еще, — улыбнулся Каир.

— Но как же так? — видно было, что Серегин огорчился. — Как же так: не вызвал его, не поговорил с ним, не узнал даже, чем вызван его приказ... Отменил, и все. Так нельзя. Ведь он теперь будет на тебя всех собак вешать.

— Я вчера пытался выяснить это у себя дома. Ничего толком он не может сказать! Никаких оснований у него не было.

— Дом — это не считается, — хмуро возразил Серегин. — Ты сюда его вызови!

— Хорошо.

Каир позвонил Лиде и попросил ее найти Муслима.

Муслим явился сияющий и веселый, сказал какой-то комплимент директору, справился о здоровье парторга, сказал что-то смешное и сам начал над этим хохотать.

— Так вот какое дело, Муслим-ага, — сказал Каир, терпеливо подождав, когда он кончит смеяться. — Я отдал приказ о восстановлении Сагатовой.

— Вот как, — деланно-равнодушным тоном сказал Муслим.

— Да, вот так. Я не вижу оснований для ее перемещения... Как хотите, а я не вижу!

— Да какие же тут могут быть основания, товарищ директор? Одно только основание: не умеет она рабо-

тать, да и все. Опыта никакого, производства не знает, да вряд ли скоро и узнает. А до цеха Сагатова работала в канцелярии. Вот я ее и вернул туда же. Чем это плохо?

— Всем это плохо! И вы зря говорите, что Сагатова не умеет работать. До сих пор она со всем справлялась, а если чего-нибудь не знала, так узнает. Пусть практикуется, это и называется воспитанием кадров.

— И, практикуясь, устраивает аварии, останавливает цех, так, что ли? — усмехнулся Муслим. — Разве авария — это не основание для перемещения?

Каир пожал плечами.

— Смотря отчего произошла авария. Если авария произошла по халатности или оттого, что мастер был пьян, то, конечно, это основание. Но, если из-за каждой ошибки или просчета мы будем гнать с места инженеров, на это я, как директор, пойти не могу.

— А вот я, главный инженер, в данном случае на это пошел, — сказал Муслим и слегка ударил себя кулаком в грудь. — Пошел! И не только сам пошел, но и согласовал этот приказ с директивными органами. Отменить вы его не можете.

— Ну, тогда извините, — Каир развел руками. — Я-то думал, дорогой товарищ, что прием и увольнение работников — это функция только директора.

— Да! — Муслим кивнул головой. — Директора и совнархоза. Директор назначает, а совнархоз утверждает! Так вот я, как ваш заместитель, Сагатovu уволил, а совнархоз это утвердил.

— Ну, с совнархозом-то я договорюсь, вы не бойтесь, — сказал Каир.

— Я ничего не боюсь, но только если вы сами для себя все уж решили, так при чем же тут я? — с этими словами Муслим поднялся с кресла. — Тогда уж решайте все сами. Больше я вам не нужен? Да? Ну, тогда простите.

Он пошел к двери, приотворил ее и остановился на пороге.

— Но имей в виду, Каиржан, — сказал вдруг с угрозой. — Завод — это не твоя собственность, и я это так не оставлю.

Хлопнув дверью, он ушел.

Каир посмотрел на Серегина, и оба они засмеялись.

— Силен, ух, как силен! — сказал Серегин — Так ему и хочется показать свою силу, доказать, кто он такой.

— Он вчера еще это мне показывал, — махнул рукой Каир. — Ладно, переживем. Если зайца бояться, так и капусту не сажать.

— Тут, кажется, действительно, нашла коса на камень, — задумчиво сказал Серегин. — Он ведь что думает? Он думает: я старый заслуженный инженер, за моими плечами двадцать лет производственного стажа, а этот сопляк только что соскочил со студенческой скамьи и уж норовит мною командовать. Так я покажу ему, кто он и кто я... Вот он и показывает, а чуть что, так грозит Базаровым! Он и про меня ему наговаривает.

— Да что же он может про вас наговорить? — спросил Каир.

— Да все, что взбредет ему в голову. Впрочем, он больше пишет, чем говорит. Вот случилась авария у Дамеш — письмо, отказался Ораз от звания — опять письмо, обозвал я его демагогом — целый доклад на десяти страницах! Серегин — грубиян, Серегин — склочник! Для него не существует авторитетов, он никому не дает спокойно работать. Вообще-то он старается доказать, что все зло на заводе идет от меня. Вот ты сказал ему, что отменишь его приказ, а он, конечно, сейчас же подумал — это рука Серегина. Вот почему, пока вы спорили, я сидел и молчал. Любое мое слово в защиту твоего приказа — это явное доказательство того, что мы спелись за его спиной.

— Спелись? Прекрасно! — Каир ударил ладонью по столу. — Давайте споемся как следует! Поставим вопрос о Муслиме на партийном собрании. Заслушаем его доклад о том, как он думает выполнять решение Пленума ЦК об автоматизации производства в условиях нашего завода. Пригласим и Базарова — пусть послушает.

— Правильно, я уж думал об этом, — сказал Серегин.

— Ну вот и отлично! И я тоже выступлю, расскажу о Москве. Объявим, что явка обязательна, пусть придут все коммунисты.

Когда Серегин ушел, Каир до конца рабочего дня просидел в кабинете, мелких повседневных дел за время его отсутствия накопилась уйма. Один посетитель просил заменить комнату квартирой, другой хотел пе-

ейти с одной работы на другую, третий жаловался на начальника цеха. Каир записывал просьбы, иногда вызывал Лиду и поручал ей связаться, выяснить, согласовать и подготовить проект решения. Целый день хлопки двери директорского кабинета, трещали телефоны и в кресле напротив стола менялись люди. В половине шестого Каир почувствовал, что очень устал.

Он вызвал машину и поехал домой.

Лида вручила Дамеш приказ и сказала:

— Не опоздай, директор будет тебя ждать с утра.

Когда Дамеш зашла в кабинет, Каир уже сидел за столом и разговаривал с инженерами технического отдела. Увидев Дамеш, он встал. За ним поднялись и все присутствующие. Только один начальник технического отдела Платон Сидорович, недавно вставший с больничной койки, поднял руку, приветствуя Дамеш, но с места не сдвинулся.

Дамеш поглядела на улыбающегося Каира и вспыхнула. Ей вспомнился их последний разговор. И Каир тоже, очевидно, вспомнил об этом и чуть заметно улыбнулся. Потом он повернулся к Платону Сидоровичу.

— Вы помните,— сказал он,— перед самой моей поездкой я вам передал на заключение проект товарища Сагатовой. Вы его просмотрели? Да? Пришли к какому-нибудь выводу?

— Да я уж давно его передал главному инженеру,— с удивлением ответил Платон Сидорович.— Разве он вам ничего не говорил? Я там и свое заключение написал.

— Ах, так! — Каир кивнул головой и обернулся к Дамеш.

— Ну, а мой приказ вы получили?

— Конечно,— улыбнулась Дамеш.— Спасибо, вот только... только...

— Что «только?» — оборвал ее Каир.— Мой приказ обязателен для всех работников завода. Сегодня же приступайте к работе — вот и все.

— Ну, а если завтра ваш приказ отменит совнархоз? — высказала, наконец, свои опасения Дамеш.— Что если у вас будут неприятности?

Каир засмеялся.

— Ну что ж! Пусть тогда уж увольняют и меня вместе с вами! Возьмемся за руку и пойдем искать по свету правду, авось и найдем ее где-нибудь. А пока принимайте свою смену и приступайте к работе. Понятно?

— Понятно! — Дамеш засмеялась от радости и вышла из кабинета.

Она ведь так соскучилась по цеху, по друзьям и сослуживцам, по запаху раскаленной стали, по веселому пламени мартена, по вкусу окалины на языке. Конечно, часть вины есть и на ней. Но не увольнять же ее, в самом деле, за эту аварию. А Каир молодец. Он сильный, смелый, ничего не побоялся, заступился за нее перед всем заводом. Муслим ему здорово может насолить, но он не побоялся этого, отменил приказ, и все! И как она могла раньше считать Каира слабовольным болтуном? Вот так и ошибаются в людях те, кто слишком поспешно о них судит. Она и в Серегине ошиблась: он хотел ей добра, а она смотрела на него подозрительно и недоверчиво. А нужно было прислушаться к его советам! Он говорил: «Бывай больше в цеху, присматривайся, прислушивайся, учись! На диплом не надейся, стажа еще у тебя нет, три года работы в министерстве не стоят и трех месяцев работы в цеху. Одно сидеть за столом, над чертежами мартеновской печи, и совсем другое — варить в этой самой печи сталь. Выдают металл люди, оторвешься от них — пропадешь, и никакой диплом тебе не поможет».

Так говорил ей Серегин, а она была глупа и самонадеянна и не слушала его. Слишком много заступников нашлось у нее на заводе, слишком часто слышала она: «О! первая женщина-металлург! Образованная! Умная, красивая. Все знает! Три года работала в министерстве!» Вот у нее и закружилась голова. И хорошо, очень хорошо, что жизнь схватила ее за шиворот и встряхнула по-свойски. Теперь она будет умнее, теперь уж ее так дешево не купишь.

Первого, кого увидела Дамеш в цехе, был Курышпай. Старик выглядел хоть куда. На голове у него красовалась брезентовая шапка сталевара, вокруг него толпились рабочие, и всем он успевал отвечать на вопросы. А цех уже работал вовсю, огромное помещение было залито золотистым горячим сиянием. Люди, стоящие у печи, казались пронизанными насквозь этим светом.

— Что, дедушка, все со шлаком возимся? — спросила Дамеш у Курышная после того, как они обменялись первыми приветствиями.

— Этот шлак... — старик хотел что-то сказать, но только махнул рукой. — Видишь, как он кипит да пенится. Ну-ка, инженер, объясни мне, что это значит?

— Углерода много?

— Молодец, дочка. Много, точно, много! Ну, а отчего его так много, ты знаешь? То-то, что нет... А я тебе скажу отчего. Предыдущая смена виновата — она остудила печь, когда ее загружали, а надо было, наоборот, еще подбавить жару. И, наверно, у Ораза это не первый день так. Оттого и бригада его сползла с красной доски, старые сталевары говорят: чтоб сталь была хороша, готовь шлак. А ну-ка посмотри, какой сейчас у нас шлак.

Дамеш надела синие очки.

— А как вы думаете: жидковат или густ? — спросила она.

— Густ слишком! — старик улыбнулся. — Видишь, как еще глаз у тебя не наметан. Шлак в нашем деле, дочка, это самое важное! Прежде всего смотри, хорош ли он у тебя. Но ничего, не трусь, поработаем вместе — ты все поймешь. Эй вы, удалцы! — вдруг крикнул старик и быстро пошел, почти побежал к печи, около которой стояли Генка и Куан.

Дамеш с нежностью смотрела на него. Так хорошо стало у нее на душе, подумать только, семидесятилетний дед, не задумываясь, встал на место сына, когда тот заболел. И ведь пришел в цех как хозяин. И по-прежнему крепок, силен и здоров, по-прежнему ничего не скроется от его глаза. Ну-ка попробуй не посчитайся с ним!

О том, что старик работает в цехе вместо Ораза, Дамеш знала еще вчера. Ей рассказали, что сначала старик колебался, идти или нет, думал и так и эдак, но всем его колебаниям положил конец Иван Иванович:

«Что ты говоришь о старости, — сказал он. — Да ты около мартена один десятерых заменишь. Молодежь, она на работу горяча, да на разум-то больно легка. Ей все скорее, скорее, а отсюда аварии да просчеты». И еще сказал Иван Иванович: «Ты об Оразе сейчас думай, о чести всей его бригады. Ведь если Ораз проваляется

еще месяц, то и вся его бригада распадется. Вот о чем ты думай!»

И старик Курышпай, выслушав все доводы друга, молча пошел к шкафу, достал свою брезентовую спецовку, надел широкую шляпу сталевара и пошел заниматься в цех на место Ораза.

Дамеш узнала обо всем от Лиды, когда вернулась из Караганды.

Сейчас она стояла посередине цеха и смотрела, как к ней направлялись Генка и Куан.

— С возвращением вас, Дамеш Сахиевна,— пышно сказал Гена и пожал руку Дамеш.

И только что они разговорились, как вдруг на них вихрем налетел дед.

— А ну, кончайте базар,— сказал он свирепо.— А ты, инженер, не мешай ребятам работать. Ну, что встала, что глядишь? Живо на место! Ну! — и он повысил голос почти до крика.

Ребята бросились к печи.

— Дедушка,— сказала Дамеш укоризненно.— Вы даже поздороваться мне с ребятами и то не разрешаете. Я же их целую вечность не видела.

— Нашла время здороваться! Работа кипит, а она здороваться,— заворчал он.— Когда врачи кровь переливают больному, много они болтают? А сталь — это та же кровь. А ребят ты распустила — и как еще распустила! Ты инженер, они рабочие, они должны работать, а ты ими руководить, а у вас что получается? Танцплощадка у вас получается, никто тебя не слушает, никто с тобой, с инженером, не считается, отсюда, конечно, авария да срывы!

«В этом он прав», — подумала Дамеш, когда старик отошел. И вспомнила Ораза. Тот всегда говорил, что старик словом бьет куда больнее, чем кулаком. Святая это правда...

Глава вторая

Грустно улыбаясь, Ораз стоял, опираясь на костыли, и смотрел в больничное окно. Он был один, и ему было скучно. Чахлый больничный садик неясно просвечивал сквозь марлевою занавеску; молодые деревья, узкие дорожки, плоские клумбы, стриженный газон —

вот и все, что он видел. И вдруг ему представился совершенно иной парк, другие цветники и сам он другой — здоровый, сильный, веселый, без костылей и повязок. Это алма-атинский парк. Аллеи полны народу.

А время — ранняя осень. Дорожки парка засыпаны листвой, они очень красивы — багряные, желтые, красные листья, и, топчя их, Ораз то и дело наклонялся и поднимал то один, то другой лист. У него большая радость. Был слет молодежи. В числе других президиум слета поздравил с высоким званием Героя и его. Были шумные аплодисменты, были музыка и крики — его качали на руках, ему подносили цветы, его целовали друзья, и сам он чувствовал себя молодым, веселым, радостным. И все было ему тогда по плечу.

Ораз печально покачал головой и сильнее оперся на костыль. Да, все это было, было и прошло. Нет парка — есть больничный садик. Тогда, в парке, он был действительно героем, и все понимали это.

Он посмотрел на небо. Уже вечерело, и нижний край облаков загорался ярким пламенем, будто с неба кто-то спустил огненно-красный ковер, и ковер этот висел, не достигая земли. Кое-где через багрянец прорывалось солнце, и Ораз видел прямые ясные лучи, полные золотых кипящих пылинок. Жаль, что он не художник, а то сейчас нарисовал бы картину и называлась бы она: «Солнечный закат в больничной палате».

Ораз вздохнул и отошел от окна. Кем ему только не хотелось быть за последние годы: и инженером, и охотником, и путешественником, теперь вот художком. А оказался всего-навсего неудачным мастером. Скоро он выйдет из больницы и что будет делать дальше? Покажет ли себя по-новому, сумеет ли примснить у себя в цехе тот новый способ варки стали, который он продумал за эти дни? Все сводится к тому, чтобы ужать непомерно растянувшиеся промежутки между отдельными операциями варки. В уме он, кажется, уже все проверил, но надо еще подумать и посоветоваться с Дамеш и Каиром. Вот только бы выйти поскорее отсюда... Врачи что-то тянут, говорят, что уж очень здорово он себя разукрасил! Обнаружили у него и вывих, и трещину голенной чашечки, и ущемление нерва в области поясницы. Вывихи выправили, голень загипсовали, а вот с поясницей ничего не поделаешь — надо

ждать. Спасибо, Аскар помог советом. После первого же посещения, когда Ораз пожаловался ему на боли, он сказал: надо будет попробовать вспрыснуть тебе новокаин в область поясницы.

Через час после его ухода пришла Айша со шприцем и сделала укол в спину.

Сразу стало немного легче. С тех пор все быстро пошло на поправку. Но с выпиской, говорят врачи, все-таки надо еще подождать.

Ораз вышел в больничный коридор и направился в комнату для свиданий. Сегодня день посещений, должны прийти Ажар с Булатом. И вот он увидел, что Ажар поджидает его, но Булата с ней нет.

— Что с Булатом? — тревожно спросил Ораз. — Заболел?

— Да нет, ничего такого, — робко ответила Ажар.

— Что же такое с ним? — накинулся на нее Ораз. — Как же ты не знаешь? Объелся? Простудился? Подхватил заразу какую-нибудь?

— Да нет, — ответила Ажар. — Напоролся на гвоздь, и я уложила его в постель.

— Ну как же это вышло? — Ораз был очень огорчен. — Где же ты была?

Не глядя на него, Ажар объяснила:

— Раньше с мальчишкой возился дед, а сейчас старик ушел на завод, а я целый день торчу на кухне. Булат предоставлен самому себе. Так и случилось...

«Да как же другие матери успевают и за ребенком смотреть, и обед приготовить, и белье выстирать, а некоторые еще и работают, а ты...» — так и рвалось с языка Ораза, но он сдержал себя: ведь это больница и жена пришла к нему на свиданье. Да что говорить, Ажар действительно, хорошая жена. Каждый день она ходит к нему сюда, исхудала, пожелтела, а ведь ни разу не опоздала даже на полчаса. И вообще, за что же ее ругать? Она хозяйственна, приветлива, гостеприимна, вот только ревнива не в меру, но уж такой у нее характер!

После разговора о Булате наступило молчание. На столе стоял горшок с цветами. Ораз поднес его к лицу и вдохнул запах цветов.

— Так они пахнут только под осень, — сказал он.

Ажар с грустью посмотрела на него.

«А что мне и тебе до этих цветов? — как бы говорил ее взгляд. — Ты потому и занимаешься цветами, что тебе не о чем говорить со мной, а этому уж ничто не поможет».

Осторожно, чуть не на цыпочках, в комнату вошли сразу несколько человек. Это были ребята его бригады, а с ними Дамеш. Увидев их, Ораз оживился, вскочил с места.

— Ребята! — сказал он радостно.

Дамеш подошла к Оразу и несколько раз крепко поцеловала его в губы. Ажар вспыхнула и отвернулась. Но на нее уже никто не обращал внимания. Кеша, Гена и Куан, правда, почтительно поздоровались с ней, а Дамеш только молча кивнула.

— Ну как твои неприятности? — обратился Ораз к Дамеш. — Кончились они, наконец, или нет?

— Кончились! — ответила Дамеш.

— И ты по-прежнему сейчас в своем цехе?

— Да, — Дамеш кивнула головой.

— Это все директор, директор, — вмешался Гена. — Это он сбил рога этому быку.

— Верно, что бык, — засмеялся Куан. — Он сегодня так рассвирепел, что землю носом рыл! Как же, ведь его не послушались.

— Да что ты? — спрашивал Ораз с любопытством. Ему и в голову не приходило, что Муслим может так разойтись на людях. — Как же это произошло, на кого он так набросился?

— На своего шофера, — ответил Куан. — Так орал, что даже пена у него на губах появилась. Опоздал, видишь ли, шофер машину подать, ну, Муслим и разошелся.

— Да, Каира ему не проглотить, — добавила Дамеш. — Сразу видно, что это не я! Меня-то он быстро слопал.

— Да? — с удивлением спросил Ораз и подумал: «Вот женщина! То издевалась над Каиром, а теперь восхищается».

— Как же они поссорились? — спросил он, напряженно улыбаясь. — Ведь они вроде как родные братья были, всегда один за другого стояли горой.

— Все течет, все меняется, — ответила Дамеш. — А поссорились-то они здорово.

— Но из-за чего же?

— Аллах его ведаёт, наверно, из-за меня,— лукаво улыбаясь, сказала Дамеш.

— А про старика-то, про старика своего ты слышал? — вдруг вмешался в разговор Геннадий.— Знаешь, как он у нас в цехе работает? Ого... Он и тебе пару очков даст! Сталь выпустил на полчаса раньше времени.

— Как же это? — спросил Ораз.

— А так! Есть у него новый способ закладки шихты, такой, о каком мы и не слышали,— сообщил Гена.

— Да, совершенно новый,— подтвердила Дамеш,— вообще, как мы иногда недооцениваем стариков, раз старый, значит, отсталый — вот как мы рассуждаем.

— Ну зачем же так? — сказал Ораз.— У стариков много опыта, этого у них не отнимешь, но ведь они, в большинстве случаев, где встали, там и стоят, а мы плохо ли, хорошо ли, но все время движемся... Я вот пока лежал здесь, одну вещь надумал, хотел бы с вами посоветоваться.

Он вопросительно поглядел на ребят и почему-то запылулся.

— Ну-ну! — подстегнул его Гена.— Говори!

— Вот что я думаю,— сказал Ораз.— Медленно мы загружаем мартен, очень медленно. За это время печь успевает уже остыть, поэтому варка так растягивается. А если изменить порядок варки...

Ораз говорил долго, и, наконец, кончил, и поглядел на ребят. Те сидели молча — Геннадий смотрел куда-то вдаль, Кеша листал журнал, Куан уставился в пол. Только одна Дамеш слушала его внимательно.

— Ну, что же ты обо всем этом думаешь? — спросил Ораз Куана и дотронулся до его плеча.

— Конечно,— начал Куан нерешительно.— Надо ускорить. Но как? Но дальше я что-то не понял,— он замолчал.

— А я поняла,— вдруг сказала Дамеш.— По мнению Ораза, надо вот что: не давать печи простыть ни целиком, ни частично. Кроме того, надо принять меры к поднятию температуры печи. Так?

— Так.

— Все это надо будет как следует подсчитать,— сказала Дамеш.— Я сделаю наметку и в следующий раз принесу тебе.

Когда Дамеш и ребята ушли, осталась одна Ажар. Она сидела на прежнем месте с опущенной головой. Ораз подошел и положил ей руку на плечо. На сердце у него потеплело, и он даже почувствовал раскаяние. Но сказать об этом так, чтоб она поняла, он не смог.

— Ну что ж, милая, иди! — сказал он ласково. — Иди. А то Булат опять один, опять что-нибудь случится.

— Что тебе принести в следующий раз? — робко спросила Ажар поднимаясь.

— Ничего не надо. Только Булата захвати с собой, хочу вас видеть обоих.

На другой день, уже после вечернего обхода, пришел к Оразу отец. Старик за это время сильно изменился, постарел. Оразу даже стало не по себе, когда он его увидел. Борода и усы отца совсем побелели, а ведь еще в прошлом году люди смотрели на него и удивлялись: «Неужели ему уже семьдесят? — говорили они. — Вот никогда бы не дали...» А сейчас ему легко можно дать и больше.

Поговорили о доме, о цехе, о том о сем. Потом старик вдруг замолчал, достал из кармана пузатую шахшу — пузырек из белого металла, где хранят нюхательный табак, насыбай. Отсыпал несколько черно-зеленых зернышек на ладонь, засунул их за губу и стал молча ждать, чтобы сын заговорил. А сын взял из рук старика шахшу, подбросил ее на ладони и спросил:

— Между прочим, настоящее серебро или...

— Ну, а как же! — с достоинством ответил старик. — Самое что ни на есть настоящее, а смотри, пробка с какой кистью.

Ораз вынул пробку, осмотрел ее со всех сторон и возвратил шахшу отцу. Действительно, умели же раньше в казахских аулах делать крепкие вещи, даже нитяная кисть и та сохранилась.

— Да, — сказал Ораз задумчиво. — Сколько же лег этой шахше? Она, наверно, мне ровесница?

— Ровесница! — фыркнул старик. — Тебя еще и в помине не было, когда я носил эту шахшу в кармане. Дорого она мне досталась, будь она неладна, еле живой ушел.

— А как же так вышло?

— А вот так... Она краденой оказалась. Украл ее Мергенши. Дряной он был, человечешко — сплетник, пройдоха, враль, постоянно по домам шатался да к обедам напрашивался. Мы жили тогда под Каскеленом. Ну и брал, конечно, где что плохо лежит. Эту шахшу он вынул прямо из кармана у бая Ордабая и мне продал. Целого барана взял за нее, прохвост. А потом пошел к Ордыбаю и говорит: «Ой, бай, только ты никому не говори, шахша-то твоя у Курышпая. Не знаю только, как она ему досталась — украл, наверно. Тот разъярился, взял палку да ворвался ко мне в юрту: вор! собака! отдай мою шахшу! Я его, конечно, выгнал, ну и пошла история. Целое лето таскали меня из-за этой шахши. А было это в тридцать втором году. Ты только через год родился.

— Да, это верно, в тридцать третьем...

— Ну, правильно... В тот год на меня аллах здорово рассердился, разум отнять хотел. Спутался я с одной татарочкой из соседнего колхоза. Тогда твоя мать Халима мне все и высказала. «Вот ты от меня бегаешь, — сказала она, — ну что ж, бегай, это твое дело. Можешь и совсем уйти, я и себя, и сына прокормить сумею. Только смотри, вырастет сын, что он тогда тебе скажет?» Знаешь, простые слова, а запали мне эти слова в душу, и стал я думать, думать и решил: надо кончить. С татарочкой распрощался, подарил ей кое-что и вернулся к твоей матери. А теперь вот других учу: если есть дети, сиди на месте и никуда не бегай. Ничего не поделаешь; семья — слово святое.

«Ах, вот ты как!» — подумал Ораз и спросил:

— Отец, а как мать тогда следила за вами, ходила по пятам? Ругалась, если вы домой поздно приходили?

— Нет! Халима была умница! Она слова лишнего, бывало, не скажет.

— Да, — сказал Ораз. — Моя мать все понимала. Она сказала вам словечко о сыне: что, мол, сын-то скажет, когда вырастет. Вы и задумались. А что было, если бы она целый день вас пилила да срамила бы перед чужими людьми? Стерпели бы вы это или нет?

— Ну, меня не больно посрамишь, — усмехнулся старик. — Меня только начни срамить, тут же и кончишь, потому что я повернусь и уйду, только ты меня и видела.

— Вот видите,— сказал Ораз.— Видите? Вы бы ругань и попреки не стали выносить, и хоть знали бы, что за дело вас ругают, все равно повернулись бы да ушли. Вот я и хочу сделать то же... Стойте, стойте! Вы же были виноваты перед моей матерью, а я никакой вины за собой не знаю. Меня ни упрекать, ни ругать не за что. Так почему же я должен каждый день от своей жены выслушивать напрасную ругань? Почему вы меня уговариваете оставаться около женщины, которая поносит меня каждый день? Почему? Потому, что то я, а то вы? Так, что ли?

Старик кивнул головой.

— Именно так. То я, а то ты. Ты подумай-ка, кем я был тогда? Малограмотным казахом, «киргизом», как нас называли, сыном кочевника. А ты образованный человек, член партии, герой, есть ведь разница, а? Я был перекасти поле, ветер меня гнал, а овраг останавливал. И кровь у меня была кочевая, горячая, дурная, что не по мне, все рубил под корень. Разве ты такой? Теперь время другое, люди другие. Помни это.

Глава третья

Собрание открылось в большом зале Дворца культуры. Дамеш получила через Лиду записку от Серегина: «Подготовься к выступлению». Это выбило Дамеш из колеи, и на собрание она пришла совсем расстроенная. К какому выступлению? О чем она будет говорить? О чем вообще будут говорить на этом собрании? Лида знала, конечно, все, но на все вопросы отвечала загадочно: «Это особое собрание,— говорила она,— кто на него не придет, тот пожалеет, а кто придет, тот тоже пожалеет».

Что все это могло значить?

Иван Иванович тоже поплелся с Дамеш во Дворец культуры. А дворец гудел как улей, всюду было полно людей — и в вестибюле, и в фойе, только в зале было еще пусто и тихо. Дамеш повела Ивана Ивановича на балкон — оттуда все было хорошо видно. Но к Ивану Ивановичу подошел Курышпай и увел его в партер. Дамеш перегнулась через балкон и стала смотреть в зал. Дамеш знала здесь почти всех. Вон эти парни, шумливые, молодые, веселые, все с их завода. Этот курчавый кра-

савец из прокатного цеха известен всему городу как лучший капитан футбольной команды, рядом с ним в поло-сатой рубахе белобрысый и белозубый гигант — сталевар из ее цеха. А вот тот смуглый, обгорелый крепыш, похожий на цыгана,— это кузнец механического цеха. Он великий любитель чтения. Если вам нужно достать какую-нибудь книгу, идите только к нему: у него дома целая библиотека.

Прозвучал звонок. Дамеш вспомнила, что она должна сегодня выступить, и сбежала в партер. Здесь она усе-лась между Тухфатулиным и Кумысбеком.

Кумысбек повернулся к ней и сказал:

— Ну, если я запутаюсь, когда буду говорить, вы-ручай меня.

Дамеш оглянулась и увидела в другом конце зала Муслима, а рядом с ним сидел человек из технического отдела и некоторые вальцовщики из прокатного цеха.

— Это все муслимовская рать,— пояснил Кумыс-бек.— Он всю ее собрал сегодня и вывел в бой.

— Ну, то, что работники технического отдела за не-го, это понятно,— сказала Дамеш,— но почему Иглам-бек?

Кумысбек только покачал головой.

— Эх, милая,— сказал он улыбаясь,— да ведь этот самый Игламбек у Муслима как беркут на рукавице си-дит, только и ждет, чтобы его спустили на добычу. Не-ужели это непонятно? Эх, Дамеш, Дамеш!

Серегин поднялся на трибуну и открыл собрание. Он попросил назвать фамилии тех, кого предлагают в пре-зидиум. Среди прочих назвали Курышпая и Ивана Ива-новича. Пока члены президиума занимали свои места, в зал пришел Базаров с группой работников горкома. Базаров сразу же сел в президиум.

Затем слово предоставили директору металлургиче-ского завода Каиру. Дамеш в этот день не видела его и внимательно на него посмотрела. На Каире был черный костюм, черный галстук, белая сорочка. Выглядел он очень напряженным — лицо бледное, глаза большие, черные.

Каир поднялся на трибуну и заговорил. Сперва он рассказывал о московском совещании, о своих впечатле-ниях.

Дамеш слушала не отрываясь — Каир говорил очень

хорошо, точно, немногословно. И было в его рассказах еще одно: все, что он услышал в Москве, излагал по-своему, на все смотрел с точки зрения интересов своего завода.

Дамеш очень нравилась эта манера не ораторствовать, а говорить, рассказывать, непосредственно обращаться к залу. Видимо, и другим это тоже нравилось, потому что речь Каира то и дело прерывалась аплодисментами. Каир говорил все увереннее, все лучше, он перегибался через трибуну, нетерпеливо, резким движением головы отбрасывал с лица лезшие на лоб волосы, качал головой, улыбался, спрашивал. И самое главное, говоря, он все время смотрел на Дамеш, так по крайней мере ей казалось.

— Завод-то у нас передовой, конечно,— говорил Каир.— Да техника на нем старая. С того времени, как построили завод, ничего на нем не меняли, ни одного винтика с тех пор на нем не прибавилось. Это старье, товарищи, мы все время крутим, крутим и ждем,— выйдет старье из строя, тогда нам новое из центра пришлют. Видите, как просто! А подумали ли мы о том, чтобы к старым винтикам добавить хотя бы одну новую резьбу? Одну, но свою. Нет, конечно! А в этом-то и должен заключаться технический прогресс, но мы все медлим да медлим, ждем, раздумываем, хватаемся за старинку, надеемся, что кто-то нас чему-то научит. Нет, товарищи, никто нас ничему не научит, ведь у нашего технического руководства по поводу всякого новаторского предложения всегда возникает один вопрос: а к чему оно? К чему беспокойство, трепка нервов, ведомственная переписка, риск? А нельзя ли обойтись без всего этого? Как ответить на этот вопрос? Тем, кто его задает, и верно, все это ни к чему. И вот сидит такой равнодушный человек в нашем аппарате, принимает решения, подписывает приказы, и ни разу ему не пришло в голову, что он лишний.

Когда Каир дошел до этого места, в зале зашумели.

— Других винишь, а сам ничего не делаешь! — крикнул Игламбек с места.— Ты же директор! С тебя и спрос!

— Товарищи! Товарищи! — Серегин поднялся с места и позвонил в колокольчик.

— Позвольте, я отвечу на это. Директор — распорядитель, а законодатели-то вы. Без вас директор шагу не

ступит. А общественность у нас спит и видит сны. Вот пример: несколько месяцев назад инженер Сагатова предложила нам свои соображения по поводу усовершенствования термических процессов варки стали, ну и что ж мы сделали по ее предложению?

— Говори, что ж ты сделал, других не трогай! — крикнул кто-то сзади Дамеш.

— Вот я и хотел сказать о себе, — кивнул головой Каир, — только вы меня перебили. Да и я тоже ничего не сделал. Побоялся, что предложение Сагатовой еще не проверено и не испытано.

— А теперь ты его проверил? — крикнул Муслим.

— Нет, и теперь еще я полностью не уверен, что проект Сагатовой полностью применим, — сказал Каир. — Но ведь в том-то и штука, что я отвергнул проект, даже не проверяя его, просто махнул рукой, да и все. А махнул я рукой потому, что подумал: ведь это лишние хлопоты, ответственность. Ну к чему мне это? Разве это дело?

— Совсем не дело, для директора особенно, — вставил Серегин.

— Ну, а для главного инженера? — спросил его Каир. — Для главного инженера разве это дело? — с этими словами Каир повернулся к Муслиму.

Зал радостно зашумел, видно, мало кто любил Муслима.

— Про себя, про себя говори! — сказал Муслим. — А в чем я виноват, о том я сам скажу.

В зале опять зашумели.

— Хорошо, — Каир прямо посмотрел на Муслима. — Скажу о себе: половина вины во всей этой истории лежит на мне, но возьмите-ка на себя другую половину. Только давайте делиться сейчас же при свидетелях. А то вы от своей доли откажетесь и побежите в горком.

Каир говорил весело, оживленно, и в зале послышались смешки. Тут над столом президиума поднялась громоздкая фигура Базарова.

— Вот очень кстати вы заговорили про историю с Сагатовой, — сказал он. — Товарищ директор, вы читали сегодняшний номер «Советской Караганды»? Нет? Очень жалко, что не читали, там и о вас говорится кое-что.

Голос у секретаря был ледяной, и Дамеш сразу же стало не по себе. Опять она виновата... Ведь она должна

была ждать этого! Недаром же в Караганде к ней приходил редактор газеты и хотел поговорить с ней.

— Тогда читайте сейчас,— Базаров кинул через стол Каиру развернутый лист газеты.— Тут, тут читайте! Да нет, не про себя читайте, а вслух! Всем! Это касается всех собравшихся.

— Вслух пусть читает! — зашумели в зале.

— К нам непосредственно относится вот какое место,— сказал Каир, наскоро пробежав статью: — «Аналогичный случай произошел и на металлургическом заводе Темиртау. Мы уже писали о недопустимом отношении дирекции к проекту инженера того же завода товарища Сагатовой. Без каких-либо объяснений интересное и многообещающее предложение молодого специалиста попросту засунули под сукно. Дирекция при этом взяла и убрала Сагатову из цеха. Предлог, конечно, нашелся, и хотя он был явно высосан из пальца, коммунисты завода промолчали. Не нашла заступничества инженер Сагатова и в горкоме. Вывод из этой печальной истории напрашивается сам собой...» Ну, дальше идет о других заводах.

Серегин звонил непрерывно, но его уже никто не слушал. Только резкое вмешательство Базарова восстановило тишину.

— Я,— продолжал Каир,— беседовал с руководителями многих металлургических заводов, например, с директором «Запорожстали» и Ново-Тулеского завода. Там все процессы варки стали механизированы. Это дало им возможность выпускать сталь непрерывно. Почему мы не последуем этому хорошему примеру и не реконструируем наш цех по этому образцу? Это значительно повысило бы производительность труда, и мы были бы полностью избавлены от тех неприятностей, которые у нас время от времени случаются. Вот возьмем хотя бы недавнюю аварию. Разве она произошла бы, если бы процесс варки стали был механизирован? Тогда и вальцовщикам не нужно будет хватать клещами на лету раскаленные докрасна, извивающиеся змеями полосы стали. Труд рабочего облегчится и упростится. А ведь это прекрасно, товарищи, работать можно будет по пять-шесть часов, а все остальное время тратить на себя. Сколько бы лишних книг мы тогда прочитали, сколько

новых спектаклей увидели, сколько дорог исходили! Какая бы интересная жизнь наступила у всех нас!

Зал дружно зааплодировал.

Дамеш, не отрываясь, смотрела на Каира. «Вот, оказывается, ты какой», — думала она.

После Каира слово сразу же попросил Игламбек. Видно было, что он давно рвался в бой; он напоминал Дамеш скакуна, привязанного около юрты. Лихой скакун не может стоять на месте, бьет землю копытом, грызет узду, хрипит и все не дожидется, когда его отвяжут и пустят на волю.

— Вот мы все аплодировали директору, — сказал Игламбек. — И правда, он произнес очень хорошую, красивую речь. Но ведь это все-таки речь, товарищи, а надо еще уметь и дело делать. А вот с делом-то на нашем заводе не совсем ладно. И надо сказать, вина за это лежит на директоре. Работников он своих не знает, жизнью завода не интересуется, и вот в результате зачастую на ответственные посты у нас выдвигаются люди совершенно безответственные.

— Например? — крикнули из зала.

— За примерами далеко не ходить, — сказал Игламбек. — Например, бригадир мартеновского цеха Ораз. Сейчас на собрании его нет. Он в больнице. Поехал пьяным в горы, сам разбился и мотоцикл угробил. А кто такой этот Ораз? Рабочие его знают хорошо — это хвастун, подхалим, пьяница, но, кроме того, он еще и родственник директора, и именно поэтому его фамилия так долго и висела на Доске почета.

Ух, какой же шум поднялся в зале!

Кто-то крикнул:

— Да совесть у тебя есть?

Кто-то рявкнул:

— Ты говори, да не заговаривайся!

Кто-то предложил лишить оратора слова, и это предложение было поддержано почти всеми. Игламбек растерянно смотрел на зал, видно было, что он надеялся на аплодисменты, а получил свистки да ругань.

Тогда слово попросил Платон Сидорович. Он знал, что на заводе его недолюбливали и звали «наш мямля», но он ничего не мог с собой поделать, всего боялся и поэтому постоянно служил двум, а то и трем богам, никому ни в чем не отказывал, но и делать тоже ничего не де-

дал. Всегда он все увязывал и согласовывал, если говорил, то понять его можно было и так и сяк.

Вот и сейчас он начал какую-то путаную и длинную речь о технике, о технологическом процессе, о реконструкции цехов, и было неясно, для чего же он все это говорит. Дамеш посмотрела на президиум, Каир сидел спокойный и даже как будто веселый, речь Игламбака его совсем не задела. Серегин хмурился и постукивал карандашом по столу. Видно было, что речь Платона Сидоровича ему решительно не нравилась.

— Мы рассматривали предложение Сагатовой,— сказал Платон Сидорович.— Да, и рассматривали, и уточняли, уточняли,— он хотел еще что-то сказать, но только перевел дыхание.

— Вы кончили? — вежливо спросил его Серегин.

— Одним словом,— начал вдруг снова говорить Платон Сидорович и оглянулся на председателя,— то мнение, которое высказал директор, является до известной степени и мнением нашего творческого коллектива. Да, да, коллектива... Вот что только хотел сказать...

— А не сказал ровным счетом ничего,— крикнул Кумысбек.— А я бы вот хотел, например, услышать ваше личное мнение.

Платон Сидорович только пожал плечами.

— А мое мнение,— сказал он,— не отличается от мнения коллектива, я полностью согласен с нашим коллективом. Да-да, коллективом... С нашим коллективом...

— С чем же вы согласны? — крикнул кто-то.— Дело предлагает Сагатова или нет?

— Я боюсь,— медленно сказал Платон Сидорович,— что большого толка из этого предложения не получится. Да, не получится.

— А зачем же вы тогда это предложение поддерживали? — спросил из зрительного зала инженер Касымов.

— Я? Поддерживал? — как будто очень удивился старик, но сразу же и заулыбался.— Ну да, поддержал! По-моему, ничего не должно быть отвергнуто без рассмотрения и проверки. Да-да, без проверки. Проверка необходима! Да!

— Разве в результате проверки отвергли предложение Сагатовой? — опять спросил Касымов.

— Да нет, нет,— испуганно залепетал Платон Сидорович,— его не отвергали, но как я вспоминаю... Впрочем,

я был тогда в отпуске и чем дело кончилось, не знаю, вот Муслим Сапарович лучше меня знает.

— Вот это называется объяснил,— раздался чей-то голос, и все засмеялись. После тяжелого задиристого, но явно несправедливого выступления Игламбека комическая фигура старика несколько разрядила атмосферу.

Потом начались другие выступления, и опять ораторы стали нападать на Каира. Директора в цехе, говорили они в один голос, знают мало, и есть такие рабочие, которые вообще его никогда не видели. Руководит он заводом из кабинета. Это плохо. Вот он критиковал старое руководство. Оно-де не сменило ни винтика. Это правильно, но что изменилось теперь, когда директором стал товарищ Альжанов? Где результаты его работы? И разве последняя авария не результат халатности ответственных работников, первый из которых директор, а последний — сменный инженер? Одним словом, чем кумушек считать трудиться... Известна ли вам, товарищ директор, эта старая пословица?

У Дамеш горело лицо, когда она слушала все эти слова. А Каир не переставал записывать что-то в блокнот и выглядел совсем спокойным.

«Что ж,— подумала Дамеш,— и эти выступления — работа Муслима? Почему же молчат остальные? Не мог же, в самом деле, Муслим настроить всех на свой лад. Но ведь Муслим работает здесь много лет; одних он принимал на работу, других снимал; одних награждал, других наказывал,— можно, конечно, за это время успеть сколотить свою артель.

Наконец взял слово и сам Муслим. Дамеш поняла: предшествующие ораторы нанесли Каиру очень болезненные удары, теперь Муслим должен добивать.

Муслим взошел на трибуну не спеша, достал очки, положил их перед собой, вынул из кармана блокнот, открыл его в нужном месте, заложил пальцем, долгим взглядом окинул зал, откашлялся и заговорил. Начал он откуда-то очень издалека: он сказал о том, что за годы советской власти Россия из страны отсталой превратилась в мировую державу с передовой техникой и невиданной производительностью труда. Вот мы живем, например, в Казахстане. Что же представлял Казахстан раньше и что представляет он теперь? Вот несколько цифр... Муслим привел эти цифры и воскликнул:

— Вот факты, вот действительность! Наш Карагандинский район является промышленным сердцем республики.

Тут поднялся Серегин и сказал, что время оратора уже истекло — он проговорил пятнадцать минут. Муслим в замешательстве взглянул на зал.

— Так я только что начал...— сказал он неуверенно.

— В том-то и дело.— Серегин поморщился, но предложил дать Муслиму еще десять минут.

— Только прошу вас держаться поближе к теме,— сказал Серегин.

Муслим кивнул головой и снова заговорил:

— Итак, сейчас самое главное — это люди, овладевшие техникой. Таких людей у нас, к сожалению, мало. Даже так можно сказать — совсем их у нас нет. От этого завод терпит огромный убыток. Вот взять последнюю аварию. Чем ее можно объяснить? Да только тем, что сменный инженер товарищ Сагатова имеет очень слабое представление о своих обязанностях. Вот я слышал, говорят, что изложницы, на которых она работала, старые, изношенные, что их давно пора на свалку. Но так ли это, товарищи? На этих изложницах работали десятки инженеров, сотни рабочих,— выдавали на них свою дневную норму, и никто на них не жаловался. Пришла Сагатова, и сразу они оказались никуда не годными. Почему же так? Да потому, что сама Сагатова — инженер молодой, неопытный и производство знает очень слабо. После аварии мы переместили товарища Сагатову в технический кабинет по ее специальности. Так, оказывается, директор недоволен этим приказом! Как произошла авария, он не знает, его и вообще-то не было в это время на заводе, но тем не менее в первый же день он отменяет приказ главного инженера — приказ, согласованный с горкомом! Инженер Сагатова оказывается опять в том же цехе и на том же самом месте. Ну, знаете ли, это очень странный подход к делу. Зачем понадобилось директору отменять справедливый приказ главного инженера — вопрос особый, и касаться его пока не будем.

— Да нет, говорите,— сказал Каир.— Что вы опять запетляли?

— Я не петляю, товарищ директор,— сурово сказал Муслим.— И говорить об этом я, конечно, буду, но только в соответствующем месте. Дальше: вот директор го-

ворил о технике, техника, мол, у нас стара, на других заводах есть и то и это, а у нас ровно ничего нет. Товарищи, так абстрактно говорить о технике нельзя, новая техника — это очень конкретная вещь.

Дамеш вынула из блокнота листок и быстро написала: «Каир, стоит ли мне выступать?» и послала ее по рядам в президиум. Каир прочитал записку, взглянул на Дамеш (он уже давно ее незаметно отыскал глазами), улыбнулся и отрицательно покачал головой — нет, не надо...

— Я тоже отвечаю за завод, — услышала она снова голос Муслима. — И играть в передовую технику, пока я здесь являюсь главным инженером, никому не позволю. Мы сюда приехали работать, а не медали хватать. Прошу это запомнить.

Атмосфера в зале накалялась все больше и больше, некоторые выходили в коридор покурить и слушали оттуда стоя, другие сидели молча, боясь проронить хотя бы слово. А Муслим все говорил и говорил... Когда он сошел с трибуны, раздались довольно-таки жидкие аплодисменты.

Вдруг Дамеш увидела, что на трибуне стоит Иван Иванович.

— Речь главного инженера, — сказал старик, — мне совсем не понравилась. Я знаю товарища Мусина давно. Так вот, как говорил он пять лет тому назад, так и сейчас говорит. А жизнь изменилась, и люди выросли, многое они передумали и поняли за эти годы, а главный инженер каким был, таким и остался. Вот вы, товарищ Мусин, сейчас поносили двух молодых специалистов — нашего директора и сменного инженера Сагатову. Что ж, ошибки могут быть всякие и со всяким. Сагатова могла что-нибудь напутать, на ошибках и учимся. Но как можно забывать, что эти два молодых инженера выросли у нас на глазах, они с нами работают, и мы видим, как хорошо, честно работают, отдают работе все лучшее, что у них есть, и хаять их за это мы вам не позволим. Грязью швырять да шельмовать публично... Нет, не те времена сейчас, товарищ Муслим! Не тем, ты прости меня, старика, занимаешься! Прямо тебе в глаза говорю, совсем не тем.

После Ивана Ивановича попросил слово и Кумысбек. Он сразу же обрушился на Игламбека.

— Что это,— спросил он,— за порочная привычка: как о чем пойдет речь, так обязательно задевать личность оратора? Зачем это тебе нужно?

— Ты мне рот не зажимай. На то и свобода критики, понимаешь? — крикнул Игламбек.

— Свободой тоже надо пользоваться с умом,— ответил Кумысбек.— Ты не критикуешь, а ругаешься. Ораз— Герой Труда. Его бригада ни одного дня не была в простое, ты только этого не забудь. А что твоя бригада первая получила звание — это дело особое, об этом еще придется говорить. Есть и у тебя ребята, которые работают хорошо, с огнем, вот Тухфатулин, например, и еще кое-кто есть, но сам-то ты как работаешь? Как к людям относишься? Очень нехорошо ты относишься к ним. Свысока, завистливо, глумливо.

— Докажи,— крикнул Игламбек с места,— клеветник!

— Будь спокоен, докажу,— улыбнулся Кумысбек.— Вот посмотри на президиум. Кто рядом с председателем сидит? Там сидит отец Ораза — уже семидесятилетний старик. Когда сын его не смог выйти на работу, он встал на его место. Понимаешь, сам встал. Никто его ни о чем не просил, никто о нем, может быть, и не вспомнил, а старик вынул из шкафа свою спецовку, надел ее и пошел на завод. Вот это коммунист, а ты, сколько бы ты ни орал с места...

Тут к Дамеш подошла Лида, наклонилась и шепнула, что ее спешно вызывают к телефону из совнархоза.

«Что там еще такое?» — с тревогой подумала Дамеш и пошла за Лидой в кабинет директора Дворца культуры. Тонкий женский голосок сообщил ей, что она переводится на Магнитку, пусть она придет туда завтра утром и договорится.

— Да куда я не пойду,— возмутилась Дамеш и в сердцах чуть не швырнула трубку.— Что это еще такое? На каком основании?

— Об основании спросите вашего директора,— ответила трубка сухо.

— Что мне его спрашивать, если он отдал приказ о моем восстановлении на работе,— сказала Дамеш.

По ту сторону провода на секунду замолчали, а потом тот же голос спросил, есть ли у нее на руках этот при-

каз. Если есть, то пусть придет завтра же с ним в совнархоз.

— А сейчас передайте трубку секретарю,— сказал тот же голос.

Лида взяла трубку, послушала и, отходя от телефона, недовольно сказала:

— Вечно этот Муслим путает. Два раза я сегодня напоминала ему, что его вызывает совнархоз. «Да, да! Помню, знаю, пойду», и не пошел, конечно...А ругают-то меня! А у тебя что? Видно, успел уже и туда на тебя нажаловаться.

— Успел, конечно,— сердито сказала Дамеш.— Удивляюсь я ему, у него сто ног, наверно, как это он всюду поспекает?

Лида пошарила в кармане, нашла конфетку и молча протянула ее Дамеш. Та хмуро взяла ее и стала сосать.

Когда она возвратилась в зал, уже говорил Серегин. Речь шла об Оразе.

— Существует у нас еще такая скверная традиция,— говорил Серегин,— обязательно винить человека не просто в ошибке, не просто в недоглядке или недооценке, а еще и в политической ошибке, неправильной линии в целом. Случай с Оразом в этом отношении чрезвычайно показателен, характерно, как к этому герою труда отнеслись руководящие работники не только нашего завода, но и выше.

— Имена называйте,— сказал с места Базаров.— Будьте конкретнее, если обвиняете.

— Хорошо, буду конкретным,— Серегин кивнул головой.— Я говорю про главного инженера товарища Мусина, во-первых, и про его поддержку в горкоме, во-вторых. Да, да, я говорю про вас, товарищ Базаров. Вы мне предложили обсудить на партсобрании поведение Ораза. Его отказ от звания вы сочли серьезнейшим политическим поступком. Так вот я заявляю вам — я поступки Ораза не обсуждал и обсуждать не собираюсь. Ораза можно обвинить в горячности, в непродуманности, в отсутствии такта, наконец,— он ведь еще очень молод,— но политику сюда притягивать ни к чему.

— Вот во всем этом и должны были вы разобраться на партсобрании,— сказал Базаров,— а вы этого не сделали.

— Потому что не мне разбирать поступок Ораза,— ответил Серегин.— Это я его поставил в такое положение, что ему осталось только отказаться от незаслуженной им чести. Так он и сделал. Что же касается инженера Сагатовой и ее увольнения, то «Советская Караганда», я считаю, выступила правильно и своевременно. Проект Сагатовой мы зажали.

— Авария, авария! Ее-то куда денешь? — крикнул Муслим.

— А никуда ее не денешь, и за нее Сагатова должна была ответить. Но ведь, кроме увольнения, есть еще и другие меры воздействия,— сказал Серегин.— Наказание должно точно соответствовать проступку. Но увольнять молодого инженера... Нет, товарищи, не так мы богаты людьми, чтобы ими разбрасываться.

После него слово взял Базаров. Зал снова притих. «Ну, сейчас он возьмется за Серегина»,— подумала Дамеш.

Но Базаров говорил недолго:

— Завод,— сказал он,— имеет ряд недостатков. Их надо выявлять и изживать. Делать это надо открыто и повсеместно. Главная роль в этом должна принадлежать парторганизации завода. А вот заводская парторганизация явно не на высоте. Руководит ею товарищ Серегин, он, конечно, и отвечает, в первую очередь, вместе с дирекцией за все неполадки. Но хотя Серегин других критикует яростно, есть, к сожалению, за что критиковать и его. Так, например, он постоянно вмешивается в дела дирекции.

— А вы, товарищ директор,— сказал далее Базаров,— вы ведь капитан нашей заводской команды, вам и мяч первому в руки, а вы этот мяч уступили главному инженеру. Это не дело!

Базарова не перебивали, но и не аплодировали.

— Федор Васильевич,— с места сказал Каир,— я бы этот мяч не уступил никому, да вот беда, мяч кидают Муслиму, а гол-то требуют с меня!

Собрание кончилось поздно ночью, никакое решение принято не было.

Наутро Дамеш вызвали в партбюро. Она поняла, что это связано с Иваном Ивановичем. Он рассказал ей, что был у Серегина и поднял там шум. Интересный старик этот Иван Иванович: никогда ему не сидится на месте, если он не дома, то на рыбалке, если не на рыбалке, то на заводе, бродит по цехам, подходит к станкам, к печам, к рабочим, кого похвалит, кого изругает. Походит так часа два и в обеденный перерыв идет домой. Очень любит старик поспорить. Спорит до хрипоты и с директором, с начальниками цехов. Так спорит, что те уже бегут от него. «Он какой-то у вас бесноватый,— говорят они.— Никогда не поймешь, чего он хочет». А ведь дело-то очень простое: всю жизнь старик провел на производстве и жить без завода не может. Вот пройдет по цехам, покурит, поговорит о том о сем, смотришь, и день прошел. А после последнего партсобрания старик особенно зачастил на завод. Похоже на то, что новый директор пришелся ему по вкусу.

Прежде чем войти в кабинет, Дамеш постучала. Раньше она входила сюда смело, открыто, задорно. Но после последнего разговора с Серегиним все стало иным. Когда она вошла, Николай Иванович и Каир, наклонившись над столом, рассматривали план завода. Каир что-то отмечал на полях плана карандашом.

Каир первый заметил Дамеш (она задержалась у порога) и сказал:

— Заходи! Мы тебя ждем!

Поднял голову и Серегин.

— Ты где же это пропадаешь? — спросил он. — Ждали, ждали тебя, уже собрались уходить. Садись, поговорим. — Серегин посмотрел на нее и засмеялся. — Ну, как после разноса? А у нас здесь вот какой был без тебя разговор: не похожа что-то, говорят, Дамеш Сахивна на инженера — нежная, хрупкая, нервная. Ей бы другую специальность выбрать — артисткой, что ли, стать? Как ты думаешь, а?

— Знаю. Это Муслим говорит, — очень серьезно ответила Дамеш.

— Значит, он и тебе тоже сказал? — засмеялся Серегин. — Эх, старый черт!

— Он думает, инженер должен быть черный и загорелый, как шайтан из преисподни. И не говорить инженер должен, а рычать,— сказал Каир.— А Дамеш у нас вон какая.

— Да что это вы,— сказала Дамеш.— Вызвали меня для того, чтобы об этом сказать? Не подходишь, мол, для работы в цехе, ручки беленькие.

— Вот, вот,— Серегин закивал головой,— как раз в точку попала, мы тебя для этого и вызвали... Этот план ты видишь?

— Ну?

— Да не «ну», а смотри и думай. Хотя нет! Раньше о другом. Вчера пришли ко мне в партком два старых сталевара, один из них, конечно, Иван Иванович, это уж понятно, и вот какой разговор был у нас тут. Бригада Тухфатулина,— говорят они,— недостойна звания бригады коммунистического труда. Люди, получившие такое звание, должны быть не только хорошими производственниками, но и вообще хорошими людьми. А один из членов этой бригады — человек мелкий и дрянной, пакостник. Чего он только не наплел на партсобрании! Надо пересмотреть состав бригады и дурную травку вырвать из поля вон. Вот что они мне говорили... Как ты думаешь, правы они или нет?

— Конечно, правы,— ответила Дамеш.— Игламбек человек дурной, авторитет бригады от таких людей только падает.

Она поглядела на Каира, тот поймал ее взгляд и улыбнулся.

— Я его и не заметил,— сказал он.— На собрании смотрел только на одного Мусеке, на то, как он своих дурачков дергает за веревочку. Знаешь, очень поучительное зрелище.

— А ты когда с ним в последний раз говорил? — спросила Дамеш.

— Да я каждый день с ним по часу разговариваю,— ответил Каир.— О собрании он молчит как рыба, будто не он выступал против меня. Ну, и я тоже молчу.

— Значит, что-то обдумывает,— сказал Серегин.— Я этого черта, Мусеке, вот как знаю! Силен мужик. Будь готов к любой пакости, к самой неожиданной.

— Знаю,— ответил Каир.— Я его вчера в горкоме

встретил. Я — к секретарю, а он — от него. Смутился и мимо меня бегом.

— Да, Базаров! — с сомнением покачал головой Иван Иванович. — Тоже хорошая штука этот Базаров.

— А знаешь, — Каир повернулся к Серегину, — он тоже что-то начинает задумываться. Вот вчера мы говорили с ним, говорили о разном, и под конец он меня как будто между прочим спросил: «Ну, а как, по-вашему, Муслим инженер знающий?»

— А может, он просто испытывал тебя?

— Да нет! Я по голосу слышу, что нет. А вот тебя, Николай Иванович, он не любит.

— Но это уж само собой, — усмехнулся парторг. — А ты, Каир, будь осторожен... Знаешь, что твой доклад скоро будет стоять на бюро горкома? Подготовиться заранее надо, чтоб и ты выступил во всеоружии... Теперь, Дамеш, вот зачем мы тебя позвали — будем осуществлять твой проект. Согласна?

Дамеш от неожиданности растерялась, а Серегин засмеялся.

— Да, действительно, нашел, что спрашивать.

— Ну, кто же ее знает, — сказал Каир. — А вдруг Дамеш нам ответит: пока вы согласовывали да утрясали, проект успел уже устареть. Теперь ждите от меня новый. Так тоже может быть — она ведь у нас гордая.

— Шуточки можно оставить при себе, — вспыхнула Дамеш. — Я вижу, вы и сейчас говорите со мной через силу, товарищ директор. Обстоятельства вас заставляют, а то бы завели прежнюю песенку — не проверено, недодумано, нереально.

— Дамеш, Дамеш! — сказал Каир. — Милая моя, да я все на свете для тебя сделаю.

— Ты не для меня, ты для людей делай, — возмутилась Дамеш. — А мне не нужны твои благодеяния...

— Ну, товарищи, — Серегин даже испугался, — нельзя ли поспокойнее. Так вот, Дамеш, посмотри на план... Видимо, это твоя паровоздушная смесь, как ты ее зовешь, будет поступать по этой же системе. Теперь вот вопрос — к какому источнику мы переключили твою установку?

— Как к какому? Ведь это все есть в моей докладной записке! Где она? — Дамеш повернулась к Каиру. Тот смущенно улыбнулся.

— Да я и сам ее ищу,— ответил он.— Я сделал из нее кое-какие выписки, а их нет! Видимо, засунул куда-то. А второй экземпляр твоей докладной в техотделе. В общем, вся проводка займет около двух-трех недель. Зашла Лида и сказала, что Каира вызывают к телефону из совнархоза.

— Иду! — Каир подошел к Дамеш и Серегину, положил им на плечи руки.— Итак, с завтрашнего дня начинаем работать над новой установкой системы Сагатовой. Для этого мы выделили целую бригаду рабочих. Ты, Дамеш, потом зайди ко мне.

Серегин и Дамеш остались вдвоем.

— Никола́й Иванович, я хотела с вами поговорить,— оглянувшись на дверь, начала Дамеш.

— Что, запереть дверь на ключ? — улыбаясь, спросил Серегин.

— Тогда вы мне сказали несколько резких, но справедливых слов,—продолжала Дамеш,—а я по глупости...

— Не по глупости, а по молодости,— поправил ее Серегин.— И если ты действительно решила, что тогда была не права...

— Ну, конечно! — воскликнула Дамеш.— Конечно, не права.

— ...то это очень хорошо. Вот и все, что я могу тебе сказать. Признавать и понимать свои ошибки — это отличное человеческое качество. Это сила, и человек, лишенный ее, не может быть хорошим работником. И еще одно тебе скажу: уме́й ценить суровое слово друга! Оно сурово, но справедливо. Оно жестоко, но оно сказано про тебя и для тебя! Помни это, пожалуйста. Я нарочно не затевал этого разговора, ждал, когда ты сама придешь ко мне. Вот ты и пришла. Молодец!

Дамеш шла домой. На душе у нее было легко и светло. Как нарочно, и день сегодня выдался ясный, солнечный. Она проходила по скверу, и ей приятно было думать, что такого сквера нет даже в Алма-Ате. Клумбы здесь огромные, красочные, бьют фонтаны, на газоны высажены пальмы и цветы из оранжерей.

Дамеш пришла домой, скинула пальто, надела фартук и начала готовить обед. За несколько месяцев она научилась отлично готовить, она кормит Аскара очень

вкусными обедами, а сама ест совсем немного, суп, например, совсем изгнала из своего рациона: боится потолстеть.

Когда Дамеш уже накрывала на стол, вдруг в комнату вошел Ораз. Вид у него совсем здоровый, нельзя было и подумать, что он попал в аварию и перенес операцию. Только показался он Дамеш очень серьезным. Вошел, подал руку и даже не улыбнулся.

— Вот это сюрприз! — воскликнула Дамеш. — Давно ты выписался? Только что? И сразу же зашел. Ну, молодец. Да ты, наверное, голоден? Садись-ка к столу, кормить буду.

Ораз сказал, что только что обедал дома.

— Ну, все равно, садись, я вином угощу, — сказала Дамеш. — Надо же как-то отметить твоё выздоровление. Вот видишь, что у меня есть.

Дамеш вынула из буфета бутылку советского рома и поставила перед Оразом серебряную рюмку.

— Это ты для того ставишь наперсток, чтобы я скорее с ног свалился, — засмеялся Ораз. — Голубушка, да кто же пьет такими рюмками ром?

— Ты попробуй, а потом говори! — сказала Дамеш.

Ораз опрокинул рюмку и с видом знатока одобрительно покачал головой.

— Да, ты права, ром прекрасный! Что ж ты угощаешь, а сама не пьешь? Не годится, не годится так... Налей-ка себе.

Дамеш достала нарзан и налила себе доверху бокал.

— Вот мое вино, другого я не пью. Ну, давай-ка чокнемся! Повторим, — сказала Дамеш. Они выпили еще раз. — Ну, теперь рассказывай. Прежде всего, когда ты выйдешь на работу?

— Завтра, — ответил Ораз и отставил рюмку. — Пора кончать бить баклуши! Отец, работая за меня, весь вымотался, страшно смотреть на него. Вот отправляю его в Сочи, завком дает путевку. До Караганды я его провожу, а там полетит на самолете... Пришел я к тебе вот зачем: ты должна вернуться домой! Причины, по которым ты ушла, отпали.

Она отрицательно покачала головой.

— Милый, но почему же именно должна? И зря ты ищешь причины там, где их нет. Все очень просто и понятно; когда птицы оперяются, они покидают гнездо; вот

мы также — у каждого из нас началась своя жизнь, и нам стало тесно в старом гнезде.

— Одним словом, ты нас разлюбила,— сказал Ораз,— так бы и сказала.

— Не говори так,— возмутилась Дамеш.— Кто же у меня есть, кроме вас двоих. Я тебя люблю как самого, может быть, близкого мне человека. Ты не представляешь себе, сколько я пережила, пока ты лежал в больнице... Но...

— Что но? — спросил Ораз.

— Но раньше я тебя любила совсем иначе. Когда ты женился, мне было так нехорошо, что я и места себе не находила.

— А ты? — воскликнул Ораз.— Ты же поменяла меня на Каира.

Она улыбнулась.

— Только давай не ссориться. Зачем это нам сейчас? На Каира я тебя не меняла. Была, правда, минута, когда он мне очень нравился, но это налетело и прошло, а у тебя не хватило терпения ждать меня, вот ты и женился. Нет, нет, ты был не прав, ты во всем был не прав, и себя я не оправдываю тоже, но терпения у тебя оказалось мало. А что прошло, то прошло. Да и ты теперь стал другим, более умным, сильным, жизнестойким, но люблю я все-таки другого Ораза. Того, которого знала с детства, а его уже не вернешь. А этот красивый, сильный человек, который сидит передо мной сейчас, это мой брат, друг. Все это я ясно поняла, пока ты лежал в больнице. И еще одно должна тебе сказать: я сейчас уже не та, чем была месяц тому назад... Есть человек... Ну, одним словом, я встретила человека, который...

Ораз решительно поднялся с места.

— Все понятно. Значит, не переедешь.

— Нет, дорогой, не перееду! Не могу я и не хочу, и не надо нам этого! Ты с Ажар-то помирился?

— Нет, пока ты не вернешься, миру у нас не будет. Прощай.

И он вышел, не подав ей руки.

Они встретились на другой день в цехе. Ораз сам первый подошел к Дамеш.

— Ну,— сказал он,— сегодня хочу испытать на практике то, о чем мы говорили тогда в больнице. Помнишь тот разговор? Ну вот, сейчас увидишь все сама. Идем скорее к печи, вот к той, к средней. Сейчас мы будем из нее выпускать металл. Геннадий, сколько еще осталось до конца варки?

— Да уж пора,— ответил Геннадий.

Дамеш взглянула на часы.

Все движения Ораза сегодня были точны и экономны, он не суетился, не торопился, не произносил ни одного слова; все лишнее сейчас только сбивало бы с толку.

Пламя выло, глухо гудело в глубине печи и время от времени вырывалось оттуда. Ораз быстро открывал заслонку и вываливал в рванувшееся к нему пламя весь груз шихты. Теперь пламя задавлено шихтой. Шел густой черный дым. Он клубами бил в потолок. Печь была загружена.

Дамеш посмотрела на часы. Вся операция заняла две с половиной минуты, на полминуты больше, чем она думала; она считала, что выгрузка займет ровно две минуты, затем пять минут на разогрев печи. Только после этого можно засыпать вторую мульду. Все дело в том, чтобы ее правильно разбросать, а не валить кучей.

Дамеш наблюдала за работой бригады из стеклянной будки с измерительной аппаратурой. Она видела: вот Ораз скрылся в густых клубах дыма, а когда дым рассеивался, его было трудно узнать: он был черен как негр, блестели только глаза и зубы. Ораз подошел к будке, взял бутылку нарзана, зубами открыл пробку и начал пить прямо через горлышко. Бригада его тоже вся была на ногах: Кумысбек дежурил у окошечка, у печи — Гена, Куан, Кеша — все на своих местах; не слышно ни смеха, ни разговора. Бригада работала четко, но все-таки и в этот день сократить время выдачи стали ей не удалось. Это еще впереди.

Глава пятая

В больничной машине, сидя рядом с шофером, Аскар думал о самых разных вещах. Но неизбежно мысль его возвращалась к Муслиму.

Вот на партийном собрании он, говорят, заявил с трибуны, что у него производственный стаж двадцать лет... Жалко, что Аскар не пошел на это собрание, он бы всем объяснил, чем наполнены были эти двадцать лет. Впрочем, при чем же тут Аскар... Муслим должен ответить перед своими товарищами, и они сами, без помощи Аскара, поймут, что за человек Муслим. Пусть только придет тот срок. И по всему видно, что срок этот уже подходит.

Город пробуждался. Из заводских труб валил черный дым. На улицах много народу. Одни шли с завода, другие отправлялись на завод, кто спешил на базар, кто — в магазин.

Стой, а это кто?! Да это же Айша! Куда ее понесло в такую рань? Больница ее совсем в другом районе. Все равно, куда бы она ни шла, хорошо, что он ее увидел. Впрочем, нет, это не она — он ошибся. А жаль, что не она! Очень жаль. Ведь он дня не может прожить, если они не встретятся. Вот вчера он заехал к ней в больницу, и они после обхода просидели около часа, говорили об обычных вещах, и слова были самые обычные, но как важны эти слова... А как осунулась Айша за последнее время, как похудела, побледнела, какой стала нервной, рассеянной. Назначает свидание и тут же забывает о нем. А может, не забывает, просто боится прийти? Может, хочет порвать с ним, да все не решается?

Машина остановилась перед больницей. Кивнув головой шоферу, Аскар вышел из нее и направился в кабинет главврача. Вот уже несколько месяцев, как он главный врач больницы. За это время он сумел перестроить всю работу, даже в мелочах. Больница обслуживала три крупных объекта — строительство жилкомбината, столовую и общежитие. Аскар к каждому объекту прикрепил медсестру.

Раз в день эти медсестры должны были делать обход и выяснять, кто болен, одних записать на прием, другим оказать помощь на месте. Это было хорошее начинание, и городская газета поместила большую статью о докторе Сагатове.

Аскар вынул из шкафа новый докторский халат, надел его и вызвал сестру, чтобы идти на обход. Вдруг в дверь постучали — вошел секретарь горкома Базаров, а с ним управляющий «Казметаллстроля».

— Здравствуйте, товарищ доктор,— сказал Базаров весело.— Что? Уже в халате, с молоточком в руках? Утренний обход... А нам разрешите принять в нем участие?

— Пожалуйста,— приветливо сказал Аскар.— Сестра, подайте, пожалуйста, гостям халаты. Тяжелобольных у нас сейчас, товарищи, нет.

— Ладно,— сказал Базаров, натягивая халат.— Знаем, доктор, твою работу. Знаем и ценим. Ты вообще у нас молодец. Вот ввел обход рабочих участков — это ты здорово придумал. Иногда поранит рабочий руку и целый час стоит в очереди на перевязку. А сколько бы мог он за этот час дел переделать? Но вот что, тут, около вас, есть столовая строителей. Вы туда хоть иногда заглядывайте.

— Ну, конечно, заглядываем,— сказал Аскар.— Сестра бывает там каждый день — снимает пробу, иногда и я забегаю, ну, правда, не так часто. Дел много...

— Да знаем, знаем,— сказал Базаров и вдруг внимательно посмотрел на Аскара.— Слушайте, доктор, мы у вас зайдем не больше получаса — пройдемте с нами в столовую, надо посмотреть, что там происходит. Отложите обход на полчаса, хорошо? — и он сбросил с себя халат.

Столовая помещалась в отдельном финском домике, недалеко от больницы. Они зашли с черного хода и попали прямо в кухню. Повара готовили обед, двое помощников повара сидели над бочкой и чистили картошку, подручный в белом колпаке и куртке стоял над плитой и что-то помешивал в котле.

— Покажите-ка нам меню,— попросил Базаров.

Главный повар принес лист бумаги с напечатанным на машинке перечнем блюд и остановился перед посетителями, поглядывая то на одного, то на другого.

— Ну как, рабочие довольны обедом? — спросил его Базаров.

— Жалоб еще не слышали,— скромно ответил повар.

— Да? — Базаров снова заглянул в меню.— Ну, очень хорошо! А порции как? Не малы?

— Что ж, порции как порции. Меньше нормы не даем,— повар развел руками.

— Если так, то хорошо,— сказал Базаров.— А то

поступают жалобы, говорят, что и порции малы, и готовите вы невкусно, картофель с кожурой варите, а в ухе чешуя плавает. Правда это?

Базаров не спускал глаз с повара. Смотрел на повара и Аскар. Где же он встречал этого человека? Маленький узкий лоб, запавшие глаза, крючковатый нос, волосы черные, жесткие, брови мохнатые, густые, да где же, где же он его видел?

— Нет, жалоб мы таких не слышали,— ответил повар.— Да вы можете посмотреть жалобную книгу. Правда, иногда приходится всех поваров снимать и ставить на разделку — транспорт подводит. Если подвезут продукты вовремя, мы все делаем как следует, а если опоздают, то тогда и приходится вертеться. Ведь мы и на десять минут не можем задержать утренний завтрак или обед. Конечно, в спешке всякое может случиться, и картошка может проскользнуть недочищенная. Это отрицать нельзя... Бывает.

— Да? — Базаров повернулся к Аскару.— Доктор,— сказал он.— Возьмите, пожалуйста, эту столовую под ваше особое наблюдение, надо толком разобраться, почему люди недовольны.

Когда они вышли из столовой, Базаров подхватил Аскара под локоть.

— Тут недалеко строительство домны,— сказал он.— Если у вас есть десять минут, пойдемте туда с нами.

Они пошли к домне. Она была огромна, как гора. Сверху доносился глухой шум и треск. То тут, то там вдруг начинали бить фонтаны, струйки, ослепительно вспыхивало белое пламя. Это работали электросварщики. Один из них стоял, обняв трубу, над сорокапятиметровой пропастью. Стоило ему сделать одно неосторожное движение, и он мог полететь вниз. Но у него не кружилась голова, и он спокойно стоял, и даже не видно было, чтобы он чувствовал высоту.

Осмотрев домну и поговорив с рабочими, гости сошли вниз. Аскар поехал обратно в больницу.

Сегодня он решил не задерживаться на работе. Для этого у него были основания. Дело в том, что сейчас он занимал квартиру главврача на территории Магнитки. Квартира была большая, с ванной и отдельной кухней, но Аскар часто ночевал в городе у Дамеш. Поэтому квартира его была не обставлена, не устроена. Да Ас-

кар и не испытывал в этом необходимости. Кроме того, ему трудно было прожить несколько дней, не повидавшись с Дамеш.

Но сегодня Аскар позвонил Лиде и сказал, чтоб она передала Дамеш, что он не сможет прийти, так как его задерживают дела. И действительно, он не соврал, дело у него было очень важное. К нему должна была прийти Айша. Сколько раз ее он звал к себе, а она всегда отказывалась под разными предлогами, а сегодня вдруг сама сказала, что придет. В последнее время она вела себя так странно, что Аскар просто перестал ее понимать. Она, например, очень радовалась, когда он звонил ей по телефону. А стоило ему встретиться с ней, и сразу все менялось: она становилась сдержанной и замкнутой, о себе ничего не рассказывала, на вопросы отвечала коротко и скупой и в общем была совсем не той, что раньше. Но сегодня он все-таки решил поговорить с ней до конца. Только бы она пришла!

Айша явилась в точно назначенное время. Аскар, увидев ее из окна, бросился навстречу.

Они вошли в дом, и Аскар повел ее по комнатам.

— Да, квартирка хоть куда,— сказала Айша.— Конечно, с мебелью у тебя не все в порядке.

— Да, конечно, у меня почти ничего нет,— смутился Аскар.— Да ничего. Были бы деньги!

— Но недостает, по-моему, такого, что не купишь за деньги,— сказала Айша.

— Вот именно,— он развел руками.— Живу, как в могиле. Пустота...

— Значит, нужно заполнить эту пустоту,— задумчиво сказала Айша.

— Чем же? Вернее, кем же? Та, которую я хочу, не хочет меня.— Он дотронулся до плеча Айши.— Что же ты сидишь в плаще? — спросил он, не дождавсь ее ответа.

Он помог ей снять плащ и повесил его на стену.

— Эх ты, хозяин,— сказала Айша.— Кто же прибавляет вешалку к стене? Это же портит стены. Я подарю тебе такую вешалку, которая будет стоять, а не висеть.

— Да разве в вешалке дело! — сказал Аскар.— Знаешь, как сказал один мудрый казах: вещи — это как грязь на руках, помой, и они исчезнут. Ты мне про другое скажи.

— Про что же это?

— Не про что, а про кого.

Айша отвернулась.

— Моя жизнь в твоих руках,— вдруг сказал Аскар тихо.— Я хочу, чтобы ты мне сказала, что же мне теперь делать с собой.

Тут Айша вдруг обняла его за шею.

— Милый,— сказала она тихо.— Дорогой ты мой.

И тут она поднесла к глазам руку и начала рассматривать кольцо на пальце. Кольцо золотое, с синим камешком. Аскар тоже посмотрел на кольцо и подумал с горечью: золотой жук. Это Муслим ей подарил перед свадьбой. А у него, Аскара, никогда не хватило бы денег на такое кольцо. Это тот жук, что влез в ее жизнь и точит ее изнутри.

Плохо соображая, что он делает, Аскар вдруг сорвал с пальца Айши кольцо и с размаху бросил об пол.

— Вот тебе! — сказал он злобно.— Проклятый!

Кольцо покатилося по паркету и застряло в половилке. Айша молча смотрела на Аскара. Он снова обнял ее.

— Дорогой ты мой,— сказала Айша.— Хороший ты мой. Ну что же мы теперь...

...Было около десяти часов, когда Аскар, проводив Айшу, возвращался домой. Он шел один по длинной и прямой улице. Ему нужно было собраться с мыслями. Аскар дошел до столовой и остановился. Было уже поздно, но в столовой светилось одно окно. «Неужели до сих пор работают?» — подумал он и, подойдя со стороны двора, резко рванул дверь. Она сразу же открылась, и он увидел, что там человек шесть сидело за столом. На столе между двумя бутылками стояли тарелки с икрой и солеными огурцами.

— Здравствуйте, товарищи,— сказал Аскар, проходя в комнату.

Он снова внимательно посмотрел на сидящего здесь старшего повара.

Да где же, черт возьми, он видел этого чернявого человека? И вдруг вспомнил: узкий лоб, крючковатый нос. Это ведь... Ему сразу стало жарко, и он на минуту закрыл глаза, чтобы успокоиться. Да, изменился за эти годы человек, так изменился, что и не узнаешь даже. Усы

побрил. И одет совсем иначе. Вот какие у него теперь желтые ботижки, а тогда он носил тяжелые сапоги несокрушимой крепости. У Аскара до сих пор ноет бок после удара этого сапога. Били в том лагере по бокам, чтобы сразу сломать ребра.

— Вы извините, что побеспокоил,— сказал Аскар,— но тут такое дело. Вы уже знаете, что в горком поступили жалобы от рабочих на плохое питание. Вот мне и поручили поговорить с поварами, узнать, в чем дело: продукты ли плохие, оборудования ли не хватает? Да вы сидите, товарищи, я ведь на одну минуточку!

Он говорил, а сам смотрел на старшего повара. По всему видно, что он здесь главный. Не только ботижки у него желтые, но и халат особый, и держится он тоже свободнее всех.

— Да мы уже кончили,— сказал старший повар.— Садитесь, пожалуйста. Ну, а на что же рабочие жалуются? Долго ждать им приходится или подают грязно?

Он отошел от стола.

— Да, какие же жалобы? — повторил другой повар, подходя к Аскару.

— Пишут,— сказал Аскар,— что в котлетах у вас один хлеб.

— Чудеса! — усмехнулся пожилой повар.— А кто это пишет, не секрет?

— А тебе зачем знать? — повернулся к нему старший.— Кто бы там ни писал, а жалоба есть жалоба. Вы, товарищ, пройдите к плите, мы сейчас будем производить закладку, увидите как и что.

— Спасибо, но сейчас я не могу, сейчас я тороплюсь.

Аскар теперь прямо смотрел в лицо старшего повара.

— Кстати, старший повар здесь вы? Да? А звать вас как?

— Тихон Силыч,— сказал старший повар.

«А тогда как его звали? — подумал Аскар и сейчас же вспомнил: — Нехай, Остап Нехай».

— Тихон Силыч,— спросил он.— Вы всегда сами получаете продукты?

— Всегда сам,— решительно ответил он.

— И когда их взвешивают перед закладкой, то тоже всегда присутствуете?

— Ну что за вопрос! — воскликнул повар. — Конечно. Всегда присутствую!

Это была его интонация, его манера говорить. Он выговаривал «ге» мягко, с придыханием.

«Хад ты едакий!» — кричал он тогда.

«Он. Он! Надо скорее уходить, пока он меня не узнал».

— Ну, извините, товарищи, — сказал Аскар. — Я тороплюсь. Завтра встретимся, — и вышел.

«Остап Нехай, это он, — твердил Аскар, шагая по улице. — Скорее, не опоздать бы».

Но кажется, и Нехай тоже сообразил что-то. По крайней мере, когда он говорил, глаза у него бегали, на Аскара он взглянул только один раз, а потом смотрел в сторону.

Но как Нехай попал в Казахстан? А почему, собственно говоря, он не мог приехать в Темиртау? Ведь родился он в Западной Украине, туда сунуться не посмет. Да... Когда Маутхаузен попал в руки союзников, они, наверно, передали Остапа Нехая как пленного частям Советской Армии. Он и назвался Тихоном Сильчем. Документы на такой случай, вероятно, припас. Все предусмотрел Остап Нехай, только вот этой встречи предусмотреть не смог.

«Вот так они и попадают, — подумал Аскар и вдруг остановился. — Да, но кто же он? Бежавший гитлеровец или шпион? А если шпион, так кому он служит? Тем ли, кому попал в руки сначала, или тем, у кого очутился потом?...»

Тут Аскар заметил, что навстречу ему несется зеленый огонек такси, и поднял руку.

— В Темиртау, — сказал он шоферу.

Сидя в машине, он думал о том, что же ему теперь делать. Ведь и ошибка, в конце концов, тоже возможна, скажем, он сообщит обо всем секретарю горкома, тот позвонит, куда следует, повара арестуют, а потом окажется, что это ошибка. Что потом о нем скажет тот же Базаров? «Э! — скажет секретарь. — Это же ненормальный человек, у него мания преследования! Немцы так его напугали, что в каждом он видит шпиона. Вы знаете, как он у нас изловил главного повара? А вот послушайте, я вам расскажу прелюбопытнейшую историю...»

Нет, не годится идти к Базарову. А пойдет он к Каиру и поговорит с ним. Каир — парень дельный и самостоятельный, если и выйдет какая ошибка, болтать не будет. Недавно они всей семьей — Дамеш, Лида, Иван Иванович — были в гостях. Много выпили, веселились, пели хором, но Каир глядел только на Дамеш, слушал только ее. Возвращаясь, Аскар тихо спросил Дамеш о том, какие у нее отношения с Каиром. Дамеш подумала и ответила, что ровно никаких, иногда он ей очень нравится, а иногда она в нем совсем разочаровывается, тогда и двух слов сказать с ним не хочет. Вот так они и ходят один около другого пять лет. «Земля и спутник», — сказала она, улыбаясь.

Лида и Иван Иванович давно обогнали их, пришли домой и даже свет потушили. А они все ходили по улице и разговаривали.

— Черт знает что... Пять лет! — сказал Аскар. — Для влюбленного пять лет — целая вечность! Но если эти пять лет он тебя ждет, значит, любит, а раз любит, так это все.

— Нет, это мне нравится! — воскликнула Дамеш. — А если я не люблю его, так что?

— Дорогая моя, — Аскар обнял ее за плечи. — Любят-то все по-разному, судя по характеру. Один любит сурово, молча, другой весело и смеясь. У одних любовь разгорается мгновенно, другие ее вынашивают долго.

Тут Дамеш рассмеялась так громко, что Аскар даже возмутился.

— Тише ты, сумасшедшая, людей разбудишь! — прикрикнул он на нее. — Им рано вставать.

Они сидели на скамейке под самым окном.

— Ой, дядюшка, ой, милый! — обняла его Дамеш. — Вы же любовь с яйцом сравнили: выношена, не выношена. Вот что значит медик.

С этого разговора прошло всего три дня.

...Двери Аскару отворил сам хозяин. Каир был весел и возбужден. ворот рубашки у него расстегнулся, рукава были засучены. Увидев Аскара, он очень обрадовался.

— Вот это кстати, — сказал он весело. — Как говорится, ночному гостю и дорога счастливая!

Аскар стал извиняться.

— Каир, мне хотелось бы сказать вам несколько

слов наедине,— сказал Аскар.— Дело очень спешное. Если гости не возражают.

— Ну, что ж, дело есть дело,— сказал Курышпай.— Идите, говорите и приходите обратно!

Каир взял Аскара под руку, повел его в кабинет.

Говорили они недолго. После первых же слов Аскара Каир снял трубку и позвонил в Комитет госбезопасности.

Ночью повар был задержан на вокзале с чемоданом в руках. Он готовился сесть в поезд на Алма-Ату.

Глава шестая

Муслим сидел и вспоминал прошлое. Да, было время, когда ему все сходило с рук, а сейчас жизнь повернулась к нему боком, и не поймешь, какая она и за кого она. Шенок, которого он сам вырастил, теперь кидается на него. Давно ли Каир почтительно слушал Муслима и бормотал: «Поступаю в ваше распоряжение, жду направления», а теперь, как стал директором, так все и позабыл. А Муслим-то на него надеялся, как на своего, называл младшим братом. Хорош брат!

Уже поздно, уже два часа ночи, а он еще не решил, что ему делать. Ясно, надо писать, надо жаловаться. Но время-то теперь не то! Однако попытаться надо.

Муслим начал писать:

«Каир Альжанов смотрит на завод, как на свое поместье. Весь инженерно-технический персонал подобран из родственников Альжанова. На командных должностях работают: зять директора, отец зятя директора, невеста директoра, некая Дамеш Сагатова, затем...» Дойдя до этого места, Муслим взял ручку и перечеркнул все написанное. Три человека на три с половиной тысячи работников завода — это, конечно, не так много. Нет, надо начинать с другого конца:

«Критику директор не терпит и беспощадно расправляется со всеми, кто осмеливается громко говорить о его недостатках,— писал Муслим.— Так однажды, когда товарищ Игламбек выступил на собрании с резкой и справедливой критикой зятя директора...»

Муслим опять задумался. Что ж тогда случилось с Игламбеком? Да ровно ничего! Не уволили его, не да-

ли выговора! Вот свинство... Муслим бросил ручку и начал ходить по комнате. Нет, раньше было много легче. Тогда и доказательств особых не требовалось — только пиши и обвиняй. А может, это он постарел настолько, что не знает, как надо писать? Неужели он потерял все чутье, знания, авторитет?

«Директор говорит,— писал дальше Муслим,— «...завтрашние хозяева нашего завода — это казахисталевары и казахигорновые, надо делать ставку именно на них».

«Да,— подумал Муслим.— Это хорошо, что Каир так сказал. Ведь это опасная завиральная идея, от нее и до национализма один шаг. Вот первое, о чем надо говорить и писать, и второе: Дамеш и авария. Заводу были нанесены крупные убытки, он, Муслим, с ней поступил гуманно, по-отечески, не оштрафовал ее, не уволил. Не справилась ты с работой? Тяжела она тебе? Ну что же! Ты женщина. Ты слаба, ты рассеяна, у тебя мало опыта, так прояви же себя на другой работе. С завода тебя никто не гонит. Но Дамеш не согласна с этим, и поэтому директор, вернувшись на завод, отменил приказ главного инженера. Отменить приказ, согласованный с совнархозом! Почему? Как? Да потому, что Дамеш — невеста директора. Только и всего. Вот вам и второй факт. Кроме того, необходимо сообщить об Аскаре. Кто он такой, откуда взялся? Что ему надо на заводе? Затем Ораз. Как это так случилось, что его бригада из передовой стала отстающей? А директор его покрывает».

Наутро, сидя в машине и направляясь в обком, Муслим снова (в который раз) мысленно излагал свою речь перед секретарем обкома.

В горкоме он уже побывал. Секретарь горкома вел себя не очень определенно. Когда Муслим рассказал ему о том, как Каир восстановил Дамеш на работе, Базаров только сдержанно заметил: «Ну, наверно, были у директора какие-то свои соображения, и поэтому он и отменил ваш приказ. На то он и директор». И больше Базаров не прибавил ни слова. Раньше он никогда с ним так не говорил. Помнил, как Муслим спас его в свое время в министерстве от крупных неприятностей. Тогда во время строительства Бухтарминской ГЭС Базаров наделал немало ошибок; скандал был бы обязательно, если бы не Муслим. Он поддержал, помог, дал

Базарову хорошую характеристику. И тогда он ему чуть руки не целовал, а сейчас все забыл. Ох, и коротка же у человека память на добро! До чего коротка...

— А ну-ка, останови машину, — приказал Муслим шоферу, увидев идущую по улице женщину: «Вот, кстати, технический секретарь обкома.»

— Садитесь, довезу вас! — крикнул он ей весело, та узнала его и улыбнулась.

— Да тут недалеко, — сказала она.

— Садитесь, садитесь, — замахал руками Муслим. — Что за разговор!

Муслим сказал, что как раз сегодня он думал о ней всю дорогу.

— В чем дело? — спросила она.

— А вот в чем. Сегодня я должен зайти к секретарю обкома. Есть дело, и серьезное.

— Серьезное? — переспросила женщина.

— Да, очень серьезное, — ответил Муслим. — Я не стал бы беспокоить по пустякам такого занятого человека, как товарищ Саркисов. Сам был когда-то заместителем министра, понимаю, как мало времени у товарища Саркисова, только крайняя нужда заставляет.

— Хорошо, — согласилась женщина. — Я запишу вас на прием первым.

Муслим просиял. Вот что значит вовремя вернуть нужное слово!

Первый секретарь обкома, высокий смуглый человек с курчавыми волосами, встретил его у двери. Он поздоровался и усадил Муслима в кресло. Закурили. Они знали друг друга еще по прежней работе в Алма-Ате.

— Ну, как у вас дела на заводе? — спросил секретарь.

— Трудимся, товарищ Саркисов! — ответил Муслим. — А как вам у нас нравится? Вошли, так сказать, в курс дела?

— Да нет, еще знакомлюсь, — ответил Саркисов. — Вот все собираюсь к вам в гости. Это хорошо, что вы приехали. Вы говорили, что у вас ко мне какое-то срочное дело?

— Да, надо было бы серьезно потолковать, — вздохнул Муслим. — Условия работы нашего завода особые, специфические, — он наклонился и доверительно дотронулся до колена секретаря. — Поэтому у нас не все лад-

но. Я очень рад, что сейчас секретарем у нас именно вы,— сказал он прочувствованно.— Вашего предшественника мы, например, не видели ни разу. Это, конечно, сказывалось во всем. Повторяю, у нас не все ладно, вот приедете и увидите.

— А что же у вас неладно? — секретарь взял со стола блокнот.— Вы говорите, а я буду записывать.

Муслим устроился поудобнее, тоже достал из кармана блокнот, положил его перед собой, открыл и начал говорить. Говорил он долго и обстоятельно, секретарь его почти не перебивал, только иногда задавал кое-какие вопросы.

— Так,— сказал Саркисов, выслушав все.— Давайте сразу же принимать меры.

Он вызвал свою помощницу и дал указание пригласить на завтра директора завода, секретаря первичной парторганизации и секретаря горкома.

— Ну, и вы сами приезжайте,— сказал он Муслиму.— Буду ждать вас к трем.

Муслим вышел от секретаря веселый — что ж, первая встреча прошла удачно, посмотрим, что будет завтра.

Когда на следующий день он пришел в обком, часы показывали три минуты четвертого. Эх, обидно, что запоздал. Он сразу же прошел к секретарю, там уже сидели все вызванные, Саркисов ходил по комнате и о чем-то говорил, Серегин улыбался. При появлении Муслима все замолчали. Муслим покосился на секретаря. Неужели уже нашли общий язык? Он прошел к столу и сел в то кресло, где сидел вчера.

— Извините,— сказал он легким поклоном,— запоздал, задержался в столовой.

— Бог простит,— улыбнулся секретарь.— Вас, конечно, а не столовую. В столовых у нас еще большие непорядки, люди иногда ждут по часу. Мы уже директору треста об этом говорили, да, видно, мало. А вы, товарищ Каир, пообедали? Отлично. Значит, можно начинать, а то известно, что сытый голодного не разумеет. У казахов это сказано еще лучше: нет злей голодного. Итак, начнем...

С этими словами Саркисов сел.

— Речь пойдет вот о чем,— сказал он.— Главный инженер завода товарищ Мусин недоволен положением дел. Свое мнение он мне высказал вчера. Сейчас, когда

мы все в сборе, давайте поговорим откровенно, — он нажал кнопку. — Первое слово ваше, товарищ Муслим.

Вошли две женщины с тетрадами и карандашами и сели за отдельный столик. «Стенографистки! Этого еще не хватало», — подумал Муслим.

— Самый главный наш недостаток, — начал он нарочито громким голосом, — это шаткость руководства. Я отвечаю за техническое состояние завода, за исправность его механизмов, но директор и секретарь парткома почему-то вмешиваются в мои дела и отменяют мои распоряжения. Товарищ Альжанов, уезжая в Москву, оставил меня своим заместителем, я принимаю решения, согласовываю их с совнархозом, но возвращается директор и отменяет эти распоряжения. Получается нелепость. И эту нелепость чувствуют все работники завода. Директор расшатывает мой авторитет, а ведь, кажется, он должен был бы его беречь, как и свой собственный.

— Факты, факты, — сказал Каир.

— Хорошо, сейчас будут и факты, — сказал Муслим, взглянув на Каира. — Только вы меня не перебивайте. Мы же в кабинете секретаря обкома, об этом хотя бы не забываете.

— Ну, ладно, — Саркисов постучал по столу карандашом. — Давайте говорить спокойно. Мы слушаем вас, товарищ Муслим.

— Перехожу к фактам. Есть у нас некая Дамеш Сагатова — инженер, коммунист, молодая красивая женщина. Все это, разумеется, хорошо, но плохо то, что эта Сагатова диплом инженера имеет, а настоящего опыта работы у нее нет и в помине. Отсюда очень многие неприятные для производства качества Сагатовой. В частности, ее демагогичность и истеричность. Она колотит себя в грудь, кричит о своих знаниях и одновременно устраивает аварию. Разве так можно? Ну, хорошо, ты кричать кричи, книжки читай, а работать нам все-таки не мешай. И вот я перевел ее из цеха на другую работу. Согласовали все, конечно, с совнархозом. Ну и что же? Приехал директор и снова поставил Сагатову в тот же цех, где она была. Почему? В чем дело? Начинаю дознаваться и узнаю: Сагатова — невеста директора.

Муслим торжествующе оглядел присутствующих, но все сидели молча.

Тогда Муслим начал рассказывать о том, как проходило заводское партийное собрание; потом перешел к бригаде Ораза, тоже, к слову сказать, близкого родственника директора; потом коснулся брата Дамеш Аскара и тут задал собравшимся несколько вопросов.

— Я бы хотел узнать,— сказал он,— откуда взялся этот человек? Что мы о нем знаем? Ничего, кроме того, что он был в плену, отбывал после этого длительный срок заключения, потом появился в Темиртау, и с тех пор на заводе начались всякие неприятности. Ораз, названный брат инженера Сагатовой, запил и слег в больницу, сама Дамеш, племянница этого самого Аскара, совершила аварию. А директор, Каир Альжанов, отнесится к этому одобрительно. Никому даже и в голову не пришло присмотреться к бывшему каторжнику, появившемуся вдруг в Темиртау. Отсутствие бдительности — это такой порок, который подчас ничем не окупить.

Муслим смотрел теперь на Каира. Тот сидел, опустив голову. Саркисов слушал внимательно, не спуская глаз с Муслима. Базаров чуть заметно улыбался, Серегин сидел хмурый и неподвижный.

— Директор у нас еще очень молод и неопытен,— продолжал Муслим.— Это, конечно, не вина его, а беда. Но есть и вина. Альжанов не любит тех, кто опытнее его, и всячески избегает советов. Берется за многое, а делает очень мало. Вернулся из Москвы и начал кричать «ура, обновляем нашу технику»... Прошло два месяца, и посмотрите сейчас на нашу технику — какой она была, такой и осталась. Правда, его невеста Дамеш Сагатова предложила проект, относящийся к процессу варки стали, не проект даже, а школьное упражнение. И директор, заметьте, уверенный, что из этого проекта ничего не получится, отдает приказ приступить к его осуществлению. Почему? Чтобы не обидеть изобретательницу! Как вы хотите, но так расточать государственные средства — это дело невозможное. Я хочу сказать еще вот о чем: товарищ Альжанов, как и я, казах и к казахам относится донельзя покровительственно. «В Казахстане,— говорит он,— ключи от техники должны находиться в руках казахских инженеров». И для осуществления этого лозунга он собирает вокруг себя ленивых, недобросовестных, неработоспособных людей, только были бы они казахами. Это очень скользкий путь!

Мы знаем, к чему это может привести. В результате всего этого на заводе совершенно невозможная обстановка. Я, главный инженер, тяну завод в одну сторону, а директор — в другую. Я строил этот завод, директор на него пришел только вчера, и вот мне, старику с седой головой, приходится угодать юноше, только недавно покинувшему студенческую скамейку. Как хотите, это не дело!

С хорошо разыгранным волнением Муслим встал, подошел к открытому окну, облокотился на подоконник и закурил.

— Так,— Саркисов поглядел на Каира.— Товарищ Альжанов, вы ничего не хотите нам сказать?

Каир поглядел на Серегина, тот кивнул головой: мол, говори, не робей.

— Ну что ж, товарищи,— сказал Каир.— Все, о чем говорил нам главный инженер, все это в том или ином виде есть в действительности. И все-таки в том виде, как нам это представил главный инженер, это ложь. Взять хотя бы историю с Аскарком Сагатовым. Да, доктор Сагатов был в плену, а потом в заключении. Ныне он реабилитирован и восстановлен во всех советских и партийных правах. Его племянница инженер Сагатова предложила нам проект, и мы будем его использовать, потому что это действительно дельный, многообещающий проект, и вы, товарищ Мусин, не могли найти в нем ни одной ошибки, а искали долго. Говорил ли я, что казахи должны овладеть техникой? Конечно, говорил и буду говорить, буду подбирать и учить людей, но не для тех целей, которые мне приписывает Мусин. Одним словом, речь главного инженера получилась клеветническая.

— Замолчать, мальчишка! — Мусин ударил кулаком по столу.— Товарищ секретарь, да что же это такое?

— Спокойно, товарищ Мусин,— Саркисов поднял руку.— Вас не перебивали, не перебивайте и вы!

— Я не хотел оскорбить главного инженера,— сказал Каир.

Мусин почувствовал, что ему нечем дышать, он растегнул воротник рубашки. Саркисов увидел это и покачал головой. Муслим тоже поглядел на него: «Вот видишь,— говорил его взгляд.— Видишь, что делают эти мальчишки... Не выдавай же старого друга».

Тогда Муслим начал рассказывать о том, как прошло заводское партийное собрание; потом перешел к бригаде Ораза, тоже, к слову сказать, близкого родственника директора; потом коснулся брата Дамеш Аскара и тут задал собравшимся несколько вопросов.

— Я бы хотел узнать,— сказал он,— откуда взялся этот человек? Что мы о нем знаем? Ничего, кроме того, что он был в плену, отбывал после этого длительный срок заключения, потом появился в Темиртау, и с тех пор на заводе начались всякие неприятности. Ораз, названный брат инженера Сагатовой, запил и слег в больницу, сама Дамеш, племянница этого самого Аскара, совершила аварию. А директор, Каир Альжанов, отосится к этому одобрительно. Никому даже и в голову не пришло присмотреться к бывшему каторжнику, появившемуся вдруг в Темиртау. Отсутствие бдительности — это такой порок, который подчас ничем не окупить.

Муслим смотрел теперь на Каира. Тот сидел, опустив голову. Саркисов слушал внимательно, не спуская глаз с Муслима. Базаров чуть заметно улыбался, Серегин сидел хмурый и неподвижный.

— Директор у нас еще очень молод и неопытен,— продолжал Муслим.— Это, конечно, не вина его, а беда. Но есть и вина. Альжанов не любит тех, кто опытнее его, и всячески избегает советов. Берется за многое, а делает очень мало. Вернулся из Москвы и начал кричать «ура, обновляем нашу технику»... Прошло два месяца, и посмотрите сейчас на нашу технику — какой она была, такой и осталась. Правда, его невеста Дамеш Сагатова предложила проект, относящийся к процессу варки стали, не проект даже, а школьное упражнение. И директор, заметьте, уверенный, что из этого проекта ничего не получится, отдает приказ приступить к его осуществлению. Почему? Чтобы не обидеть изобретательницу! Как вы хотите, но так расточать государственные средства — это дело невозможное. Я хочу сказать еще вот о чем: товарищ Альжанов, как и я, казах и к казахам относится донельзя покровительственно. «В Казахстане,— говорит он,— ключи от техники должны находиться в руках казахских инженеров». И для осуществления этого лозунга он собирает вокруг себя ленивых, недобросовестных, неработоспособных людей, только были бы они казахами. Это очень скользкий путь!

Мы знаем, к чему это может привести. В результате всего этого на заводе совершенно невозможная обстановка. Я, главный инженер, тяну завод в одну сторону, а директор — в другую. Я строил этот завод, директор на него пришел только вчера, и вот мне, старику с седой головой, приходится угождать юноше, только недавно покинувшему студенческую скамейку. Как хотите, это не дело!

С хорошо разыгранным волнением Муслим встал, подошел к открытому окну, облокотился на подоконник и закурил.

— Так,— Саркисов поглядел на Каира.— Товарищ Альжанов, вы ничего не хотите нам сказать?

Каир поглядел на Серегина, тот кивнул головой: мол, говори, не робей.

— Ну что ж, товарищи,— сказал Каир.— Все, о чем говорил нам главный инженер, все это в том или ином виде есть в действительности. И все-таки в том виде, как нам это представил главный инженер, это ложь. Взять хотя бы историю с Аскарком Сагатовым. Да, доктор Сагатов был в плену, а потом в заключении. Ныне он реабилитирован и восстановлен во всех советских и партийных правах. Его племянница инженер Сагатова предложила нам проект, и мы будем его использовать, потому что это действительно дельный, многообещающий проект, и вы, товарищ Мусин, не могли найти в нем ни одной ошибки, а искали долго. Говорил ли я, что казахи должны овладеть техникой? Конечно, говорил и буду говорить, буду подбирать и учить людей, но не для тех целей, которые мне приписывает Мусин. Одним словом, речь главного инженера получилась клеветническая.

— Замолчать, мальчишка! — Мусин ударил кулаком по столу.— Товарищ секретарь, да что же это такое?

— Спокойно, товарищ Мусин,— Саркисов поднял руку.— Вас не перебивали, не перебивайте и вы!

— Я не хотел оскорбить главного инженера,— сказал Каир.

Мусин почувствовал, что ему нечем дышать, он растегнул воротник рубашки. Саркисов увидел это и покачал головой. Муслим тоже поглядел на него: «Вот видишь,— говорил его взгляд.— Видишь, что делают эти мальчишки... Не выдавай же старого друга».

После Каира слово взял Серегин. «Эх, не сломал я тебе вовремя голову,— подумал Муслим,— вот ты и лаешь».

— Я буду краток,— сказал Серегин.— Тут шла речь о Сагатовой, о ее проекте. Говорили: молодая, красивая женщина. Это все так! Но она еще и знающий инженер, товарищ Саркисов. И проект ее тоже очень интересен. Умный проект! Именно о нем мы не раз разговаривали с товарищем Мусиным. И очень крупно разговаривали, чуть ли не до крика. Так что, видите, винить одного Альжанова никак не приходится. Тут еще и парторг виноват.

— Парторг виноват прежде всего потому, что у него нет своего лица! — крикнул Мусин.— Директор говорит, а парторг поддакивает.

Серегин засмеялся.

— А как же мне не поддакивать, если я согласен? А согласен я потому, что все эти вопросы мы решали вместе. Вот хотя бы насчет того, что казахи должны овладевать техникой. Ну, разве это не правда? Разве из казахов не должны выходить инженеры, сталевары, мастера литейного дела? А вы ведь что говорите, товарищ Мусин? Что не надо растить национальные кадры. Разве это линия нашей партии? Нет, это ваша собственная линия, товарищ Мусин. Вы же говорите своим соотечественникам — не суйтесь с суконным рылом в калашный ряд: ваше дело овец гонять по степи, а производство не ваше дело. Ну, что можно сказать об этом? Директор вам уже ответил. Подготовка казахов-сталеваров и казахов-горновых — это дело государственной важности. Именно так наш директор Каир Альжанов и ставит вопрос. Но только ставить вопрос — это мало! Надо еще уметь убеждать и растолковывать. Люди, привыкшие к степи, на наши заводы и фабрики идут еще неохотно. Значит, нужно побороть этот древний инстинкт, вдохнуть в них веру, интерес к производству. Вот это главное.

Серегин говорил не громко, но очень убедительно. Муслим несколько раз приоткрывал рот, хотел, казалось, что-то сказать, но так ничего и не сказал.

А Серегин продолжал:

— У нас в стране народы не разделяются на передовые и отсталые, на кочевые и оседлые. Пора казахам идти на завод. Вот вы, товарищ Мусин, боитесь даже

слово «казах» произнести. Как бы вас не обвинили в национализме...

Муслим слушал и горестно думал: ну, понес! Сел на своего любимого конька. Теперь уж его ничем не остановишь. Вот демагог! Ладно, говори, говори! Твое слово не камень, оно не убьет и не потопит. Вот что Базаров скажет? Он человек вялый, язык у него подвешен не особенно ловко. Как бы он не повернулся в другую сторону. Забыл, сукин сын, старое добро. Когда его сняли с работы, я взял его в свою канцелярию управляющим! Забыл, все забыл!

— Городской комитет,— сказал Базаров,— в курсе всего, что сегодня говорил главный инженер. Тогда мы не вмешивались в это дело об инженере Сагатовой просто потому, что считали неудобным подменять руководство завода. Это все-таки вопрос внутренний — так думали мы. Вероятно, это было нашей ошибкой. Во всяком случае, сейчас вмешаться придется. Товарищ Муслим, что такое вы здесь говорили об Аскаре Сагатове? Я ушам своим не поверил. Аскар Сагатов — настоящий советский человек, коммунист. То, что он перенес и плен, и лагерь и вышел из всех этих испытаний таким же коммунистом, каким был, и является подтверждением его моральной стойкости.

— Не слишком-то ручайтесь! — крикнул Муслим.

— Ну, почему же не ручаться? Я ручаюсь! — ответил Базаров. — А вот вы-то... Ну, ладно! Товарищ секретарь обкома сам все скажет! Мы же у него в кабинете.

Муслим сидел как в чаду. У него ухало в висках, горело лицо. Вдруг что-то сильно заломило в груди. Неужели опять сердце? Неужели он впрямь потерпел поражение? Теперь все зависит от секретаря обкома.

Саркисов встал из-за стола и долго молчал.

— Товарищи,— сказал он каким-то совершенно новым, резким, жестким голосом,— вот здесь высказывали разные мнения насчет причин разлада руководства на заводе. Все это мы выслушали, зафиксировали и будем обсуждать на бюро обкома. Тогда и будет вынесено окончательное решение. А сейчас мне хочется только сделать некоторые предварительные замечания. Товарищ директор, вы правы, когда говорите, что технике сейчас принадлежит главенствующая роль. Правильно, передовая техника нам нужна как воздух! Но дело, ко-

нечно, не в одной технике, дело еще в людях; и то, что вы занялись воспитанием национальных кадров, говорит о вашей незаурядной политической чуткости. Поэтому желаю вам всего хорошего. Идите по этой дороге, и тех, кто вам будет мешать, бейте прямо наотмашь. А вы,—он посмотрел на Базарова.—Вы слабо руководите, товарищ Базаров, половинчато, безынициативно. И плохо, что свои ошибки вы признаете только тут. Вот об этом вам и надо будет подумать в дальнейшем. А мы тоже прочтем стенограмму и подумаем, тогда и решим. Ну, а пока до свидания!

Саркисов резко отодвинул стул и встал, за ним встали и все остальные. Муслим подошел к Саркисову. Они стояли друг перед другом.

— Адам Григорьевич! — сказал Мусин.— Вы не дали мне слова для ответа, поэтому создалось такое впечатление, что я...

— Эх! — Саркисов махнул рукой.— Это у меня создалось о вас было впечатление, это я проглядел вас!

Вечерело. Мягко сияло заходящее солнце. Муслим и сам не заметил, как шофер его домчал до Темиртау. Всю дорогу он хмурился, вспоминая подробности совещания.

«Не такое у меня было впечатление о вас», — сказал Саркисов. А какое же, дорогой? Такое, что любой юнец может наступить на горло Муслима, а он будет лежать под ним на земле и улыбаться. Если такое, то ты и правда ошибся. Муслим совсем не такой. Вот увидишь. Есть еще Алма-Ата, есть еще Москва... Есть ЦК партии. Посмотрим, как там поглядят на все...

Не доехав до своего дома, Муслим отправил машину, а сам пошел пешком. Ему надо было успокоиться. А то придет красный, возбужденный, с прерывистым дыханием, дрожащими руками, и Айша сразу обратит внимание. Начнет спрашивать, что случилось. Разве опять на сердце свалить? Давай! Вали! Сердце все выдержит! Тут он заметил, что кто-то сходит с крыльца его квартиры и идет к нему навстречу. Кто такой? Игламбек? Нет, как будто непохож. Игламбек выше и стройней. Впрочем, может быть, и он. Слух о заседании в обкоме успел уже разлететься по всему заводу, и люди, конечно, забеспокоились. Ведь если инженеры стоят за Каира, то

рабочие, вот вроде этого Игламбека, конечно, верят только Муслиму. Они знают, кто такой Муслим. И вдруг он чуть было не закричал — к нему шел Аскар Сагатов, каторжник. Сагатов, мысль о котором не давала Муслиму покоя все последние недели. Ах ты сволочь! Ведь в чем душа у тебя держится, а ты все кусаешься.

Муслим думал проскользнуть незаметно, но поздно, каторжник направлялся прямо к нему. Ну, что же...

— Здравствуй, товарищ Сагатов! Добрый вечер! — говорил Муслим громко и весело. Он протянул Аскару руку, но тот слегка отступил, и рука Муслима осталась висеть в воздухе. — Хотел зайти к тебе, — продолжал Муслим тем же тоном, — да все времени нет! Киплю как в котле. Да тебе, наверно, Айша рассказывала.

— Да, кое-что рассказывала, — ответил Аскар. — Говорила, как ты был рад моему возвращению и чего мне желал.

Муслим засмеялся.

— Да, да, желал! Желал тебе всего самого хорошего. Друг ты мой! Что прошло, то кануло в вечность. Это как дождь — налетит, про шумит, и опять небо чистое и ясное.

— Да, — усмехнулся Аскар, — пятнадцать лет хлестали меня эти ливни, пятнадцать лет над тобой сияло солнышко! Что ж, сухой мокрого не понимает!

Муслим покачал головой.

— Вижу, что ты все сердисься! — сокрушенно сказал Муслим. — А напрасно! Разве я по своей воле действовал? Разве многие тогда понимали что к чему? Не пророком я был, а таким же человеком, как и все вокруг.

— Ловко! — Аскар засмеялся и пошел прочь.

«Ну и черт с тобой, иди! — подумал Муслим. — А с женой сейчас иной разговор. Нашла себе друга. Нет, если ты мне жена, не вводи в мой дом того, кто точит на меня нож! Вот и весь разговор с тобой».

Муслим отпер входную дверь. В коридоре было темно. В комнате тоже темно. Он прошел в столовую и увидел Айшу. Два больших раскрытых чемодана стояли на полу, и Айша укладывала в них вещи. Сестра Муслима стояла у двери, горестно прислонясь к косяку, и смотрела на Айшу.

«Что такое происходит?» — подумал Муслим и почувствовал, как у него дрогнули колени.

Айша подняла голову от чемодана, лицо у нее было серое и хмурое. И дочка его Софья тоже глядела на него исподлобья.

— Ты что, в дорогу собралась? Так счастливый путь,— улыбнулся Муслим, пытаясь взять себя в руки.

Она взглянула на него спокойно и ответила:

— Да, уезжаю.

— Куда?

— В Алма-Ату. К отцу.

— Что ж так срочно? Отпуск получила, что ли?

— Да, получила отпуск,— ответила Айша сухо и ровно.— Я ухожу от тебя!

— Вот это действительно новость! — воскликнул Муслим.— А почему, можно тебя спросить?!

— Ты же все знаешь! — она посмотрела ему прямо в лицо.— Ты давно уже догадался обо всем. В этой квартире нам стало тесно. Когда останешься один, обдумай все.

Тут громко заплакала сестра, и Муслим тяжело опустился на стул. Опять сдало сердце.

Глава седьмая

В дверь постучали.

«Да!» — сказала Дамеш.

Вошла Ажар.

«О ком думаешь, тот к тебе и приходит», — подумала Дамеш.

Ажар была очень смущена, она смотрела на Дамеш ожидающе и тревожно.

— Заходи, заходи, Ажаржан,— ласково позвала Дамеш, называя подругу, как в детстве. Ажар покраснела и вдруг бросилась к Дамеш на шею.

— Ну, ну! Успокойся, глупая, успокойся! — Дамеш взяла Ажар за подбородок и заглянула ей в глаза.

— Прости меня. Я так тебя оскорбила,— всхлинула Ажар.

Дамеш погладила ее по волосам и сказала:

— Глупенькая ты, Ажаржан! Вот это самое и надо было сказать мне три месяца назад, а ты мучилась.

— Прости! — Ажар осыпала ее лицо поцелуями.

— Ну хорошо, сядь, успокойся! Ты теперь не винишь меня ни в чем?

— Ни в чем, дорогая, ровным счетом ни в чем.

— Вот и надо было тебе давно прийти и поговорить со мной обо всем.

— Не верила я тогда тебе. Ни тебе, ни ему.

— А сейчас поверила? Почему же?

Ажар засмеялась.

— Ну, я же вижу, что у тебя с Каиром.

— Постой, постой,— Дамеш осторожно освободилась из объятий Ажар.— Тут что-то опять не то. У меня никаких отношений с Каиром нет...

Лицо Ажар омрачилось, но она поцеловала Дамеш в щеку и тихо попросила:

— Не обижай ты его, он же любит тебя... У него без тебя и жизни нет.

Дамеш покачала головой.

— Дорогая, ну разве так можно говорить за другого?!

— Он мне не другой, он мне брат.

— Вот видишь,— печально улыбнулась Дамеш.— А Ораз мне разве не брат?

— Прости, дорогая, говорю — прости и не вспоминай.

Они снова обняли друг друга. Наконец Ажар сказала:

— Дамештай, я за тобой. Сегодня дедушка отправляется на курорт. Ораз его провожает, вот они и заехали за тобой. И дядю Аскара тоже просили привести. Собирайтесь, едем!

В комнате Курышпая было полно народу. Сегодня завод провожал старика на курорт. Кто только не пришел пожелать ему счастливого пути! Инженеры, сталевары, мастера и, наконец, сам директор. Вот он сидит и о чем-то разговаривает с Оразом.

Рядом с дедом сидел Иван Иванович,— как это он успел прийти раньше всех? На диване — Кумысбек, Генка, Куан, Кеша. За столом сидели Амиров и Серегин. К Дамеш подошла Акмарал, завитая и раздуманная.

— Проходи, проходи, милая,— говорила она.— Что стала на пороге, чай, не чужие! Эй вы, цыгане, что вы там так шумите? Каир, иди сюда. Дамеш пришла!

Каир подошел к Дамеш, помог ей снять пальто, усадил в кресло и сам опустился рядом.

— Дамеш,— сказал он,— я сегодня именинник. ЦК комсомола поддержало мою инициативу. Ты читала мою статью в «Комсомолке»: пятьсот казахских парней приезжают к нам учиться. Будут учиться на горновых и сталеваров.

— От всего сердца поздравляю,— Дамеш пожала руку Каиру.

— Теперь,— продолжал он,— нам нужен опытный инженер, а на худой случай даже технолог, который руководил бы их обучением.

— А почему кое-кого из них не направить в другие крупные центры черной металлургии — в Свердловск, в Челябинск, в Череповец? — спросил Амиров.

— Кое-кто и поедет туда, но надо учитывать и подготовку ребят,— ответил Каир,— не все из них даже владеют русским языком.— Он поглядел на Дамеш.— Будем обучать их совместно: ты, я, Ораз, Амиров. Считаться с работой не будем. Наша задача теперь их хорошо встретить и устроить на новом месте. Нужно хорошее общежитие, надо наладить нормальное питание. Поведем их по заводу, все покажем, расскажем, вообще, приохотим к нашему делу. Позор, если из них хоть кто-нибудь убежит обратно в степи!

— Никто не убежит! — воскликнула Дамеш.— Все останутся. Я ручаюсь тебе в этом!

Но тут подошла Ажар и всех пригласила в столовую. Дамеш посадили на самое почетное место. Первый тост подняли за Курышпая.

— Я поднимаю бокал,— сказал Каир,— за самого старого и самого уважаемого члена нашего коллектива. Сегодня мы отправляем его на курорт. Пожелаем же ему счастливой дороги и заслуженного отдыха. Пусть он сбросит там с плеч добрых три десятка лет и вернется к нам молодым и сильным.

Уже пять часов, как работала мартеновская печь. Пламя гудело, выло, билось о стены печи. Ораз внимательно следил за огнем. Он хорошо знал все повадки огня, знал, что огонь боялся его кочерги, чувствовал ее и сразу становился робким и послушным, отползал назад и гудел только за железной перегородкой печи.

Геннадий готовил кран для выборки стали, он очищал его от золы и продувал сжатым воздухом. Куан тоже наготове — в руках у него длинный блестящий черпак и станок для снятия пробы.

За движением огня, людей, механизмов зорко наблюдал дирижер всего этого согласованного оркестра — мастер Кумысбек.

Дамеш поднялась по железным ступеням на печечный пролет, вытащила из кармана синие очки, надела их и заглянула в огненные недра печи. Сталь бурлила, кипела ключом, как курт в казане.

Девять часов утра. Пора! Весь процесс занял шесть часов. Это рекордный срок. За такое время никто еще не выдавал стали. Но это не только самый короткий срок, это еще невиданная в мире производительность труда. Шесть часов плюс час на выпуск стали — это семь часов. Семь, а не восемь. Бригада выиграла одну восьмую рабочего дня. Теперь дело только в качестве. Ну, что ж, если они выиграли во времени, то авось в качестве не проиграют тоже.

— Кумысбек! — закричала Дамеш.

Он ее не слышал из-за лязга крана. Тогда Дамеш махнула ему рукой: пора. Кумысбек подошел к ней. Как всегда, на нем чистая рубаша с расстегнутым воротом и с засученными рукавами.

— Пора брать пробу, — сказала Дамеш.

Кумысбек кивнул и знаком приказал Оразу приступить. Ораз действовал быстро и точно. Нахмурившись и сосредоточенно сжав губы, он просунул в среднее окошко печи длинную железную ложку, погрузил ее в бурлящую сталь и осторожно зачерпнул. Потом поднес ложку к стакану и налил его до краев. Сталь лилась сплошной белой как сметана струйкой. Через минуту проба была снята. Куан пошел с ней в лабораторию.

Теперь наступал самый главный момент — надо было узнать, каково будет качество металла. А вдруг верно, что водород, находящийся в породе, соединился с металлом и вместо стального булата получится хрупкое стекло? Нет, эта сталь должна быть крепка и надежна. Она должна легче луча пронзать межпланетные пространства и как молот крушить арктические льды. Только такая сталь — сталь марки «Дамеш — Ораз», крепкая, мягкая, надежная, и нужна стране.

На печной пролет поднялись Каир, Амиров, Серегин, Касымов и еще кое-кто. Но они не подошли к Дамеш, а остановились поодаль, чтобы не мешать, и Дамеш тоже не подошла к ним: ей было не до них. Она только вынула платок, протерла лицо и посмотрела на Кумысбека. Он успокоительно кивнул головой: ничего, мол, лицо чистое. А потом дотронулся пальцем до кончика носа и показал: а вот здесь, мол, грязь! Дамеш стала опять тщательно вытирать лицо.

— Что с дедом? — спросила она Каира.

— Не беспокойся, уехал благополучно.

— А где-то теперь наш Муслим? — спросил Касымов, подходя к ним.

Все засмеялись.

— В больнице, — ответил Каир, — звонил я к нему домой, сестра ответила, что его отвезли в больницу. Позвонил в больницу, говорят, что поправляется. У него там с сердцем что-то...

По железным ступеням быстро избегали Куан и Епифанов. В руке у Епифанова бланк лабораторного анализа. Дамеш вырвала из его рук эту бумажку и начала читать. Каир тоже приблизил голову. Секунда молчания, потом Дамеш вскрикнула и бросилась на шею Епифанову.

— Победа, победа! — крикнула она.

Образец новой стали — увесистый темно-синий слиток — обошел весь круг. Он блестел и отливался матовым серебром, по нему, как молния, змеились темные линии.

— Вот это сталь, — сказал кто-то.

— Друзья! — сказала Дамеш громко. — Метод варки стали этого образца был выработан мной вместе с Оразом.

— Нет, — заторопился Ораз и покраснел. — Ты вот что, Дамеш, ты меня за собой не тяни.

— Справедливость прежде всего, — изрек Гена.

— Вот именно, — воскликнула Дамеш. — Последнее время мы работали вместе и, если бы не Ораз...

— Нет-нет, — снова заговорил Ораз, но его уже никто не слушал. Все бросились к нему поздравлять и пожимать руки.

— Все же это очень оригинально, — сказал Каир. —

Делать все без ведома директора на его же заводе. Герои-то вы, конечно, герои, но...

— Директор! — Дамеш махнула рукой. — Начальник цеха и тот не догадывался, а тут еще директор! У Ораза были свои мысли, у меня свои, вот мы их и объединили.

— Это здорово! — с восхищением сказал Серегин.

— Конечно, здорово! — подтвердила Дамеш. — Ораз нашел способ сжимать до минимума промежутки между отдельными операциями. А я разработала метод повышения температурного режима печи. Вот все это вместе и дало такую экономию времени.

— Ораз обо всем этом нам еще в больнице говорил, — вставил Гена.

Опять начались поздравления, объятия, веселые шуточки. Потом снова заговорила Дамеш:

— Каир, — сказала она. — Все это я продумала за последние месяцы. Время — лучший критик, он сразу взвешивает и ломает все ложное и надуманное, злое и ненужное для жизни. С одной стороны, он гонит нас к смерти, а с другой стороны, учит как жить вечно. Вот эти две стороны времени и проявились в последнем столкновении с вами!

Она замолчала. Каир засмеялся, покачал головой.

— И следовательно... — сказал он и остановился.

Дамеш подхватила:

— И следовательно, да здравствует время, которое учит нас всему доброму и хорошему. Будем его ценить и пользоваться им!

— Сомнительная мудрость, — сказал кто-то сзади.

— А почему? — быстро повернулась Дамеш. — Почему? Все же умрем! И тот умрет, кто проползет по жизни с клюкой, и тот, кто промчится на скакуне. Так лучше мчаться галопом, чем плестись. Однако надо, чтоб дорога твоя проходила не пустыней, а по цветущей долине. Так, Каир, а?

Она повернулась к нему. Он молча кивнул ей головой. Он смотрел в глаза Дамеш, в ее черные с золотыми точками большие веселые глаза и улыбался. А кругом стояли люди, и все они молчали и тоже улыбались.

...Светлая ночь. Полная луна то скрывалась, то выплывала из облаков. Дул легкий ветерок, мягкий и нежный. Озеро Самарканд как зеркало отражало глубокое чистое небо.

Дамеш сидела на берегу рядом с Каиром. Разговор не ладился. Каир показал на луну и сказал:

— Слушай, вон она сияет, как всегда, а ведь на ней уже лежит где-то наш выппел.

Дамеш подняла голову и посмотрела на луну. Да, правда. Всегдашняя покровительница влюбленных и мечтателей и сегодня так же ясна и прозрачна, как всегда. Она похожа на кусок кристаллического льда, брошенный в космос чьей-то могучей рукой, — но ведь она уже не та. Изделие человеческих рук на ее поверхности.

— Какая она сегодня большая! Как она прямо и низко висит над головой, кажется, протянешь руку и достанешь, — сказала Дамеш.

Оба посмотрели на небо.

— А я вижу, — сказала она, — вот там появилось новое черное пятно. Это наш выппел. Что ты смеешься? Выппел выкован из стали нашей выработки, а ее я замечу и на солнце.

— Да будет так! Блажен, кто верует, — улыбнулся Каир, — а кстати, ты знаешь, астрономы говорят, что недра луны полны железа самой высшей марки. Представляешь, какую сталь из нее можно варить?

— Вот оно в чем дело, — засмеялась Дамеш, — то-то я слышу, что в Америке всю луну распродали по участкам, оказывается, там и железо есть.

— Ну, нет! — крикнул Каир. — Чей выппел лежит на поверхности? Наш! Ну, то-то! Никаких участков американцам!

Дамеш подняла вверх голову и вдруг спросила совершенно серьезно:

— Ну, а если бы тебя назначили директором сталелитейного завода на луне, ты поехал бы туда?

— С тобой хоть на луну, хоть на солнце, — ответил Каир.

— Да! На солнце, пожалуй, сгоришь, — засмеялась Дамеш.

— С тобой я... — бурно начал Каир и осекся.

Опять они молчали и смотрели на луну. Наступила тишина.

— Дамешжан,— сказал Каир тихо.

Дамеш не ответила, она молча смотрела вдаль, в темноту.

— Дамешжан,— повторил он.— Вот уже пять лет, как я жду тебя.

— Ой, что это! — воскликнула Дамеш.

Небо вдруг вспыхнуло золотым, оранжевым, багровым пламенем, и сейчас же внизу вспыхнуло и озеро теми же огнями. Светлые золотые блики, отражаясь от огненной воды, бежали по лицу Дамеш.

Это мартен, выдав новую партию стали, салютовал ночному небу снопом разноцветных искр.

— Дамешжан, ты молчишь? — спросил Каир.

Дамеш посмотрела на него. На глаза ему упала прядь волос. Она отбросила их и опять стала глядеть в его глаза, а в душе у нее звучали слова старой песни:

Не найти мне вовеки другого,
А найду, вновь припомню тебя.

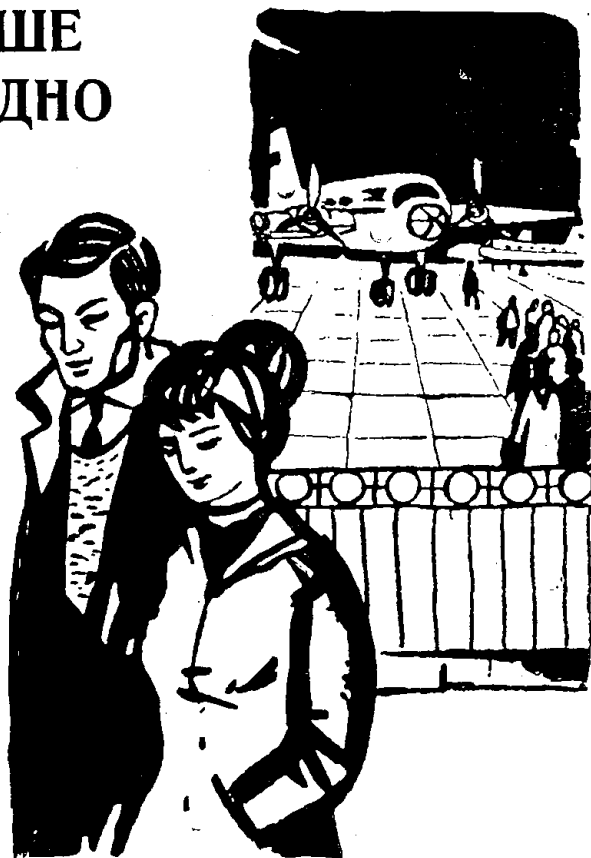
Но она ничего не сказала, не бросилась к нему на шею, не заплакала, даже не поцеловала; просто молча поднялась и пошла туда — вверх, в светлую темноту, к горной вершине.

К о н е ц

СТАРШЕ НА ОДНО ЛЕТО

Повесть

Перевод В. Буренкова

Сегодня в моей жизни произошло нечто невероятное. Я ударил старого и, как у нас на заводе все считают, очень заслуженного человека — сторожа из шихтового двора. Да нет, даже и не ударил, а схватил его за шиворот и выбросил на улицу. Словом, ко мне пришел гость, а я его выгнал. И еще одно: именно этот старик должен бы, по идее, стать мне после матери самым близким человеком на свете, а я так с ним поступил! И сделал это в ответ на дружбу, которую он предложил мне вполне искренне. Я, помню, еще крикнул: «Убирайся, шайтан, чтоб ноги твоей здесь не было! Увижу — убью!» А самое-то, самое скверное во всем этом: я вовсе не считаю себя виноватым и если придется, то готов повторить все сначала.

Однако пора перестать интриговать читателя. Надо рассказать все по порядку, но начинать придется изда-дека, ибо это совсем не простая история. Дело не в том, что я чрезмерно вспылчив или горяч, нет, конечно. Часто бывает так: надо поругаться, а я стою как столб и молчу. Зато бывает и наоборот: надо молчать в тряпочку, а я поднимаю хай на весь цех. Потом самому неудобно,

даю зарок, ругаю себя, а на завтра повторяется все с самого начала. Или вот еще: люблю мечтать. Приду вечером усталый, надо спать, а я сижу у себя в комнате на подоконнике до полуночи и то в Москве себя воображаю, то в Лондоне, а то и по Луне прогуляюсь, а раз вообразил себя даже в сказочном городе Шаме, но об этом потом. Это тоже не просто.

Но что ни говорите, а серьезности у меня не хватает. Правда, не все это замечают, потому что внешне-то я парень ничего. Произвожу в общем неплохое впечатление. Особенно на девушек. Не знаю почему, но многим из них нравятся парни высокого роста. А я, когда пойду служить в армию, наверняка стану правофланговым. Ольга, дочь нашего директора, когда приехала из института на первые каникулы и увидела меня, от удивления даже рот открыла:

— Султанчик! Как ты вырос! Высокий стал, стройный...

Ну если говорить про мое лицо, то особенно тут хвалиться, прямо скажем, нечем. Обыкновенное лицо. Но зато шевелюра, шевелюра! Волосы иссиня-черные и вьются.

По моим словам вы можете подумать, что зеркало занимает в моей жизни важное место. Но это не так. Я даже бриться натренировался без зеркала, на ощупь. Воткну свою «Неву» в розетку, ну и пошел. Получается лучше чем у парикмахера. Если взять описание казаха, сделанное лет сто назад, то я мало похож на него. Видно, со временем все изменяется, даже человеческие лица. Но это особый разговор, а я ведь хочу рассказать о себе — вернее, о последнем годе своей жизни. Он у меня переломный.

До этого я жил незаметно и ровно. Кончил десятилетку и стал работать сталеваром на заводе. И была моя жизнь в это время похожа на трамвайную линию из трех остановок — дом, завод, театр. А потом мой трамвай сошел с рельс и покатился под откос. Вы, конечно, догадались, что виною была девушка. Звали ее Хадиша. Была она похожа на тростинку: высокая, с длинными, худыми, как у мальчишки, ногами. Лицо у нее было очень смуглое и круглое. Родом она из баян-аульских гор. Откуда и моя мать. Кажется даже, что они с ней из одного рода.

Хадиша рано осиротела и воспитывалась у старшего брата. Окончила ФЗУ и стала работать у нас на заводе крановщицей. Вначале она познакомилась не со мной, а с мамой. Не знаю, чем она покорила старушку, так что та в ней души не чаёт. Несколько раз уже говорила, чтобы я женился на Хадише.

— Лучшей невесты, сынок, не найдешь,— говорит она мне.

Я с матерью не люблю спорить. Но жениться... Ну конечно, Хадиша хорошая девушка. Но хороших девушек сколько угодно. Не на всех же на них жениться! Я женюсь на той, без которой мне и белый свет будет не мил.

Мои друзья из бригады почему-то считают ее чудачкой. Их удивляет, что взрослый человек не может уйти из ребяческого мира сказок,— Хадиша их знает очень много и любит рассказывать всякому, но я-то совсем не удивляюсь этому. На меня и самого иногда находит что-то подобное.

Вчера после оперативки, когда половина людей уже ушла в цех, Санька, которого мы зовем за его длинный язык балаболкой, через всю комнату закричал мне:

— Слушай, Султан, а где же твоя чудачка? Она что, не должна сегодня работать? Ты ее освободил?

Хотел я ему дать оплеуху, но удержался. Удержался потому, что рядом стояла Ольга. Она смотрела на меня и ждала, что я отвечу.

И я ответил:

— Ты, Санька, придержи свой язык. А то болтается он у тебя, как козий хвост. Хадиша увидит и острижет.

Все засмеялись. А Санька сделал такое лицо, как будто и не слышал моих слов. Но я-то знаю его. Он с ответом долго ждать не заставит. Теперь надо быть начеку.

Когда мы с Ольгой спускались по металлической лестнице во двор, она вдруг спросила:

— Султанчик, а кто же она, эта твоя девушка? У неё что, в самом деле...— и еще покрутила пальцем у виска.

Меня сразу бросило в жар. Я пробормотал что-то и потом всю дорогу, пока мы шли по двору в цех, молчал. Ольгу я знаю с детства. Особенно мы подружились с ней после смерти моего отца — кладовщика сталелитейного завода.

Тогда мать пошла к директору завода и попросила работы. Директор и был отцом Ольги. Он помог матери устроиться уборщицей в контору. Все вроде бы началось улаживаться. Но беда никогда не приходит одна. Осенью умерла и сестренка. Ее унесла та же болезнь, что и отца. Очередь была за мной.

Но я решил не сдаваться. По совету врачей стал заниматься спортом, закалялся, обливался холодной водой. До снега ходил без шапки. Ольга — она была соседкой по парте — завидовала моей закалке. Однажды мы возвращались с ней из школы. Был ясный солнечный день, со снегом и морозными искрами. Домой идти не хотелось, и мы лениво брели с ней по тротуарам, пиная ногами ледяшки. Вдруг Ольга остановилась и сказала:

— Султанчик, давай пойдем к нам. Поиграем в граде в снежки.

Пошли. У ворот нам встретился высокий полный мужчина в желтом кожаном пальто и большой серой папаше. Ольга, размахивая портфелем, кинулась к нему. Мужчина подхватил ее и легко подбросил в воздух. У меня защипало в носу. Меня так уже никто не подбросит. Мужчина с Ольгой на руках подошел ко мне и спросил присматриваясь:

— А как, джигит, зовут тебя?

Я не успел ничего сказать, как затрещала Ольга:

— Это, папа, мой самый, самый лучший друг. Зовут его Султанчик. Мы и сидим с ним за одной партой, и не деремся совсем...

— Ну, даже! А как твоя фамилия? — спросил Ольгин отец, также внимательно разглядывая мое лицо.

— Омаров.

— Ах! Ома-ров... Ну-ну! Похож на отца. Похож! Ну, будем знакомы! — он серьезно протянул мне большую сильную руку. — С твоим отцом мы были давние друзья. Ты заходи к нам почаще. Не стесняйся...

С того дня я стал в их доме частым гостем. Можно даже сказать, я у них жил. Олина мама тоже полюбила меня. Если я несколько дней подряд не заходил, она беспокоилась, посылала Ольгу узнать в чем дело.

Вот почему я сейчас обиделся — и Ольга туда же! Я считал это ударом ниже пояса. Поэтому я молчал всю дорогу, — а двор был длинный, — и только уже на лестнице сказал ей:

— Что это она никому из вас покоя не дает? Завидуете, что ли?

Теперь пришла очередь ей покраснеть. Она ничего не ответила. Но когда мы вошли в стеклянный коридор, соединяющий кабинет начальника с цехом, Ольга остановилась и спросила:

— Ты что? Любишь ее?

— А если и люблю, что тогда?

— Ну и люби себе на здоровье! — крикнула она и пошла вперед. Каблуки ее звенели о металлический пол. Мне нравилось смотреть на ее походку. Я читал, что поэты сравнивают походку женщин с полетом птиц. Точно. Стоит только один раз посмотреть на Ольгу.

А у самой мартеновской печи Ольга обернулась ко мне и спросила:

— Султанчик, она очень красивая?

— Самая красивая в Казахстане, — ответил я серьезно.

Она рассмеялась. Мне никогда не удавалось провести ее. Тогда я опять обиделся и спросил:

— А правда, что твой Айдарчик красивее всех на свете?

Ольга резко повернулась и ушла.

«Ну и на здоровье, — подумал я сердито, — и бог с тобой! Люби этого недоноска».

Так окончился этот день.

А рано утром меня разбудил резкий телефонный звонок. Я подскочил на кровати и, ничего не понимая со сна, стал искать брюки. Потом, взглянув на часы и увидев, что время только девять часов утра, выругался:

— Вот черт! Кто это трезвонит в такую рань!

Вообще-то я никогда столько не сплю. Но сегодня у меня выходной — перед этим я отработал четыре дня по восемь часов и теперь два дня были в полном моем распоряжении.

Опять задрезжал телефон пронзительно и требовательно. Но я решил не торопиться, пригладил сначала волосы, заглянул в зеркало, показал себе язык и только после этого не спеша поднял трубку.

— Ты что, умер там? — услышал я трескучий голос. — Сейчас же приходи в цех!

— А что ты за командарм выискался? — обиделся я.

— Разговорчики! Быстро! Одна нога тут, другая там.

— Слушай, милый, — еле сдерживаясь, проговорил я. — Посмотри, ради бога, на график! Очень прошу! У меня сегодня выходной. И на все твои приказы мне наплевать, дорогой!

Я бросил трубку на рычаги. Но не успел отойти и на шаг, как телефон затрещал опять. «Ну, подожди, — подумал я. — Сейчас я тебе скажу словечко». Я схватил трубку и открыл было рот, но тут вдруг в трубке мягко произнесли: «Султанчик».

— Султанчик, — сказала Ольга. — Не сердись, это я. Звоню тебе из цеха. Султанчик, ты сможешь сейчас прийти? Срочное дело... А?

— Бегу, Оля, — сказал я, — прыгаю. Одна нога здесь, другая там.

«Что стряслось?» — думал я, торопливо натягивая рубашку. Я знал, что по пустякам Ольга звонить не будет. Перескакивая через три ступеньки, выбежал из дома.

Мы с матерью жили в новом доме, построенном недалеко от завода. Нужно было только свернуть за угол, пересечь улицу, и перед вами вырастали большие, покрашенные зеленой краской заводские ворота.

В конторе мартеновского цеха было полно людей. Шла пересмена. Здороваясь со знакомыми ребятами, я прошел длинный коридор и вошел в приемную начальника цеха.

Здесь было тихо и пусто. Обтянутая черным дерматином дверь в кабинет была приоткрыта. В щель я увидел самого начальника Айдаргалиева, Ольгу и своего подручного Жаппаса. Открывая дверь, я услышал обрывок фразы: «...только он один и виноват».

— Здравствуйте, — очень громко сказал я.

Все разом повернули головы в мою сторону. Айдаргалиев стоял за большим письменным столом, упиравшись ладонями в голубоватое толстое стекло. Его узкие брови непрерывно двигались как червяки. Начальник цеха строго поджал губы.

«Ну-ну!» — подумал я и, пройдя через кабинет, сел у окна рядом с Ольгой.

Брови Айдаргалиева сошлись у переносья. «Вот сейчас закричит», — подумал я. И верно:

— Товарищ бригадир, когда кончится расхлябанность в твоём коллективе? — закричал он.

— Конкретнее, — сказал я, и голос мой был удивительно спокоен, так спокоен, что мне самому было приятно его слушать.

— Ты не знаешь, что творится в твоей бригаде? Какой же ты после этого руководитель?

Это уже было слишком. Я прикусил губу, на секунду прикрыл глаза. Потом я встал и пошел к выходу. У двери остановился и сказал:

— Со своей женой так говори! Когда она у тебя будет, понял?

Айдаргалиев от неожиданности открыл и забыл закрыть рот. Брови его съехали к вискам. Когда я захлопывал дверь, то услышал, как рассмеялась Ольга.

— Ну, воспитатель дорогой! — сказала она.

— А кто же будет воспитывать таких вот, если не я, — сухо проговорил Айдаргалиев — начальник цеха.

— Хорошее воспитание, — голос Ольги стал серьезен. — И никто тебе не дал права орать.

Я сел в коридоре на старый диван с выпирающими пружинами и стал слушать. Молодчина Ольга, так ему и надо. Я услышал ласковый добродушный смешок Айдаргалиева: он опять не принял сражения.

— Извините, Ольга Антоновна, я упустил вас из виду, но, между прочим, среди рабочих бывает и похлеще...

Я не выдержал и заглянул в дверную щель. У Айдаргалиева был жалкий вид. Брови разъехали в стороны, как у клоуна. Но это было только одно мгновение. В следующую секунду он преобразился. Брови опять сурово сошлись над переносьем и заползали, он откашлялся и холодно сказал:

— Ладно, кончим дурачиться. Давайте говорить по-серьезному. Зовите товарища Омарова.

Ольга открыла дверь и чуть заметно подмигнула мне. Я вернулся в кабинет.

Все это время Жаппас стоял молча и тоскливо рассматривал концы своих ботинок.

— Садитесь, — строго сказал Айдаргалиев. — Ты, дорогой бригадир, не любишь самокритику.

— Конкретнее надо. Мы не на съезде католиков в Риме,— солидно сказал я. Я только вчера прочел об этом съезде в «Литературке».

— Вот,— начальник цеха чуть повел головой в сторону Жаппаса.— Вот полюбуйся. Твой дружок собирается сбежать в аул. Расчет просит. А давно ли ты ходил, выбивал для него отдельную квартиру?

— Чепуха! — сказал я.— Никуда он не поедет.

Но тут же Жаппас подвел меня. Он вскочил и закричал:

— То есть как не поеду? Как это...

— Прекрати это,— приказал я, холодно и жестко.— Сядь. Мы с тобой потом поговорим. Иди! Жди меня у ворот.

Он густо покраснел, что-то хотел сказать, но махнул рукой и вышел. Ольга удивленно взглянула на меня. Она, наверное, никогда не думала, что я могу быть таким. Пристальнее посмотрел на меня и начальник цеха, но когда я повернул голову в его сторону, он быстро отвел глаза.

Мы некоторое время молчали. Потом Ольга сказала:

— Товарищ начальник, приступайте!

Ирония так и сквозила в ее голосе. Но Айдаргалиев не подал вида, что заметил это. Он даже не взглянул в ее сторону. Брови его явно показывали бурю.

— Так все-таки когда ты, Омаров, наконец возьмешься за ум? — спросил он.— Твоя бригада тянет назад весь наш цех.

— В этом виноваты, прежде всего, вы,— ответил я быстро.— Я же просил не давать в бригаду сразу двух новичков. Вы послушали меня?

— Не козыряй. Твоим новичкам уже год,— перебил меня Айдаргалиев.

— Я не козыряю, а пытаюсь объяснить.

— Это не объяснение, а...

— Тогда снимайте. Выходит, что я никудышный бригадир.

— Вот и полез в амбицию,— развел руками Айдаргалиев и посмотрел на Ольгу. Она встала и прошла по кабинету.

— Почему же в амбицию? Он правильно ставит вопрос. Если плох, то надо заменить!

— И вы его защищаете? — удивился Айдаргалиев.— Выходит, я зря придираюсь к человеку?

— Выходит, что так. Ты же не знаешь толком, как работает бригада Омарова. Судишь только по тому, что тебе преподнесет ОТК и сменный мастер.

— Если учитывать, что сменный мастер — это вы...— растянул губы в улыбке Айдаргалиев.

Молча я следил за разговором. Ольга вдруг открылась передо мной совершенно с новой стороны. Я все еще относился к ней, как к девчонке, а она уже совсем взрослая. Мне даже показалось, что она взрослее меня.

Айдаргалиев хмуро сказал:

— И все-таки я считаю, что его бригада работает не на полную катушку! Где их бывшая слава? Где рекорды?

— Хватит с меня таких рекордов! — мой голос опять сорвался на крик (нет, не умею я себя вести с начальством!). — Не хочу, чтобы на мою славу люди вкалывали!

— Слышите, что он говорит? — обиженным тоном проговорил Айдаргалиев.— А вы, Ольга Антоновна, его еще защищаете.

— Ты, Султан, иди,— улыбнулась мне Ольга.— А мы тут еще кое-какие вопросы решим.

Когда я выходил из кабинета, они оба смотрели мне вслед. «Да,— подумал я.— Наконец Ольга раскусила Айдаргалиева». А сделать это совсем не так просто. Вот почему это было не просто.

Год тому назад, когда Айдаргалиев стал заместителем начальника цеха — удивительное дело! — он был совершенно другим. Парень, как мы говорили, был свой в доску. Таскался с нами по парку, пел с нами песни, выпивал. А сейчас его словно подменили: никого не хочет знать, никогда не поздоровается первым. На лице всегда сухая деловитость. Честное слово, у него даже речь изменилась. Он стал как магнитофон: «Я занят», «Я спешу!», «У меня совещание!», «Давай нажимай!», «Делай, как сказал я!», «Подводишь, брат, подводишь!» В цехе стал бывать реже. Все время или около директора, или в горкоме.

А ведь еще молод, нет тридцати. Но он уже твердо усвоил, где надо блеснуть, где стусеваться, где сказать да, где нет.

Не нравится мне он. И я ему тоже не нравлюсь. Айдаргалиев видит, что я его раскусил давно и поэтому всегда старается подставить мне ножку. Но хуже всего то, что мой батя, так я называю Антона Ивановича, директора завода, с каждым днем все ближе сходитя с Айдаргалиевым, он прямо души в нем не чаёт. Его совет для директора почти закон.

Сначала я удивлялся, что Айдаргалиев так быстро сумел войти в доверие к Антону Ивановичу. Но потом понял, что батя зачастую смотрит на мир глазами Ольги. А она одно время была увлечена Айдаргалиевым.

Я знал, что у Айдаргалиева есть жена, тихая спокойная женщина из города Абая. Прошлый год он отвез ее домой. С того времени живет один. Вот поэтому я его и подколол этим «когда женишься».

Познакомился он с Ольгой в прошлом году, когда она приехала на каникулы. Его только что назначили начальником цеха, и он не выходил из дома директора, «советовался». Однажды Ольга мне сказала, что новый начальник цеха очень интересный человек.

Я промолчал, а потом ночью заплакал от обиды и боли. Честное слово, я плакал как первоклассник, который получил первую двойку. Тогда я перестал ходить к Ольге и если случайно встречал ее на улице, переходил на другую сторону. А Айдаргалиев возил девушку на моторной лодке по озеру, вечерами уезжал с ней в Караганду в театр, или до глубокой ночи они сидели у телевизора и слушали музыку.

Но однажды Ольга пришла ко мне сама. Она сделала новую причёску и чуть накрасила губы — настоящая взрослая дама. Это я ей сказал. Она рассмеялась.

— А тебе что хочется, чтобы я оставалась вечно девчонкой?

— Хочется, — честно признался я.

Ольга вдруг протянула руку, спутала мне волосы и спросила:

— Султанчик, тебе нравится Айдаргалиев?

— Нет!

— А я собираюсь выходить за него замуж...

— Не трепись, — тихо попросил я. Но видимо, в моем голосе было что-то такое, что заставило Ольгу нахмуриться.

— Почему ты уверен, что это треп? — спросила она.

— Он же насквозь фальшивый! Он... Да ты присмотришь к нему внимательней...

Короче, разговор не вышел. Ольга замолкла, долго сидела молча, а потом попрощалась и ушла. А я после долго лежал на тахте, смотрел в потолок и видел, как она уходит. И опять мне захотелось зареветь, так захотелось, но я сдержался и только заскрипел зубами.

Дней десять после этого мы не виделись, потом в воскресенье она позвонила.

— Султан, зайти, пожалуйста, поговорить надо,— попросила она. Голос был тихий и подавленный.

Через полчаса я входил в ее комнату.

— Ты знал, что у Айдаргалиева есть ребенок? — сразу спросила меня Ольга.

— Какой ребенок? — удивился я.— Никакого ребенка у него нет.

— Оказывается, он увез беременную жену. Сейчас у нее родилась дочь. А он их бросил.

Мне стало очень радостно, но я все-таки спросил:

— Может, это сплетни все?

— Нет. В партком письмо пришло. Кто-то из родственников написал.

В тот вечер я оставил Ольгу печальной и расстроенной. Но я не стал ни утешать, ни оправдывать ее. Она сама должна была справиться со всем... Вот так обстояло у меня с Ольгой.

2

Жаппаса я нашел в проходной. Он сидел на табурете вахтера и угрюмо смотрел на грязный, затоптанный согами подошв пол.

— Пошли,— спокойно сказал я ему, и мы вышли из проходной. Жаппас шел молча и старался не встречаться со мной взглядом.

— В чем дело? С чего это ты надумал вдруг уезжать в аул? — спросил я его на улице.

— Письмо получил, мать больна,— нехотя ответил он.

— Не ври! — вспыхнул я.— Ты же два дня назад говорил, что она хочет навестить тебя сама.

Он вдруг остановился. Лицо его вспыхнуло.

— Ну и что, если говорил? Силой ты меня на заводе не удержишь! — крикнул он.

— Ну попробуй только уехать, — процедил я сквозь зубы. — Попробуй, болван! — Мне хотелось стукнуть его по уху, но я сдержался и спросил спокойно: — Ты лучше скажи, в чем дело, кто тебя обидел? — Он все продолжал стоять против меня.

— Если в ближайшее время мне не дадут отдельную комнату, то, клянусь, уеду! — крикнул он так громко, что все обернулись.

Я махнул рукой.

— Так надо было это говорить с самого начала. Эх, дуралей! И без того сейчас нас везде бьют. А ты еще козырь даешь в руки этому... Ладно, иди к себе и отдыхай. Я поговорю сегодня с Антоном Ивановичем.

Мы расстались с Жаппасом на углу, около общежития, и я сразу же пошел к директору. Но его не было. Секретарша сказала, что он почувствовал себя плохо и уехал домой.

Я уже говорил, что Антона Ивановича Севрюгина, нашего директора, я считаю своим вторым отцом. Он помог закончить мне десятилетку. Он научил меня жить.

Недавно мы ездили с ним в Алма-Ату на совещание передовиков производства. С нами в мягком купе ехал еще заместитель председателя совнархоза, румяный и толстый казах. Дорога длинная, мы разговорились, и каждый вспоминал свое прошлое.

Антон Иванович рассказывал о себе с юмором. Он как бы нарочно принижал себя, показывал, что ни в его характере, ни в его жизни не было ничего героического.

— Представьте себе, — говорил он, — мальчишку-сироту, которого мир определил подпаском. Целыми днями с длинным кнутом он бегаёт за коровами и телятами. А были бычки хитрые. Заезаешься чуток, он тебе под ребро раз — и капут... Ну, надоело мне все это, и я подался на Иртыш грузчиком...

На затоне Иртышского пароходства была своя жизнь. Грузчики — народ злой, но дружный, научили мальчишку-подпаска кое-чему. И когда пришла революция, он воевал на Восточном фронте против Колчака.

А потом и пошло, и завертелось.

Я слушал рассказ Антона Ивановича, как самую интересную сказку. В Гиссарской долине он командовал

отрядом, сражавшимся против Энвер-паши. В горах Памира гонялся за бандами Ибрагима-бека. Работал в штабе Туркестанского фронта, потом в аппарате ТуркЦК. В двадцать четвертом году его направляют в Москву в университет Свердлова. С тех пор Севрюгин строитель: Турксиб, Балхаш, Караганда, Булаттау.

Приходилось спать в кабинете, обедать на сваях. Но все равно это были прекрасные дни его молодости. А в тридцать седьмом году его неожиданно отстраняют от работы. Он стремительно катится вниз: начальник участка, старший прораб, потом десятник. Какое-то всевидящее око следит за каждым его движением.

В первые дни войны уходит на фронт жена и через год выходит там замуж. Антон Иванович остается в тылу, у него еще с гражданской повреждена рука. Через два года, когда стране нужна была сталь, вспомнили о нем и назначили руководителем нашего завода, вернее, стройки.

— Сейчас вот наступило самое время развернуть свой талант, свои способности по-настоящему, да подкачало сердце,— закончил свой рассказ Антон Иванович.

Да, с сердцем у нашего директора все хуже и хуже. Чаще он стал уезжать в рабочее время домой. Тогда-то и пошел по заводу слух, что вместо себя Севрюгин прочит Айдаргалиева.

Я тоже поверил и решил про себя как-нибудь напрямик спросить у Антона Ивановича, правда ли это. Я вообразил, как вхожу к директору в кабинет и строго, без улыбки спрашиваю:

«Антон Иванович, неужели вы хотите, чтобы директором стал Айдаргалиев? Вы же делаете большую ошибку!»

И пусть он тогда закричит, что это не мое дело, пусть выгонит меня из кабинета, но я должен сказать ему все честно и прямо. Я просто вынужден сделать это.

Каждое совещание Айдаргалиев начинает так: «Опять Омаров, наша бывшая гордость, оказался не на уровне. А почему? Зазнался, товарищ Омаров! Не мог вынести славы».

«Ладно,— подумал я, подходя к заводууправлению.— Пусть я дальше своего носа ничего не вижу, но тебя-то, товарищ начальник цеха, я раскусил давно».

Антон Иванович из-за болезни свой кабинет перевел со второго этажа на первый, где раньше располагался техотдел. В приемной, в которой всегда восседала его секретарша, было просторно и светло. Пол покрыт зеленым линолеумом. Стены синие. Злые языки болтали, что это оттого, что глаза у секретарши голубые. Но я в это не верю.

Антон Иванович в этих делах строг: завод, дочка — вот что у него есть. А сверх этого — ничего! Мне приходилось с ним бывать в компаниях. Как бы ни уговаривали его сталевары, он никогда больше одной рюмки не пил.

В приемной, кроме секретарши, сидел, развалившись на стуле, старик Хисаныч, тот самый, из-за которого я и начал этот рассказ. Но в ту минуту я ни о чем плохом не подумал. Я даже симпатизировал этому маленькому кривоногому сморщенному татарину. Он жил один где-то на окраине города, и у него не было ни жены, ни дочери, ни собаки — словом, никого.

Когда я вошел, он повернул свое узкое, как лезвие ножа, лицо с рыжеватой бородкой и улыбнулся. И я улыбнулся ему тоже. Забавный старик.

А стариком его прозвали на заводе за бороду. Никто не знал, откуда он появился полгода назад у нас на заводе. Ходил слух, что он какой-то дальний родственник директора. Но ведь он татарин, а директор русский... Впрочем, все может быть.

— Здравствуйте, — сказал я. — Антон Иванович у себя?

Секретарша подняла на меня всегда равнодушные синие глаза и покачала головой:

— Его в горком вызвали.

И я уже хотел уходить, как Хисаныч, поднявшись, шагнул мне навстречу и протянул руку. Она дрожала.

— Будем здоровы оба, молодой человек, — сказал он певуче. — Я тоже жду уважаемого директора. Но навряд ли он будет сегодня. Из горкома наверняка поедет прямо домой.

— Что ж, на нет и суда нет, — сказал я и вышел. Старик Хисаныч заторопился за мной.

Секретарша молча смотрит нам вслед теми же голубыми как лед глазами.

— Знаете, что говорят про вас на заводе? — нежи-

данно спросил он на дворе и улыбнулся, от этого все лицо его собралось мелкими быстрыми складочками и морщинками.

— Про меня? — машинально спросил я.

— Да, да, про вас. Говорят, что вы самый лучший сталевар. И еще — хороший парень. Свойский...

Я засмеялся и спросил:

— Вы куда, собственно говоря, идете, Хисаныч?

— Я? Да честно, никуда. Если пригласишь, пойду с тобой.

— Пожалуйста!

Мы пошли.

— А где вы сейчас обитаете-то?

Он засмеялся.

— Между небом и землей. Я вольный казак.

— А где работаете? Все еще на шихтовом дворе?

— Пока да. Но думаю перебраться в ОТК... Слышал, там место освободилось.

— У вас специальность есть?

— О-о! Я мастер на все руки от скуки, — засмеялся Хисаныч.

Мы подошли к большому дому, где была моя квартира. Хисаныч поднялся вместе со мной на второй этаж и без приглашения вошел в прихожую. Дверь нам открыла мама и, видя, что я с гостем, молча начала накрывать на стол. Привычка угощать всех, кто придет со мной, была для нее непререкаемым правилом.

Но я удивился, увидев, как она несет из кухни неначатую бутылку водки. Обычно на вино мама была скуповата. Только потом я узнал причину ее необычной щедрости. Оказывается, улучив момент (я вышел переодеться), Хисаныч намекнул, что простудился на шихтовом дворе и не прочь бы погреть старые кости. Да вот денег-то, денег... Сколько получает сторож?..

Увидев бутылку, Хисаныч преобразился. Лицо его стало добрым, разгладились на лбу тонкие серые морщины. Он заулыбался и протянул мне рюмку.

— За твое счастье, дорогуша! — проговорил он и выпил водку, медленно глотая ее, как сироп. Кадык, похожий на согнутый палец, равномерно двигался под желтой кожей на его тонкой шее.

После третьей рюмки его развезло, и он рассказал мне всю свою биографию.

— Я родился невезучим. Да, да, не смейся, молодой человек,— нетвердо погрозил мне пальцем Хисаныч.— Отец мой, будь жив, отхлестал бы меня ремнем за мой теперешний вид. Непременно бы отхлестал,— повторил Хисаныч с наслаждением и добавил:— Учил он меня, учил. Тратился на меня, тратился, а я все равно выше директора ресторана не поднялся...

— Наверное, сами не захотели,— сказал я только, чтоб что-нибудь сказать, но тот так и впился в меня.

— Именно сам не захотел! — закричал он.— Директором быть — шик модерн! Всегда карман денег. Коньяк. Хороший бифштекс и... (он оглянулся на маму) женщины. А что еще надо бедному еврею? Вагон масла да кусок хлеба.

— А вы не были женаты? — опять так только, чтобы поддержать беседу, спросил я, незаметно отодвигая рюмку, которую он налил мне.

— И не единожды, мой юный друг. У меня и дочка есть. Красивая девочка. Скоро получит высшее образование,— Хисаныч вдруг замолчал, странно засмеялся и многозначительно подмигнул мне.

Я знал, что он совершенно одинок, и решил, что старик начал уже заговариваться.

— Может быть, отдохнете? — спросил я.

Но он смахнул с плеча мою руку и приказал:

— Садись и слушай.

И вдруг я почувствовал, как какая-то неожиданная тревога охватывает меня. А Хисаныч вылил себе в рюмку остатки водки, но пить не стал. Он вдруг совершенно трезвыми глазами посмотрел на меня и негромко сказал:

— Я — трус. Можешь ты это понять? Я человек, который боится смерти. А она была женщина властная, работала заместителем председателя райисполкома. Ну, я и спрятался под ее юбку, чтобы на фронт не идти. Я про жену говорю.

— А дальше?

— Потом я от тоски запил. Она меня и выгнала.

— И обратно не приняла?

— Не приняла. Так я и пошел от одного стола к другому. От одной бутылки к другой.— Он вдруг заплакал и затряс головой.— Ох, если бы ты, молодой человек, знал, если бы ты знал только! — выговорил он через слезы.— Но нет, это и умрет со мной! Да, умрет! Умрет,

умрет, умрет, — и он заметался по стулу. — Что мне оставалось делать? Я боюсь мужских слез. Да и бесполезно. Кто тебе может помочь, если тебе за пятьдесят и ты проворонил свою жизнь, растаскал ее по этим самым вагонам-ресторанам? Тогда уж стисни зубы и молчи.

Я встал и подошел к окну. Город спал. Только завод жил вовсю. Слышались огромные ритмичные удары — это работало железное сердце завода.

Я отошел от окна.

— Идемте спать, Хисаныч, — сказал я. — Идемте, мама вам постелет на диване.

На другой день меня ждал сюрприз. Чуть свет позвонил Санька и сказал, что Жаппаса поминай как звали — сбежал.

— Куда сбежал? — не понял я.

— Куда, куда, — Санька даже выругался, — взял чемодан и смылся.

Я стукнул кулаком прямо по аппарату.

— Что же ты его не задержал, черт, дурак...

— Не кричи, — ответил Сашка, — только ты на меня не кричи. Я застал уже его пустую койку, на пятнадцать минут опоздал.

— Ладно, — сказал я, — я сейчас подскочу.

Сашка ждал меня на углу. Как назло не было ни одного свободного такси, но мы задержали чью-то «Волгу».

— Добрый человек, не откажи, — сказал я. — Вор спер чемодан. Вот-вот уедет, подвези.

— Садитесь, — коротко ответил владелец машины и отворил дверцу.

Мы помчались.

— И зачем гонимся? — сказал Санька. — Пусть себе спокойно едет, раз так решил.

Я ткнул его в бок, но он начал ругаться. Тогда я ткнул его еще раз и шепнул:

— Ты отдаешь отчет своим словам?

— Конечно, надо догнать, — вступил в разговор владелец машины. — Если в чемодане ценные вещи...

— Догоним, — сказал я, — догоним и голову оторвем.

На вокзале было тихо. Мы заглянули в пустой зал, потом в станционный буфет, но нигде Жаппаса не было.

— Наверное, уже в вагоне, — сказал Санька. — Теперь его оттуда не вытянешь...

Я подошел к милиционеру, любезничавшему с толстощекой буфетчицей, и сказал:

— Товарищ сержант, можно вас на минутку? Тут вор чемодан спер. Уже в вагон залез.

— А ну, пошли,— почему-то весело скомандовал сержант и почти побежал первый.

Мы зашли в первый вагон и начали поочередно заглядывать во все отделения. Народ следил за нами. Кто-то засмеялся и спросил:

— Жена сбежала?

Мы проходили вагон за вагоном, но Жаппаса нигде не было.

— А может, он автобусом? — предположил сержант.

И в этот момент я увидел сапоги Жаппаса. Он лежал под плащом и даже похрапывал чуть-чуть. А сапоги торчали. Я сразу их узнал, потому что в прошлое воскресенье мы на ярмарке в Караганде их вместе выбирали. Я подошел и дернул плащ.

— Вставай! Товарищ сержант, это он,— говорю я.

— Только осторожнее, у него вполне может быть нож,— шепнул Санька.

Тогда сержант отскочил, выхватил наган и крикнул:

— Руки вверх!

Не понимая со сна, что происходит, Жаппас поднялся с полки.

— Не вздумай сопротивляться,— угрожающе повел дулом нагана сержант и скомандовал Саньке: — Обыщи его!

Санька быстро провел по карманам Жаппаса и удивленно сказал:

— Чисто!

Жаппас замигал, лицо его покраснело. Он, наверное, хотел сказать, что это мы, мол, дурака валяем. Но сержант сурово прикрикнул:

— А ну, не разговаривать! Выходи!

— Этот чемодан? — спросил сержант, показывая на неуклюжий фанерный ящик, разукрашенный узорами из шляпок гвоздей. На нем висел большой четырехугольный замок.

— Этот самый,— торопливо закивал Санька, поднял его и понес к выходу.

Жаппас густо покраснел и только тут понял, что с ним сыграли злую шутку.

— Черти полосатые! — крикнул он мне плачущим голосом. — Ну, подождите!

— Мо-олчать! — зыкнул сержант. — И не вздумай... Ты знаешь, что полагается за сопротивление? А ну вперед!

Поняв, что сейчас всякое сопротивление бесполезно, Жаппас посмотрел на нас и выругался по-казахски. Не успели мы выйти из вагона на перрон, как поезд грохнул буферами и тронулся.

Тогда мы с Санькой захохотали. Я рассказал сержанту, в чем дело, и попросил отпустить Жаппаса. Но сержант только нахмурился.

— Закон прежде всего, — сказал он. — Как это сбегал? И имущество казенное на нем. Отведу в участок. Там разберутся.

Как мы ни просили его, сержант был неумолим, и мы все трое пришли в небольшое каменное здание участкового отделения. Там сержант составил акт и попросил нас подписаться. Мы наотрез отказались.

— Ваше дело, — сказал сержант. — Можете идти, а этого парня — в каталажку.

Дежурный отвел Жаппаса в другой конец коридора, и мы услышали, как звонко щелкнул замок.

— Может, вы и нас посадите? — вскипел Санька.

— Хотите? Пожалуйста, — и сержант крикнул дежурному: — Потапов, прими еще одного.

Не успел я и слова сказать, как Санька, выпятив грудь, прошел мимо меня — и опять со звоном щелкнул замок. Сержант и дежурный переглянулись, потом уставились на меня.

— А вы? — вежливо спросил дежурный.

— Большое спасибо. Как-нибудь в другой раз, — не менее вежливо ответил я.

Я вышел из отделения с тяжелым чувством: собственно, из-за меня сидят сейчас ребята в тюрьме. Мне стало стыдно.

Прямо из милиции я позвонил из телефона-автомата Ольге и рассказал, как было дело.

— Поговори с Антоном Ивановичем. Пусть поможет ребят выручить, — попросил я.

Жаппаса и Саньку выпустили к вечеру. Они сразу пришли ко мне.

— Ну, черт, — сказал Жаппас, — ну, дьявол!

— Ладно, ладно,— ответил я,— самому было бы потом нехорошо.

Было обидно, что я не сумел увлечь аульного парня работой сталевара, не нашел дорожку к его сердцу. Мне всегда казалось, что если человек мне нравится, значит, и я ему нравлюсь взаимно... А тут...

Мы посидели, выпили, послушали новые пластинки. Потом Санька ушел в кино, и мы остались одни. Жаппас молчал и смотрел в окно на голубые огни электросварки.

— Живет наш старик,— сказал я.— Весь в огнях. Вот так каждый день работаешь, варишь сталь и иногда забываешь, что именно из этой стали делают ракеты, и спутники, и теплоходы, и трактора... Я, конечно, не против профессии чабана, но, Жаппас, у тебя же талант сталевара. Я, помню, бился над всеми этими премудростями год, а ты через месяц делаешь все, как бог. Нужен ты заводу...

Но Жаппас только вздыхал. Так, не сказав ни единого словечка, он лег спать у меня на диване, там, где вчера спал Хисаныч.

После этого случая мы старались не спускать с Жаппаса глаз. И вот тут-то Санька случайно узнал причину всех бед. Один раз под вечер заходит он в общежитие и вдруг слышит отчаянный крик Жаппаса. Потом насмешливый голос:

— Я у тебя брал? Доказать сумеешь?

— Отдай, слушай, ну отдай,— просит Жаппас.

— Раз просит, дай ему раз по роже,— засмеялся третий.

Санька подошел к двери и слушает, что будет дальше.

— Отдай,— опять просит Жаппас.

— Отстань ты, падло! — рявкнул первый голос.

Санька рывком отворил дверь и увидел спину голого по пояс чернявого парня. Он быстро повернулся к Саньке. Мелькнул на его груди синеватый кривобокий орел.

— В чем дело, Жаппас? — спокойно спросил Санька.

— Вот взял кошелек и не отдает.

Чернявый громко захохотал.

Надо сказать, что Санька не из тех, кто раздумывает. Коротко развернувшись, он врезал чернявому в ухо.

Чернявый вздохнул и повалился на кровать. Подскочил второй, но Санька и его ударил ногой в живот, и он вылетел в коридор, распахнув спиной дверь. Чернявый вскочил и кинулся на Саньку сзади, но тут вступился Жаппас. Он схватил чернявого за пояс, и они оба упали и покатались, сшибая мебель. Прибежавшие на шум из соседних комнат ребята еле оторвали Жаппаса от чернявого.

— Если ты сейчас же не отдашь кошелек, я из твоей рожи сделаю блин,— сказал Санька парню спокойно.

Чернявый вынул из кармана потертый на углах кошелек и бросил его Жаппасу.

— На, подавись!

— Нормально, нормально,— Санька стиснул ему руку,— скажи: «Возьми, пожалуйста».

— Возьми, пожалуйста,— быстро повторил чернявый, с ненавистью глядя на Саньку.

С этого дня Жаппас и Санька стали неразлучны. Потом мы узнали, с того дня, когда чернявого поселили в комнату Жаппаса, для него наступила невыносимая жизнь. Парень отбирал у него деньги, гонял за водкой. Угрожал, что пристукнет, если Жаппас кому-нибудь пожалуется. Жаппас вспомнил спокойных друзей в ауле, мать, отца, которые никогда не допускали несправедливости, и решил бежать.

Мы пришли к коменданту общежития и потребовали, чтобы Жаппаса переселили в отдельную комнату. Комендант, толстая и крикливая женщина, замахала на нас руками:

— Подумаешь, девица красная! Нет у нас никаких отдельных комнат!

— Может, он жениться собирается,— сказал Санька.

— Пусть сначала распишется и справку принесет.

Мы вышли на улицу и, посоветовавшись, решили, что надо поговорить с Антоном Ивановичем. Я сел на свой велосипед и, чувствуя, как бьет в лицо прохладный ветерок, помчался к заводу. Наконец-то мне повезло — директор был у себя один.

— Тося! — пробасил я, делая солидное лицо.— Добрый день. Товарищ директор у себя?

— У себя, у себя,— засмеялась Тося.— Ждет тебя, не дождется. Иди скорее, а то он в совнархоз собрался,

Я толкнул знакомую до последней трещинки дверь и зашел в кабинет.

Директорский кабинет я знал с детства. С тех лет осталось у меня какое-то непонятное уважение и робость к нему. Мать стирает с подоконников пыль, а я усядусь в кожаное директорское кресло и придумываю про себя всякие истории. Или, держа руки за спиной, чинно вышагиваю из угла в угол и мешаю матери подметать большой узорчатый ковер.

Потом я вспомнил, как пришел в этот кабинет уже взрослым парнем договариваться с директором о работе на заводе. Я держался тогда так, как будто вижу Антона Ивановича впервые. Антон Иванович тоже разговаривал со мной официально и даже немножко холодно.

— Хорошо, что ты решил стать сталеваром. Уметь варить сталь — дело нешуточное, — не торопясь, говорил он. — И тяжелое. Тут раз оступишься, потом всю жизнь калекой будешь.

Сейчас Антон Иванович сидел за столом и внимательно читал сводку. Я сделал несколько шагов по кабинету, но он даже не поднял головы. Я громко поздоровался. Антон Иванович кивнул головой и продолжал читать. Он даже не взглянул на меня. Может быть, раньше мне и было бы все равно, но сейчас стало обидно.

— Антон Иванович, я к вам на минуту, — сказал я.

— Посиди. Я сейчас закончу.

Я смотрел на седую гриву волос, на мешки под глазами Антона Ивановича, и вдруг острая жалость ударила мне в сердце. Как он все-таки сдал!

— Вот пишет, окаянный! Прямо-таки писатель, — воскликнул Антон Иванович, дочитав сводку. Он поднял голову и, увидев меня, удивленно хохотнул. — Да, это ты... Не узнал голос. Мне подумалось, что это Айдаргалиев.

— Вы, кроме Айдаргалиева, вообще перестали кого-либо замечать, — вдруг вырвалось у меня, и я сразу прикусил себе язык.

Наступила пауза.

— Слушай, Султан, что с тобой происходит? — спросил Антон Иванович. Он встал и, открыв окно, несколько раз глубоко вздохнул. — Начинал вроде хорошо, а сейчас хоть о замене думай.

— Неправда все это! — стараюсь, чтобы мой голос не дрогнул, проговорил я.

— Как неправда? Ну, смотри сам,— он подошел к стене и нажал на кнопку. Шелковый занавес уполз, и я увидел в выемке большую диаграмму, показывающую выполнение плана всеми бригадами. Примерно в середине я прочитал свою фамилию. Директор нажал на вторую кнопку, и маленькие электрические лампочки вычертили кривую выполнения плана за месяц.

— У нашей бригады кривая, как у всех,— не выдержал я.

— С тебя спрос другой. Ты передовик. Мы тебе помогаем.

От последних слов у меня перехватило дыхание, как будто дали неожиданную крепкую затрещину. Даже в глазах потемнело. Но я сдержался и насмешливо сказал:

— Большое спасибо за такую помощь! Вы Айдаргалиеву лучше помогайте!

— Ты знаешь...— грозно начал Антон Иванович и даже привстал, но вдруг схватился за грудь и медленно опустился в кресло, вынул из кармана небольшой флакончик и кусочек сахару. Несколько раз капнул на сахар и положил под язык.

— Как надоело все,— еле слышно вздохнул он, прикрывая глаза.— Айдаргалиев — хороший парень и болеет всей душой за производство, а вы вместо помощи только ему ножки подставляете. Товарищи называются, рабочий коллектив.

Внезапно мне захотелось встать и сказать Антону Ивановичу, что если он не видит, что Айдаргалиев карьерист и деляга, то... значит он потерял рабочую сметку, а раз так, значит, ему пора уходить на пенсию. Но в эту минуту я увидел худую директорскую руку, лежащую на сердце, и так ничего и не сказал.

— Ну ладно, говори, с чем пришел,— устало бросил директор.

Я рассказал все мытарства Жаппаса и историю его бегства. Парень сбежал потому, что негде жить.

— Я же давал указание, чтобы всех аульных ребят селили отдельно,— сказал директор.— Ладно, сегодня же постараюсь сделать. Да, кстати, завтра ты в какую смену работаешь? В утреннюю? Тогда съезди в Караганду на совещание бригадиров бригад комтруда. Заодно при-

хвати и Ольгу. Ей там по магазинам надо пойти. Договорились?

— Ладно,— сказал я.— Захвачу и Ольгу...

Он протянул мне руку, и я по старому блеклому ковру пошел к выходу.

Я уже давно понял, что даже малейшая ложь пугается в ногах, как веревка, а мне хотелось бы идти не спотыкаясь, и вот все-таки...

3

Домой в этот день я возвратился поздно. По случаю обещания директора мы собрались у Саньки и выпили две бутылки вина. Я все время думал, что завтра поеду с Ольгой в Караганду. Мне очень хотелось поехать с ней в Караганду. Я даже и не подозревал, как мне хотелось поехать с ней в Караганду.

Несколько минут я постоял в подъезде, напевая и слушая, как шумит молодыми деревцами в нашем дворе ветер. Потом поднялся на свой этаж. Дверь мне открыла Хадиша.

— Хадиша? — я даже заикнулся от удивления.— Так поздно?

— Да, твоей маме помогала. Но не волнуйся, я сейчас ухожу.

— Ты мне не мешаешь. Оставайся,— сказал я.

— А я не к тебе пришла! — улыбнулась Хадиша и ушла в комнату матери.

Когда я шагнул за ней, то вначале с яркого света в прихожей увидел только голубой экран телевизора. Присмотревшись, я разглядел маму. Она сидела за низким столиком, пила чай и смотрела, как двое здоровых парней в трусиках бьют друг друга по морде. Моя мама всегда любила бокс.

— Где это ты пропадаешь? — недовольным голосом спросила мама. Вообще-то она никогда не спрашивала меня, куда я хожу, и вот сейчас ради Хадиши спросила.

— А я квартиру Жаппасу выбил,— гордо ответил я.

— Жаппасу? — переспросила Хадиша, и я услышал, как дрогнул ее голос. Я посмотрел на нее, но она отвела глаза, и тут я вдруг вспомнил, что последние дни

Санька только и острит по моему адресу, что, мол, следи в оба, а то уплывет от тебя царевна-марьевна, и мне почему-то стало горько.

— Жаппас... Это который из Баян-Аула? — быстро спросила мать. Ее, как и многих других старых людей, всегда интересовало, откуда человек родом.

— Да. Он мой земляк, — ответила Хадиша. — Я его с самых малых лет знаю. Ну, апа, я пошла.

— Куда ж ты, доченька, в такую ночь? Лучше останься.

— Мне завтра рано на работу...

Мать встала и поцеловала Хадишу в щеку.

— Сынок, проводи девочку. Вызови такси...

Мы вышли на улицу. Автомашины ходили редко, и явственно чувствовался запах воды и каких-то ночных цветов. Далеко в степи горели звезды на копрах шахт. Они подавляли своей яркостью свет небесных звезд.

— Хадиша, прости меня, я тебя совсем забыл, — сказал я. — В эти дни я был как сумасшедший. Все что-то не ладилось. Но на той неделе обязательно свожу тебя в театр. Знаешь, приехала казахская опера.

— Так пойдем завтра, — обрадовалась Хадиша. Я замялся.

— Да завтра, знаешь, я еду в Караганду на совещание...

— Ах, знаю, с кем ты едешь! — воскликнула Хадиша и быстро вскочила в такси. Она захлопнула дверцу перед самым моим носом. Я долго смотрел на красный огонек такси, пока он не исчез за поворотом, и думал, что много, очень много изменилось за последние дни, может быть, больше, чем за всю мою предыдущую жизнь. В первый раз, когда Хадиша пришла к нам домой, она показалась мне воплощением мечты. Через месяц я уже был уверен, что нет девушки лучшей на свете, чем Хадиша. Я скучал без нее, искал постоянно ее общества. А сейчас...

Сейчас все по-другому...

Не успел я войти в прихожую, как мать кликнула меня к себе. Телевизор был выключен, и мама лежала на кровати. Серые волосы ее были повязаны беленьким платочком, и от этого темное маленькое лицо казалось совсем молодым. Произошел тот самый разговор, которого я и ожидал.

— Ты что же, сын, ждешь, пока я на тот свет не отправлюсь?

— Почему, мам, ты так думаешь?

— А почему тогда свадьбу не играешь?

— Рано...

— Все невесту себе ищешь! Доищешься... А Хадиша! Руки у нее золотые, скромная, вежливая. Да сейчас такая девушка — редкость, цены нет. Что тебе еще надо?

— Многого,— ответил я.— Надо еще, чтобы я любил ее.

Мать заплакала. Я погладил ее по голове, но она скинула мою руку. Тогда я ушел в свою комнату. Мне не хотелось обижать маму, но жениться на Хадише я, конечно, не собираюсь.

* * *

Совещание бригад коммунистического труда в Караганде кончилось в половине пятого вечера. Я первым вышел из зала и сразу увидел Ольгу. Она стояла направо от входа во Дворец шахтеров и читала маленькую книжку.

— Давно ждешь? — спросил я, взяв ее за руку.

— Порядочно. Ну, как дела? Наш завод не били?

— Немножко ударили. Выступил секретарь обкома комсомола и назвал мою фамилию в числе тех, кто не оправдал «возложенных обязанностей». Не зря меня послал сюда Антон Иванович...

— Ты думаешь, он знал? — насторожилась Ольга.

— Думаю...

— Едва ли. Впрочем, у старика бывают такие заскоки.

— И твой Айдарчик наверняка постарался.

— Почему мой? — машинально спросила Ольга и перевела разговор на другое.— Давно в ссоре. Раскусила я его...

Тут мы повернули за угол и увидели, что автобус на Булаттау уже завели. Из выхлопной трубы вырывался синий газ. Я взял Ольгу за руку, и мы побежали через площадь. Вслед нам засвистел милиционер, но мы вскочили в автобус, и он тут же тронулся.

Мест не было, и мы стояли, тесно прижавшись друг к другу. Я держался за ручку, а Ольга за меня. Ста-

ренький автобус грохотал, как пустая консервная банка, которую пинают по камням мальчишки. Разговаривать было невозможно. Мы молчали. Так прошел первый час пути, и тут меня осенило: «Ольга, давай слезем на Муздыбае! — крикнул я ей в самое ухо. — Там есть озеро и лодки, покатаемся».

Она сморщилась, потом засмеялась и кивнула головой. Я попросил водителя остановить автобус, и мы выскочили на теплый голубоватый асфальт. Шагах в десяти от нас начинался желтый от сухой травы холм Муздыбай.

Этот вечер навсегда останется в моей памяти. Я чувствовал губами и всем лицом его прохладное прикосновение. Мне хотелось обнять степь, прижаться к ней щекой, как к теплой руке матери, и застыть так. Я с любовью смотрел на темнеющее небо со светлой полоской у горизонта, на зубчатые горы, розоватые у вершин, на серое, как из лучшей стали, озеро, на город, горящий, как огромная иллюминация. Город и озеро сотворены руками наших отцов и нашими руками. А раньше здесь только свистел одинокий ветер да пушились мелкие одуванчики. Паслись кое-где редкие верблюды, стояли одинокие юрты. А сейчас? Смотрите, какое все-таки чудо!

С собой я взял приемник. Сейчас включил его и поймал Алма-Ату. Передавали концерт танцевальной музыки. Это я люблю. Всякие там румбы, фоксы по мне. Пританцовывая в такт музыке, мы подошли к лодочной станции. Старик с темными от смолы пальцами посмотрел на мой приемник и полушутя, полусерьезно проговорил:

— Смотри, парень, не увлекайся там на воде музыкой, а то черная рыба утащит под воду.

Я засмеялся и, оттолкнувшись от причала, изо всех сил стал выгребать подальше от берега, туда, где, по легенде, стрелой выбрасывается из воды черная рыба. Говорят, что ударом хвоста она может перевернуть любую лодку, и человек тонет, даже если он умеет плавать.

Лодка скользит по глубокой глади. Скользит бесшумно, и кругом тишина. Только вдали гудит мой город. Солнце, которое уже только наполовину видно из-за вершин Булаттау, окрасило дома в оранжевый цвет.

Огромные пятиэтажные дома дрожат в мареве и кажутся миражем. Они вдруг превращаются в сказочные дворцы с золотыми окнами.

На миг я позабыл все на свете. Мне показалось, что я плыл по морю несколько месяцев, и вот, наконец, из тьмы вырос прекрасный город. Я в восхищении рассматриваю его тонкие, как иглы, минареты, вонзающиеся в небо, слышу через призывный крик муэдзинов, как затарахтел арбакеш на вислоухом ишаке; пробежал по пустынной улице босоногий диванá с толстым посохом в руке, выкрикивая свое мистическое слово «хак!»

Ну, конечно же! Это великий город Шам, тысячелетний, древний и мудрый... Султан торопится по тесным кривым улочкам, обгоняя семенящих в парандже женщин, сгорбившегося старца с черной тюбетейкой на голове Кайрши. У старика дрожит протянутая рука. У него пересохли, потрескались губы, и он не может произнести привычное «ради аллаха!»

Открывают лавки толсторожие купцы. А я иду дальше и дальше. И вдруг узкий темный переулок выбрасывает меня на залитую солнцем базарную площадь.

Звеня узорными бубенчиками, проходит караван. Бахалши в разноцветных толстых халатах ведут под уздцы высокомерных верблюдов. Караван встречают высокие стражи с кривыми секирами в могучих руках.

У торгового ряда шумно. Бьют в громкие бубны, завывает длинная кернай, оповещающая весь базарный люд, что из Багдада прибыл известный купец.

Ух ты! Прямо из толпы, приплясывая, вышел факир. Темное лицо обманщика и гипнотизера спокойно и презрительно. Смотри, смотри! Из его рта выползает черная змейка с розовым дрожащим язычком. Ведь она может ужалить!

Я резко отпрянул и вдруг услышал плеск. Замечтавшись, я уронил в воду весло. Пришлось вернуться в реальность и доставать уплывшее весло другим. Хорошо, что мы были уже у берега. Пока я возился, в городе начали вспыхивать не яркие еще электрические огни.

— Ты на своей лодке, как шахмаран, плывущий по Красному морю... — сказала Ольга недовольно. Она, верно, почувствовала, как я от нее далеко.

— А ты как балерина в белом платье, — засмеявшись, сказал я и добавил: — Слушай, балерина, поедem на ост-

ров, он тут недалеко. Но Ольга молча покачала головой. Тогда я сложил весла и выпрыгнул на песок.

— Почему ты не хочешь? Ведь всегда мечтала побывать на острове,— я схватил девушку за талию и подтолкнул к лодке. Но она вырвалась из моих рук и сказала:

— Ты меня опять путаешь с кем-то. Я никогда с тобой не говорила об острове. Я не Пятница. Притом уже ночь. Сейчас на острове можно встретить жезтырнаков — так говорит твоя Хадиша.

— Опять ты за свое. Оставь ты Хадишу в покое! — крикнул я.— Ну, не хочешь на остров, давай посидим на берегу.

Мы сели на песок, который еще был теплый. Я взял ее за руку. Пальцы у нее были длинные и гибкие, как у скрипача. Ни за что не подумаешь, что Ольга инженер. Улыбнувшись, я шутливо сказал:

— А знаешь, где я сегодня побывал? В стране Шамел!

Я скорее почувствовал, чем увидел, как она встрепенулась.

— В Шаме? Значит, опять думал о своей Хадише,пусти меня, я пойду к автобусу.

Она была по-настоящему рассержена.

Я обхватил руками ее за плечи и прижался к губам. Честное слово, я первый раз целовал девчонку. И до сих пор еще не понимаю, как решился на это.

Она вырвалась и побежала.

— Теперь не убежишь от меня, Оленька! — закричал я, бросаясь за ней.

Несколько раз я почти настигал ее, но она круто сворачивала в сторону, и снова я оказывался позади. Наконец Ольга запнулась за какой-то корень и упала в траву. Я опустился рядом.

— Ольга, какая ты красивая! — с восхищением проговорил я.

Она молча взяла меня за руку и доверчиво прижалась к ней щекой. Потом мы перевернулись на спину и долго смотрели в небо.

Одна за другой вспыхивали звездочки. И с каждой новой звездой темнело небо, пока не стало густого синего цвета.

— Ольга, мне кажется, что сейчас, если загадать,сбудутся все наши мечты! — засмеялся я.

— Давай,— сказала она.— Загадывай...

— Загадал!

— Сбудется,— сказала Ольга так серьезно, будто это от нее зависело.

— А кого ты любишь?

— Есть такая девушка, красивая, умная...

— Брюнетка?

— Блондинка.

— Как ее зовут?

— Оля!

Оля засмеялась и встала. А я продолжал сидеть и вдруг почувствовал себя настоящим хозяином всей этой красоты. Я даже зажмурился и стал слушать, какая тишина. Только чуть слышно звенело в ушах. Сколько так продолжалось, не знаю. Я совсем забыл об Ольге и вздрогнул, когда она осторожно дотронулась до моего лба.

— Султан,— сказала она,— Султанчик, мы же пропустили последний автобус. Пойдем!

Когда мы приехали, Антона Ивановича дома не было. Он уехал в дом отдыха на ту сторону озера и обещал вернуться поздно.

Мы сидели, болтали, пили чай. Потом Ольга подошла к большому приемнику и покрутила ручку. Сначала хаотичный шум, какой-то треск, и вдруг тихая, удивительно нежная мелодия полилась из радиоприемника. Ольга сделала чуть погромче и, подойдя ко мне, села рядом. Мы долго молчали. Потом она взяла меня за руку.

А что же дальше? — думал я, прислушиваясь к музыке.— Все так и будет. Вы, Султан Омаров, будете ходить в незаслуженных героях, и все будут знать об этом и смеяться за спиной. В конце концов сам к себе потеряешь всякое уважение. Я подумал, что есть такая русская пословица — береги честь смолоду. Честь смолоду.

Я встал и сказал, что мне надо уходить. Мы вышли с Ольгой из дома и не успели завернуть за угол, как мимо нас проехал в своей «Волге» Антон Иванович.

— Вернемся? — сказала Ольга.— Еще раз попьем с отцом чаю.

— Нет! Я тебе разве не сказал, что он меня вчера здорово пробрал...

— Железной теркой,— засмеялась Ольга.— Это он умеет... А за что?

— За Айдаргалиева. За то, что я недоволен его помощью...

— Помощь помощи рознь,— задумчиво проговорила Ольга.— Помнишь, после того разговора с тобой я ему так и сказала. Он ведь как что, сразу говорит, что за уши тянул тебя к славе.

— Вот я и хожу сейчас вислоухим ослом!

— Ну, по-моему, ты перегибаешь,— Ольга чуть заметно усмехнулась.

— Ты намекаешь на то, что мне твой отец предложил дать новый рекорд?

— Хотя бы!

— Хватит рекордов, работать надо,— зло сказал я.

— А рекорд не работа? Рекорд — это значит верх мастерства в работе,— убежденно сказала Ольга.— Хочешь, я тебе помогу? Весь цех поможет.

— Когда все помогают, это не рекорд.

Честно говоря, идея рекорда никогда не вылетала из моей головы, а сейчас что-то начало прорезаться в ней, словно забрезжил какой-то свет, далекий, туманный, но все-таки свет. Я говорил, Ольга слушала меня не перебивая. Только один раз сказала:

— Но время же подсократить невозможно. И вообще все можно обмануть, кроме времени.

— Нет, я все-таки схвачу время за гриву и взнуздаю его,— сказал важно,— оно будет служить мне!

Она покачала головой.

— Время — это категория, независимая от сознания человека.

— Эту категорию очень хорошо можно воплотить в сталь,— сказал я.

— Ну, попробуй.

— А ты мне помоги.

Весь этот разговор я запомнил до слова. И когда лег спать, несколько раз вспоминал его. Потом я думал, что вчера целовал Ольгу, и трогал губы. Мне казалось что на них еще вкус ее губ. Так я и заснул с прижатой к губам рукой.

Проснулся я с неожиданным и непонятным ощущением счастья. Мне казалось, что ночью, пока я спал, что-то очень хорошее произошло со мной. Я сел на

кровати, поджав под себя ноги, и вдруг ясная и простая мысль мелькнула у меня в голове. Я даже зажмурился, боясь, что она исчезнет и не вернется больше. Но мысль уже пришла, четкая, ясная, простая. Я владел ею. «Боже мой, как же просто и понятно! Почему я раньше не додумался до этого? Нет, не может быть,— опять подумал я через минуту,— тут что-то не так. Ладно, пойду в цех, поговорю с ребятами. Сейчас уже можно рассказать».

Я вскочил и начал быстро одеваться. Но прежде чем выйти из дома, я набрал номер телефона Антона Ивановича. Но послышались короткие резкие гудки. Через минуту я позвонил еще раз, и опять телефон был занят. «Ладно,— подумал я.— Увидимся на заводе».

4

Нельзя сказать, что наш завод занимает такое уж заметное место во всей республиканской системе черной металлургии. Хотя я его и очень люблю, но только в детстве он мне казался самым большим заводом в мире. Теперь я знаю, что это средней величины предприятие, таких в нашей стране много. Если его сравнить с домнами, построенными в нашем городе в последние годы, то это как рыбачий баркас рядом с межконтинентальным лайнером.

И все-таки я не только люблю свой завод, но и горжусь им. Во многих знаменитых стройках есть и моя доля труда. Ведь сталь, сваренная моими руками, идет на арматурные приспособления, которые отливают в нашем прокатном цехе.

Я в общем-то еще очень молодой парень и, может, не совсем верно понимаю положение вещей, но мне кажется, что отличная работа зависит от того, что директор наш руководит не один год. Не верю я, что дело пойдет там, где директора меняются как перчатки. Я подумал, что большое сердце Антона Ивановича — плохой показатель для нашего завода. Уже кое-кто начал говорить, что директор скоро уйдет на пенсию, а на его место пришлют нового, молодого и здорового. Может быть, даже директором будет Айдаргалиев.

У меня сразу испортилось настроение. А когда у ме-

ня плохое настроение, в голову приходят всякие ненужные мысли.

В кабинет директора меня не пустили. Когда я спросил секретаршу, в чем дело, она ответила, что у него комиссия из совнархоза.

Во дворе я встретил Олю. Она торопилась к отцу, и мы даже не успели перекинуться парой слов. Я только посмотрел, как она торопливо идет по заводскому двору в синем халатике и ветер треплет ее белокурые волосы, выбившиеся из-под косынки.

Всю смену я себя чувствовал беспокойно. Почему комиссия появилась у нас неожиданно? Раньше тоже приезжали ревизоры. Но то была понятная и привычная ежегодная проверка. А тут неожиданно, внезапно, как будто старались поймать на месте преступления. Не очень-то, наверное, приятно Антону Ивановичу. Ведь он же здесь не случайный человек. Старик, наверное, сильно расстроился. После стольких лет работы — недоверие. Это кого хочешь расстроит.

Я не ошибся. Потом мне Оля рассказывала, что Антон Иванович звонил секретарю горкома:

— Завод — мой дом, моя жизнь, моя кровь, — сказал он. — На заводе я живу. И вдруг меня проверяют, как последнего вора. Прикатили внезапно. Это очень тяжело и оскорбительно!

Секретарь успокаивал его и сказал, что были сигналы о приписках, а раз такой сигнал есть, значит, совнархоз обязан его проверить.

После разговора с секретарем Антону Ивановичу внезапно стало плохо. Оля отвезла его домой, и всю дорогу Антон Иванович молчал и только гладил сердце.

Я чувствовал, что мимо меня совнархозовская комиссия тоже не пройдет. И не ошибся. На второй день мне передали, что вызывают для беседы.

— Ну, что ж, — спокойно сказал я. — Побеседуем...

Комиссия сделала своей штаб-квартирой кабинет секретаря парткома на втором этаже. Это была большая комната, в которой стояло два стола, накрытых красным сукном. На стене висел портрет Ленина. На переднем столе лежали кипы подшивок различных газет, валялись в беспорядке зачитанные журналы. Худой человек с оттопыренными ушами перелистывал нашу городскую газету. Когда я вошел, он поднял голову, и я

узнал Хисаныча. Он отвел глаза и поздоровался очень ласково и даже заискивающе.

— Вас тоже комиссия вызвала? — спросил я.

— Да нет, нет... Я зашел случайно. Одну статейку ищу. Советы врача. Понимаешь, печень...

— Понимаю,— сказал я.— Печень — это скучно.

За столом секретаря сидел человек среднего роста, плотный и в очках с модной роговой оправой. Она не шла к его маленькому румяному лицу. Второй, высокий и худой, стоял у окна, курил и слегка барабанил по стеклу. Не люблю людей, которые барабанят пальцами по стеклу. От его мелкой дробы мне стало скучно.

— Товарищ Омаров? — спросил сидящий за столом.— Пожалуйста, садитесь.

Подошел второй и сел рядом с очкастым. Он сразу же начал барабанить по доске стола. Лицо у него было молодое, но смотрел он на меня зло и недоброжелательно.

— Кажется, о вас писали в газетах? — добродушным голосом начал мужчина в очках.— Писали, что вы новатор, передовик.

Я кивнул.

— Вы дали 180 процентов за смену,— скривив губы, сказал тощий парень.

Мне почему-то все время хотелось спросить, играет ли он в волейбол. С таким ростом можно было стать отличным нападающим. Но я ничего не спросил, а только ответил, что да, действительно, был такой случай.

— Это правда? — резко спросил тощий, и я представил себе, как он гасит мяч. Неплохо бы, наверное, получилось.

— Если писали в газете, выходит, что правда,— отрезал я.

— Да вы не волнуйтесь,— ласково сказал мужчина в очках и улыбнулся.— Мы верим, что вы хороший сталевар. Просто нам надо узнать, как вы добились такого высокого результата.

— А вы приходите в цех, покажу,— улыбнулся я ему в ответ.

— Вот как? — опять усмехнулся тощий.— А хотите напрямик? Мы знаем, что вы никогда не давали 180 процентов. Это вам приписали. И мы хотим услышать от вас честное признание до проверки документов.

— Нет, вы проверяйте,— сказал я. В моей голове молниями метались мысли. Я лихорадочно думал, как мне поступить. Сказать, что да, действительно я никакого подвига не совершал, значит поставить под удар Антона Ивановича. Но скрывать было уже нечего.— Вы проверяйте, пожалуйста,— повторил я.

Наступило молчание.

— Да,— сказал я.— Да! Рекорд я дал с помощью товарищей.

— Что значит «с помощью?» Как это? — обрадовался тощий.— Значит, вам приписали чужие цифры?

— Приписки не было! Была товарищеская взаимовыручка! — опять отрезал я.

— Ну, и во имя чего же выручали вас товарищи? — забарабанил пальцами по столу лысый.

«Рано барабанишь, барабанщик»,— подумал и сказал:

— Об этом нетрудно догадаться.

— Чтобы на хорошем примере подтянуть отстающих и поднять производительность труда,— не то осуждая, не то защищая меня, проговорил очкастый. Он почеркал что-то у себя в блокноте и, сняв очки, взглянул на меня неожиданно добрыми, теплыми глазами и сказал:

— Вы можете идти, мы разберемся сами.

Я молча поднялся и пошел к двери. Хватит устраивать тут суд надо мной. Я сказал все, как было, и их дело поверить мне или нет, но я никогда не был подсудимым и не буду им. У двери меня догнал очкастый. Он осторожно и доброжелательно взял меня за локоть и негромко сказал:

— Вы, товарищ Омаров, зря кипятитесь. Наш долг...

— Ну и выполняйте его, если это долг,— проговорил я и вышел из кабинета.

На улице было жарко. Деревья застыли, как часовые. Закрылись чашечки цветов. В воздухе стояло такое спокойствие, что мне подумалось: все, что только что происходило в парткабинете, плохой сон. Я резко повернулся и пошел к особняку директора. Мне надо было посоветоваться с Ольгой.

Асфальт проминался под моими каблуками. Я так задумался, что и не заметил, как перешел на солнечную сторону улицы. Здесь почти никого не было. Все

старались спрятаться в тень. Я не мог поверить, что члены комиссии серьезно думают, будто бы Антон Иванович приказал приписать мне лишние тонны стали. Просто весь цех мне тогда помогал.

В этом, наверное, и заключается вся ошибка. Не надо было мою бригаду ставить в исключительные условия. Сейчас я это уже понимал очень ясно.

Небольшой белый домик, в котором жил Антон Иванович, все в городе звали «особняк». Неизвестно, кто и когда дал ему такое название, хотя сам домик, окруженный крошечным палисадником, меньше всего походил на особняк. Сколько я помнил себя, стоит этот дом и, странное дело, совсем не меняется. Как будто в этом переулке остановилось время. И только тополя, за которыми сейчас прячется домик вместе с крышей, говорят, что время все-таки идет. Эти тополя лет десять назад посадили мы с Ольгой.

С непонятной радостью я толкнул легкую калитку. Прошел по выложенной белыми камнями дорожке (тоже наша работа!) через садик и вошел в настежь распахнутую дверь.

На секунду задержался у большого зеркала, чтобы взглянуть на себя, и в это время услышал приглушенный разговор в комнате Антона Ивановича. Сначала кто-то бубнил неразборчиво и торопливо. Потом раздался сердитый голос Антона Ивановича:

— Уходите! Никакой иной должности я вам не дам!

Послышались шаги, и кто-то приоткрыл дверь. Потом остановился, и я услышал:

— Вы же умный человек, а так глупите. Потерять дочь легко, а вот потом найти...

Я узнал голос Хисаныча и вздрогнул. Первым моим движением было уйти, но я остался.

— Она никогда не уйдет от меня,— проговорил Антон Иванович.

— И простит вам, что вы ее всю жизнь обманывали!

«О чем это он?» — подумал я и резко толкнул дверь. Первым, кого я увидел, был Антон Иванович. Он лежал, откинувшись на подушке, и на его бледном, даже на белой материи, лице, казалось, живут только одни глаза. Может быть, мне почудилось, но я увидел в них слезы. Антон Иванович улыбнулся мне и закрыл лицо рукой.

Повернув голову, я увидел Хисаныча, отступившего от кровати. Я усмехнулся и отошел от двери. Он что-то хотел сказать, но только кашлянул и, сгорбившись, шмыгнул мимо меня. Я почувствовал запах водочного перегара.

Антон Иванович махнул мне рукой, чтобы я подошел ближе.

— Что-то худо мне, брат,— прошептал он, и я испугался, увидев, какие серые у него губы.

— Сегодня второй раз, совсем расклеился,— он попытался улыбнуться.

Я взял с тумбочки пузырек, достал из коробочки кусочек сахара и накапал валидола. Антон Иванович чуть заметно кивнул мне. Я сел и, стараясь говорить спокойно, сказал:

— А вы бы, Антон Иванович, махнули бы на юг.

— Хотел я... да видишь, что тут происходит.

Минут через десять Антон Иванович почувствовал себя лучше. Он лег на подушке повыше и стал спрашивать меня про комиссию.

— Ну, что ж, комиссия есть комиссия,— сказал я.— В основном ищут приписки, очковтирательство.

Антон Иванович слабо улыбнулся.

— Не там они ищут,— он помолчал, потом добавил:— Ты же не отрицал, что тебе помогали?

— Нет.

— И Стаханову помогали, и Мамаю. Это же принято было.

Мне очень хотелось сказать, что именно было, и я бы сказал, но Антон Иванович опять устало прикрыл глаза, и я промолчал.

— Интересно, кому же надо тут мутить воду? — задумчиво спросил он.

Вдруг мне что-то пришло в голову, и я спросил:

— Не тот ли, который только сейчас ушел? — на-мекнул я.

— Нет,— голос Антона Ивановича неожиданно окреп.— Он мелкая сошка. Его просто могут подобрать и использовать другие.

«Тогда Айдаргалиев,— подумал я, но вслух не сказал.— А вообще-то почему бы и не Айдаргалиев? Чтобы скорее освободилось директорское кресло, решил подтолкнуть старика».

По ступенькам дробно застучали каблуки. Антон Иванович улыбнулся и сказал:

— Ольгунька бежит с завода...

В комнате сразу все изменилось, как будто зажгли огромную электрическую лампу. За одну минуту Ольга успела подложить Антону Ивановичу еще одну подушку, убрать с его тумбочки газеты и сказать, что читать ему не надо, а попозже она сама почитает, принести букет цветов и поставить их в большую хрустальную вазу и убежать в кухню.

Когда она ушла, мы еще немного поговорили с Антоном Ивановичем, а потом он закрыл глаза, и я тихо-неушко вышел.

Но на кухне от меня проку было мало. Я только мешал.

Наконец Ольге надоела моя «помощь», и она, засмеявшись, сказала:

— Плохой из тебя муж получится.

— Еще подучусь,— сказал я.— Мне не переучиваться, как некоторым...

Ольга замахнулась на меня поварешкой, но в это время в дверь постучали.

Вошли трое: главный инженер, высокий тучный человек, которого на заводе никто не замечал, Айдаргалиев и какой-то незнакомый человек из области. Они во что бы то ни стало хотели пройти к Антону Ивановичу. Им надо было решить вопрос с поставками. Ольга вежливо, но твердо отбила все их атаки.

— Никаких поставок, никаких заводов,— сурово сказала она.— У него и так два раза сегодня был приступ. Сами решайте все.

Главный инженер и представитель из области ушли, но Айдаргалиев остался. Он со смущенной улыбкой попросил:

— Можно, я посижу с вами, а то что-то скучно одному в пустой квартире.

Мы не включали электричество, и в комнате стояла голубая полутьма. Айдаргалиев шепотом начал рассказывать, как он сегодня отбивался от нападок совнархозовской комиссий.

— Ну и выжиги там,— усмехнулся он.— Особенно маленький в очках. Смотрит на тебя как на преступника. Но не на того напали! Я им...

Что-что, а говорить Айдаргалиев умел. Особенно если речь шла о его собственных заслугах. Дескать, и трудно, и сложно, но не придавайте этому большого значения, для меня и это чепуха!

— Бывают случаи,— рассказывал он,— когда нападают из-за угла. Да еще на одного несколько человек. Накинут мешок и завяжут тесным узлом. Попробуй освободись! Точно в таком положении оказался сегодня я сам... Я один, их трое. И у всех вот такие портфели с бумажками...

— И как вы отговорились? — спросила Ольга.

Мне вдруг показалось, что она очень устала сегодня. Мне захотелось подойти к ней, обнять ее за плечи и тихонько встряхнуть. Я так замечтался, что не услышал сначала, что ей ответил Айдаргалиев. До меня дошли только последние слова:

— Да не сомневайтесь вы, Ольга Антоновна!

Еще раньше, с год назад, я понял, что главное для моего начальника — собственное «я». И когда он начал выпячивать его, я не удивлялся, но сегодня Айдаргалиев старался особенно. Он наверняка рассчитывал, что Ольга передаст весь разговор отцу, и Антон Иванович узнает, как Айдаргалиев отстаивал честь завода.

— Но все-таки, Айдаргалиев, а как вы им доказали, что на заводе все благополучно? — настойчиво повторила Ольга голосом сухим и бесцветным. Она умела так говорить, как будто царапала иглой по стеклу.

Айдаргалиев отошел к окну. Закурил. Осветился огоньком папироски. И наконец решился.

— Да в общем-то очень просто,— вздохнул он.— Я сказал, что рекорд был, но его не стало. Товарищ рекордсмен зазнался. Не сумел удержаться на завоеванной высоте...

— Значит, все шишки на бедного Макара? — Ольга повернула лицо в мою сторону.

— А что было делать? — Айдаргалиев развел руками.— Сам виноват. Мы ему создали условия. Помогали, а он плюнул на все и топчется на месте. Но комиссия, комиссия, создатель, там один такой очкарик сидел, что, ей-богу, Ольга Антоновна, мне захотелось заехать ему по очкам.

— Ну и съездил бы,— сказал я сердито.— В жизни ведь не съездишь,

И я отвернулся от Айдаргалиева и стал смотреть на Ольгу. Она улыбнулась мне и хотела что-то сказать, но в это время Айдаргалиев опустился с ней рядом на табуретку. Она стояла, он сидел; положил ногу на ногу и, слегка покачиваясь, иронически смотрел на меня, потом проговорил:

— Ольга Антоновна, я хотел поговорить с вами наедине.

— Мешаю, значит? — спросил я и пошел к двери.

— Ольгунька! — вдруг услышали мы слабый голос Антона Ивановича из другой комнаты. — Ты меня сегодня кормить собираешься? Или голодом решила заморить?

Ольга встала и ушла в комнату отца. Через минуту она вышла оттуда и сказала Айдаргалиеву:

— Вам он велел подождать.

Все время, пока Антон Иванович ужинал, Айдаргалиев сидел как на иголках. Он несколько раз подходил к окну и смотрел в ночь. Потом ходил из угла в угол по ковру, сцепив пальцы за спиной. Наконец Ольга вынесла поднос с чайником и кивнула ему.

Айдаргалиев выпрямился, пригладил волосы и легкой походкой пошел в комнату больного. Мы с Ольгой молча смотрели ему вслед, потом посмотрели друг на друга и засмеялись.

— Я знаю, что ты думал, — сказала Ольга. — Ты думал: «Какой артист!»

— А я знаю, что ты думала, — сказал я. — Ты думала: «Какой интересный».

Ольга замотала головой и покраснела.

Мне вдруг вспомнился один случай. Я и старый сталевар Жакан, который сейчас уже на пенсии, сидели в кабинете Айдаргалиева. Он уламывал меня, чтобы я повторил свой рекорд. Наш разговор перебил звонок директора. Айдаргалиев моментально преобразился, залебезил, заюлил, завертелся, голос его стал сердечным, как будто только что не звенел в нем металл. Поговорили, сразу же куда-то побежал. Аксакал Жакан насмешливо посмотрел ему вслед и сказал:

— Этот далеко пойдет, если вовремя не остановят...

«И все-таки Айдаргалиев очень красивый», — с завистью подумал я, когда он вошел в комнату больного, и сказал:

— Если бы я был девушкой, то наверняка влюбился бы в него.

Ольга вдруг засмеялась, схватила меня за волосы и растрепала их. Осторожно, чтобы она не заметила, я поцеловал край ее платья. Она, наверное, догадалась, что я сделал, и прижала мою голову к своей груди. Честное слово, я не знаю, сколько прошло времени с того момента, но мне показалось очень долго, потом Ольга вдруг резко встала и точно так же, как перед этим Айдаргалиев, несколько раз прошла по комнате.

— Ты знаешь, Султан, кого я недавно видела? Твою Хадишу. Гордая она. Прошла, даже глазом не повела в мою сторону.

— Почему она моя? — воскликнул я чрезмерно горячо.

Ольга ничего не ответила, только усмехнулась, а мне стало стыдно, что я ответил как мальчишка, но делать было нечего, я нахмурился и отвернулся.

Из комнаты, задом, на цыпочках, вышел Айдаргалиев и помотал нам головой:

— Очень плох, — сказал он. — Все его раздражает. Я пошел.

— Пойдите, я открою вам дверь, — сказала Ольга и прошла за ним.

А мне вдруг стало почему-то очень, очень грустно.

5

На другой день я пошел к Жаппасу на дом. Я был зол как черт. Я как-то забыл сказать, что план переделки всей схемы работы мы сначала проверяли с Ольгой (она высчитывала все на логарифмической линейке), потом с бригадой на заводе. Как будто все получалось. Но опять подвел Жаппас. Все были в сборе, только он не пришел. Мне сказали, что он обиделся на карикатуры в стенгазете. Я тащу красного от гнева и смущения Жаппаса на аркане. Рядом стоит милиционер. От такой карикатуры, прямо сказать, можно полезть на стену, избить художника, поссориться насмерть со мной, но сорвать работу... И это после того, как ему дали квартиру! В общем, повторяю, я был зол как черт. Ну, подожди, думая я, сидя в автобусе, ох, погоди... Слез я на остано-

ке «Микрорайон», нашел дом Жаппаса и поднялся на четвертый этаж. За дверью его квартиры слышался звонкий женский смех. Я надавил кнопку. Смех сразу смолк.

Дверь открыл сам Жаппас. А в коридоре стояла Хадиша. Волосы она закрутила на макушке и от этого казалась выше и красивее. Она усмехнулась, увидев меня, и, не торопясь, прошла на кухню.

— Почему ты не вышел на работу?—чувствуя, как раздражение не дает мне взглянуть на Жаппаса, зло спросил я.

— Да... вот... квартиру приводил в порядок.— Жаппас с виноватым видом почесал затылок.

— Ты что ж, милый, думаешь, квартиру тебе дали, чтобы ты в ней сиднем сидел, когда все работают? Чтоб ты бездельничал? — слово «бездельничал» я проговорил по-русски, и оно прозвучало, как удар камчи.

— У Хадиши был выходной. Я и попросил ее убрать,— оправдывался Жаппас.

— Ты на Хадишу не сваливай. Эх, Жаппас, все для тебя стараются, а ты будто и не человек вовсе.— Я махнул рукой и сел на подоконник.

Из кухни вышла Хадиша. Она не торопясь подошла ко мне вплотную и, глядя прямо в глаза, проговорила:

— Тазша-бала нашел золотой дом. А ты, как даупери, хочешь его выжить. Но я колдунья, и берегись меня!

Она сказала это очень серьезно, и что-то в ее голосе поразило меня. Она никогда раньше не разговаривала со мной так.

— Это он тазша-бала? — спросил я.— Да он просто прогульщик...

— Султан,— она поглядела мне прямо в глаза.— Этот прогульщик — мой жених.

Я сразу замолчал и сник. Да не может быть! Вот это доигрался! Все упустил, ничего не заметил! Ай да парень! Да нет, это все розыгрыш, просто Хадиша хочет, чтобы я приревновал ее к Жаппасу, и я, взяв ее за руку, строго сказал:

— Нечего тебе здесь болтаться. Пойдем отсюда.

— А ну, отпусти,— жестко проговорил Жаппас, подходя.

Хадиша вырвала руку и отошла.

— Я люблю ее,— тихо проговорил Жаппас, надвигаясь.

гаясь на меня.— Ясно?

— Ясно,— ответил я.— Чего уж тут неясного...

Нет, все правда, все правда, все-все!

Вот и еще одна ушла от меня. Опять ты что-то сделал не так. Эх ты, недотепа! Я пробормотал что-то невнятное и вышел.

Поздно вечером, когда закончилась программа по телевизору, я услышал, как около нашего дома остановилась автомашина. Потом раздался звонок. Я открыл дверь и увидел шофера Антона Ивановича. Лицо его было мокрое, и я подумал, что он плачет. Шофер молча протянул мне записку. «С папой очень плохо. Немедленно приезжай. Ольга».

Я выскочил из дома, даже забыв накинуть плащ. Тяжелый холодный дождь барабанил по ветровому стеклу. Я почему-то вдруг вспомнил тощего представителя госконтроля.

Ольга сидела в гостиной, опустив голову, но не плакала. В комнате пахло камфорой и еще чем-то холодящим ноздри. Я молча сел рядом с ней и взял ее за плечи.

— Ты слышал, что произошло?— спросила она и вздрогнула.

— Нет.

— У папы инфаркт... Пришел тот тощий из госконтроля и сказал, что на заводе обнаружены приписки. Вот так...

— Я знаю о приписках,— сказал я.— Это моя дурная голова виновата...

Она вздохнула.

— Это Айдаргалиев виноват. Он подвел и себя, и тебя, и папу. И зачем это ему надо было?

— А может быть, это все-таки не приписка? Ведь сталь-то наш цех дал!— горячо заговорил я.

— Нет, приписка! Сейчас объяснили все,— сказала она.— Есть строгий приказ совнархоза — все выработки после двенадцати часов ночи в конце года начисляются на следующий год. А он приписал их тебе!— Ольга усмехнулась.— Понимаешь, перевыполнение плана, премия, слава, в его цехе выращены замечательные производственники. Боже, как он мне противен!— вдруг воскликнула она и сжала кулачки.

Мы с Ольгой дежурили у постели Антона Ивановича до утра. Через каждые полчаса из соседней комнаты,

где Ольга поставила ему раскладушку, приходил врач, на кухне расположилась сиделка.

Ольга тяжело молчала, уставившись в одну точку. Глаза были сухие, блестящие. Мне казалось, что она вообще не видит сейчас никого и ничего. Вдруг она тихо сказала:

— Вчера Айдаргалиев намекнул папе, что он знал о приписках...

— Ложь! — вполголоса воскликнул я. — Никогда я не поверю, что Антон Иванович... Никогда!

Ольга взяла мою руку, поднесла ее к щеке и тихо сказала:

— Спасибо тебе, Султан!

Утром, невыспавшиеся, мы пошли на смену.

Над озером клубились черные грозовые тучи. Дождь перестал, но в воздухе резко пахло сыростью.

И настроение у меня было под стать хмурому утру. Но когда я вошел в цех, то почувствовал, что плохое настроение улетучивается. Со мной всегда так бывает: стоит только начать работать, и я забываю обо всем. Цех для меня — как валидол для больного сердца Антона Ивановича.

Оглядываясь вокруг, я иду на свое рабочее место. Все здесь мне знакомо до последнего винтика. Вон высоко под потолком, отсюда кажется птицей в гнездышке, висит крановщица. Это Хадиша. Она машет мне рукой, и я тоже отвечаю ей. Потом она исчезает в кабине, и огромный ковш с кипящей сталью плавно движется вдоль цеха.

По винтовой лестнице я поднимаюсь на сварочную площадку. Теперь передо мной, вытянувшись в ряд, как солдаты, стоят мартеновские печи.

Подошли подручные — с виноватой улыбкой Жаппас, ухмыляющийся, наверное, опять с какой-нибудь новостью, Санька, молчаливый и сосредоточенный Есен. С блокнотом в руках поднялась на площадку Ольга.

— Ну, начинай!

— Ольга будет вести хронометраж! — сказал я. — Санька и Жаппас загружать печи! Есен управлять мульдой! У прибора — я. На-ча-ли!

Если говорить так, как пишут в газетах, то мирный бой за сталь шел непрерывно восемь часов. Все получалось как надо. Я метался от одной печи к другой. Кри-

чал на Жаппаса, который и так из кожи лез, чтобы за-
гладить свою вину, подбадривал Саньку, шутил с Есе-
ном. Мы закончили горячий ремонт печи и успели
выплавить сталь за смену — все это заняло меньше вре-
мени, чем положено. Так мы выиграли драгоценные ми-
нуты.

— Сорок пять минут уже в запасе! — закричала Оль-
га, размахивая часами.

Когда подбежал Айдаргалиев; мы уже заканчивали
разливку.

Яркое пламя озарило весь цех разноцветными бли-
ками. Ослепительно белый ручей стали бежал по желобу
и, разбрызгивая искры, разливался по ковшам.

Из всей работы я больше всего люблю момент раз-
ливки. Словно мы разливаем по черным ковшам солнце
и отсветы его озаряют наши лица.

Лейся, лейся, сталь — мой пот, моя кровь, мое сча-
стье! Завтра ты вернешься в наши дома телевизорами и
холодильниками, чайниками и кастрюлями.

Льется сталь — мой пот, моя кровь, мое счастье!
Завтра она повезет нас в Москву на «Ил-18».

Льется сталь — мой пот, моя кровь, мое счастье!
Завтра она будет беречь мой покой континентальной ра-
кетой, полетит спутником, понесет на себе к Луне че-
ловека.

Айдаргалиев раскрыл широко объятия и хотел меня
поцеловать, но я нагнул и поднял кочергу. Тогда на-
чальник цеха поцеловал ничего не ожидавшего Саньку.
И Санька вытер место поцелуя черным от сажи рукавом
брезентовой робы. А Айдаргалиев смеялся и говорил:

— Мы спасены, ребята! Мы теперь им всем докажем!

Наш рекорд привел многих в недоумение. Над нами
перестали подсмеиваться, приходили к нам в цех и смот-
рели на нашу работу. В таких случаях Санька говорил:

— Пожалуйста, учитесь. Мы с дорогой душой. У нас
секретов нет, мы же не капиталисты какие-нибудь...

В воскресенье вечером меня позвал к себе Антон
Иванович. Я надел новый костюм, темно-синий, модный,
белую рубашку, нейлоновый галстук и пошел к дирек-
тору.

Старик мой лежал на спине, и я бы не сказал, что
вид у него был жалкий. Даже наоборот. Он смотрел ве-
село и чуть насмешливо.

— Ну, спасибо тебе, парень,— негромко сказал он.— Я знал, что ты умеешь дорожить честью!

Антон Иванович прикрыл глаза и вздохнул.

— Да вы не волнуйтесь,— сказал я.

— Нет, нет... Я думаю, что человек всегда так — что посеет, то и пожнет. Я не считаю себя хорошим садовником. Я простой труженик, но мне приятно сознавать, что вот такие парни, как ты, работают на нашем заводе...

— Антон Иванович, может быть, поговорим потом, а то Ольга ругаться будет...

— Нет,— твердо сказал Антон Иванович.— Давай поговорим... Я в жизни сделал две ошибки. Первая моя ошибка — Ольга. Ты знаешь, что она мне не родная дочь?

И тут я вдруг, и сам не знаю как и почему, понял все. Так вот что значит тот разговор, пронеслось у меня в голове. Его намеки. Его появление у кровати больного: вот что все это значит.

— Хисаныч? — спросил я.

Раскрылась дверь, и вошла Ольга. За ней, ступая на цыпочках, появился Айдаргалиев. Он остановился в ногах и, улыбнувшись, слегка поклонился.

— Вот этот приятный молодой человек — моя вторая ошибка! — нахмурился Антон Иванович.— Я делал на него ставку. Думал, что он заменит меня, а он...

Антон Иванович закрыл глаза и болезненно сморщился. Ольга махнула нам рукой на дверь, и мы вышли.

Айдаргалиев, белый, заложив руки за спину, вышагивал из угла в угол. Он, наверное, хотел дожидаться Ольгу и поговорить с ней. Мне теперь это было не страшно. Я кивнул ему и вышел на улицу.

Стоял теплый вечер. С озера на город наплывал туман. Я пришел домой и застал Хисаныча. Он сидел на кушетке, зажав сигарету в руках, курил. Мама возилась на кухне.

— Вы что, меня ждете? — насмешливо спросил я.

— Тебя,— ласково ответил Хисаныч.— Есть разговор! Слушай, джигит, не сегодня-завтра директор отправится в лучший мир. Ольга останется одна. А я тебе давно хотел сказать, что Ольга — это...

Тут я спокойно взял его за шиворот, слегка приподнял и тряхнул. Потом вынес на лестницу, поставил на ступеньки и «ласково» сказал:

— Если ты, черт, шайтан, мухомор, не исчезнешь из нашего города, пеняй тогда на себя! Слышишь? А сейчас — бегом... — и я слегка шлепнул его ладонью по спине. Хисаныч вздрогнул, ожидая удара, потом скатился с лестницы.

Стало совсем темно, но звезд в туманном небе не было видно. Только у горизонта дрожала яркая белая точка. Она одна пробивала завесу тумана. «Что это за звезда? — никак не мог вспомнить я и вдруг засмеялся. — Это же зажгли электрическую звездочку на моей домне! Так вот что это была за звезда, самая яркая, самая светлая, путеводная звезда моей жизни...»

Что-то медленно опускалось мимо моего лица на землю. Я подставил ладонь и поймал лист тополя. Он был уже сухой и желтый.

«Вот и еще лето прошло, — подумал я. — Вот и еще на одно лето я стал старше».

СОДЕРЖАНИЕ

Наступило утро	7
Темиртау	181
Старше на одно лето	477

Шашкин Зейн.

ПУТЕВОДНАЯ ЗВЕЗДА.

[Романы и повесть. Пер. с казах.]

Алма-Ата, «Жазушы», 1966.

524 стр.

Редактор В. Новиков

Художник М. Палаткин

Худож. редактор Э. Полякова

Технич. редактор П. Вальчук

Корректоры: Н. Шерман,

Р. Островская

Сдано в производство 10/III-1966 г.
Издат. № 146. Подписано к печати
30/VII-1966 г. Бумага типогр. № 2,
84×108¹/₃₂=16,375 п. л.—27,51 усл. п. л.
(Уч.-изд. 28,21 л.) Тираж 100000 экз.
Цена 97 коп.

Полиграфкомбинат Главполиграф-
прома Госкомитета Совета Минист-
ров КазССР по печати. Зак. № 1033

97 коп. 00

